

Борис Магомедов

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
ПРОБЛЕМА ЭТНОСА

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
ПРОБЛЕМА ЭТНОСА

MONUMENTA STUDIA GOTHICA

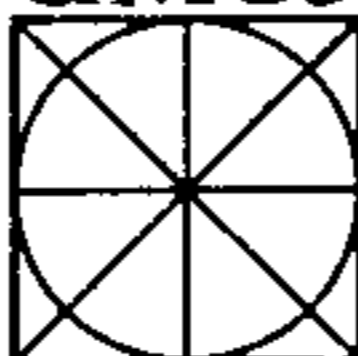
TOM I

Redakcja

Andrzej Kokowski

Katedra Archeologii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej

UMCS

WYDAWNICTWO

Борис Магомедов

**ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
ПРОБЛЕМА ЭТНОСА**

Lublin 2001

Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej

Opiniowała do druku
Prof. dr hab. Magdalena Mączyńska

Redakcja *Monumenta Studia Gothica*
Claus von Carnap Bornheim, Jørgen Ilkjær, Andrzej Kokowski

Projekt okładki i stron tytułowych
Jerzy Durakiewicz

Na okładce: naczynia z grobów kultury czarniachowskiej

Skład
ARCH-GOTHICA

Wydano bez redakcji stylistycznej i korekty
na podstawie wydruku dostarczonego przez Autora

Druk i oprawa: petit S.C., Lublin

ISBN 83-227-1762-8

WYDAWNICTWO UNIWERSYTETU MARIII CURIE-SKŁODOWSKIEJ
pl. Marii Curie-Skłodowskiej 5, 20-031 Lublin, tel. (0-81) 537-53-02, 537-53-04
Internet: <http://press.umcs.lublin.pl>

СОДЕРЖАНИЕ
INHALT

Введение	
Einführung	11
Историография	
Forschungsgeschichte	11
Территория черняховской культуры	
Verbreitungsgebiet der Černjachov-Kultur	17
Поселения и жилища	
Siedlungen und Siedlungsobjekte	19
1. Типы поселений	
Siedlungsformen	19
2. Типология домостроительства	
Hauskonstruktionstypen	21
3. География и генезис черняховского домостроительства	
Herkunft und Verbreitung von Haustypen der Černjachov-Kultur	22
Погребальный обряд	
Grabritus	25
1. Общая характеристика погребального обряда	
Charakter der Grabritus	25
2. Типология погребений	
Grabtypen	26
2.1. Ингумации	
Körperbestattungen	26
2.2. Кремации	
Brandgräber	27
3. Следы ритуальных действий	
Spuren von Grabritus	29
4. Погребальный инвентарь	
Grabbeigaben	30
5. Социальная стратификация погребений	
Socialstrukturdefirenzierung	31
6. Генезис погребального обряда черняховской культуры	
Genese der Grabsite der Černjachov-Kultur	33
6.1. Биритуализм	
Biritualismus	33
6.2. Кремации	
Kremation	34
6.3. Конструкция могильных ям в ингумациях	
Grabkonstruktion	35
6.4. Этно-культурные признаки в обряде ингумации	
Ethnische Merkmale der Inhumation	37
7. Географическое распределение культурно-этнических признаков	
Verbreitung der ethnischen Merkmalen	39
Вещевой комплекс	
Fundmaterial	45
1. Керамическая посуда местного изготовления	
Einheimische Gefässproduktion	45

1.1.	Типология Klassifikation	45
1.2.	Декор сосудов Gefäßverzierung	56
1.3.	Локальные особенности керамики Lokalen Merkmale der Keramik	58
1.4.	Проблема датировок керамики Chronologie der Keramik	59
1.5.	Особенности черняховского набора посуды Spezifische Merkmale der Keramikkomplexe der Černjachov-Kultur	59
1.6.	Генезис черняховского гончарного ремесла Herkunft der Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur	60
2.	Импортная посуда Importierte Gefäße	62
2.1.	Амфоры Amphoren	62
2.2.	Столовая керамическая посуда Luxuskeramik	63
2.3.	Металлическая посуда Metallgefäße	64
2.4.	Стеклянная посуда Glassgefäße	64
3.	Элементы костюма Trachtbestandteile	66
3.1.	Детали одежды Trachtelemente	66
3.2.	Украшения Schmuck	70
3.3.	Реконструкция черняховской одежды Trachtrekonstruktion der Černjachov-Kultur	75
4.	Оружие Waffen	77
5.	Бытовые и прочие предметы Geräte und Werkzeuge	83
5.1.	Универсальные орудия и предметы туалета Persönliche Geräte und Toilettbesteck	83
5.2.	Домашняя утварь Hauswerkzeuge	85
5.3.	Принадлежности для игр и прочее Spielzeuge und andere Gegenstände	86
Производство и торговля Wirtschaft und Handel		89
1.	Сельское хозяйство Landwirtschaft	89
1.1.	Земледелие Ackerbau	89
1.2.	Животноводство Tierzucht	92
2.	Металлургия и металлообработка Metallurgie und Metallproduktion	93
2.1.	Добыча и обработка черного металла Eisengewinnung und Eisenbearbeitung	93
2.2.	Обработка цветного металла Buntmetallbearbeitung	95
3.	Керамическое производство Keramikproduktion	96

4.	Косторезное производство Bein- und Knochenbearbeitung	101
5.	Каменотесное и другие производства Steinprodukte	102
6.	Торговля Handel	105
6.1.	Внутренняя торговля Innenhandel	105
6.2.	Экономические связи с античным миром Ökonomische Verbindungen zu antiken Städten	106
6.3.	Торговля с соседними племенами. Транзитная торговля Handel Nachbarstämmen und Transiwege	109
6.4.	Вопрос о денежном обращении Geldumlauf	110
Этнический состав населения черняховской культуры Ethnische Zusammensetzung der Černjachov-Kultur		113
1.	Антропологические данные Anthropologische Angaben	114
2.	Германцы Die Germanen	115
3.	Иранцы Die Iraner	120
4.	Славяне Die Slawen	124
5.	Фракийцы и другие этносы Die Traken und andere Stämme	129
Очерк истории населения черняховской культуры Geschichte der Černjachov-Kultur		133
1.	Обстановка в Юго-Восточной Европе накануне сложения черняховской культуры Vorčernjachovzeitliche Kulturen in Südosteuropa	133
2.	Формирование черняховской культуры. Скифские войны Herausbildung der Černjachov-Kultur. Skythische Kriege	134
3.	Стабилизация черняховской культуры (270-330 гг.) Stabilisierungszeit der Černjachov-Kultur (270-330)	140
4.	„Эра Германариха” (330-375 гг.) Hermanarichs Ära (330-375)	141
5.	Вторжение гуннов и финал черняховской культуры Hunneneinfall und Endphase der Černjachov-Kultur	143
6.	Наследие черняховской культуры Nachfolge der Černjachov-Kultur	148
Заключение Zusammenfassung		151
Литература		153
Die Černjachov-Kultur. Problem des Ethnos (Zusammenfassung)		181
Приложение 1. Список важнейших поселений черняховской культуры		195
Приложение 2. Список важнейших могильников черняховской культуры и вельбарской культуры (южный регион)		199
Приложение 3. Некоторые данные по важнейшим могильникам черняховской культуры и вельбарской культуры (южный регион)		201
Источники, использованные для иллюстраций		203

Uczonym w potrzebie – Den Gelehrten in Not Ученым, нуждающимся в помощи

Jedną z najpiękniejszych idei, jakie europejska kultura otrzymała w spadku po wielkich uczonych jest ta, która głosi potrzebę oraz obowiązek wspierania badań naukowych bez względu na pochodzenie, narodowość, wyznanie i rasę je prowadzącego. Wyznanie zasady „równej szansy” zawdzięczamy znakomitemu uczonemu niemieckiemu, Alexandrowi von Humboldtowi, w którego bogatej spuściźnie znajduje się między innymi 30 tomów zestawiających jego pionierskie odkrycia przyrodnicze, geograficzne, wyniki studiów historycznych i etnologicznych z podróży do Ameryki Południowej, cztery tomy opisu geografii fizycznej świata, tomy poświęcone geologii, klimatologii, analizom politycznym i ekonomicznym, jak również wydawane po jego śmierci tomy korespondencji¹. Już za swego życia uczony ten słynął z wielkiego mecenatu nauki, wspomagając finansowo i organizacyjnie wiele przedsięwzięć². Nie bez przyczyny został przez współczesny sobie naukowy świat okrzyknięty „Ojcem i obrońcą nauki”, honorowany był dziesiątkami najwyższych odznaczeń państwowych i członkostwami 150 towarzystw naukowych³.

Wielki Uczony zmarł 6 maja 1859 roku. Już 28 czerwca podjęto postanowienie o powołaniu Fundacji im. A. von Humboldta dla wspierania szeroko rozumianych nauk przyrodniczych i podróży naukowych (*Alexander von Humboldt-Stiftung für Naturforschung und Reisen*). Statut Fundacja uzyskała 19 grudnia 1860 roku. Wtedy też zdecydowano, iż zarządzać nią będzie Królewska-Pruska Akademia Nauk w Berlinie. Jako cel działania ustanowiono „szczególnie wyróżniające się talenty, jakie się objawić mogą, we wszystkich kierunkach w jakich swoją naukową działalność zaznaczył Alexander von Humboldt, a więc zwłaszcza nauki przyrodnicze i wielkie podróże badawcze zabezpieczyć wszelką pomocą”⁴.

To posłannictwo kontynuuje do dzisiaj Fundacja im. A. von Humboldta z siedzibą w Bonn, której wdzięcznym stypendystą jest również niżej podpisany.

Nicoceniona szansa prowadzenia badań naukowych na najwyższym poziomie jaką zawdzięczam Fundacji, nałożyła na mnie moralny obowiązek współrealizacji testamentu Wielkiego Uczonego. Już kilka lat temu, wraz z moimi znakomitymi uczonymi Przyjaciółmi – prof. dr Jorgenem Ilkjærem z Danii i prof. dr Clausem von Carnap-Bornheim z Niemiec zastanawialiśmy się nad sposobami pomocy naszym kolegom z krajów, których sytuacja ekonomiczna nie pozwala na pełne ekspozowanie naukowych dokonań. Doszliśmy wtedy do wniosku, że najlepszą formą będzie pomoc w publikacji na możliwie wysokim poziomie edytorskim najcenniejszych naszym zdaniem monografii z zakresu archeologii okresu rzymskiego. Gwarantuje to promocję naukowych dokonań ich autorów w możliwie szerokim kręgu odbiorców i szybkie wejście do obiegu naukowego. Uznaliśmy wtedy również, że umocowanie projektu przy Katedrze Archeologii Uniwersytetu M. Curie-Skłodowskiej w Lublinie da spodziewanie największe szanse naszym planom. Fundusze dla realizacji celu określiliśmy jako zależne od „sposobnych okoliczności”. Składają się na nie również nasze honoraria za wykłady okolicznościowe i datki sponsorskie. Dzisiaj oddajemy do rąk czytelników pierwszy tom z tej serii, który nie mógłby się ukazać bez wsparcia grantu Prorektora do Spraw Nauki i Współpracy z Zagranicą mojego Uniwersytetu.

Mamy wielką nadzieję kontynuować nasz zamiar niesienia tej formy naukowej pomocy – również w imię przyjaźni.

Die Europäische Kultur hat von den großen Gelehrten die Idee geerbt hat, die die Pflicht und das Gebot der Förderung wissenschaftlicher Forschung unabhängig von der Abstammung, Nationalität, der Religion und Rasse der Wissenschaftler verkündet. Den Grundsatz „gleicher Chancen“ geht auf den hervorragenden deutschen Wissenschaftler, Alexander von Humboldt, zurück. Seine wissenschaftliche Leistung umfasst u.a. 30 Bände aus dem Bereich der Naturkunde, der Geographie, die Ergebnisse seiner historischen und ethnologischen Forschungen aus der Südamerikareise, vier Bände der physischen Geographie der Welt, Bände aus dem Bereich der Geologie, Klimatologie aber auch politische und wirtschaftliche Schriften und Schriften aus dem Nachlass. Schon zu seinen Lebzeiten war dieser Gelehrte durch seine Förderung der Wissenschaft bekannt. Er förderte aus seinen eigenen Mitteln zahlreiche Forschungsprojekte. Nicht ohne Grund wurde er durch seine Zeitgenossen zum „Vater und Verfechter“ der Wissenschaft ausgerufen und mit zahlreichen Staatsauszeichnungen sowie Mitgliedschaften an wissenschaftlichen Vereinen geehrt.

Der große Gelehrte starb am 19. Dezember 1859. Bereits am 28. Juni desselben Jahres wurden die ersten Schritte zur Gründung der Alexander von Humboldt-Stiftung für Naturforschung und Reisen eingeleitet, die es sich zum Ziel setzte, die Naturwissenschaften in weitem Sinne und Forschungsreisen zu fördern. Gegründet wurde die Stiftung am 19. Dezember 1860. Damals wurde auch entschieden, dass die Stiftung von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften verwaltet wird. Das Ziel der Stiftung war es, „hervortretenden Talenten, wo sie sich finden mögen, in allen den Richtungen.

¹ D. Botting, *Alexander von Humboldt, Biographie eines grossen Forschungsreisenden*, München 1989, s. 393-396.

² D. Botting, *op. cit.*, s. 273 i n.; porównaj też list A. von Humboldta z marca 1857 roku, popierający projekt badawczy Fedora v. Jagor - U. Lakemeier, K.-J. Maaß (red.), *Alexander von Humboldt-Stiftung 1953-1993, 40 Jahre im Dienst von Wissenschaft und Forschung*, Bonn 1994, druga strona okładki.

³ D. Botting, *op. cit.*, s. 328-329.

⁴ U. Lakemeier, K.-J. Maaß (red.), *op. cit.*, s. 217.

in welchen Alexander von Humboldt seine wissenschaftliche Tätigkeit entfaltete, namentlich zu naturwissenschaftlichen Arbeiten und größeren Reisen, Unterstützung zu gewähren“.

Diese Botschaft wird bis heute von der A.v. Humboldt-Stiftung mit Sitz in Bonn fortgesetzt, zu deren Stipendiaten sich der unten Unterzeichnete rechnen darf.

Wegen der unschätzbaren Chance, wissenschaftlichen Forschungen auf höchstem Stand nachzugehen, die ich von der A.v. Humboldt-Stiftung bekam, verspüre ich die besondere moralische Pflicht, das Testament des großen Gelehrten mit zu verwirklichen. Vor einigen Jahren überlegten meine verehrten Wissenschaftler-Kollegen Prof. Dr. Jørgen Ilkjær aus Dänemark und Prof. Dr. Claus von Carnap-Bornheim aus Deutschland und ich, wie unseren Kollegen aus Ländern am effektivsten zu helfen wäre, in denen wegen der wirtschaftlichen Lage die Bekanntmachung der wissenschaftlichen Leistungen nicht möglich ist. Wir sind damals übereingekommen, dass die Hilfe bei der Veröffentlichung der nach unserer Auffassung wertvollsten Publikationen aus dem Bereich der Archäologie der römischen Kaiserzeit die effektivste Unterstützung darstelle würde. Dadurch ist die Förderung der wissenschaftlichen Leistungen ihrer Autoren bei möglichst weiten Abnehmerkreisen sowie der Anschluss an den wissenschaftlichen Kreislauf gewährleistet. Wir waren uns auch darüber einig, dass die Placierung dieses Projektes am Lehrstuhl für Archäologie der Maria-Curie-Skłodowska-Universität Lublin eine Chance für die Umsetzung unseres Vorhabens sein kann. Die für die Realisierung dieses Ziels erforderlichen finanziellen Mittel haben wir dabei als „je nach Bedarf“ bezeichnet. Diese finanziellen Mittel, die für dieses Projekt bestimmt sind, sind beispielsweise auch die Honorare für Vorträge und Beiträge von Sponsoren. Heute geben wir den Lesern den ersten Band von einer ganzen Serie im Rahmen des Forschungsprojektes. Diese Publikation hätte ohne Unterstützung des Prorektors für Forschung und internationale Kooperation der Maria-Curie-Skłodowska-Universität Lublin nicht erscheinen können.

Wir hoffen, dass wir die Idee der wissenschaftlichen Förderung und Unterstützung auch im Namen der Freundschaft werden weiter tragen können.

Идея поддержки научных исследований, не взирая на происхождение, национальность, вероисповедание и race ученого - одна из прекраснейших идей, которую европейская культура унаследовала от великих мыслителей. Принцип „равных шансе“ принадлежит замечательному немецкому ученому Александру фон Гумбольду, богатое научное наследие которого заключено в 30 томах, содержащих пионерские открытия в области естествознания, географии, результаты путешествий по Южной Америке - исследования по истории и этнологии этого континента, в 4 томах описания физической географии мира, в томах, посвященных геологии, климатологии, политическим и экономическим анализам, а также в нескольких томах изданной после смерти ученого переписки. Еще при жизни этот ученый был известен как великий меценат науки, оказывающий финансовую и организационную помощь многим научным начинаниям. Ученый мир назвал Александра Гумбольда „Отцом и Покровителем Науки“, он был награжден десятками самых высоких государственных наград, состоял членом в 150 ученых обществах

Великий Ученый умер 6 мая 1859 года. Уже 28 июня было принято решение о создании фонда им. А. фон Гумбольда. Цель создания этого фонда состояла в поддержке широко понимаемых естественных наук и научных путешествий. 19 декабря 1860 года Фонд получил статут. В это же время было принято решение, по которому управление фондом возлагалось на Королевскую Прусскую Академию Наук в Берлине. Было установлено, что цель деятельности фонда заключается в том, чтобы „особенно выдающиеся таланты, которые появятся могут, во всех тех направлениях, куда свою научную деятельность направлял Александр Гумбольд, особенно в естествознании и великих исследовательских путешествиях, обеспечить всякой помощью“.

Эту миссию до сегодняшнего дня несет Фонд им. А. фон Гумбольда в Бонн, благодарным стипендиатом которого был также ниже подписавшийся.

Бесценный шанс, полученный мною благодаря Фонду - вести научные исследования на самом высоком уровне - возлагает на меня моральную обязанность содействовать выполнению завещания Великого Ученого. Уже несколько лет назад вместе с моими знаменитыми учеными друзьями - проф. д-ром Йоргеном Илкьером из Дании и проф. д-ром Клаусом фон Карнап-Борнхеймом из Германии - мы задумывались над способами помощи нашим коллегам, живущим в странах, экономическое положение которых не дает возможности в полной степени обнародовать научные достижения. Тогда мы пришли к выводу, что лучшей формой помощи будет публикация на высоком издательском уровне ценнейших, по нашему мнению, монографий из области археологии римского периода. Это начинание станет гарантией научного промоушена достижений их авторов среди широкого круга адресатов, а тем самым их включения в научное обращение. Тогда же мы решили, что реализация этого проекта будет поручена Кафедре археологии Университета им. М. Кюри-Скłodовской в Люблине. Финансовые средства, служащие реализации этой цели, мы определили как зависящие от „благоприятных обстоятельств“. К ним относятся также наши гонорары за доклады и спонсорские пожертвования.

Сегодня мы предлагаем читателям первый том из этой серии, который бы никогда бы не вышел из печати, если бы не помощь в виде гранта Проректора по делам науки и заграничным связям Университета им. М. Кюри-Скłodовской.

Мы очень надеемся, что наше стремление нести эту форму научной помощи - также во имя дружбы, продолжится.

Prof. dr hab. Andrzej Kokowski

ВВЕДЕНИЕ

Einführung

Черняховская культура является одним из самых ярких явлений в истории Восточной Европы I тыс. н.э. вплоть до становления Древнерусского государства. По степени развития производства и ремесла, по уровню торговых связей создавшие ее племена мало отличались от наиболее передовых народов европейского Барбарикума, стоявших на пути создания собственной государственности.

В течение столетия изучения древностей черняховской культуры наиболее острые дискуссии вызывает вопрос о том, какой народ (или народы) являлся ее создателем и основным носителем. За это время получен огромный археологический материал. На территории Украины, Молдовы, Румынии и России открыто около 3,5 тыс. памятников, результативные раскопки проведены на 200 поселениях и 120 могильниках¹. В последние годы особенно активизировались аналитические исследования по обрядам и обычаям, хронологии, типологии вещей, экономике, экологии, антропологии и этническим связям этой культуры. Накопленная сумма знаний позволяет более обоснованно и объективно, чем ранее, подойти к решению этнических проблем населения Юго-Восточной Европы в позднеримское время. С благодарностью и уважением к трудам ушедших и современных исследователей, широко используя их достижения, в этой работе мы попытались выяснить этнический состав населения черняховской культуры в отдельных регионах и на всей территории ее распространения, а на этой основе по возможности реконструировать линии исторических судеб черняховских племен.

ИСТОРИОГРАФИЯ

FORSCHUNGSGESCHICHTE

Первые древности черняховской культуры были открыты для науки практически одновременно в разных странах. В 1899 и 1901 гг. в селе Ромашки, в 1900 г. в селе Черняхов Киевской губернии В.В. Хвойка произвел раскопки „погребальных полей”, второе из которых и дало название типу памятников [Хвойка 1901]. В 1898-1899 гг. польский археолог К. Гадачек раскопал поселение Неслухов в верховьях Западного Буга [Hadaczek 1900]. Вскоре, в 1903 г., И. Ковач исследовал в Трансильвании могильник Марошсентайна (современное румынское название - Сынтана де Муреш)² [Kovács 1912].

Мнения об этнической принадлежности населения, оставившего эти памятники, разделились. При этом играли роль не только научные позиции, но и национальные чувства исследователей. В.В. Хвойка [1901, 190] считал памятники зарубинецкого и черняховского типов двумя последовательными этапами в развитии культуры древних славян³. Этот взгляд разделили М.Ф. Беляшевский [1904, 1-2] и К. Гадачек [Hadaczek 1912, 32].

Немецкие археологи видели в черняховских древностях свидетельство пребывания в Поднепровье германских племен. П. Рейнке первый высказался о принадлежности Черняховского и Ромашковского могильников готам [Reinecke 1906]. Обоснованием этого было: сходство вещевого инвентаря черняховских и штифевисленских погребений; хронологическое совпадение существования могильников черняховского типа с историческим фактом перехода готов из Прибалтики в

¹ Учтены памятники, на которых открыто по меньшей мере одно жилище, или не менее 8-10 погребений (см. Приложения 1, 2, 3).

² В Румынии черняховскую культуру называют „культура Сынтана де Муреш”, в других странах - обычно „Сынтана-Черняхов”.

³ В историографии встречается мнение, что подобный взгляд раньше был высказан А.А. Спицыным [1899], однако в этой статье речь идет о европейских „полях погребальных урн” вообще [Абашина 1999].

Северное Причерноморье; отсутствие связи между памятниками черняховского типа и более ранним Зарубинецким могильником. Е. Блуме, а за ним Г. Коссинна и К. Дикулеску высказали предположение о принадлежности приднепровских могильников гепидам на основании сходства материалов с нижневисленской „гепидской” культурой [Blume 1912, 196-197; Kossinna 1919, 22; Diculescu 1922, 39-40].

Е. Бреннер среднеднепровские могильники, Марошсентанна, Николаевку (см. ниже) и материалы из северной части Балканского полуострова объединил в одну культуру, которую рассматривал как исходную для дальнейших этапов развития готской культуры 5-8 вв. в Центральной и Западной Европе [Brenner 1912, 262-268]. Ее влияние он прослеживал, главным образом, по находкам развитых форм двупластинчатых фибул и декорированных пряжек, прототипами которых признал пластинчатые фибулы и простые пряжки, обнаруженные в Черняхове и Марошсентанне. Керамика черняховского типа, по Е. Бреннеру, является результатом смешения причерноморских греческих и восточногерманских элементов.

Немецкий археолог М. Эберт исследовал в Нижнем Поднепровье могильник Городок Николаевка (Николаевка-Козацкое), где, кроме позднескифских погребений, обнаружили несколько черняховских комплексов. Этот памятник вместе со среднеднепровскими могильниками 3-4 вв. он включил в большую культурную группу, которая охватывала Правобережную Украину, Трансильванию и смежные районы Причерноморья [Ebert 1913, 86-90; 1921, 262-264; 1929, 111-114]. Появление группы свидетельствует о распространении здесь около 200 г. восточных германцев-готов, которые напали на местное население и владели этим краем до гуннского нашествия и упадка „державы Эрманариха”.

В межвоенный период среди немецких исследователей господствовало убеждение о принадлежности памятников черняховского типа исключительно готам или гепидам, при этом иногда трактовались в качестве германских и такие материалы, которые не имели к ним никакого отношения, например древности Левобережной Украины с 3 в. до н.э. [Tackenberg 1930]. В гитлеровской Германии работы по готской истории и археологии писались в официально-националистическом духе и служили идеологическим оружием для пропаганды завоевательной политики на востоке. Известны планы идеологов нацизма относительно переименования польского порта Гдыня в город Готенхафен, заселения Крыма, как бывшей Готии, немцами и, соответственно, переименования Симферополя в Готенбург, а Севастополя в Теодорихсхафен [Wolfram 1990, 14].

В. Антоневич в монографии, посвященной археологии Польши, причислил большинство памятников римского периода из Поднепровья и Вольни к готской культуре (Неслухов, Псары, Верхняя Липица), а чисто славянским районом назвал вольнское и днепровское Полесье [Antoniewicz 1928]. Готская культура, по этому автору, - конгломерат культурных приобретений разных племен и цивилизаций; готы составляли в обществе господствующую верхушку и организующую силу, различия между местными культурами стирались, поэтому трудно выделить памятники разных, в том числе славянских, племен [Antoniewicz 1934]. На близких позициях стояли и другие польские ученые - Ю. Костжевский, Л. Козловский [Kostrzewski 1934; Kozłowski 1939, 94-103]. Некоторые польские археологи поддерживали тезис о славянской принадлежности черняховской культуры, не привлекая археологических доказательств. Т. Рейман при этом не отрицал возможности пребывания небольших групп чужого населения на территории славянских (пшеворской и черняховской) культур [Reyman 1936, 147-148].

М. Эберт и В. Антоневич в упомянутых выше работах положили основу полиэтническому взгляду на черняховское население. Фактически на той же точке зрения стоял Л. Нидерле, который отметил недостаточное обоснование В.В. Хвойкой принадлежности культуры полей погребений славянам и указал на слабые места германской теории. По его мнению, славянская культура подвергалась готскому влиянию; готская культура по сути возникла в причерноморских греческих колониях [Niederle 1931, 27-31]. Таким образом, еще до Второй мировой войны сложились основные взгляды на этническую окраску памятников черняховского типа.

В Украине в течение 20-30-х годов изучение черняховских древностей проводилось нерегулярно. В 1924 г. М.Я. Рудинский исследовал на Полтавщине у с. Кантемировка курганные погребения с черняховским инвентарем [Рудинський 1931]. П.И. Смолчев и С.С. Гамченко в 1926-1929 гг. исследовали крупный Масловский могильник; В.И. Козловская провела раскопки некрополей в Ромашках и Дедовщине [Петров 1964; Козловська 1930]. Некоторые работы были проведены в 1929 г. в зоне затопления ДнепрогЭС - на могильнике и поселении в Привольном [Кухаренко 1955]. В 20-х годах А.В. Добровольский изучал группу поселений на р. Ингулец [Добровольский 1950]. Памятники публиковались мало, этнические проблемы, связанные с древностями полей погребений, рассматривались в самых общих чертах.

В 1939-1940 гг. положение резко изменилось. В.П. Петров, тогда заведующий сектором славяно-русской археологии ИА АН УССР, возглавил работу по изучению памятников полей погребений. Работы были запланированы исключительно широко, включая разведки и раскопки

(в первую очередь поселений), разработку тем, связанных с их исторической интерпретацией, издание публикаций памятников [Брайчевский, Сымонович 1966]. Государственную поддержку этот проект получил, по-видимому, потому, что советское руководство начало понимать идеологическое значение археологии и посчитало необходимым ответить на пропагандистские атаки Германии, доказав славянство зарубинской и черняховской культур.

Первой задачей стало составление карты памятников полей погребений, к которой приступил С.В. Корпенко; начали изучаться старые музейные коллекции. В 1940-1941 гг. работала экспедиция для изучения памятников культуры полей погребений, которые разрушались водами Днепровского водохранилища (озеро им. Ленина): раскопки проводились в Никольском, Федоровке, Ново-Александровке [Брайчевская 1960]. Перед началом войны К.А. Раевский исследовал большую площадь поселения Киселово на окраине Одессы и определил его связь с черняховской культурой [Раевский 1955]. Эти работы были прерваны войной.

В послевоенное время „славянская концепция” черняховской культуры неофициально продолжала оставаться руководящей теорией в археологии ранних славян⁴. Этим в значительной степени объясняется то внимание, которое уделялось черняховским древностям на протяжении 40-60х годов. За 15-20 лет в Украине, Молдавии и Румынии были проведены огромные работы по исследованию поселений и могильников, результаты которых, как правило, вскоре публиковались (Ягнятин, Лепесовка, Косанов, Переяслав-Хмельницкий, Компанийцы, Лохвица, Черепин, Рипнев, Комаров, Гавриловка, Ранжевое, Малаешты, Будешты, Тыргшор, Спанцов и многие др.)⁵; издавались материалы старых раскопок (Черняхов, Ромашки, Маслово). Многие из этих работ вошли в сборники МИА №№ 82, 116 и 139. Круг введенных в научный оборот материалов расширился и за счет доступности музейных фондов Западной Украины и Молдавии, вошедших в СССР. В 50-60е годы были созданы первые монографические публикации и обобщения черняховских материалов в рамках региона или всей культуры [Федоров 1960с, 57-172; Баран 1961в; Брайчевский 1964; 1968, 31-74; Рикман 1967а; Винокур 1972]. Большое значение до сих пор имеет издание карты черняховских памятников Украины⁶ [Махно 1960]. Крупные исследования проводились и в Румынии [Diaconi 1965b; Mitrea, Preda 1966; Ioniță 1966; 1971].

В первое послевоенное время в публикациях советских археологов господствует „автохтонистский” взгляд на черняховскую культуру. Мнение о принадлежности черняховской культуры славянам-антам, высказанное М.И. Артамоновым и Б.А. Рыбаковым в период борьбы с фашистской идеологией [Артамонов 1940; 1950, 21; Рыбаков 1943], становится полуофициальной концепцией и поддерживается другими археологами [Брайчевский 1952; Третьяков 1953, 157-160]. В атмосфере сталинской исторической науки обнаруживать другие мнения было попросту опасно, тем более что „готы” и „германцы” в общественном сознании еще живо ассоциировались с немецко-фашистскими оккупантами. В эти же годы в „Советской археологии” выходит в свет статья А.А. Спицына, написанная им еще в 1930 г., где он развивал свои взгляды на „поля погребальных урн”, исключавшие их принадлежность готам [Спицын 1948].

Появлению более обоснованного взгляда на черняховский этнос способствовало открытие раннеславянских древностей пражско-корчакского и киевского типов, а также памятников „типа Дитиничей” (т.е. вельбарских по современной терминологии) [Кухаренко 1955в; Даниленко 1955; Смишко, Свишников 1961]. В эти же годы В.Д. Баран исследовал группу черняховских поселений в верховьях Днестра и Западного Буга и обнаружил в них общие черты со славянскими древностями раннесредневекового времени [Баран 1961а].

Обнаружение многокультурных памятников, синхронных черняховским, но принадлежащих славянам, а также присутствие германских и бесспорно славянских материалов в черняховских комплексах показало сложность культурно-исторической обстановки на юге Восточной Европы в позднеримское время. Расширение источниковедческой базы, а также смягчение в стране внутриполитической обстановки и начало „хрущевской оттепели” способствовали проявлению различных взглядов на процесс формирования древностей черняховского типа. При этом международные контакты археологов оставались ограниченными, а использование работ западных ученых поощрялось научной администрацией разве что как объект критики [Смишко 1961].

Появились работы, авторы которых высказывали мнения о полном преобладании германцев [Артамонов 1956] или, вслед за Ю.В. Кухаренко [1954], о многоступенчатости черняховского насе-

⁴ В предисловии к первому из трех „черняховских” сборников МИА она названа матерьяльной культурой „бесчисленных племен антов” (МИА, № 82:1960; отв. редактор Б.А. Рыбаков).

⁵ Ссылки на публикации поселений и могильников, приведенных здесь и далее по тексту, см. в алфавитных списках (Приложения 1 и 2).

⁶ Новая карта, отражающая современное состояние источников, готовится в Отделе славянской археологии ИА НАНУ.

⁷ Ю.В. Кухаренко, признавая в те годы местные корни черняховской культуры, подчеркивал в ней не только славянский, но и сарматский элемент [Кухаренко 1954].

ления⁸ [Тиханова 1957; Третьяков 1958, 25; Федоров 1960]. Размежевание взглядов советских археологов продемонстрировали совещания 1957 г. в Киеве [Голубева 1957] и, особенно, 1967 г. во Львове (доклады последнего опубликованы в сборнике „Проблемы изучения черняховской культуры”, КСИА 121, 1970).

В этот период большинство исследователей, особенно украинских, твердо стояло на автохтонистских позициях, признавая создателями и основными носителями черняховской культуры славян (М.Ю. Брайчевский, В.И. Довженок, Е.В. Махно, В.П. Петров, Э.А. Сымонович, М.Ю. Смишко). Во многом это объяснялось слабой изученностью древностей на территории Польши. Так, вольнские памятники, теперь признанные частью вельбарской культуры, связывали с пшеворской культурой, которая считалась безусловно славянской. Это приводило, с сегодняшней точки зрения, к парадоксам. Э.А. Сымонович на совещании 1957 г. сказал, что очаг возникновения черняховской культуры он видит на Волыни, где есть ранние памятники и где сильны влияния пшеворской (как тогда считали) культуры [Голубева 1957, 275]. На этом совещании мнение о готах, как создателях и основных носителях черняховской культуры, отстаивал один М.И. Артамонов [Голубева 1957, 276].

Эта гипотеза получила развитие на совещании 1967 г. в докладе Ю.В. Кухаренко, который обнаружил в памятниках „вольнской группы полей погребений” промежуточное звено между черняховской и „нижневисленской” (т.е. вельбарской) культурой [Кухаренко 1970]. Примерно ту же позицию заняла М.А. Тиханова [1970а]. Конкретные исследования черняховских материалов делали очевидной их генетическую связь с культурами Центральной Европы и синхронность историческим сведениям о готах в Восточной Европе [Никитина 1970; Черных, Барцева 1970; Щукин 1970а; Кропоткин 1970с]. К противникам автохтонизма примкнул Д.Т. Березовец, который не усматривал преемственности между черняховской и раннеславянскими культурами [Березовец 1970].

Часть археологов развивала полиэтническую теорию, признавая равный вклад в черняховскую культуру разных этносов [Третьяков 1970, 46-52]. Э.А. Рикман разделял мнение румынских коллег о значительном участии фракийского этнического элемента в сложении черняховских памятников Днестро-Дунайского региона [Рикман 1970а; Diacconi 1965]. Н.М. Кравченко пришла к выводу, что черняховский обряд сожжения имел зарубинецкую, пшеворскую и в какой-то мере гето-дакийскую основу [Кравченко 1970]. В.Д. Баран показал славянскую основу поселений Верхнеднестровского региона, отметив, что это не решает проблемы этнической принадлежности черняховской культуры в целом; значительную часть памятников трудно отнести к какой-нибудь этнической группе из-за отсутствия надежных критериев [Баран 1970]. Взгляд на черняховскую культуру как на разноэтничное образование, включившее славян, сармат, дакийцев и готов получил отражение в многотомной „Истории СССР” [Смирнов 1966].

Раскопки черняховских памятников продолжаются в 70-80е годы, но в 90е из-за нехватки средств их пришлось сократить. В этот отрезок времени углубляется исследования накопленных материалов. Вышло два сборника „Могильники черняховской культуры” (Москва 1979, 1988), несколько монографий [Рикман 1975; Баран 1981; Никитина 1985; 1995; 1996; Рафалович 1986; Магомедов 1987; Гей, Бажан 1997] и огромное количество статей. Проблемам этой культуры уделено большое внимание в коллективных монографиях „Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.” (Киев 1985), „Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период” (Киев 1990), „Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э.” (Москва 1993). По случаю 100-летия изучения культуры полей погребений в 1999 г. состоялись colloquium в Кишиневе и семинар в Киеве (изданы тезисы докладов „Сто років вивчення полів поховань на Україні”), к этой дате вышли тематические сборники и специальные выпуски журналов: „Сто лет черняховской культуре” Киев 1999; Археологія (Киев) 4:1999; *Stratum plus* - „Время «Че»” (Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса) 4:1999.

Заметно усилился интерес к черняховской проблематике среди зарубежных исследователей, в основном в связи с готской историей и вопросами европейской хронологии римского времени. Этой культуре были посвящены colloquia в Люблине и в Капуте под Берлином (материалы опубликованы: „Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej”, Lublin 1986; „Die Sîntana de Mureş-Černjachov-Kultur”, Bonn 1999), а также ряд докладов на конференциях по теме „Peregrinatio Gothica” (публикации под таким же названием: Łódź 1986, 1989; Oslo 1992). Статьи по черняховской культуре регулярно печатаются в сборнике „Studia Gothica” (Lublin 1996, 1998). Большая подборка черняховских экспонатов из разных регионов была представлена на выставке в Милапе, посвященной археологии и истории готов; каталог выставки, по сути, является коллективной монографией (*I Goti*, Milano 1994).

В настоящее время позиции большинства исследователей черняховской культуры в значительной мере сблизились. Неоднородность этнической структуры ее населения не оспаривается, что

⁸ Полиэтничность черняховской культуры признавалась в послевоенные годы и в немецкой литературе [Sturms 1953].

получило отражение в коллективных трудах украинских и российских археологов [Баран, Магомедов 1986, 97; Баран 1990, 200; Гей 1993, 162-163]. Однако при этом разноплемennость культуры понимается по-разному. Продолжаются дискуссии о преобладании среди черняховского населения германцев или славян, разные критерии берутся также для выделения в материалах культуры древностей сармат, поздних скифов, карпо-даков.

Мнения в основном сходятся относительно населения лишь двух регионов: верховьев Днестра и Западного Буга, где доминировали славяне, и Северного Причерноморья, где значительную часть населения составляло скифо-сарматское население. Лесостепная зона Украины, по мнению некоторых ученых, была заселена в большинстве славянами [Винокур 1989; 1997], или славянами и сарматами [Седов 1994, 233-282]. В.Д. Баран среди черняховских памятников этой территории связывает со славянами, кроме верхнеднепровской группы, памятники „типа Хлопкова-Боромли” на Левобережье Днепра (т.е. поселения с чертами киевской культуры), а с германцами - памятники с элементами вельбарской культуры [Баран 1996, 7; 1998, 172-182]. Примерно на таких же позициях стоят Д.Н. Козак и А.В. Гудкова [Козак 1994; Гудкова 1996].

Многие исследователи связывают черняховскую культуру прежде всего с народом готов, не отрицая причастности к ней и других этносов. Это часть российских и украинских археологов, включая автора настоящей работы [Щукин 1979в, 83; 1989, 212-213; Магомедов 1987а, 91-93; 1996; 1998; Magomedov 1998; Terpilovskij, Magomedov (in Druck)], а также практически все авторы из стран „дальнего зарубежья” [Godłowski 1979, 12; Bierbrauer 1980; 1994; Бірбрауер 1995; Kazanski 1991b; Kokowski 1995а, 98-102; Mączyńska 1996, 59-64]. Румынские коллеги при этом подчеркивают присутствие в „культуре Сынтана де Муреш” карпского или дакийского элемента [Diaconu 1964; Ioniță 1972, 98].

С проблемой этнического состава черняховской культуры связан ряд частных тем, которые имеют собственную историю развития. Это вопрос о хронологии культуры, о ее географическом членении, о формировании керамического комплекса, традиций домостроительства и погребального обряда. Историографии проблемы хронологии мы кратко коснемся ниже, на остальных более подробно остановимся в соответствующих разделах.

Вопрос хронологии черняховской культуры долгое время рассматривался в связи с вопросом ее этнического содержания. Предложенная В.В. Хвойкой датировка 2-5 вв. поддерживалась многими учеными и до сих пор имеет сторонников [Березовец 1963; Сымонович 1971в, 31; Винокур 1997, 51]. Попытка поднять верхнюю дату культуры до 7 века в основе своей объяснялась стремлением доказать ее связь с Киевской Русью [Махно 1949, 163; Брайчевский 1950; 1993, 34]. Наиболее аргументированно хронологию черняховской культуры начал с 60-х гг. разрабатывать М.Б. Щукин, основываясь не на длительности бытования отдельных вещей, а на их взаимовстречаемости в комплексах [Щукин 1967; 1968; 1970а; 1979а]. Большое значение для уточнения черняховской хронологии имели разработки типологии фибул, гребней, амфор, стекла и других импортов [Амброз 1966; Шелов 1978; Кропоткин 1970в; Никитина 1969].

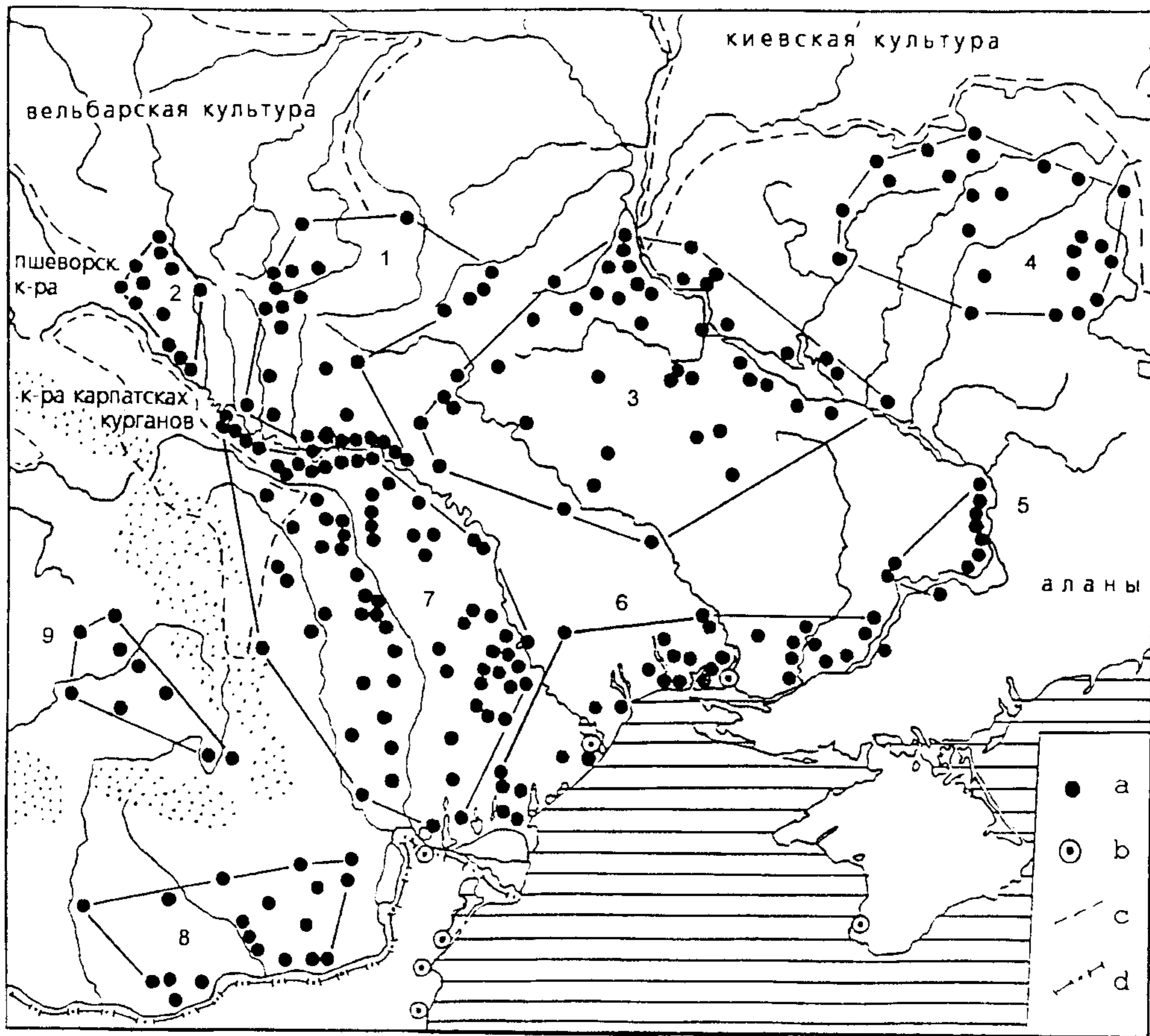
Сейчас большинство археологов датируют черняховские памятники приблизительно между 230 и 410/430 гг. Исследователи, опираясь на европейскую систему хронологии Эггера-Годловского [Eggers 1955; Godłowski 1970], разрабатывают относительную и абсолютную хронологию отдельных могильников, регионов и культуры в целом [Щукин, Щербакова 1986; Tejral 1987; 1997; Ioniță 1986; Kazanski, Legoux 1988; Гороховский 1988а; Harhoiu 1990; 1992; Магомедов 1991в; 1997в; Шаров 1992; Бажан, Гей 1992; Гей, Бажан 1997; Niculescu 1993; Kokowski 1995а; Гудкова 1997].

Рис. 1. ☞☞☞

Распространение памятников черняховской культуры и ареалы соседних культур. Цифрами обозначены регионы черняховской культуры: 1 - Западная Украина, 2 - Верхний Днестр, 3 - Центральная Украина, 4 - Восточная Украина, 5 - Нижний Днепр, 6 - Северное Причерноморье, 7 - Молдова, 8 - Мунтения, 9 - Трансильвания.

а - важнейшие черняховские памятники, б - античные города, с - границы ареалов культур, d - граница Римской империи в 4 в.

Verbreitung der Černjachov- und der Nachbarkulturen. Die Nummer entsprechen den Regionen innerhalb der Černjachov-Kultur: 1 - Westukraine, 2 - oberes Dnjestrgebiet, 3 - Zentralukraine, 4 - Ostukraine, 5 - niederes Dneprgebiet, 6 - nördliche Schwarzmeerküste, 7 - Moldova, 8 - Muntenia, 9 - Transilwanien. а - wichtigste Fundstellen der Černjachov-Kultur, б - antike Städte, с - Kulturgrenzen, d - Grenze des Römischen Reiches im 4. Jhd.

ТЕРРИТОРИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

TERITORIUM DER ČERNJASNOV-KULTUR

На пространстве юго-восточной Европы по раскопкам и разведкам известно около 3,5 тыс. археологических памятников, которые мы относим к одной культуре - черняховской или Сынтана де Муреш. Несмотря на значительное разнообразие этих памятников, существуют критерии, позволяющие отличать их от древностей других культур. Такими критериями не являются определенные типы жилищ или погребений. К черняховской культуре мы относим поселения, где найдены и только углубленные жи-лища (регион верховьев Днестра-Западного Буга), и только наземные каркасные или только каменные постройки (Северное Причерноморье). Известны могильники с захоронениями исключительно по обряду сожжения или же трупоположения; эти погребения подразделяются на много типов и вариантов. Керамические комплексы поселений могут практически полностью состоять из гончарной посуды местного изготовления, а также включать до 60% лепной керамики (Демьянов, Черепин) или более половины амфор (Каменка-Анчекрак, Александровка).

Такое разнообразие домостроения и погребального обряда вызвало достаточно обоснованное стремление выделить памятники Северного Причерноморья в самостоятельную „кисловскую культуру” [Щукин 1979, 71] или рассматривать черняховскую культуру как „протоцивилизацию”, включающую несколько моноэтнических археологических культур [Приходнюк 1994, 65-67]. С другой стороны, М.Ю. Брайчевский зачисляет в черняховскую общность памятники пшеворской культуры и культуры карпатских курганов [Брайчевский 1964, 5, 19]. Однако попытки изменить принятые рамки черняховского ареала не получили поддержки в среде археологов.

Существует главный признак, который позволяет объединить несхожие по внешним показателям и, возможно, разнотипные памятники в единое целое. Этим признаком является гончарная керамика „черняховского типа” с ее качественными характеристиками и особыми - ей присущими, формами (трехручные вазы, биконические кувшины, орнаментированные кубки). Конечно, имеет значение и процентное соотношение лепной и гончарной посуды, т.к. последняя встречается не только на черняховских памятниках. В отдельных комплексах поселений киевской культуры ее содержание достигает 30-40%: Глеваха, Тазово, Букреевка 2, Родной Край 3 [Терпиловский, Абашица 1992, 71]. Это вызвало попытки отнести такие памятники к черняховской культуре [Сымонович 1990, 97-100]. Черняховская посуда имеется и на многих вельбарских поселениях и могильниках Волыни (Баев, Дитиничи, Любомль, Деревянное и др.). Это вносит некоторую путаницу; например, известное „княжеское” погребение в Рудке [Кухаренко 1980, 83-86] разные авторы причисляют к той или другой культуре в зависимости от своих задач. Ранний слой Лепесовки относится к вельбарской культуре, но поздние объекты имеют определенно черняховский характер [Щукин 1989]. По-видимому, решающим для определения культурной принадлежности того или иного памятника является ответ на вопрос: кем изготовлена гончарная посуда - местным населением (в т.ч. соседним, родственным) или эта посуда для данного пункта была импортной? Конечно, прямо ответить на это не легко и исходить все-таки приходится из численного соотношения обеих категорий керамики. Нам представляется, что потребность в столовой (и, тем более, в кухонной) посуде может удовлетворяться за счет импорта не более, чем на 20-30%. Дальнейший рост ее потребления должен вызвать сначала появление инокультурного производства на местах („бродячие ремесленники”), а затем и местного производства (см. раз. „Керамическое производство”).

Для черняховских памятников специфичны, кроме керамики, и некоторые типы вещей, выработанные на основе центрально-европейских прототипов - гребни типа Томас III, определенные типы пряжек, подвязных и щитковых фибул. Многие типы предметов местного изготовления имеют более широкий ареал распространения, обычно охватывающий Центральную Европу. Единоеобразие массовых ремесленных изделий „черняховского типа” является продуктом цельной экономической системы, которая сформировалась на основе общего внутреннего рынка. Такой рынок может сложиться только при регулярном взаимодействии населения внутри политически единого общества.

Тем не менее, очевидны этнографические особенности отдельных регионов внутри массива черняховских памятников. Выделение таких регионов предпринималось исследователями в соответствии с их представлениями об этническом составе населения этих областей. Первая попытка такого рода была предпринята М.А. Тихановой, которая выделила пять „локальных вариантов”: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Вошьнь, Поднестровье, Молдова и Румыния [Тиханова 1957]. Локальные отличия она объясняла различными этническими основами местных вариантов культуры: это скифо-сарматские племена на востоке, гето-фракийские на западе, славянские на северо-западе (большого значения германскому компоненту исследовательница в те годы не придавала).

Полемизируя с М.А. Тихановой, Е.В. Махно на основной, центральной территории черняховской культуры размещала славян-антов; для этой „среднеднепровской” группы характерно полное преобладание гончарной керамики. Остальные группы, на памятниках которых много лепной посуды „соседствующих” культур, составляют инфильтрационное кольцо (периферийную полосу): вошьнская группа, днестровская, южностепная, Сеймо-Донецкая; памятники Причерноморья и Подунавья говорят о переселении части черняховцев в инокультурную среду [Махно 1970а; 1970в].

В.Д. Баран выделил в черняховской культуре три локальные группы. Ее основную территорию в лесостепной зоне Украины исследователь связал со славянами; в Северо-Западном Причерноморье проявляются скифо-сарматские элементы, в междуречье Днестра, Прута и Дуная - дако-гетские. Кроме того, на Вошьни и на территории всех трех групп В.Д. Баран отметил ряд памятников с вельбарскими (готскими) элементами [Баран 1981, 163-165].

Во многом это мнение разделяет О.М. Приходюк, который внутри черняховской „протоквилизации” выделяет моноэтнические культурные зоны: Верхнее и Среднее Поднестровье, Среднее Поднепровье и Западное Побужье (славяне), Молдова и Румыния (гето-лаки), Нижнее Поднепровье (варваризованные эллины, сарматы, скифы), Вошьнь и Южное Побужье (готы) [Приходюк 1991; 1994, 65-67].

Мы также попытались выделить внутри массива черняховских памятников отдельные регионы с общими особенностями в домостроении, погребальном обряде, типах керамики (рис. 1). На этих особенностях и причинах их возникновения мы будем останавливаться в соответствующих разделах, пока же ограничимся описанием географических рамок регионов. Их названия иногда носят для краткости достаточно условный характер.

В регион *Западная Украина* входят памятники Западной Подольи и юга Вошьни, включая север Винницкой и Житомирскую область с черняховскими древностями „типа Пряжев” и „вошьнской группы полей погребений”.

Регион *Верхний Днестр* включает территорию „верхнеднепровской группы памятников” [Баран 1981]. К северу и западу от него располагаются памятники вельбарской и пшеворской культур, на правом берегу Днестра - культуры карпатских курганов.

Регион *Центральная Украина* охватывает Правобережную Украину до Западной Подольи. На Вошьни он соприкасается с юго-восточной областью вельбарской культуры. На востоке он включает памятники вдоль левого берега Днепра; на юге граничит с соседними регионами „Нижний Днепр” (область Порогов) и „Северное Причерноморье”.

Регион *Восточная Украина* включает все остальные памятники Левобережья, а также пункты, расположенные в Курской и Белгородской областях России. Северная граница черняховской культуры фиксируется здесь по линии между городами Нежин-Конотоп и далее - по левому берегу Сейма, а восточная - по линии Льгов-Белгород и далее - по реке Северский Донец [Сымонович 1964; Обломский 1996; Кропоткин, Обломский 1991, 76-77]. Соседние области заняты поселениями киевской культуры.

Регион *Нижний Днепр* включает небольшую область Днепровских порогов. Восточнее и южнее расстлана Приазовская степь, оставшаяся во владении кочевых племен.

Регион *Северное Причерноморье* занимает побережье между устьями Дуная и Днепра - область памятников „причерноморского типа” [Магомедов 1987а].

Регион *Молдова* включает территорию Республики Молдова и румынскую Молдову, а также часть Черновицкой области Украины.

Регион *Мунтения* (или Валахия) соответствует одноименной исторической области Румынии на левом берегу Дуная до р. Олт.

Регион *Трансильвания* (или Семиградье) отделен Карпатами от Мунтении и Молдовы и также расположен в соответствующей исторической области.

Таким образом, пространство расселения черняховских племен в пределах Украины соответствует зоне плодородных почв Лесостепи и Правобережной степи. Его северная граница не заходит в лесную зону с ее задровыми (песчаными) и болотистыми почвами. Южный ареал черняховской культуры ограничен Черным морем и Нижним Дунаем, включая Трансильванию в Карпатах. На протяжении истории культуры ее границы менялись, что будет показано ниже.

ПОСЕЛЕНИЯ SIEDLUNGEN

Среди известных на территории Украины 2700 черняховских памятников около 90% составляют поселения. Результативные раскопки проведены более чем на 150 поселениях Украины и смежных областей России. Кроме того, мы располагаем публикациями еще нескольких десятков памятников на территории Молдовы и Румынии. Исследованные поселения представлены на карте (рис. 2), их список с соответствующей литературой приведен в Приложении I.

1. Типы поселений

Выбор места поселения определяется родом основной деятельности его жителей - сельскохозяйственной, промысловой, торговой или военной.

Сельские поселения. Большинство сельских поселений расположено на низких берегах небольших речек и ручьев в местах, наиболее пригодных для земледелия. На крупных реках селища известны, как правило, в песудоходной части течения, т.е. в местах безопасных в отношении внезапного нападения противника. На Днепре это район Порогов, на Днестре - область верхнего и среднего течений.

Поселения располагаются обычно группами („гнездами“) до 10-14 пунктов. При детальном исследовании часто оказывается, что они имеют разные хронологические позиции, а групповая структура является следствием хозяйственного освоения местности в течение нескольких поколений жителей. Как правило, поселения вытянуты полосой вдоль берега и при ширине 100-200 м имеют длину от нескольких сот метров до двух км. Однако, как и в случае с гнездами поселений, большие селища могут иметь разновременные участки.

Наименьшие поселения представляли собой отдельную усадьбу, хутор. В других случаях усадьбы располагались в 1-2 ряда в нескольких десятках метров друг от друга. Более плотная застройка характерна для крупных поселений Верхнего и Среднего Поднепровья с углубленным домостроительством (например, Бакота [Винокур, Горішній 1994, рис. 44]).

Планировка усадеб различна. Рядом с углубленными жилищами находят зерновые ямы (Хлопков - рис. 3). Наземные постройки иногда стоят группой, которая включает жилище и хозяйственные строения (Лески, Будешты). В Причерноморье на поселениях с камешным домостроением рядовая усадьба состояла из постройки и загона для скота, обнесенного стеной. Соседние дворы соединялись общими стенами и составляли непрерывную структуру (рис. 11; 12). Большие отдельные усадьбы включали несколько построек, двор и загон (рис. 13).

Промысловые поселения. Редкие промысловые поселки привязаны к месторождениям полезных минералов. Группа черняховских памятников обнаружена рядом с кратером доисторического вулкана в окрестностях сел Луговое и Жорнище на р. Соб - притоке Южного Буга (Ильинский р-н, Винницкая обл.) [Хавлюк 1980]. Здесь найдены древние карьеры, в которых добывалась туфоподобная порода - материал для изготовления жерновов. Попутно разрабатывалась залежь железной руды, сосредоточенная в верхнем слое изверженных пород („шляпа“). На поселениях открыты постройки-мастерские, где найдены мельничные жернова в разной стадии готовности и производственный брак [Хавлюк 1985].

За пределами черняховского ареала известен сезонный промысловый поселок соледобытчиков: Геническая Горка на косе Арабатская Стрелка между Азовским морем и Сивапом [Магомедов, Кубишев 1994]. Он расположен вблизи соленого озера, которое является традиционным центром соледобычи. Небольшая возвышенность Геническая Горка была наиболее удобным местом поселения промысловиков, т.к. только здесь имеются источники пресной воды и хорошие пастбища. Подъемный материал показывает, что это место было обитаемо также в эпоху бронзы, скифо-сарматское и средневековое время. Жители поселка подвергались постоянной опасности со стороны кочевников, но рыночная стоимость соли оправдывала любой риск.

По-видимому, с добычей соли связан еще один пункт, расположенный в отрыве от основной черняховской территории - многослойный памятник Ивановка 10 в начале Кишбурнской косы у

Ягорльщкого залива [*Крыжицкий, Буйских, Отрешико 1990, 94-95*]. На соленых озерах Кинбурна еще в середине 20 в. местные жители добывали соль для засолки рыбы. Кроме того, коса до недавних времен была богата лесом, дичью и ценными сортами рыбы. Продукты промыслов отсюда удобно вывозить по Днепровскому лиману.

Иные промыслы и ремесла (металлургическое на базе болотных руд, кузнечное, гончарное, обработка оленьего рога) не требовали особого расположения и размещались на обычных сельских поселениях.

Городища. Как укрепленные городища можно определить три черняховских памятника: Башмачка вблизи Днепра, Александровка на Игульце, Городок на Южном Буге [*Смиленко 1992; Магомедов 1987, 29; 1987a*].

В Башмачке крепость имела размеры 40x60 м (рис. 14). На первом строительном этапе сооружены деревянные укрепления, которые затем сгорели. По мнению автора раскопок А.Т. Смиленко, это была двойная деревянная стена толщиной 1 м, засыпанная внутри землей. С напольной стороны был ров. В 24 м дальше мыс перерезан вторым ровом глубиной 2,2 м, шириной 4,5 м. На втором строительном этапе построена стена из гранитных камней. Она состояла из двух панцирей, как и в первом варианте, заполненных землей. Ширина 3 м, высота вдоль обрыва 0,8 м, с напольной стороны - 1,5 м. Верх, вероятно, был деревянный. Напольная часть стены разделена на клетки. Внутри крепости в центре стояла деревянная постройка без очага (возможно, общественного назначения). Остальные наземные и углубленные постройки располагались вблизи стен. Невдалеке имелось два могильника [*Смиленко 1979*].

Более крупное Александровское городище (190x190 м) защищалось подобными каменными стенами, ровом и эскарпом и, кроме того, круглыми башнями: одна диаметром 11 м, три по 5 м (рис. 15:II). Внутреннее пространство было плотно застроено рядами длинных (до 40-50 м) жилых домов. За пределами укреплений обнаружен могильник. Городище Городок, исследовано мало. Здесь на мысу размером 500x150 м прослежена каменная стена, ров, вал (рис. 15:I), а также остатки длинных каменных построек, датированных черняховской керамикой и амфорами типа Зеест 100. Нами исследовался связанный с городищем могильник; позже открыт второй могильник у юго-западного склона мыса [*Магомедов 1979b; Гребенников, Горбенко 1998*].

Городище Башмачка расположено на невысоком выступе над долиной ручья в трех км от Днепра. Александровка и Городок занимают высокие, удобные для обороны скальные мысы с крутыми склонами; оба расположены на судоходных реках. Разное географическое и топографическое положение городищ можно объяснить, исходя из причин их появления. Городище в Башмачке возникло рядом с большим поселением, по-видимому, как племенной центр. Два других, более поздние городища появляются как важные стратегические пункты на транспортных магистралях. Крепость Александровка была построена недалеко от древней переправы через Днепр, у дороги, соединявшей вдоль черноморского побережья Нижний Дунай и Таврику. Рядом во 2 в. н.э. находился римский кастеллум [*Буйских 1991, 87-89*]. Городище Городок лежало на пересечении водного и сухопутного путей. В 15-18 вв. здесь же существовала литовская, затем татарская крепость.

Несмотря на возможную разницу в причинах возникновения известных нам черняховских городищ, важно их стратегическое положение. Они стоят на юго-восточной границе черняховского ареала на пути „степного коридора“, по которому из Азии постоянно продвигались массы кочевников: в римское время различные сарматские племена, затем гунны. Очевидно, городища выполняли не только оборонительные задачи, но также были резиденциями военных вождей и административными центрами. А.В. Кропоткин, кроме названных выше пунктов, к племенным центрам относит поселения с каменными постройками Собарь и Комаров [*1984*]. На наш взгляд, это были, скорее, римские торгово-ремесленные фактории (см. разд. „Экономические связи с античным миром“).

В позднеримское время продолжается жизнь в захваченных готами городах Тире и Ольвии, в крепости Козырка. Какую-то часть их жителей составляло население черняховской культуры, на что указывают соответствующие материалы: керамика, гребни, фибулы. Однако насколько быт этих людей можно признать городским, судить трудно. Одно жилище с черняховскими материалами пока обнаружено только в Тире [*Кравченко, Корпусова 1975*]. Предположение, что этот город выполнял роль столицы западных готов, т.е. везготов-тервингов, обосновано недостаточно [*Навленко, Сон 1991*].

Скандинавский эпос дает сведения о политическом центре державы грейтунгов-остроготов. В версиях „Саги о Хервор“, которая содержит песню „Битва готов с гуннами“, упоминается столица Рейдготаланда („страна рейдготов“, т.е. грейтунгов) - Данпарстадир (или Дампстадир), т.е. „Днепр-город“; располагался он в земле Архейм (буквально: Речная местность), которая названа „жилищем готов“. В Архейме были сосредоточены их святыни и богатства: „Чаща знаменитая, именуемая Мюрквид (Черный Лес), могила священная на земле Готланда, камень, мастерски

обработанный в селениях Днепровских, укрепленной половина, [королю] Хейдреку принадлежавших, вассалы и земли, и перстни блестящие!"¹ [Прицак 1997, 259-261]. Это место часть исследователей связывает с Кисвом; О. Прицак считает, что столица готов размещалась на Каменском городище вблизи Каменки-Днепровской [1997, 262]. Соответствующие археологические материалы на этом скифском памятнике нам не известны, но искать Архейм и Данпарстадир в районе Днепровских порогов мы считаем возможным, учитывая концентрацию здесь черняховских древностей, включая городище в Башмачке и поджурганские кремации готской знати на прилежащем могильнике, а также в Войсковом (см. разд. „Социальная стратификация погребений”).

Перспективны исследования острова Хортица у г. Запорожье, где существовала древняя переправа через Днепр. Это место, как пересечение водного и сухопутного путей, было одним из важных стратегических пунктов юга Украины. На острове известны находки черняховского времени: погребение, кувшины (рис. 48:5), подражания римской и бактрийской монетам, бронзовая монета Диоклетиана (284-305 гг.) [Брайчевская 1960, 183]. В последние годы проводится планомерное археологическое изучение Хортицы, в результате чего найден ряд поселений, в т.ч. непосредственно у переправы (раскопки Н.Л. Козачок 1990, 1991 гг.), и погребение конца 4 в. [Остапенко 1998]. Несомненно, дальнейшие работы прояснят военное и торгово-экономическое значение этого комплекса черняховских памятников. Привлекает внимание и мысовое укрепление соседнего острова Малая Хортица (Байда) [Пустовалов, Ильинский 1992]. Внутри укреплений периодов бронзы и средневековья (замок Байды Вишневецкого) обнаружена яма с черняховскими материалами, в слое постоянно встречается сероглиняная керамика.

Безусловно, кроме уже известных, сохранились и другие черняховские укрепления. Их поиск - важная задача исследователей. Следует обращать внимание на все находки из пунктов с необычной топографией: в местах, неудобных для земледельческих поселений, но выгодных для обороны. Такие места (как правило, мысы), использовались в разное время и черняховские материалы могут слабо выделяться на фоне мощных напластований и фортификационных сооружений других эпох.

2. Типология домостроительства

По конструктивным особенностям черняховские постройки делятся на три группы: углубленные, наземные каркасные из дерева и глины, каменные.

Исследовано около 300 углубленных жилищ на 80 поселениях. Большинство имели глубину 0,4-1 м, их принято называть полуземлянками (рис. 3; 4:2, 3; 5). Землянки с глубиной до 2 м и более встречаются гораздо реже (Рипшив 2, Бовшив 2) (рис. 4:1). Полуземлянки имели стены из плетня, обмазанного глиной, реже - деревянные стены столбовой или срубной конструкции. Иногда в полу у противоположных стен прослеживаются ямки от опорных столбов, которые поддерживали конек двускатной крыши (рис. 4:2; 5:2-3). В Журавке и Боромле 2 встречены полуземлянки особой конструкции - с центральным опорным столбом (рис. 5:3). У землянок боковые стены не возвышались над землей: двускатная крыша упиралась стропилами в землю.

Углубленные жилища имеют различную форму в плане. Большинство полуземлянок прямоугольные, среди землянок преобладают овальные. 7% углубленных домов - квадратные. Для полуземлянок наиболее характерна площадь 8-17 м², для землянок - 17-29 м² [Журко 1984, 51-53]. Очаги делали из камня, глины или огонь разводили прямо на полу. На поселениях Верхнего и Среднего Днестра на позднем этапе черняховской культуры появляются печи-каменки. Внутри жилищ иногда размещались ямы-погребца.

Наземные каркасные жилища мы знаем на 120 поселениях - более 200 объектов. При раскопках часто находят остатки сгоревших домов, от которых сохраняется хорошо заметная обожженная глиняная обмазка стен и крыши. Постройки, которые разрушились иным путем, археологически проследить труднее, т.к. в условиях украинских глубоких черноземов следы столбов в земле не видны. В этих случаях находят очаг, скопления керамики, костей и другие вещи, но истинные размеры зданий установить трудно. Иногда такие остатки интерпретируют как „наружные очаги” или „летние кухни”.

Среди зафиксированных объектов большинство составляют однокамерные постройки площадью 10-50 м² с формой, близкой квадрату или прямоугольные (рис. 6). Дома такой площади бывают и двухкамерными. Более чем на 20 поселениях найдены остатки так называемых „длинных домов” (см. Приложение 1). Это вытянутые в плане постройки площадью 60-160 кв.м (рис. 7; 8; 9:1). Как правило, они разделены на две камеры, иногда с небольшим центральным помещением - сенями. Длинные дома часто располагались по оси восток-запад, фасадная южная стена при этом хорошо прогревалась солнцем. Восточное помещение служило для жилья. Здесь был очаг, часто

¹ Текст саги допускает разные ее толкования: все перечисленное могло относиться к владениям короля вообще [Ильзирин, Джаксон 1987, 151-159].

находят грузила от ткацкого станка, посуду и другие вещи. Западное хозяйственное помещение предназначалось для скота.

При благоприятных почвенных условиях на месте наземных построек удастся проследить столбовые ямы несущей конструкции. В домах большой площади опоры располагались не только вдоль стен, но и во внутреннем объеме здания - для распределения веса кровли. Они бывают расположены в один ряд (поддерживают конек и делят внутреннее пространство надвое) - двухнефная конструкция (рис. 8:1-2) и в два ряда - трехнефная конструкция (рис. 9) [Магомедов 1989]. Двухнефные постройки имеют ширину не более 6 м (Лепесовка, Великая Слобода). Трехнефные дома, как правило, шире: 7-9 м (Шершни, Курники, Будешты, Русяны) и даже до 11 м (Собарь). Кроме того, что двойной ряд опор позволяет увеличить площадь постройки, он также значительно снижает нагрузку на стены. Их функция в трехнефных домах сводится в основном к защите от холода, поэтому их могли возводить из непрочных материалов.

Судя по остаткам сгоревших наземных домов, их стены чаще всего делались из плетня, обмазанного глиной с примесью рубленой соломы. Могли применяться и блоки из дерна, однако от них в земле никаких следов не остается. Иногда стены состояли из ряда бревен на манер частотола (Будешты) (рис. 9:1). Для покрытия крыши применялся камыш, который передко сверху обмазывали слоем глины. На это указывают остатки обгоревшей обмазки, целиком покрывающие площадь жилища² (рис. 7:2-3; 8:3; 9).

На поселениях юга черняховской территории встречается еще один тип наземных или слабо углубленных построек - юрта, т.е. кочевническое жилище круглой формы (рис. 10). На поселении Дракуля обнаружены следы трех юрт в виде круглых ям глубиной до 0,5 м с ямками от деревянного каркаса по периметру и с очагами в центре. Подобный объект открыт и в Бургунке. Такие углубленные жилища известны в более поздних степных культурах и характерны для недавних кочевников, перешедших к оседлому образу жизни [Гудкова, Фокеев 1992, 98; Плетнева 1967, 58].

Каменное домостроительство сосредоточено в Причерноморском регионе. За его пределами известны каменные укрепления на городище Банмачка, а также сооружения в Комарове, Собаре и Чиминенах, связанные с римскими факториями [Смиленко 1992; Смишко 1964, 71-72; Рикман 1970; Цукун 1991]. В Причерноморье остатки каменных жилых домов исследованы на 30 поселениях, открыто около 40 зданий. Строительным материалом служил легкий в обработке местный известняк. Основным типом постройки является двухкамерное здание длиной 15-20, шириной 6-7 м (рис. 11-13). Известны однокамерные здания и многокамерные с поперечными и продольными перегородками. 1-2 помещения были жилыми, остальные - хозяйственными (стойла для скота, кладовые). К основным зданиям делали каменные или легкие деревянные пристройки. К домам примыкали каменные ограды дворов-загонов.

3. География и генезис черняховского домостроительства

Географически типы жилищ распределяются неравномерно (рис. 2). В большинстве областей черняховского ареала встречаются как углубленные, так и наземные каркасные постройки. Примерно на 18% поселений открыты оба типа сооружений (без учета каменных). На остальных обнаружены только углубленные жилища (29%) или только наземные из дерева и глины (53%). Последние заметно преобладают только на северо-западе, в регионе Западная Украина³. Здесь, а также в Молдове найдена большая часть „длинных домов”. Они встречаются также в Среднем Поднепровье и на северо-востоке Украины, но не обнаружены в Степном Поднепровье, в Причерноморье и в Подунавье. На четко очерченной территории между верховьями Днестра и Западного Буга (регион Верхний Днестр) концентрируются поселения, где открыты только углубленные жилища. В Причерноморье господствует каменное домостроительство.

Как показал В.Д. Баран, регион Верхний Днестр в римское время занимало раннеславянское население [Баран 1981, 163-177]. Большинство полуземлянок на исследованных здесь поселениях (типа Черепин) имеет прямоугольную или близкую к квадратной форму с закругленными углами. Часто встречаются подвальные ямы, а также вырезанные в материке пристенные выступы-прилавки (Рипнив, Демьянов, Черепин). В результате развития жилищ такого типа в 4 в. на Верхнем (Черепин) и Среднем Днестре (Теремцы, Бакота, Сокол, Бернашовка), а также в верховье Сирета (Тодирешть) появляются квадратные полуземлянки с новым типом отопительного устройства - печью-каменкой. Подобные жилища с 5 в. становятся характерной особенностью раннеславянской пражской культуры.

Тип жилища черняховских памятников типа Черепин был унаследован от генетически пред-

² Исследователи часто всю обмазку считают остатками стен. Однако обмазка от сгоревших стен залегает узкой полосой по периметру здания (Лепесовка, Гребинки - рис. 7:1; 8:2) и не может образовать сплошной слой шириной до 4-5,5 м (т.е., до середины помещения).

³ Напоминаем, что названия регионов носят условный характер.

шествующей ему зубрицкой культурной группы раннеримского времени, сложившейся на пшеворско-зарубинецкой основе: для нее характерны полуземлянки прямоугольной и квадратной (13%) формы, в которых встречаются выступы-прилавки (17% жилищ) [Козак 1992, 35-38]. По мнению Д.Н. Козака, тип квадратных полуземлянок восходит к зарубинецким древностям Полесья [1992, 117]. И.П. Русанова связывает происхождение жилищ пражской культуры непосредственно с пшеворскими памятниками, на которых она выделяет славянский компонент; квадратные полуземлянки с каменными очагами отмечены на целом ряде поселений в бассейнах Одера и Вислы⁴ [Русанова 1990, 130-131]. На наш взгляд, в позициях двух исследователей нет большого противоречия, так как во всех случаях в формировании типа раннеславянского жилища участвует население пшеворской культуры.

Полуземлянки с центральным опорным столбом, встреченные в Журавке и Боромле 2 типологически связаны с восточной группой ранних славян, представленных киевской культурой, что подтверждают соответствующие группы лепной керамики этих черняховских поселений [Терпиловский 1984, 10-12; Обломский 1998; Terpilovskij, Magomedov (in Druck)].

Значительная часть черняховских углубленных построек связана с германской традицией. В Северной Германии, где господствовали наземные дома большой площади, прямоугольные неотопливаемые полуземлянки использовались в качестве служебных помещений (в частности, в них часто пахотят ткацкие грузила). В восточногерманских землях известны жилые полуземлянки с очагами [Donat 1983, 85]. В советской археологической литературе долго господствовало мнение, что для готов (население вельбарской культуры) были характерны только наземные дома. Однако по данным Р. Волонгевича, в Польском Поморье к 1986 г. было исследовано раскопками 73 поселения римского времени, из которых на 37 открыты жилые сооружения. В том числе полуземлянки обнаружены на 24 поселениях, наземные столбовые постройки (обмазанные глиной) - на 19 и еще на 5 их следы [Woląciwicz 1986, 302]. Оба типа домов известны на 32,5% поселений, только углубленные - на 35%, только наземные - на 32,5%. Три полуземлянки, в том числе одна с очагом (глубина 0,7 м)⁵, открыты на поселении маслемецкой группы в Хрубешове-Подгуже [Banasiwicz 1989]. Сведениями по другим частям Польши мы не располагаем. Но исследования украинских ученых показали, что на многих поселениях юго-восточного региона вельбарской культуры (Вольшынь) преобладают углубленные постройки овальной или прямоугольной формы: Ромони, Боратын, Заган 2, Городок, Льшич, Хринники [Крушельницька, Оприк 1975; Козак 1992, 72-84; 1993; 1994, 52-59; 1998]. Для пшеворской культуры ведущим типом жилища были прямоугольные полуземлянки (около 3 x 5 м); обычны также наземные столбовые дома, в т.ч. двухкамерные площадью 60-80 кв.м [Godlowski 1981, 105].

„Длинные дома” большинство исследователей связывает с германской культурной традицией [Рикман 1962; Тиханова 1963; Воляник 1979; Баран 1981, 58-59; Козак, Журко 1983]. Они практически не известны в Польше на вельбарских поселениях, редки на пшеворских памятниках (Вулька Ласецка, Колозомб, Токарня) [Kokowski 1998a]⁶, но являются традиционными для соседних северо-западных областей. „Длинные дома” (тип „Stallhalle” или „Wohnstallhaus”), чаще всего трехнефной конструкции, разделенные на жилую и стойловую части, население Северной Европы традиционно строило с эпохи бронзы. В римское время они преобладали на равнинах между Рейном и Эльбой, известны на Одере, в Дании, на юге Скандинавского полуострова и на островах Балтики [Zippelius 1953; Skowron 1979; Donat 1983, 81-83]. Связи черняховской культуры с этими территориями достаточно прослежены на других материалах (монструозные фибулы, железные гребни, некоторые типы сосудов, рунические надписи и т.д.) [Werner 1988].

Каменное домостроительство Северного Причерноморья отражает варваризованную античную традицию местного населения [Гудкова 1987a; Магомедов 1987a, 15-25]. Бывшие кочевники использовали для жилья юрты, а также, по-видимому, примитивные углубленные и наземные постройки. На их поселениях-стойбищах часто не сохраняется никаких следов жилищ, кроме очагов [Фокеев 1987].

К сожалению, вельбарские поселения на территории Польши изучены недостаточно. Однако можно предположить, что на северо-запад Украины одни группы готов приходят с традицией сооружения в основном углубленных построек (ранние вельбарские поселения Вольшынь), другие строили наземные дома. Это нашло отражение на карте домостроительства черняховской культуры (рис. 2). С продвижением на юг эти традиции смешиваются. В использовании полуземлянок

⁴ В числе пшеворских памятников названы также те поселения Верхнего Днестра, которые Д.Н. Козак отнес к зубрицкой группе.

⁵ Это жилище имело легкую наземную пристройку, на основании чего ее включают в число «больших домов» [Kokowski 1998a, 14].

⁶ В приведенной работе А. Коковский называет еще ряд пшеворских „больших домов” (по площади), которые конструктивно отличаются от „длинных домов” северной традиции. Автор справедливо полагает, что их появление может быть следствием дифференциации общества. Это применимо и к некоторым черняховским постройкам.

сказалось также влияние пшеворской культуры и местных обычаев. „Длинные дома“ следует связывать с традициями выходцев из Ютландии и Северной Германии, скорее всего, союзников готов - герулов.

В степной зоне Украины, где постоянно передвигались военные отряды кочевников, вожди готов начинают возводить укрепленные городища. При этом привлекаются строители из местного позднеантичного населения Северного Причерноморья, возможно, и римские специалисты.

С уходом готов из Восточной Европы традиция наземного домостроительства здесь прерывается. Славянские племена продолжают развивать собственную строительную традицию: на поселениях 5-7 веков известны только квадратные полуземлянки [Баран 1990].

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД GRABRITUS

В обширной литературе, появившейся за столетие изучения черняховской культуры, значительное место уделено теме погребального обряда. Несколько десятков работ содержат публикации раскопок могильников. Анализу обряда посвящены специальные монографии [Сымонович, Кравченко 1983; Никитина 1985; 1995], а также разделы монографических исследований по черняховской культуре. Частные проблемы этой темы исследованы в специальных статьях [Сымонович 1963, 1995; Махно 1971; Кравченко 1970, 1987; Ionitǎ 1971, 1986, 1989; Магомедов 1979, 1995; Magomedov 1994; Гей 1980; Bierbrauer 1989; Никитина 1993; Петраускас 1993 и др.].

Только в пределах бывшего СССР было известно около 300 черняховских могильников [Сымонович, Кравченко 1983], общее количество исследованных погребений превышает 7000. Лишь небольшая часть некрополей может считаться исследованной полностью. В большинстве случаев раскапывалась не вся их площадь. Наиболее изученными из больших могильников в Украине являются Черняхов¹ (272 погребения), Чернелив-Русский² (246 погр.), Беленькое (175 погребений), Журавка (125 погр.), Косанов (121 погр.). В Республике Молдова и Румынии - Будешты (362 погр.), Данчены (338 погр.), Тыргшор³ (415 погр.), Бырлад - Валя Сяке (547 погр.), Михэлэшень (520 погр.). Целиком (насколько это возможно) раскопан ряд малых некрополей, например, Каменка-Днепровская (9 погр.), Сумы-Сад (11 погр.), Курники (28 погр.).

1. Общая характеристика погребального обряда

Для черняховского погребального обряда на всей территории культуры характерно значительное его разнообразие. За небольшим исключением могильники имеют биритуальный характер, т.е. содержат труположения (ингумации) и трупосожжения (кремации). Кроме того, погребения обеих категорий различаются целым набором формально-типологических признаков, которые делятся на несколько уровней [Никитина 1985].

Несмотря на индивидуальные особенности каждого некрополя, простая статистическая обработка важнейших сведений позволяет выделить черты обряда, характерные для целых регионов. Такие сведения мы приводим на таблице в Приложении 2 - соотношение ингумаций и кремаций, встречаемость разной ориентировки ингумаций и погребальных ям сложной конструкции. Для дальнейших статистических расчетов использованы достаточно исследованные памятники, где изучено, как правило, не менее 10 погребений. Данные по остальным могильникам, сведенным в таблице, имеют вспомогательный характер.

Соотношение ингумаций и кремаций на различных некрополях колеблется в широких пределах. Отдельные мелкие и средние могильники являются моноритуальными. Кремации отсутствуют на некоторых памятниках Северного Причерноморья, Молдовы и Мунтении, а также на большинстве могильников Трансильвании. Исключительно сожжения найдены в Хапска-Лутерии, Долнештии Маре, Башмачке и Павлоковке. Согласно статистике, среди исследованных черняховских могильников ингумации преобладают над кремациями и составляют в среднем 70%. При этом их мало в районе Днепровских Порогов (24%) и много в Причерноморье (86%) и в Трансильвании. Однако эти цифры не отражают истинного положения вещей. Кремации, находящиеся на небольшой глубине, часто разрушались вследствие природных и антропогенных факторов, особенно при вспашке. Кроме того, некоторые виды погребений с кремациями не оставляют в земле четких следов (например, безынвентарные или рассредоточенные в обширных ямах). На таких могильниках, как Курники, Сумы-Сад, Журавка, Бравичень, Сынтана де Муреш⁴, где ста-

¹ Ссылки на публикации даны в списке могильников в Приложении 2.

² По сведениям на 1999 г. исследовано до 300 могил.

³ В Приложение 2 мы включили 286 опубликованных погребений. По новым данным, на могильнике вскрыто 225 ингумаций и 190 кремаций черняховской культуры [Niculescu 1993, 197].

⁴ Информацию любезно предоставил др. Ион Ионцэ.

тистически полностью или почти полностью отсутствуют погребения-кремации, при раскопках в верхнем слое встречены остатки трупосожжений (кальцинированные кости, пережженная керамика и другие вещи). Таким образом, не будет ошибкой считать, что в большинстве черняховских регионов обряд кремации был распространен не меньше, чем обряд ингумации.

Следует предположить, что какой-то вид кремации, трудно уловимый археологически, использовало население группы черняховских поселений со славянскими чертами Верхнего и Среднего Днестра (типов Черепин и Теремцы). Многократные целенаправленные попытки найти соответствующие им могильники (как и могильники при раннесредневековых славянских поселениях) результатов не дали [Баран 1981, 62].

Исследование закономерностей соотношения разных обрядов погребения на крупных могильниках позволило проследить хронологические изменения в обряде в сторону увеличения процента ингумаций и сокращения кремаций (Тыргшор, Данчены, Бырлад-Валя Сяке); поздние участки иногда состоят только из ингумаций (Косапов) [Joniță 1986; Bierbrauer 1980, 132-134].

Типология погребений

2.1. Ингумации

Погребения с ингумацией различаются по нескольким признакам, важнейшими из которых являются конструкция могильной ямы и ориентация по сторонам света. Кроме того, они могут различаться по положению скелета, наличию и составу инвентаря и т.д.

По конструкции могильные сооружения четко делятся на типы: простая грунтовая яма, яма с заплечиками, яма с подбоем, катакомба. Простые ямы - прямоугольные или овальной в плане формы, с вертикальными стенками (рис. 17). Остальные типы имеют сложную конструкцию. Могилы с заплечиками состоят из входной ямы (обычно прямоугольной) и вырытого в дне узкого углубления, которое является погребальной камерой⁵ (рис. 18; 21; 22; 23:3-6). На ступени-заплечики, оставленные вдоль стен (как правило, не выше 0,4 м), опирались перекрытия из деревянных колод. В причерноморской полосе между Днестром и Тилигульским лиманом эти перекрытия делались из каменных плит.

Черняховские погребения в подбоях представляют собой прямоугольную или овальную входную яму, в длинной стенке которой была вырезана углубленная ниже дна ниша - погребальная камера (рис. 19:2). Закрывали их, как и в предшествующем случае, деревянными или каменными закладами. Катакомбы (земляные склепы) имеют входную яму, которая ведет в прямоугольную погребальную камеру (рис. 19:1). Заклады обычно каменные.

Камень и дерево употреблялись в конструкции могильных ям не только для перекрытия или заклада погребальной камеры, но и как материал для облицовки земляных стен в могилах знатных умерших. Камень (известняк) отмечен в этом качестве только в Причерноморье (Викторовка, Рапжевое, Каменка-Анчекрак), причем в последнем случае использованы обтесанные и хорошо подогнанные плиты (рис. 23:6). В Тыргу-Муреш известен единственный случай, когда дно и стенки ямы по античному образцу были облицованы римской плинфой (детское погребение VII). Перекрытие здесь было, скорее всего, деревянным. Деревянная облицовка могил имеет широкую географию распространения, хотя проследить органику в грунте удастся в редких случаях. Следы конструкций с вертикальными столбами известны в Черняхове и Данчанах (рис. 23:1,2). Иногда досками обкладывались стенки погребальных камер в могилах с заплечиками (Викторовка, Данилова Балка, Гавриловка) и в простых ямах (Петроаселе 2) (рис. 23:3).

С конструкцией могил связан и обычай обмазывать дно ямы под верхней частью тела умершего тонким слоем зеленой глины. Он встречается преимущественно в Причерноморье (Коблево, Викторовка, Рапжевое, Каменка-Анчекрак) и как исключение в Лесостепной зоне (Журавка, Курники). Подмазка дна обычно встречается в могилах с заплечиками, при других конструкциях - редко (рис. 17:1).

Безусловно, самой распространенной конструкцией черняховских могил-ингумаций является простая яма. Все три типа сложных могильных сооружений часто встречаются только на могильниках причерноморской зоны черняховской культуры, где, как правило, преобладают. В иных регионах они встречаются значительно реже, но обычно по несколько погребений на одном могильнике. Как видно из таблицы в Приложении 2, среди этих погребений в целом доминируют ямы с заплечиками (остальные могут быть не представлены), а катакомбы характерны лишь для Северного Причерноморья. Кроме этого региона, сложные ямы обычны для могильников Молдовы и Центральной Украины; редко встречаются в Западной и Восточной Украине, а также в Мунтении. Не зафиксированы они лишь в наименее исследованных регионах - на Днепровских Порогах и в Трансильвании. Таким образом, ингумации в ямах сложных форм являются харак-

⁵ Заплечики не всегда легко проследить в грунте, поэтому на небольшой глубине такие ямы могут фиксироваться как простые.

терной чертой погребального обряда черняховской культуры.

Важной деталью обряда ингумации является ориентировка погребенных по сторонам света. За редкими исключениями, на черняховских некрополях их укладывали головой на север или на запад, причем более 80% погребений имеют северную ориентировку. Особо типична она для Западной Украины, района Днепровских Порогов и Румынии. Могильники с доминированием западной ориентировки составляют всего 7%. Они есть в Среднем Поднепровье⁶ (Канев, Журавка, Дедовщина), Причерноморье (Ранжеево, Холмское), на Среднем Днестре (Романковцы), в Молдове (Бравичени). Средний показатель западной ориентировки сильно различается в разных регионах⁷:

Северное Причерноморье	39%	Трансильвания	6%
Центральная Украина	26%	Западная Украина	6%
Восточная Украина	15%	Мунтения	3%
Молдова	13%	Нижний Днепр	2%

Отдельные погребения с восточной и южной ориентировкой скелетов встречаются в разных регионах и лишь на могильниках Фынтынеле и Петроаселе 2 южная ориентировка преобладает (см. Приложение 2)⁸.

Имеется определенная зависимость между ориентировкой ингумаций и наличием кремаций на могильниках. „Западные“ ингумации преобладают только на тех могильниках, где низок процент кремаций. Только отчасти верно наблюдение о прямой зависимости между количеством „северных“ ингумаций и кремаций (т.е. больше могил северной ориентировки - больше кремаций и соответственно меньше ингумаций). Это действительно лишь для восточных регионов черняховской культуры. Здесь практически отсутствуют могильники, в которых высокий процент северной ориентировки (75-100%) сочетается с высоким процентом ингумаций (80-100%). Зато в Западной Украине, Молдове и Румынии такие памятники составляют около одной трети. Могильники с большим процентом западной ориентировки здесь редки. Указанная закономерность проявляется на некоторых крупных могильниках, где участки с „северными“ ингумациями и кремациями размещаются обособленно от участков с „западными“ ингумациями (Будешты, Журавка).

С определенной ориентировкой погребений связаны и другие признаки. Так, около 94% подбойных могил имеют северную ориентировку скелетов, а большинство ям с запечками (60%) - западную. В отличие от „северных“ погребений, „западные“ содержат мало инвентаря, который обычно ограничивается деталями одежды (фибулы, пряжки) и бусами. Изредка в головах ставили 1-2 сосуда, как правило, для питья (кубок, кувшин, амфора). Кроме того, „западные“ погребения выкапывались на большую глубину, они отличаются большей унификацией позы скелета, они реже подвергались разрушениям [Никитина 1993].

Установлено, что могилы с западной ориентировкой скелетов в целом датируются более поздним временем, чем с северной. Исследование динамики изменения этих традиций осложняется бедностью инвентаря „западных“ ингумаций. Но сам этот факт доказывается как рядом примеров перекрывания „северных“ погребений „западными“ (вертикальная стратиграфия) [Сымонович, Кравченко 1983, 19], так и наблюдениями над горизонтальной стратиграфией некрополей [Ioniță 1971, 54-56; Bierbrauer 1980, 132-134].

Поза погребенных в черняховских ингумациях довольно устойчивая. Обычно костяки лежат на спине с вытянутыми конечностями. Иногда одна или две руки покоятся на костях таза. Изредка случается поза на боку с подогнутыми ногами - 9,8%. Почти исключительно это погребения с северной ориентировкой. Как было отмечено выше, все отклонения от основной позы (на спине с вытянутыми конечностями) менее характерны для скелетов с западной ориентацией [Никитина 1985, 40].

2.2. Кремации

При исследовании черняховских „полей погребений“ практически невозможно определить, в каком конкретном случае обряд кремации покойного совершался на месте захоронения, а в каком - за пределами кладбища. Однако есть веские основания полагать, что первый способ был по крайней мере более предпочтительным. Мы согласны с мнением О.В. Петраускаса, что следом погребальных костров- „устрин“ является „культурный слой“, зафиксированный на территории подавляющего большинства могильников [Петраускас 1993]. Этот слой состоит из разрозненных

⁶ Совершенно не типична ориентировка погребений могильника Черняхов, приведенная на плане В.В. Хвойки (северная - 2%, западная - 80%) [Петров 1964а, рис. 1]. Мы разделяем сомнения Э.А. Сымоновича относительно правильности фиксации объектов при раскопках 1900 г. Его исследования того же памятника в 1961-1962 гг. дали примерно равное распределение обоих видов могил [Сымонович 1967, 26].

⁷ Названия регионов, как указывалось, носят условный характер (см. главу „Территория черняховской культуры“).

⁸ Восточную ориентировку имело погр. 4 могильника Сумы-Сад, но оно, скорее всего, возникло после исчезновения черняховской культуры.

угольков и обломков кальцинированных костей, пережженной керамики, слитков стекла и металла, мелких вещей. Пятна обожженной почвы на открытой поверхности постепенно исчезали под воздействием природных факторов. Следы погребальных костров сохранились под курганными насыпями на могильниках в Войсковом и Башмачке. При этом твердая покрасневшая поверхность образовалась только в тех случаях, когда площадка была предварительно обмазана глиной (Войсковое, курган № 1; Башмачка, курган на южном могильнике); в остальных двух курганах зафиксированы только разрозненные участки обожженной земли или слой золы и угля [Бодянский 1968; Смиленко 1979]. Показательно, что следы огня обычно не видны и на земляных полах сгоревших построек.

Использование в черняховском погребальном обряде постоянных или специально обустроенных мест для сожжения мертвых пока не может считаться окончательно доказанным. Два объекта из пунктов Пересечное и Окно описаны в литературе как „крематории“, но с некрополями они территориально не связаны⁹. Что касается находки в Пересечном Харьковской области, то здесь лишь констатировано „место трупосожжения“ на краю поселения [Луцкевич 1948, 168]. Хорошо зафиксирован „крематорий“ в с. Окно, но некоторые детали требуют осторожного отношения к этому объекту [Тимошук, Винокур 1964, 192]. Во-первых сами авторы не вполне уверены в его принадлежности к черняховской культуре; нет сведений и о наличии поблизости соответствующего памятника. Во-вторых, наводит на размышления конструкция объекта. Это была вкопанная в древнюю курганный насыпь печь с каменным сводом и предпечной ямой. Размеры каменной площадки-топки 2,2 x 1,4 м, диаметр ямы 2,2 м. Вокруг были расположены еще четыре ямы диаметром по 1 м. В объекте найден уголь, пережженные кости (в частности, обломок человеческого черепа и зуб), ошлакованные железные предметы и несколько обломков сероглиняной черняховской керамики. Назначение этой печи трудно объяснить однозначно, поскольку в древности кремация покойных обычно проводилась на открытых погребальных кострах. Тем не менее, определенные аналогии известны в пшеворской культуре, где описаны места кремаций в просторных углублениях (например, на могильнике Нова Весь - яма размером 6 x 4,2 м, глубиной 1,05 м); некоторые из них были вымощены или обставлены камнями по периметру [Szydlowski 1975, 72].

Черняховские могилы с сожжением, как и с труположением, типологически довольно разнообразны [Кравченко 1970; Сымонович, Кравченко 1983 47; Никитина 1985, 60-78]. Наиболее удобной классификацией кремаций является схема Н.М. Кравченко [Сымонович, Кравченко 1983, 47]. В соответствии с ней все кремации делятся на три группы, внутри которых распределяются типы:

группа I - погребения без обрядового инвентаря:

тип 1 (в закрытой урне), тип 2 (в закрытой яме),
тип 3 (в открытой урне);

группа II - с „приношением“ (сосуды и вещи, помещавшиеся рядом с урной или кучкой костей):

тип 4 (в закрытой урне), тип 5 (в открытой урне),
тип 6 (в открытой яме);

группа III - с „тризной“ (фрагменты сосудов, как правило, обожженные):

тип 7 (в закрытой урне), тип 8 (в открытой урне),
тип 9 (в открытой яме).

В классификации имеются также варианты типов, включающие, как правило, более редкие виды погребений (в амфоре, в ларце, урна перевернутая вверх дном или под каменной плитой) или захоронения в ямах разных размеров.

Наиболее заметным отличительным признаком могил с кремацией является наличие или отсутствие урны (урновые и ямные погребения). Безурновые захоронения преобладают и составляют в среднем до 60% (на выборке из 17 могильников Украины и Молдавии [Никитина 1985, 61]). Исключительно этот вид кремаций встречался в Ханска-Лутэрни, Петрикивцах, Деревяне, Переяславе, более 90% сожженных составляет он в Косанове и Балтатах.

Безурновые погребения совершались в ямах различных размеров. Кальцинированные кости бывают смешаны не только с углями, но и с вторично обожженными обломками керамики. Сожжения в небольших ямах иногда перекрыты слоем керамики, сосудом или другим предметом. Встречаются захоронения, где бедный инвентарь рассредоточен в обширных (более 1 кв.м) ямах с трудноуловимыми границами; наиболее четко они выявлены в Косановском могильнике (рис. 20:2). Их называют „послойные“ или „плоские“ захоронения.

В урновых погребениях для хранения праха чаще всего использовались обычные кухонные горшки (около 69%), реже - миски (около 23%), иногда вазы, кубки, кувшины и амфоры [Никитина 1985, 68]. Иногда в погребение ставилось более одной урны. По металлическим деталям

⁹ Э.А. Сымонович считал местом сожжения мертвых глинобитный очаг на могильнике Дедовщина. Мы склонны согласиться с автором раскопок В.И. Козловской, которая усматривала в этом объекте жертвенный алтарь (Сымонович, Кравченко 1983, 11; Козловська 1930; 1940). Его описание даем в следующем разделе.

удается определить случаи захоронения в деревянных ларцах (Косаново, Оселивка). В качестве урн могли использоваться и другие вместилища из дерева и иных тленных материалов, о существовании которых в прошлом можно судить только по компактности залегания праха. Почти половину урн находят накрытыми миской или иным сосудом, черепком (рис. 20:3), иногда камнем и даже умбоном от щита (Малаешты 3 и 20). Однако разделение захоронений на „погребения в открытых и закрытых урнах” вряд ли имеет смысл: без сомнения, многие сосуды могли иметь крышки из органических материалов (дерево, ткань, кожа). Кальцинированные кости в урнах могут быть перемешаны с остатками костра и землей. Иногда обгорали в костре и сами урны. В таких случаях в погребальной яме обычно находят обломки и других пережженных сосудов.

В самостоятельный вид погребений следует выделить упоминавшиеся четыре трупосожжения под курганами, исследованные в области Днепровских Порогов у сел Войсковое и Башмачка [*Бодянский 1968; Смиленко 1979*]¹⁰. Сильно расплывшиеся насыпи сохранились на высоту 0,25-0,5 м, под ними - следы кострищ, в трех случаях (кроме погребения на северном могильнике в Башмачке) зафиксированы остатки сгоревших наземных погребальных сооружений из дерева. В каждом случае погребальный обряд различался: останки были собраны в одну и в две урны, сыпаны в ямку или оставлены на поверхности.

Замечено, что в безурновых и урновых погребениях кремнированные останки иногда укладывали в некотором подобии анатомического порядка: кости черепа сверху, остальные - внизу. Среди них попадаются пережженные предметы личного убранства и другие вещи: ножи, шилья, пряслица и т.п. (рис. 20:1). Иногда кремации могут содержать останки двух-трех человек [*Алексеева 1975*].

3. Следы ритуальных действий

Кроме самих погребений на могильниках часто сохраняются следы действий, проводившихся позднее акта захоронения. Наиболее заметным для археологов является разрушение могил с ингу-мацией (т.е. вторичная перекопка). Отмечена связь этого обычая с определенной ориентировкой погребений по сторонам света. В среднем на могильниках Украины разрушенные погребения с северной ориентировкой скелета составляют около 43%, с западной - около 33%. При этом перекопки могил менее характерны для кладбищ с преобладанием северной ориентировки и кремаций [*Сымонович 1963а; Никитина 1985, 40*]. Редко разрушались детские погребения.

Степень перекапывания трупоположений разная. Иногда затрагивали только верхнюю часть скелета, часто он разрушался полностью. Сопровождающий инвентарь обычно поврежден. Исключить, что могилы разрушались с целью грабежа, нельзя, поскольку некоторые погребения содержали довольно ценные предметы из серебра, золота и стекла. Но такое предположение можно опровергнуть в тех случаях, когда ценные вещи остаются на месте, а также когда четко прослеживаются следы ритуальных действий над разрытыми могилами. В последнем случае в перекопанном грунте находят остатки костра, пережженную керамику, кальцинированные кости (рис. 21; 22).

Такие остатки объясняют как следы тризны (поминальной трапезы) или жертвоприношения в честь умершего. Ямы с подобным заполнением впускались и в непарушенные могилы или размещались рядом с ними (Каборга, Малаешты, Балцаты и др.), в том числе и рядом с трупосожжениями (Городок, Курники). В Курниках три ямы располагались на участке в стороне от ингу-маций, с культовым слоем, насыщенным находками со следами огня (керамика - около 10 экз. на 1 м², оплавленное стекло, бусы, кальцинированные кости и т.д.). Возможно, погребения-кремации здесь были разрушены при вспашке. Одна из ям имела прямоугольную форму, размеры 1,55 x 1,22 м, глубина 0,85 м; стенки были облицованы обугленными деревянными плахами (рис. 20:4). Заполнение содержало угольки, пережженные обломки керамики, стекло, бусину. На принесение жертв душам покойных или богам царства мертвых указывает алтарь античного типа с пережженной керамикой и костями, найденный на могильнике при Александровском городище. Это была квадратная каменная ограда размером 1,6 x 1,8 м, внутри которой находились остатки костра и обломки керамики [*Магомедов 1987а, 30, 34*]. На могильнике Дедовщина обнаружен жертвенник в виде круглой площадки из пережженной докрасна глины диаметром 1,15 м. По ее краям сохранились скопления угля, кальцинированных костей (видовая принадлежность не установлена), кость быка, много керамики [*Козловська 1930*]. Нередко на могильниках пахотят закопанные целые сосуды, вмещавшие пищу. Часть исследователей считает подобные объекты кенотафами, т.е. условными погребениями людей, погибших на стороне. Однако это могут быть и остатки обряда

¹⁰ В том же регионе, на могильнике Августинівка, А.В. Бодянский открыто сожжение (погр. 2) под каменным кромлехом диаметром 7 м: кроме кальцинированных костей, найдены обломки сосудов, глиняные кружочки и наконечник дротика [*Бодянский 1949б, 2; Смиленко 1960, 181*]. Возможно, объект представляет собой сожжение на поверхности, перекрытое курганной насыпью.

„кормления душ“. На Будештском могильнике открыто 14 таких ям, которые вмещали до 10 сосудов.

Огонь в обряде трупоположения, кроме жертвенной функции, нес также и функцию очищения. Видимо, именно с такими магическими действиями связаны находки угольков и обгорелых плах, которые встречаются как в нетронутых могилах, так и в перекопах нарушенных погребений. В некоторых погребениях, особенно в Причерноморье, встречаются осветительные плошки, сделанные из черепков, реже - античные лампы. Иногда в могилах находят куски ладана (Бережанка, Курники) или „смолистое вещество“ (Маслово, Коблево, Каменка-Днепровская), что прямо указывает на ритуальные действия с воскуриванием ароматических веществ. Это напоминает восточные обычаи, распространенные в первые столетия нашей эры в Римской империи и известные среди степного населения (находки курильниц в сарматских и позднескифских погребениях).

4. Погребальный инвентарь

Назначение погребального инвентаря у древних германцев образно раскрыл средневековый исландский писатель Снорри Стурлуссон: „Он [Один] сказал, что каждый должен прийти в Вальгаллу с тем добром, которое было с ним на костре, и пользоваться тем, что он сам закопал в землю“ (последнее касается кладов-сокровищ); „Люди верили тогда, что чем выше дым от погребального костра поднимется в воздух, тем выше будет тот, кто сжигается, и он будет тем богаче там, чем больше добра сгорит с ним“ [Стурлуссон 1980, 14-15].

Около 55% черняховских ингумаций и 37-39% кремаций содержат разнообразный инвентарь [Никитина 1985, 42, 71, 75]. Он состоит из деталей костюма, предметов личного пользования и культовых предметов. Деталью костюма являются фибулы, поясные и обувные пряжки, различные украшения, в т.ч. и те, которые выполняли функции амулетов и знаков социальной иерархии. Это бусы, различные подвески, реже серьги, перстни, браслеты, гривны.

Вещи личного пользования в погребениях представлены в основном туалетными принадлежностями и мелкими орудиями труда, которые было принято постоянно иметь при себе: гребни, туалетные пинцеты, ножи, шилья, иголки в костяных футлярах, прясла от веретен, иногда железные кресала и кремни. В богатых женских погребениях встречаются остатки шкатулок. Особое значение в погребальной обрядности древних народов имело оружие, которое являлось личной собственностью погребенного воина. На черняховских некрополях таких находок мало, причем большая часть происходит из кремаций (Оселивка, Малаешти, Будешти, Хапска-Лутерия, Долнептин-Мари, Козия-Ясы, Тыргнор, Могошань, Завадовка, Компанийцы). По общепринятому мнению, это связано с пшеворской традицией. Находки оружия в ингумациях происходят в основном из области Нижнего Дуная.

Третью группу погребального инвентаря составляют предметы, выполнявшие назначение культовых атрибутов в погребальной обрядности. В большинстве они связаны с трапезой умершего в потустороннем мире - посуда и кости животных. Реже встречаются замки, светильники и т.д. Наличие большого количества сосудов является характерной чертой черняховских могильников. Они встречаются примерно в половине ингумаций (вторая половина - это в основном разрушенные захоронения, а также бедные инвентарем могилы западной ориентации). В погребения с кремацией посуда попадала в основном в пережженном виде, из чего видно, что приношения сжигались вместе с телом покойного. При этом, правда, невозможно установить, не имеем ли мы дело со следами тризны.

В могилы ставили почти все категории посуды, кроме больших пифосов. Около 75% составляют кухонные горшки и столовые миски, остальное - кувшины, вазы, кубки, кружки. Встречаются сосуды, явно не пригодные для применения в быту - с малозаметным производственным дефектом (трещина, отверстие) или плохо обожженные. Иногда, особенно на могильниках Причерноморья и Подунавья, умерших сопровождали ценные импортные изделия - стеклянные кубки, краснолаковые кувшины и миски, а также амфоры с вином. Некоторые сосуды, по-видимому, имели самостоятельное ритуальное значение. „Сакральным“ считают такой специфический тип черняховской посуды, как трехручные вазы [Рыбаков 1962; Винокур 1972, 136]. Такое же значение, пожалуй, придавалось отдельным кувшинам и кубкам, украшенным сложными орнаментальными композициями и символическими изображениями. На поселениях такие находки встречаются значительно реже, чем на могильниках.

Большинство найденных в могилах сосудов содержало когда-то пищевые продукты, остатки которых до нашего времени не сохранились. Иногда в горшках встречаются следы пригоревшей еды. В мисках или прямо на земле находят кости животных, птиц и яичную скорлупу. Кальцинированные кости животных часто встречаются и в кремациях. Из 36 изученных сожжений могильника Оселивка в 17 случаях среди костей человека обнаружены кости овцы, козы и домашних кур [Никитина 1985, 77]. В черняховском погребальном ритуале употреблялся обычай класть в могилу кусок мяса вместе с ножом. Кувшины и амфоры свидетельствуют, что в посмертную трапезу

входили и напитки, в частности греческое вино.

С какой-то погребальной магией связано помещение в могилы наборов мелких камешков (обычно у правой руки) (Каборга, Чернелив-Русский, Маслово и др.), железных замков и ключей, а также панцирей черепах (Гавриловка, Гурбинцы) [Сымонович 1963а, 58].

5. Социальная стратификация погребений

Погребальные памятники дают важный материал к пониманию социальной структуры черняховского общества. Известны погребения как с большим количеством инвентаря, так и без инвентаря. Однако количество сопровождающих вещей еще не может быть окончательным показателем социального положения погребенного, тем более, как было сказано, состав инвентаря ингумаций зависит от ориентировки могилы. Более надежные результаты дает комплексный подход к этой проблеме с учетом количественного и качественного состава инвентаря, типа погребального сооружения и его размещения на кладбище.

Ф. Бирбрауэр, изучая погребальный обряд восточногерманских племен, выделил критерии, характерные, по его мнению, для захоронений-ингумаций представителей „верхнего слоя“ черняховского общества (категории Ib и, возможно, Ia - высшего ранга). Эти признаки:

1) погребальные камеры (иногда очень большие с деревянными конструкциями);	4) роскошные шпоры;
2) принадлежности для игры (стеклянные жетоны);	5) парчевая ткань;
3) редуцированный сервиз для питья (роль бронзового ведра обычно выполняет глиняный сосуд);	6) обувные пряжки;
	7) портупея (пряжка на плече);
	8) мясная пицца [Bierbrauer 1989, 71].

Эти критерии не равноценны по своему значению. Стекло, жетоны, шпоры, обувные и портупейные пряжки, как и бронзовая посуда, в большей степени характерны для быта центрально-европейской знати, более романизованной в этом отношении, чем черняховский „высший свет“. В черняховской культуре такие находки известны лишь в единичных погребениях. В одном случае найден и золотой браслет (Ханска-Лутэрия, погр. 14, кремация) – вещь, характерная для могил германской аристократии [Bierbrauer 1989, Abb. 1-3]. Значительно чаще встречаются большие погребальные камеры, сервизы для питья (включающие стеклянный кубок), мясная пицца.

Пожалуй, наиболее важным критерием захоронения-ингумации представителя „верхнего слоя“ является наличие ямы больших размеров (рис. 21-23). Иногда такие ямы имеют усложненную конструкцию. Некоторые расположены в центре кладбищ и окружены пустым пространством. Как правило, они разрушены и ограблены. Однако сохранившийся инвентарь часто свидетельствует о выдающемся положении умершего. Иногда на одном могильнике встречается по несколько таких погребений. Еще В.В. Хвойка обратил внимание на два погребения Черняховского могильника, совершенные в деревянных камерах (погр. 146, 147). Подобные камеры с вертикальными столбами есть в Данчехах (погр. 169, 224) и Балтатах (погр. 11). В погребении 58 из Оселивки (в большой яме) найден золотой перстень, в подобных могилах из Курников (погр. 4, 14, 19) найдены обломки стеклянных кубков, золотая подвеска, двупластинчатые серебряные фибулы. В Ранжевом выделяется размерами неразрушенная могила 14 со стеклянным кубком и серебряными фибулами и пряжкой. Погребение 10 из Камешки-Анчекрак не содержало инвентаря, но погребенный лежал в каменной гробнице из тщательно подогнанных плит. Надо заметить, что большинство рядовых погребений принадлежало женщинам. По нашему мнению, эти захоронения оставлены представителями семей местной знати, которых древние авторы называли „приматы“, т.е. первые в своей общине [Магомедов 1997в].

Большинство из названных выше признаков имеют и погребения знати, совершенные по обряду кремации¹¹. Следы погребальных сооружений удалось проследить только в курганах из Войскового и Башмачки. На южном могильнике в Башмачке [Смиленко 1979, 13-20] под насыпью кургана сохранились столбовые ямы от прямоугольной постройки из дубовых бревен размером 2,8 x 4,6 м; внутри нее имелась земляная подсыпка толщиной 0,3-0,4 м, поверхность которой, по крайней мере частично, была обмазана глиной. На месте кострища была закопана урна (лепной горшок с загнутым внутрь краем), содержащая наиболее крупные фрагменты кальцинированных костей человека и овцы. В инвентарь погребения, кроме керамики (340 фрагментов, в т.ч. от амфоры, нескольких кубков и трехручной вазы) и мелких металлических предметов, входили обломки стеклянного сосуда и игрального жетона.

В кургане № 1 из Войскового также прослежена обмазанная глиной площадка со следами сооружения из дубовых бревен [Бодянский 1968]. Кремированные останки человека находились в яме диаметром 0,35 м, глубиной 0,4 м от уровня площадки. В кальцинированном эпифизе ноги обна-

¹¹ Следует учитывать, что ценные вещи из легкоплавких материалов обычно уничтожались в пламени погребального костра и об их присутствии можно судить только по слиткам или каплям стекла, бронзы, серебра.

ружен глубоко засевший наконечник стрелы. В слое золы собрано более тысячи фрагментов керамики (до 18 сосудов); среди них - амфора и известная одноручная ваза с руноподобными знаками (рис. 53:2). В погребении были также слитки бронзы, части стеклянного кубка, набор игральных жетонов из стекла черного и светло-зеленого цвета (более 20), кальцинированные кости козы и птицы. В кургане № 2 того же могильника на кострище сохранились обугленные части узких и тонких дубовых досок, по предположению автора раскопок - остатки деревянного ложа.

Остатки наземных погребальных сооружений из дерева могли сохраниться только под курганными насыпями, которые для черняховского погребального обряда не типичны. Степень распространенности сожжений в деревянных камерах на обычных „полях погребений” остается неизвестной и кремации знати выделяются здесь только по составу инвентаря. Приведем несколько примеров таких погребений.

Компанийцы 86. В яме диаметром 0,35 м, глубиной 1 м вместе с урной лежали набор оружия (меч, детали щита, топор, накопечники копья, дротика, стрел), железные детали ведра, остатки серебряного сосуда, фибула.

Каборга 5. В яме диаметром 0,35 м, глубиной 0,75 м насчитывалось 32 предмета, включая 19 керамических сосудов. Среди инвентаря - амфора, краснолаковый кувшин, кубки, бронзовый нож, две широкие костяные трубки (возможно, горловины бурдюков для вина).

Ханска-Лугэриш 14. Находилось в яме 1,4 x 1,2 м, глубиной 0,23 м. В инвентаре - обломки десяти сосудов, оружие - пять наконечников дротиков и стрел, куски разрубленного золотого браслета, оплавленные фрагменты двух роскошных бронзовых сосудов - ведра и таза, бронзовые детали римского ларца (?), игральный жетон из фиолетового стекла.

Данчены 64. Керамика не зафиксирована, но имелись подвески из золота (две лунницы и проволочное кольцо) и серебра (три кольца), также оплавленные остатки бронзовых украшений и стеклянного кубка.

* * *

Для определения общественного ранга погребенного имеет значение набор посуды, помещенной в могилу. Греко-римские обычаи употребления вина с определенным церемониалом с раннего времени охотно воспринимались знатью различных варварских народов Европы. Обломки амфорной тары, в которой перевозилось вино, встречаются практически на каждом поселении черняховской культуры, включая наиболее удаленные от причерноморских портов [Кропоткин, Кропоткин 1988].

Известно, что пирами сопровождалась политические, религиозные и общественные мероприятия. Пир устраивались вождями для своих приближенных и участие в них было почетным правом избранного круга аристократии. Религиозным значением трапез может объясняться черняховский обычай украшать символическими знаками и изображениями керамические кубки, кувшины и трехручие вазы. В загробном существовании знатного человека пиру также уделялось важное место. В Северном Причерноморье в могилах скифской и сарматской аристократии, как правило, находят многочисленные амфоры и сервизы для вина, включающие драгоценную утварь местного и импортного производства [Rolle 1979, 121-155; Симоненко, Лобай 1991, 65].

Для черняховской культуры более близкую параллель (хронологически и типологически) представляют „княжеские” погребения римского времени, открытые на территории Германии и Польши. Они также содержали редуцированные (сокращенные) сервизы для вина, которые имели „нормативный”, т.е. обязательный для аристократии определенного ранга характер и обычно включали дорогие импортные вещи [Bierbrauer 1989, 45-47]. В нормативный сервиз „княжеских” погребений типа Лейна, Хасслебен и Сакрау в Центральной Европе [Schulz 1933; 1953; Grempler 1887; 1888; Kramarkowa 1990] обычно входили бронзовое или деревянное ведро, стеклянные, серебряные, глиняные кубки или чаши, бронзовые черпак и сито. Судя по костям животных, основу ритуальной пищи составляло мясо. Для еды предназначались блюда и миски - бронзовые, а также глиняные, нередко довольно грубой ручной лепки. Встречаются серебряные ложки и ножи. Составной частью аристократического пира были азартные игры римского происхождения: в погребениях находят остатки игральных досок и стеклянные жетоны для игры „калькули”.

Более двух десятков „княжеских” погребений известно в вельбарской культуре [Bierbrauer 1989, 55-68]. Наборы принадлежностей ритуального пира в них повторяют комплексы типа Лейна-Хасслебен, но отличаются несколько меньшей роскошью: отсутствуют серебряные кубки и ложки. На территории черняховской культуры этой норме полностью соответствует пиришественный набор из погребения в Рудке, включавший, помимо глиняной посуды и костей свиньи, бронзовые ведро и миску, стеклянный кубок, серебряный нож, игральные жетоны.

В черняховском культурном комплексе ритуальный сервиз для вина претерпевает заметные изменения в сторону упрощения, но его значение в погребальном обряде не меняется, т.к. он прежде всего являлся свидетельством принадлежности умершего к верхним слоям общества, к кругу пирующей аристократии.

Отличия черняховских сервизов для вина от европейских „княжеских” стандартов имеют качественный и количественный характер, зависевший как от материальных возможностей индивидуума, так и от других причин. Главным составляющим ритуального сервиза является кубок. Престижными, несомненно, были сосуды из стекла. Более многочисленны парадные глиняные кубки и чаши, имитирующие стеклянные прототипы. Во многих случаях в сервизе находят по два или более кубков из разных материалов. Парность питьевых сосудов характерна и для европейских „княжеских” могил. Это объясняют обычаем использовать каждый кубок только для определенного напитка (например, мед или пиво) [Werner 1950, 168].

Находки стеклянных кубков в детских погребениях подтверждают их именно ритуальное, а не утилитарное назначение. Например, присутствие такого (явно предназначенного для вина) сосуда в погребении Оселивка 15 с останками ребенка 3-4 лет не является свидетельством пристрастия к вину при жизни, а говорит о его аристократическом происхождении и о его праве в загробном мире занять свое место в кругу пирующих предков. В процессе деградации данного обычая, связанном с распространением безынвентарных могил с западной ориентацией, кубок может заменить собой весь сервиз (т.е., он представляет собой редуцированный до крайней степени сервиз). Примеры - „западные” погребения Ранжевое 12, 14 и 18, Журавка 60, Данилова Балка, где из посуды представлены только конические стеклянные кубки. Этот обычай находит продолжение в 5 в. на Дунае, где в погребениях германской аристократии находят сокращенные сервизы для вина (кувшин и кубок) [Bierbrauer 1980, 134, 138].

Вместе с кубками в могилы клали другие сосуды для вина. Часто это глиняные кувшины местного и импортного производства, иногда амфоры (Оселивка, Войсковое, Викторовка, Каборга, Каменка-Анчекрак, Николаевка). „Нормативные” бронзовые ведра встречаются редко. Это упомянутое погребение в Рудке, кремация 14 из Ханска-Лутэрия, фрагменты из культового слоя могильников Косанов и Петрикивцы [Никулицэ, Рикман 1973, рис. 48; Кравченко 1967, рис. 12; Магомедов, Левада 1997, рис. 1:12]. Известны дерсвятные ведра с железными деталями - кремация 86 из Компанийцев [Махно 1971, рис. 5:10], ингумации из Балцат и Чумбруд [Федоров, Рошаль 1981, 97; Dankantis, Ferenczi 1969, 614], а также керамические имитации ведер добродзеньского типа - кремация № 5 из Каборги [Магомедов 1979, табл. VI:6] (рис. 58:1) и находки из Румынии [Ioniță 1972, 99]. Насколько широко использовались деревянные ведра без металлических частей, можно только догадываться. Роль бронзовых тазов могли выполнять керамические трехручные вазы.

6. Генезис погребального обряда черняховской культуры

Общий взгляд на черняховскую погребальную обрядность создает впечатление большой пестроты, эклектического соединения разных по происхождению элементов, которые имеют соответствия в предшествующих или синхронных культурах данной территории. Население степной зоны Украины в первых веках нашей эры составляли племена сармат, у которых безраздельно господствовал обычай ингумации в разных типах погребальных ям. В низовьях Днестра сохранились поселки полуварварского эллинизированного населения, позднескифские традиции которого подверглись значительной сарматизации, что особенно заметно в погребальном обряде [Вязьмитина 1962, 170; Лей 1987, 66]. На юго-западе в могильниках фракийского населения гетодакийской и липицкой культур находят кремации преимущественно в закрытых урнах. До 1 в. н.э. северные районы будущей черняховской территории занимала зарубинецкая культура, для которой характерны ямные, реже урновые сожжения с сосудами-приношениями. На немногочисленных могильниках позднезарубинецкой и киевской культур погребения имеют вид кремаций в ямах, часто с остатками костра и пережженной керамики. Наконец, на исходе 2 в. на Северо-Западе Украины появляются племена вельбарской культуры. Их погребальные обычаи, обогащенные на цецельском этапе пшеворскими элементами, включали разнообразные типы кремации и в меньшей мере ингумации.

В черняховском погребальном обряде встречаются практически все перечисленные типы погребений. Из этого не следует, что он является продуктом механического смешения разных культурных компонентов. Формирование погребальной обрядности - процесс сложный и многогранный. В нем возможны заимствования каких-то элементов, а также глубокие изменения, связанные с эволюцией духовной жизни и социальными сдвигами. Тем не менее, особенности обряда, общие для черняховской и предшествующих культур, соотношенные с иными источниками, могут служить основой для выяснения их преемственности.

6.1. Биритуализм

Из всего круга культур, которые могли иметь отношение к формированию черняховской общности, биритуализм в развитом виде был присущ лишь вельбарской культуре. В раннеримское время в ее погребальном обряде в целом доминирует сожжение, но в области южнее Нижней Вис-

лы появляются биритуальные могильники с преобладанием трупоположений [Schindler 1940, 98; Bierbrauer, 1998]. Вначале (фаза В₁-В₂) обряд ингумации чаще был связан с богатыми захоронениями („княжеские” погребения, курганы), но затем распространяется шире и в позднеримское время (фазы С₂ и С₃) становится доминирующей формой погребального обряда в Польском Поморье [Walenta 1981, 90]. В результате продвижения носителей вельбарской культуры на юг, их могильники с конца 2 в. появляются (и функционируют позже) на юго-восточной границе Польши (Масломенская группа [Kokowski 1995a]) и на Вольфии. Часть могильников содержит исключительно кремации (Дитиничи, Любомль), а другая часть - значительный процент ингумаций (около половины: Баев, Морочин) или полное их преобладание (Грудек Надбужный, Масломенч). Ингумации открыты также на ряде разрушенных или мало исследованных некрополей (Баев 2, Городище, Гирка-Полонка, Рудка). В восточном регионе вельбарской культуры известны и другие биритуальные некрополи позднеримского времени: Цецеле (10% ингумаций), Брулино-Коски, Дрогичин, Стара Весь (37-42%), [Kokowski 1993e, 181].

Биритуализм вельбарской и черняховской культур - явление для Европы не уникальное, а скорее закономерное, отвечающее духу эпохи. Со 2 по 6 в., еще до принятия христианства, территория Германии была охвачена процессом кардинальной смены погребального обряда - от традиционной кремации к полному господству обряда ингумации. Причины этих изменений во многом не ясны, но они несомненно связаны с перестройкой идеологических представлений в ходе распада архаических родо-племенных структур. Для могильников разных германских племен, особенно в 3-4 вв., характерно многообразие вариантов сожжения и трупоположения, различные виды погребальных сооружений и способы снаряжения покойных [Schulze 1983, 269-279]. Процесс смены погребальных обычаев повторился в Восточной Европе в 10 в. в период становления государственности у славянских племен. Причины его, по мнению специалистов, также не были связаны с влиянием христианской обрядности [Рыбаков 1987, 111-112; Моця 1990, 83-84].

6.2. Кремации

Разнообразие черняховского обряда кремации приводило исследователей к выводу о самостоятельном происхождении отдельных типов трупосожжений из разных культурных традиций: зарубинецкой (урны с сосудами-приставками), гето-дакийской (накрытые урны), пшеворской (погребения с пережженной керамикой) [Кравченко 1970]. Однако процесс формирования черняховского обряда кремации мог иметь и менее сложный характер.

Соответствия практически всем типам черняховских ямных и урновых сожжений имеются в вельбарской культуре. Среди них есть закрытые урны, погребения с сосудами- „приношениями” и т.д. В вельбарских погребениях 3-4 вв., как и в черняховских, нередко присутствуют фрагменты пережженной керамики, что связывают с влиянием пшеворской культуры [Могильников 1974, 162; Jaskanis, Okulicz 1981, 181]. Наиболее ярко пшеворский элемент в черняховском погребальном обряде проявляется в наличии трупосожжений с оружием. Это погребения Компанийцы 86 и 196, Завадовка 5, Августиновка 2, Оселивка 70, Маласшты 3 и 20, Ханска-Лутэрия 14, Тыргшор 16 и 147, Могошань 15 и др. [Магомедов, Левада 1997]. В римское время обычай захоранивать побывавшие в огне детали щита, наконечники дротиков, топор или согнутый меч считается характерным именно для пшеворской культуры, где кремации с предметами вооружения составляют на могильниках в среднем, за небольшим исключением, от 1 до 3 % [Ивкитина 1974, 92-99]. Для могильников позднего этапа пшеворской культуры, составляющих добродзенскую группу, характерен „культурный слой” из остатков сожжений, также представленный на многих черняховских некрополях [Szydłowski 1977, 75; Петраускас 1993].

Среди черняховских сожжений выделяются „княжеские” подкурганые кремации из Башмачки и Войскового. По формальным признакам они имеют общие черты с погребальным обрядом культуры карпатских курганов [Вакуленко 1997]. Однако эти памятники имеют отношение к шуму, гето-дакийскому, кругу древностей, тогда как комплексы погребений из Башмачки и Войскового обладают явными вельбарскими чертами. Скорее их следует сопоставить с курганами Ростолтского типа, которые появляются в начале позднеримского времени преимущественно на востоке Польши. Здесь исследовано около 50 насыпей, содержащих богатые погребения - ингумации или кремации (в том числе рассредоточенные на поверхности); часто встречаются каменные конструкции, а также остатки деревянных камер (также на поверхности). Эти курганы считают местным вариантом погребений племенной аристократии, распространенных в германских культурах Центральной и Северной Европы [Jaskanis, Okulicz 1981, 185-189].

Юго-западные области черняховского ареала (территория современной Румынии) оказались на землях, заселенных до этого гето-дакийскими племенами, у которых полностью господствовал обряд кремации. Г. Диакону выделил на могильниках культуры Сынтана де Муреш (черняховской) группу погребений культурного варианта Тыргшор-Герэсени, связанную, по его мнению, с давними традициями местного населения [Diaconi 1964; Diaconi 1976, 310]. К ним относятся сож-

жения трех типов, обычно в ямах диаметром 0,5-0,6 м, глубиной 0,4-0,7 м:

А) ямные с большим количеством костей без инвентаря,

В) ямные, накрытые сосудом или крупным черепком,

С) в накрытой урне.

В таких погребениях инвентарь не носит следов огня, вещи складывались поверх костей¹². По нашему мнению, группу погребений Тыргшор-Герэсени можно уверенно связывать с гето-дакийской традицией только при статистическом подтверждении их концентрации в областях Подунавья. Наблюдения Г.Ф. Никитиной показывают, что сожжения таких же типов были распространены и в различных областях Украины [Никитина 1985, 64-77]. При этом мы не сомневаемся в определенном присутствии гето-дакийского элемента на черняховских памятниках Подунавья, на что указывают отдельные находки характерной лепной керамики в погребениях разных типов (включая ингумации) и на поселениях.

Важным является вопрос о возможности выявления в черняховском погребальном обряде черт киевской культуры, древности которой предшествовали черняховским в среднечерноморском регионе, особенно в области Левобережья. Имеются сведения о 9 могильниках и 7 разрозненных погребениях этой культуры из бассейна Среднего и Верхнего Днепра, где было исследовано около 170 погребений [Терпиловский, Абашина 1992, 38-44]. Подавляющее их большинство - кремации, захороненные в ямах диаметром от 0,35 до 1,2 м; немногочисленные кальцинированные кости обычно рассредоточены и смешаны с остатками костра. Менее четверти могил содержат фрагменты керамики, иногда прочий инвентарь. Подобные погребения встречаются и на черняховских некрополях. Следует обратить внимание на малое количество обнаруженных киевских некрополей (по сравнению с поселениями); кроме того, в зоне контактов обеих культур киевские могильники позднеантичного времени не известны. Поэтому нельзя исключить, что у киевских племен был распространен вид погребального обряда, не оставляющий заметных археологических следов.

Таким образом, на всей территории черняховской культуры в обряде трупосожжения проявляются в первую очередь вельбарские черты. С ними в большой степени сходны характерные типы погребений местных предшествующих культур - киевской и гето-дакийской. Уверенно выделить эти этнокультурные элементы в черняховском погребальном обряде, по крайней мере, на современном уровне исследований, не удастся, хотя и исключить их присутствие нельзя.

6.3. Конструкция могильных ям с ингумациями

Важное значение для культурно-этнических определений имеют формы ям с труположениями. Относительно происхождения простых могильных (грунтовых) ям ничего конкретного сказать нельзя, т.к. в рассматриваемое время они имели широкое, „внеэтническое" распространение, сочетаясь у многих народов с другими типами погребальных сооружений. В Юго-Восточной Европе такие формы могильных ям для труположений преобладали у сармат, поздних скифов, греко-античного населения Северного Причерноморья, германского населения вельбарской культуры.

Вторым по распространенности на черняховских некрополях является тип ям с заплечиками, т.е. могилы, перекрытые деревом или каменными плитами. Принято мнение, что такая конструкция выступает признаком сарматского погребального обряда. Это верно лишь отчасти - для погребений без каменных перекрытий.

На обширном пространстве расселения сармат известны могильные ямы с уступами-заплечиками, на которых прослеживаются остатки деревянных перекрытий, хотя чаще от них не остается ничего. Среди погребений сармат I - середины III в. наибольшая концентрация ям такого типа наблюдается в Буджакской степи между устьями Днестра и Дуная (около 24% всех погребений); в других регионах - в лесостепной Молдове и в степях от Днестра до Волги в тот же период они составляют около 5% [Дзиговський 1993, 14]. С середины III в. погребения с заплечиками в Буджак также почти исчезают (в связи с уходом роксолан: см. раздел 7.3. „Иранцы"). Таким образом, эта сарматская традиция вряд ли могла существенно повлиять на сложение черняховских погребальных обычаев.

Однако, кроме сарматских степей, могилы с перекрытием хорошо известны и у античного населения Северного Причерноморья, причем часто с использованием камня. В некрополе Пантикапея „доминирующим типом всегда была простая грунтовая яма, иногда снабженная уступами и перекрывающаяся деревянными досками или каменными плитами" [Блаватский 1961, 191]. Со II в. до н.э. ямы с перекрытием широко распространились на сельских поселениях Европейского и Азиатского Боспора, в Танаисе и Херсонесе [Корнусова 1983, 17-21; Арсеньева 1977, 102, 110]. Некрополи

¹² Г. Днакону отделяет группу Тыргшор-Герэсени от сожженных группы Тыргшор-Олтени (германский элемент); для них характерен обгоревший инвентарь, перемешанный в яме или урне с костями; количество костей небольшое - „символическое" [Diaconi 1976, 310].

античных поселений Северо-Западного Причерноморья, вошедшего в ареал черняховской культуры, исследованы до сих пор слабо, однако в окружении Ольвии ямы с каменным перекрытием, возможно, издавна были одним из ведущих типов могил. Такая конструкция зафиксирована в погребениях архаического периода на о. Березань и у с. Викторовка на Березанском лимане [Доманский, Виноградов, Соловьев 1989, 58; Отрешко 1976], в эллинистических могильниках Рыбаковка, Дидова Хата и Лагерная Коса на Березанском и Бугском лиманах [Сымонович, Яровой 1971; Лашин 1969; Рубан 1978, 34; Буйських, Нікітін 1988]. На пункте Козырка 9 вскрыто несколько могил 2 в. н.э., предположительно связанных с известным городищем Козырка [Бураков 1976]. Здесь, так же, как и на более ранних некрополях, имеются ямы простые, подбойные и перекрытые камнем [Отрешко 1979].

Относительно происхождения конструкции ям с заплечиками в погребальном обряде античного населения Северного Причерноморья, нам представляется правильным мнение Е.Г. Кастанаян, поддержанное Д.Б. Шеловым. Отмечая наличие могил с перекрытиями в ряде центров греческой метрополии, а также влияние синдо-меотской и скифской (добавим: и сарматской) традиций, эти исследователи считают, что „из принесенных в Северное Причерноморье греческими колонистами обрядов и обычаев получили наиболее широкое распространение те, которые в какой-то степени соответствовали представлениям и обычаям местного населения. Приобретая некоторые местные черты, они стали специфическими особенностями северопричерноморских некрополей" [Шелов 1961, 85; Кастанаян 1959, 285, 287, 293].

Черняховские погребения с каменными перекрытиями известны в ограниченной области Черноморского побережья между Днепром и Тилигульским лиманом, практически совпадающей с сельской округой Ольвии римского времени [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко 1989, 152-219]. Они связаны с группой черняховских памятников причерноморского типа, оставленной эллинизированным населением позднескифского в основном происхождения [Магомедов 1987, 87-93]. Яркой отличительной чертой этой группы является широкое применение камня-известняка в домостроительстве и в быту. В комплексе с поселениями исследован ряд могильников: Коблево, Викторовка, Ранжево, Каменка-Анчекрак; два погребения найдено при городище Александровка [Магомедов 1987а, 31]; одно - в составе поздней (черняховской) группы погребений на позднескифском могильнике Николаевка [Ebert 1913, 90, Abb. 99]. Для черняховских некрополей причерноморского типа наиболее характерны ямы с заплечиками с перекрытием из каменных плит наподобие античных захоронений¹³. В перекрытые могилы ставили зажженные светильники - иногда римскую штампованную лампу или ее лепное подражание (Каменка-Анчекрак, Коблево), но чаще - примитивную плоскую из придонной части горшка с характерно закопченными краями. Традиция помещать в могилы светильники получила в римское время в Северном Причерноморье массовое распространение [Зубарь, Сорочан 1984]; известна она и у эллинизированного позднескифского населения Нижнего Днепра [Вязьмитина 1972, 126-127]. Местные античные традиции проявляются и в других деталях погребального обряда: в захоронении из Коблево найдена монета, стенки погребения 10 из Каменки-Анчекрак были облицованы обтесанными каменными плитами, обложенные камнями стенки могил отмечены также в Викторовке и Ранжево. В Александровке найден алтарь- „эсхара", имеющий аналогии на некрополях Причерноморья и Греции [Магомедов 1987а, 34].

С черняховскими могильниками причерноморского типа связан и обычай, который нельзя объяснить влиянием греческих традиций. Это упоминавшийся выше обычай подмазывать дно могилы зеленой глиной, встреченный в Коблево, Викторовке, Ранжево, Каменке-Анчекрак. За пределами региона Причерноморья он проявляется только на могильниках с высоким процентом ям с заплечиками (Журавка, Курники). Такая же деталь обряда известна на Нижнем Днепре в позднескифских могильниках Золотая Балка, Красный Маяк, Николаевка и в некрополе Неаполя Скифского [Гей 1987, 57-61; Сымонович 1983, 64], а также на Березанском лимане - на уже упоминавшемся эллинистическом некрополе с каменными перекрытиями в с. Рыбаковка [Сымонович, Яровой 1971]. Распространение этого обычая в черняховской культуре явно связано с традициями поздних скифов.

Таким образом, конструкция могил с заплечиками в черняховской культуре с одной стороны может быть связана с сарматами, с другой стороны (и в большей степени) - с традициями эллинизированного населения Причерноморья, которое принято называть поздними скифами.

Следует упомянуть детское погребение в могиле, обложенной римским кирпичем из могильника Тыргу-Муреш (погр. VII). Связь этой конструкции с традициями провинциально-римского населения сомнений не вызывает.

¹³ Можно предположить, что использование камня для перекрытий объясняется не традицией, а его доступностью. Однако в Буджакской степи (между устьями Дуная и Днестра), также богатой выходами известняка, на сарматских могильниках ямы с заплечиками перекрывались деревом, хотя входы подбойных и катакомбных могил почти всегда заложены плитами [Циговский 1993, 23-25].

Подбойные и катакомбные могилы, менее распространенные в черняховской культуре, чем ямы с заплечиками, явно связаны с обычаями кочевников. На курганных могильниках Буджакской степи они массово используются во второй половине 3 - начале 4 в., что объясняют проникновением сюда новой волны сармато-алан [Фокеев 1986, 160-161; Гудкова, Фокеев 1992, 95; Дзиговский 1993, 14-16, 124]. В предшествующее время катакомбы „аланского" типа для территории Украины не были характерны, но сооружались сарматами Нижнего Дона и Центрального Предкавказья [Безуглов, Копылов 1989].

Особым видом могил с перекрытием являются упоминавшиеся выше погребения в деревянных камерах. Могилы с остатками дерева или столбовыми ямками в дне открыты в Черняхове, Могилянах-Хмельнике, Маслове, Фурмановке, Данчанах, Балцатах, Будештах. Среди прочих погребений такие могилы выделяются большой глубиной (2-4 м) и площадью (3,5-7,1 кв.м), а также богатым инвентарем. В Центральной и Западной Европе у различных германских племен подобные деревянные сооружения использовались в римское и раннесредневековое время для захоронений знати. По существующим реконструкциям такие могильные сооружения, кроме нижней погребальной камеры, имели также наземную часть в виде домика (Hausgrab). Ямы иногда снабжены высокими неширокими ступеньками подобно заплечикам [Menghin 1985, 61-65; Dannheimer 1987, 32-33]. Такие могилы есть, в частности, и на вельбарской территории. Подобная реконструкция позволяет объяснить наличие большого количества древесного тлена и обугленных досок толщиной 6-8 см в погр. 11 из Балцат: имевшийся над этой могилой „домик" сгорел и провалился вниз. На наш взгляд, черняховские погребения в деревянных камерах связаны с германским культурным элементом и принадлежали представителям семей господствующей прослойки на уровне общины и выше. Как местная разновидность таких погребений выступают большие ямы с низкими заплечиками, в чем проявилась позднескифская традиция.

6.4. Этно-культурные признаки в обряде ингумации

Погребальные обычаи, отраженные во внутренней обстановке черняховских могил, в ряде моментов находят параллели как в вельбарском, так и в сарматском обрядах (отчасти также и в „сарматизированном" обряде позднескифских некрополей Нижнего Днепра). В ингумациях вельбарских могильников и в сарматских погребениях Причерноморских степей римского времени доминирует ориентация на север, другие направления встречаются как исключение. У тех и других обычное положение погребенных - на спине, но встречается и скорченное положение; различным бывает положение рук и ног; на дне и в заполнении могил встречаются угольки как отражение ритуальных действий с огнем [Могильников 1974, 136-166; Jaskanis, Okulicz 1981; Гросу 1990, 26-35; Дзиговский 1993, 7-26]. У сармат часто встречаются ритуально разрушенные могилы (в Днестровско-Прутском междуречье около 30%). На вельбарских некрополях ранне- и поднеримского времени также встречаются разрушения, ритуальное значение которых подтверждается сохранностью ценного инвентаря и характером заполнения (чистый песок, включения древесного угля) [Могильников 1974, 158-159]¹⁴.

Погребальные обычаи черняховской и вельбарской культур сближает также наличие на некрополях так называемых „кенотафов" [Могильников 1974, 162]. Культовые (тризновые) ямы, подобные черняховским, открыты на южных вельбарских могильниках Любомль, Машев, Брест-Тришин [Кухаренко 1980, 29]. В предчерняховское время культовые ямы с остатками тризны известны на позднескифском некрополе Золотая Балка. М.И. Вязьмитина считала возможным связывать их появление с влиянием античных городов [Вязьмитина 1972, 113, 165].

Состав вещевого инвентаря в черняховских „северных", особенно ранних, и вельбарских ингумациях качественно практически не различается и включает детали одежды, предметы личного пользования (гребни, пряслица, иглы, детали шкатулок и т.д.), культовые предметы (различные категории посуды). Особенностью вельбарских обычаев является отсутствие в могилах вещей из железа, роль которых могли исполнять миниатюрные бронзовые амулеты (ножницы, ножи, топоры и т.д.). В черняховских ингумациях встречаются железные ножи, иглы, фибулы, амулеты.

Погребальный инвентарь сарматских могил имеет свои особенности. В женских погребениях бывает много бус, не являются редкостью металлические зеркала. Для мужских могил характерно оружие. Набор посуды связан в первую очередь с потреблением вина: кувшины, амфоры, кубки. Изредка встречаются остатки мяса (кости животного) с ножом. Отражением восточных культов являются находки сосудов-курильниц. Для большинства черняховских могильников сарматские черты в инвентаре не характерны, но иногда они проявляются достаточно ярко.

Именно появлением сармато-аланского населения можно объяснить находки оружия, включая мечи-кинжалы мечетского типа, в ингумациях позднего этапа черняховской культуры на некото-

¹⁴ Др. А. Коковский считает существование этого обряда в вельбарской культуре в целом проблематичным, но подчеркивает его присутствие в масломенской группе памятников этой культуры [Kokowski 1992].

рых могильниках Нижнего Дуная и Днестра¹⁵: Дрэгенешть (погр. 9), Фынтынеле (погр. 8), Чумбруд (погр. 34), Петроаселе 2 (погр. 6, 8-10), Холмское (погр. 23), Беленькос (см. разделы 5.4. „Оружие” и 7.3. „Иранцы”). Сарматское происхождение имеют металлические зеркала из Маслово и Вильшапки [Петров 1964, 142; Кравченко 1971, рис. 1:3], но этноопределяющим признаком они служить не могут.

Явно сармато-аланские, не типичные для черняховской культуры черты имеют три поздние погребения из Каптемировка. Они совершены под курганами в ямах разпой конструкции - с заплечиками, с подбосом, в катакомбе. Среди инвентаря, кроме вещей, обычных для богатых черняховских могил, были конские удила. Ориентировка всех погребений на могильнике - северная.

Южная ориентировка погребенных является для черняховской культуры редкостью и в большинстве случаев вряд ли может служить этноопределяющим признаком. Исключения составляют уже упоминавшиеся два небольшие могильника на территории Румынии: Фынтынеле в Трансильвании и Петроаселе 2 в Мунтении¹⁶. Захоронения, ориентированные на юг, считаются характерными для сармат-языгов в Украинской степи (до 1 в. н.э.) и в Венгерской Пусте. По-видимому, названные некрополи принадлежат тем группам языгов Среднего Дуная, которые в гуннское время присоединились к везеготам (см. разд. „Иранцы”).

* * *

Рассмотренные выше признаки связаны преимущественно с погребениями, ориентированными головой на север и отчасти на юг. Западная ориентировка со своим особым комплексом признаков для германцев и сармат не характерна. Ее появление на черняховских могильниках некоторые авторы объясняют проникновением христианства [Ionită 1972, 102; 1995; Сымонович 1978], семейными и локальными традициями [Maczyńska 1996a], В.В. Седов связывает ее с иранским (скифо-сарматским) населением [1979, 97] или со славянами [1994, 273].

Суммируем сведения, связанные с черняховскими „западными” погребениями.

1. Ингумации с западной ориентировкой составляют в среднем 16% всех труположений, а учитывая, что около половины погребений приходилось на кремации, эта цифра уменьшится до 8% от всех погребений.
2. Значительный процент западной ориентировки встречается лишь на могильниках с низким процентом кремаций или с их полным отсутствием.
3. Географически такие погребения тяготеют к восточным регионам черняховской культуры. Могильники с их преобладанием сосредоточены прежде всего в Северном Причерноморье и в меньшей мере - в Центральной и Восточной Украине.
4. Характерная конструкция ям „западных” погребений, кроме простой грунтовой, - яма с заплечиками (для последней другие виды ориентировки не характерны).
5. Для инвентаря „западных” ингумаций не характерно большое количество посуды, которая ограничивается обычно сосудами для питья (кувшин, амфора, кубок); менее характерны, чем для „северных”, находки фибул, что говорит о разнице в костюме. Преимущественно в этих же могилах встречается подмазка дна зеленой глиной.
6. Хронологически западная ориентировка выступает более поздним явлением, чем северная.

Объяснение появления западной ориентировки влиянием христианства, на наш взгляд, не имеет достаточных оснований. Таких могил очень мало в Мунтении (3%), т.е. на Нижнем Дунае, где началась христианизация готов¹⁷ [Wolfram 1990, 84-94]. В Молдове известна находка медаллона предположительно с изображением Св. Даниила (Михалашень, погр. 123), но это погребение ориентировано на север и снабжено богатым инвентарем [Șovan 1987]. Христианские погребения, обращенные головой на запад, появляются у готов позже, после их ухода из Причерноморья. Но даже в Италии известен готский могильник 5 в. с северной ориентировкой [Bierbrauer 1975, 58-59].

Для ранних погребальных традиций германцев и большинства сармат характерна северная ориентировка. Зато в обычаях восточноевропейских скифов наиболее предпочтительной была западная ориентировка погребенных [Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 136]. Этот обычай сохраняет позднескифское население городищ Нижнего Днестра и Крыма раннеримского времени. Положение скелетов головой на запад преобладает в Николаевке, составляет значительный процент в Золотой Балке, Красном Маяке, некрополе Неаполя Скифского [Гей 1987, Сымонович 1983].

¹⁵ Среди черняховских ингумаций находки оружия известны также в „княжеских” погребениях Переяслав-Хмельницкий 5 (наконечник стрелы) и Чернелив-Русский 265 (пять бронзовых наконечников). Эти случаи связаны с совершенно другой традицией и полностью соответствует обряду погребения германской знати типа Лейна-Хасслебен [Bierbrauer 1989; Магомедов 1994; Магомедов 1997b].

¹⁶ На другом могильнике гуннского времени в Петроаселе два из трех погребений также имели южную ориентировку [Diaconi 1986a].

¹⁷ С христианским обрядом можно связать несколько черняховских погребений 4 в. на провинциальном некрополе Пятра-Фрекепей (Цобруджа), имевшим, как и остальные захоронения этого могильника, западную ориентировку [Петре 1962].

В отличие от черняховских могильников, на позднескифских некрополях раннеримского времени преобладают камерные могилы - в основном склепы-катакомбы с поперечным („Т-образным“) расположением камер. Их использование прекращается на рубеже 1-2 вв. н.э. и под влиянием сарматских обычаев их место занимают могилы с „малочисленным и невыразительным инвентарем“ - простые грунтовые ямы, подбои, а также катакомбы с продольным расположением камер (того же типа, что и на черняховских некрополях) [Гей 1987, 63].

По нашему мнению, появление в черняховском погребальном обряде могил с западной ориентировкой является отражением местных позднескифских традиций. Кроме самой ориентировки и типа могильных сооружений (ямы с заплечиками - см. выше) это подтверждается рядом дополнительных аргументов. Концентрация могильников с большим процентом западной ориентировки наблюдается в причерноморском регионе - исторической области расселения поздних скифов. Для этих могильников характерен низкий процент кремаций или их полное отсутствие. Малое количество инвентаря в „западных“ погребениях (или наличие только посуды для вина) согласуется с обычаями рядовых захоронений у степных народов. Такая деталь обряда, как подмазка дна могилы зеленой глиной встречается только на позднескифских могильниках (см. выше).

Относительно позднюю датировку „западных“ погребений по сравнению с „северными“ можно объяснить длительностью процесса интеграции позднескифского населения в германскую среду черняховской культуры. В отличие от более северных областей, большинство некрополей Причерноморского региона (кроме Каборги) появляется только на ступени С3 (около 330-380 гг.) [Гороховский 1988]. В это время происходит распространение групп позднескифского населения и его обычаев в другие регионы.

Наши наблюдения полностью подтверждаются данными антропологии. Черепа из „западных“ могил, представленные в Журавке, Холмском, Черняхове, Малаепти принадлежат преимущественно к позднескифскому типу, тогда как „северные“ связаны с иным антропологическим типом (см. разд. „Антропологические данные“).

* * *

Таким образом в погребальном обряде черняховской культуры мы можем выделить ряд важнейших признаков, связанных с определенными культурно-этническими традициями.

1. **Кремации** в основной массе принадлежат германцам, хотя нельзя исключить присутствие раннеславянского и гето-дакийского элементов.
2. Конструкции могильных ям в ингумациях:
простые ямы применяли германцы, сарматы, поздние скифы;
ямы с заплечиками характерны для сармат и поздних скифов;
ямы с подбоем и катакомбы характерны для сармат;
3. Ориентация погребенных в ингумациях:
северная характерна в основном для германцев и сармат, отчасти и для поздних скифов;
западная характерна для поздних скифов;
южная характерна для отдельных групп сармат.

Перечисленные признаки можно изобразить в виде таблицы:

культурно-этнический тип	Обряд		Ингумации			Ориентировка		
	ингумации	кремации	простые ямы	заплечики	подбой, катакомба	Сев	Зап	Южн
германский	+	+	+			+		
сарматский	+		+	+	+	+		+
позднескифский	+		+	+		+	+	

Главное значение этих признаков состоит в том, что они охватывают все погребения каждого могильника или региона и в определенной степени могут служить для культурно-этнического определения конкретных групп населения черняховской культуры. Мы придаем важное значение и таким археологическим признакам, как этнографические особенности керамики и других вещей, отдельные детали обряда, наличие деформированных черепов. Но такие критерии имеют не массовый, иногда случайный характер и поэтому могут играть лишь вспомогательную роль.

7. Географическое распределение культурно-этнических признаков

Основные признаки погребального обряда черняховской культуры, выраженные в цифрах, дают более ясное представление о сходстве и различиях между отдельными регионами. Эти цифры

даны на таблице в Приложении 3, где для сравнения представлены также вельбарские могильники. Рассмотрим каждый регион в отдельности. Напоминаем, что названия регионов условны.

ЗАПАДНАЯ УКРАИНА. Средний и высокий показатель ингумаций (44-100%). Северная ориентировка полностью преобладает. Ямы с заплечиками найдены на могильнике Черпелив-Русский, где отмечен самый высокий показатель погребений с западной ориентировкой (23%), а также в Петрикивцах, где есть погребение с южной ориентацией. Подбойная могила найдена в Малиновцах - самом южном могильнике на границе с регионом „Молдова“, для которого ямы сложных форм обычны.

В регионе „Западная Украина“ полностью преобладают германские элементы погребального обряда, на отдельных памятниках присутствуют сарматские и позднескифские элементы.

МОЛДОВА. Ингумации представлены в широких пределах (0-100%). Северная ориентировка в целом преобладает. Выделяется небольшая группа могильников с высоким показателем западной ориентировки (33-69%) и преобладанием ингумаций (83-100%). Часть памятников имеет могилы с заплечиками и в меньшей мере - с подбоями. Все эти особенности, более характерные для Причерноморья и Центральной Украины, встречаются почти исключительно в восточной части региона (междуречье Днестра-Прута).

В регионе преобладает германский элемент, на большинстве восточных памятников присутствуют позднескифские и сарматские элементы.

МУНТЕНИЯ. Ингумации представлены в широких пределах (13-100%). Северная ориентация преобладает. Выделяется восточный субрегион, где проявляются отдельные признаки соседнего региона „Молдова“: ямы сложных форм (Болдешти-Грэдиштя, Александр Одобеску), заметный процент погребений с западной ориентировкой (Гэрэсэнь, Индепенденца); в Петроаселе 2 преобладает южная ориентация, погребения с южной и восточной ориентировкой есть в Копузу. Памятники западной части региона характеризуются однообразием погребального обряда (биритуальные могильники с „северными“ ингумациями в простых ямах).

В регионе господствует германский элемент, на восточных памятниках присутствуют также разнородные сарматские элементы.

ТРАНСИЛЬВАНИЯ. Регион исследован слабо, статистически достоверные данные имеются по двум могильникам. Очень высок процент ингумаций. Северная ориентировка преобладает на всех памятниках, кроме Фынтышеле, который составляет одну типологическую группу с могильником Петроаселе 2 (южная ориентировка, оружие в ингумациях). В Тыргу-Муреш найдено одно погребение провинциально-римского типа.

В регионе преобладает германский элемент, присутствует группа сармат.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ УКРАИНА. Выделены две группы могильников с разными показателями.

ГРУППА I. Процент ингумаций низкий и средний (18-78%). Северная ориентировка преобладает. На отдельных памятниках (2 из 12) встречаются ямы сложных форм. Это Косаново (ямы с заплечиками), могильник с наиболее высоким в группе показателем западной ориентации, и Компанийцы (подбой), где имеется также могила с южной ориентировкой.

ГРУППА II. Высокий показатель ингумаций (78-100%). Характерна западная ориентировка (40-59%). На большинстве некрополей найдены могилы с заплечиками, на некоторых - с подбоями. На юге региона выделяется группа памятников со значительным показателем ям с заплечиками (14-48%) - Канев, Данилова Балка, Журавка, Курники.

Два могильника (Переяслав-Хмельницкий, Деревьяна) стоят между этими группами, т.к. имеют низкие показатели ингумаций и северной ориентировки. В Переяславе-Хмельницком открыты могилы с заплечиками и подбоями.

В регионе в целом преобладает германский элемент (имеется на каждом могильнике), но на некоторых памятниках сильнее выделяется элемент позднескифский. Присутствует сарматский элемент.

ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА. Выделены две группы могильников.

ГРУППА I. Показатель ингумаций средний (50-69%), но на одном некрополе зафиксированы исключительно кремации. Северная ориентировка преобладает. В Кантемировке найдены могилы с заплечиками, подбоем и катакомба.

ГРУППА II. Показатель ингумаций высокий (98-100%). Характерна западная ориентировка (34-45%). В Боромле значителен показатель ям с заплечиками, есть могила с подбоем.

В регионе, как и в Центральной Украине, доминирует германский элемент, на отдельных памятниках преобладает позднескифский, присутствует сарматский.

НИЖНИЙ ДНЕПР (район Порогов). Регион исследован слабо. Низкий и средний показатель ингумаций (0-53%), очень высокий показатель северной ориентировки (90-100%). На имеющихся материалах проявляется только германский элемент.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ.

ГРУППА I представлена слабо (Каборга, Николаевка и Городок). Показатель ингумаций средний и высокий (до 100%), ориентировка только северная. В Каборге есть ямы с заплечиками и

подбоями, в Николаевке - с заплечиками, подбоями и катакомбы¹⁸.

ГРУППА II. Показатель ингумаций высокий (86-100%). Для всех памятников характерны западная ориентировка и сложные формы могильных ям. Выделяется одна подгруппа со средним показателем северной ориентировки (73-74%), которая состоит из могильников с катакомбами и значительным процентом ям с подбоями (18-46%): Фурмановка, Беленькое, Коблево. Во вторую подгруппу объединяются могильники с полным отсутствием кремаций, большим показателем западной ориентировки (39-70%) и преобладанием ям с заплечиками (50-85%): Холмское, Ранжевое, Каменка-Анчекрак. Могильник Гавриловка объединяет признаки групп I и II.

Для региона характерно смешение трех выделенных нами элементов. Германский присутствует на большинстве могильников, но преобладает лишь на некоторых памятниках на востоке региона (низовья Днепра-Южного Буга): Каборга (в смеси с сарматским элементом), Гавриловка (с позднескифским элементом), Городок. Сарматский элемент наиболее рельефно проявляется в Николаевке и могильниках первой подгруппы (Фурмановка, Беленькое, Коблево). В наиболее чистом виде представлен позднескифский элемент (вторая подгруппа: Холмское, Ранжевое, Каменка-Анчекрак).

* * *

Общая картина распределения культурно-этнических признаков погребального обряда выглядит следующим образом.

ГЕРМАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ представлен на всей территории черняховской культуры. В наиболее чистом виде - в регионе Западная Украина, в западной части Мултинии и в регионе Нижний Днепр (район Порогов). Только в отдельных регионах имеются могильники без явных его признаков (Трансильвания, Причерноморье). В большинстве случаев германский элемент сочетается с более или менее весомой частью других элементов.

САРМАТСКИЙ ЭЛЕМЕНТ представлен на многих могильниках, среди которых выделяются две локализованные группы. Для одной (скорее всего, аланы) характерны погребения с северной ориентировкой в катакомбах и подбоях; она размещается в Причерноморье (Беленькое, Фурмановка, Коблево, Николаевка, Великая Корениха), отдельные погребения есть в Восточной Украине (Кантемировка). Для другой группы характерны погребения в простых ямах с южной ориентировкой (Петроаселе 2 и Фынтынеле в Подунавье). Наиболее массовый сарматский элемент (погребения с северной ориентировкой в ямах с подбоями и заплечиками) представлен гораздо шире и всюду выступает как более или менее значительная примесь к основному германскому элементу. Он встречается на многих памятниках Молдовы и на некоторых Центральной Украины (обычно совместно с позднескифским элементом). Как незначительная примесь проникает в Западную Украину (Малиновцы, Петриковцы).

ПОЗДНЕСКИФСКИЙ ЭЛЕМЕНТ представлен в Северном Причерноморье в чистом виде (Холмское, Ранжевое, Каменка-Анчекрак) и в сочетании с другими элементами (Фурмановка, Беленькое, Коблево, Викторивка, Гавриловка). В Центральной и Восточной Украине он доминирует на могильниках Канев, Данилова Балка, Журавка, Курники, Боромля, присутствует на некоторых других, но повсюду совместно с германским элементом (на могильниках имеются сожжения или их следы). В западные области черняховской культуры позднескифский элемент проникает слабо. В регионе Молдова он встречается совместно с сарматским элементом и только в северный субрегион (Средний Днестр) проникает в значительной массе (Романковцы, Горошевы, Одая). В Западной Украине с позднескифским элементом можно связать находки в Чернеливе Русском.

Мы понимаем, что выделенные нами признаки не могут иметь абсолютного значения. В условиях культурной интеграции, в т.ч. в результате смешанных браков, происходит процесс обмена в области идеологических представлений, что отражалось и в погребальном обряде (возможно, в первую очередь в ориентировке погребений). В результате на кладбищах германских общин появлялись отдельные погребения с сарматскими или позднескифскими чертами и наоборот. Кроме того, для сармат северная ориентировка погребений не имела такого обязательного значения, как для готов. Наконец, наиболее массовым видом погребений в черняховской культуре была ингумация в простой яме с северной ориентировкой, что в разной степени характерно для всех трех культурно-этнических типов. В таких случаях на первый план для исследователя выступают другие признаки (инвентарь, антропологические определения).

Именно антропологические исследования могут стать главным критерием правильности нашей схемы. Мы уже упоминали о первых положительных результатах такой работы. Дальнейшее изучение всего краниологического материала могильников позволит в первую очередь выявить позднескифский, сарматский и аланский элементы в населении черняховской культуры, т.к. в

¹⁸ Могильник Николаевка имеет два хронологических горизонта. К позднеримскому (черняховскому) отнесены 8 могил с датирующими вещами из раскопок М. Эберта (погр. 1А, 1Н, 1J, 1L, 1М) и Э.А. Сымоновича (погр. 20, 110, 190) [Щукин 1970, 60]. К этому же горизонту может относиться часть безынварных погребений, но их невозможно вычлениить из массы могил основного позднескифского некрополя [Гей 1987, 66].

распоряжении исследователей уже есть достаточный материал для сравнений. Имеются трудности с выделением германских антропологических типов из-за их неоднородности: по-видимому, уже на прибалтийском этапе своей истории вельбарское население имело непростую этническую структуру, которая по пути на юг еще более усложнилась. Решить эту задачу можно только с привлечением материалов из могильников всех этапов готской истории, включая некрополи западно-европейских ост- и вестготов.

* * *

Подведем итоги исследования погребального обряда черняховской культуры.

1. Установлено, что племена готов приходят в Восточную Европу как носители вельбарской культуры. Погребальный обряд этой культуры неоднороден. Кроме большого числа моноритуальных могильников с сожжениями имеются бипитуальные могильники. В ближайшем соседстве с черняховским ареалом известны некрополи Масломенчской группы с полным преобладанием обряда ингумации (Масломенч - 90%, Грудек - 96%). Объяснить это влиянием только черняховской культуры нельзя, т.к. эти некрополи возникают в фазе В₂/С_{1a}, т.е. не позднее самых ранних черняховских памятников. Вместе с массой готов в Восточную Европу попадают группы представителей других германских племен - герулы, вандалы и прочие - со своими вариантами погребального обряда. С вандалами можно связать редкие сожжения с оружием пшеворского типа.

На ряде могильников установлено, что черняховский погребальный обряд в течение 3-4 вв. менялся в сторону возрастания процента ингумаций. Причины перемен кроются в эволюции религиозных представлений, характерной для разных германских культур позднеримского времени и периода миграций. Этот процесс усиливался за счет этнических смешений и культурного влияния местных народов. Во всяком случае, могильники черняховского типа, оставленные германцами, могут состоять из одних сожжений, из одних труположений или (в большинстве случаев) быть бипитуальными.

В процессе развития черняховской культурной общности в нее входят представители негерманских народов со своими погребальными обычаями, дополнившими общую картину обрядности. Вклад носителей обряда кремации (славяне, фракийцы) мог иметь локальное значение в отдельных регионах, но выделить такие погребения пока не представляется возможным. Вклад носителей обряда ингумации - сармат и поздних скифов - массово проявился в Причерноморском регионе.

2. Сарматские племена попадали в Восточную Европу на протяжении предримского и всего римского времени. Они не представляли полного этнического и культурного единства. Для ранних групп (роксоланы, аорсы) характерны погребения с преобладанием северной ориентировки в простых ямах, с подбоями и с заплечиками. Простые ямы с южной ориентировкой, по-видимому, оставлены языгами. Поздняя группа (аланы) привнесла тип погребений в катакомбах и подбоях, которые концентрируются на могильниках Причерноморья.

3. Для поздних скифов начала новой эры были характерны коллективные захоронения в катакомбах. Со временем погребальный обряд менялся в сторону унификации и сближения с обрядом населения периферии античных городов. При этом, видимо, сохранялись традиционные скифские религиозные представления, отражением чего является западная ориентировка большинства погребений. Под влиянием традиций населения Крыма и сельской округи Ольвии у них распространяется тип могил с заплечиками. На черняховских могильниках такие погребения имеют обычно западную ориентировку. Принадлежность обоих черт поздним скифам подтверждается данными антропологии и некоторыми дополнительными признаками: подмазка для ямы зеленой глиной, наличие среди инвентаря светильников-плошек и др.

4. Анализ погребального обряда черняховской культуры показывает преобладание германского этноса (готов) на всей ее территории, кроме Верхнего Днестра и Северного Причерноморья. На раннем этапе (особенно в Молдове) отдельные группы сармат могли интегрироваться в германские общины¹⁹. Освоение готами Причерноморья и распространение здесь черняховской культуры происходит несколько позже. Самые ранние материалы встречаются на могильнике Каборга и датируются концом 3 - началом 4 в. [Гороховский 1988, 45]. С этого времени часть причерноморского (позднескифского) населения начинает расселяться в северном направлении - в основном в Украинскую Лесостепь. Возникают смешанные могильники гото-скифского населения, иногда с преобладанием последнего. Относительно поздним вхождением южного позднескифского населения в черняховскую общность объясняется относительно более поздняя датировка „западных” погребений.

Этим же можно объяснить разные пути развития погребального обряда в западной и восточной областях черняховского ареала. Для ранних этапов культуры на всей территории наиболее

¹⁹ Прямое указание на это дают антропологические материалы Косановского могильника: женские черепки принадлежат к сарматскому типу, мужские - к североевропейскому [Великанова 1975, 74-86].

характерны биритуальные могильники с меридианальными ингумациями. На позднем этапе количество кремаций повсеместно сокращается; их место занимают в западной области ингумации прежнего типа („северные“), но в восточной области, кроме них, появляются и „широтные“ ингумации. При этом в Центральной и Восточной Украине продолжают функционировать могильники с полным преобладанием северной ориентировки погребенных (Рыжевка, Компанийцы, Маслово, Жовниш, Родшій Край).

Около середины 4 в. и особенно в гуннское время среди черняховского населения появляются аланы. Видимо, знатному кочевому или полукочевому роду принадлежали три курганных погребения в Кантемировке. Об оседании алан на Юге свидетельствуют черняховские могильники с катакомбами, известные от низовьев Днепра до Дуная²⁰. Частично аланы селятся среди местного гото-скифского населения (Коблево, Фурмановка), частично оставляют некрополи с преимущественно однородным аланским обрядом (Николаевка, Беленькое). Все эти могильники датируются поздним этапом черняховской культуры, не ранее конца фазы С3-Д1 (середина 4 - начало 5 в.). Вторая немногочисленная группа сарматского населения гуннского периода оседает в Подунавье (Петроаселе 2, Фыптышеле).

В результате неоднократных наслосний нескольких культурно-этнических типов населения в течение исторически короткого промежутка времени складывается та пестрая картина погребального обряда черняховской культуры, которую мы видим археологически.

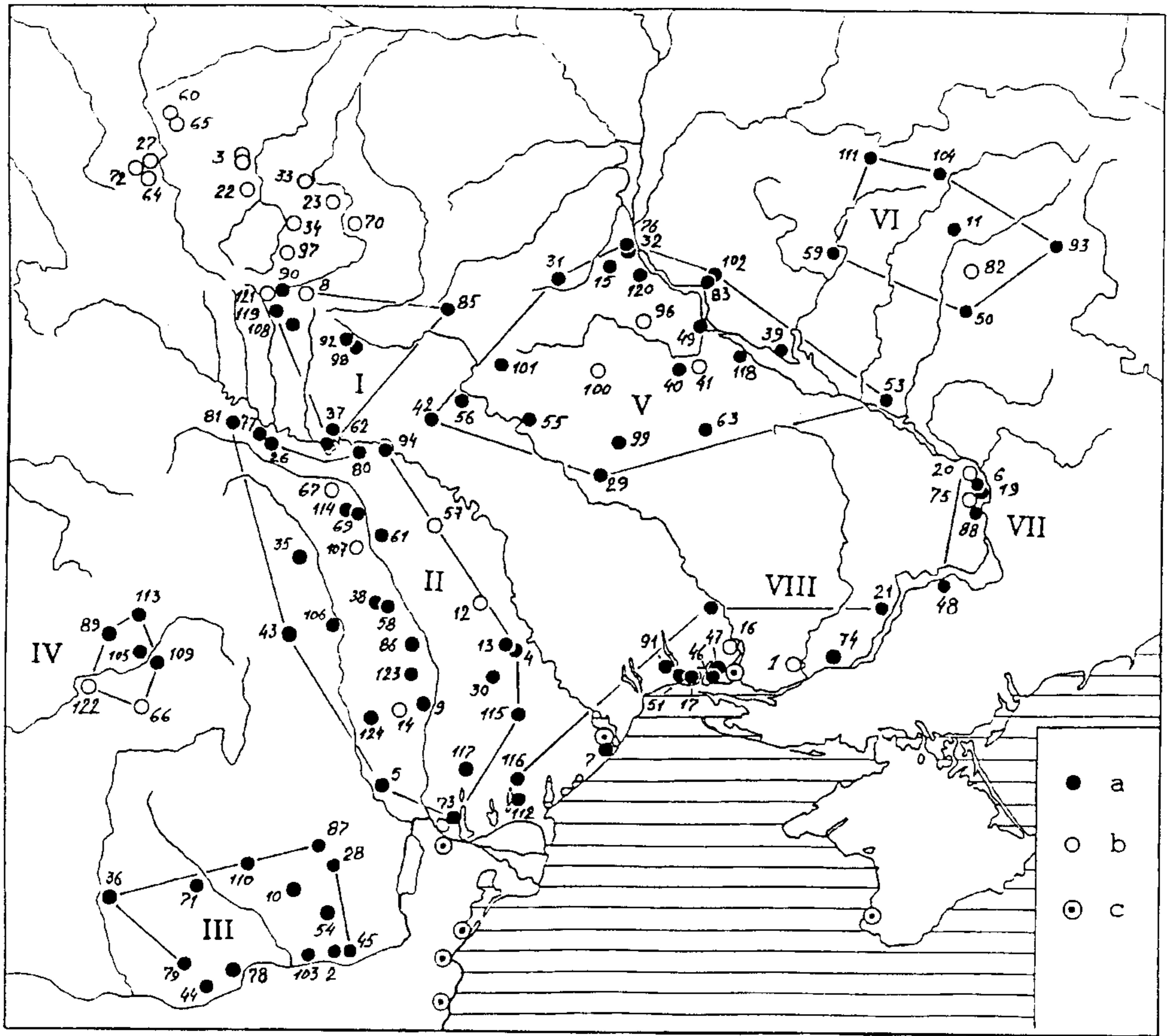
Рис. 16. ⇔⇔⇔⇔

Карта важнейших могильников черняховской культуры и вельбарской культуры
(южный регион).

Арабские цифры соответствуют номерам памятников в Приложениях 2 и 3. Римскими цифрами обозначены регионы: I - Западная Украина, II - Молдова, III - Мунтения, IV - Трансильвания, V - Центральная Украина, VI - Восточная Украина, VII - Нижний Днепр, VIII - Северное Причерноморье. Условные обозначения: а - могильники черняховской культуры; в - могильники вельбарской культуры; с - античные города.

Verbreitung der wichtigsten Gräberfelder der Černjachov- und Wielbark-Kultur (südliche Zone). Die Nummern den Beilagen 2 und 3: I - Westukraine, II - Moldova, III - Muntenien, IV - Transilvanien, V - Zentralukraine, VI - Ostukraine, VII - Unteres Dnjeprgebiet, VIII - nördliche Schwarzmeerküste. a - Gräberfelder der Černjachov-Kultur, b - Gräberfelde der Wielbrak-Kultur, c - antike Städte.

²⁰ С этим же процессом связано появление жилищ типа юрты в Дракуле (Буджакская степь), а также в Бургунке на Нижнем Днепре, в 3 км от могильника Николаевка (см. разд. „Типология домостроительства“).

ОР
ТО
РА
ВЕ

1.

Ш

(Л

Ч

П

В

С

Я

Б

Ш

П

Т

П

Е

М

Т

Р

П

К

В

Т

К

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС FUND MATERIAL

Вещевой комплекс черняховской культуры складывается из различных бытовых предметов, орудий труда и оружия. По сложившейся традиции, в первую очередь и отдельно от прочих бытовых вещей будет рассмотрена самая массовая категория археологического материала - посуда различного назначения. Специализированные орудия труда мы рассмотрим в разделах о соответствующих занятиях.

Керамическая посуда местного изготовления

1.1 Типология

Черняховскую керамическую посуду мы классифицируем, разделяя ее прежде всего по принципу функционального назначения, на категории, виды, типы и варианты. Техника изготовления (лепная или гончарная) для решения этнокультурных задач не всегда играет существенную роль, что было отмечено Э.А. Симоновичем в подобной работе [1981; 1983c]. Дифференцированный подход более полезен при анализе находок конкретных памятников или регионов. При этом мы высоко ценим работу Г.Ф. Никитиной, которая впервые на массовом материале лепной керамики с очевидностью показала центрально-европейские истоки черняховской культуры [1966]. В настоящее время, когда взгляд на эту керамику у большинства исследователей в целом устоялся, потребность в ее общей классификации не ощущается и это находит свое объяснение.

Важная особенность черняховской лепной посуды в том, что она занимала в быту большинства населения второстепенное место (отдельно надо рассматривать памятники типа Черепин-Теремцы). В условиях массового потребления гончарной продукции значительная часть лепных форм ей подражает. Другую часть лепной посуды делают в старых этнокультурных традициях. Но эти традиции уже не развиваются и новые типы на их основе не возникают. Поэтому типология черняховской лепной посуды в основном укладывается в рамки типологий предшествующих или соседних культур и культурных групп. Существует типология для поселений Верхнего Днестра (тип Черепин-Теремцы) [Баран 1966, 75-85], отдельно - для Северного Причерноморья, где большинство форм является скифо-сарматскими [Магомедов 1987, 44-61]. На остальной территории определяемая посуда соответствует вельбарским группам Шиндлера-Волонгевича, а в редких случаях, которые я ниже постарался перечислить, - киевским или карпо-дакийским типам. При господстве провинциальной гончарной технологии некоторые черты отмирающей «этнографической» лепной посуды переходят на некоторые гончарные типы.

Функционально керамическая посуда черняховской культуры делится на три категории: кухонная, столовая, сосуды-хранилища.

Кухонная посуда служила для приготовления пищи на огне и представляла (за небольшим исключением) самым массовым видом среди гончарной и лепной керамики - горшками. Они изготавливались из глиняной массы с большим содержанием ополотителей, что делало посуду устойчивой к многократным перепадам температур в домашнем очаге. По-видимому, кухонное назначение имели и грубоглиняные двуручные кувшины и миски. По форме они похожи на соответствующие типы столовой посуды и будут рассмотрены вместе с ними.

Горшки различаются размерами; высота большинства составляет около 15 см и не превышает 20 см. Встречаются также миниатюрные горшочки.

Пропорции гончарных горшков варьируют от шарообразных до вытянутых, по-разному оформлялись поддон (плоский, плитчатый, кольцевой) и венчик (рис. 24). Наиболее распространенной формой венчика является отогнуто-утолщенная (каплевидная). Некоторые горшки украшены по плечу рельефным уступом, врезными линиями или широкой волной, как исключение - штампованным орнаментом. Богатством оформления выделяется кухонная посуда группы поселений на берегах придунайского озера Кагул. Горшки здесь бывают украшены по венчику защипами, а по плечу - прямыми или волнистыми линиями, нанесенными гребенкой, а также несложным штампом [Гудкова 1986в, 157; Росохацкий 1989, 99]. Подобные сосуды встречаются и в Румынии (рис.

Выделяют два наиболее массовых типа (разновидности) гончарных горшков: первый - толстостенные сосуды с крупными примесями в глине, профиль венчика выражен слабо; второй - тонкостенные сосуды, примеси в глине мельче, венчики профилированы сложнее, орнаментация плечиков обильнее [Смиленко 1970, 77]. Горшки второго типа обычно имеют шаровидную форму. Высказано предположение, что этот тип возник позднее, чем первый [Смишко 1949, 202-204; Махно 1952а, 156-159]. А.Т. Смиленко поддержала такую версию, в частности, аналогией с раннесредневековой гончарной керамикой типа Ипотешти-Чурел-Кыидешти [Смиленко 1970, 78]. Эволюция форм кухонных горшков от вытянутых (2-3 в.в.) к сферическим (4 в.) прослежена и на керамике провинциальных памятников Нижнего Дуная [Popilian 1976, pl. 81]. Именно среди сероглиняной продукции ремесленных центров пограничных провинций по Нижнему и Среднему Дунаю мы и находим наиболее близкие прототипы черняховских гончарных горшков (например: *Bökisch. Böttger 1966, Taf. 1:28; Popilian 1976, pl. 33-36; Roszy 1956, Taf. 7; 10; Roszy 1957, Taf. 13-15; Oprai 1996, pl. 36:1-5, 7-10*).

Значительная часть лепных горшков по форме мало отличается от гончарных и была изготовлена как подражание ремесленным изделиям (рис. 26:1-4). По классификации, разработанной нами для Причерноморского региона - это тип I [Магомедов 1987, 47-48]. Остальные горшки по своим особенностям могут быть сопоставлены с керамикой иных культур.

Наиболее детальную их классификацию разработал В.Д. Баран, выделивший 11 типов среди сосудов грубой выделки (вторая группа); для нас в данном случае важны первые шесть типов, по мнению исследователя, представляющие в черняховской культуре славянский элемент [Баран 1990, 140-144, 197] (рис. 25). Часть этих типов имеет узколокальное распространение или представлены на одном памятнике (5 и 6 типы¹). Типы 1-5 встречаются в основном в Среднем и Верхнем Поднестровье. Они имеют невысокое горло с отогнутым венчиком, пропорции обычно вытянутые, корпус четко профилирован, наибольшее расширение приходится на верхнюю или среднюю часть тулова. Происхождение типов 1-3 В.Д. Баран связывает с памятниками вольно-подольской группы (эти формы сохраняются в пражской культуре), типа 4 - с ранними комплексами киевской культуры.

Для памятников Причерноморского региона наиболее характерны лепные горшки с четко выделенным горлом в виде раструба, с вытянутым или сферическим корпусом (типы II и III по нашей классификации) (рис. 26:5-10), а также слабо профилированные сосуды с близким значением диаметров дна и горла („банковидные” - тип IV) (рис. 26:12), иногда встречаются корчаги (рис. 26:11). Типы II-III редки в других регионах, тип IV распространен несколько шире [Сымонович 1981, 48]. Такой керамикой пользовались позднескифское и сарматское население Северного Причерноморья² [Магомедов 1987, 58-59; Козир 1995, 15]. Характерной чертой позднескифской керамики является венчик с острым перегибом на внутренней стороне (рис. 26:6, 8-9, 11). „Баночные” формы лепных горшков бытовали также и у гето-даков. Г. Диакону выделил такие сосуды, иногда дополнительно оформленные прочерченным зигзагом, налепным валиком, выступами-шишками или защипами по венчику на нижнедунайских черняховских могильниках Тыргшор, Спанцов, Индепендеша, Изворул [Diaconi 1976, 311]; подобный декор изредка встречается и в других регионах (рис. 26:13-15).

Одним из распространенных в черняховской культуре типов лепной керамики является так называемый „эльбский горшок” („яйцевидный горшок”, „кумпф”) (рис. 27:1-7, 11-13). Главная его особенность - невыделенное горло, край венчика при этом обращен внутрь. Форма корпуса в большинстве случаев близка к сферической, хотя встречаются сосуды более вытянутых пропорций. Поверхность тулова часто, хотя и не всегда, „хротоватая” (рустованная) или ошершавлена иным способом (см. разд. „Керамическое производство”), а верхняя и нижняя части корпуса заглажены. Такие сосуды характерны для вельбарской культуры, варианты имеются и в других восточногерманских древностях. По классификации Р. Волонгевича они отнесены к типу IA (высота около 15-16 см) или Ia (миниатюрные, высота 10-12 см) [Woląciwicz 1993, 54-55]. Исследователь подчеркнул отличие вельбарских яйцевидных горшков от похожих пиеворских: последние имеют высоту 20-30 см, придонная часть узкая, обычно выделенная, плечики высокие - на 2/3 или 3/4 высоты корпуса; на черняховских памятниках они редки (рис. 27:11-13). На территории

¹ К типу 6 отнесена серия горшков из Хлопкова с четким биконическим профилем, в т.ч. корчаги, имеющие валик с насечками [Некрасова 1988]. Аналогичные сосуды появляются среди керамики позднего этапа пеньковской культуры (7 в.) [Приходнюк 1991, 114-116]. Для раннесредневековых древностей днепровского Левобережья характерен и найденный на этом же поселении брашлет с уплощенными концами [Горюнов 1981, 72-73, 80]. Принадлежность 6-го типа горшков к черняховской культуре нуждается в подтверждении новыми находками.

² За пределами региона группа „причерноморской” лепной керамики выделена на некоторых поселениях Восточной Украины: Боромля 2 (рядом расположен могильник с позднескифскими чертами обряда), Максимовка, Кантемировка [Некрасова 1990с].

черняховской культуры польский ученый по литературе отметил 55 находок горшков типа IA/la [Wolągiewicz 1993, 190-191, табу 44, 68]. Э.А. Симонович только в области Поднепровья обнаружил 105 экземпляров таких сосудов (согласно его классификации - типы III, IV в группе банковидно-яйцевидных горшков), остальные лепные типы представлены гораздо беднее [Симонович 1981, 46-47]. По данным Г.Ф. Никитиной подобные сосуды (группа „в” по ее классификации) присутствуют на большинстве памятников, а на многих составляют не меньше одной трети лепных горшков [Никитина 1964, рис. 5]. „Эльбские горшки” часто встречаются в регионах с ранними памятниками - Западная и Центральная Украина, Нижний Днепр, Молдова и редко в регионах Восточная Украина³, Причерноморье, Мунтения, Трансильвания, которые были освоены позднее. Это хорошо согласуется со временем их бытования в вельбарской культуре в фазах от B₂ до C₂, т.е. до начала 4 в. [Wolągiewicz 1993, 55].

Иногда встречаются фрагменты яйцевидных горшков, изготовленных в гончарной технике: Шершни, Боромля 2 (рис. 24:10-12). Часть, как и их лепные образцы, имеет рустованную поверхность бочка. В Жовнине (ур. Биленкови Бурты), Будештах⁴ и Лецкань найдены яйцевидные горшки небольших размеров (рис. 24:15-16).

Известны лепные „хротоватые” горшки с выделенным - отогнутым или прямым - венчиком (вельбарские типы IB-D): Косанов, Успенка Кировоградской обл., Компанийцы, Козлов и др. [Кравченко 1967, табл. VI:5, 17-19, VII:9; Кропоткин 1964, рис. 21:3; Махно 1971, рис. 5:9; Магомедов 1998а, рис. 12:1, 3] (рис. 27:8-10); их география распространения та же, что для типа IA [Wolągiewicz 1993, 55]. Из могильника Могошань происходит подобный гончарный сосуд (рис. 24:17). Лепные горшки, соответствующие вельбарским типам I B-D, но с гладкой поверхностью, невозможно вычленил из массы подражаний гончарным формам.

К кухонной посуде относятся также глиняные сковороды. Несколько экземпляров найдено на позднечерняховском поселении Теремцы в Среднем Поднестровье [Баран 1983, рис. 8:11-16; 9:13-14], один обломок на могильнике Великая Бугасвка (раскопки О.В. Петраускаса); Э.А. Симонович назвал 12 находок из Поднепровья (в основном фрагменты с выраженным бортиком) - из Журавки, Леськов, Ломоватого I и Новолиповского [Симонович 1983, 38]. Аналогичные изделия характерны для пеньковской культуры, распространившейся позднее на этой же территории. Учитывая явное присутствие раннесредневековых материалов на некоторых из названных поселений (Журавка, Леськи), можно усомниться в правильности культурно-хронологического определения части из этих находок. В то же время диски-сковородки (с менее выраженным бортиком) входят в керамический комплекс киевской культуры позднеримского времени [Терпиловский, Абашина 1992, 56].

Столовая посуда представлена различными видами соответственно ее назначению. Население черняховской культуры пользовалось мисками, трехручными вазами, кувшинами, кружками, столовыми горшками, кубками, ведрообразными сосудами. Четкие формы сосудов, декор, соединяющий блестящие поверхности с матовыми орнаментальными полями, свидетельствуют о развитом эстетическом вкусе мастеров.

Миски. На черняховских памятниках встречаются миски разных форм - биконические, конические, округлые. Из всех видов столовой посуды наиболее характерны и многочисленны гончарные биконические миски с острым или несколько закругленным профилем бочка. Подавляющее их большинство изготовлено из тонкой глины и покрыто лощением, отдельные экземпляры - из грубого „кухонного” теста. Биконические миски представлены двумя разновидностями формы: открытой и закрытой.

Миски открытой формы имеют диаметр венчика, превышающий диаметр бочка; ребро расположено высоко, выше 3/5 общей высоты сосуда (рис. 28). Диаметр составляет от 15 до 37 см, обычно 20-25 см. Сосуды с округленным ребром единичны (Жовнин - ур. Пристань и Биленкови Бурты) (рис. 28:15). Венчики у мисок открытого типа отогнутые, иногда утолщенные или уплощенные. Орнаментация встречается крайне редко (рис. 28:13).

Миски закрытой формы - диаметр венчика меньше диаметра бочка (рис. 29). Ребро обычно расположено низко - от 2/5 до 3/5 общей высоты. Диаметр венчика бывает от 7,5 до 35 см, обычно 15-20 см, высота до 16 см. Такие миски нередко украшены пролощенным орнаментом или дополнительной профилировкой (косые каннелоры, горизонтальные срезы). Миски закрытой формы можно разделить на три типа по характеру профилировки верхней части корпуса, которая в большинстве случаев расчленяется валиками или уступами. Типы 1 и 3 включают гончарные и лепные сосуды, в типе 2 нам известны только гончарные.

³ Как исключение для Восточной Украины выступает поселение Белополе, где среди лепной керамики (31% от всех фрагментов) видное место занимают сосуды типа IA (рис. 27:3, 12); кроме того, найдены фрагменты гончарных горшков с рустованной поверхностью [Некрасова 1994].

⁴ Хранится в Археологическом музее, Кишинев.

Тип 1. Включает немногочисленные миски с гладким плечиком (рис. 29:1-3; 30:10-12, 14, 16).

Тип 2. Плечики оформлены одним, реже двумя валиками. По их положению различаются варианты. *Вариант 2a* - валик расположен на плечике сосуда (иногда вместо валика делали канавку) (рис. 29:4-9); такие миски наиболее многочисленны и известны на каждом черняховском памятнике. *Вариант 2b* - валик расположен в наиболее узком месте верхней части корпуса, в точке перехода от плечика к венчику (рис. 29:10-13).

Тип 3. Плечики имеют карниз, выше которого иногда располагаются один или два валика (гончарные - рис. 29:14-19). В качестве варианта выделяем миски с ленточной ручкой или с ушком; преобладают лепные экземпляры, но встречаются и гончарные - Коблево, Степовка⁵ (рис. 29:14; 30:13, 15, 17-18).

Как известно, сероглиняные миски, очень близкие черняховским, производились многими ремесленными центрами европейских провинций Империи. Однако изучение лепной керамики показывает, что на формирование типов черняховской посуды оказала влияние и местная варварская традиция. Многие лепные миски являются подражанием гончарным изделиям (рис. 30:1, 4, 6, 12), но определенная часть сосудов закрытых форм относится к вельбарским группам VI.B-C [Woląciwicz 1993, 55, tabl. 18-20]. Обычный орнамент на сосудах этих групп - зигзаг или ряд треугольничков, многие оформлены валиком по плечу, иногда они имеют ушко. Такой же декор характерен для черняховских ремесленных изделий, но ушко или ручка встречаются как редкий пережиток (рис. 29:14). Идентичность формы и орнаментации обеих групп посуды позволяет говорить о перенесении приемов оформления с домашних лепных изделий на ремесленные.

С гончарными мисками открытого типа имеет сходство вельбарский тип ХаА, который встречается и на черняховских памятниках (Великая Снетинка, Шершин, Гавриловка, Косаново, Привольное, Городок, Спанцов и др.) [Woląciwicz 1993, 56, tabl. 27, табл. 70]. Лепные сосуды иногда имеют более мягкий изгиб ребра, иногда снабжены ушком, нижняя часть бывает рустованной (рис. 30:2, 5, 7). На гончарных изделиях рустовка встречается как исключение (рис. 28:5).

Миски конической формы известны преимущественно в лепном исполнении. Они разделяются на два варианта: с выделенным, обычно полым поддоном и (менее многочисленные) с плоским дном без закраи (рис. 31:1-9). Конические миски характерны для всех поселений региона Верхнего Днестра [Баран 1981, 82-83], найдены на многих памятниках в Северном Причерноморье (Коблево, Фурмановка, Ранжеево, Каменка-Анчекрак, Снигиревка, Берислав); в других регионах встречаются реже (Журавка, Черняхов, Косанов, Привольное, Хлопков, Родной Край 3, Боромля, Белополье, Малаешты, Будешты). Гончарные экземпляры из грубого „кухонного” теста встречены в Теремцах, Козлове, Каборге, Могошань (рис. 31:8-9).

Редко встречаются лепные конические миски, снабженные ручкой, известные в Румынии под названием „дакийской чаши”. Они найдены в Мунтении (Тыргшор, Спанцов), в румынской Молдове (Бырлад-Валя Сяке - поселение и могильник, Данку, Погорэшт), на Верхнем Днестре (Демьянов) (рис. 31:5-6).

Конические миски обоих описанных типов характерны для гето-дакийских древностей, в т.ч. для липицкой культуры [Bichir 1984, pl. 10; 25:5,6; 36; Цигулик 1975, рис. 26-28]. Этим можно объяснить их распространенность в Верхнеднестровском регионе, где в состав черняховского населения вошли потомки липицких племен. В Северном Причерноморье они связаны с позднескифским населением, также включавшим определенный фракийский элемент [Магомедов 1987, 59]. Немногочисленные конические сосуды с плоским дном известны и в вельбарской культуре (группа XI) [Woląciwicz 1993, 17; Кухаренко 1980, табл. 17:47а, 56а].

Миски с округлым корпусом, особенно гончарные, в черняховских комплексах редки. Полушарникообразные сосуды в большинстве относятся к вельбарской группе ХаВ (рис. 31:12-14) [Woląciwicz 1993, 56, табл. 53]. Из Косанова и Ружичанки происходят сосуды типа „Лейна-Хасслебен”, оформленные парой валиков, из которых один расположен на перегибе корпуса, а второй выше (рис. 31:10). Аналогичные этим сосудам имеются в древностях круга Лейна-Хасслебен⁶; их появление на черняховской территории О.В. Шаров связывает с притоком населения из германских областей средней Эльбы-Заале [Шаров 1992, 189; Šarov 1995, 121]. Миска, близкая описанной, но без валиков, встречена в Гребешках (рис. 31:11). Особняком стоит форма округлой миски из Переяслава (рис. 31:16), которая, возможно, является подражанием импортным образцам.

Редкую форму представляет собой „блюдо” из Иванковцев (рис. 31:15), которое, возможно, является подражанием краснолаковым блюдам, хорошо представленным на Юге (см. раздел 5.2.2, рис. 64:7-9).

Вазы. Крупные (высота до 28 см, диаметр до 40 см), глубокие сосуды без ручек. По пропорциям

⁵ Гірник та ін. 1995, мал. 1:14

⁶ О.В. Шаров ставит в один ряд с названными сосудами кубок из вельбарского могильника Деревянное [Кухаренко 1980, табл. 28а]. Он безусловно им типологически близок, но отличается размерами: его диаметр 6 см, диаметры мисок из Косанова и Ружичанки - 17 и 18 см.

их можно разделить на два типа.

Тип 1 - мисковидные сосуды: наибольший диаметр превышает высоту. Выделяются варианты: *2a* - с округлым профилем (рис. 32:1-8); *2b* - биконические (более многочисленные), в отличие от варианта „а”, большинство имеет плоский венчик (рис. 33).

Тип 2 - вазы более высоких горшковидных пропорций: высота равна наибольшему диаметру или превышает его. Варианты *2a* и *2b* (более многочисленный) выделяются по тем же признакам, что и в типе 1 (рис. 34).

Оба типа сформировались на основе вельбарских ваз групп IV.A-B и родственных форм группы XVI⁷, распространенных в фазах В-С_{1b} (рис. 32:10,11) [Woląiewicz 1993, 13, tabl. 10:3; 12:3; 13:1-2; 33:2]. Для черняховских сосудов, как и для их лепных прототипов, характерен рельефный карниз по плечу и орнамент-зигзаг (или производная от него сетка). Биконический профиль и горизонтальный венчик появляются под воздействием гончарных мисок и трехручных ваз. Лепные вазы вельбарских групп встречаются и на черняховских памятниках (рис. 32:9; аналогичный сосуд - Woląiewicz 1993, tabl. 13:3).

Форма некоторых ваз из черняховских памятников Румынии (рис. 33:9) могла появиться под влиянием местных традиций. Подобные гончарные сосуды округлого и биконического профиля (наряду с другими типами), обычно с плоским венчиком „под крышку”, изготавливались специально как погребальные урны в культурах дакийского круга - Милитарь-Килия в Подунавье [Bichir 1984, 34] и встречаются в культуре карпатских курганов [Смішко 1960, табл. 8:1, 9:11, 13:9; 16:4; Вакуленко 1977, рис. 22:10]. Правда, на черняховских могильниках подобные вазы в качестве урн попадаются очень редко (Городок, Оселивка, Александр Одобеску - рис. 34:3, 6).

Трехручные вазы. Гончарные вазы с широкими ручками и плоским Т-образным венчиком представляют собой специфическую особенность черняховской культуры, хотя встречается и иное оформление деталей этих сосудов. Большинство ваз имеет довольно крупные размеры, например, диаметр венчиков у экземпляров из Каптемировка (погр. 1) и Лепесовки - 42 см (рис. 35:5; 40:1). Обычно их поверхность старательно заглажена, часто украшена орнаментом или рисунками. Считается, что такая посуда была предназначена для ритуальных или магических действий [Рыбаков 1987, 165]. В определенной степени на это указывает и само размещение ручек, не удобное для использования в быту.

Трехручные вазы встречаются на всей территории черняховской культуры, но не везде с одинаковой частотой. Они очень редки в Верхнеднестровском регионе: упоминается о находке всего трех фрагментов [Баран 1981, 86]. Мало распространены они и на памятниках причерноморского типа [Магомедов 1987, 92].

По признаку строения корпуса вазы образуют две неравные группы: I - с невыделенной шейкой (подавляющее большинство) и II - с выделенной шейкой.

Группа I. Сосуды имеют в основном четкую биконическую или цилиндроконическую форму (рис. 35:15). Выделяется *левобережный тип* с особой формой венчика: он Г- или Т-образный с заметным наклоном наружу (рис. 37). Такие вазы встречаются на Левобережье Днестра (Успенка, Лохвица, Переяслав⁸, Соснова, Жовнин), а также в Мунтении (Изворул, Могошань, Тыргшор) и румынской Молдове (Сэбэоань, Заподэнь, Лецкань).

Группа II. Выделенная шейка обычно имеет цилиндрическую форму (рис. 38-39). Часть ваз образует *ольвийский тип*, для которого характерна цилиндрическая шейка и низкое крепление ручек (ниже венчика); шейка часто украшена пролощенным зигзагом, бочек - каннелюрами (рис. 39:1-4). Находки концентрируются на памятниках Северного Причерноморья преимущественно между Бугским и Тилигульским лиманами: Каменка-Анчекрак, Коблсво, Луговое, Ольвия, Городок (лепной сосуд), Гавриловка, встречаются и западнее: Нестоита, Лазо [Магомедов 1979, рис. 2:17; 1987, рис. 21:7; 1991, рис. 10:1; Сымонович 1967а, рис. 10:9; 1964, рис. 23:9; Козлов 1989, рис. 3; Левинский 1999, 35:5]. В позднеримских слоях Ольвии нам известны обломки не менее пяти экземпляров таких ваз. Предполагаем, что вазы „ольвийского” типа именно здесь и производились.

На основной части черняховской территории в раннеримское время трехручные вазы известны только в западно-украинской области распространения пшеворских и смешанных пшеворско-липицких древностей, а также в гето-дакийской области Нижнего Дуная. На территории пшеворской культуры форма трехручных ваз прошла ряд этапов развития, начиная от предримского периода [Godłowski 1981, 60-73]. В вельбарской культуре ранних фаз такие сосуды не известны (хотя есть трехручные сосуды других форм); в фазе D, по-видимому, под черняховским влиянием, появляются биконические вазы в большинстве с горизонтальным венчиком и изготовленные на гончарном круге (группа VII: Woląiewicz 1993, 56). Кроме того, трехручные вазы разных типов на протяжении римского периода известны в любошицкой культуре (запад Польши и восток

⁷ Возможно, на формирование типа 2 повлияли также ситоловидные сосуды группы V [Woląiewicz 1993, tabl. 16:1].

⁸ Экземпляр из Переяслава-Хмельницкого имеет типологически переразвитую форму венчика.

Германии) и в Ютландии. Повсеместное исчезновение этой посуды в начале раннего средневековья можно объяснить (если признать их сакральное назначение) глубокими сдвигами в идеологии европейских народов и изменением связанной с ней обрядности.

Вазы группы I (с невыделенной шейкой) имеют наибольшее сходство с пшеворскими типами фаз В₂ и В₂/С₁ [Godłowski 1981, tabl. III:3-5; IV:11]⁹. В это время в восточной части ареала пшеворской культуры появляются трехручные вазы, украшенные сложными орнаментальными композициями, иногда с горизонтальным венчиком и лепточными ручками (рис. 40:3). По мнению Т. Домбровской, этот тип сосудов появился в результате взаимовлияния пшеворской и вельбарской традиций; в дальнейшем эта линия развития ваз продолжилась в черняховской гончарной керамике [Dąbrowska 1996, 118-119]. Общие пропорции корпуса и биконический профиль таких сосудов унаследовало большинство черняховских ваз. В то же время типы, подобные пшеворским гончарным вазам, на черняховской территории почти не известны. Это объясняется тем, что пшеворские традиции в изготовлении керамики были перенесены на восток еще при господстве лепной технологии. Позднее, во время освоения гончарного круга, выработка новых типов посуды пошла различными путями. Пшеворские мастера в основном сохранили формы лепных ваз, что связано с относительно незначительной ролью ремесленной технологии в керамическом производстве пшеворской культуры.

Однако и среди черняховской гончарной продукции иногда находим элементы, характерные для пшеворских и вельбарских изделий. Это маленькие Х-видные ручки, а также высокий полый поддон (Рудка, Косанов, Каменка-Днепровская, Малаешти, Заячівка, Лепесовка, Романковцы и др.) (рис. 36:3, 5-6; 38:2-4; 39:5; 40:1) [Кухаренко 1980, табл. XXXI:9; Кравченко 1967, табл. XV: 15; Симонович 1955, рис. 4:8, 8:11; Федоров 1960, рис. 26:7; Хавлюк 1974, рис. 1:1; Пикитина 1996, табл. 47:8].

Выделяется довольно редкий тип черняховских ваз высоких пропорций с округлым профилем и высоко поставленными ручками. Это сосуды из Оселивки, Завадовки и Беленького (рис. 40:2) [Пикитина 1988, табл. 48:3; Кравченко 1973, рис. 6:5; Беленькое - раскопки А.А. Росохацкого]. Близкий тип посуды у гето-даков служил в качестве погребальных урн с латенского времени [Bichir 1984, 35]¹⁰. Подобная урна найдена в погребении культуры карпатских курганов [Смишко 1948, табл. IV:4]. Не исключая возможность гето-дакийского влияния, полагаю, что черняховские высокие вазы все-таки скорее связаны с пшеворскими лепными образцами (рис. 40:3) [Dąbrowska 1996, рис. 1:4], тем более что в Оселивке и Завадовке имеются кремации с оружием - яркая пшеворская черта. Это подтверждают наблюдения И.А. Бажана и О.А. Гей [1992, 153] на ряде памятников: вазы высоких пропорций относятся к более ранним фазам (до конца 3 в.), чем низкие (далее отходящие от пшеворских „образцов”).

Для части ваз второй группы исходные формы прослеживаются на территории современной Дашии [Магомедов 1997a]. В раннеримском и в начале позднееримского периода в Ютландии известны сосуды с тремя ушками или выступами-упорами, украшенные зигзагообразным орнаментом (рис. 39:7) [Albrechtsen 1968, табл. 22, 99]. Близкие по пропорциям и оформлению вазы найдены на вельбарских могильниках Вольни - в Дитиничах и Брест-Тришине (рис. 39:6) [Смишко, Свешников 1961, рис. 5:5; Кухаренко 1980, табл. XVI:456]. В этом же типологическом ряду стоит и экземпляр из черняховского могильника Курники в верховьях Южного Буга (рис. 39:5). На основе этих форм появляется новый „ольвийский” тип ваз (см. выше) (рис. 39:1-4). Этот тип отличается низкими пропорциями, в чем проявилось влияние пшеворской традиции. От ютландских прототипов эти вазы унаследовали цилиндрическое горло, низкое крепление ручек (ниже венчика) и орнамент-зигзаг.

Ютландские мотивы заметны и в оформлении известных ваз с „календарными знаками” из Лепесовки (рис. 40:1) [Тиханова 1960, рис. 40]. На трехручных сосудах из Ютландии встречаются такие же сложные двойные ручки и продетые в них керамические кольца [Albrechtsen 1968, табл. 35с, 43a]. Двойные ручки, судя по некоторым из этих ваз, в основе имеют зооморфную фигуру; графические изображения животных по подобной схеме нанесены на вазу из Каборги (рис. 35:1). Кольца на ручках отображают роскошные римские образцы: большие бронзовые тазы с тремя ушками (нередко зооморфными), в которые вставлены массивные кольца для закрепления на складной подставке (типы Эггерс 79, 80, 83-87), в 3 веке имели широкое распространение среди племенной аристократии „свободной Германии” [Eggers 1951, 167]. На пшеворской территории такие металлические сосуды найдены в комплексах княжеских погребений I и III из Закшува (Сакрау) [Grempler 1887, табл. IV/a,b, 1-3, 5-6, V/6; Grempler 1888, 7; Kramarkowa 1990, 134-135, рис. 10, 55]. Полагаю, использование в аристократическом парадном сервизе этих и других типов римских тазов для смешивания вина и послужило причиной появления в черняховской среде гли-

⁹ Такая же ваза пшеворского типа найдена на липицком могильнике 2 в. у с. Завалье [Вакуленко 1991, рис. 3:4].

¹⁰ Возможно, гето-дакийское происхождение имеет красноглиняная трехручная ваза близкого типа, найденная в сарматском погребении первой половины 3 в. у с. Нагорное в устье Дуная [Гудкова, Фокеев 1984, рис. 14:23].

няных трехручных ваз.

Кувшины являются наиболее многообразным видом черняховской посуды. Известны формы одно- и двухручные, а также бутылки - сосуды без ручек. Среди одноручных кувшинов на основе морфологических и метрических признаков нами ранее было выделено 16 типов [Магомедов 1973]. Прежнюю классификацию пришлось несколько усовершенствовать: расширены рамки типа 6 и исключен тип 11, выделенный в самостоятельный вид „Кружки”.

Наиболее характерными, массовыми и, можно сказать, эталонными для черняховской культуры являются кувшины с биконическим профилем. Среди них преобладает группа сосудов с четко выделенной шейкой, которая разделяется на подгруппы узкогорлых, средне- и широкогорлых кувшинов: соответственно диаметр горла составляет менее 1/3 (типы 1-3), около 1/2 (типы 4-6), и 3/4 (типы 7, 8) от диаметра тулова. Типы выделены на основании относительной высоты горла или способов оформления.

Тип 1 - узкогорлые высокие сосуды, украшены по плечу вертикальными плоскими или вогнутыми срезами (каннелорами) (рис. 41). Происходят из Восточной Украины: Успенка, Каптемировка, Линовица, Коровинцы, Старица, Вовчик, Соснова, Соколово, Моспинская¹¹, а также из Мунтении (Спанцов, Митрень, Урляска, Могошань) и Молдовы (Бравичень, Бырлад-Валя Сяк¹²).

Тип 2 - узкогорлые кувшины со сложной („провинциально-римской”) профилировкой горла, расширенного в верхней части, с уступом (рис. 42:1-7). Происходят в основном из Среднего Поднепровья (Черняхов, Ромашки, Переяслав-Хмельницкий, Жовнин), также из Успенки, Каборги, Тыргшора.

Тип 3 - подобные кувшины, но со слабой профилировкой горла (рис. 42:8-9). Встречаются редко (Журавка, Косанов - 3 экз., Данчены, Александр Одобеску).

Типы 4 и 5 - кувшины со среднешироким горлом (рис. 43). Сосуды типа 4 (высокие, высота шейки превышает половину диаметра тулова) происходят в большинстве из Поднепровья (Черняхов - 6 экз., Ромашки, Компанийцы, Жовнин, Августиновка), встречаются также в Мунтении (Тыргшор, Индепенденца, Циганешти) и других регионах (Петрикивцы, Ромашово Село, Боромля, Каборга, Ханешть); иногда украшены пролощенными треугольниками и зигзагом или символическими изображениями (Ромашки). Тип 5 (низкогорлые) тяготеет к западным регионам (Бережанка, Бовшев, Будешты, Спанцов, Тыргшор); среди них встречаются крупные экземпляры (рис. 43:9-10).

Тип 6 также включает высокие и низкие сосуды со среднешироким горлом, но украшенные каннелорами (рис. 44): Черняхов, Ромашки, Журовка, Стецовка, Маслово, Жовнин, Сумы, Сад, Боромля, Родной Край, Огурцово¹³, о. Старица¹⁴, Воронинцы¹⁵, Гавриловка, Митрень.

Тип 7 - широкогорлые кувшины с низкой или средней шейкой (рис. 45:1-6): Бовшев, Курники, Ромашки, Маслово, Августиновка, Компанийцы, Родной Край, Боромля, Нагорное 2, Ханешть, Малаешти, Спанцов, Тыргшор.

Тип 8 - широкогорлые сосуды, высота шейки превышает высоту тулова (рис. 45:7-9). Встречаются преимущественно в Мунтении (здесь часть сосудов имеет шейку воронковидной формы): Тыргшор, Индепенденца, Изворул, Александру Одобеску, Четатя Вехе, Петроаселе, Якобень, также Малаешти, Оселивка, Сад. И. Ионица считает, что этот тип кувшинов производился на „ранней ступени С3” (первая половина 4 в.) и хронологически предшествует низкогорлым сосудам (наш тип 7) [Ioniță 1995, 152-155].

Типы 9 и 10 объединяются в группу кувшинов с невыделенной или слабо выделенной шейкой; ширина горла составляет около половины ширины тулова (широкогорлые сосуды мы относим к кружкам). У сосудов типа 9 наибольшее расширение тулова расположено ниже его средней высоты (рис. 46:2-12), у редкого типа 10 - выше (рис. 46:1). Для группы характерно оформление карнизами. Известны на могильниках Лесостепи (Косанов - 4 экз., Черняхов, Ромашки, Компанийцы) и на юге (Гавриловка, Ново-Александровка, Данчены, Лапушня, Тыргшор, Индепенденца).

Кувшины с округлым туловом не так многочисленны и во многих случаях представляют явное подражание провинциальным изделиям, а иногда и являются таковыми. Основное деление - также по отношению диаметра горла к диаметру тулова: меньше 1/3, от 1/3 до 1/2, 1/2 и больше.

Тип 12 - узкогорлые сосуды с вытянутым туловом (рис. 47). *Вариант 12a* - корпус украшен вертикальными срезами или канавками; найдены в разных регионах (Чистилов, Завадовка¹⁶, Жовнин, Приморское, Будешты, Тыргшор, Раковица¹⁷). *Вариант 12b* - гладкий корпус; встречаются

¹¹ Несколько черняховских вещей происходит из сарматского погребения у шахты Моспинская близ г. Донецк [Simonenko 1995, fig. 6].

¹² Ioniță 1994, fig. 1.147m.

¹³ Зайцев 1964, рис. 1:36.

¹⁴ Шрамко 1962.

¹⁵ Мокляк 1998, рис. 2:8. В публикации упоминаются еще два подобных кувшина из района Кременчуга.

¹⁶ Сымонович 1964б, рис. 10:8.

¹⁷ Hartiche, Anastasiu 1976, 352, N529.

редко (Могошань).

Тип 13 - узкогорлые кувшины со сферическим туловом (рис. 48). *Вариант 13a* - корпус украшен косыми каннелюрами (в отличие от сосудов типа 12a). Имеются две местные разновидности: „хортицкая” (миниатюрные - высота 12-14 см, каннелюры покрывают лишь середину тулова), известна в районе Днепровских Порогов (о. Хортица, Ново-Александровка, Федоровка); „ольвийская” (крупные, каннелюры покрывают тулово целиком) - находки сосредоточены между Бугским и Тилигульским лиманами (Каборга, Каменка-Анчекрак, Луговое - фрагмент, Ольвия - 2 экз.¹⁸), один экземпляр встречен выше по Бугу (Данилова Балка¹⁹). *Вариант 13b* - гладкий корпус (Курники, Жовнин, Каменка-Анчекрак, Сычавка, Данчены, Малаешты, Спанцов и др.).

Тип 14 - среднеширокогорлые сосуды с округлым туловом: Курники, Заячивка, Черняхов, Гурбишцы, Спанцов (рис. 49:1-3).

Тип 15 - широкогорлые кувшины с округлым туловом, шейка воронковидная (расширяется кверху): Малаешты, Будешты, Тыргшор (рис. 49:4-5).

Тип 16 - подобная форма, но шейка цилиндрическая. Характерны для Западной Украины (Чернелив-Русский, Романово Село, Городница, Бережанка, Рипнев II, Вовчинцы), встречаются и в других регионах: Ромашки, Компанийцы, Успенка, Нагорное 2, Индепенденца, Изворул, Сэбзоань (рис. 49:6-8).

Кувшины со сливом типа ойнахои (рис. 50:1,2) повторяют провинциальные типы и в большинстве происходят из юго-западных регионов (Малаешты, Балцаты, Лазо, Тыргшор и др.), где во множестве известны и красноглиняные оригиналы-импорты. В Лесостепи встречаются редко (Жовнин, Романово Село).

Двуручные кувшины типологически довольно однообразны (рис. 51). Обычно они имеют низкое горло и округлое тулово (биконические редки: Соснова, Косанов). „Столовые” экземпляры бывают орнаментированы. Большинство изготовлено из „кухонной” глины, встречаются лепные; можно предположить, что их использовали для приготовления на огне молочных продуктов.

Кувшины-бутыли (без ручек) являются редкой находкой. Различаются два типа. *Тип 1* - с невыделенной (или очень короткой) шейкой: Лука-Врублевская, Журавка, Косанов, Влад Тепеш (рис. 50:9-10). *Тип 2* - с выделенной, обычно высокой узкой шейкой: Косаново, Заячивка, Сабадаш-Охматово, Ново-Александровка (2 экз.), Войсковое, Сад, Родной Край, Данчены (рис. 50:3-8).

В дочерняховское время у варварских народов Восточной Европы кувшины, как категория посуды, широкой и устойчивой традиции не имели. Для погребального инвентаря зарубинецких могильников характерны лощеные кружки, но с распадом этой культуры такая посуда исчезает. Немногочисленные кружки встречаются на пшеворских памятниках раннеримского времени в Западной Украине [Козак 1984, 21]. В доримской Дакии (до 2 в. н.э.) были распространены типы биконических кувшинов [Parvan 1926, fig. 70, 81, 439; Vulpe 1957a, fig. 7:6; 8:1; Crisan 1969, pl. LIX, 1-2; LXVI:4; CLXIV:1, 3-4; CLXV:1-2, 9; CLXVI:2-3, 7; Ursachi 1995]. Однако позже их сменяют массовые подражания провинциальным кувшинам с округлым профилем [Bichir 1984, 35, pl. XXIV, LIX]; биконические формы становятся редки [Ioniță, Ursachi 1988, fig. 32:38]. На Верхнем Днестре в могильниках липицкой культуры встречаются гончарные кувшины округлых или округло-биконических форм, которые соответствуют дакийским типам [Цигулик 1975, 107-109]. Восточноевропейские сарматы охотно пользовались импортными гончарными изделиями, в т.ч. сероглиняными кувшинами: племена Днепровского Левобережья - продукцией меотских мастерских Нижнего Дона и Прикубанья, кочевники Северо-Западного Причерноморья - продукцией провинциальных мастерских Нижнего Дуная и, по-видимому, ближайших городов [Козир 1995, 17].

Вельбарские племена принесли в Восточную Европу традиционную для них форму кувшина с четким биконическим профилем - группа IX.A (рис. 54:1-3) [Wolągiewicz 1993, 16]. Из этой группы развились типы черняховских биконических кувшинов с невыделенным или слабо выделенным горлом (типы 9-10), а также близкие по профилю кружки и одноручные вазы (см. ниже). Многие экземпляры сохранили характерное для группы оформление валиками и уступами. В основе остальных черняховских типов лежит несколько массовых форм провинциальных кувшинов. Пропорции римской посуды были восприняты местными мастерами (как и формы горшков, мисок и т.д.) и творчески переработаны в соответствии с местными вкусами - прежде всего путем приближения профиля сосуда к привычным биконическим формам группы IX.A²⁰. Черняховские кувшины с округлым профилем меньше отошли от римских оригиналов. Типы 14 и 16 подобны позднешеворским гончарным сосудам, генезис которых находят в среднедунайских провинциях [Dobrzańska 1980, 122]. Возможно, к местным дакийским формам восходят широкогорлые кувшины

¹⁸ Гудкова, Крапивина 1990, табл. VII:18-19.

¹⁹ Сымонович 1964в, 322-323, рис. 23:10. В издании „Славяне и их соседи... 1993” (табл. LXI:3) местом находки ошибочно назван Черняхов.

²⁰ Биконические кувшины нашего типа 2 сохранили сложную профилировку горла, отличающую провинциальный тип 2 по Г. Поппиану [Popilian 1976, 96-97].

с воронковидной шейкой типов 15 и частично 8, которые встречаются в Молдове и Мунтении. Подобные сосуды встречаются на дакийских могильниках римского времени [Ioniță, Șovan 1983, fig. 5:4].

В литературе уже отмечалось явное генетическое сходство двуручных кувшинов с вельбарскими лепными сосудами группы II²¹ [Каспарова, Щукин 1979, 163-164]. Они известны и в вельбарских комплексах Вольни, а также в Компанийцах, Рыжевке и Ризино [Кухаренко 1980, табл. 29:12; Щукин 1989, рис. 3:2; Кропоткин 1971, рис. 7:3]. Те и другие сближает не только общая форма, но и орнамент (рис. 51:7,8). С другой стороны, на гончарные изделия могла дополнительно повлиять форма амфор и импортных амфоровидных кувшинов (последние найдены в Могошань, Лецкань, Балцатах) [Diaconu 1969, Abb. 8:7; Bloșiu 1975, fig. 21:4; Федоров, Рошаль 1981, рис. 2:1].

Черняховские кувшины без ручек типа 1 (с невыделенной шейкой) соответствуют вельбарским кувшинам типа IX.B (рис. 50:11) [Wolągiewicz 1993, 16]. Тип 2 (высокогорлые кувшины-бутыли) является дальнейшим развитием формы, возможно, под провинциально-римским влиянием. Подобные сероглиняные бутылки производились в мастерских Среднего Подунавья²² [Istvánovits 1993a, Tab. 3:17-18].

В том, что в конце 4 - начале 5 в. в черняховском обществе распространяется мода на имитации металлических сосудов византийского производства [Кропоткин 1973], убеждает появление кувшинов типов 12а и 13а со сферическим каннелированным туловом. На черняховской территории один из роскошных образцов, на которые ориентировались местные гончары, найден в составе Петроасского клада среди вещей, принадлежавших представителям готской знати королевского ранга [Odobesco 1896, fig. 1-4; Rusu 1986]. Этот золотой кувшин, как и керамические подражания, имеет веретенообразное каннелированное тулово, горизонтальный венчик, коленчатую ручку, дно на ножке. Сосуд был изготовлен местным мастером по византийским оригиналам, одним из которых можно признать серебряный кувшин из клада Севсо [Mundell Mango 1995, 80, pl. 4c-d]. Близкие по оформлению серебряные кувшины с веретенообразным и шаровидным туловом происходят из клада в Жигайловке (Сумская обл.), а также из склепов правителей Боспора последней четверти 4 - начала 5 в.; одновременно им стеклянные изделия такой же формы [Луцко 1984; Засецкая 1993, с. 70-71, табл. 5:3, 38:185, 42:184]. На Среднем Дунае подобные стеклянные кувшины и бутылки датируются в основном первой третью 5 в. [Tejral 1997, 325]. Дальнейшим развитием керамических подражаний металлической посуде выступают кувшины разных пропорций, также украшенные вертикальными каннелюрами, но с традиционным биконическим туловом (типы 1, 6)²³.

С одноручными кувшинами тесно связаны типологически (но различаются функционально) кружки и одноручные вазы. Между собой они различаются размерами (объемом).

Кружки, т.е. одноручные сосуды для питья, отличаются от кувшинов широким горлом со слабо выраженным венчиком и относительно небольшими размерами (рис. 52). Объем большинства кружек составляет 0,4-0,5 л, минимальный - 0,17 л. В типах 1 и 2 выделяется группа крупных сосудов объемом около 1 л.

Тип 1 - биконические с невыделенным горлом („дунайский” тип, по нашей классификации кувшинов - тип 11). Кружки первого типа известны в разных регионах Украины и в Молдавии (Оссливка, Косанов, Завадовка, Жовнин, Новоалександровка, Вилы-Яругские, Фурмаповка, Холмское, Коблево, Лецкань, Балцаты, Данчены), большая группа размещается в Мунтении (Тыргшор, Индепенденца, Олтець, Спанцов, Изворул, Куркань).

Тип 2 - кружки с четко выделенным высоким горлом (Чернелив-Русский, Романово Село, Пещана, Боромля, Каменка-Анчекрак, Белецькое, Главаны, Тыргшор, Спанцов, Сингана де Муреш).

Тип 3 - округлые, иногда с намеченной биконичностью, венчик часто не выделен. Высота не более 12 см, корпус бывает рустован. Первые два типа известны, как правило, в гончарном исполнении, третий - только в лепном. Эти кружки встречаются на памятниках с вельбарскими чертами в Лесостепи и Молдове (Великая Снитинка, Журавка, Компанийцы, Косаново, Рыжевка, Ризино, Данчены).

К.В. Каспарова и М.Б. Щукин пришли к выводу, что черняховские биконические кружки (наш тип 1) своим происхождением связаны с лепными формами вельбарской культуры, восходящими к лужицко-поморско-подклевешевой среде [Каспарова, Щукин 1979, 161, рис. 12]. Мы полностью согласны с этим мнением и наиболее близкие аналогии указанному типу видим среди вельбарских кружек и небольших кувшинов групп IX.A и XVI-XVIII (рис. 54:2-4, 6-7) [Wolągiewicz 1993, tabl.

²¹ Лепной экземпляр из Коблево (рис. 51:2) имеет близкие аналогии в Дании предримского и раннеримского времени [Albrechtsen 1971, табл. 32b, 44c; Albrechtsen 1973, табл. 9b-c, 10a-b, d, f, 11g], хотя такая форма встречается и на вельбарских памятниках низовьев Одера [Wolągiewicz 1993, Tabl. 53:1,2].

²² Бутыль среднедунайского типа найдена на могильнике культуры карпатских курганов у с. Глыбока, поблизости от области черняховских памятников [Смішко 1960, табл. 7:2].

²³ Как следствие моды каннелюры появляются также на отдельных сосудах иных типов: ойнахоя из Сэбзоань, кружка из Вил-Яругских.

21:3, 25, 26:1-2, 33:3, 34:6, 36:4; *Кухаренко 1980*, табл. 8:86]. Некоторые из них имеют в ручке сквозной канал (для питья?)²⁴; такая ручка найдена в Петрикивцах. Подобные сосуды известны в масломенчской группе вельбарской культуры, а также на памятниках пшеворской культуры (рис. 54:8), в Германии, Австрии и Венгрии [*Szydłowski 1977a*, 73; *Dobrzańska 1980*, 123-124; *Wolągiiewicz 1993*, 16; *Kokowski 1995*, Abb. 105].

Сероглиняные кружки с округло-биконическим, а иногда и с биконическим профилем были в ходу у гето-даков римского периода [*Bichir 1984*, 35, pl. XXI:1-2; XXX:14]. Этим можно объяснить распространенность в Муштении кружек первого типа и в черняховское время. В.Н. Корпусов считает, что этот тип посуды не ранее 3 в. был занесен сармато-аланами с Кавказа на Боспор, откуда затем попадает в черняховскую среду [*Корпусова 1971*]. Однако мне представляется, что сарматы практически не оказали влияния на черняховскую гончарную посуду.

Второй тип кружек не четко отделяется от низких кувшинов и типологически с ними связан. Немногочисленные аналогии есть в вельбарской культуре [*Wolągiiewicz 1993*, tabl. 21:2; *Kokowski 1993c*, рис. 1]. Третий тип целиком соответствует вельбарской группе XV [*Wolągiiewicz 1993*, 18].

Одноручные вазы по пропорциям похожи на кружки, но крупнее по размерам. Как и гончарные кружки, их можно разделить на типы: тип I - биконические с невыделенным горлом (Данчен, Гавриловка, Заплазы²⁵, Каборга, Булбоака - лепная²⁶) (рис. 53:1, 3-4); тип II - с четко выделенным высоким горлом (Будешты, Башмачка, Ново-Александровка, Рыжавка) (рис. 53:2). Объем - от 2 л (Заплазы, Каборга, Булбоака) до 6-7 л (большинство). Можно предположить, что их также использовали для питья - в коллективных застольях в качестве братины, или для смешивания вина. В пользу парадного или ритуального назначения ваз-кружек говорит то, что уникальные экземпляры из „княжеского” кургана в Башмачке и из Данчен (погр. 157) украшены сложными системами символических знаков [*Бодянский 1968*; *Рафалович 1981*]. Подобные крупные сосуды (высота 15-19 см) известны в юго-восточном регионе вельбарской культуры - Масломенч (2), Брест-Тришин, Дитиничи, Могиляны-Хмельник (рис. 54:4-5, 7) [*Wolągiiewicz 1993*, tabl. 14:3; 33:3; *Смишко, Сенишников 1961*, рис. 2:10; *Кухаренко 1980*, табл. 11:27а; *Каспарова, Щукин 1979*, рис. 1]. По-видимому, они появились под влиянием соответствующих пшеворских форм (рис. 54:8) [*Dąbrowska 1996*, гл. 5а-б, д].

Пожалуй, к этому же виду посуды следует отнести большой кружкоподобный сосуд, но с двумя ручками, из могильника Александр Одобеску (высота 20 см) [*Mitreă, Preda 1966*, fig. 233:3].

Керамические кубки встречаются среди погребального инвентаря чаще, чем на поселениях. Обычно они имитируют престижные стеклянные изделия мастеров Восточного Средиземноморья. Больше всего подражаний вызвали самые массовые импорты второй-третьей четверти 4 в. - типы Сакрау-Ганцков и Ковальк с полусферическим дном и рядами шлифованных кругов и овалов. Чаще встречаются керамические кубки низких пропорций (рис. 55:1, 3-14), известны и более высокие (рис. 56:5-6, 8-9). Местные подражания вызвали и более ранние стеклянные чаши на колцевой ножке (конец 3 - начало 4 в.) (Ромашки, Курники, Переяслав - рис. 56:7).

Низкие чаши из Курников и Сада (рис. 56:1-2) типологически близки вельбарским и пшеворским сосудам, придонная часть которых украшена таким же радиальным орнаментом [*Wolągiiewicz 1993*, tabl. 35:4, 36:3; *Moszczyński, Siciński 1997*, tabl. I:15-24]. По-видимому, они наследуют форму и декор стеклянных чаш типов Эггерс 181-183. Сосуд из Рыжевки (рис. 56:4) подобен стеклянной кубку из погребения Данчены 287 (Эггерс 239). Редкостью является имитация кубков с непаянными каплями синего стекла типа Журавки последней четверти 4 - начала 5 в. (Компанийцы - рис. 55:2).

Глиняные имитации иногда украшены лишь качественным черным лощением, чаще вмятинами или кругами, изображающими шлифовку по стеклу. В большинстве случаев на поверхности полусферических кубков нанесены орнаментальные мотивы и знаки, свойственные местным обычаям. При этом широко использовались различные резные штампы. Некоторые керамические кубки представляют собой выдающиеся образцы декоративного искусства.

Большинство керамических имитаций происходит из лесостепных областей черняховского ареала, зато на южных памятниках чаще встречаются стеклянные чаши. Имитации стеклянных кубков были распространены также среди вельбарской и пшеворской керамики [*Wolągiiewicz 1993*, табл. 14:3 (группа XIX); *Moszczyński, Siciński 1997*]; в масломенчской группе есть полные соответствия черняховским формам [*Kokowski 1995b*, Abb. 86, 102].

Встречаются цилиндрические кубки с горизонтальной разделкой поверхности, похожие на уменьшенные имитации деревянных ведер: Данчены 10, Вилы Ярузские, черняховский слой Ол...

²⁴ В немецкой литературе высказано предположение (на наш взгляд, сомнительное), что сосуды с каналом в ручке служили для свечей-свечниками [*Szydłowski 1977a*, 73].

²⁵ *Тиханова 1957*, рис. 3:2.

²⁶ *Борзияк, Кашуба 1990*, рис. 2:8.

вии (рис. 56:10) [Сымонович 1964в, рис. 10:5; 28:6]. Такие сосуды имитируют деревянные кубки, собранные из клепок (их находки известны в Польше [Szydłowski 1984, 18-20]). Аналогичные керамические сосуды известны в пшеворской культуре, где они предположительно датируются фазой D, и на территории Германии [Dobrzańska 1980, 119-120]. По пропорциям к ним близок кубок с орнаментальными срезами по ребру (Черняхов).

Редкая у нас форма - с выделенной шейкой и косыми канелюрами по тулову (Жовнин, рис. 55:12) - также находит аналогии в Центральной Европе (ступ. C3) [Godłowski 1992, 34, Abb. 12:13].

Часть черняховских кубков отражает развитие керамических форм более раннего времени. Очень архаично выглядит чарка из погребения Данчены 36 (рис. 57:8). Этот тип сосудов относится к вельбарской группе XIII, которая известна в раннеримское время и доживает до фазы C_{1b} [Woląciwicz 1993, 57]. Менее выразительные экземпляры этой группы (также лепные) представлены в Лепесовке и Викнинах Великих [Щукин 1989, рис. 1; Смишко 1947, рис 1:3, 6].

Некоторые типы кубков морфологически связаны с определенными типами мисок. Кроме простых биконических форм²⁷ (рис. 57:10-13), это лепные и гончарные „трехчастные” кубки с карнизом на плечике (Ружичанка, Косаново, Рыжевка, Ромашки, Журавка, Компанийцы - рис. 57:5-7), гончарные кубки, оформленные одним валиком по плечу (Ружичанка, Ромашки, Петрикивцы, Соснова, Данчены - рис. 57:1-2, 4) или двумя валиками (Ружичанка, Данчены - рис. 57:3). Все эти сосуды соответствуют вельбарской группе XVIII, которая отличается от мисок группы VI только пропорциями [Woląciwicz 1993, 19]. Черняховские „трехчастные” кубки относят к ранним фазам культуры [Гей, Бажан 1997, 42], хотя на вельбарских памятниках, включая могильник Дитиничи, они (тип XVIII.E) известны на протяжении всего позднеимского времени - фазы C_{1b}-D [Woląciwicz 1993, 26]. Происхождение этих сосудов, а также кубков с одним валиком О.В. Шаров связывает с областями Рейна и Эльбы, а сосуды с двумя валиками - с древностями типа Лейна-Хасслебен [Шаров 1992, 189, табл. 13; 1995, 17-18].

На ряде памятников Западной Украины найдены кубки, украшенные по тулову глубокими овальными вдавлениями, известные в европейской литературе как „Faltenbecher”: Рипнев II, Ракобуты, Романово Село, Куропатники (рис. 57:10) [Баран 1964, рис. 8:7; 1981, 94; Смишко 1948, табл. III:3; Cehak-Holubowiczowa 1936, гус. 12]. Они изготовлены из тонкой глины (Романово Село) или с примесью мелкого песка. Тип „фальтенбехер” во 2-4 вв. был популярен в дунайских провинциях Империи [Dobrzańska 1980, 127-128]. Появление на крайнем западе черняховской территории и своеобразие глиняного теста этих кубков позволяют считать их импортом, возможно, из Паннонии.

Уникальным является сосуд в виде сапожка из Каборгского могильника (рис. 57:14). Эта керамическая модель точно передает конструкцию древней кожаной обуви. Возможно, этот кубок наследует античные изделия; территориально близкий пример - краснолаковый кубок в виде ноги, обутой в сапожок, из некрополя при городище Золотой Мыс на Днепровском лимане [Ратнер 1975].

Керамические ведра. В различных регионах черняховской культуры встречаются ведроподобные столовые сосуды (рис. 58:1-4). На целом гончарном экземпляре из Каборги рельефные изображения достоверно имитируют металлические детали деревянного ведра: обручи, ушки и гвозди. Обломки ушек подобных сосудов и целые экземпляры найдены в Башмачке, Иванковцах, Жуковцах, Солончень, Миоркань, Трушешть, Куркань, Сфынтул Георге [Смиленко 1992, 72, 93; Брайчевский Довженок 1967, рис. 19:7; Левинский 1992; Ioniță 1972, 99; Szydłowski 1977b, 122]. Аналогичные изделия известны в Центральной Европе: среди позднепшеворских материалов добродзеньской группы 4 - начала 5 в. и на позднеимских памятниках Восточной Германии, Чехии и Венгрии [Szydłowski 1976; Szydłowski 1977b, 120-124]. Прототипами этих керамических сосудов были деревянные и бронзовые ведра, которые встречаются в составе парадных сервизов погребенных представителей германской знати римского времени в Северной и Центральной Европе, а также и в черняховской культуре (Компанийцы) [Махно 1971, рис. 5].

Чаще встречается упрощенный тип керамических ведер - без ушек. Это гончарные сосуды из Лепесовки, Заячивки, Черняхова, Маслова, Журавки, Жовнина (ур. Биленкови Бурты) и др. [Сымонович 1983с, рис. 6:1-2, 4-5, 7]. По форме они близки к вазам; многие экземпляры имеют отогнутый или уплощенный венчик, но для всех характерно наличие двух-четырех валиков на тулове, которые имитируют обручи на деревянном ведре.

Цедилки - небольшие сосуды разной формы (горшки, иногда миски) с многочисленными отверстиями; предназначались, по-видимому, для приготовления сыра (рис. 58:5-6). Известны лепные и редко гончарные изделия. Все находки происходят с поселений, поэтому целых экземпляров очень мало. На территории Польши, где подобные сосуды известны и в более раннее время, в погребальных комплексах они также встречаются как исключение [Godłowski 1981, гус. 27].

Сосуды-хранилища, иначе - пифосы, *dolium*, зерновики, корчаги (рис. 59). Обычно они изгото-

²⁷ Такие кубки трудно отличать от миниатюрных мисок, изготовленных специально для погребальных ритуалов.

влены на гончарном круге из глины с грубыми примесями (крупный песок, дресва); их высота от 0,6 до 1 м, объем измеряется несколькими десятками литров²⁸. Изредка встречаются корчаги из неотощенного глиняного теста²⁹ (Козлов, поселения Буджака) [Гудкова 1986в, 157]. Лепные или подправленные на круге зерновки известны в Верхнеднестровском регионе (Черепин, Бовшев). Горизонтальной формой венчика, а в одном случае и орнаментом, они подражают гончарным изделиям [Баран 1981, 82, 92]. Э.А. Сымонович приводит обломок лепного венчика из с. Никольское на Нижнем Днепре [Сымонович 1981, 45].

Большинство сосудов (типы 1, 2) имеет „классический” провинциальный профиль: яйцевидный корпус с узким дном и массивный горизонтальный венчик, приспособленный под крышку. По профилю венчика и характеру декора различаются основные три типа черняховских пифосов, которые имеют локальное распространение [Сымонович 1956а].

Тип 1. Венчик горизонтальный. Сосуды украшены прочерченными гребенкой многорядными горизонтальными и волнистыми полосами по плечу и иногда по плоскости венчика. Тип распространен в основном в западной части черняховской территории - Западная Украина, Молдова, Румыния, - но на юге встречается совместно с пифосами второго типа до Днепра (Александровка).

Тип 2. Венчик горизонтальный, часто треугольный в сечении. Орнамент представляет собой рельефный, расчлененный вдавлениями либо косыми насечками, валик; вдавлениями бывает декорирован и край венчика. Иногда валик сочетается с многорядной полосой (Каменка, Фурмановка). Можно допустить, что валик как элемент орнамента имитирует поверхность зерновиков, сплетенных из горизонтальных жгутов соломы (они хорошо известны в европейской этнографии). На некоторых пифосах валики размещаются наподобие обручей бочки. Кроме яйцевидной, бывают и другие формы корпуса. Находки зерновиков этого типа концентрируются в Причерноморье между Дунаем и Днепром, однако отдельные обломки стенок с расчлененным валиком встречаются в Среднем Поднепровье (Черняхов), Молдове (Делакеу, Булбоака), Восточной Украине (Боромля, Хохлово; в целом находки пифосов в регионе очень редки).

Тип 3. Венчик отогнутый. Орнамент часто отсутствует, но встречаются экземпляры, украшенные однорядной волной и горизонтальными линиями - Турия, Ломоватое, Максимовка. Тип неустойчив, имеет разнообразные варианты. Такие сосуды являются по сути сильно увеличенными кухонными горшками. Преобладают в Центральной Украине, но встречаются и в других регионах.

Исследователи, вслед за М.Ю. Смишко, сходятся на мнении о провинциально-римском происхождении пифосов [Śmiszko 1939]. Сосуды первого типа широко представлены в провинциях Среднего и Нижнего Дуная, в соседних областях пшеворской культуры [Brukner 1981, 160-161; Bichir 1984, 35; Godłowski 1981, 71-72; Opait 1996, 38]. Декор типа 2 мог быть выработан на месте, хотя гончарные пифосы, украшенные валиком с насечками, встречаются в доримской Дакии I в. до н.э. - I в. н.э. (при полном преобладании прочерченных орнаментов) [Glodariu 1995]. Орнаментация расчлененным валиком характерна и для лепной посуды гето-дакийских племен. Варианты пифосов типа 3, распространенные в удаленных от римских границ регионах, скорее всего, были выработаны черняховскими мастерами самостоятельно.

В литературе среди черняховских древностей, по нашему мнению, ошибочно, упоминаются три экземпляра гончарных плоских фляг. Это случайные находки из восточных и южных районов Украины: Волошское, Журавка Прилуцкая, Малая Корениха [Брайчевская 1960, табл. IV:12; Сымонович 1983, 39, рис. 10:11-13]. Подобные вещи в комплексах римского времени нам не известны, но они присутствуют на раннесредневековых памятниках Крыма и приазовских болгар [Якобсон 1979, 38-39; Тарабанов 1993, 121]. Сероглиняная керамика болгарско-салтовского круга нередко трудноотличима от черняховской.

1.2. Декор сосудов

Типология декоративного оформления посуды подробно разработана Э.А. Сымоновичем в статье „Орнаментация черняховской керамики” [1964в]. Эта, по сути, монографическая работа во многом и поныне сохраняет свое значение и позволяет нам не останавливаться детально на описании всех видов и вариантов декора керамической посуды. Основные его группы Э.А. Сымонович выделил по технике исполнения³⁰: I - пластичные орнаменты, II - лощеный орнамент, III -

²⁸ По недоразумению в качестве пифоса в литературу вошел крупный кухонный горшок (высота 35 см) из Ягнятина [Махно 1952а, табл. I:5; Славяне и их соседи... 1993, табл. 56:8].

²⁹ Единственный целый экземпляр из глины без примесей происходит из кремации 78 в Могошань [Diacoti 1969, Abb. 5:1]. Несмотря на оформление, характерное для нашего типа 1, он является лишь декоративной имитацией пифоса: его высота всего 31,5 см.

³⁰ Э.А. Сымонович в понятие „орнамент” включил и не орнаментальные декоративные элементы - формообразующие валики и уступы, плоские срезы и каннелюры, различные налепы, а также (с оговоркой) способы рустовки поверхности. Собственно орнаментация составляет в основном группы II и III.

чеканно-штампованный орнамент, IV - украшения дополнительной профилировкой.

Способы и интенсивность украшения керамики связаны с ее техникой изготовления и функциональным назначением. По материалам Черняховского и Гавриловского могильников, декорированных горшков насчитывается от 7,7 до 30%, мисок - от 33 до 44%, кувшины и кубки украшены почти все. На поселениях орнаментированная керамика встречается несколько реже.

Приемы орнаментации гончарных горшков и пифосов разнообразием не отличаются; они описаны выше. Среди лепных горшков декоративный вид с помощью ярусной рустовки („хротоватость“) придавался сосудам группы I по Шиндлеру-Волонгевичу (рис. 26). В гето-дакийских областях встречаются лепные горшки, украшенные прочерченным зигзагом, налипным валиком, выступами-шишками, вдавлениями или защипами по венчику (рис. 26:13-15). В украинских регионах орнаментация венчиков встречается крайне редко; лепной экземпляр (с рустованным корпусом) найден в Компанийцах³¹ (рис. 27:9).

В оформлении столовой посуды применялись все группы декора. На большинстве сосудов имеются валики и уступы. Собственно орнаментальные изображения наносились двумя способами: а) графически, с помощью пролощенных линий либо (реже) пунктиров, оставленных колесиком или гребенкой; б) рельефно, с помощью оттиска фигурного штампа, который является самостоятельной фигурой. Орнаментальные композиции образуют обычно горизонтальный фриз на плечике, реже на шейке сосуда или бывают расположены кольцеобразно на горизонтальном венчике вазы.

Мотивы графических орнаментов имеют почти исключительно геометрический характер. Самый массовый мотив - зигзаг в разных вариантах, а также его дериват - ряд треугольничков. Довольно часто встречается косая сетка, редко - горизонтальная или вертикальная „елка“³²; иные типы (растительный-пальметта, полукружия-фестоны и другие) известны единично. Представление о частоте встречаемости мотивов дают подсчеты Э.А. Сымоновича, сделанные им по личной карте: зигзаг и треугольнички - 450 образцов, сетка - 125, горизонтальная „елка“ - 13, вертикальная „елка“ - 10 образцов [Сымонович 1964в, 303-308]. Только в узком районе Буджакской степи на кружках встречается растительный мотив - четырехлепестковый цветок (Главапы, Беленькое - рис. 52:6), здесь же известны орнаменты в виде пальметты и фестонов [Гудкова 1986в, 150]. Это явно связано с античными традициями близлежащего города Тире. Растительный орнамент известен и в Лепесовке, где присутствие греческих гончаров подтверждается надписями на сосудах [Тиханова 1963, рис. 4:1].

Орнаментальные мотивы композиционно скомпонованы в виде непрерывной монотонной (стереотипной) полосы или разделены на сегменты (дискретный орнамент). Непрерывную полосу чаще всего образует горизонтальный зигзаг, либо ряд заштрихованных или залощенных треугольничков. Эти орнаменты, а также сетка характерны для всей столовой посуды, кроме кубков. Монотонный фриз в виде горизонтальной „елки“ встречается на вазах и кувшинах (рис. 36:1; 49:2). Для этой же посуды и для кубков применялась сегментная композиция орнаментации, которая может включать элементы зигзага, сетки и елочки, а также оттиски штампа.

Наиболее распространенными формами штампов были разного рода розетки и концентрические круги, реже встречаются треугольные, каплевидные, полулунные, пальметты, свастики и т. д. Ваза-кружка из Данчен украшена 51 оттиском 14 разновидностей таких штампов (рис. 53:3) [Рафалович 1981]. Уникальными являются оттиски штампов на обломках посуды с изображениями коней из Черепина на Роси и Бережанки, а также лебедя или гуся из Фалешт [Брайчевский 1961; Воляник 1974, рис. 9:1; Федоров 1960, рис. 17:1; Сымонович 1983б].

Сложные системы орнаментации отдельных сосудов наводят исследователей на размышления о зашифрованном в них скрытом смысле. Широко известны интерпретации двух vaz из Лепесовки (также кувшина из Ромашек) как гадательных чаш (чар) и земледельческих календарей [Рыбаков 1962; 1981, 320-325; 1987, 164-194]³³. Подобные сосуды с сегментными изображениями найдены в Черняхове, Каменке Днепровской, Малаештах, Каборге, Тэкута³⁴ (рис. 40:1; 42:3; 43:9; 49:4). Сакральным характером сосудов объясняют изображения „астральных“ (солярных, лунарных) знаков на кубках [Винокур 1972, 84] и упомянутой одноручной вазе из Данчен [Рафалович 1981]. Не менее интересны руноподобные знаки на одноручной и трехручной вазах из Войскового [Бодянский

³¹ Фрагменты подобных лепных венчиков встречены еще на нескольких поселениях Поднепровья, но следует учитывать возможность ошибок, т.к. здесь такой декор характерен для керамики скифского и раннесредневекового времени [Сымонович 1964в, 283].

³² Елочный орнамент обычно относят к растительным, однако на черняховских сосудах, как и на вельбарских, он имеет, как правило, геометрический характер, а узнаваемое изображение дерева встречается крайне редко [Wolągiewicz 1993, 22-23] (см. прим. 36).

³³ Черняховские сосуды- „календары“ сопоставлялись до сих пор только со славянскими ритуалами годового цикла, хотя подобные действия имелись и в германском язычестве. Например у скандинавов „в начале зимы надо было приносить жертвы богам за урожайный год, в середине зимы - за весеннее прорастание, а летом - за победу“ [Стурлуссон 1980, 14-15].

³⁴ Ionič 1998.

1968; 1972] (рис. 53:2). В духовной культуре людей всегда важное место занимали образы животных. Выше упоминались штампованные изображения такого рода. Графические композиции с рисунками животных известны на кувшине из Ромашек, вазе из Каборги, на фрагментах с других памятников (рис. 43:2; 35:1) [Кравченко, Бугай, Магомедов 1972; Магомедов 1979, табл. III, 6; Симонович, 1983]. Только магической функцией гребней можно объяснить их изображения на том же кувшине из Ромашек и на фрагменте (кувшина?) из черняховского комплекса в Тире³⁵ [Кравченко, Корпусова 1975, рис. 10].

Орнаментация черняховской столовой керамики является продолжением и развитием стиля оформления сосудов вельбарской культуры. После того, как на этапе В₂/С₁ выходит из употребления характерный для ранних фаз меандровый орнамент, господствующим мотивом в оформлении вельбарской керамики остаются зигзаг и ряд заштрихованных треугольников в различных модификациях [Wolągiewicz 1993, 27, гус. 4]. Спорадически встречаются мотивы сетки и елки, единично - пальметта и фестоны. Образцы этих орнаментов представлены на лепной посуде многих вельбарских и вельбарско-черняховских памятников Украины. С фазы С₂ на коренной вельбарской территории входят в употребление оттиски штампа различных типов. Еще раньше этот прием орнаментации из провинциальных центров Среднего Дуная распространяется на многие соседние культуры, в том числе и на пшеворскую [Dobrzańska 1980, 128-130]. Применялась в декоре вельбарских лепных мисок и кувшинов также дополнительная профилировка корпуса с помощью вертикальных и косых каннелюр [Wolągiewicz 1993, tabl. 13:3; 25:3-4; Jaskanis 1996, Taf. 3, 17A:6; Кухаренко 1980, табл. 27a], способ, который позже с большим успехом развили черняховские гончары. Следствием перехода последних к массовому станковому производству посуды стало некоторое упрощение графической орнаментации: реже применяются сложные модификации зигзага и чаще, чем на вельбарской лепной керамике, применяется сетка. С другой стороны, на черняховских парадных сосудах появляются более сложные смысловые композиции и сюжетные изображения³⁶.

1.3. Локальные особенности керамики

Черняховская гончарная посуда, в отличие от лепной, несомненно представляет собой единый типологический комплекс. Региональные отличия определяются в первую очередь наличием местных типов посуды, а для некоторых регионов - более высоким средним показателем лепной керамики. (Напоминаем, что названия регионов условны.)

Западная Украина. Среди кувшинов преобладают сосуды с округлым профилем типа 16, пифосы известны только типа 1. Лепная посуда представлена вельбарскими типами.

Верхний Днестр. Гончарные кувшины, вазы и кубки встречаются единично. Очень высок процент лепной керамики (34-60%), типы которой резко отличаются от большинства остальных регионов. Наиболее характерными ее формами являются горшки типов 1-5 по В.Д. Барану и конические миски.

Центральная Украина. Отсюда, в основном из Среднего Поднепровья, происходит большинство узкогорлых кувшинов типа 2, а также среднеширокогорлых типов 4 и 6 (каннелированные). Характерны пифосы типа 3. Среди лепной керамики преобладают вельбарские формы.

Восточная Украина. Характерны каннелированные кувшины типов 1 и 6, трехручные вазы „левобережного” типа.

Нижнее Поднепровье (район Порогов). Характерен „хортицкий” вариант кувшинов типа 13а, а также лепная вельбарская керамика.

Северное Причерноморье. В прибрежной полосе между Бугским и Тилигульским лиманами локализуются „ольвийские” кувшины типа 13а и вазы „ольвийского” типа; в то же время для памятников причерноморского типа трехручные вазы и орнаментированные кубки в целом не свойственны. Характерны пифосы типа 2. Среди лепной керамики вельбарские типы встречаются лишь на отдельных памятниках, преобладают позднескифские формы.

Молдова. Встречаются широкогорлые кувшины типа 15. Характерны пифосы типа 1. Встречается вельбарская керамика.

Муштешия (Нижнее Подунавье). Характерны широкогорлые кувшины типа 8 и кружки типа 1; много местных подражаний провинциальным формам: тип 12b, разные формы ойнахи. Встречаются кувшины типа 1 и вазы „левобережного” типа, известные также в Восточной Украине. Характерны пифосы типа 1. Среди немногочисленной лепной керамики встречаются вельбарские и гето-дакийские формы.

Существование локальных различий в керамике можно объяснить двумя основными причинами. Первая состоит в традициях местного (субстратного) населения. В регионе Верхний Днестр

³⁵ Ваза-урна с изображениями гребней известна в Германии [Thomas 1960, Abb. 36].

³⁶ Сюжетные изображения встречаются и на вельбарской керамике: на сосуде из Цецеле (погребение 361, фаза С₂-С₃) процерчены фигуры растительного („елки”), астрального и антропоморфного характера [Jaskanis 1996, Taf. 42, 361:5].

это проявилось в минимальном наличии „парадных“ гончарных форм, а также вельбарской лепной посуды и, с другой стороны, в широком использовании местных типов лепной керамики. Та же тенденция менее четко проявилась в Северном Причерноморье. Вторая причина локальных различий - этнографические особенности, развившиеся в местных гончарных мастерских. Наши наблюдения касаются преимущественно кувшинов, пифосов и трехручных ваз. Очевидно, местные варианты существуют и в других категориях гончарной посуды.

По мнению А. Коковского, гончарный керамический комплекс „группы Сынтана де Муреш“ (памятники Румынии и Молдавии) отличается от „собственно черняховского“ (памятники Украины) за счет процентного соотношения разных категорий посуды [Kokowski 1988, 169-171]. Представляется, что такой вывод основан на методически неверном выборе источников статистики: с одной стороны - суммарные сведения по могильникам и поселениям Поднепровья [Симонович 1981; 1983с], с другой - данные по отдельным могильникам (Индепенденца, Тыргшор, Данчену).

1.4. Проблема датировок керамики

Хронологические позиции отдельных типов керамики выявить трудно прежде всего из-за относительно узких временных рамок черняховской культуры (хотя такие попытки делаются: [Шаров 1992; Бажан, Гей 1992; Гей, Бажан 1997]). Несколько легче обстоит дело с типами, которые имитируют датированные импортные сосуды. Выше было сказано, что многие керамические кубки подражают стеклянным сосудам типов Сакрау-Ганцков и Ковальк, некоторые - полусферическим чашам на кольцевом поддоне и с каплями синего стекла („типа Журавка“). Эти кубки могут служить хронологическими индикаторами.

То же относится к кувшинам типов 12а и 13а (каннелированные округлого профиля), имитирующим металлические сосуды. Из этих типов развились более соответствующие местным вкусам биконические типы 1 и 6. Нас заинтересовали их датирующие возможности в связи с особенностями распространения. Оба типа характерны для памятников востока Украины (см. выше). Тип 1 - 9 экземпляров; тип 6 - 10 экз., а также 5 экз. в правобережном Среднем Поднепровье. Эти же типы известны на территории Румынии, в Мунтешии и Молдове: тип 1 - 5 экз., тип 6 - 1 экз. Подобную географию имеет и „левобережный“ тип трехручных ваз (см. выше): 5 экз. - в левобережном Поднепровье и Восточной Украине; 6 экз. - в Мунтешии и румынской Молдове (рис. 60).

Из украинских комплексов с названными типами кувшинов и ваз хронологически определимы Переяслав 5, Успенка 1619 и 1647 (фаза 4 по Е.Л. Гороховскому, т.е. между 350-400 гг.), Кантемировка 1 (фаза 5, между 375/380 и 420/430 гг.). Дунайские комплексы датируются не ранее фазы 5 по сочетанию с кубками с каплями синего стекла (Могошань 70, Изворул 15, Бырлад 507³⁷) и тонкостенным коническим кубком (Тыргшор 195). Таким образом, закономерно предположить, что каннелированные типы кувшинов вместе с „левобережным“ типом ваз возникли в Восточной Украине и были перенесены после 375 г. какой-то группой людей на Дунай. Сопоставим наши предположения с историческими фактами.

Известно, что после победы гуннов над остроготами-грейтунами какая-то их часть была уведена вождями Алатеем и Сафраком на Днестр и вскоре на Дунай (376 г.). Далее источники указывают, что в 380 г. император поселил грейтунов в Паннонии в качестве федератов [Wolfram 1990, 251]. Мы полагаем, что группа грейтунов Алатея-Сафракса состояла из черняховского населения Восточной Украины, покинувшего прежние места обитания (см. разд. „Вторжение гуннов...“). Переселенцы осели среди готов-старожилов на левом берегу Дуная, где ремесленники продолжили изготовление привычных форм посуды. Среди переброшенных в Паннонию воинов также были гончары: кувшины типа 1 встречены и там (погребение воина из Лебени) [Kazanski 1991, 133, fig. 21].

1.5. Особенности черняховского набора посуды

Из рассмотренного выше материала видно, что черняховское население пользовалось богатым набором видов посуды. Кроме хозяйственных видов (кухонные горшки и зерновики-пифосы), он включал развитый ассортимент столовых форм, среди которых заметное место занимают сосуды для напитков. Этим черняховская посуда резко отличается от посуды тех культур, с которыми в Восточной Европе связывают славянскую линию развития населения в римское и раннесредневековое время (позднесарубинские памятники, зубрицкая, киевская, колочинская, пеньковская, пражская культуры). В то же время она демонстрирует значительную близость с вельбарским набором форм, что, как показано выше, подтверждается и конкретными типологическими параллелями.

Оставляя в стороне разницу в технике изготовления (лепная и гончарная), черняховский набор посуды можно рассматривать как „стадиально“ более высокий этап развития вельбарского на-

³⁷ Ioniță 1994, 97-99.

бора. Первый унаследовал от второго основные виды посуды: кухонные горшки и миски, столовые миски, вазы, кувшины, кружки, кубки. В черняховской культуре появляются и новые виды керамики: пифосы, столовые ведра; более многочисленными и типологически разнообразными становятся кувшины, вазы, кубки. Эти нововведения происходили по двум направлениям: 1) заимствование и переработка в местной среде провинциально-римских гончарных форм, 2) появление новых форм посуды в результате социального развития общества.

Первое направление проявилось в появлении пифосов римского типа и разнообразных типов кувшинов. Среди последних часть повторяет округлые формы античных прототипов, часть принимает биконическую форму в духе вельбарской традиции (группа IX.A). К прямым заимствованиям относятся также провинциальные типы горшков и мисок (впрочем, достаточно близкие вельбарским лепным формам).

Второе направление нововведений связано со вкусами военной аристократии, роль которой в черняховском обществе усиливается и число возрастает. Комплексы „княжеских погребений” Центральной Европы в позднеримское время (тип Хасслебен-Лейна-Сакрау) демонстрируют тягу германских вождей к римскому быту, в частности в обычаях торжественных застолий. Все эти погребения сопровождались определенным набором роскошной римской посуды, соответствующей рангу вождя, а также отражающей важную роль княжеского пира в жизни общества периода „военной демократии” (как известно, в германской мифологии почетным уделом воинов в потустороннем мире является пиршество и битва). Наиболее богатые погребения вблизи Лимсса содержат бронзовые тазы для разбавления вина, сита для его процеживания, бронзовые или деревянные с бронзовыми деталями ведра, серебряные или стеклянные кубки. На территории вельбарской культуры подобные погребения выглядят несколько скромнее: серебряная посуда не известна, редко встречаются бронзовые тазы [Bierbrauer 1989, 45-70, Abb. 1-3].

В черняховской культуре металлическая посуда известна меньше. Это погребение в Рудке (бронзовый таз и ведро), сожжения 12 и 14 из Ханска-Лутэрни, бронзовые детали ведер из могильников Косанов, Данчены и Петрикивцы и т.д.; следует упомянуть золотые изделия из Петроасского клада и ряд других случайных находок (см. разд. „Металлическая посуда”). Тем не менее, с усложнением социальной структуры обычай пиров как элемент общественной жизни распространился, охватывая слои средней и мелкой аристократии на уровне общины. На это указывает широкое распространение вишней тары - амфор, обломки которых встречаются буквально на каждом черняховском поселении³⁸. Из дорогой импортной посуды достаточно доступными были только стеклянные кубки; в приморской зоне нередки и краснолаковые кувшины. Массовый спрос на „роскошную” застольную посуду удовлетворялся за счет местных гончарных изделий, которые часто имитируют стеклянные кубки, металлические кувшины и деревянные ведра. Роль бронзовых тазов, в которых подавали на стол вино, выполняли трехручие вазы. Некоторое распространение получили и деревянные ведра местного изготовления.

Относительно меньшее распространение сосудов для напитков в вельбарской культуре (особенно в Поморье), на наш взгляд, объясняется в конечном счете менее развитой социальной структурой общества.

1.6. Генезис черняховского гончарного ремесла

Гончарная посуда черняховского типа является одним из главных признаков, благодаря которому эту культуру относят к европейскому провинциально-римскому кругу. Основными чертами провинциальной керамики является серый цвет черепка, преобладание биконического профиля у мисок, лощение поверхности столовой посуды и украшение ее пролощенным или штампованным орнаментом. Наиболее массовые типы сосудов - горшков, мисок и пифосов, без существенной разницы повторяются во многих провинциальных и варварских культурах средней полосы Европы, включая черняховскую. Широкое распространение такой керамики связано с возрождением кельтских традиций в гончарном ремесле Провинций и составляет часть общеевропейского явления, получившего название „кельтский ренессанс” [Щукин 1973].

По общему мнению специалистов, технология гончарного производства вместе с основными формами станковой керамики были восприняты черняховским населением от более развитых обществ, но мнения разделяются относительно направления этого заимствования. Авторы называют липицкую культуру [Брайчевский 1964, 120; Diaconi 1970], дунайские провинции Рима [Федоров 1960, 127-128; Третьяков 1966, 9; Баран 1981, 97-98], греческие города Северного Причерноморья [Тиханова 1973; Рикман 1975, 243-246; Магомедов 1977, 120]. Подобное разнообразие взглядов на проблему является результатом того, что в черняховском гончарном комплексе при желании можно найти общие элементы со всеми упомянутыми культурами.

³⁸ Европейские варвары употребляли и местные напитки - мед, ячменное пиво и ягодное вино, о чем свидетельствуют анализы остатков из рогов-ритонов и бронзовых ведер [Werner 1950, 168; Nierhaus 1954].

Карпо-дакийское население Прикарпатья раннеримского времени (культуры липницкая и Пояншти-Вертишкой) было знакомо с гончарным кругом и производило в ограниченном количестве сероглиняную столовую посуду³⁹. Однако это население выработало собственные формы круговой посуды, сходные с черняховскими только в самых общих чертах „провинциального стиля” [Šmiszko 1932; 1934; Цигулик 1975; Bichir 1967]. Дальнейшее развитие гончарных форм прослеживается в позднеримских культурах „свободных даков”, в частности в культуре карпатских курганов [Смішко 1960; Вакуленко 1977].

Несомненно, гончарное ремесло черняховской культуры развилось под влиянием позднеримских центров. Не могла ли здесь главная роль принадлежать Ольвии? А.В. Гудкова и В.В. Крапивина, специально занимавшиеся этим вопросом и основательно проработавшие ольвийские коллекции римского времени, пришли к отрицательному результату [Гудкова, Крапивина 1990, 18-21]. Тем не менее, в поздних слоях Ольвии выделяется группа сероглиняной керамики, не только сопоставимая с черняховской, но непосредственно к ней относящаяся. Кроме массовых типов кухонных горшков и серолощенных биконических мисок это „ольвийские” трехручные вазы и кувшины типа 13а (рис. 39:1-4; 48:1-6), которые, судя по географии распространения, здесь же и производились. Исследователи Ольвии, из-за сильной разрушенности поздних напластований городища, не выделяют черняховские находки в отдельный стратиграфический горизонт⁴⁰. Черняховская керамика, в т.ч. миски с косыми каннелорами и с Т-образными вепчиками, присутствуют и на Козырском городище-крепости вблизи Ольвии. А.В. Бураков датирует их самым поздним этапом жизни памятника (все фрагменты найдены на полах построек или в слое пад. полами) и подчеркивает их связь с черняховской культурой и синхронными материалами могильников в Хараксе и Инкермане [Бураков 1976, 93-94]. В Тире подобная керамика обнаружена в составе жилого комплекса [Кравченко, Корпусова 1975]. Несомненно, находки на названных античных памятниках специфических черняховских форм посуды связаны с их включением как населенных пунктов в состав готского племенного объединения. При этом в Ольвии существовали керамические мастерские с собственными традициями, снабжавшие округу сероглиняной посудой. Типы этой посуды имеют убедительные аналогии на близлежащих черняховских памятниках, которые датируются не ранее 4 века.

Таким образом, роль Северного Причерноморья в становлении гончарного ремесла черняховской культуры не была решающей. К таким же выводам можно прийти, изучая гончарную продукцию любого ремесленного центра Нижнего или Среднего Дуная - Павлукени, Истрия, Аквинкум. Некоторое влияние дунайских провинций, скорее всего через пшеворскую культуру, ощущается только на Верхнем и Среднем Днестре (тип горна⁴¹, некоторые формы керамики - пифосы, кубки- „фальтенбехер”, округлые формы кувшинов). Возможно, вопрос о конкретных путях проникновения гончарного ремесла в область формирования черняховской культуры не имеет однозначного решения.

С самых ранних этапов черняховской культуры периода Скифских войн второй трети 3 в. ее носители имели прямые контакты с греко-римским населением - в Тире и Ольвии, в нижнедунайских, балканских и малоазийских провинциях Империи. Успешные военные действия сопровождались уводом плешых, в том числе ремесленников, в глубинные районы варварских земель. Производство черняховской гончарной керамики начинается без каких-либо переходных этапов сразу на высоком уровне, что можно объяснить только непосредственным участием в производственном процессе провинциальных мастеров-профессионалов. Косвенным подтверждением этому служат находки греческих надписей на гончарных фрагментах из Лепесовки и Александровки [Тиханова 1963, 189-190, рис. 8; 1973; Магомедов 1987, рис. 9:5]. В прикарпатские области проникали также мастера из гончарного центра в соседней Южной Польше.

Благодаря высокому спросу на круговую керамику ее производство расширялось за счет обучения ремесленников из местной среды. Образцами продукции служили не только римские формы сосудов, но и традиционные вельбарские типы, отвечавшие вкусам и привычкам потребителя [Магомедов 1997а; 1998]. В основе черняховские горшки, миски и пифосы почти без изменений повторяют формы, массово производившиеся в дунайских мастерских. Во многих типах кувшинов можно узнать римские прототипы, но большинство из них приобретает биконический профиль, свойственный вельбарской посуде. В других типах кувшинов, в кружках, разных типах ваз местные мастера развивали в гончарной технике «этнографические» формы вельбарских или пшеворских и даже ютландских образцов. В результате синтеза провинциальной ремесленной школы и

³⁹ Эта керамика, а также подобная античная, в качестве импорта поступала и на соседние пшеворские поселения, где составляет от 2 и иногда до 13% всех обломков [Козак 1984, 23].

⁴⁰ Э.А. Симонович обратил внимание на группу ольвийской керамики черняховского типа, однако также не связывал ее появление с черняховским населением [Симонович 1964в, 349, рис. 28:6-12].

⁴¹ На территории пшеворской культуры господствует дунайский тип горна с двухкамерной топкой, однокамерные горны (с опорным столбом) встречаются как исключение [Wielowiejski 1981, рис. 174].

вельбарской традиции сложился оригинальный черняховский стиль керамики со своим ассортиментом форм, который пополнялся за счет подражаний дорогим импортным сосудам из стекла, дерева и металла.

2. Импортная посуда

Импортная посуда из керамики, стекла и металла, в основном производства восточных провинций Рима является неотъемлемой частью черняховского вещевого комплекса. Обломки амфор, столовых красноглиняных сосудов и стеклянных кубков находят буквально на каждом черняховском поселении и могильнике, хотя значительное их количество (иногда до половины всех керамических фрагментов) встречается обычно в Причерноморском регионе и на некоторых памятниках Подунавья. Амфоры попадали к черняховскому населению в качестве тары при продаже вина и оливкового масла и в дальнейшем использовались в быту. Остальная посуда составляла самостоятельную статью импорта. Свод этих находок сделан В.В. Кропоткиным [*Кропоткин 1970в; Кропоткин, Кропоткин 1988*].

2.1. Амфоры

Обычной находкой на черняховских памятниках являются обломки амфор, которые являются одним из относительно надежных датированных источников.

В Восточную Европу в большом количестве поступали светлоглиняные узкогорлые амфоры из характерного глиняного теста с примесью крупного песка, которые производились в Малой Азии, скорее всего в Синопе на южном берегу Черного моря. Они подразделяются на несколько разновременных типов [*Шелов 1978*]. В ранних черняховских комплексах встречаются обломки „танаисских” амфор (тип D по Д.Б. Шелову), которые, вслед за этим автором, по времени разрома Танаиса традиционно относили к первой половине 3 в. [*Абрамов 1993, 46-47*]. Датированные монетами комплексы указывают все же на 3 столетие в целом [*Кривина 1993, 94; Сазанов 1993*]. Такие сосуды вместе с черняховскими импортами попадали на поселения киевской культуры (развал амфоры найден в киевском слое Беседовки - рис. 61:1) [*Махно 1955а, рис. 5:9; Терпиловский, Абашина 1992, 172-173*]. По тесту и общим пропорциям к ним близки две амфоры из Оселивки, по к типу D их отнести нельзя и датируются они 4 в. (рис. 61:2,3) [*Никитина 1995, 84-86*].

Чаще других находят амфоры „инкерманского” типа (тип F), производившихся, скорее всего, в течение всего 4 века [*Айбабин 1990, 14; Кропотков 1998*]. Их высота 45-67 см, на горле и плечиках иногда краской нанесены греческие надписи-дипинты (рис. 61:4-9). Целые экземпляры происходят обычно из могильников - Викторовка, Чубовка, Камейка-Анчекрак, Нагорное 2, Лазо, Тыргшор, Спащов, Индепенденца, Александр Одобеску, иногда с поселений - Комаров, Дубяги, Максимовка; очевидно, с черняховскими памятниками связаны случайные находки из Иване-Золоте, Чапасвки, Гурбинцев [*Кропоткин, Кропоткин 1988, 180*].

Наиболее поздним типом среди узкогорлых светлоглиняных амфор является тип E (рис. 61:10-12). Эти амфоры датируют концом 4 - первой половиной 5 в. [*Абрамов 1993, 50*]; в римской Добрудже - даже концом 5 - 6 веком [*Орайт 1996, 218*]. На черняховской территории известны в основном в Причерноморье: Каменка-Анчекрак, Александровка, Луговое; случайная находка происходит из слоя скифского Басовского городища в Сумской области [*Кропоткин 1970в, рис. 31:6*]. С черняховскими торговыми посредниками связано появление амфоры типа E на киевском поселении Рошце [*Терпиловский 1984, 25*].

На всех черняховских поселениях Северного Причерноморья встречаются обломки широкогорлых красноглиняных амфор, известных как тип Зеест 100 (или „Делакеу” по Э.А. Рикману) [*Зеест 1960, 120, табл. 39:100*]. В глубинные районы Восточной Европы они доставлялись редко из-за больших размеров (высота 62-93 см), хотя один из целых экземпляров происходит из с. Гусишка Курской области России [*Симонович 1971а*]. Полные формы известны также в Комарове, Делакеу, Каменке-Анчекрак, Александровке (рис. 62:1-4). Датируют их по-разному: целым 4 веком [*Орайт 1996, 218*] или с 360-380 гг. по середину 6 в. [*Сазанов 1989, 50-51*].

Амфоры типа M.273 (тип Ягнятин) [*Robinson 1959, pl. 29; Абрамов 1993, 51*] встречаются преимущественно в западной области черняховской культуры (рис. 62:5-8). По мнению А. Опайца, модификации с овоидной формой тулова датируются 4 в., а с „мешковидной” (расширенной в придонной части) - концом 4 - первой половиной 5 в. [*Орайт 1996, 211, типы C.III и F.X*]. Целые и фрагментированные экземпляры происходят из Ягнятина, Тиры, Собаря, Альдень, возможно, из Фрунзовки, Яссы-Николина и Беляевки (дно); близкие формы дали Рипнев II и Комрат [*Махно 1949, табл. II:7; Кравченко, Корпусова 1975, рис. 5:4; Рикман 1970, рис. 6:1; Mitrea, Preda 1966, fig. 226:6; Кравченко А.А. 1967, рис. 1:3; Ioniță 1982, Abb. 11:1; Вакуленко, Приходнюк 1988, рис. 2:6; Баран 1981, табл. 64:17; Рикман 1975, рис. 27:8*].

Тип „Харакс 33” относят к концу 4 в. [Абрамов 1993, 52] или к первой половине 5 в.⁴² [Якобсон 1979, 9-10; Айбабин 1984, 114, рис. 5:21]. Характерной особенностью амфор является ножка в виде выступа-кнопки; на поверхности часто прослеживается белый ангоб (рис. 63:1-2). Встречаются на черняховских памятниках юга Украины: Дудчаны, Кут, Снигиревка, Тира, Александровка, Городок, Луговое [Вязьмитина 1960, рис. 11:2; Сымонович 1967с, рис. 5:15; Елагина 1952, 19; Кравченко, Корпусова 1975, рис. 3:1; Магомедов 1987а, 79; Магомедов, Гудим-Левкович 1991].

К редким типам относятся тонкостенные красноглиняные амфоры типа Зеест 95 (рис. 63:3). Глина у них слоистая, бурого цвета, имеет много примесей слюды. Почти целый экземпляр найден на поселении Кокоара II⁴³, ножка - в Ранжевом [Сымонович 1979, рис. 21:14]. Этот тип исследован А.В. Сазановым, который датирует его последней четвертью 4 - 6 в. Такие амфоры имели широкое распространение. Их находят в Крыму и Западном Причерноморье, в Восточном и Западном Средиземноморье, в Северной Африке. О центре производства этих амфор высказывались разные мнения, но решающими следует признать данные петрографического анализа, которые по составу микропримесей в глине указывают скорее всего на западную часть Малой Азии в районе реки Меандр [Сазанов 1992, 106].

По составу глины и оформлению очень близки к описанным выше сосудам маленькие одноручные амфоры с тонкими стенками и рифленным корпусом. Целые экземпляры происходят из могильников Каменка-Анчекрак (погр. 8) и Барча (рис. 63:5); фрагменты найдены на поселениях Каменка-Анчекрак и Луговое [Гау, Ниси 1986, fig. 4:4; Магомедов 1991а, рис. 19:4]. По находкам в Афинах они относятся к типу М.275-276 и датируются концом 4 в. [Robinson 1959, 110, pl. 29]. Такие одноручные амфоры явно имеют общий малоазийский центр производства с амфорами типа Зеест 95. Подобный сосуд, происходящий также из Каменки-Анчекрак (погр. 5), сделан из низкокачественной глины кирпичного цвета и, по-видимому, является северопричерноморским подражанием привозному изделию (рис. 63:4).

Группа небольших амфор с воронковидным горлом и коническим корпусом (рис. 63:6-7) происходит из памятников Молдовы - Малаешты, Елизоветовка, Комрат, Нагорное 2, Извоаре [Рикман 1975, рис. 27:11-13; Гудкова, Росохацкий, Фокеев 1993, рис. 1:15; Alexianu, Ellis 1995, fig. 3:5] и из Мунтении - Спанцов, Индепенденца, по-видимому, также Четатя Векь, Коконь, Николае Бэлческу [Mitrea, Preda 1966, fig. 13:3; 22:4; 56:3; 90:5; 103:4; 217:5; 218; 246:3; 265:1-2, 4]. Подобное горло имеет и тирская амфора №605 (рис. 63:4). Все названные сосуды датируются 4 веком.

В юго-западных регионах единично встречаются амфоры редких, менее изученных типов (Лещань, погр. 1; Индепенденца, погр. 3; Бырлад-Валя Сяке, погр. 541; Кэсчоареле). Не характерную для римского времени форму имеет амфора из Коровинцев [Сымонович 1964с, рис. 3:6]. Ее принадлежность к черняховскому комплексу сомнительна [Щукин 1968, 48-49].

2.2. Столовая керамическая посуда

Античная столовая посуда из глины известна на многих черняховских памятниках. Краснолаковая посуда малоазийских центров встречается обычно в Севером Причерноморье, реже - в Центральной Украине.

Кувшины с веретенообразным корпусом из Каборги, Каменки-Анчекрак, Готешт, Спанцова (разрушенное погр.), Александр Одобеску (погр. 17), по-видимому, из Нагорного 2 (рис. 64:1,2) по аналогиям, датированным монетами, мы относим к первой половине 4 в. [Блаватский 1941, 73, рис. 108; Kraskovska 1974, 134-137, tabl. 13:10]. Такая датировка подтверждается серией типологически родственных им стеклянных кувшинов из крымских погребений первой половины - середины 4 в. [Айбабин 1984, 113-114, рис. 2:13; 3:1, 14].

Широкодонный кувшин из Ранжевого и фрагменты аналогичных сосудов с поселений Киселово, Каменка-Анчекрак и Луговое (рис. 64:3) по крымским аналогиям датируются второй половиной 4 в. [Айбабин 1990, 15, рис. 2:18]. По-видимому, к этому времени принадлежат и кувшины из Викторовского и Коблевского могильников (рис. 64:4-5). Краснолаковые кувшины разных типов найдены также в Черняхове, Каменке-Днепровской, Гавриловке, Будештах⁴⁴, Нагорном 2 (погр. 73), Спанцове (погр. 35), Индепенденце (погр. 4) и т.д. Из Нагорного 2 (погр. 60) происходит краснолаковая ваза со штампованным орнаментом.

На черняховских памятниках Нижнего Поднестровья и Подунавья встречаются красноглиняные кувшины-ойнохои: Холмское, Фурмановка, Нагорное 2, Лещань, Бырлад-Валя Сяке, Спанцов, Индепенденца, Изворул, Дедулешть, Могошань и др. (рис. 64:6) [Bloşiu 1975, 229; Mitrea, Preda

⁴² В Хараксе, погребение 33, такую амфору сопровождали 4 кубка, украшенные каплями синего стекла [Блаватский 1951, 272-273].

⁴³ В статье Э.А. Рикмана ошибочно обозначено место находки „Кокора III” (1972, рис. 3), исправленное позже в монографии на „Кокоара II” (1975, рис. 27:9).

⁴⁴ Щербикова, Чеботаренко 1974, рис. 3:9.

1966, fig. 262:1,3,4; 178:3; 223:7; *Diaconi* 1969, Abb. 8]. По-видимому, эти сосуды происходят из дунайских и балканских провинций, так как в остальных черняховских регионах они практически не известны.

В Спанцове и Николае Бэлчееку найдены двуручные узкогорлые кувшины, покрытые зеленой глазурью [*Mitrea, Preda* 1966, fig. 80; 246:4]. На римско-античных памятниках Нижнего Дуная глазированная керамика в очень небольшом количестве известна с 3 в. [*Popilian* 1976, 55]. По-видимому, наши экземпляры импортированы из Паннонии, где аналогичные формы кувшинов датируются не ранее 380 года (Интерциса, Флориана-Чаквар) [*Nádorfı* 1992, 50, Taf. II:2b, Kat. № 43, 114, 195].

Однотипные краснолаковые тарелки с прямым или слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 64:7-9) происходят из могильника Сычавка, поселений Викторовка, Каменка-Аичекрак, Луговое [*Магомедов* 1987, рис. 37:2-5]. Считается, что это посуда понтийского производства. Она часто встречается в комплексах Крыма 4-5 вв.; в Танаисе обломки этих блюд составляют большинство среди краснолаковой керамики в слоях конца 4 - начала 5 в.; находки из римской Добруджи датируются первой половиной 5 в. [*Айбабин* 1984, 115-116, рис. 3:15; 5:2; 7:2; 1990, 16; *Сазанов* 1989, 51-53; *Арсеньева* 1981, 43-45; *Ораїт* 1996, 135, pl. 55:4].

2.3. Металлическая посуда

Римская посуда из цветных металлов поступала к черняховским племенам в гораздо меньшем количестве, чем глиняная или стеклянная. Есть основания полагать, что многие сосуды оказались здесь не торговым путем, а в результате военных походов как добыча или подарки военачальникам от римской администрации. Отчасти редкость таких находок объясняется тем, что цветной металл, включая бронзу, ценился очень высоко и пришедшие в негодность предметы целиком утилизировались. Примерами вторичного использования металлических сосудов являются обрезки бронзовой жести в косторезных мастерских из Великой Снитинки и Бырлада, где из них делали заклепки для гребней (см. разд. „Косторезное производство”).

Большинство целых металлических сосудов на черняховской территории происходит из кладов [*Кропоткин* 1970в, 85-98]. Клепаный бронзовый котелок найден вместе с серебряными денариями и пряжкой 4 в. у с. Черница Житомирской области. Один из обнаруженных в Киеве кладов римских монет помещался в бронзовом сосуде (ситуле?). Подобным образом клад денариев из окрестностей с. Жигайловка Сумской области был спрятан в бронзовой посудине „в виде сулеи самой старинной формы”. Через 160 лет, в 1964 г., в тех же местах найдены два серебряных кувшина с богатыми орнаментами, изображениями сцен охоты и войны, изготовленные в Константинополе около 400 г [*Луцко* 1984]. Похожий серебряный кувшин, а также фляга яйцевидной формы встречены у с. Борочицы Волынской области. В них было насыпано около 1500 денариев. По некоторым сведениям, здесь же находилось золотое блюдо. Серебряное блюдо найдено в кладе близ г. Борзна Черниговской области.

Самые роскошные позднеантичные золотые сосуды 4 - начала 5 в. (помимо украшений) найдены в составе Петроасского клада в Мунтени [*Odobesco* 1889, 1896]. Это массивное блюдо, патеры с рельефным изображением богов и животных, две ажурные чаши с ручками в виде леопардов, украшенные драгоценными камнями; золотой кувшин из комплекса был изготовлен местным готским мастером в византийском стиле. К сожалению, почти целиком пропал для науки клад из Грушевицы, найденный на черняховском поселении [*Маркевич, Рикман* 1973]. Кроме украшений и оружия, по словам местных жителей, в него входили и золотые кубки, инкрустированные красными камнями. Драгоценные сосуды содержало также погребение неизвестного вождя гуннского времени у с. Концешты на р. Прут [*Matzulewitsch* 1929, 123-137].

На черняховских могильниках металлическая посуда является редкостью. Бронзовый кувшин происходит из раннего погребения 41 могильника Черпелив-Русский [*Герета* 1989, рис. 5]. Котелок типа Хеммоор (Эггерс 62) и бронзовый таз содержались в „княжеском” погребении из Рудки [*Кухаренко* 1980, 83-86]. Обломок ручки бронзового сосуда типа Стара-Загора найден в погребении Данчены 203, поврежденные огнем остатки бронзовых сосудов - в погребениях Ханска-Лутерия 12 и 14. На могильнике (?) Кагамлык найдены фрагменты серебряных сосудов [*Рутковская* 1979, 341]. Обломки дужек бронзовых ведер найдены в слое могильников Косаново и Петрикивцы.

2.4. Стеклянная посуда

Довольно часто на черняховских памятниках находят осколки стеклянных кубков или чаш. Небольшое количество таких изделий производилось на черняховской территории, в Комарове [*Смішко* 1964] (см. разд. „Экономические связи с античным миром”). Однако ни продукция этой мастерской, ни изделия стеклоделательных мастерских в античном Северном Причерноморье (Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму, Танаис) значительного распространения не получили.

[Щапова 1983, 163]. Основную массу стеклянной посуды восточноевропейские племена получали из Римской империи. Находки, аналогичные черняховским, изучены Х.Й. Эггерсом, а позже, и с более обоснованными датировками - Г. Рау и Е. Страуме [Eggers 1951; Rau 1972; Straume 1986]. Принятые в этих работах наименования типов используются большинством современных исследователей.

Стеклянные кубки изготавливались в глиняных или каменных формах путем выдувания и (реже, толстостенные сосуды) прессования. Декор выполнялся разными способами - в горячую или в холодную. Одна из разновидностей первого способа - накладывание стеклянных нитей, которые приваривались к неостывшей поверхности сосуда; другая разновидность - формирование так называемых ребер, которые образуются при захвате не затвердевшей поверхности стекломассы специальными инструментами. Сосуды, декорированные в горячую (а также без декора) могут происходить из различных провинций Рима. При декорировании в холодную в римское время использовался шлифовальный круг, которым наносились овалы (фасетки) или прямые линии. Такой способ широко применялся в специализированных мастерских, принадлежавших императорскому двору. В 3 в. эти мастерские находились в Риме, а в 4 в. были переведены в Константинополь. Для них характерно стекло (сосуды и бусы), сваренное на соде с пониженным содержанием щелочноземельного сырья [Щапова 1983, 129; Лухтер 1988, 106].

Самые ранние из известных нам стеклянных чаш, происходящих с черняховских памятников, относятся к периоду около конца 3 - начала 4 в. Подавляющее большинство имеет кольцевую ножку или украшены „ребрами” [Rau 1972, 117-123]. К группе чаш с „придонными ребрами” („Vordentrippenschalen”) относятся экземпляр из Бережанки и фрагмент из Петрикивцев. Кубок из Черняхова имеет вертикальные ребра на корпусе и кольцевое дно (тип Грабов) (рис. 65:2). Чаши на кольцевой ножке украшались одноцветной накладной нитью - горизонтальной (Косанов, погр. 15 и 38; Тыргшор, погр. 298⁴⁵) или зигзагообразной (Данчены, погр. 169) (рис. 65:1). Фрагмент с поселения Козлов с косым рифлением относится к типу Пулхлеб. Низкая чаша из Переяслава (погр. 2) с вертикальным рифлением изготовлена из зеленого стекла волнистой структуры (рис. 65:3).

Одновременно с описанными выше типами, в конце 3 - начале 4 в., на черняховских памятниках появляются сосуды, декорированные в холодную. В сожжении 67 из Тыргшора найдена низкая чаша типа Эггерс 216, стенки которой украшены шлифованными фасетками (рис. 65:4). Она изготовлена из желто-зеленого стекла невысокого качества, характерного для мастерских Дунайских провинций (продукция Кельна отличается бесцветным прозрачным стеклом); находки таких чаш известны в Венгрии и Словакии [Rau 1972, 116; Niculescu 1993, 201]. Подобные чаши и глиняная форма для их изготовления найдены в Танаисе; известны они также в Ольвии и Пантикапее [Сорокина 1965; Алексеева, Арсеньева 1966].

Временем около второй четверти 4 в. датируются полусферические кубки типов Сакрау II и Ганцков⁴⁶ (по Г. Рау). Сосуды типа Сакрау II (Эггерс 226-229), украшены большими овальными фасетками в два ряда. Известны тонкостенные экземпляры (Лазо), у некоторых толщина придонной части может превышать 2 см: (Оселивка, Текучь в Румынии) (рис. 65:5). Так же орнаментирован кубок из Елизаветовки с суженным горлом и отогнутым венчиком⁴⁷. Несколько крупнее полусферические кубки типа Ганцков и Лейна III (обычно тонкостенные). За основу декора у них также взяты ряды крупных фасеток, но они обрамлены резными линиями, образующими ромбический или „сотовый” орнамент, участки бывают гравированы мелкой сеткой (Косанов, Гавриловка, Якобень) (рис. 65:6). К типу Эггерс 223 относится крупная полусферическая чаша из Переяслава-Хмельницкого, погр. 5 (сохранившаяся высота 12,5 см, несколько рядов фасеток).

Наиболее распространенными являются кубки второй-третьей четверти 4 в. типа Ковальк (Эггерс 230) с цилиндрическим корпусом и массивным полусферическим дном, украшенные обычно тремя-четырьмя рядами шлифованных овалов (рис. 65:7-8). На востоке и севере Европы известно около 80 таких находок [Щукин, Щербакова 1986, 193]. Изготовлены они, как правило, из прозрачного желто-зеленоватого стекла. Целые экземпляры найдены в погребениях могильников Черняхов, Журовка, Гнатки, Жовнин, Сад, Вилы-Яругские, Николаевка, Оселивка, Данчены, Нагорное, Спанцов, Александр Одобеску и др.

Позже входят в моду по-разному оформленные кубки конической формы. Они широко распространяются в гуннское время (последняя четверть 4 - начало 5 в.), хотя появляются несколько раньше. Часть из них - массивны и отделаны шлифовкой, причем простые фасетки, как на более ранних изделиях, встречаются редко (Бырлад-Валя Сяже, погр. 541). Обычно это сложные в изготовлении, следовательно, дорогие экземпляры. Кубки типа Кенигсбрух (тип Хегем, Страуме VII) украшены глубокими „сотовыми” фасетками (Гавриловка 5, Ранжевое 12 и 14, Горошевы 4, Лазо

⁴⁵ Niculescu 1993, fig. 9:3.

⁴⁶ Тип Ганцков (или тип Якобень) И. Ионица датирует первой третью 4 в. [Ioniță 1994-1995, 162].

⁴⁷ Рикман, Рафалович, Хынку 1971, рис. 7:2.

28, Нагорное, Тыргнор 179) (рис. 66:1-3); кубок типа Страуме IX (Извоаре 9⁴⁸) отличается крупными фасетками и „биконической” ножкой (рис. 66:4).

На одном из ранжевских кубков (вишневого стекла) вырезана греческая надпись (рис. 66:1). Подобные тексты содержат также сосуды типа Страуме VIII, оформленные четырьмя шлифованными медальонами, из Барча и Малаешти. Надписи на кубках представляют собой краткие застольные благопожелания и переводятся приблизительно так: из Ранжевого - „Пей, да поживай со всем домом”; из Малаешт - „Пей, да поживай вечно”; из Барча - „Пей, да поживай всегда прекрасно” [Сымонович 1979a, 108; Țau, Nicu 1985, 165]. Подобные находки происходят также из Комарова (фрагмент) и Точилень [Ioniță 1994, 111].

Фрагментированный кубок из Фрунзовки Г. Рау относит к редкому типу, распространенному в основном в Скандинавии; он имеет черты типов Ганцков и Ковальк предыдущего периода - толстостенный, высокий, круглодонный, овальные фасетки обрамлены линиями [Кравченко А.А. 1967, Рау 1972, 138].

Среди конических кубков чаще других, очевидно, по причине их дешевизны, встречаются тонкостенные сосуды, гладкие или скромно декорированные врезными горизонтальными линиями (Данилова Балка, Журавка, Гавриловка, Ранжевое, Одая, Малаешты, Будешты, Лазо, Нагорное, Тыргнор, Сынтана де Муреш и др.) (рис. 67:1-2). В Журавке и Косанове найдены конические сосуды, украшенные зигзагами из толстых напаянных питей синего и зеленоватого стекла (рис. 67:3). К поздним коническим кубкам относятся экземпляры типа Косино (Эггерс 195) на ножке или узком поддоне, украшенные, в подражание дорогим шлифованным экземплярам типа Страуме VIII, большими овалами из напаянных питей (Холмское, Индепенденца, Извоаре, Хуча⁴⁹) (рис. 66:5). Конический кубок на ножке из Нагорного 2 оформлен горизонтальной напаянной питейю, подобный сосуд из Фурмановки, погр. 8, украшен вертикальным рифлением (рис. 66:6). В начале гунского периода появляются также конические и полусферические сосуды, украшенные каплями синего стекла („глазками”). Целые формы - Журавка, Киев⁵⁰, Могошань, Бырлад-Валя Сяке; фрагменты - Соснова, Великая Бугаевка, Данилова Балка, Тилигуло-Березанка, Будешты, Изворул (погр.15) (рис. 67:4).

Кубок „колоколовидной” формы с кольцевым поддоном из погребения Данчены 287 продактирован также началом 5 в.⁵¹ [Щукин, Щербакова 1986, 192].

Кроме кубков, к варварам Восточной Европы в очень небольшом количестве поступали стеклянные флаконы (бальзамари), содержавшие ароматические масла. Предметы происходят из богатых погребений. В погребении Оселивка 58 найден целый сосуд с высоким горлом, имеющим раструб и шаровидное тулово; подобные вещи характерны для середины - второй половины 4 в. [Иикитина 1995, 82-83]. В погр. 4 из Переяслава-Хмельницкого обнаружено горло бальзамария из волнистого стекла белого, красного и синего цветов [Гончаров, Махно 1957, 133, табл. 2:15]. Из погребения 501 гунского времени в Бырлад - Валя Сяке происходит кувшинчик с плоской ручкой [Palade 1986, Tab. R88a:9].

3. Элементы костюма

В этом разделе мы рассматриваем большую группу вещей из различных материалов. Собственно деталями одежды являются застежки-фибулы и пряжки; бусы, различные подвески, браслеты, перстни и шейные гривны также входят в костюм, но являются украшениями. Наиболее массовые категории этих вещей (фибулы, пряжки, бусы, подвески) неоднократно рассматривались специалистами. Разработаны более или менее удачные системы их классификаций, постоянно уточняются датировки. Используя эти работы, мы не ставили задачи их пересмотра, направляя усилия в основном на выяснение связей отдельных групп вещей с определенными культурными областями.

3.1. Детали одежды.

Фибулы черняховской культуры были впервые массово исследованы А.К. Амброзом [1966], который развил классификационную схему О. Альмгрена, разработанную на основе североевропейских находок (Almgren 1923). Обе схемы используются в современных работах. Наиболее детальная классификация черняховских фибул с обоснованными датировками выполнена Е.Л. Горо-

⁴⁸ Alexianu, Ellis 1995, fig. 2:8.

⁴⁹ Рикман, Рафалович, Хынку 1971, рис. 7:4.

⁵⁰ Кубок хранился в собрании Б.Н. и В.И. Ханенко. О месте находки этого (№ 1261) и группы поздних стеклянных сосудов сказано: „г. Киев, Флоровская гора и Кирилловская ул.” [Древности Приднепровья 1902, 59]. Для нашего кубка более вероятно Флоровская гора, она же Кислевка, где встречена черняховская керамика: черняховский могильник гунского времени известен на соседней Старокиевской горе [Самойловський 1952].

⁵¹ Подобный кубок из Хершты описан, как глиняный, но на рисунке выглядит как стеклянный [Mitrea, Preda 1966, 87, fig. 222:2].

ховским [1988в]. Группа щитковых фибул Восточной и Центральной Европы обработана А. Коковским [Kokowski 1996]. Вопросами типологии и хронологии фибул занимались и многие другие исследователи черняховской культуры [Diaconu 1971; 1973; Ioniță 1992 и др.].

Фибулы изготовлялись в большинстве из медных сплавов (бронза, латунь) методом литья с последующей ковкой. Гораздо реже встречаются экземпляры из железа⁵² и низкопробного серебра. Единичны фибулы, покрытые золотой фольгой - серебряная „монструозо” из Дапчен, погр. 371 и щитковая из Изворул (Какалець), погр. 9, железная, с каменной вставкой. Фибулы позднеримского времени обычно изготовлялись по двучленной схеме. Одна часть представляет собой корпус, делящийся на спинку, ножку и приемник (иглодержатель), вторая часть состоит из пружины с иглой; обе части соединяются с помощью оси (бронзовые фибулы могут иметь железную ось). Одночленные экземпляры, изготовленные из одного куска проволоки встречаются редко. Массовые „арбалетные” фибулы по конструкции функциональны, они просты в изготовлении. Пружины у них часто в декоративных целях надставлены, т.е. имеют дополнительные неработающие витки. У щитковых (двупластичатых) фибул пружинный аппарат скрыт декоративными щитками.

По схеме Е.Л. Гороховского большинство находок относится к „черняховской” подгруппе группы „прогнутых подвязных” фибул, которые характеризуются коленчато изогнутыми спинками и узкими ножками изделий. Исследователь разделяет эту подгруппу на серии: А - с гладкой спинкой и Б - фасетированные. Серия А делится на 5 вариантов (А1-А5) по сечениям спинок, отражающим конфигурацию заготовок изделий: круглых, полукруглых, трехгранных, четырехгранных и многогранных (рис. 68:1-2); более дробные разновидности выделяются по ширине спинок. Серия Б разделена на три варианта по максимальной ширине корпуса, т.е. по ширине прямоугольной в сечении заготовки (рис. 68:3-6). Вариант Б1 - менее 5 мм (обычно 3-4 мм), вариант Б2 - 5 мм, вариант Б3 - 6-10 мм.

Большинство фибул серии А имеют узкую спинку; варианты А1, А2, А5 датируются с 30 гг. по конец 3 века. Узкие фибулы вариантов А3-А4 доживают до рубежа 3-4 в. Широкие фибулы серии А изредка встречаются в первой половине 4 в. Серия Б датируется 70 гг. 3 в. - началом 5 в. Вариант Б3 возникает позднее остальных - не ранее второй трети 4 в. На протяжении 4 в. все варианты сосуществовали, но Б1 встречается редко. Крупные разновидности варианта Б3 бытовали и в 5 в. На рубеже 4-5 вв. использовались отдельные фибулы вариантов Б1 и Б2 с острыми трехгранными спинками (рис. 68:6).

К поздним фазам черняховской культуры (возможно, конц ступени С3, в основном D1) относятся крупные одночленные фибулы, найденные в погребальных комплексах Мунтении (Могошань 57; Султана 4), Трансильвании (Фынтынелс 2, 3, 5; Сынтана-де-Муреш, 46), а также на вельбарском могильнике Баев (рис. 68:7) [Кухаренко 1975, рис. 3:9-10; Ioniță 1992, 81].

На черняховских памятниках нередки „воинские” фибулы со „сплошным” приемником-иглодержателем (Альмгрен VI.2) (рис. 68:8-9). С ранним этапом культуры связана группа фибул „с высоким приемником” (Альмгрен VII), которая датируется 30-ми гг. 3 в. - началом 4 в. (рис. 70:2-3).

В средней и заключительной фазах черняховской культуры получают распространение щитковые (двупластичатые) фибулы (группа 21 по А.К. Амброзу). У этих застежек пружинный аппарат (часто двойной) закрыт полукруглым щитком, приемник - обычно ромбическим (ножка). Щитки соединяются дуговидной спинкой. В современной литературе применяется система классификации этих фибул, предложенная А.К. Амброзом, который отнес черняховские варианты (ножка наиболее расширена посередине и ниже) к подгруппе I⁵³ [Амброз 1966, 76-86]. В основу выделения вариантов положена форма ножки:

- IAA - ножка расширена в нижней части, продолговатая;
- IAB - также расширена в нижней части, короткая (рис. 69:1-3);
- IBA - ножка расширена в середине, продолговатая (рис. 69:5-6);
- IBB - также расширена в середине, короткая (рис. 69:4).

В последнее время А. Коковский предложил более сложную систему классификации щитковых фибул позднеримского времени, разделив их по разным признакам на семь групп (А-Г) с вариантами [Kokowski 1996].

Среди разных мнений, высказанных по вопросу хронологии щитковых фибул, обоснованным представляется взгляд Е.Л. Гороховского [1988, 44-45]: маленькие фибулы вариантов IAB и IBB появляются в фазе 4, т.е. между 350-400 гг.; для фазы 5 (после 375 г.) характерны более крупные фибулы - варианты IAA, IBA (и короткие IBB). Практически к тому же выводу пришел Я. Тейрал. Крупные щитковые фибулы (свыше 60 мм) он отнес к фазе D1, которую он датирует 360/370-

⁵² Железные фибулы черняховских типов более характерны для соседней киевской культуры [Терпиловский, Абашина 1992, 67-68].

⁵³ К подгруппе II отнесены крупные фибулы с очень длинной ножкой, расширенной выше середины; хронологически и территориально они выходят за рамки черняховской культуры. Важнейшую литературу по фибулам подгруппы I см.: Амброз 1966, 77-81; Kokowski 1996. В статье А. Коковского дана наиболее полная сводка находок.

400/410 гг. [Tejral 1997, 329]. А. Коковский допускает раннее появление фибул малого размера (группы А и В по его классификации) - с фазы С₂, т.е. с конца 3 в. [Kokowski 1996, 159].

Интересные результаты можно получить на основе проведенного А. Коковским картографирования групп щитковых фибул [Kokowski 1996, гус. 15-19]. Группы А и В (малые фибулы - до 60 мм, в основном бронзовые) были распространены во всем черняховском ареале, кроме Трансильвании⁵⁴. Группы С, D, E (более крупных размеров, в основном серебряные) встречаются в большом количестве в Днестро-Дунайском регионе, на немногих пунктах между Днепром и Днестром (Журавка, Ранжевое, Пастырское, Бизюков Монастырь, добавим: Киев [Самойловский 1952; Гороховский 1988, рис. 80], Курники - погр. 26 [Магомедов 1988, рис. 2:5]) и отсутствуют в Восточной Украине. За пределами черняховского ареала множество крупных фибул происходит из Юго-Западного и Восточного Крыма, хотя малых найдено всего две. Если принять датировки Е.Л. Гороховского, такое распределение находок хорошо увязывается с историческими событиями. Малые фибулы очерчивают территорию готов накануне гуннского вторжения, т.е. ареал черняховской культуры поры ее расцвета. Если крупные фибулы появляются после 375 г., понятно их отсутствие в Восточной Украине, запустевшей вскоре после этой даты [Магомедов 1997в]. Постепенно редело население и в Центральной Украине, где таких находок мало. Часть готов переселяется в Крым и приносит с собой свои этнографические украшения. В западной области и Причерноморье черняховская культура сохраняется дольше; возможно, только в гуннское время она распространяется на Трансильванию (малые щитковые фибулы там не известны).

Щитковые фибулы описанных типов характерны для черняховской культуры, но впервые они появляются в Центральной и Северной Европе в конце 3 - начале 4 в. как подражание престижным провинциально-римским образцам. Роскошные золотые и серебряные экземпляры с зернеными кольцами и двойными пружинами происходят из погребений знати в Закшуве (Сакрау), на Ютландском полуострове и особенно на о. Фюн⁵⁵ [Амброз 1966, 80-81, табл. 25:3]. Упрощенные варианты щитковых фибул получают распространение среди готов - „черняховцев”, сохраняя функцию престижного украшения (около 65% изготовлено из серебряного сплава). После исчезновения черняховской культуры в течение двух веков поздние дериваты двупластинчатых фибул остаются этнографическим женским украшением у готов Крыма, Италии и Испании.

Кроме щитковых фибул, этнографическим атрибутом черняховской культуры являются и другие типы, выработанные на основе центральноевропейских изделий. Это описанные выше „прогнутые подвязные” фибулы „черняховской” подгруппы, фасетированные „воинские”, „юго-восточная подгруппа” фибул группы Альмгрен VII [Гороховский 1988в, 13].

Более редкие типы фибул также обычно соответствуют изделиям, характерным для культур Центральной и Северной Европы и, скорее всего, являются импортами. Роскошные серебряные, иногда позолоченные экземпляры типа „monstruoso” („чудовищного стиля”) с накладными дисками найдены в основном в Молдове (Данчены, Будешты, Василика, Ханска, Тодирень - рис. 70:1), встречаются и в Среднем Поднепровье (фрагментарные или утерянные материалы из Малополовецкого, Петриковцев и Медведовки) [Кравченко и др. 1997; Левада, Строчкова 1998]. Большинство западных находок сосредоточено в Швеции и Дании, на севере Германии и Польши; датируют их в пределах 3 в. (ступени С_{1b}-С₂) [Гороховский 1987; Щукин, Щербакова 1989, 184; Щербакова, Щукин 1991, 39-45]. В основном с территорией Германии связаны „Vügelknopffibeln”, с кнопками на дужке и на концах пружины (черняховские находки - Рипнев, Черепин, Раковец, Малаешты, Данчены, Косанов, Великая Бугаевка, Компанийцы, Привольное, Каборга - рис. 70:4) [Щукин, Щербакова 1986, 182-184]. Подвязные фибулы с полукругло изогнутыми спинками, часто украшенными зернеными кольцами типичны для вельбарской культуры. В раннем погребении 9 могильника Каборга и на поселении Будешты [Рикман 1960, рис. 19:4] найдены „лучковые” фибулы (рис. 70:5); тип характерен для причерноморских сармат 2-3 веков.

Фибулы, относящиеся к кругу вещей с выемчатыми эмалями (или проще - к варварским эмалям) для черняховской культуры в целом не характерны. На могильнике Компанийцы (погр. 2) найдена пара Т-образных (перекладчатых) фибул, соединенных железной цепью [Махно 1971, рис. 4]. Их относят к позднему варианту (серия III, тип II по Е.Л. Гороховскому или подтип IV.1 по Г.Ф. Корзухиной), вещи из которого группируются в Среднем Поднепровье [Корзухина 1978, 25; Гороховский 1982а, 131]. Целая серия варварских эмалей найдена в разное время в районе известных памятников Черняхов и Ромашки (треугольные, подковообразные и Т-образные фибулы, разные подвески). В обоих пунктах имеются две типологически близкие ажурные треугольные фибулы с крестчатым нижним (узким) концом (подтип III.2) [Корзухина 1978, табл. 5:6-7]; третья подобная им найдена вне комплекса на поселении Великая Снитинка (рис. 71:Б). К последней по особенностям декора (прорезной зигзаг в широком конце) близки еще два экземпляра из Черняхова и

⁵⁴ В сводку не вошли подобные фибулы из могильников Родной Край (бронзовые, видимо, тип А1 по А. Коковскому) и Нагорное II.

⁵⁵ Фибула типа закшувских (судя по описанию), по-видимому, была найдена на территории Кнева [Амброз 1966, 86].

один с поселения киевской культуры Новые Безрадици [Корзухина 1978, табл. 6:2-3, 7]. Кроме того, обломок с крестчатым концом происходит из с. Пекари под Каневом и пара фибул из клада, найденного близ г. Борзна в Черниговской области [Корзухина 1978, 24]. Все находки, кроме последней, сконцентрированы в узком регионе Киевского Поднепровья, что говорит об их местном изготовлении (рис. 71:А).

В настоящее время установлено, что вещи круга эмалей из Среднего Поднепровья связаны с ранним этапом киевской культуры [Гороховский 1982а; 1982в; Терпиловский, Абашина 1992, 68-70; Обломский 1991, 25]. Время бытования упомянутых нами находок ограничивается серединой 3 - началом 4 в. [Гороховский 1988в, 18]⁵⁶, то есть начальным периодом активных контактов „киевского” и „черняховского” населения. Учитывая, что киевские поселения в указанных выше черняховских пунктах (Черняхов, Ромашки, Великая Снитинка) не известны, допускаем, что эти фибулы (как и прочие эмалы) попали на них преимущественно как военные трофеи или вместе с представительницами киевских племен.

Пряжки и другие детали кожаных ремней с черняховских памятников в большинстве были деталями пояса, реже относились к портупее для ношения ножен с мечом. Миниатюрные парные экземпляры, судя по расположению в могилах - обувные. Пряжки обычно изготавливались из бронзы, реже из железа и серебра. Бронзовые и серебряные застёжки бывают кованые и литые. Некоторые из них снабжены обоймой с заклепками для крепления ремня.

Черняховские пряжки, как и фибулы, наиболее полно исследованы Е.Л. Гороховским [1988а, 35-42; 1988в, 15-16], типологией и датировками которого мы воспользовались в настоящем разделе.

подавляющее большинство пряжек относится к группе простых округлых, к „черняховской” подгруппе, которая имеет, по-видимому, причерноморское происхождение. У них круглые в сечении рамки, иногда несколько уплощенные с внутренней стороны или слабо ограниченные (рис. 72). Выделено 8 серий рамок. Язычки делятся на 5 вариантов по сечениям заготовок, подобно корпусам черняховских фибул; различаются они и по ширине.

Наиболее ранние формы (3 в.) - кованые пряжки серии А (тонкие, менее 5 мм, овальные рамки) с короткими язычками варианта 1а (четырёхгранные узкие) (рис. 72:1). На рубеже 3-4 вв. появляется серия Б (овально-сегментовидные рамки разной толщины) с аналогичными язычками (рис. 72:4). Другие формы язычков на застёжках серий А и Б применяются позднее - со второй трети 4 в. (рис. 72:2-3). В этот же период входят в употребление пряжки серии В - овальные утолщенные в передней части рамки с максимальным сечением более 5 мм (рис. 72:5-8); во второй половине 4 в. они сосуществуют с серией Г - толстые „калачиковидные” (рис. 72:9-10). На самом позднем этапе черняховской культуры в конце 4 в. появляются пряжки остальных серий: Д - овальные средней толщины, Е - круглые средней толщины, Ж - овальные маленькие - до 20 мм, З - круглые маленькие (рис. 72:11-13). Язычки пряжек также меняются во времени. До середины 4 в. господствуют четырёхгранные узкие и средние (до 5,5 мм). Затем входят в употребление язычки с другими вариантами сечения - полукруглые, округлые, трехгранные, многогранные; они характеризуются значительной длиной и шириной (до 10 мм). Часто их концы заметно загнуты, а массивное основание выделено уступом, что особенно резко проявляется на изделиях гуннского времени (рис. 72:2-3, 6-13).

Прочие группы одночастных пряжек более редки. В комплексах 3 - начала 4 в. встречаются „двойные” и тонкие граненые пряжки (рис. 73:1, 6), во второй половине 4 в. - „щитковые” и „зооморфные” (рис. 73:4-5). Прямоугольные пряжки узкой даты не имеют. Двучастные формы типов „омега” и „D” середины 3 - начала 4 в. соответствуют центральноевропейским изделиям (рис. 73:2-3, 7). Иногда встречаются небольшие пряжки обычного типа, с обоймой, но без язычка (Каборга, погр. 5; Сыштана де Муреш, погр. 7).

В черняховской культуре встречается довольно редкий вид центральноевропейских пряжек в форме кольца прямоугольного или овального сечения без язычка (Gürtelringe): Петрикивцы, Демьянов, Тыргшор, Могошань (рис. 73:8-9). Этот тип известен у сармат в первые века нашей эры [Симоненко 1979, 54]. Считается, что кольцевые пряжки были заимствованы у них римлянами, где применялись в армии на поясах для ношения меча [Ubl 1994, 140]. У германцев Центральной Европы такие пряжки известны в основном в фазах С₁-С₂, но встречаются и позже [Schach-Dörries 1970, 77-78; Madyda-Legutko 1983, 111-112; 1991, 97-98].

Очень редко в черняховских поясах, кроме пряжек, применялись и другие металлические детали - бронзовые пластинки для крепления пряжек (Раковец, Ружичанка, Соснова, Тыргшор 258 - рис. 72:4), а также наконечники ремней (рис. 73:10-11). Встречаются простые наконечники в виде двух пластин, скрепленных заклепками или одной пластины, сложенной вдвое (Маслово, погр. 72;

⁵⁶ Фибулы из Компанийцев с „элементами деградации” Е.Л. Гороховский склонен датировать 4 в., вероятно, первой половиной [1988в, с. 18]. В более ранних статьях он относил к 4 в. также треугольные фибулы и Т-образные из Ромашек [1982а, 139-142; 1982в, 136].

Могошань, погр. 66 и др.). Из Петрикивцев происходит наконечник типа Радлац J.II.3-4, а из Данчен - типа J.IV.1, оба характерны для пшеворских комплексов второй половины 2 - первой половины 3 в.; они относятся к наиболее ранним вещам черняховской культуры [Щукин, Щербакова 1986, 186-187].

Несколько наконечников относится к гупнскому времени. Серебряный (биллоновый) наконечник из Кантемировка украшен по оси гранью и заострен на конце (рис. 73:10); большая серия вещей такого типа из золота и позолоченного серебра происходит из керченских склепов, где датируется последней четвертью 4 - первой половиной 5 в. [Засецкая 1993, 44, 60-61, кат. № 33, 126, 127]. Аналогии имеются и в поздней фазе вельбарской культуры [Godłowski 1970, pl. IX:22]. Этим же временем (фаза D) датируется орнаментированный экземпляр с „клювовидным” окончанием с поселения Рипнив (рис. 73:11). Центром изготовления таких вещей считается западнобалтская Самбия (Калининградская область России), находки встречаются на памятниках вельбарской и пшеворской культур и в Германии [Bitner-Wróblewska 1989, 172-174]. К поздней фазе черняховской культуры относится также наконечник ремня из Фынтынеле, погр. 3 [Ioniță 1992, 82, Abb. 6:7].

В богатом мужском погребении 79 из Гавриловки найдена бронзовая скоба с клепками и вдетым в нее серебряным кольцом, наиболее вероятно, служившая деталью пояса. На кольце мог крепиться чехол для ножа (в инвентарь погребения входили нож и пряжка). В Центральной Европе мужские пояса с подвесками-кольцами для ношения кресал, пинцетов, ключей и т.д. наиболее характерны для раннеримского и начала позднеримского периодов, но применялись и на ступени D⁵⁷ [Madyda-Legutko 1983, гус. 3:1, 3; 10:3, 9].

3.2. Украшения

К массовым украшениям черняховского населения можно отнести подвески и бусы. Перстни, браслеты, серьги и шейные гривны являются редкими находками.

Подвески мы относим к категории украшений с определенной оговоркой, так как часто они служили прежде всего амулетами с различными, обычно защитными, функциями. Некоторые их виды (морские раковины, призматические подвески) носили на поясе или в пояском кошельке. В некоторых погребальных комплексах встречаются целые коллекции амулетов. Так, в Данчанах, в инвентарь погр. 292, кроме набора различных бус (включавшего стеклянное пряслице), входили несколько янтарных грибовидных и серебряные удлинненно-конические подвески, игральная кость в серебряной оправе, „топорик Тора”.

Ведерковидные подвески в виде емкостей разной формы (рис. 74:1-6). На черняховских памятниках найдено около двух сотен таких украшений из железа (68%), бронзы и иногда из золота [Бобровская 1991а; Бобровська 1997]. В некоторых комплексах их бывает довольно много: погр. 1 из Ново-Александровки содержало 27 подвесок, погр. 19 из Привольного - 22 цилиндрических и 6 „розетковидных”. Считается, что подобные металлические украшения в конце I тыс. до н.э. появились сначала в Северном Причерноморье, а затем через сармат и культуру Поянешти-Виртешкой проникли в Центральную Европу; с фазы V₁ разные их типы характерны для пшеворской культуры [Бажан, Каргопольцев 1989]. Прототипами им послужили, в частности, сдвоенные „ведерки” из египетского фаянса, с I в. до н.э. расходившиеся по всему античному миру, включая Причерноморье [Алексеева 1975, 47]. Наибольшее их распространение наблюдается в позднеримское время - до Южной Скандинавии и Эльбы (в западногерманской области они отсутствуют); при этом на вельбарских памятниках встречаются бронзовые изделия, а на пшеворских - преимущественно железные [Mączyńska 1981, 238; Tempelmann-Mączyńska 1989, 103; Kokowski 1995a, 41, гус. 56].

На черняховских памятниках наиболее распространены цилиндрические подвески. По данным О.В. Бобровской, железные экземпляры бытуют дольше, чем бронзовые (до гупнского времени), при этом они со временем обнаруживают тенденцию к увеличению размеров [Бобровська 1997, 99]. Сферодонные корзиноподобные подвески из железа происходят из Каборги и Компанийцев (рис. 74:3-4). Подобные золотые подвески с полусферическим или коническим дном украшены филигранью и зернью (рис. 74:6); происходят из могильников Рыжевка и Данчаны, а также из клада у с. Грушевца [Маркевич, Рикман 1973]. Известны также подвески „розетковидные” (или многоцилиндрические) (Думанов, Привольное, комплексы второй половины 3 в.), удлинненно-конические из железа с бронзовой обкладкой (Данчаны, погр. 337) и серебряные (Данчаны, погр. 292), а также треугольные железные подвески (Каборга, Думанов - рис. 74:5).

Предполагается, что подвески описанных типов служили вместилищами для ароматических веществ. Таковую же функцию могли исполнять ромбовидные подвески из Сосновы и Билой [Герета 1989, рис. 9:1-3а] (рис. 74:12).

⁵⁷ Из погр. Гавриловка 79 происходят фрагменты кубка типа Кенигсбрух и другие вещи ступени D₁ [Сымонович 1960в, 214].

Лунницы (пельтовидные подвески) (рис. 74:7-8, 13-17). Эти украшения-амулеты из цветных металлов имеют полулунную форму, обычно с третьим, центральным рогом. Подвески из пластинок прямоугольной или круглой формы можно рассматривать как варианты лунниц (рис. 74:9-10). Происхождение и эволюция лунниц исследованы С.Ю. Каргопольцевым и И.А. Бажаном [Каргопольцев, Бажан 1993].

По мнению этих авторов, прототипами им послужили провинциально-римские фибулы и накладки. Более вероятно, появление таких амулетов следует связывать с распространением в Империи восточных культов; известны античные изображения людей с полулунными и прямоугольными шейными подвесками [Schulze-Dörlamm 1986, 353]. Подвески в виде лунниц особого типа, литые с эмалью, во 2-3 веках были в употреблении у населения киевской культуры, преимущественно в Среднем Поднепровье. В 3 в. в Центральной Европе появляются лунницы инкрустационного стиля с зернью и филигранью, относящиеся к горизонту „княжеских” погребений Лейна-Хасслебен. В период Готских войн 3 в. они проникают в Восточную Европу: золотые экземпляры найдены на территории черняховской культуры в Данченах (погр. 64 и 279) и в кладе у с. Грушвица, а также в юго-западном Крыму (рис. 74:13-14).

В 4 в. распространяются простые гладкие лунницы из серебра и бронзы (Черняхов, Петрикивцы, Демьянов - рис. 74:7). В клад из Валя Стрымба в Трансильвании входили золотые лунницы. Клад с поселения киевской культуры Роице содержал набор серебряных лунниц, по-видимому, служивших украшением конской упряжи [Кухарская, Терпиловский 1981]. В 4 в. подвески подобного типа появляются в Поволжье и Прикамье, что С.Ю. Каргопольцев и И.А. Бажан связывают с военными акциями Германариха против лесных народов [Kazanski 1992].

Как в Центральной Европе, так и на черняховских памятниках отмечено сочетание гладких лунниц в паре с прямоугольными или круглыми подвесками: погребения Косанов 5, Будешты 106, Петрешты, Могошань 39, Тыргшор 82 и 155. Изредка прямоугольные подвески встречаются в погребениях отдельно от лунниц (Сынтана де Муреш 63, Каборга), иногда их находят на поселениях (Делакеу). О.В. Бобровская считает, что такие амулеты принадлежали мужчинам и появляются не ранее второй четверти 4 в. [Бобровська 1998].

Следующий этап бытования пельтовидных подвесок во второй половине 4-5 вв. связан (по тем же авторам) с развитием на севере Европы так называемого Сесдаль-стиля, а на юге - с возрождением полихромного стиля. К североевропейскому кругу вещей этого этапа принадлежат лунницы со штампованным изображением людей и животных из Сквиры, имеющие близкие аналоги в кладе из Брангstrup [Werner 1988, Abb. 19]. К ним близка более простая лунница с псевдозернью из Сосновы (рис. 74:8).

Влияние Сесдаль-стиля видно и в оформлении сложных полулунных украшений с привесками, которых найдено не много: из бронзовой жести - Пэлатка и Рипнев; литая бронзовая из Данчен; костяная, имитирующая металлические, - из погр. 48 в Бырлад-Валя Сяке [Horedt 1982, Abb. 46:6; Рафалович 1986, табл. 59:11⁵⁸; Баран 1981, табл. 34:8; Palade 1981, fig. 21:5] (рис. 74:15-17). Только на экземплярах из Пэлатка и Бырлад сохранились привески в виде ромбов. Все названные украшения имеют декор из пуансонных или гравированных кружков, которые (кроме экземпляра из Данчен) складываются в крест. По мнению Курта Хоредта в этом проявилось влияние христианства [Horedt 1982, 117], но с таким предположением не согласуется сам тип вещи. Подобные подвески известны в 4-5 вв. в Германии и Южной Скандинавии, где они крепились к головкам особого типа булавок (шпилек) [Böhme 1974, 36-37, Taf. 85:2; 136:3]. Для черняховского убора металлические или костяные булавки не характерны (см. ниже); можно допустить применение деревянных заколок. Судя по комплексам находок из Пэлатка и Бырлада, этот тип украшений появляется на черняховских памятниках не раньше середины 4 в., или, скорее, в гуннское время.

„Топорики Тора”. Эти подвески треугольной формы, обычно с продетым в отверстие кольцом, встречаются в Данченах (серебряная), бронзовые - в Вильшанке (2 экз.), Бовшеве, Теремцах, Сынтана де Муреш, погр. 43 (3 экз.), Тыргу Муреш (рис. 74:11). Эти амулеты обычны для германских культур позднеримского и гуннского времени, их наибольшая концентрация наблюдается в междуречье Везера-Эльбы (особый тип) и на средней Тисе, несколько экземпляров найдено в Крыму [Щукин, Щербакова 1986, 197-198; Kokowski 1998]. В Бырлад-Валя Сяке (сожжение 39) найден серебряный „молот Тора”. Подобные вещи обычно входили в состав сложных амулетов-оберегов, включавших миниатюрные модели щитов, молотов, ножей, ножниц, бритв и т.д. [Godlowski 1980; Gaul 1983].

Проволочные кольца-подвески с завязанными концами. Обычно их делали из бронзовой проволоки, в некоторых погребениях встречаются кольца золотые (Курники 19, Данчены, Тыргшор 236, Изворул 17) и серебряные (Сынтана де Муреш 47 и 63, Тыргшор 43) (рис. 75:1-4). В детском погр.

⁵⁸ И.А. Рафалович отнес подвеску к „последчерняховскому горизонту” могильника (26); скорее, ее надо связать с поздней черняховской фазой.

17 из Куршиков найдено одно серебряное кольцо и семь бронзовых. Судя по их расположению выше плечей, можно предположить, что подвески были вплетены в прическу по четыре с каждой стороны. Бронзовые кольца встречаются на большинстве могильников. На некоторые из них напизаны бусы; четыре таких кольца найдено в богатом погр. 34 из Малаешт. Проволочные кольца с бусами и без них обычны для вельбарской и других культур Центральной Европы.

Пирамидальные (призматические) подвески из оленьего рога (рис. 75:5-6). Высота около 5-7 см. Как правило, украшены циркульными кружками. Известны на многих черняховских поселениях и могильниках: Костянец, Вилы Яругские, Черняхов, Ромашки, Турия, Грушевка, Ново-Александровка, Гавриловка, Лохвица, Максимовка, Каменка-Анчекрак и т.д. Распространены во всех областях Центральной, Северной и Восточной Европы, заселенных в римское и раннесредневековое время германскими племенами. Георге Диакону связывал происхождение таких подвесок с сарматами [Diaconu 1966]. Более обоснованным представляется мнение Иоахима Вернера [Werner 1966]. Он показал, что эти подвески (а также подобные металлические подвески конической формы) появились под влиянием римских амулетов в виде палицы Геракла, подтверждением чего является надпись на подвеске из Кельна: *DEO HER[CVLI]*. Циркулярные кружки на роговых амулетах стилизовано изображают сучья палицы. Однако в германской среде эти амулеты-обереги были связаны с местным богом грома Донаром-Тором, в мифологической фигуре которого наблюдаются определенные параллели с греко-римским Геркулесом⁵⁹. Появляются призматические подвески в 4 в. и встречаются в Европе до 7 в.

Из оленьего рога изготовлены также редкие подвески-диски, найденные в Петроаселе и Родном Крае.

Янтарные грибовидные (восьмерковидные) подвески имеют разные размеры; изредка снабжены бронзовым кольцом для подвешивания (рис. 75:7-8). Встречаются, как правило, на могильниках с заметными чертами вельбарской культуры: Ружичанка, Чернелив-Русский, Петрикивцы, Косанов, Рыжевка, Одая, Романковцы, Данчены и т.д. Характерны для Южной Прибалтики, где появляются и имеют наибольшее распространение на ступени С₂, но известны и позже [Maczvińska 1977, 66]. Отдельные находки встречаются в Крыму, на Кавказе, в Западной Европе [Щукин, Щербакова 1986, 198].

Подвески из раковин мюрекс (*murex*) и кипрея (*cypraea*) появляются как импорт, по-видимому, не раньше середины 4 в. [Бобровська 1997, 99]. Находят их обычно парами в богатых женских погребениях на многих могильниках: Ружичанка, Ридкодубы, Черняхов, Ромашки 35, Журавка 102, Косанов 20, Жовнин 5, Привольное 10, Ново-Александровка, Гавриловка 65 и 70, Коблево 21, Нагорное, Лохвица 14, Сумы-Сад 5, Успенка 1647, Компанийцы, Одая 1 и 4; Будешты, Малаешты 11, 27 и 37, Балцаты 11 и 14, Данчены 224, Лецкань 36, Миоркань 115, Якобень⁶⁰, Богданешть-Фэлчну 1, Индепенденца 3 и 19, Куркань, Кэсчиоареле, Сынтана де Муреш и др.

Оба рода моллюсков обитают в Средиземном море. Раковины кипреи имели широкое распространение в Европе, тогда как амулеты из мюрекс локализованы более узко. В античное время ракушки рода мюрекс, иначе пурпурная улитка, в больших количествах добывались на средиземноморских берегах для получения пурпурной краски для тканей. Различают два вида этого моллюска. Из *Murex brandaris* после выдерживания на солнце выделяли т. наз. „буцидум” - пурпур от розового до черно-красного цвета; *Murex trunculus* давал пурпур синеватого оттенка („пеллагиум”). Кроме того, они служили для косметических и медицинских целей, а также ценились как деликатес.

Немецкая исследовательница Мехтхильд Шульце-Дерламм по форме раковин определила, что все черняховские находки амулетов из мюрекс относятся только к виду *Murex brandaris*, причем в этом качестве в римское время они нигде больше не встречаются⁶¹. Амулеты из раковин *Murex trunculus* обнаружены в погребениях провинциально-римского населения Паннонии и Альпийской области, а у германцев и „провинциалов” Рейнской области использовались амулеты из местной североатлантической „волнисторогой” ракушки [Schulze-Dörlamm 1986, 347-350].

Значительно реже использовали черноморские ракушки. Раковины двустворчатых моллюсков найдены на побережье, в погребении 14 Коблевского могильника (они хранились в шкатулке), а также вдали от моря, на могильнике Сумы-Сад в составе ожерелья, в погребениях в Соснове, Черняхове, Индепенденца 3.

Подвески из клыков животных. Чаще всего это амулеты из просверленных клыков дикого кабана (погребения Ружичанка 29, Одая 1, Данчены 366, Лазо 17, Фурмановка 25, Миоркань 129,

⁵⁹ По мнению Г. Диакону, призматические подвески, а также подвески из морских раковин связаны с сарматскими обычаями [Diaconu 1962; 1966, 362].

⁶⁰ Ioniță 1994-1995, 152.

⁶¹ Отдельные находки амулетов из *Murex brandaris* за пределами черняховского ареала датируются не ранее середины 5 в. (два экз. из Швейцарии, по одному - в Германии, Венгрии и Моравии). Часть из них связывают с переселением остготов [Schulze-Dörlamm 1986, 349-350, Anm. 9].

Тыргшор 136). Такие вещи не характерны для культур Центральной Европы; А. Коковский связывает их с сарматской традицией [Kokowski 1997, 720, 821]. В погребениях находят также кльки медведя (Косанов 22), собаки (?) (Фурмановка 25), возможно, и других хищников (Хэнешть 10, Будешты). Кльки хищных животных иногда входили в состав ожерелья (Черняхов), известен экземпляр, оправленный в бронзу (Привольное 10). В могилах встречаются также кости-астрагалы (Кринички, Малаешты).

Стеклянные подвески являются импортами и встречаются не часто. Из погребения Михэлэшень 123 (третья четверть 4 в.) происходят три медальона-амулета размером 2,1-2,6 см со штампованными изображениями черепахи, человеческой головы а также, как предполагают, св. Даниила в яме со львами [Doniță 1995]. Медальон, подобный последнему (диам. 1,8 см), найден в погребении Нагорное 74; сюжет трактуется как «змееногая богиня» [Батизат 1997]. Представляется, что второе мнение ближе к истине и сюжеты всех упомянутых амулетов связаны с восточными культами. Комплексы относятся ко второй половине или, скорее, последней четверти 4 в.

Амулетами являются подвески в форме клыка, когтя или запятой (Komma-Perlen) (рис. 75:10). Они происходят из комплексов, датируемых не ранее второй половины 4 в.: Черняхов, Вильшанка (4 экз.), Чернелив-Русский, Каменка-Анчекрак, Нагорное, Михэлэшень, Лецкань 5 (2 экз.). У других варварских народов Европы такие находки нам не известны. Высказано предположение, что их форма восходит к нефритовым амулетам Восточной Азии (Япония, Корея), откуда они попали на Запад по Шелковому пути; встречаются они в 3-4 вв. также в Иране [Schulze-Dörlamm 1986, 353]. К черняховским племенам они попадали, как и большинство стеклянных изделий, из Восточного Средиземноморья.

Подвески-монеты. В качестве украшений использовались римские монеты - просверленные или с приклепанным ушком. Чаще они встречаются в юго-западных регионах черняховской культуры. Обычно как подвески использовались самые массовые монеты - серебряные денарии 2 в. - находки в Великой Снитинке, Данченах, Тыргшоре и др. Встречаются и монеты, современные черняховской культуре. В богатом погребении 39 из Бырлад-Валя Сяке найдена подвеска из золотой монеты Констанция II (352-355 гг.), в кладе из Грушевицы (Буковина) золотая монета Аврелиана (270-275 гг.), снабженная золотым кольцом [Маркевич, Рикман 1973]. Антонинианы обнаружены в Вильшанке, Петрикивцах (Галлиен), Лецкань (Констанций II), Могошань (Юлиан Апостата). Бронзовые монеты-подвески происходят из Петрикивцев (город Виминакий, середина 3 в.), Малополовецкого (Требониан Галл), Могошань (времени Константина, в середине ожерелья), Нагорное.

Подвески-гребни. Миниатюрные (4,5-5,5 см) гребни с отверстием в спинке для проволочного кольца (рис. 75:9). Происходят из погребений в Бырлад-Валя Сяке, Петроаселе и Киве [Palade 1981, fig. 25:1; Diaconi et al., fig. 20:5; Самойловський 1952, рис. 3:1], а также из района Каховки. Последняя найдена в курганном погребении, очевидно, сарматском, но ошибочно отнесена к скифскому времени [Лесков 1972, илл. 27]. Все гребни принадлежат к типу III, возникшему в 4 в.

Как подвески могли использоваться и специально не предназначенные для этого вещи. Игральная кость, превращенная в подвеску-амулет при помощи оправы из серебряной проволоки (погребение Данчены 292), явно была для ее владельца символом удачи. Вторично использована просверленная бляшка из Черепина, изображающая льва [Баран 1981, 118]. Стилистически близкие ей бляшки гуннского времени из Пантикапейского некрополя служили украшением конской сбруи [Засецкая 1993, 67, кат. № 167].

Бусы были для черняховского населения популярным и достаточно доступным украшением. Они встречаются в большинстве женских погребений, а отдельные бусины и в мужских. Кроме шейных ожерелий, из бус в редких случаях составляли браслеты (Лецкань 36). Бусы очень разнообразны по форме и материалу. Подавляющее их большинство (кроме янтарных и металлических) поступало в Восточную Европу в виде античного импорта. Многие типы, которые встречаются на черняховских памятниках, описаны Е.М. Алексеевой в ее классификации античных бус Северного Причерноморья [1975; 1978; 1982]. Подобные работы имеются и для смежных территорий Центральной Европы [Mączyńska 1977; Tempelmann-Mączyńska 1985; Stawiarska 1985]. Изучением собственно черняховского ожерелья занимается О.В. Бобровская [1999].

Г.Ф. Никитина отмечает, что в черняховских наборах ожерелий, по сравнению с синхронными античными комплексами, отсутствуют или очень редки бусы из египетского фаянса, гагата, гешира, халцедона, стеклянные многоцветные и золоченые [Никитина 1995, 73]. Полагаем, объяснение кроется в значительно более высокой стоимости этих групп украшений. Неискушенные вкусы северных варваров вполне удовлетворялись дешевой массовой бижутерией. В то же время для населения Центральной Европы (которое потребляло массовую продукцию западноевропейских стекольных мастерских: Кельн и др.) совершенно не характерны бусы из сердолика и коралла⁶², составляющие в сумме около 18% черняховского ожерелья. Таким образом, состав оже-

⁶² Такие бусы поступали к сарматам Среднего Дуная и к населению масломенчской группы, имевшим устойчивые связи с

рельефа диктовался не столько традицией или вкусами, сколько стоимостью товара и направлением связей.

Наиболее многочисленны стеклянные одноцветные бусы округлой, чечевицеобразной, 14-гранной и других форм. Иногда встречаются многоцветные экземпляры, обычно крупные, округлой формы. Путем химического анализа состава стекла удалось связать бусы из некоторых памятников с мастерскими Сирии (из стеклянной массы, сваренной на золе пустынных растений; Оселивка), Египта (Сычавка, Оселивка) и европейских провинций Рима (Балцаты, Комаров); рубленый бисер производился на Ближнем Востоке [Щапова 1978в]. Заметная часть стеклянных бус, в том числе тип 134 по Е.М. Алексеевой (14-гранные „кубооктаэдрические” синие) и другие типы происходит, наиболее вероятно, из мастерских Константинополя [Лихтер 1988, 106; Никитина 1995, 73]. В Оселивке найдена бусина, изготовленная в близлежащей Комаровской мастерской [Никитина 1995, 71].

В черняховских комплексах разного времени находят 14-гранные уплощенные сердоликовые бусы (тип Алексеева 15а), при этом крупные экземпляры длиной 2-3 см характерны для второй половины 4 в. Иногда встречаются и другие формы сердоликовых бус: «плитчатые» со срезанными гранями, шаровидные (Каборга, Кobleво).

Бусы из других материалов редки. Из южных стран поступали коралловые бусы, из Египта - фаянсовые: желто-зеленый бисер (Каборга) или бирюзовые шаровидные ребристые (Ружичанка). Встречаются круглые экземпляры из горного хрусталя (Каборга, Беленькое).

Остальные украшения, в отличие от бус или подвесок, не входили в ансамбль традиционного костюма и на черняховских памятниках встречаются не часто.

Перстни. В большинстве они просты по конструкции и лишены дополнительных украшений. Бронзовые перстни найдены на могильниках Соснова [Махно, Сикорский 1989, табл. 2:1], Косанов, погр. 3, Тыргшор, погр. 3, 174, 258, на поселении Теремцы. Выделяется бронзовое кольцо из слоя могильника Тыргшор с изображением личины (рис. 75:12). Золотые перстни происходят из богатых погребений Оселивка 58, а также Кантемировка 1 и 3 (простые, с заходящими концами). В последнем погребении найден также обломок более сложного перстня - ромбовидный альмандин, вставленный в золотое гнездо с филигранью. В Ромашках, погр. 2, на пальцах руки скелета было два серебряных кольца.

Встречаются вставки от несохранившихся перстней, изготовленные из стекла и декоративных минералов, например янтарная и сердоликовая овальной формы из богатого погребения Одая 1.

На могильнике Петрикивцы в разрушенном погребении местными жителями была найдена гемма из зеленой яшмы, также служившая вставкой в перстень⁶³. На одной стороне изображена человеческая фигура (Гор), сидящая на лотосе с хлыстом в руке, на другой стороне - греческая надпись „абрасакс”. Подобные амулеты связаны с учением гностиков, изготавливались в Александрии и были широко распространены в позднеантичное время, особенно в 3 в.; этим же временем датируются близкие находки в Тире и Херсонесе [Неверов 1979]. Нашу находку вряд ли стоит связывать с распространением философии гностицизма среди местных варваров, скорее она могла быть случайным военным трофеем.

Очень редко встречаются стеклянные перстни. Обломок витого кольца из трех сортов стекла (бесцветного, синего и белого) найден на Каборгском могильнике; перстень из синего стекла - в Черняхове, еще один экземпляр из синего стекла происходит из черняховского слоя поселения Глеваха [Терпиловский 1989, 243].

Браслеты из металла встречались бронзовые, кроме находки в погр. 14 из Ханска-Лутэрия (обрубки изделия из золотого дрота). Как правило, они имеют простую форму без украшений и орнаментов, с несомкнутыми концами. Изготовлены они из круглой в сечении проволоки (Малаешты - погр. 5, Журавка, Хлопков, Рипнев, Бакота - жил. 45, Индепенденца - погр. 19⁶⁴) или пластинки (Кринички). Более сложно оформлен пластинчатый браслет из погребения Косанов 49, украшенный пуансонным орнаментом и снабженный железным замочком. В погребении Сынтана де Муреш 33 найден браслет с концами, оформленными (насколько можно судить по опубликованному рисунку) в виде змеиных головок [Kovács 1912, Fig. 44:2].

Браслеты делали и из основания оленьего рога (розетки). Один из них сохранился на руке скелета в Тыргшоре, погр. 5 (рис. 75:13). Большинство подобных вещей имеет небольшие размеры и их следует скорее признать подвесками из многообразной категории амулетов [Diaconi 1975]. Они найдены в погребениях Кobleво 45, Одая 1 и 4, Данчены 224, Лецкань 2 и 5, также в Демьянове, Петроаселе и Богданешть-Фэлчиу. В косторезной мастерской в Бырлад-Валя Сяке встречаются готовые и незаконченные экземпляры. Подобные изделия встречаются в комплексах 4 в.

Причерноморьем [Vaday 1989, 104-106; Kokowski 1995a, 51-52].

⁶³ Гемма была отправлена в Москву и ныне хранится в фондах Государственного Исторического музея России. Детальное ее изучение для нас пока затруднено.

⁶⁴ В женском погребении 19 из Индепенденцы браслет был обнаружен на шиколотке скелета.

пшеворской и соседних с ней культур Центральной Европы [Rogatko 1994].

Серьги. Этот тип украшений не характерен для черняховской культуры и синхронных культур Центральной Европы, но был популярен у южного населения, как степного, так и античного. В комплексе погребения Каборга 9 (рубеж 3-4 вв.) присутствовала бронзовая серьга из квадратной в сечении скрученной проволоки, конец расклепан в овальный щиток (рис. 75:11). Пара серег близкого типа входит в комплекс погребения Пятра-Фрекецей 228 (начало 4 в.). Подобные серьги (чаще серебряные со вставкой на щитке) встречается в сарматских погребениях 3 в. в Северном Причерноморье и Нижнем Подунавье [Магомедов 1987, 88; Diaconi 1965, 26]. Упоминается находка пары серег (?) в Ромашках, погр. 2.

Как серьга трактуется бронзовый предмет из погребения Коблево 45 - диск диаметром около 3 см со стержнем в центре. Однако его вряд ли можно было использовать в таком качестве. Круглая бляшка, но с дуговидной петлей, лежала в области пояса скелета в погребении Хэнепш 34 [Zaharia e. a. 1993, Fig. 15A]. Подобные вещи часто служили деталями различного воинского снаряжения (пояса, упряжи, щита и т.д.) в римской и, реже, варварской среде [Tejral 1994, Abb. 10:1-6; 15:1; Petculesku 1994, pl. 3:5; Арташевская 1963, рис. 6:4].

Булавки. Встречаются очень редко. Отмечена находка В.В. Хвойки в погр. 20 Ромашковского могильника: „у левого плеча - бронзовая шпилька с четырьмя шариками при окончании” [Брайчевский 1960, 108]. Железная „гвоздевидная” булавка длиной 27,6 см с фигурной верхней частью найдена в слое могильника Гавриловка [Сымонович 1973а, рис. 11:7]. Длинные булавки для закалывания одежды известны в культурах Центральной Европы.

Возможно, украшениями не сохранившихся булавок является особый тип подвесок-луниц (см. выше).

Шейные гривны из бронзовой проволоки с застежками-крючками считаются женскими украшениями. Найдены на могильнике Косанов, погр. 3, на поселении Черепини, а также в черняховском погребении на провинциальном могильнике Пятра Фрекецей в Добрудже [Petre 1962, 237, рис. 1:3; Petre 1987, fig. 81]. Несколько чаще подобные украшения встречаются в синхронных погребениях германцев Центральной Европы: в вельбарской культуре, на Эльбе и особенно в шобшицкой культуре, но наиболее популярны они были у балтских народов [Tempelmann-Mączyńska 1989, Tab. 1-13].

3.3. Реконструкция черняховской одежды

Сохранившиеся детали костюма и их размещение в погребениях дают возможность попыток его реконструкции и сравнительного изучения. Необходимо учитывать крайнюю фрагментарность и неполноту подобных попыток, построенных почти исключительно на металлических застежках, украшениях и аксессуарах из материалов, не поддающихся разложению, в то время как от текстильной и кожаной одежды сохраняются в лучшем случае мелкие фрагменты. По таким фрагментам, чаще всего остающихся на окисленных фибулах и пряжках, удается определить вид ткани. Обычно это полотно (Лохвица, Каборга). Ткань саржевого переплетения сохранилась на корзиноподобной подвеске под спиной мужского скелета в Каборге, погр. 8. В Переяславе, в „княжеском” погр. 5, найдены остатки золотой парчи [Гончаров, Махно 1957, 134]. В женском погребении 84 Масловского могильника на одной из парных фибул обнаружены остатки кожи, по предположению В.П. Петрова, от верхней меховой одежды [Петров 1964, 161]. Преимущественно льняное полотно носили также женщины в древней Германии, что подтверждается сообщением Тацита; в болотных находках Дании нередко присутствует шерстяная одежда [Tempelmann-Mączyńska 1989, 107].

Различия в мужской и женской одежде определяются на археологическом материале довольно слабо. Женские погребения (кроме антропологических признаков) обычно выделяют по критерию наличия пряслиц, ожерелья, более одной фибулы (хотя случаются исключения), остатков шкатулок. Мужские погребения в этом отношении заметно беднее. Из деталей одежды они могут содержать фибулу и пряжку, из украшений иногда немного бус (возможно, пашивавшихся на одежду) и подвеску-амулет.

Значительно больше возможностей для исследователя сохраняется в женских погребениях черняховских могильников. Эти возможности использовала Магдалена Мончинска в работе, посвященной принадлежностям женского костюма варваров Центральной и Восточной Европы [Tempelmann-Mączyńska 1989].

Как установлено по материалам могильников, женский костюм примерно в равной пропорции мог включать одну или две фибулы, или обходиться без них (соответственно 81, 104 и 96 погребений); три фибулы найдено в 6 случаях, четыре - в одном, что примерно соответствует норме целевской фазы вельбарской культуры [Tempelmann-Mączyńska 1989, 78]. Возможно, пары фибул соединялись шнуром. На одной из фибул из погребения Маслово 84 сохранились „остатки кожаной тесьмы”. В погр. 2 из Компанийцев пара фибул „круга эмалей” была связана цепью, как это при-

нято у народов Прибалтики. Фибулы носили различными способами: часто две фибулы размещались на плечах, пружинами вверх или вниз; также и на груди. Своеобразием черняховской культуры является „асимметричный” способ: одна фибула лежит на левом или правом плече, вторая - на противоположном боку между ребрами и тазом (более характерно для Мунтении - 9 случаев, чем для лесостепной Украины - 3 случая). Еще реже встречаются варианты: две фибулы на плече и груди с одной стороны корпуса, две фибулы посередине груди [Tempelmann-Mączyńska 1989, 78]. Когда в погребении присутствует одна фибула, она обычно лежит на плече, реже на груди. Положение одной из фибул в районе черепного свода может говорить о ношении накидок, порывавших голову. Встречается и иное размещение фибул, которое не обязательно должно соответствовать их месту на одежде, т.к. умершего могли, например, накрыть сверху плащом застежками.

Голову женщины покрывали накидкой или платком, которые в редких случаях расшивались бусами; в таких случаях их находят вокруг черепа (Каборга 12, Тыргшор 96). О мужских головных уборах ничего сказать нельзя. Известно, что у готов признаком свободного человека (в отличие от раба) были длинные волосы [Корсунский 1965, 61].

Мало данных имеется о древней обуви. Об одном из видов мягких коротких сапог довольно ясное представление дает глиняный кубок из Каборги, погр. 5 (рис. 57:14). Такие сапожки шились из одного куска кожи со складками и центральным швом на подъеме. О том, что существовала мужская и женская обувь на пряжках, свидетельствуют находки на ногах скелетов (в области подъема) в богатых погребениях. Пара миниатюрных бронзовых пряжек происходит из погребения Гавриловка 5; железные обувные застежки из погребений Лецкань 23 и 44⁶⁵.

Мужчины носили на поясе нож, иногда также кресало (например: погр. Тыргшор 264). Ансамбль женского костюма дополняла закрепленная на поясе кожаная сумка-кошелек для мелких вещей: швейных принадлежностей, гребня, амулетов и т.д. Об этом говорят находки подобных вещей при скелетах в области бедер. В богатом женском погребении Сумы-Сад 5 между бедренными костями скелета лежали два игольника с иглой, раковина-подвеска, а также поделка из кости с отверстием в центре - по-видимому, застежка кошелька. Подобный костяной предмет найден в погребении знатной германской женщины [Hahula 1996, 148, Abb. 9-10]. Существуют реконструкции кошельков по болотным находкам в Дании; они крепились на поясе и застегивались с помощью бронзовых колец, пуговиц и заклепок [Ilkjær 1993, 123, Abb. 145].

Таким образом, распространенный у населения черняховской культуры женский костюм включал, как правило, верхнюю одежду (плащ) с одной-двумя фибулами, головную накидку, ожерелье и подвески; платье перехвачено поясом (с пряжкой), на котором висел кошелек. К наиболее употребительным вещам, которые было принято носить с собой и которые попадали в могилу, относились гребень, нож и веретено (от последних сохраняются пряслица и „клюковидные” булавки).

Рассматривая женский костюм культур Центральной и Восточной Европы, М. Мончинска отмечает как особенность черняховского убора большое количество подвесок-амулетов; к прочим специфическим признакам она относит ручные и ножные браслеты из бус, способ ношения фибул на шпильке части корпуса, изобилие сердоликовых и коралловых бус. Такие типы бус и способ ношения названный автор склонен связывать с влиянием сарматской культуры [Tempelmann-Mączyńska 1989, 84]. По нашему мнению, размещение бус в области голени женских скелетов следует скорее связывать с обшивкой подола платья, чем с ножными браслетами (например, погр. Сумы-Сад 8). Это, как и украшения из бус на руках, действительно является отражением восточных обычаев. Однако влияние сарматских традиций на черняховский костюм не было большим, так как такие случаи единичны⁶⁶. Кроме того, причины притока в область черняховской культуры украшений из сердолика и коралла, как отмечалось выше, в первую очередь объясняются торговыми связями региона, а не вкусами потребителя.

Черняховская модель женского костюма была продолжением линии развития убора германских племен Центральной Европы. В культурах этого региона в раннеримское время женский убор нередко включал браслеты, шпильки, поясные гарнитуры и т.д. На позднеримском этапе такие детали употребляются гораздо реже, наблюдается общее сокращение металлических частей убора, но увеличивается употребление бус; модель костюма разных племен значительно привирается. Черняховский костюм практически соответствует модели цецельской фазы вельбарской культуры [Tempelmann-Mączyńska 1989, 104, 134]. К финальной фазе черняховской культуры все более характерным для него становится набор из пары фибул (нередко шпильковых), пряжки и ожерелья. Этот же набор сохраняется в раннесредневековом женском костюме остготов Италии, вест-

⁶⁵ М. Мончинска к комплексам с обувными пряжками причисляет погр. 11 из Малаешт, однако, как пишет автор раскопок, погребение повреждено грызунами, которые перенесли к ногам скелета реберные кости [Tempelmann-Mączyńska 1989, 81; Федоров 1960, 265-266]. Полагаем, что единственная в могиле пряжка попала к ногам таким же образом.

⁶⁶ В женском погребении Лецкань 36 на руке умершей был браслет из трех бусин, но при ней же имелось известное пряслице с рунической надписью - свидетельство германского происхождения владелицы.

4. Оружие

За последние годы опубликован целый ряд работ, посвященных предметам вооружения племен черняховской культуры и ее окружения [*Šćukin 1993*; *Kokowski 1993b*; *Каргопольцев, Бажан 1992*; *Kazanski 1994*; *Kieferling 1994*; *Магомедов, Левада 1996*]. Классификация и датировка материала в этих статьях проведена на основе имеющейся обширной литературы по европейскому оружию римского времени [*Jahn 1916*; *Jahn 1921*; *Böhme 1974*; *Giesler 1978*; *Перхавко 1978*; *Raddatz 1985*; *Zieling 1989*; *Ilkjær 1990*; *Ginalska 1991*; *Kaczanowski 1992* и др]. Мы подобную работу проделали, независимо от других авторов, совместно с М.Е. Левадой, которому я выражаю свою признательность. По сравнению с более ранними работами, список черняховских находок в нашем исследовании уточнен и существенно дополнен⁶⁷, во многих случаях вещи осмотрены нами лично. В данной работе учтено 194 предмета вооружения и снаряжения всадника из 94 пунктов [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 1]. В их числе более 90 вещей из 40 пунктов в подобную сводку включены впервые. Большинство вещей происходит с поселений, 40% - из могильников, при том, что не более 0,5% погребений содержат такой инвентарь.

Из предметов вооружения на черняховских памятниках находят мечи и детали ножен, книжалы, детали щитов, топоры, наконечники дротиков, копий и стрел. Из снаряжения коня и всадника встречаются шпоры и удила.

Мечи. Среди черняховских древностей известно по крайней мере шесть достаточно целых экземпляров. Меч из Ягнятина [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:8] откован из „пакетного“, т.е. сварочного мегалла: в середине сечения насчитывается семь слоев высококачественного железа [*Вознесенская 1972*, 21]. В опубликованных ранее описаниях и рисунках этого меча опущена важная деталь: следы ремонта. В древности лезвие было сломано у черенка и соединено с помощью трех заклепок. Для усиления этого участка мастеру пришлось удлинить обкладку рукояти: этим объясняется наличие такой необычной детали, как железное кольцо. Необычен и закругленный конец лезвия. По-видимому острие также было обломано и заточено заново, поэтому первоначальную длину клинка установить невозможно. Вряд ли в таком виде он мог быть с успехом применен в бою⁶⁸. По размерам (длина 60 см, длина черенка 16,5 см, ширина 5 см) меч из Ягнятина типологически наиболее соответствует короткому римскому „гладиусу“ (по пшеворским аналогиям - тип Биборски III), широко распространенному в Европе до конца 2 в. н.э., или родственному типу Биборски IV (встречается в комплексах фазы C_{1a}, т.е. до первой трети 3 в.) [*Biborski 1978*, 64-72]. А. Коковский включил ягнятинский меч в тип Биборски VI, очевидно учитывая позднейшую датировку памятника в целом (данный тип известен до фазы C_{1b}, т.е. до второй трети 3 в.) [*Kokowski 1993*, 336]. Конечно, ягнятинский клинок мог быть сильно укорочен, но и черенок меча для этого типа оказывается также слишком коротким. Общая длина мечей типа VI 85-95 см, черенков - 18-22 см [*Biborski 1978*, 75-78].

С середины 3 до конца 4 века (фазы C_{1b} - начало D) среди варварских племен распространяется другой тип мечей римского образца - „спата“ (тип Биборски IX, длина 80-95 см, черенок не более 12 см) [*Biborski 1978*, 86-91]. К этому типу принадлежат остальные определяемые экземпляры черняховских мечей. Неоднократно опубликован меч из Компанийцев, который был положен в погребение-кремацию № 86 в свернутом виде. Нами впервые сделана графическая реконструкция (развертка) этой находки [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:1]. Длина меча 89 см, вдоль лезвия с каждой стороны имеются по две неглубокие каннелюры. Клинок меча откован из среднеуглеродистой стали высокого качества [*Вознесенская 1972*, 21].

Меч, очень близкий описанному выше, происходит из труположения могильника Беленькое [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:3]. Его длина 87 см, клинок гладкий, сечение линзовидное. Обломанные мечи-спаты с гранеными клинками происходят из разрушенного трупосожжения у поселка Коломак и из Могрицы [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:5-6], с гладкими клинками - из Сынтана де Муреш, Будешт и Петроасы [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:2, 4, 9].

Опубликованная реконструкция меча из Оселивки, погр. 70 [*Никитина 1988*, табл. 39], вызывает сомнения, т.к. равномерно сужающаяся форма клинка не находит аналогий среди древностей римского времени. Однако по оригинальному рисунку можно установить, что на самом деле клинок имел по всей длине ширину около 5,2-5,5 см и меч, таким образом, соответствует типу спаты [*Магомедов, Левада 1996*, рис. 2:7а]. Изготовлен он из пакетного металла - из сваренных железных

⁶⁷ Поскольку список находок предметов вооружения со ссылками на публикации, а также иллюстрации к этой главе уже опубликованы [*Магомедов, Левада 1996*], в настоящее издание они не включены.

⁶⁸ Не исключено, что меч был сломан перед помещением в погребение в соответствии с обычаями населения пшеворской культуры, а позже использован вторично. Два клада с копьями, топорами и обломками мечей, очевидно извлеченными из ограбленных пшеворских захоронений, найдены на территории вельбарской культуры [*Kaczanowski, Zaborowski 1988*, 227-229].

и стальных полос [Розанова 1988, 99].

Обломки меча со следами деревянных ножен, не поддающиеся типологическому определению, найдены в ограбленной ингумации № 23 могильника Холмское. Памятник имеет выразительные следы сармато-аланского присутствия. Обломок лезвия меча с частью рукояти происходит с территории могильника у с. Августиновка [Магомедов, Левада 1996, рис. 2:10].

Найдены два наконечника ножен римских типов (бутероли). Экземпляр из Лепесовки сделан из оленьего рога, неопубликованная находка из Обухова - железная.

Кинжалы. Все учтенные нами экземпляры имеют обоюдоострый клинок. Почти все относятся к так называемому „меотскому” типу - с вырезами у пяты лезвия. Два кинжала имеют размеры 19 и 23 см [Магомедов, Левада 1996, рис. 3:8-9], остальные гораздо крупнее: 34-44 см [Магомедов, Левада 1996, рис. 3:1-7]. Иногда такое оружие называют „короткий меч”. По мнению М.Б. Щукина, меч-кинжал служил вспомогательным оружием для левой руки. Особая форма лезвия давала возможность на какой-то момент удержать клинок противника и одновременно нанести удар вторым мечом [Ščukin 1993, 327]. Металлографический анализ был сделан только по кинжалу из Будештского могильника и свидетельствует о высоком качестве кузнечной обработки изделия [Вознесенская 1972, 47].

Большинство кинжалов „меотского” типа найдено на юго-западных черняховских памятниках: Будешты (два экземпляра), Николина-Яссы, Петроаселе и Дрэгэнешть. По нашему мнению, к черняховскому времени относятся случайные находки, сосредоточенные в Черкасской области: из окрестностей сел Пастырское и Флерковка (два экземпляра)⁶⁹, а также с Матронинского скифского городища, на котором было также и черняховское селище. Этот тип кинжалов встречается от Каспия до Венгерской низменности [Хазанов 1971, 24; Harhoiu 1988; Абрамова 1993, 126; Sourault 1996]. Их распространение, скорее всего, связано с передвижениями алан. На Северном Кавказе они появляются, как установила Ванесса Супо, в начале 4 в. и известны там до 7 в. [Sourault 1996, 60-65]. На более западных территориях известные нам датированные находки не выходят за рамки середины 4 - начала 5 в. Наиболее вероятно их датировка гуннским временем, когда массы степных кочевников сдвигаются в западном направлении [Ščukin 1993, 327]. Особенно многочисленны кинжалы с вырезами в Восточном и Горном Крыму где их найдено несколько десятков (Керчь, Заморское, Озерное III, Ай-Тодор, Чатыр-Даг, Килен-Балка, Дружное) [Сокольский 1954, 159; Корпусова 1973, 39; Лобода 1977, 251; Блаватский 1951, 268; Мыц 1994; Савеля, Савеля 1994; Храпунов 1994].

Не находит аналогий (и объяснений) двойная рукоятка кинжаловидного предмета с обоюдоострым лезвием из Криничек [Магомедов, Левада 1996, рис. 3:10]. Он изготовлен из железа; слабая науглероженность в отдельных местах имеет случайный характер [Вознесенская 1972, 21]. Необычная форма в сочетании с невысокой твердостью металла вызывает сомнение в ее принадлежности к боевому оружию. Обломки кинжала неустановленного типа найдены также в Ханска-Лутерии.

В литературе фигурирует найденный на Ягнятинском поселении предмет, названный скрамасаксом или боевым ножом [Археология Украинской ССР 1986, рис. 15:9; Славяне и их соседи... 1993, табл. 72:16; Kokowski 1993, рис. 3e]. Это действительно достаточно большой нож длиной 24 см. Он сделан из мягкой неравномерно науглероженной стали [Вознесенская 1972, 21], типологически не отличается от черняховских ножей меньшего размера и мог служить в домашнем хозяйстве, охоте, различных промыслах и ремеслах. Подобный экземпляр длиной 22 см найден в женском погребении в Ново-Александровке и оружием он не считается [Брайчевская 1960, 170]. По нашему мнению, включение ножа из Ягнятина в число предметов боевого вооружения может быть только условным.

Щиты. От щитов обычно сохраняются металлические детали: умбоны, рукояти, оковки краев [Магомедов, Левада 1996, рис. 4]. Умбоны известны из могильников Компанийцы, Беленькое, Малаешти (2 экз.), Могошани, Тыргшор, Будешть (в Румынии), Долнешти-Маре (фрагмент) и поселения Комрат. В сожжении 70 из Оселивки найдены железные оковки щита и рукоять без умбона, отдельные рукояти - в Курниках, Александровке, а также в Ружичанке [Kokowski 1997a, Abb. 23e].

Щиты могли иметь разную форму: круглую, прямоугольную, овальную. На полу погребения из Беленького прослежены остатки круглого деревянного щита диаметром 80 см с умбомом в центре [Гудкова 1987, 56]. Щит из Оселивки, судя по железному ранту, был прямоугольный с закругленными углами. Основа щитов изготовлялась из досок толщиной около 1,5 см и обшивалась толстой кожей. Рукоять обычно была из толстой жести с деревянной сердцевиной. Некоторые щиты имели богатое оформление. На умбоне из кремации 86 в Компанийцах сохранились частично оплавленные остатки серебряных и бронзовых деталей.

Типология черняховских щитов подробно разработана в соответствии с европейскими систе-

⁶⁹ В первой фотопубликации кинжала из Пастырского [Древности Приднестровья 1899, табл. II, 58] из соображений декоративности ему были приданы разновременные детали: наконечник ножен и перекрестье (за консультацию благодарим канд. ист. наук В.Н. Зоценко). Относительно датировки находок имеются некоторые сомнения по причине доживания подобного оружия на Кавказе до первых десятилетий 6 в. (см. ниже).

мами [Kazanski 1994, 436-455]. Умбон щита из Тыргшора [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:3] с пизкой сфероконической калоттой (куполом) соответствует типу Цилинг Н2 (или Ян 2) позднеримского времени. Умбоны из Могошань и Компанийцев [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:1, 9] имеют широкий рант и цилиндроконическую калотту (тип Цилинг К1), умбон из погребения 20 Малаештского могильника [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:7] - калотту четкой цилиндроконической формы (тип Цилинг Н1 - Ян 3В). Оба типа встречаются в разновременных комплексах позднеримского и гуннского времени. Умбоны из Малаешт (погр. 3), Беленького и Медиаша [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:5, 10-11] отличаются высокой сфероконической калоттой (тип „Малаешты"/Цилинг I3). Однотипные золоченые экземпляры есть в богатых боспорских погребениях конца 4 - начала 5 в. [Засецкая 1979; 1993, 24, 64-65, табл. 32:149-150], но в Западной Европе известны и более ранние аналогии. Умбон из Будешть в Румынии [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:12] имеет подобный профиль, но калотта украшена гранями (тип Добродзень/Цилинг Т); также относится к началу периода Миграций. Статуя Стилихона с изображением щита с таким умбоном датируется 395 годом.

Рукояти черняховских щитов имеют короткие концевые пластины с двумя-тремя отверстиями для гвоздей. Все они, как и умбоны, укладываются в европейские типологические схемы. У экземпляров из Компанийцев, Малаешт (погр. 20) и Тыргшора [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:2, 4, 8] концы оформлены в виде веера - тип Цилинг S1/форма 2. Другой распространенный тип Цилинг Х отличается концами в виде трапеции. Такие рукояти найдены в Александровке, Оселивке и Ружичанке, а также в Беленьком в комплексе со сфероконическим умбоном [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:6, 14-15]. Единственный экземпляр типа Цилинг S2 (или Илькер 5dg) с якоревидными концами происходит из Курников [Магомедов, Левада 1996, рис. 4:13]. Все типы имеют широкую датировку и, кроме последнего, встречаются почти по всей Европе и Восточному Причерноморью. Аналогии находке из Курников известны преимущественно в Южной Скандинавии и в ареале пшеворской культуры [Kazanski 1994, 449-452]. Рукоять из погр. 20 Малаештского могильника украшена поперечными канцелорами. Такое оформление характерно для находок из керченских склепов гуннского времени [Kazanski 1994, fig. 5]; так же датируется подобная рукоять из могильника Ольштын добродзеньского типа [Szydlowski 1974, tabl. 171a].

Топоры. Распространенным оружием среди европейских варваров в позднеримское время становятся проушные топоры-секиры. Роль плотницкого инструмента выполняли преимущественно втульчатые орудия (тесла), которые встречаются на черняховских поселениях [Тиханова 1977, 72; Баран 1981, 109-110]. В раннем средневековье типы боевых топоров продолжают свое развитие на Западе. В Восточной Европе они исчезают вместе с черняховской культурой и снова появляются только накануне возникновения Древнерусского государства в салтовской и волынцевской культурах.

Нам известно 24 находки черняховских топоров [Магомедов, Левада 1996, рис. 5]. Для них использовали хорошо прокованную сталь с небольшим содержанием углерода; качество кузнечной работы было высокое [Вознесенская 1972, 19-20, 23]. Размеры секир - от 7,5 до 18 см. Почти все однотипны - с прямым верхним краем и расширенным асимметричным лезвием. В литературе они известны как тип Беме IIА или „Компанийцы" [Kazanski 1994, 17]⁷⁰. Различается форма обуха: в большинстве прямоугольная, также трапецевидная (Компанийцы, Кнышевка, Августиновка), округлая (Тыргшор). Из весьма устойчивого типологического единства черняховских топоров выпадает разве что экземпляр из Русян в Молдавии [Магомедов, Левада 1996, рис. 5:18]. Его выделенный обух характерен для римских топоров (тип Воронов-Шенкао по М. Казанскому) [Kazanski 1994, 18].

Отдельные секиры „черняховского" типа отличаются малыми размерами (7,5-13 см) и тонким топоричем (отверстие около 2 см): Августиновка, Краснополье, Журавка, Кринички, Нерушай [Магомедов, Левада 1996, рис. 5:7, 10-11, 17, 20]. По этому поводу уместно вспомнить, что германцы (франки, бургунды и др.) охотно использовали топоры в качестве метательного оружия [Leube 1983, 369; Krüger 1983, 417; Todd 1987, 155].

За пределами юго-восточной Европы „черняховский" тип топоров преобладает лишь среди относительно немногочисленных находок оружия вельбарской культуры [Kaczanowski, Zaborowski 1988, 232]. Отдельные типологически близкие экземпляры известны в Германии, Галлии, на Кавказе [Kazanski 1994, 17].

Дротики и копья. К массовым видам относилось древковое оружие: дротики, копья, стрелы. Поскольку они имели, кроме военного, и охотничье назначение, следует различать типы наконечников в соответствии с их специализацией. При этом имеют значение не только типологические

⁷⁰ В статье С.Ю. Каргопольцева и И.А. Бажана [1992, рис. 4] все черняховские топоры этого типа изображены неверно: экземплярам из Компанийцев и Будешт искусственно приданы определяющие признаки типа А по Доманскому [Domański 1979, 51], топорам из Тыргшора и Криничек - особенности типа Воронов-Шенкао (см. ниже).

особенности, но и качество металла и даже условия находки: в погребальный инвентарь попадало снаряжение воинов; охотничье оружие обычно связано с материалами поселений. Пропорции железных наконечников дают возможность отличить легкое метательное оружие с тонким древком (диаметр втулки около 2 см) - дротик, от собственно копья - более тяжелого с диаметром втулки 3 см⁷¹. Копье лучше приспособлено для колющего удара, в частности с коня. Таких наконечников нам известно немного: из Михайловки, Могошань и Шурино (длина 24-34 см) [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:1-2, 16].

Наконечники дротиков различаются по размерам и форме. Крупные экземпляры с выраженной перворой (валиком) по оси происходят из погребальных комплексов в Компанийцах (погр. 196) и Оселивке, а также с поселений Собарь и Яссы-Николина [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:5-8]. Длина этих боевых наконечников 22-33 см. Острие из Оселивки имеет граненую втулку. Такая же втулка у второго наконечника из Компанийцев (погр. 86 с богатым набором оружия). Его длина 20 см, профиль ромбический с четко выделенным ребром [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:3]. Военным снаряжением являются также длинные узкие четырехгранные в профиле острия-пики размером от 12 до 34 см из Петроаселе, Русян (3 экз.), Кобуска Веке, Будешт и Успенки [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:9-15]. Обладающие большой пробойной силой пики давали возможность пехотинцам эффективно бороться против защищенных панцирями всадников [Хазанов 1971, 48]. К боевому оружию могли относиться и некоторые крупные наконечники с листовидным пером, например, из могильника Балзаты и поселения Собарь [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:4, 20].

Остальные наконечники дротиков имели преимущественно охотничье назначение. Они меньше по размерам: 8-17 см, редко до 22 см (Великая Снитинка). Большинство листовидной формы, хотя в Лепесовке известен двушипный экземпляр [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:36]. Профиль обычно листовидный, реже ромбический. Лишь один маленький наконечник из Козлова имеет сильно оттянутое ребро, похожее на нервюру [Магомедов, Левада 1996, рис. 6:34]. Острия дротиков с листовидным или ромбическим профилем обычно происходят с поселений: Хлопков I, Журавка, Винница-Вишенка, Теремцы, Рипнев и др.; два подобных наконечника найдены на могильнике Лецкань [Bloşiu 1975, fig. 23:5; 39:1].

Наши наблюдения, основанные на формальных признаках, подтверждаются серией металлографических анализов [Вознесенская 1972, 23; Розанова 1988, 99]⁷². Все исследованные наконечники, отнесенные нами к боевым (из Успенки, Будешт, Компанийцев - 2 экз.) изготовлены из стали с содержанием углерода от 0,2-0,5% и выше (мало- и среднеуглеродистая сталь), металл чистый или с очень незначительными включениями шлака. Более низкое содержание углерода (0,1-0,2%) показал анализ экземпляра из Оселивки. Однако, по заключению Л.С. Розановой, находившиеся в погребении-кремации 70 наконечник и упомянутый выше меч подверглись длительному нагреву в пламени погребального костра, что и привело к частичному выгоранию углерода [Розанова 1988, 99]. В отличие от боевых, „охотничьи“ наконечники с поселений Журавка, Жуковцы, Лепесовка (2 экз.), Великая Снитинка, Винница-Вишенка, Козлов сделаны исключительно из железа (иногда с поверхностной цементацией), в металле постоянно содержатся заметные включения шлака. Причины такого различия вполне очевидны. Оружие в бою испытывает большие механические нагрузки (удары об оружие и доспехи противника), от его надежности зависит исход сражения и жизнь воина. Охотника же вполне удовлетворяли дешевые, не требующие значительных трудовых затрат изделия общинных кузнецов.

Лук и стрелы. О типах черняховских луков сведений мало. Из разрушенного труположения в Белевском происходят костяные накладки от сложного лука кочевнического типа. Видимо, применение луков у большинства черняховских племен, имевших европейское происхождение, не было слишком широким. Об этом свидетельствует и относительно малое количество находок наконечников стрел - около 45⁷³. Стрелы труднее разделить по функциональному назначению, чем копья и дротики, хотя боевой лук и стрелы обычно отличаются от охотничьих. Явно специализацией объясняется разнообразие типов наконечников: черешковые и втульчатые, с листовидным, ромбическим, и двушипным пером, с одношипным пером и крученым стержнем [Магомедов, Левада 1996, рис. 7]. Их делали из разных сортов металла с различной обработкой: из низкосортного железа с включениями шлака (Журавка) и из мягкой стали без примесей (Лепесовка); применяли и поверхностную цементацию (Лески) [Вознесенская 1972, 23].

⁷¹ Не находит аналогий среди оружия большое коническое острие из Кобуска-Веке, больше похожее на лом или пешню (длина 35 см, диаметр втулки 4 см) [Рикман 1975, рис. 33:6].

⁷² За предоставленные результаты исследований выражаем нашу признательность канд. техн. наук Д.П. Недопако (наконечники из Великой Снитинки, Винницы-Вишенки, Козлова) и канд. ист. наук Г.А. Вознесенской (наконечники из Теремцев - 2 экз. и из Хлопкова).

⁷³ В опубликованную сводку не вошли железные наконечники из могильника Лазо (три черенковые круглые в сечении [Левинский 1999, рис. 15:4]) и поселения Тэкута (втульчатый с треугольным пером [Ioniță 1999, fig. 8:3]), а также бронзовые из могильников Козия-Яссы (один) и из погребения 265 в Чернеливе-Русском (пять) [Ioniță 1972c; Герета 1999].

В качестве погребального инвентаря встречаются бронзовые наконечники: три экземпляра из кремаций в Ромашках (утрачены), три из Ханешть [Магомедов, Левада 1996, рис. 7:34-36], один из Козья-Яссы и пять из „княжеской” могилы в Чернеливе-Русском. Стрелы с бронзовыми остриями очевидно имели характер парадного или ритуального оружия. Наконечники стрел из цветных металлов известны в вельбарской и других германских культурах Центральной Европы; серебряные наконечники характерны для инвентаря княжеских погребений типа Лейна [Kokowski 1993b, 337, прим. 49; Werner 1955; Bierbrauer 1989, 57, Anm. 53].

Шпоры и удила. Из предметов снаряжения всадника чаще встречаются шпоры (26 находок) [Магомедов, Левада 1996, рис. 8]. Обычно они железные, но в богатых погребениях встречаются и серебряные (Руджа, Барча). Из нескольких европейских типологий шпор для черняховских находок наиболее удобной является схема А. Коковского, развитая М. Казанским [Kokowski 1993b, 337-338; Kazanski 1994, 430-435].

Тип 1 (Швейцария, G-1) представлен парой серебряных шпор из „княжеского” погребения в Рудже [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:1]. Они имеют плоскую, широкую в центре дужку и длинный шип. Фиксацию на обуви при помощи ремней обеспечивали две кнопки на концах и крючок на середине. Такие шпоры выходят из употребления в начале 4 в.

К *типу 2* принадлежит случайная находка из Белой Церкви [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:12] и, возможно, обломки из Тыргшора [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:2]. Эти шпоры на концах имеют крючки, но третья точка фиксации у них отсутствует. В Центральной Европе этот тип существовал на исходе римского времени и в начале периода миграций (середина 4 - начало 5 в.), а в лесной зоне Восточной Европы известен и в раннем средневековье.

Шпоры *типа 3 (Лейна F)* имеют массивную дужку, несколько расширенную в центре, пирамидальный шип, иногда с шаром в основании. Эти шпоры крепились не только на концах, но и посередине с помощью крючка. По концевым креплениям различаются варианты: с кнопками и с крючками. Большинство шпор имеет кнопки: находки из Шанкива Яра, Поепешть, Черепина, Бовшева, Кобыля и, возможно, из Будешт [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:4, 15, 17-18, 20-23]. Экземпляры из Шанкива Яра и Переяслава-Хмельницкого - с крючками [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:11, 13]. Датируются шпоры третьего типа широко - в пределах позднеримского и гуннского времени.

Шпоры *типа Лейна* крепились к обуви или к ремням двумя-тремя заклепками. Это железные экземпляры из Шанкива Яра и Великой Бугаевки, а также серебряные из Одаи и Барча [Магомедов, Левада 1996, рис. 8:7-10]. Серия подобных роскошных шпор найдена в „княжеских” погребениях могильника Лейна в Германии [Schulz 1953, 47-48].

Все типы черняховских шпор имеют соответствия в римских провинциях и в Центральной Европе, в частности в вельбарской и пшеворской культурах [Kokowski 1993; Kazanski 1994].

Известно 10 находок железных удил и их фрагментов [Магомедов, Левада 1996, рис. 9]. Все они простой двучастной формы. Экземпляры из Лепесовки и Поепешти имеют кольцевые псални. Такие изделия в 4-5 вв. распространились среди разных народов Евразии [Воронов, Шенкао 1982, 134-136]. Отдельно выступает костяной псалий из Беленького, а также обломок римского бронзового псалия из Косановского могильника, который мог быть трофеем ветерана Готских войн.

* * *

Картографирование находок оружия выявляет неравномерность его распределения по территории черняховской культуры. При этом важно рассмотреть отдельно вооружение воинское и охотничье. Наиболее богат боевым снаряжением юго-западный регион: Подунавье, Попрутье, Средний и Нижний Днестр (около 60% находок). Остальное происходит из суммарно вдвое больших по площади северных и восточных регионов. Реже всего оружие воинов встречается на восточном Левобережье Днестра. Такую разницу можно объяснить тогдашней политической ситуацией. Земли между Дунаем и Днестром, где древние авторы в 4 в. размещают везеготов-тервингов, непосредственно прилегали к границам Римской империи. Их население еще до вторжения гуннов в большей степси, чем восточные и северные соседи, было втянуто в военно-политические отношения с Римом [Wolfram 1990, 71-77; Дмитриев 1950; Курбатов 1958].

Изначально напряженные отношения на дунайской границе получают временную разрядку после договора 332 г. с Константином, по которому готы в качестве федератов за ежегодную плату несли службу в вспомогательных войсках римской армии. Союзнические обязательства, однако, не мешали отрядам тервингов время от времени (обычно зимой через замерзший Дунай) совершать грабительские набеги на соседние земли Империи. В 362/363 гг. готы участвуют в походе императора Юлиана против персов, а после его гибели выступают на стороне узурпатора Прокопия против Валента, выставив 3 тысячи (по другим источникам 10 тыс.) отборных (т.е. профессиональных) воинов. Как следствие этого в 366-369 гг. состоялась карательная экспедиция армии Валента против тервингов на территорию современной Молдавии. Все эти события вынуждали

приграничные племена содержать большое количество профессиональных воинов, вооруженных, кроме прочего, и специальными пиками для борьбы против римской тяжелой кавалерии.

Находит объяснение и присутствие оружия в ингумациях нижнедунайских могильников Холмское (меч) и Беленькое (меч, щит, сложный лук), а также молдавского Лазо (три наконечника стрел). Эти памятники связаны с группами сармато-аланского населения, воспринявшими основные черты черняховской культуры (см. гл. „Этнический состав...”). Аланы, выступая союзниками готов, принимали активное участие в военных событиях в Нижнедунайском регионе.

Более равномерно распределено по регионам оружие, которое можно связывать с охотничьим промыслом (малые наконечники дротиков и стрел), а также снаряжение всадников. Труднообъяснима заметная концентрация шпор в верхнеднестровском регионе и на поселении Шанкив Яр, а также одношипных наконечников стрел в Лепесовке.

Типологический анализ большинства предметов вооружения черняховской культуры свидетельствует, что их ближайшие аналогии происходят из Центральной Европы, в основном из памятников пшеворской культуры. Такое же вооружение имели и вельбарские племена, однако вследствие особенностей погребального обряда и малого количества раскопанных поселений эти древности известны в меньшей степени [Kaczanowski, Zaborowski 1988; Kokowski 1993]. Какая-то часть высококачественного оружия поступала к черняховским воинам как импорт. На это, по мнению Л.С. Розановой, указывает присутствие в некоторых изделиях нитридов железа (наконечник дротика из Оселивки). Черный металл такого состава в Восточной Европе первой половины I тыс. н.э. практически не известен, но характерен для пшеворской и других культур Северо-Западной Европы; предполагается, что он производился в одном из крупнейших европейских металлургических центров в районе Свентокшижских гор [Розанова 1988, 100] (см. разд. „Металлургия и металлообработка”). Есть сведения о закупках римского оружия готскими купцами во Фракии [Курбатов 1958, 8].

Заметное типологическое единство черняховских мечей, щитов и секир объясняется не только центральноевропейскими связями местного германского населения, но и относительно коротким периодом существования большинства памятников - в пределах полутора столетий. Появление на позднем этапе черняховской культуры длинных кинжалов, а также костяных деталей сложного лука отражает усиление аланского влияния.

Выше было отмечено, что по своему назначению оружие племен черняховской культуры (как и других обществ раннего железного века) представлено двумя категориями. Дротики, копья, лук и стрелы относятся к универсальным видам, т.к. их использовали и для охоты, и для войны. Они были в каждом доме, навыками обращения с ними владел каждый мужчина. Этим оружием было снаряжено ополчение рядовых воинов, которое собиралось только на время войны. Мечи, щиты, топоры являются исключительно боевыми видами оружия. Успешно его использовать могли лишь специально обученные воины. Наличие этой категории оружия в комплексе археологической культуры свидетельствует о присутствии в данном обществе социальной группы воинов-профессионалов. Детали снаряжения всадника имели не только боевое назначение, но и были рапсовым признаком аристократов. На черняховской территории шпоры найдены в „княжеских” погребениях в Рудке и Переяславе.

В римское время в лесостепи Юго-Восточной Европы боевые (профессиональные) виды оружия появляются вначале с отрядами вандалов (пшеворская культура) в ограниченном районе Прикарпатья (Звенигород, Гринев, Добростаны и др.) [Козак 1984, с. 26-31; Козак 1994]. Встречаются они и в погребениях кочевых сармат. Для зарубинецкой, позднерубинецкой, вольтно-подольской (зубрицкой), киевской культур характерно только универсальное вооружение - дротики, копья, стрелы. То же мы видим в раннеславянских культурах 5-7 вв. Меч, щит, боевой топор вновь появляются вместе с саблей, булавой, кистенем с 8-9 вв., причем сначала на левобережье Днестра. Детали снаряжения всадника в разной степени присутствуют в древностях всех упомянутых культур.

В центральноевропейских культурах - пшеворской, вельбарской, лобошицкой, с которыми связывают племена вандалов, готов и бургундов, а также у более западных германских народов боевое вооружение существовало на протяжении всего римского периода. Типы мечей, щитов, топоров продолжали непрерывное развитие и в последующие столетия.

В 4 в. при Германарихе готский союз племен приобретает черты раннего государства. Покорить и удерживать в подчинении на протяжении полутора веков население на огромной территории от низовьев Дуная до Левобережья Днепра готам позволило изначальное превосходство в военной организации и в вооружении, которое укреплялось в ходе переселений и войн. Их вожди охотно перенимали опыт римской армии, о чем говорят соответствующие латинские заимствования в готском языке. Из письменных источников известно, что при вождях состояли отряды из лучших воинов, которые получали от них снаряжение, коня и свою долю трофеев [Корсунский 1965, 63, 73]. Это совпадает с нашими наблюдениями над категориями оружия.

В римскую эпоху и в раннем средневековье профессиональные виды оружия были не свойственны для коренных оседлых племен Юго-Восточной Европы, в т.ч. славянских. Такое оружие на их территории появляется и исчезает вместе с германскими племенами, у которых социальные группы профессиональных воинов сформировались раньше.

5. Бытовые и прочие предметы

Основными группами бытовых предметов являются мелкие универсальные орудия (ножи, шилья, иглы), вещи туалетного назначения и предметы домашнего обихода. Специализированные орудия труда будут рассмотрены в разделах о соответствующих занятиях.

5.1. Универсальные орудия и предметы туалета

Ножи различаются по материалу и назначению. Подавляющее большинство железных ножей имело универсальное или хозяйственное назначение (рис. 76). Чаще всего их ковали из мягкой сырцово-стали, иногда из высококачественной цементированной стали; до 20% ножей сделаны из пакетного металла [Вознесенская 1972, 16-17]. Длина клинка у ножей обычно составляла 6-9 см, редко достигая 15-17 см (Александровка, Ново-Александровка, Ягнятин). Существует мнение о боевом назначении длинных ножей (см. разд. „Оружие”). Деревянная, как правило, рукоять крепилась на коротком черенке иногда с помощью одной заклепки. Встречаются и костяные (роговые) рукоятки (Бакота, Великая Снитинка). На лезвиях иногда сохраняются следы кожаных чехлов. Немногочисленные ножи с лезвием, плавно переходящим в черенок, типологически связаны с культурами раннеримского времени. Со второй четверти I тыс. н.э. изделия с четкими уступами, отделяющим лезвие от черенка, становятся ведущим типом и продолжают бытовать в средневековье [Минаян 1980, 13]. Экземпляр из Хэнешть украшен рядом чеканных треугольников.

Известен тип ножей с длинной тордированной (витой) рукояткой с петлей на конце и с тонким обоюдоострым или односторонним лезвием (рис. 77:1): бронзовые экземпляры из Коблево (погр. 11) и Лохвицы, железные - из Могошань (погр. 52)⁷⁴, с поселений Лука-Врублевецкая (с односторонним лезвием) и Булбоака [Борзьяк, Капуца 1990, 105]; у некоторых экземпляров в петлю вдето кольцо. Подобный нож из Журавки, изготовленный из пакетного железа очень высокого качества, имел цилиндрическую рукоятку с завершением в виде шляпки [Симонович 1971, рис. 1:1; Вознесенская 1972, 17, 35]. Высказано предположение о медицинском, хирургическом назначении этих инструментов [Симонович 1971]. Скорее, они могли служить бритвами [Kostrzewski i inn. 1965, 294]. Аналогичные изделия известны в Центральной Европе [Szydlowski 1974, tabl. 81g. 82b, 86f, 154n; 1977, 22; Tejral 1992, Abb. 28:5; Kostrzewski i inn. 1965, гус. 101:16-17]; в том числе в виде миниатюрных моделей [Godlowski 1981, гус. 16].

Туалетное назначение имели также миниатюрные ножи из бронзы, которые встречаются преимущественно в мужских захоронениях. В Тыргшоре они найдены в шести могилах, в Спанцове - в четырех (погр. 5, 10, 39, 63), также в погребениях Могошань 78, Малаешты 15, Заячивка 3 и 9, Лохвица 15 (рис. 77:3) и т.д. Нельзя исключить, что какая-то их часть использовалась в качестве бритв. В отдельный тип следует выделить более крупные ножи с рукоятками, ромбическими в сечении: из Данчен, погр. 271 и Петрешть (рукоятка бронзовая, лезвие железное) и цельно-бронзовый из Каборги, погр. 5 (рис. 77:2).

Шилья. Обычно находят бронзовые шилья, возможно, потому, что железные плохо сохраняются. Они имеют круглую в сечении рабочую часть и квадратную тыльную, которая вставлялась в деревянную рукоятку (рис. 77:4).

Иглы. Швейные иглы из бронзы и железа обычно находят в погребениях, часто вместе с футлярами-игольниками из птичьей кости (рис. 77:5-6).

Ножницы этого времени относятся к типу пружинных. Крупные железные изделия имели хозяйственное назначение, миниатюрные бронзовые - туалетное (рис. 77:8). Обломки железных ножниц найдены в Бакоте (жилище 12); ножницы из пакетного железа - в Кришичках (длина около 20 см). Из погребения Малаешты 15 происходят бронзовые ножницы (длина 6,6 см), украшенные вдоль спинки лезвий двойным рядом чеканных точек. Точечным орнаментом оформлен и бронзовый ножик из этого погребения; это показывает, что оба предмета составляют один туалетный набор. Другой набор из бронзовых ножниц, ножика и иглы, помещавшихся в чехле из тонкой кожи, происходит из Заячивки (погр. 9). В пшеворской и других варварских культурах Европы железные, бронзовые, иногда и серебряные ножницы встречаются прежде всего в богатых мужских погребениях [Godlowski 1981, 77].

Пищеты из бронзы, иногда из серебра (Городок) имели туалетное назначение (рис. 77:7). Как и ножницы, в культурах центрально-европейского круга (включая черняховскую) их обычно нахо-

⁷⁴ Вещ фрагментирована; в публикации она трактуется, как две разные находки: „ключ” (рукоятка) и „нож” (лезвие) [Diaconi 1969, 400, Abb. 15:10, 17].

дят в мужских погребениях [Godłowski 1981, 77].

Копушки бронзовые найдены в Тыргшоре, Извоаре, Беленьком и Романовом Селе (рис. 77:9-10). Последняя, в отличие от остальных, оформлена очень просто и явно изготовлена местным мастером. Подобные инструменты обычно входят в провинциальные туалетные наборы.

Гребни. Из туалетных принадлежностей на черняховских памятниках наиболее часто встречаются гребни, изготовленные из оленьего рога. Мастерские по их изготовлению исследованы в Великой Снитинке и Бырладе (см. разд. „Косторезное производство”). Универсальная классификация гребней на европейском материале разработана Сигрид Томас [Thomas 1960]. Большинство изделий позднеримского времени относится к группе трехслойных, односторонних. Они набраны из нескольких пластин с зубцами, закрепленных бронзовыми или железными заклепками между двумя роговыми пластинами-накладками. На могильнике Ханска-Лутэрия найдена пластина-накладка из серебра [Никулицэ, Рикман 1973, рис. 51:17]. Известны отдельные экземпляры гребней, повторяющие форму многослойных, но изготовленные из одной пластины (Сумы-Сад, Ружичанка).

Типология черняховских гребней была разработана Г.Ф. Никитиной на основе системы С. Томас [Никитина 1969]. Недавно Р.Г. Шишкин предложил более подробную (и, пожалуй, перспективную) систему [Шишкин 1999]. По традиционной схеме трехслойные гребни делят на три типа, в каждом из которых выделено по несколько вариантов. Хронологические рамки их бытования уточнены по материалам погребальных комплексов [Гороховский 1988a].

Тип I. Гребни с полукруглой спинкой (ручкой). Варианты низких пропорций (IВ1а-в) (рис. 78:2) и вариант IВ2 подтреугольной формы (рис. 78:1; 82:13) характерны для второй трети 3 - начала 4 в. Вариант IВ1 с высокой спинкой в виде правильного полукруга использовался на протяжении 4 в. (рис. 78:3).

Тип II. Гребни со спинкой в виде трапеции⁷⁵ (рис. 78:4-6). Датируются второй третью 3 - второй третью 4 в. Уникален для черняховской культуры гребень типа II с треугольной спинкой из погр. Данчены 356; такие находки обычны для памятников 4 в. Центральной и Северной Европы.

Тип III. Спинка имеет выступающую среднюю часть (головку); появляются в 4 в. (рис. 78:7-12). К наиболее позднему варианту IIIВ1а (последняя четверть 4 - первые десятилетия 5 в.) относятся экземпляры с высокой головкой (рис. 78:9). Вариант с плавным переходом плечиков в среднюю часть называют „дунайским” (рис. 78:7). В Европе наибольшая концентрация находок гребней типа III приходится на черняховскую территорию (рис. 79:1), где эта форма и появилась [Thomas 1960, 114; Kazanski, Lapart 1985, fig. 1].

Гребни нередко украшались гравированным орнаментом из циркульных кружков и линий. На территории Румынии встречены гребни типа III с гравированным изображением животного или птицы: Лецкань - погр. 1, Петроаселе, Тыргу-Муреш, Медиаш (рис. 79:2). На Украине подобный экземпляр найден на вельбарском поселении Ромош [Кропоткин 1974]. Отмечено шесть находок таких гребней на правом берегу Среднего Дуная, что И. Вернер связывает с готскими федератами на римской службе [Werner 1988, 285].

В раннесредневековое время односторонние типы гребней исчезают, уступая место двусторонним, которые появляются в Провинциях с конца 4 в. [Tejral 1997, 325]; они встречены в погребениях Спанцов 17 и Фынтынеле 5.

Особую группу находок составляют железные гребни (рис. 79:3-5). В отличие от роговых изделий, которые часто присутствуют в составе погребального инвентаря, они обычно происходят с поселений: Ерковцы, Журавка, Кринички, Лепесовка, Шершни, Ягнятин, Кобуска-Векь, Лецкань и др., всего до двух десятков экземпляров. Их очертания в целом соответствуют форме роговых гребней с полукруглой и подтреугольной спинкой. Как правило, в спинке имеется отверстие. Длина составляет 7-11 см при толщине пластинки около 2 мм. В особый тип выделяется гребень из Шершней длиной 4,4 см (рис. 79:5).

Кроме территории черняховской культуры, железные гребни встречаются в Северной Германии и Южной Скандинавии; подавляющее количество их сосредоточено на о. Фюн (58 экз.). На основании этого И. Вернер предположил, что на острове мог находиться религиозный центр, посвященный женскому божеству⁷⁶. Посещавшие его „черняховцы” - готы или происходившие из Ютландии герулы - увозили с собой в Восточную Европу наделенные магической силой амулеты-гребни [Werner 1988, 281]. С этой версией нельзя согласиться полностью, т.к. черняховские и скандинавские находки имеют типологические различия [Levada 1999]. В любом случае, эта категория вещей демонстрирует существование устойчивых черняховско-скандинавских связей.

Позже И. Вернер признал, что железные гребни могли применяться и в быту - для расчесыва-

⁷⁵ С. Томас включила гребни с трапециевидной спинкой в тип I, как особую форму, слабо представленную в Центральной Европе, [Thomas 1960, 77]. К типу II она отнесла гребни с треугольной спинкой.

⁷⁶ Остров Фюн оставался важным культовым центром и во времена викингов, когда его называли „Остров Одина” [Стурдуссон 1980, 13].

ния шерстяной пряжи [Werner 1990]; ранее подобное предположил Э.А. Сымонович [1968]. Такой же версии придерживается Й. Илькер, приводя убедительные доказательства. По его мнению, железные гребни появляются во 2 в. вместе с вертикальным ткацким станком в результате общего экономического подъема у северных германцев [Ilkjær 1998]. Представляется, что нет противоречия в двойном, утилитарном и сакрально-магическом, значении этих вещей. Такая их роль (независимо от материала изготовления) подтверждается находками миниатюрных гребней-амулетов, а также их изображениями на сосудах (см. разд. „Украшения“, „Декор сосудов“).

Зеркала из белого сплава (т.наз. „потина“) типа Чми-Бригацио получили распространение в Европе в гуннское время [Werner 1956, 20-21]. Такие зеркала входили в погребальные комплексы Маслово 71 и Вильшанка [Кравченко 1971, рис. 1:3]. Обломки найдены в слое могильника Городок, поселений Леськи и Демьянов; возможно, с черняховским слоем связан фрагмент из с. Кагамлык [Рутковская 1979, 341]. Подобные находки характерны для степных культур и свидетельствуют о контактах черняховского населения с кочевниками.

5.2. Домашняя утварь

Среди вещей домашнего обихода огромную часть составляет керамическая посуда, которая была рассмотрена отдельно. Остальные предметы составляют немногочисленную, но довольно разнообразную группу находок.

Шкатулки. В некоторых богатых погребениях находят металлические пластины-накладки, детали замков и ключи от деревянных ларцов. Находки с черняховских памятников вошли в сводку А. Коковского, который разработал и их классификацию [Kokowski 1997a]. Оковки замков, прямоугольные с двумя отверстиями, вошли в самые массовые типы: тип 1 - широкие (Будешты - 2 экз., Оселивка, Сумы-Сад) и тип 2 - узкие, у которых ширина меньше половины высоты (Чернелив-Русский, Заячівка, Косанов) (рис. 80:8). В Заячівке, кроме того, в погр. 9 найдена бронзовая пластина Т-образной формы; толщина деревянной крышки, которую она скрепляла, составляла 0,5 см. В погр. 14 в Рапжевом от шкатулки, в которой лежали черноморские раковины, сохранился древесный тлен и фрагменты серебряных прямоугольных пластинок с гвоздиками. Подобные железные пластины вместе с истлевшим деревом происходят из погр. 15 Раковецкого могильника. Остатки шкатулок найдены также на могильниках Переяслав и Думанов. В Косановском могильнике (слой и сожжение 100) найдены три бронзовые стержневые пружины от замков (рис. 80:9). Н.М. Кравченко предполагает, что кремированные останки в погребении 40 этого же некрополя были сложены в деревянный ларец; на это указывает прямоугольная форма ямы (30 x 60 см) и лежащая сверху бронзовая накладка от замка. Такие замки запирались крюковидными ключами (тип А), которые найдены в Криничках, Леськах, Демьянове, Оселивке, Будештах, Спащове - погр. 58, Бернашовке⁷⁷; ключи из Могошань сохранились плохо.

Шкатулки подобного типа были широко распространены в Центральной Европе и Южной Скандинавии; существуют разные варианты их реконструкции [Szydlowski, Kubiczek 1960; Ilkjær 1993, 325-328; Kokowski 1997a, 9-11]. Такие вещи могли делать мастера из варварской среды. К ларцам провинциальной работы относятся миниатюрные ключи: бронзовый из погребения Данчены 203 и три железных из погребения Ружичанка 11 (рис. 80:3). По-видимому, в оформлении импортных шкатулок применялись железные гвозди с бронзовыми головками, найденные в погребении Данчены 337 и в слое могильника Петрикивцы.

Ключи и замки. Крупные железные ключи длиной 20-25 см якоревидной или крюковидной формы (рис. 80:5), судя по данным этнографии, в том числе украинской, запирали дверные деревянные замки-засовы. Такие ключи найдены в основном на поселениях: Рипшев, Черепин, Острова-Сокол, Бакота, Собарь, Делакеу, Крипички. Известны и железные цилиндрические замки с пружинным механизмом, конструкция которых сохранилась до позднего средневековья (рис. 80:4). Происходят из Рипшева, Ружичанки, Гавриловки, Каборги. Ключи от таких замков в виде стержня с рамкой на конце найдены в Рипшове и Великой Снитинке (рис. 80:1-2).

Посуда из органических материалов. Ее широкое использование сомнений не вызывает, но конкретными свидетельствами могут служить только находки металлических деталей.

Железные обручи и ушки от деревянных ведер, изготовленных в бондарной технике, т.е. из клепок, найдены на могильниках Компанийцах, Каменке-Анчекрак, Балцатах и Чумбруд [Махно 1971b, рис. 5:10; Магомедов 1991, рис. 20:17; Федоров, Рошаль 1981, 97; Dankantis, Ferenczi 1969, 614]. В начале позднеримского времени бондарные ведра широко распространяются в культурах Центральной Европы взамен „колодных“ (выполненных из цельной колоды) [Szydlowski 1984, 169-170].

Из погребения Кантемировка 1 происходят остатки деревянной чаши. Край был обит согнутыми серебряными пластинами ромбической формы, что создавало декор в виде треугольников; к ней же относится дужка с кольцом. М. Рудинский приводит находке скандинавские аналогии

⁷⁷ Kokowski 1997a, Abb. 20.

[Рудинський 1931, 151]. Подобная чаша входила в состав клада гуннского времени (фаза D₁) из Шимлеул-Сильваней [Harhoiu 1990, Abb. 7:46].

Предположительно, наконечником рога-ритона для питья является многогранная бронзовая втулка из погребения Данчены 203; подобный предмет происходит из вельбарского могильника Дитиничи [Щукин, Щербакова 1986, 195].

Кресала относятся к группе стержневых. Первый тип имеет вид плоского бруска с кольцом (свернутым из стержня) для подвешивания к поясу (рис. 80:11). Найдены они в большинстве на территории Румынии (Тыргшор - погр. 264, Могошань - погр. 15, Бэйчень, Мэтэсару, Яссы), также в Великой Снитинке и Раковце [Diaconu 1964; Ioniță 1966, fig. 21:4-6; Ioniță 1972a, fig. 7:5; Gei 1990, рис. 2:2]. По классификации А. Коковского эти вещи относятся к типу IA, который в Польше встречается не позднее фазы C₁, т.е. до середины 3 в. [Kokowski 1985]. Комплексы из Мунтении показывают, что в черняховской культуре они бытовали и в 4 в. Кресала характерны для мужских погребений пшеворской культуры, хотя в позднеримское время они там встречаются реже, чем в раннеримское.

Кресала другого типа на тыльной стороне вместо кольца имеют узкий стержень - черенок для деревянной рукоятки (рис. 80:10). Они найдены в погребении Тыргшор 79 и на могильнике Канев (культовый слой). Подобные вещи известны в киевской культуре [Терпиловский, Шекун 1996, 25], характерны для могильников добродзеньского типа пшеворской культуры и памятников соседних областей Центральной Европы (Силезия, Чехия, Моравия, Саксония); находки датируются фазой D и считаются типичными для первой половины 5 в.⁷⁸ [Szydlowski 1974, tabl. 79b-d, 151a; 1977, 19-20].

Существовал и более простой тип кресал - в виде граненого стержня, закрепленного в деревянной или роговой рукоятке; они известны по североевропейским болотным местонахождениям [Ilkjær 1993, 235-256]. На черняховских памятниках подобные вещи трудно вычленишь из массы железных находок.

Светильники. Жилища освещались, по-видимому, в основном лучиной. В качестве светильников-плошек с животным жиром использовались (судя по следам нагара внутри) небольшие конические миски, а также нижние части пришедших в негодность горшков или просто черепки. Такие примитивные плошки иногда ставили в могилы (Каменка-Анчекрак, Журавка и др.). В светильниках закрытого типа применялось, по-видимому, привозное оливковое масло. Античные керамические лампы обнаружены на памятниках со следами пребывания выходцев из Римской империи - Комаров, Собарь, Каменка-Анчекрак, Петроаса [Смишко 1964, 74; Рикман 1975, рис. 29:19; Магомедов 1991, рис. 38:4; Diaconu e.a. 1977, fig 15:8]. Так называемый рубчатый светильник из Каменки-Анчекрак имеет многочисленные аналогии в Херсонесе, Ольвии, на Боспоре. Считается, что их изготовляли в мастерских городов Северного Причерноморья и Малой Азии с начала 2 до начала 5 в.; не исключается их производство и в Ольвии [Кравчина 1993, 122].

В с. Сушковка Черкасской области найден сероглиняный гончарный экземпляр местного изготовления⁷⁹ (рис. 80:12). Лепные наследования античным образцам происходят из Гурбинцев и Коблево. Подобное изделие найдено и на вельбарском поселении Боратын на Волини [Козак 1992, 96].

Как светильник определен миниатюрный двойной сосуд (горшок, укрепленный внутри миски со сквозным отверстием в дне) из погребения Данчены 210. Аналогии нам не известны.

Вилки железные для приготовления мяса с длинной крученой ручкой встречены на поселениях Рипнив, Демьянов, Глеваха (рис. 80:6). В „княжеских” погребениях Центральной Европы их находят вместе с другими кухонными приспособлениями („козел”-подставка для очага, каминные щипцы, крючья для подвешивания котлов) [Tejral 1992, 440, Abb. 40:1].

5.3. Принадлежности для игр и прочее

В среде европейских варваров довольно широко распространились провинциально-римские игры. Простейшей и, наверное, массовой была игра в кости (*alea*). На черняховских могильниках находят костяные кубики с обозначением чисел от 1 до 6 (Каборга, Кантемировка, Данчены - рис. 80:14).

Более аристократичной считалась игра *calculi* на манер современных нардов, в которой обычно применялись импортные круглые жетоны из темного и светлого стекла (рис. 80:13). В богатом погр. 5 Перяславского могильника находился набор из 22 черных и белых стеклянных жетонов. Подобный набор вместе с остатками деревянной игровой доски происходит из „княжеского” погребения в Лейна [Schutz 1953]. Отдельные находки жетонов на черняховских поселениях и могильниках насчитывают несколько десятков пунктов: Рипнив, Лепесовка, Вербична, Руджа, Кри-

⁷⁸ Тогда же появляются калачиковидные кресала [Szydlowski 1977, 19].

⁷⁹ Фонды Национального исторического музея Украины, инв. № А 284/26.

нички, Косанов 28, Фрунзовка, Рыжевка 5 и 8, Журавка 72, Великая Снитинка, Кантемировка 1, Компанийцы, Банмачка - городище и могильник, Августиновка, Федоровка, Привольное 10, Гавриловка 8, Тилигуло-Березанка и др. [Сымонович 1964; Кропоткин 1970, 125-127]. Кроме стеклянных импортных жетонов известны и местные глиняные изделия такой же формы (Журавка, Лески); в Луговом (Причерноморье) найден жетон из белого мрамора. Подобные предметы местного изготовления встречаются также в вельбарской культуре: в курганном погребении из Цецеле, кроме стеклянных, обнаружены янтарные, глиняные и каменные жетоны [Jaskanis 1996, 80-81]. Для игры могли использоваться и обточенные кружки из разноцветных черепков: на городище Банмачка найдены четыре таких жетона из сероглиняных обломков и четыре из амфорных [Смиленко 1992, 78].

На черняховских памятниках встречаются вещи римского происхождения, не характерные для варварского быта, попадавшие к местным племенам часто в качестве военного трофея. К таким предметам относится римская бронзовая чернильница из Ружичанки (погр. 25) и найденные на том же могильнике бронзовые колокольчики.

На территории черняховской культуры найдено около полутора десятков античных бронзовых статуэток [Кропоткин 1970, 122-123]. Большинство изображает египетские божества: Осириса, Гора, Исиду, Исиду с Гором. Встречаются фигуры Венеры и сатиров. В Среднем Подпестровье найдены два фаллических изображения. Статуэтка коня из с. Кринички связана с черняховским поселением [Сымонович 1958], остальные находки точных привязок не имеют. У римлян такие статуэтки были принадлежностью домашних алтарей-ларариев. Возможно, варвары отождествляли античные культовые изображения со своими собственными богами.

Обломки терракоты, изображавшей птицу, наиболее вероятно, орла, обнаружены на Каборгском могильнике. Такие изображения связаны с культом, распространенным у римских легионеров. Орел - символ Юпитера, покровителя армии; изображения „священного орла” (*aquilae sanctae*) хранились в святилище каждого лагеря вместе с алтарями. Терракоты, подобные каборгской, найдены в разных городах Северного Причерноморья [Цветаева 1979, 128].

* * *

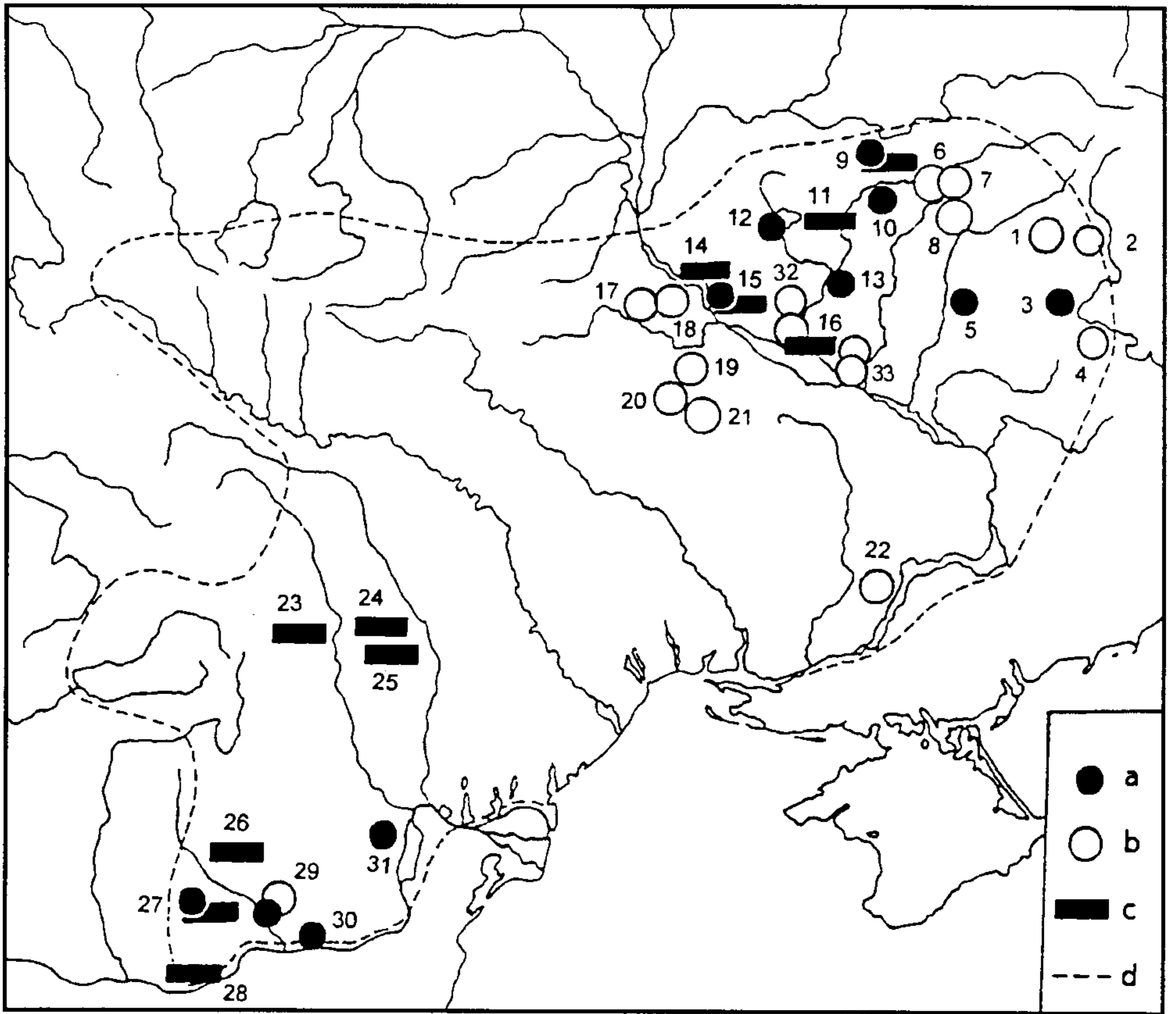
В качестве заключения к главе о вещевом комплексе черняховской культуры мы можем отметить, что многие типы керамики, деталей одежды (как и костюм в целом), вооружения и бытовых предметов находят аналогии в центрально-европейских германских культурах; часть разновидностей вещей на той же основе или с использованием ее элементов была выработана на месте (типы гончарной посуды, фибул, гребней). Среди массовых изделий с другими культурами связаны лепные сосуды с памятников типа Черепин-Теремцы и причерноморского типа. На некоторых поселениях Среднего Поднепровья и Восточной Украины встречается керамика киевской культуры, а в юго-западных областях незначительно представлена посуда карпо-дакийского круга. С сармато-аланами связаны редкие находки оружия восточного происхождения (мечи-кинжалы меотского типа и деталь сложного лука). О тесных связях с Римской империей свидетельствует массовый импорт: амфорная тара, керамическая и стеклянная посуда, бусы, а также принадлежности античных игр.

Рис. 60. ⇒⇒⇒

Карта распространения некоторых типов черняховской посуды.

a - кувшины типа 1; b - кувшины типа 6; c - вазы группы 1, „левобержного” типа; d - граница черняховской культуры: 1 - Родной Край, 2 - Огурцово, 3 - Соколово, 4 - Старица, 5 - Кантемировка, 6 - Сумы, 7 - Сумы-Сад, 8 - Боромля, 9 - Успенка, 10 - Коровинцы, 11 - Лохвица, 12 - Линовица, 13 - Вовчик, 14 - Переяслав-Хмельницкий, 15 - Соснова, 16 - Жовнин, 17 - Ромашки, 18 - Черняхов, 19 - Журавка, 20 - Стецовка, 21 - Маслово, 22 - Гавриловка, 23 - Сэбэоань, 24 - Лецкань, 25 - Заподэнь, 26 - Тыргшор, 27 - Могошань, 28 - Изворул, 29 - Митрень, 30 - Спанцов, 31 - Урляска, 32 - Воронинцы, 33 - район Кременчуга.

Verbreitung der Gefäßtypen: a - Krüge Typ 1; b - Krüge Typ 6; c - Schale Gruppe 1 vom „linken Dnjeprufer“-Typ d - Grenze der Černjachov-Kultur. 1 - Rodnoj Kraj; 2 - Ogurcovo; 3 - Sokolovo; 4 - Starica; 5 - Kantemirovka; 6 - Sumy; 7 - Sumy-Sad; 8 - Boromlja; 9 - Uspenka; 10 - Korovincy; 11 - Lochvica; 12 - Linovica; 13 - Vovčik; 14 - Perejaslav-Chmelnickij; 15 - Sosnova; 16 - Zovnin; 17 - Romaški; 18 - Černjachov; 19 - Zuravka; 20 - Stecovka; 21 - Maslovo; 22 - Gavrilovka; 23 - Sebeoani; 24 - Lețcani; 25 - Zapodeni; 26 - Tirgșor. 27 - Mogoșani; 28 - Izvorul; 29 - Mitreni; 30 - Spanțov; 31 - Uspenka; 32 - Voronincy; 33 - Gegend von Kremenčuga.

Во многом справедливо мнение П.Н. Третьякова, что черняховская культура является продуктом ремесла и торговли [1970, 177]. Основываясь на письменных источниках, М. Ростовцев также видел в торговле одну из главных причин политических успехов готов (готы создали „исключительно коммерческое и военное государство“) [Rostovtzeff 1922, 217]. Перевод Библии, сделанный Вульфиллой, свидетельствует, что в готском языке 4 в. существовали такие понятия, как „стоимость“ (*wairþ*), „прибыль“ (*gawaurki*), „рынок, место собрания“ (*matþl*). Из латыни заимствовано было слово *kaupon* („вести торговлю“) [Корсунский 1965, 58].

В экономическом отношении черняховское население выделялось на фоне соседних варварских народов. На археологическом материале это наиболее заметно по степени использования массового ремесленного продукта - гончарной керамики. На близком уровне экономического развития находились пшеворские племена, несколько ниже - население вельбарской культуры и культуры карпатских курганов. Для киевской культуры как об отдельной ремесленной профессии можно говорить лишь о металлообработке [Терпиловский 1984, 67].

Сельское хозяйство

1. Земледелие

Основой процветания черняховской культуры и роста ее народонаселения была высокопродуктивная система земледелия, требовательная к природным условиям. Практически весь ареал черняховской культуры находится в зоне лесостепных и степных черноземов, а ее северная граница совпадает с границей между черноземными и лесными почвами. К плодородным почвам приурочено ландшафтное размещение поселений и, соответственно, возделываемых вокруг них полей. Как показал Р.Г. Шишкин, в Среднем Поднепровье подавляющее большинство черняховских поселений связано с равнинами и речными террасами и только около 14% с поймами рек; в то же время в киевской культуре в поймах рек размещался 61% поселений [Шишкин 1996].

Черняховская система земледелия отличалась от систем местных культур раннеримского времени значительно большей технической оснащенностью. С черняховским населением связано массовое распространение в Восточной Европе железных наконечников для упряжных пахотных орудий. Появляются новые типы серпов и кос. Прогресс проявился и в переработке зерна - вместо зернотерки используется ручная мельница с каменными жерновами.

О типах применявшихся упряжных орудий можно судить по сохранившимся железным деталям - наральникам (сошникам), крепившимся на рабочий конец деревянного рала. И. Ионица приводит 39 находок наральников на всей территории черняховской культуры¹ [Ionița 1994a]. Различают узко- и широколопастные наральники. К первому типу относятся орудия с одинаковой шириной лезвия и втулки (трубицы) (рис. 81:3-5). По форме лопасти их подразделяют на несимметричные (со сдвинутым в сторону острием) и симметричные. У широколопастных наральников, ширина лезвия превышает ширину втулки, образуя как бы „плечики“ (рис. 81:1-2). Дополнительной железной деталью пахотных орудий служило чересло (рис. 81:6). Кроме экземпляров из раскопок в Рипшиве и Пояне, известны случайные находки (Коровинцы, Грицевцы, Городище) [Баран 1981, 108; Рикман 1975, 126].

Изучая древние пахотные орудия, Ю.А. Краснов пришел к заключению, что широколопастный наральник является деталью рала с полозом (где рабочая часть закреплена горизонтально), хотя это орудие может служить и с узколопастным наральником, а на мягких почвах и вообще без железного наконечника. Узколопастный наконечник может применяться также в менее прогрессивных ралах с наклонно установленной рабочей частью. Использование черняховскими земледельцами плуга, который, в отличие от рала, не только разрыхляет почву, но и переворачивает

¹ Только случайностью можно объяснить отсутствие находок наральников на черняховских памятниках Левобережной Украины, тем более, что такие орудия известны в киевской культуре [Терпиловский 1984, 26].

пласт, этот автор отрицает; плуг появляется в древнерусское время. Как деталь рала (а не только плуга), по различным историческим и этнографическим свидетельствам, применялись и чересла [Краснов 1970, 137-142; 1971, 3-11; 1978, 106-107; 1982, 70-77].

Узколопастные паральники продолжают применяться в лесостепи Восточной Европы и в славянских культурах раннего средневековья, широколопастные вновь появляются только в древнерусское время. До появления черняховской культуры железные наконечники пахотных орудий в этой зоне получают некоторое распространение лишь в Прикарпатье у племен, родственных гето-дакийскому населению Подунавья [Циглик 1975а, 119; Пачкова 1976, 43-44]. Однако эти узкие паральники отличаются от черняховских, так как они предназначались для пахотных орудий особого вида [Краснов 1978, 103-104, 109]. Не встречаются „черняховские” типы и среди сельскохозяйственных орудий античного населения Причерноморья. Здесь железный наконечник крепился не на втулку, а с помощью шипа [Кругликова 1975, 164]. Такие же наконечники применялись дакийским населением Нижнего Дуная до появления там черняховской культуры. Типы паральников, получившие распространение среди черняховских племен, до этого были в ходу в дунайских провинциях Рима - в Паннонии, Дакнии и в Далмации [Ioniță 1994а, 110]. С этими провинциями, очевидно, и следует связывать прогрессивные изменения черняховских почвообрабатывающих орудий.

Мотыги применялись гораздо реже, чем пахотные орудия, вероятно, для возделывания огородных культур. Легкие втульчатые мотыжки с треугольным лезвием найдены в Лепесовке и Дарьевке² (рис. 81:7). Подобные маленькие орудия встречаются на античных памятниках - в Ольвии и на Боспоре [Кругликова 1967, 132]. Тип мотыги из Русиян установить трудно [Рикман 1975, рис. 18]. Для сельскохозяйственных работ могла применяться и лопата, железная оковка которой найдена в Киселово [Раевский 1955, 263].

Убирали урожай серпами и косами. Известны серпы двух типов, наиболее заметное различие между которыми состоит в строении тыльной части. У серпов первого типа ее конец загнут в сторону, образуя пятку (рис. 81:11-12); места находок: Рипнев, Демьянов, Хлопков, Журавка, Калиповка, Каменка-Анчекрак, Делакеу, Костешты, Собарь, Петрикешы. Такие орудия известны со скифского времени, ими пользовалось население культур зарубинской и Поянентти-Лукашовка [Пачкова 1974, 38; 1976, 44-47]. У серпов второго типа (черешковых) рукоять, расположенная под углом к лезвию, насаживалась на черенок, подобно современным орудиям (рис. 81:13) (Викишны Великие, Лепесовка, Демьянов, Леськи, Журавка, Ново-Липовское, Делакеу, Зырнешты, Ханска). Большинство экземпляров имеет оттянутый и сплюснутый конец клинка, на некоторых сохранилась насечка лезвия. Серпы отличаются хорошей кузнечной работой, как правило, сделаны из твердой стали, иногда из пакетного металла (Ново-Липовское, Делакеу) [Вознесенская 1972, 17-18]. К земледельцам черняховской культуры второй тип серпов проник из римских провинций, где они также применялись наряду с первым типом. В славянских культурах второй тип распространился позже - к концу третьей четверти I тыс. н.э. [Минасян 1978а, 83].

Косы на черняховских памятниках встречаются реже (Лепесовка, Демьянов, Бакота, Будешты, Леськи, Жуковцы, Снигиревка, Каменка-Анчекрак) (рис. 81:8-10). К рукояти они крепились с помощью железного кольца. Как и черешковые серпы, косы появляются в Восточной Европе в римское время.

Еще одним важным нововведением было массовое внедрение ручных мельниц римского типа, хотя изредка встречаются и зернотерки [Баран 1981, 123; Брайчевский 1964, 83]. Использование ротационных жерновов, по сравнению с зернотерками, повышало производительность труда в три-четыре раза [Федоров 1960с, 106]. Жернова делали из местных пород камня: известняка, гранита, песчаника, а также из вулканического туфа, месторождение которого разрабатывалось у с. Лугова в Виницкой области [Хавлюк 1980] (см. разд. „Каменотесное и другие производства”). Наилучшими свойствами обладают туфовые жернова; их обломки встречаются не только в Побужье, но и на памятниках киевской культуры в Черниговском Поддесенье [Терпиловский, Абашина 1992, 62]. Побужская порода имеет серо-коричневую окраску; на городище Александровка найден жернов из зеленого туфа - из какого-то удаленного месторождения [Магомедов 1987в, 37-38].

Черняховские жернова (рис. 81:14-16) имеют приблизительно одинаковые диаметры - 40-46 см, хотя встречаются и меньшего размера, например экземпляры из Свиржа - 35 см [Циглик 1993, 36]. Верхний жернов мельницы любого типа имеет, как правило, вогнутую рабочую поверхность и квадратное отверстие для закрепления оси и засыпки зерна. У нижнего жернова поверхность выпуклая, в центре - лунка либо круглое отверстие; они чаще делались из твердых пород камня (гранит). В Кобуска Векь найден более совершенный римский жернов диаметром 55 см из плотного песчаника, с бортиком, пазами и выступом по краю; обломок жернова с бортиком, но из местного туфа, происходит из Шершней в Побужье [Рикман, Сергеев 1964; Магомедов, Гудим-Левкович 1991, 99].

² Публикации см.: Вознесенская 1972, рис. 4:624; Магомедов 1987, рис. 27:5.

Существует несколько сходных реконструкций мельничных устройств [Сымонович 1952а; 1960с; Винокур 1970; Хавлюк 1977; Минасян 1978]. Нижний жернов ручной мельницы был установлен в неподвижном положении, а верхний (беги) приводился в движение с помощью рычага. Рычаг представлял собой либо рукоятку, закрепленную на краю верхнего камня, либо длинный стержень, соединенный одним концом с краем жернова, а другим - с точкой над осью устройства (обычно в потолочной балке). У одного типа ручных мельниц нижний камень имел отверстие, через которое проходила ось, закрепленная в отверстии верхнего камня. У другого типа, более распространенного, нижний жернов имел центральное углубление, на которое ось опиралась. Первый тип является более совершенным, так как позволяет, поднимая или опуская ось, регулировать давление на нижний жернов, не снимая верхнего.

Подобная конструкция мельниц широко применялась в римских провинциях. Они использовались в народном быту до последнего времени и хорошо известны в этнографии [Українці... 1959, 271-272].

Безусловно, большинство орудий, связанных с сельским хозяйством и переработкой его продуктов, археологических следов не оставили. Тем более интересны остатки позних рычажных ступ в двух помещениях на поселении Каменка-Анчекрак [Магомедов 1991а, 18, рис. 6]. В отличие от этих устройств, имевших каменные детали (стойки), рычажные ступы обычно делались целиком из дерева. Они встречаются на памятниках средневековья [Herrmann 1976, 37] и еще недавно применялись в крестьянском хозяйстве. Основное их назначение - лущение проса, но они годятся и для приготовления крупы [Українці... 1959, 271].

Представление об ассортименте культурных растений, которые возделывали черняховские племена, получено методами палеоботаники на основе исследования отпечатков зерновок злаков на глиняной посуде и обмазке, а также путем промывок культурных отложений для получения обугленных частей растений. Проводится также палинологическое изучение культурных слоев (по пыльце и спорам древних растений). Растительные остатки на черняховских памятниках Украины исследованы Г.А. Папкевич, преимущественно на территории Молдавии - З.В. Янушевич [Папкевич 1988; 1991; Янушевич 1976].

Первое место в культивировании злаковых растений в черняховской культуре Украины (та же, как и в других культурах I тыс. н.э.) принадлежало просу (около половины палеоботанических образцов). Для проса характерны скороспелость, засухоустойчивость, малые затраты посевного материала; оно использовалось в случае необходимости пересева погибших от заморозков посевов пшеницы и ячменя. Очень требовательное к чистоте поля от сорняков, просо обычно служило для посевов по подсекам и гарям.

Уступали просу по значению пшеница двузернянка, ячмень, рожь и овес. Пшеница двузернянка (полба) имеет высокую приспособляемость к почвенным и климатическим условиям, дает небольшие, но устойчивые урожаи даже на плохо обработанной и истощенной земле. Агробиологические особенности полбы, проса и ячменя наиболее соответствуют примитивному уровню сельскохозяйственного производства. Меньше выращивали голозерных пшениц (карликовая и мягкая), подходящих для высокоплодородных почв - вышедших из-под залежи или новоосвоенных. Появление и постепенное возрастание значений голозерных пшениц и ржи (сравнительно с местными культурами первых веков н.э.) связано с использованием прогрессивных орудий обработки почвы - железных наральников, а также серпов более совершенной формы. Рожь, известная как культура новоосваиваемых земель, связана с освоением черняховскими земледельцами черноземных почв на лессовых плато [Папкевич 1988, 172].

Кроме зерновых культур, в небольшом количестве выращивались бобовые, а из технических - лен и конопля. Несомненно, употреблялись и дикорастущие плоды яблоши, груши, черешни и т.д., различные ягоды. Встречены отпечатки косточек кизила или терна. В Хлопкове, Глевахе и Обухове обнаружены обугленные семена бузины.

В пределах черняховского ареала с его разными природно-климатическими условиями выделяются области с различным составом палеоботанического комплекса. В лесостепной области Центральной Украины (Хлопков, Глеваха, Обухов, Куршики) и Западной Украины (Теремны, Сокол, Вороновица) основными культурными растениями были просо, ячмень, пшеница двузернянка и в меньшей мере - рожь, из бобовых культур - горох. В области Днестро-Прутского междуречья (по материалам девяти памятников) выращивали пшеницу двузернянку, просо, ячмень, в небольшом количестве - пшеницы голозерные, из бобовых - горох и более засухоустойчивую чину („молдавский горох”). Характерная особенность этого комплекса - отсутствие ржи. Причерноморский (степной) палеоботанический комплекс выделен на материале памятников Южной Бессарабии. Здесь основными культурными растениями были ячмень, пшеница двузернянка, просо, кроме того - пшеницы голозерные и бобовые - горох, вика, чина, чечевица, вика эрвилья. В небольшом количестве представлена рожь. Важно отличие Причерноморской области, где основную роль играет ячмень, от Среднего Поднепровья (доминирует просо).

По мнению Г.А. Пашкевич, распространение голозерной мягкой и карликовой пшеницы, а также ржи на черняховских поселениях Причерноморья происходило через поздних скифов и населения северо-понтийских городов, где названные злаковые культуры были в числе основных зерновых растений [Пашкевич 1991, 19-21]. Выделяется определенное сходство палеоботанических комплексов черняховской и киевской культур в лесостепной и соседней лесной областях. На киевских памятниках также прослеживается преобладание проса, ячменя и пшеницы двузернянки; тот же состав унаследовали славянские культуры 5-7 вв. - пражская, пеньковская и колочинская. Видовой состав культурных растений народов Западной и Центральной Европы позднеримского времени отличается от черняховского. Основными культурами там были плечатые пшеницы, ячмень, реге - рожь и голозерная пшеница. Просо нигде не входило в состав основных зерновых культур. По-видимому, различия в ассортименте культурных растений между областями отражают прежде всего специфику природных зон, и в меньшей мере традиции питания. Пришлые земледельцы усваивали вековой опыт аборигенного населения и выращивали культуры, приспособленные к местным почвам и климату, т.е. наиболее продуктивные.

Сведения о составе сорняков на полях позволили реконструировать сроки посевов и системы землепользования. Если для зарубинецкой и киевской культур среди сорняков преобладали семена растений, которые встречаются в посевах яровых культур, то в черняховских материалах (а также культуры карпатских курганов) постоянно встречаются сорняки озимых посевов. По-видимому, озимая рожь чередовалась с яровой пшеницей, просом или ячменем. При этом поле иногда могло оставаться в залежи. Проведенные исследования дают основание полагать, что у черняховского населения Украинской Лесостепи (как и в других культурах I тыс. н.э.) господствовала залежно-переложная система земледелия [Пашкевич 1988, 173].

1.2. Животноводство

На поселениях и в погребениях черняховской культуры находят костные остатки традиционных для средней полосы Европы домашних животных - крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади. Среди материалов из Новокогдаково на р. Ингулец обнаружена кость ослы [Цалкин 1960, 105], а из Хлопкова - кость верблюда (определение О.П. Журавлева).

Животноводство в разных природно-климатических зонах всегда имело свои особенности. Можно предположить, что в южных степных районах черняховской культуры эта отрасль сельского хозяйства была развита сильнее, чем в лесостепи. Этому способствовала и близость рынков: известно, что на Дунае готы продавали в Римскую империю скот и кожи (Корсунский 1965, 58). Различалось по регионам и видовое распределение животных внутри стад [Цалкин 1966; Блан 1977; Магомедов 1987, 67-69]. По сравнению с лесостепью Правобережной Украины в Причерноморье большое значение имел крупный рогатый скот и значительно большая роль отводилась коневодству (процент лошади в причерноморском стаде в два раза выше, чем в лесостепном)³. Зато свиней здесь в четыре раза меньше. Молдавия занимает между этими зонами промежуточное место. Структура стада черняховского населения Причерноморья сложилась в основном на базе местных позднескифских племен, для которых характерно развитое коневодство [Магомедов 1987, 67-69].

О способах содержания скота дают представление некоторые сооружения. Почти на всех черняховских поселениях причерноморского типа открыты каменные ограды дворов-загонов (рис. 11-13). Уместно вспомнить слова Вергилия о том, что скифы и меоты держали скот взаперти на скотных дворах (по мнению В.И. Цалкина, это относится к зимним месяцам [1960, 83]). В холодное время года молодняк содержали и в помещениях, иногда жилых, на что в каменных домах указывают загородки-кормушки вдоль стен. Эта традиция восходит к позднескифскому и античному населению Причерноморья. Соединение под одной крышей жилища и стойл для скота характерно и для другой части черняховского населения, происходящего из Ютландии и Южной Прибалтики. Каркасные длинные дома-Stallhalle открыты на 22 поселениях лесостепной зоны Украины и Молдовы (где они встречаются и южнее) (см. главу „Поселения и жилища”). Возможно, не является простым совпадением то, что косы, при помощи которых заготавливали корм, пайдены в основном на поселениях с каменным домостроительством (Снигиревка, Каменка-Анчекрак) или с постройками типа „Stallhalle” (Лепесовка, Будешты). Несомненно, стойловое содержание скота увеличивало его продуктивность и уменьшало падеж в зимнее время. Таким образом, по крайней мере часть черняховских общин разного происхождения имела высокопродуктивные животноводческие хозяйства, которые обеспечивали их молоком и мясом в течение всего года.

В домашнем хозяйстве разводили кур, костные остатки и яйца которых нередко находят в виде приношений при погребениях. По-видимому, имелись также домашние гуси и утки. Часто встре-

³ Отчасти это объясняется тем, что население Причерноморья чаще употребляло конское мясо, о чем свидетельствуют находки костей молодых особей.

чаются кости собак, а иногда и кошек.

Охота в системе хозяйства черняховской культуры не занимала заметного места: на диких животных приходится только 3,5% из определенных особей с Правобережной Украины и 6,6% из Молдавии [Белан 1977; Рикман 1975, 146]. Это подтверждает вывод о высокой продуктивности черняховского животноводства, которое полностью обеспечивало потребности населения в мясе. На протяжении всей истории Восточной Европы такой низкий уровень значения охоты не зафиксирован вплоть до позднего средневековья. Приближались к нему только оседлые скифы и античные общества Северного Причерноморья [Цалкин 1960, 84-89; 1966, 63-70]. Региональные различия в охотничьей добыче касаются в основном видового состава диких животных, в числе которых - заяц, олень, косуля, сайга, кабан, бобр, волк, хорек и др. Встречаются кости птиц и рыб, в том числе осетровых.

С рыбной ловлей связаны редкие находки железных крючков (Хапска; Бакота, жилище 45). Возможно, к рыболовным острогам относятся железные втульчатые наконечники с боковым шипом (см. разд. „Оружие”; там же описано охотничье оружие). Высказано предположение, что рыболовным орудием являются обоюдоострые костяные „проколки” длиной 9-11 см. Такую снасть привязывали посередине к леске и вставляли внутрь мелкой рыбы-приманки. Когда крупная рыба брала приманку, проколка разворачивалась и прочно застревала в ней [Teichert, Müller 1983, 122]. По другим версиям, такие костяные изделия служили спицами для плетения сетей и вязания шерстяной одежды (что наиболее вероятно) или даже стилями для письма.

2. Металлургия и металлообработка

Исследования по добыче и обработке металлов дают важный материал не только для понимания экономических процессов внутри общества, но и для определения его культурно-этнических связей. Для украинских и молдавских регионов черняховской культуры такие исследования в значительной степени уже проведены в отношении техники обработки железа и стали [Вознесенская 1972; 1990] и сплавов цветных металлов [Черных, Барцева 1972]. Обобщены небольшие пока сведения по добыче железа [Паньков 1990; 1992; Бейлекчи 1991]. К сожалению, подобные работы на памятниках румынских регионов нам не известны.

2.1. Добыча и обработка черного металла

Металлургическое и кузнечное ремесла являются наиболее важными из древних производств, поскольку уровень насыщенности общества железными орудиями труда определяет состояние сельского хозяйства, других ремесел и военного дела. Следы мелкого железоделательного производства в виде шлаков найдены на большинстве черняховских поселений Лесостепной зоны. Широкое распространение здесь болотных, озерных, дерновых (луговых) разновидностей бурых железняков-лимонитов обеспечивало достаточную сырьевую базу металлургии. Небогатые залежи подобной руды встречаются в долинах степных рек и на черноморских лиманах, хотя железоделательные горны там пока не обнаружены.

Местами могли использоваться руды другого происхождения. При разработке туфоподобной породы в карьерах у с. Лугова попутно добывался железистый минерал, залегающий сплошными пластами („шляпами”) толщиной 0,5-2 см [Хавлюк 1980]. В Будештах найдены куски привозного гематита. Черняховские металлурги могли также пользоваться рудными месторождениями, известными в античной Ольвии. Это гематито-магнетитовые руды Криворожского бассейна и Северной Таврии (Корсак-Могила), железистый роговик из Никопольского марганцевого бассейна, гематитовые пески побережья Днепро-Бугского лимана [Островерхов 1988, 93].

Л.С. Розанова, исследуя кузнечные изделия могильника Оселивка, установила в некоторых образцах наличие нитридов железа [Розанова 1988]. Металл такого состава в Восточной Европе практически не известен, но характерен для пшеворской культуры, население которой использовало железо металлургического центра в Свентокшижских горах (южная Польша). Этот мощный производственный центр, работавший на горных рудах (гематит), мог быть важным поставщиком черного металла для населения, по крайней мере, северо-западных регионов черняховской культуры⁴. В случае с Оселивкой речь может идти, скорее, об импорте готовых вещей, а не сырого железа или заготовок. Предположительно, „пшеворские” вещи (содержащие нитриды) - это детали трех ларцов, нож, ключ и наконечник дротика. Остальные изделия - пряжка, два ножа и меч [Розанова 1988, 99].

Из раскопок известны остатки нескольких десятков черняховских железоделательных горнов. Применялись разные их типы углубленной и наземной конструкции. Для поддува воздуха употребляли глиняные сопла. Ямный горн многоразового использования без шлаковывпуска исследо-

⁴ Импорт „пшеворского” железа с включением нитридов предполагается также для синхронных культур Белоруссии [Гурии 1982, 89].

ван на поселении Сишица в Черкасской области [Кропоткин, Наханетян 1976]. Стенки горна были выложены плитками известняка и обмазаны глиной. Обмазка позволяла удалять шлак, не разрушая стенки сооружения и, таким образом, использовать его для нескольких плавов. Однако каждая плавка давала малый выход продукции. Другой тип горна - стационарный со шлаковывпуском позволяет удалять шлаки в текучем состоянии. Загрузка освобожденного объема в процессе работы дает возможность переработать значительно большую массу руды и получить больше железа за один раз. Такие горны открыты в Лепесовке, Ивацковцах, Лопатне, Солончанах, Комрате и др. [Тиханова 1960; 1964; Брайчевский, Довженко 1967, 250; Федоров 1960с, 109; Бейлекчи 1991]. Обычно сыродутные горны имели глиняные наземные шахты; в Лопатне шахта была сложена из каменных плиток на глиняном растворе, в ее развале найдены глиняные сопла.

В Будештах, Мындрештах и Чернице (Молдавия) обнаружены ямные горны без шлаковывпуска однократного использования [Бейлекчи 1991; Гендюк 1990]. Их эффективность проявляется в крупномасштабном производстве на базе достаточно богатых рудных месторождений. При массовой эксплуатации подобных горнов образуются „рабочие площадки“, плотно заполненные остатками печей со шлаковыми монолитами. Такие площадки во множестве открыты на территории пшеворской культуры в Светокшижском центре железнорудной добычи [Bielenin 1974], а в Восточной Европе - на окраине г. Умань, где существовало менее крупное производство.

Уманский центр, по мнению его исследователей, относится к „позднезарубинецкому времени“ и был рассчитан на экспорт железа в римское Северное Причерноморье [Бидзиля, Недопако, Паньков 1981; Паньков 1992, 123-125]. Вопрос истории этого и других центров металлургии в Юго-Восточной Европе требует дальнейшего изучения. Дело в том, что на „рабочих площадках“ с горнами редко встречается керамика и другие вещи, служащие культурными и хронологическими индикаторами. Поэтому необходимым условием изучения подобных памятников является выявление связанных с ними поселений.

После вторжения в Центральную Украину племен вельбарской культуры (готов) Уманский металлургический район был освоен пришельцами: на небольшой территории в районе г. Умань открыто около 20 поселений с остатками железнорудной добычи [Паньков 1992, 125-126]. Отсутствие „рабочих площадок“, связанных с черняховскими памятниками, можно объяснить тем, что рынок в это время уже не пуждался в получении крупных партий черного металла и насыщался постоянным поступлением продукции мелких мастерских.

В мастерских обычно объединялись выделка и кузнечная обработка железа. Часть металла после первичной обработки поступала на рынок, обеспечивая менее богатые сырьем районы. Две пластины железа из Журавки (судя по размерам, заготовки для ножей) Г.А. Вознесенская рассматривает как обжатый, но не прокованный до конца полуфабрикат [1972, 21].

Производительность труда кузнеца была небольшой, о чем свидетельствует отсутствие стандарта в форме и технологии изделий. Как правило, кузнец-универсал работал для членов своей общины „на заказ“, а не на рынок. Тот же мастер мог работать и с цветными металлами. При этом черняховские мастера обладали высоким уровнем кузнечного искусства. Известно до 60 наименований изделий из железа и стали, куда входят орудия труда сельского хозяйства и промыслов, ремесленные инструменты, оружие, снаряжение коня и всадника, предметы быта и домашняя утварь, принадлежности костюма и украшения [Вознесенская 1972, 11]. Кузнечных инструментов известно мало - пробойники, небольшое зубильце из Журавки, железная наковальня [Цигилник 1997, 105].

К отбору сырья кузнецы подходили дифференцировано: на изготовление оружия и инструментов шла сталь более высокого качества, чем на бытовые предметы. Использовалась техника поверхностной и сквозной цементации заготовок и откованных изделий в герметически закрытых сосудах. Постоянно применяется кузнечная сварка металла одинакового состава, встречается сварка железа и стали - пожи с паваренным стальным лезвием (Журавка). Около 20% пожей и серпов сделаны из пакетного металла; они отличаются высоким качествомковки и очень значительным количеством включений шлака. Около трети кузнечных изделий подверглось термической обработке: закалке или закалке с последующим отпуском [Вознесенская 1972, 14-25].

По мнению Г.А. Вознесенской, в отношении особенностей и технической культуры кузнечного ремесла черняховскому поселению наиболее близки синхронные пшеворские племена (района Клеца) и население территории Чехии и Словакии, которые использовали кельтское наследие, а также балтские племена [Вознесенская 1972, 27-32]. К этому добавим, что черняховское общество, кроме давних центральноевропейских традиций, могло пользоваться и достижениями античного кузнечного ремесла. Некоторые материалы свидетельствуют об использовании труда провинциальных гончаров (Лепесовка, см. разд. „Керамическое производство“). Полагаем, что местные варварские правители не упускали возможности привлекать также труд и знания кузнецов, изготовлявших на римском уровне оружие и другие жизненно необходимые вещи.

2.2. Обработка цветного металла

Население черняховской культуры использовало цветной металл в основном (95-98%) для изготовления ювелирных изделий - украшений и деталей одежды (фибул и пряжек). Золотые изделия среди них встречаются крайне редко и в большинстве случаев в западном регионе. В женских погребениях находят простые кольца-подвески из золотой проволоки с завязанными концами (Курники 19, Дапчены 64, Тыргшор 236, Изворул 17). Гораздо более изысканны лунницы и ведерковидные подвески, украшенные зернью и сканью, из могильников Дапчены (погр. 64, 79 и 279) и Рыжевка. Парные фибулы из погребений в Спанцове и Изворуле (Какалец) [Radulescu, Ionescu 1963, 179] имели железную основу, покрытую золотым листом и вставки из полудрагоценного камня. Из Оселивки (погр. 58) происходит золотой перстень, по-видимому, провинциальной работы. Прimitивные кольца с заходящими концами найдены в погребениях гушского времени в Кантемировке; там же обнаружен обломок золотого перстня со вставкой из алмазита.

С самым поздним этапом готской истории в Восточной Европе связан известный клад золотых вещей из Петроасы в Мунтении. Из найденных 22 предметов сохранилось 12 общим весом около 19 кг. Это произведения византийского и варварского ювелирного искусства: четыре инкрустированные камнями фибулы в виде орлов, два браслета (один с рунической надписью), кольцо, патера, блюдо, кувшин и две чаши [Odobesco 1889-1900]. Клад из с. Грушевицы в Черновицкой области первоначально состоял, по словам местных жителей, из золотых кубков, инкрустированных красными камнями, браслетов, серег, монет и оружия; из них в научный оборот вошли только некоторые золотые вещи - подвеска из монеты Аврелиана, а также украшенные зернью (подобно описанным выше) лунница и ведерковидная подвеска [Маркевич, Рикман 1973].

Серебро на черняховских памятниках встречается значительно чаще. В основном это фибулы и пряжки, реже - проволочные кольца и другие виды подвесок (лунницы, „топорики” или „молоты Тора”), пищеты, кольца, серы и даже заклепки для гребней. Как правило, эти вещи делались из биллона - белого сплава, содержащего несколько более половины серебра, а в качестве лигатуры в основном медь, а также цинк и олово⁵ [Черных, Барцева 1972, 96-117]. По-видимому, четких рецептов приготовления биллонов не существовало и в тигель добавлялась бронза, латунь и другие медные сплавы без разбора. Найденные в земле черняховские „серебряные” вещи обычно покрыты зеленой патиной. Очень редко встречаются изделия из относительно чистого серебра, дающего черный или фиолетовый окисел, например маленькое кольцо-подвеска из погребения Курники 17, пряжки из Кантемировки, фибулы из Косанова (погр. 2) и из слоя могильника Будешты [Черных, Барцева 1972; Приложение, анализы № 3333, 5457].

Вопрос об источниках поступления благородных металлов к населению черняховской культуры может быть решен на основании больших серий спектральных анализов, которых пока нет. Однако, думаю, что относительно небольшая потребность в серебре и золоте покрывалась, как правило, за счет римской монеты (см. разд. „Вопрос о денежном обращении”). В определенной степени это подтверждают находки серебряных слитков в составе монетных кладов [Жарышковский 1962], а для вельбарской культуры - клад из Эльблонга, который содержал 2 кг монет и был наполовину расплавлен в тигле [Тиханова 1978, 98].

Значительная часть черняховских вещей изготовлена из различных сплавов с преобладанием меди, условно определяемых как „бронза”. Кроме ювелирных изделий, включая детали одежды, из бронзы делали туалетно-косметические инструменты (ножики, пищеты, бритвы, копоушки), части деревянных ларцов, шилья, швейные иглы и другие мелкие изделия. Большую работу по исследованию черняховского цветного металла на основе спектрального анализа провели Е.Н. Черных и Т.Б. Барцева [1972]. Обработав 623 образцов из 34 черняховских памятников Украины и Молдавии, они выделили шесть типов сплавов, из которых ведущими оказались IV тип (оловянистые или свинцово-оловянистые бронзы) - 33,1%, II тип (многокомпонентный сплав с ведущими концентрациями цинка) - 29,9% и в меньшей степени I тип (латунь, т.е. медно-цинковый сплав).

На основании исследований металла различных культур Восточной Европы названные авторы пришли к выводу, что черняховский комплекс сплавов является продуктом взаимодействия двух больших зон металлообработки - прибалтийской и причерноморской [Черных, Барцева 1972, 63-66]. Сплав II типа резко преобладает среди находок римского времени Восточной Пруссии и Восточной Прибалтики (79,6 и 66,4%), а также в памятниках типа Дитиничи (Дитиничи, Брест-Тришин - 61%) и остается характерным для восточнобалтийского региона в средневековье. Для причерноморской зоны ведущим еще с позднебронзового периода признал IV тип, хотя здесь активно употреблялись и другие сплавы. Более подробно металл Северного Причерноморья рассмотрен в статье Т.Б. Барцевой [1974], где оловянистые бронзы (IV тип) связываются со скифской и сарматской традициями, а латунь (I тип) - с античными городами.

⁵ В нашей работе все вещи из белых сплавов на основе серебра условно определены как серебряные, так же, как бронзовыми названы предметы из разных медных сплавов.

По нашему мнению, состав черняховских медных сплавов определялся не столько традициями составления рецептур, сколько источниками поступления сырья. Для вельбарской культуры, как показывают данные по Брест-Тришину и Дитиничам, доминирующим являлся сложный цинковый сплав (II тип)⁶. Полагаем, что он в виде слитков мог доставляться из меднодобывающих областей Скандинавского полуострова, обеспечивавших весь балтийский регион, а также связанные с ним культурные области. Импорт металла из вельбарской области демонстрирует его географическое распределение в черняховском ареале: в Западной Украине и Молдавии преобладает II тип (31 и 38%), тогда как в более удаленном Поднепровье он составляет только 22%, а преобладает IV тип (31%) [Черных, Барцева 1972, 66]. Сложный „скандинавский” сплав традиционно продолжал поступать в Восточную Европу даже в раннем средневековье, о чем свидетельствует состав бронзовых вещей из готского могильника Суук-Су [Черных, Барцева 1972, табл. 2].

Часть цветных металлов поступала через римских торговцев. О составе поставляемых ими сплавов мы можем судить по вещам, среди которых определены тип I (латунь - часть предметов из причерноморских городов), тип II (немногочисленные фибулы из дунайских провинций: тип Авцисса и шарнирные) и тип IV (бронза - большинство римской посуды и монет) [Черных, Барцева 1972, 61; Барцева 1974, 28]. Полагаем, что из провинций к черняховским мастерам в первую очередь поступали оловянистые бронзы (тип IV). Широко использовался лом бронзовой посуды, в частности, в качестве жести для изготовления заклепок к гребням⁷ [Palade 1981, fig. 23:4; Магомедов 1992, 103-104].

Установлено, что для фибул применялся, как правило, „прибалтийский” сплав, в то же время пряжки чаще делались из бронзы [Черных, Барцева 1972, 71-88]. Можно предположить, что „прибалтийский” металл традиционно считался более пригодным для фибул по своим механическим свойствам, а для других изделий это не имело значения. На металле фибул „черняховской серии” сделаны некоторые хронологические наблюдения: процент изделий, сделанных из „прибалтийского” сплава последовательно снижается от наиболее раннего I варианта (43,9%) к позднему III-му (33,4%) [Черных, Барцева 1972, 84-89]. Кроме того, фибулы III варианта реже, чем более ранние, изготовлены из серебра (3,2% против 5,3-11,8%). Мы объясняем это тем, что одновременно с ними около середины 4 в. появляются щитковые фибулы, в большинстве серебряные; т.е. если раньше „престижная” фибула отличалась от „рядовой” обычно только благородным металлом, то позже имеет значение и ее форма.

Технология обработки цветных металлов у черняховских племен в целом соответствовала достижениям других варварских народов Европы. Известны находки небольших ювелирных тиглей из глины (Лепесовка - 8 экз., Радужковка, Журавка, Бердичев, Пряжев, Малиевцы, Бырлад-Валя Сяке и др.) [Петров, Кравченко 1961; Винокур 1972, 71; Тиханова 1978; Palade 1985]. В Киселеве и Малиевцах найдены каменные литейные формы [Винокур 1972, 71]. Часть вещей (щитковые фибулы, большинство пряжек), очевидно, изготовлялась путем одноразовой отливки по модели в земляную форму. Отливались также стержни-заготовки для подвязных фибул и некоторых пряжек (Лепесовка). Все виды заготовок обрабатывались ковкой и доводились напильником. Наличие колец-подвесок из тонкой проволоки позволяет поставить вопрос о существовании волочильных досок. Золотые украшения, изготовленные в тонкой технике зерни и скани, очень малочисленны и, скорее всего, завезены из Центральной Европы.

3. Керамическое производство

Для всех локальных проявлений черняховской культуры главным культуроопределяющим и объединяющим показателем выступает гончарная (станковая) посуда ремесленного производства, исполненная в едином стиле с определенным набором форм, - так называемая „керамика черняховского типа”. Обычно лепная посуда составляет не более нескольких процентов находок керамики на памятнике. Отдельные группы населения черняховской культуры, в частности большинство жителей Верхнеднепровского региона, пользовались в основном лепными изделиями.

Процентное соотношение лепной и гончарной керамики на поселении отображает степень вовлеченности данной общины во внутрирыночные отношения и в то же время является индикатором принадлежности памятника к черняховской культуре. Процесс роста потребления бытовой гончарной посуды (без учета амфорной тары) можно условно разделить на три этапа. На первом этапе возникший спрос на эту посуду удовлетворяется за счет импорта, который вряд ли составлял более 20-30% керамического комплекса. Памятники с таким показателем не могут считаться черняховскими. Этому этапу соответствуют многие вельбарские и киевские поселения; привозная

⁶ Проводится изучение состава сплавов с вельбарских памятников на территории Польши, но данные пока не обобщены [Zielen 1989].

⁷ Находит объяснение вопрос: почему на заклепки шли только два типа сплавов - бронза или медь? [Черных, Барцева 1972, 90]. Ответ: качественные заклепки делались из трубок, жести для которых получали из старой римской посуды; за отсутствием последней применяли мягкую медь, которую легко расклепать в жесть.

станковая посуда встречается и в сармато-аланских погребениях позднеримского времени. При дальнейшем росте спроса инокультурному изготовителю становится экономически целесообразно переносить производство на территорию потребителя. На этом, втором, этапе потребления гончарной продукции местные мастера начинают осваивать новую технологию и вытесняют пришлых ремесленников при переходе к третьему этапу, когда доля станковой посуды возрастает, предположительно, до 60-70% и на поселениях появляются стационарные мастерские.

Население верхнеднепровских памятников типа Черепин (см. разд. „Славяне”) находилось, по-видимому, на втором этапе потребления гончарной керамики. Она составляет здесь обычно от 40-48% (Демьянов, Черепин, Ракобуты, Бовшев) до 66% (Рипнев) [Баран 1981, 77]. На Рипневском поселении открыт отдельно стоящий небольшой горн (диам. топки 1 м) [Баран 1964, 235-238]. Судя по разнообразию бракованной посуды, мастерская выполняла индивидуальные заказы.

В Верхнеднепровском регионе горны известны и на других памятниках. На поселении Свирж открыты три обжигательных горна пшеворского типа с диаметрами топок от 1,4 до 2,1 м; вся керамика представлена только гончарными обломками, среди которых столовая посуда полностью отсутствует [Циглик 1993]. Мастерская явно специализировалась на производстве крупных партий кухонных горшков и пифосов (последних необычно много). В Сокильниках исследован горн (диаметр 2 м) и наземное жилище, лепной керамики мало [Козак 1990]. Три горна открыты в Неслухове, жилища представлены углубленными и наземными постройками.

Последние три поселения явно отличаются от окружающих памятников типа Черепин, для которых свойственны только углубленные жилища и преобладание лепной посуды. Уместно предположить, что на них обосновались группы пришлых ремесленников (по-видимому, из соседних черняховских регионов), которые снабжали округу гончарной продукцией. В Рипневе мог работать пришлый мастер, или местный, освоивший новую технологию.

* * *

Следы гончарного производства в виде горнов или керамических шлаков открыты на десятках черняховских поселений. Гораздо реже удается обнаружить остатки гончарных мастерских. Такие объекты различной степени сохранности известны на поселениях Леськи, Лепесовка, Рипнев, Журавка, Глеваха. Хорошая сохранность и тщательное исследование журавской мастерской позволили не только реконструировать рабочее место ремесленника-гончара, но и восстановить некоторые технологические приемы изготовления посуды [Бобринский, Гусаков 1973].

Мастерская размещалась на территории поселения в наземной каркасно-столбовой постройке размерами 5 x 3 м и с печью. Невдалеке находился гончарный горн и лежали запасы сырья - пластичная глина красноватого цвета. Такая же глина обнаружена внутри помещения у входа в корытообразной яме, обложенной досками. Глину здесь замачивали и предварительно замешивали. При входе обнаружена также куча белой глины - каолина. Рядом находилась куча, состоявшая из прослоек обоих сортов глины, красной и белой. Вокруг рабочего места гончара пол был покрыт слоем затоптанной глины, падавшей со станка. Деревянный гончарный круг, конечно, не сохранился, но удалось обнаружить след от конического подпятника для оси, вбитый в дно неглубокой ямы. Рядом найдены четыре кремневых ложила различной формы. Отходы производства (комья глины и бракованные - деформированные или треснувшие - сырые сосуды) складывались в корзину, от которой сохранились отпечатки на полу. Напротив рабочего места гончара стоял стол или помост, куда он ставил сформованную посуду. В этом месте после внезапной гибели мастерской образовалось скопление промешанной глиняной массы.

Следы гончарной мастерской обнаружены и на поселении Глеваха [Терпиловский 1985]. Рядом с жилищем в углубленном помещении размером 4,2 x 2 м найдено основание гончарного станка - подушка из сырой глины толщиной 0,22 м, в центре которой сохранился отпечаток квадратного столбика. Вероятно, с помощью подушки неподвижно крепились ось гончарного круга в рыхлой супеси материкового грунта.

Остатки обжигательных горнов открыты почти на пятидесяти поселениях территории Украины и Молдавии и на нескольких пунктах в Румынии, около сорока объектов документированы достаточно полно [Бобринский 1991, 12-15, 134-188]⁸. Иногда на одном поселении находили три-пять печей (Неслухов, Завадовка, Лепесовка, Лука-Врублевская, Скейя-Сучава, Яссы-Николина); иногда одна предгорновая яма объединяла две или три печи (Завадовка, Журавка, Свирж, Трушешть, Яссы-Николина) [Баран 1981, 96; Бидзиля, Воляник, Гошко 1981; Зильманович 1967; Циглик 1993; Ioniță 1982; 1985].

Конструкция черняховских горнов в целом однородна, различаясь в основном по устройству топочной камеры. В качестве примера приведем описание хорошо сохранившихся горнов, иссле-

⁸ После выхода исследования А.А. Бобринского появилась информация о горнах с поселений Мындрагты (вид 2) [Тентюк 1990, 170-173], Боромля 2 (вид 3; раскопки А.Н. Некрасовой) и Винница-Вишенка (по-видимому, вид 1) [Магомедов, Левада 1993, 132].

дованных на поселении Завадовка [Бидзиля, Воляник, Гошко 1981]. Поселение отличается ярко выраженными чертами ремесленного производства: открыты гончарные печи и остатки металлургических горнов, культурный слой памятника насыщен шлаками. Мастерская, включавшая помимо горнов производственное помещение, стояла на берегу ручья и была окружена жилыми постройками (на большинстве поселений горны находились в стороне от жилищ).

В предгорпной яме (4,2 x 2,8 м) сохранились остатки более ранней печи, разрушенной при ее расширении. Три горна, сооруженные позже, сохранились достаточно хорошо. Они были врезаны в грунт вокруг предпечной ямы и имели двухъярусную конструкцию. Форма нижней топочной камеры горна №1 круглая в плане (диаметр 1,5 м). Топливный канал длиной более 1 м, служивший для загрузки дров, выходил в яму. Посередине топочной камеры оставлен опорный столб, вырезанный из материкового лесса. Он, как и стенки камеры, обмазан глиной с примесью листьев мелких веток и соломы, что предохраняло обмазку от растрескивания. Опорный столб поддерживал горизонтальную перегородку - решетку, в которой были проделаны 22 отверстия-продуха для выхода раскаленных газов. Верхняя обжигательная камера имела до 1 м в высоту, диаметр по дну 1,1 м. Стенки были обмазаны и прокалены на глубину до 10 см. Верхнее отверстие диаметром около 0,5 м, служившее для загрузки посуды, находилось примерно на уровне древней поверхности и имело заглаженный край. Остальные две печи из этой мастерской приблизительно таких же размеров, но одна имела в горизонтальной перегородке 49 продухов. Авторы раскопок считают, что такая разница в количестве продухов обусловлена специализацией горнов, предназначенных для обжига разных видов керамики. Обжигательные комплексы, состоящие из обжигательной предпечной ямы и двух горнов с разными технологическими возможностями (т.е., развивающими разную максимальную температуру), довольно часто встречаются в пшеворских и провинциальных мастерских [Dobrzańska 1990, 23].

У крупных горнов диаметр топки мог превышать 2 м. Иногда у горнов отсутствовал топливный канал и дрова загружались непосредственно в топочную камеру, как у небольшой печи диаметром 1 м на поселении Винница-Вишенка. В качестве опоры для решетки могли использовать не вырезанный в грунте останец, а камень или большой сосуд, забитый глиной [Козак 1990]. Более существенным отличием является применение в топочной камере вместо опорного столба продольной стенки, делившей топку на две изолированные камеры.

Наиболее полно черняховские горны изучены А.А. Бобринским. По конструктивным особенностям топки он выделяет три вида, каждый из которых характеризует разные культурные традиции [1991, 189-194]:

- 1 - со свободным пространством топки (т.е. без опоры решетки);
- 2 - с цилиндрическим столбом;
- 3 - с глухой перегородкой.

Кроме того, выделены виды 4, 5, 6 с „пезамкнутой” перегородкой, производные от вида 3.

Примерно 60% горнов представлено видом 3 и его производными. Истоки этой конструкции исследователь видит в традициях пшеворской культуры. 32% составляют горны вида 2, сохраняющие античную традицию; их строителями могли быть выходцы из римских провинций. Это же влияние проявилось в эволюции вида 3 в виды 4-6 [Бобринский 1991, 198-209]. По нашему мнению, нет причин все черняховские горны вида 3 производить от пшеворских. Те и другие могли иметь общее происхождение из дунайских провинций Рима, где они восходят к кельтской традиции [Wielowiejski 1981, 360-363].

В литературе отмечено сходство черняховских горнов 2-го вида с печами античных негров Северного Причерноморья, где также применялся опорный столб [Тиханова 1973]. А.А. Бобринский видит их принципиальное различие в соотношении диаметров столба и топки: в черняховском горне опора выполняла одновременно функцию обтекателя, т.к. существенно меняла направление газов; в большом античном горне этот конструктивный элемент не так заметно влиял на движение газов. По-видимому, когда древние гончары строили уменьшенные копии античных горнов, в первую очередь заботились об их формальном сходстве (что фактически признает и сам исследователь) [Бобринский 1991, 202, 209]. Главное конструктивное отличие горнов, применявшихся „варварскими” мастерами, от римско-античных заключалось в том, что их небольшие размеры позволяли обходиться без кирпичной кладки. То, что купол обжигательной камеры целиком сооружался в толще грунта, имело и некоторые преимущества, так как снижало теплопроводность его стенок.

Изучение производственных сооружений и гончарной продукции с привлечением методов естественных наук и этнографических параллелей позволило во многих чертах реконструировать технологию производства круговой посуды у народов Юго-Восточной Европы I тыс. н.э. [Бобринский 1970; 1978; 1991]. Мы учитывали и данные, полученные польскими исследователями на материалах гончарного центра Верхней Вислы (район Иголоми и Тропишова), изготовлявшего подобную посуду [Wirska-Parachoniak 1984; 1985; Dobrzańska 1990].

После добычи некоторые сорта глины приходилось длительное время выдерживать на открытом

воздухе. При этом естественные органические примеси перегнивали, масса становилась более рыхлой и податливой. Для мягких пластичных глин процесс „старения” не обязателен. На следующем этапе глину заливали водой в специальных ямах или корытах. Такая яма обнаружена при входе в гончарную мастерскую на поселении Журавка. Намоченную глину уплотняли (трамбовали), после чего строгали на тонкие пласты (эта стадия также отражена в журавской мастерской). Строгание позволяло удалить грубые комья, конкреции или механические загрязнения. После этого глину тщательно месили ногами, при необходимости смешивали разные ее сорта и добавляли одновременно другие необходимые компоненты.

Для разных видов посуды применялся различный состав сырья. Для кухонной посуды глину отощали, то есть добавляли 10-12% кварцевого песка или дресвы⁹, иногда 3-7% шамота (толченая керамика). После обжига глина с отощителями приобретала повышенную прочность и водонепроницаемость и могла выдержать большие перепады температур, поэтому из нее изготавливались кухонные горшки. Крупные зерна минеральных примесей снижали излишнюю пластичность глины, образуя при формовке как бы жесткий скелет сосуда. Масса с повышенным содержанием крупной дресвы (около 15 %) шла на изготовление самых больших сосудов - пифосов, высота которых достигала 1 метра. Размер зерен примесей учитывался и при производстве горшков: тонкостенные изделия содержали в формовочной массе песок, для более грубых применялась и дресва.

Столовая посуда изготавливалась из хорошо очищенной массы, за редким исключением, без искусственных минеральных примесей, но часто с добавками органического происхождения. Для аналогичной керамики пшеворской культуры польские исследователи установили в ряде случаев наличие толченого древесного угля и пепла [*Wirska-Parachoniak 1985, 210-212*]. Такой прием известен в греческом и римском гончарстве. Он способствовал улучшению физико-химических свойств глиняной массы, в том числе снижал температурный порог ее спекания и положительно влиял на процесс восстановительного обжига. Вблизи гончарных мастерских района Новой Гуты и Иголоми открыты ямы с глиной черного цвета - запасы обогащенного углем сырья для производства столовой посуды. Очевидно, с такой же технологической целью черняховские гончары добавляли в глину павоз. По определению А.А. Бобринского, среди инвентаря погребенной могильника Оселивка добавки павоза в тесте содержали все столовые миски и около 70% кухонных горшков [*Никитина 1995, 42-59*].

Формовка изделий из подготовленной, промешанной до полной однородности массы производилась на гончарном круге. Преобладание ручного или ножного станка у черняховских гончаров не установлено, но для мастерских, открытых в Журавке и Глевахе, можно говорить о применении ножного гончарного круга.

Гончарная посуда производилась в ленточной (или жгутовой) технике. Из заранее раскатанных глиняных жгутов, медленно вращая круг, мастер наращивал стенки сосуда. Куполообразно суживаясь, они завершались дном. Образовавшийся „начин” переворачивали, стенки наращивали дальше или вытягивали из них верхнюю часть сосуда. Реже работу начинали с дна [*Бобринский 1970*]. При такой технике нижняя часть сформованного сосуда оставалась слишком массивной. Поэтому, вращая круг, лишнюю глину срезали ножом. Для черняховской посуды, особенно кухонной, характерны следы этой операции в виде горизонтальных бороздок от выпавших зерен кварца в придонной части сосуда.

После формовки корпуса можно приступать к обработке поверхности и нанесению орнамента. Поверхность столовой посуды иногда покрывалась ангобом (слоем самой тонкой глины)¹⁰ и после подсушки подвергалась лощению. Инструментом служил гладкий камень или кость. Лощеный поверхностный слой глины уплотнялся до блеска, что не только украшало посуду, но и повышало ее водонепроницаемость. Обычно на лощеной поверхности можно проследить следы орудия - в большинстве случаев горизонтальные, реже - вертикальные. Встречаются сосуды с очень гладкой, „зеркально” залощенной поверхностью. Единичные экземпляры гончарных горшков и мисок имеют рустованные, „хроповатые”, стенки, но такой „вельбарско-пшеворский” способ обработки поверхности в гораздо большей мере характерен для лепной керамики.

Полностью оформленные изделия ставили на просушку. Летом на это уходило от двух до семи дней, при сырой и холодной погоде сушка практически не возможна. Именно этот процесс больше всего влияет на сезонность занятий гончаров.

Подготовленную продукцию загружали через верхнее отверстие в обжигательную камеру горна. Процесс обжига одной партии сероглиняной керамики, судя по экспериментальным данным британских и немецких исследователей, продолжался от 18 часов до двух-трех суток и требовал не менее 250 кг дров [*Dobrzańska 1990, 24*]. Мастер должен был обладать большим опытом - при об-

⁹ В качестве дресвы обычно применялся предварительно обожженный толченый гранит, редко - известняк и другие породы камня. На Среднем Днестре с успехом использовали местный глинистый сланец-аргиллит.

¹⁰ В Журавке для этого применялся каолин [*Бобринский 1991, 65*].

жиге необходимо постоянно следить за тепловым и газовым режимом печи, поддерживая необходимую для каждого этапа температуру. В начале надо усиливать пламя очень медленно, чтобы из глины успели испариться последние следы влаги - в противном случае стенки посуды не выдерживают и она лопается. Равномерный прогрев всей партии изделий обеспечивался тем, что нагретые газы поступали в верхнюю камеру из топки через узкие продухи. При температуре около 600⁰С изделия начинают менять свой цвет соответственно характеру глины. Спекание частиц начинается при 800-850⁰, а при накале свыше 1100⁰ керамическая масса размягчается, изделия деформируются и оплаковываются. Температура в печах обычно не превышала 950⁰. Специальные исследования пшеворской керамики установили, что столовая посуда хорошо обжигается при 900-950⁰, кухонная - при 800-900⁰, пифосы - около 950⁰.

Для того, чтобы придать посуде характерный для позднеримской гончарной керамики серый или черный цвет, состав газов в горне регулировали. Применялся так называемый восстановительный (редукционный) обжиг без доступа кислорода (при окислительном обжиге, редком для черняховской керамики, изделия приобретали красноватый, терракотовый цвет). После того, как печь разогревалась и функционировала в окислительном режиме не менее 9 часов, переходили на редукционный режим - закрывали внешние отверстия горна. Без доступа воздуха внутри скапливалась окись углерода (СО), которая восстанавливала входящие в состав глин красные железистые соединения до черной окиси железа (FeO). В зависимости от процентного содержания железа в составе глины изделия приобретали различные по плотности оттенки серого цвета. Это свойство сырья учитывалось еще на стадии подготовки формовочной массы: химический анализ образцов черной столовой керамики показывает повышенное содержание в ней железистых соединений. Такая керамика могла обжигаться при более низкой температуре (около 800⁰), так как железистые соединения ускоряют процесс спекания глины [Wirski-Parachoniak 1985, 210-216]. Применялся и другой способ: в конце обжига в топку подкладывали топливо, дающее много дыма, что усиливало редукцию, а главное - поры глиняных изделий насыщались сажей, что придавало их поверхности ровную черную окраску. Следует отметить, что посуда черного цвета нередко бывает недостаточно обожжена. Считается, что обжиг посуды в редукционном режиме требует несколько меньших усилий, чем в восстановительном.

Для получения красной посуды печь топили только сухими дровами (влажность способствует редукции) и поддерживали более высокую температуру. По-видимому, это было одной из причин распространения среди варварских народов Европы именно редукционного обжига гончарной керамики. Достаточно большой процент красноглиняной посуды встречается только в юго-западных регионах черняховской культуры. Подсчет количества красноглиняных фрагментов по отношению ко всей местной гончарной керамике (без лепной и амфорной) на поселениях Молдавии дает такие результаты: Делакеу, Кошница, Кобуска Веке - от 3 до 6%, Будешты, Комрат, Петрикены, Загайканы, Балабанешты - 11-27%, Собарь, Балцаты - 50-51% [Рикман 1975, 171].

Освоенная черняховскими ремесленниками технология гончарного производства обеспечивала достаточно высокую производительность труда. По подсчетам А.А. Бобринского [1978, 26-33], мастер тратил на изготовление одного среднего сосуда 8-10 минут, ежедневно производя от 30 до 80 сосудов, что могло обеспечивать округу в радиусе десятков километров. Относительную производительность гончарных мастерских можно сравнить по внутреннему объему обжигательных камер. Так, горн из Рипнева вмещал не более 25 средних сосудов, тогда как в печи из Будешт одновременно обжигалось до 150. Еще больше продукции могло производиться в тех случаях, если при одной предгорновой яме одновременно работало две-три печи.

* * *

В условиях изобилия в черняховском обществе дешевой ремесленной продукции домашнее производство лепной посуды приходит в упадок. Большинство лепных сосудов сделано „на скорую руку“ из плохо промешанной глины. Находки из погребений бывают слабо обожжены и явно предназначены для этой цели. Среди такой ритуальной лепной керамики преобладает посуда столового назначения; на селищах встречаются преимущественно кухонные горшки. На черняховско-вельбарских поселениях (они выделяются по большому проценту соответствующей лепной керамики) паходят лепные кружки и миски, в том числе с прекрасным черным лощением (например - рис. 32:9). Отдельные сосуды изготовлены из хорошего „гончарного“ теста и обожжены в горне, но сформованы ручным способом (ваза из могильника Городок - рис. 38:2). Встречаются уникальные экземпляры сложной формы, которые на круге сделать просто невозможно, например кубок в виде сапожка из Каборги (рис. 57:14).

Столовая лепная посуда изготовлялась из глины без примесей, либо с небольшой примесью мелкого песка (диаметр зерен не превышает 0,5 мм). Стенки этих сосудов заглаживали или лощили, причем не только на внешних поверхностях, как на гончарной керамике, но и на внутренних. Для хозяйственных изделий применяли глину с более грубыми добавками песка, дресвы и шамота.

Формовали мелкие сосуды из одного куска глины, крупные - ленточно-жгутовым способом.

Некоторые имеют поверхность искусственно ошершавленную, „рустованную”, по польской терминологии - „хроповатую”; при этом верхняя и придонная части заглаживались. В соответствии с традициями вельбарской и пшеворской культур так оформлялись горшки, реже - миски и кружки (рис. 27; 30:2, 14). Для этого использовали различные способы. Чаще всего сосуд обваливали в измельченной сухой глине [Бобринский 1978, 236], реже - просто в песке. В качестве поверхностной грунтовки применялась и жидкая глина иногда с вертикальными бороздами от пальцев. Часто в грунтовку добавляли дресву (перешженный толченый гранит или золотистый минерал). Рустовку также имитировали при помощи грубо прочерченных линий (вертикальные или сетка) или ногтевых зацепов.

Температура обжига лепной керамики обычно не превышает 690⁰ [Dobrzańska 1990, 27]. Для обжига небольших сосудов достаточно открытых очагов. Крупные сосуды, возможно, обжигались в примитивных наземных печах, от которых заметных археологических следов не остается.

4. Косторезное производство

Среди наиболее развитых ремесел в черняховском обществе рядом с металлообработкой и гончарством стоит косторезное производство. В полной мере это касается только одной из его отраслей - производства сложных гребней из рога благородного оленя (иногда лося). Выделению и специализации этого производства способствовали два фактора: массовый спрос на эти предметы личного пользования, а также сложность их изготовления (составной гребень включает до 10 роговых деталей и металлические заклепки). Такие факты, как частое присутствие гребней в погребальном инвентаре, их графические изображения на керамике, использование миниатюрного изделия в качестве подвески, позволяют предположить не только утилитарное назначение этих предметов, но также и магическое (см. разд. „Универсальные орудия и предметы туалета”).

Кроме гребней, из оленьего рога делали так называемые пирамидальные подвески, которые также имеют центрально-европейское происхождение (см. разд. „Украшения”). Реже встречаются браслеты из роговых розеток-оснований (погребения Тыргшор 5, Данчены 224, Лецкань 2 и 5, Одая 1 и 4, Коблево 45, косторезная мастерская в Бырлад-Валя Сяке), а также подвески-диски (Петроаселе, Родной Край), лунницы (Бырлад-Валя Сяке), ручки пожей и пряслица (Бырлад-Валя Сяке, Великая Снитинка). Из костей быка и коня изготавливали „коньки”-лощила и двусторонние иглы („стили”), которые могли использоваться как спицы для вязания сетей или шерстяной одежды. Встречаются костяные пряслица (Каборга, Одая, Ромаиковцы), игральные кости (Кантемировка, Каборга, Данчены 25 и 292), застежки. Из трубчатых птичьих костей делали футляры для игл.

Несмотря на широкое распространение изделий, следы косторезного производства на поселениях встречаются не часто. Обычно это небольшие количества обрезков оленьих рогов, которые можно определить как остатки ограниченного домашнего производства (например: Пражев, Журавка, Ромош, Иванковцы, Делакеу, Костешты, Петроаселе [Махно 1960, 25; Сымонович 1960, табл. 13:1; Кропоткин 1976, 6; Рукман 1975, 164; Diaconu et al. 1977, fig. 20:12-13]). В Центральной Европе такие находки также очень редко представлены богатыми материалами [Grimm 1930: Párducz, Korek 1959, 190; Thomas 1960, 76; Schmidt 1967; Salamon 1976; Brzeziński 1980; Koperski 1986]. Для черняховской культуры крупными ремесленными центрами, работавшими на рынок, можно признать два поселения: Бырлад-Валя Сяке в румынской Молдове и Великая Снитинка в Среднем Поднепровье [Palade 1981; Palade 1985; Магомедов 1992].

Великая Снитинка (пункт 2) входила в группу ремесленных поселений: следы массового производства гребней открыты на ближнем селище Великая Снитинка 3 и в Малой Офирне в 5 км от него. На территории поселения (400x100 м) прослежено более 20 скоплений культурных остатков, обозначавших места усадеб; на 5 из них отмечены следы рогового производства. Раскопками вскрыты остатки наземных жилых и производственных построек¹¹. Основная мастерская находилась в строении размером около 14 x 8 м, которое прослежено только по заполнению. Внутри него в виде пятна площадью 12 м² залегал сплошной слой роговых осколков и стружки, сотни деталей гребней, один готовый экземпляр (рис. 82:13) и другие роговые изделия. Кроме того, в постройке занимались прядением и ткачеством (находки грузил и пряслиц), обработкой кожи (тупики, „коньки”-лощила) и т.д. Еще два рабочих места косторезов, выявленные на том же раскопе, могли размещаться в небольших легких постройках или под навесом.

Всего на поселении собрано около 16,5 тыс. обрезков и сколов оленьего рога и 550 изделий в разной стадии готовности. В небольших объемах обрабатывали здесь и собственно кость: из нее делали двусторонние проколки. Большинство деталей гребней - это прямоугольные роговые пластины, на которых должны были нарезаться зубцы; найдено много боковых пластинок-накладок и пластин-вкладышей от спинок (рис. 82:4-7, 9).

¹¹ В Бырлад-Валя Сяке почти все из 22-х мастерских располагались в полуземлянках, тогда как жилищами служили наземные дома.

Гребни скреплялись бронзовыми трубчатыми заклепками, которые делали из узкой полоски жести, сложенной вдвое и прокованной со всех сторон. Обрезки бронзового жестяного изделия (по-видимому, римский клепаный котелок) и недоделанный трубчатый дрот найдены в мастерской (рис. 82:8).

Попутной продукцией мастерской были пряслица из розеток и пирамидальные подвески из окончаний рога (рис. 82:10-12). Как и гребни, они найдены в разной стадии готовности, вплоть до законченных экземпляров. Группа изделий в виде вилок, клиньев и проколов, по-видимому, была рабочими инструментами косторезов (рис. 82:1-3). По мнению В. Паладе, некоторые дуговидные роговые предметы из Бырлада служили шаблонами для разметки накладок [Palade 1981, fig. 17; 28:1]; подобные вещи найдены и в Великой Снитинке.

Анализ производства гребней даст возможность выделить несколько его этапов: заготовка сырья, изготовление деталей, сборка, нарезка зубьев, окончательная обработка изделий [Galloway, Newcomber 1981]. Поскольку в качестве исходного материала использовались сброшенные в начале зимы оленьи рога, сырьевая база каждой мастерской была практически неисчерпаемой.

Первичная обработка рогов состояла в том, что с них срубали и спиливали мелкие отростки, а остальное распиливали на толстые цилиндры. Самые крупные заготовки диаметром 5-7 см шли на боковые накладки. Для этого цилиндр обтесывали, доводя его профиль до очертаний сегмента или трапеции; затем раскалывали пополам и выбирали губчатую ткань сердцевины. Реже боковые накладки вырезали из относительно плоских развилок рогов, но в любом случае пластины необходимо было выровнять под прессом. Для предварительного размягчения их подвергали тепловой (вываривание в масле) или химической (замачивание в древесном поташе, заквашивание) обработке. Прямоугольные пластины вырезали из плотной ткани цилиндров, расколотых вдоль на несколько частей, а толстые средние детали спинок (вкладыши) вытесывали, невзирая на наличие губчатых участков. Большой точности требовала сборка изделий. Пригнанные по толщине и форме детали сверлили „пакетом” сквозь три слоя (накладка - пластины или вкладыши - накладка), а затем скрепляли металлическими заклепками. После этого оставалась последняя тонкая операция - нарезка зубьев и, наконец, окончательное оформление и шлифовка изделия. Большинство операций давало большой выход брака, поскольку не все заготовки отвечали технологическим требованиям, а при сверлении и сборке пластины раскалывались.

Для выполнения перечисленных операций требовались как минимум такие инструменты: топор, тонкая пила, нож, сверло, тиски, а также шлифовочные материалы. О рабочих качествах инструментов свидетельствуют их следы на изделиях: просверленные отверстия диаметром 1-2 мм и пропилы менее 1 мм шириной. Расположение находок в исследованной нами мастерской не дает оснований говорить о существенном распределении труда среди косторезов. Концентрация в одном месте (около 12 м²) сплошного массива роговых отходов и заготовок определяет обустроенное рабочее место, например стол-верстак со специальными приспособлениями. Все важнейшие операции мастер-гребенщик выполнял сам.

Обработка рога не была единственным ремесленным занятием обитателей поселения Великая Снитинка. Здесь найдена болотная руда, много шлака и железных изделий. Надо думать, все необходимые металлические орудия труда изготовлялись на месте. Ремесленным поселением широкого профиля был и Бырлад, о чем говорят находки тиглей для плавки цветных металлов.

Обе мастерские, судя по типологии гребней (Бырлад - тип I, Великая Снитинка - тип I и II по Г.Ф. Никитиной) и другим находкам, работали на ранних фазах черняховской культуры, не позднее середины 4 века. Более поздние мастерские пока не известны.

5. Каменотесное и другие производства

Обработка камня. Многие регионы черняховской культуры богаты камнем. В Поднепровье и Побужье это граниты, в Причерноморье и Поднестровье известняки, в Прикарпатье и бассейне Дуная имеются выходы различных пород. Однако каменотесное дело имело массовое распространение лишь в среде населения черняховских памятников причерноморского типа. Его основу составляло позднескифское население, издавна широко применявшее в разных целях местные мягкие породы известняка. Из грубо обработанных плит здесь возводили различные постройки и изгороди, делали перекрытия для могил, ступы, корыта, якоря [Магомедов 1987а, 76]. Эти работы при наличии простых железных инструментов не требовали большой квалификации и вряд ли ими занимались специалисты-ремесленники.

С более высоким уровнем мастерства связано производство каменных жерновов для ручных ротационных мельниц римского типа (см. разд. „Земледелие”). Массовое распространение мельниц на всей территории культуры, где население в основном не имело навыков обработки камня, было связано с появлением каменотесного дела как отрасли профессионального ремесла. Жернова находят практически на каждом поселении черняховской культуры. Изготовлены они из разных пород камня: известняка, гранита, туфа, реже из песчаника. В Поднестровье и Причерноморье это

обычно известняковые изделия. В Центральной Украине довольно широкое распространение получили жернова из редкой здесь породы - вулканического туфа. Центр их производства нашел и исследовал П.И. Хавлюк [1980].

Эффузивная туфоподобная порода для изготовления жерновов добывалась на месте остатков жерла доисторического вулкана вблизи сел Лугова и Жорнице в Винницкой области. Вблизи обнаружен ряд черняховских поселений. При добыче камня в карьере использовались найденные здесь же клинья из оленьего рога; на стенах выработок видны следы кирок¹². Продукция мастерских из Лугового находила широкий сбыт. Жернова из туфа характерного серо-коричневого цвета встречаются не только в Побужье, но и на Днестре - поселение Дорошовка (Могилев-Подольский р-н Винницкой обл.), в Леськах вблизи Черкасс на Днепре и даже на памятниках киевской культуры в Подесенье [Хавлюк 1980, 32; Терпиловский, Абашина 1992, 62].

Имеет основания предположение П.И. Хавлюка о применении в Луговом труда профессиональных каменотесов из римских провинций [1980, 34]. Аргументом в его пользу является находка на поселении Шершни (в той же Винницкой области) обломка туфового жернова с бортиком по краю [Магомедов, Гудим-Левкович 1991, рис. 4:10]. Эта особенность характерна для античных изделий.

Туф как материал хорошо подходит для жерновов и сравнительно легко поддается обработке. Гранитные жернова дольше не срабатываются, но трудны в изготовлении (следовательно, дороги). Кроме того, их рабочие поверхности имеют свойство в процессе работы шлифоваться и „залипать“, после чего их необходимо паковать. Жернова из легкого в обработке известняка могли изготавливать и сами потребители, однако они быстро стирались и требовали частой замены.

Массовое распространение имел и другой вид каменных изделий - оселки для заточки металлических инструментов. Как правило, оселки делались из мелкозернистого песчаника и имели форму квадратных в сечении брусков. Обычно на поселениях находят сработанные, истощенные посередине и сломанные экземпляры. Учитывая сравнительную редкость месторождений песчаника мелкозернистой структуры и стандартизованную форму оселков, следует предположить, что их производство было сосредоточено в немногих местах, а сами они являлись предметами торговли. Косвенным подтверждением этого могут быть наши наблюдения над черняховскими памятниками берегов Среднего Днестра, в частности на поселении Козлов. В отличие от обычных брусков, найденные здесь экземпляры из песчаника и сланца не имеют правильной формы [Магомедов 1998а, 167]. Это можно объяснить тем, что изготовлены они в „домашних“ условиях из подходящих камней, которыми богаты береговые отложения Днестра; местное население не нуждалось в привозной ремесленной продукции такого рода.

Кроме названных вещей, орудия труда и бытовые предметы из камня встречаются крайне редко. Среди них можно назвать литейные формы, а также маленький стеатитовый сосуд из Каборги [Винокур 1972, 71; Магомедов 1979а, табл. II:15].

В бассейне Среднего Днестра встречаются культовые изваяния, часть из которых бесспорно связана с черняховскими памятниками. На селище Ставчаны открыто святилище, где найдены антропоморфная и треугольная стелы из местного известняка [Винокур 1972, 109-112]. Первая фигура высотой 1,9 м изображает мужчину в коническом головном уборе с рогом для питья в руках, на тыльной стороне выбито силуэтное изображение коня. На треугольном камне изображен круг. Еще одна известняковая стела в виде человека с рогом в руках (высота 2,3 м) из с. Калос, как показал И.С. Винокур, также связана с большим черняховским селищем [Винокур 1972, 117]. С поселения Иванковцы происходят три идола с изображениями человеческих лиц (один трехликий) [Брайчевский, Довженок 1967]. Они сделаны из мягкого известняка, четырехгранные, высота от 2,35 до 3 м. Обломки каменных изваяний выявлены И.С. Винокуром на черняховских поселениях Бакота, Непоротово, Козлов; известно более десятка находок, не привязанных к конкретным памятникам [Винокур 1972, 112-117].

Возможно, имеет отношение к черняховской культуре находка у с. Ягнятин в Житомирской обл., возле которого исследовано известное поселение. Здесь при вспашке на возвышенности над рекой обнаружено пять стел из грубо обработанного местного гранита; одна из них была крупнее остальных (высота 1,68 м) и имела антропоморфные черты [Малеев 1975]. Правда, нельзя исключить связь находки с близлежащими раннесредневековыми селищами.

Черняховские изваяния имеют черты сходства с известной раннесредневековой статуей Збручского Святовита и, возможно, принадлежат славянскому населению черняховской культуры [Рыбаков 1987, 130-132].

Обработка дерева. Черняховские изделия из дерева практически не сохраняются и о его применении можно судить в основном по косвенным признакам. Этот материал использовался очень

¹² Следы работы в карьерах могут иметь и более позднее происхождение, так как жернова здесь делали и в древнерусское время и позже [Хавлюк 1973].

широко, в частности, в домостроительстве. Из него делали сосуды и другие бытовые предметы: встречаются металлические детали деревянных ведер и шкатулок.

Известны инструменты, связанные с обработкой дерева: топоры, тесла, долота и стамески, скобели, сверла, токарные резцы (рис. 83). По нашему мнению, проушные топоры воспринимались черняховским населением в основном как оружие, хотя их использование в быту и ремеслах совсем не исключаются. Для работы с деревом, как и в прежние времена, применялись втульчатые топоры. В Лепесовке найден такой инструмент, сделанный из пакетного металла, хотя им могли пользоваться и как долотом [Вознесенская 1972, 20]. Возможно, как топоры применялись втульчатые инструменты типа тесла (Лука-Врублевская - 2 экз., Рипнив, Журавка) [Баран 1981, 109; Вознесенская 1972, 20]. Из Хлопкова происходит проушное тесло. Долота найдены в Рипневе (2 экз., длина 22,5 и 25,5 см), Луке-Врублевской (2 экз.), Лепесовке (7 экз.), Криничках, Банмачке, Привольном, Ботошань; стамеска - в Будештах [Баран 1981, 109; Тиханова 1977а, 73; Кухаренко 1955; Вознесенская 1972, 20].

В Подієстровье найдено несколько скобелей (стругов): в Рипневе (три), Черепине, Неслухове и Будештах [Баран 1981, 110; Рикман 1960, рис. 19:1]. Экземпляры из Рипнева и Черепина В.Д. Баран определил как бондарный инструмент для изготовления бочек. На нескольких поселениях найдены сверла с перовидным рабочим концом (Рипнив 2 и 3, Демьянов, Теремцы, Леськи, Иванковцы, Будешты) [Баран 1981, 110; Смиленко, Брайчевский 1967, 58; Брайчевский, Довженок 1967, 259; Рикман 1960, 309]. Свидетельством значительного прогресса в обработке дерева является находка в Рипневе токарного резца длиной 8 см; применение токарного станка подтверждается находками точеных мергельных пряслиц на этом же поселении и в Ракобутах [Баран 1981, 110].

Пока только в Луке-Врублевской найдена пила-ножовка длиной 32,8 см [Тиханова 1977а, 70]; применение пил засвидетельствовано в косторезном производстве. Орудия, аналогичные всем перечисленным выше, известны на пшеворских памятниках поздне римского времени [Szydlowski 1984, 56-71].

В некоторых случаях исследователи отмечают концентрацию инструментов в определенных постройках. В „жилище столяра” (№ 13) Рипневского поселения найдены тесло, сверло и мергельное пряслице, выточенное на токарном станке [Баран 1981, 110]. В Луке-Врублевской в „жилище ремесленника-древотка” обнаружены пила, два долота и тесло [Тиханова 1977а]. По-видимому, можно говорить о специализации некоторых наиболее сложных деревообделочных работ (токарные, бондарные), которые выполнялись мастерами на заказ в свободное от сельскохозяйственных занятий время. Обе эти технологии - бондарная и токарная - появляются в Восточной и Центральной Европе в поздне римское время и связаны с влиянием Провинций [Szydlowski 1984, 169-170].

Прядение и ткачество были традиционным занятием женщин независимо от их социального положения. В женских погребениях находят детали веретен - пряслица (маховики), нередко по 2-3 экземпляра. Пряслица в погребальных комплексах часто сопровождают так называемые „крюковидные” или „кпоковидные булавки” из квадратной в сечении бронзовой проволоки с тордированным (винтообразно скрученным) стержнем (рис. 84:13). Предполагается, что они втыкались в деревянное веретено для закрепления нити [Godłowski 1981, 76]. Их длина составляет около 25-30 мм, толщина проволоки 1-1,5 мм. Такие „булавки” („Krückemadel”, „Spindelhakcn”) были распространены в Центральной и Северной Европе, в том числе в вельбарской культуре [Werner 1988, 253-254]. Они найдены на многих черняховских могильниках Молдовы, Западной и Центральной Украины. В Причерноморье „булавки” встречены на тех памятниках, где проявился северо-западный культурный элемент (Коблево, Каборга). По наблюдениям Э.А. Симоновича (который полагал „крюковатые булавки” деталями деревянных шкатулок), эти вещи характерны для относительно ранних погребальных комплексов [Симонович 1975а]. Возможно, поэтому они редки в Подунавье и левобережье Днепра.

Деревянные веретена иногда украшались металлическими оковками в виде коротких трубок диаметром около 1 см [Wielowiejski 1994, 71-72; Nahula 1994]. Возможно, такими оковками являются бронзовые рифленые предметы из погребения Каборга 5 и серебряные трубки из слоя могильника Петриковцы.

Наиболее распространенный тип глиняных пряслиц - биконические с вогнутыми или плоскими основаниями; гораздо реже попадаются округлые, цилиндрические и конические формы (рис. 84:11, 14-17). Обычно они покрыты лощением, иногда украшены прочерченными или пролощенными зигзагами, оттисками шнура, точками, различными срезами, встречаются даже инкрустированные кусочками стекла. На экземпляре с поселения Синица изображена свастика [Кропоткин, Нахачетян 1976, рис. 1:4]. Пряслице из богатого погребения Лецкань 36 имеет готскую руническую надпись на одной стороне „*Rango*” (сокращенное женское имя Рангахильда), на другой „*Здесь ткань Идо*” (рис. 84:6) [Bloşiu 1975, 231].

Биконические пряслица, подобные черняховским, в том числе орнаментированные, широко

представлены в вельбарской и пшеворской культурах¹³ [Кухаренко 1980, 58; Godlowski 1981, 76]. На памятниках Верхнего Днестра вторую по численности группу (после биконических) составляет тип конических пряслиц с вогнутым основанием, редкий в других регионах (рис. 84:11) [Баран 1981, 102]. В предшествующее время близкие формы (наряду с биконическими) встречаются на памятниках липицкой культуры и зубрицкой группы; в гето-дакийских древностях румынского Подунавья они преобладают [Цигулик 1975, 14; Козак 1984, 25; Козак 1992, 62; Bichir 1984, 28].

Иногда пряслица делали из обточенных сероглиняных или амфорных черепков. Женщины из богатых семей пользовались привозными стеклянными изделиями (рис. 84:12) [Кропоткин 1970, 128]. Стеклянные пряслица встречаются в погребениях (Волошское, Привольное, Петрикивцы) и на поселениях (Черепин, Иванковцы, Будешты, Викнины Великие, Лепесовка). Встречаются экземпляры из оленьего рога (Великая Снитинка - рис. 82:10), из костных суставов в форме сегмента шара (Каборга, Одая, Романковцы); из мергеля, в том числе выточенные на токарном станке (Рипнев, Ракобуты).

В позднеримское время во многих варварских культурах Европы появляется вертикальный ткацкий станок, свидетельством чего являются находки глиняных грузил для оттягивания нитей основы. В черняховских сгоревших домах их нередко находят скоплениями у стены на месте станка. Чаще встречаются грузила конической формы, реже, на памятниках с выраженной вельбарской традицией, округло-уплощенные или тороидальные (рис. 84:18-21). На памятниках раннеславянских культур такие находки отсутствуют.

Ткани делались из льна и конопли, культивирование которых подтверждается палеоботаническими исследованиями [Пашкевич 1991, 19], а также из шерсти. Представление о них можно получить по отпечаткам на керамике или по фрагментам, пропитавшимся окислами металлов. Обычно встречаются образцы самого простого переплетения - полотняного, реже - саржевого (киперного) переплетения [Щербакова, Чеботаренко 1974, 103; Магомедов 1979, 39].

Торговля

6.1. Внутренняя торговля

Об уровне развития внутреннего обмена в обществе можно судить по уровню организации ремесла. У черняховских племен в качестве самостоятельных производств выделились металлообработка, гончарство, косторезное и, отчасти, каменотесное ремесла.

Мастера-ремесленники работали, как правило, „на заказ” в пределах общины или группы соседних общин, получая за свой труд продукты сельского хозяйства. Прямые свидетельства рыночной торговли ремесленными изделиями проявляются на археологическом материале редко. Так, торговцу мог принадлежать клад из девяти серпов и четырех кос, найденный на могильнике Чернелив-Русский [Герета 1978]. Начальный этап товарного производства, то есть изготовление товаров на рынок, связано с наличием крупных мастерских - кузнечных, ювелирных, гончарных, косторезных. Примерами таких производств могут быть мастерские по изготовлению гребней в Великой Снитинке и следы производства жерновов из вулканического туфа у с. Лугова [Магомедов 1992; Хавлюк 1980]. Возможно, скопление ювелирных мастерских существовало в районе с. Градижск, где в размывах берега Днестра найдены сотни фибул и медные слитки [Рутковская 1979, 331-354].

Предполагается, что на месте группы черняховских памятников у с. Градижск существовал торгово-ремесленный центр, возникший на перекрестке сухопутных и водных путей. Благодаря удобному географическому положению, крупная международная ярмарка была здесь и в 18 в. Через село проходил древний „Киевский шлях”, соединявший лесостепные районы с Причерноморьем и Приазовьем; рядом находилась естественная переправа через Днепр, связанная с дорогой, по которой гнали скот [Рутковская 1979, 358]. Подобный центр мог быть и на большом поселении Лепесовка на Вольно-Подольском пограничье, на пути передвижений между Балтийской и Черноморской областями. Здесь обнаружены остатки металлургических горнов и гончарных мастерских. На поселении работал и ремесленник-ювелир: найдены коромысло от римских весов, а также тигли, льячки, и бронзовые полуфабрикаты. Среди лепной керамики поселения, кроме вельбарской, выделены типы, характерные и для других культурно-этнических групп [Тиханова 1966; 1978; Щукин 1989].

Одно из важных мест в экономике традиционных обществ занимала добыча соли и соляная торговля. Из письменных источников известно, что дунайские вестготы получали соль из римских провинций [Корсунский 1965, 58]. По мнению М.Ю. Брайчевского, черняховские племена обеспечивались солью преимущественно из карпатских месторождений [Брайчевский 1964, 209-210]. Древняя добыча соли шахтным способом в Закарпатье близ Солотвина доказана находкой

¹³ Биконическая форма пряслиц была распространена у многих народов, но имеются и другие отличия. Так, для киевской культуры характерен тип с широким отверстием [Тертиловский 1984, 70].

римских монет в древней выработке [Брайчевский 1959, 136]. Продукция этого месторождения вряд ли значительно распространялась на восточный склон Карпат, где существовал свой мощный Галицкий соледобывающий район. Известно его решающее значение для Древней Руси¹⁴ и не будет ошибкой допустить, что соль начали вывозить из Прикарпатья по крайней мере на несколько столетий раньше. Это подтверждается самим названием Галича, происходящим от кельтского корня „гал” („халь”) - „соль”. Потребителями продукта в позднеримское время выступали племена культур карпатских курганов и черняховской.

В пределах досягаемости черняховского населения существуют и другие районы соледобычи, которые благодаря легкодоступности минерала могли эксплуатироваться в древности. На востоке Украины богатейшие залежи каменной соли разрабатываются в Донецкой степи (г. Славянск), но промышленная добыча началась здесь только в 17 в.; в ограниченном количестве осадочную соль получали в 19-20 вв. (надо думать, и раньше) из воды приморских озер Северо-Западного Причерноморья [Россия... 1903, 277; 1910, 380], в частности на Куяльницком лимане, где есть черняховские памятники. Важнейшим поставщиком соли для Украины с XVIII в. стало Присивашье. Появились сведения о более древних добытчиках в этих местах [Магомедов, Кубышев 1994].

Многослойное поселение Геническая Горка расположено на косе Арабатская Стрелка между Азовским морем и заливом Сиваш. Среди разновременной керамики от эпохи бронзы до средневековья большинство представлено обломками черняховской посуды, встречались также фрагменты позднеримских амфор типа „Зеест 100”. Это поселение является крайним юго-восточным пунктом черняховской культуры. Его оторванность от родственных памятников не дает оснований причислить Приазовскую степь к районам компактного обитания черняховских племен¹⁵. Расположение памятника на неплодородных землях Арабатской Стрелки, но в местах традиционной соледобычи, объясняется его исключительно производственным назначением. Место выбрано не случайно. Рядом есть источники пресной воды, а не более, чем в 4 км расположено соленое Геническое озеро. Это был один из богатейших промыслов Сиваша, который в начале 20 в. при технике, которая мало изменилась с древних времен, давал до 2,5 млн. пудов (40 тыс. т) соли в год. На всей Арабатской Стрелке 2000 рабочих добывали до 5 млн. пудов [Россия... 1910, 672]. Даже учитывая низкую продуктивность труда древних добытчиков, можно считать, что объем производства ограничивался только емкостью рынка и возможностями транспорта.

Поскольку добыча осадочной соли в озерах имеет сезонный характер, поселение не было постоянным. Это подтверждается почти полным отсутствием среди черняховской керамики столовой посуды. Добытчики - вооруженные мужчины - брали с собой только вещи, наиболее необходимые во время долгого пребывания на промысле.

Вполне вероятно, что с добычей соли связан еще один черняховский пункт, также оторванный от массива черняховских памятников. Это Ивановка 10, также многослойное поселение, расположенное в начале Кишбурнской косы у Ягорлыцкого залива Черного моря [Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990, 94-95]. На косе имеется целый ряд соленых озер; кроме того, коса до недавних пор была богата на лес, дичь и ценную рыбу. Отсюда продукты промыслов удобно вывозить по Днепровскому лиману. Из Присивашья соль везли степью до Днепра. Дальше на запад шла старая дорога, которую в 1-2 вв. контролировал римский кастеллум, а позже черняховское Александровское городище [Буйских 1991, 87-89; Магомедов 1987в]. В глубинные районы Лесостепи и дальше в лесную зону вели речные магистрали - Днепр и Южный Буг. Этими путями товар расходился не только по черняховским поселениям, но и достигал соседних народов.

6.2. Экономические связи с античным миром

В период черняховской культуры торговля варваров Восточной Европы с античным миром достигает своего наивысшего развития. Находки амфорной и краснолаковой керамики, изделий из стекла известны на каждом черняховском памятнике. На причерноморских поселениях в среднем 20-30% керамики представлено обломками амфорной тары.

Большой объем античного импорта должен был уравниваться соответствующей суммой товаров с черняховской территории. Некоторые исследователи видят основу торговли местных племен с античным миром в хлебном экспорте [Рыбаков 1948, 42-43; Брайчевский 1964, 238-240; Винокур 1972, 48]. Другие не придают ему решающего значения [Рикман 1975, 228] или вообще отрицают, поскольку уровень социально-экономического развития черняховского общества не позволяет предполагать наличие избыточного продукта в виде товарного зерна [Кропоткин 1967, 112-113; Тиханова 1974, 69]. С такой аргументацией следует согласиться, хотя по данным археологии техника черняховского земледелия практически не отличалась от техники земледелия в

¹⁴ Монополия на соль позволяла галицким правителям лишать этого продукта население всей Русской земли [Патерик Киево-Печерского монастыря, 108].

¹⁵ Ближайшее черняховское поселение у с. Капры находится на левом берегу Днепра, на расстоянии около 130 км от Азовского побережья.

Паннонии, Мезии, Дакии, откуда вывоз зерна засвидетельствован документально [Кропоткин 1970а]. Необходимо учитывать, что сельское население провинций находилось в совершенно иных социальных условиях, вынуждавших его к более интенсивному труду. Кроме того, известно, что готы Нижнего Дуная (т.е. „черняховцы“) не только постоянно покупали у римлян продукты питания, но и получали до войны 367-369 гг. ежегодные субсидии зерном [Велков 1955, 253].

Представление о списке товаров, участвовавших в обмене Причерноморья со Средиземноморьем, правда в более раннее время (2 в. до н.э.), можно получить из „Истории“ Полибия: „Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество, бесспорно, отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его в случае нужды, то получая...¹⁶“ [Полибий. История, IV.38. Цит. по: Латышев 1947, 214]. Вряд ли такой традиционный список мог существенно измениться в позднейшее время. Непосредственно населения черняховской культуры касаются сведения письменных источников о торговле вестготов с римлянами на Дунае. Здесь готы получали из Империи вино, соль, оливковое масло, оружие, одежду, украшения. Продавали они главным образом рабов, а также скот и кожи [Корсунский 1965, 58].

Главным источником работорговли для готов были войны с соседними народами. Еще в ходе Скифских войн 3 в. они уводили в рабство жителей римских провинций [Ременников 1954, 12]. Обличая корыстолюбие гарнизонных командиров на нижнедунайской готской границе в 60-х гг. 4 в., Фемистий говорит, что они стремились купить как можно больше рабов с целью их перепродажи [Велков 1955, 253]. В безвыходных условиях голода готы вынуждены были сами продавать своих детей [Аммиан. XXII. 7, 7; XXXI. 4. 11].

Археологические данные свидетельствуют о большом объеме импорта вина и масла в амфорах, а также украшений - в основном бус из стекла и других материалов. Стеклянные бусы привозили из Константинополя, европейских провинций, Сирии и Египта. Из Египта везли и фаянсовый бисер. Большим спросом пользовался сердолик, который в древности добывали в разных местах. Плиний называет Персию, Индию, Аравию, Египет, о. Парос. В Причерноморье сердоликовые бусы привозили в готовом виде, хотя на поселении Балцаты найден необработанный кусок этого камня. Из предметов роскоши для внутреннего рынка и транзитной торговли большое значение имел ввоз стеклянной посуды (кубков), в значительной степени из Константинополя. С берегов Средиземного моря происходят также раковины мюрекс и кипрея. Существование торговых связей (несомненно транзитных) между Восточной Европой и Южной Аравией подтверждается находками ладана, куски которого были положены в погребения из Бережанки, Курников и Барча. В связи с ввозом тканей можно упомянуть находку золотой парчи в „княжеском“ погребении 5 Переяславского могильника [Гончаров, Махно 1957, 134].

Торговля с провинциями глубоко вошла в быт черняховского общества и поддерживалась его вождями. В удобных местах возникали торжища и постоянные торговые пункты. В мирное время готские купцы свободно торговали на всей территории приграничной провинции Фракия, посещали любые города и торговые пункты. В годы войны 366-369 г. „запрет всяких торговых сношений угнетал варваров крайним недостатком в самом необходимом“ [Аммиан, XXVII.5,7]. Поэтому в мирный договор между королем Атапарихом и Валентом в 369 г. включено было специальное условие об эмпориях на Дунае, где готы торговали бы с римлянами [Курбатов 1958, 8; Корсунский 1965, 58].

Торговые пункты существовали и на окраинах варварской территории. Известны черняховские памятники, где можно предполагать существование торговых факторий, осуществлявших связь с римскими провинциями. Это комплексы построек на поселениях Каменка-Анчекрак и Собарь. Такие римские товары, как стекло, иногда могли производиться на месте: остатки мастерских со следами пребывания представителей римских провинций открыты в Комарове на Среднем Днестре.

Усадьба в Каменке-Анчекрак расположена на окраине крупнейшего в округе черняховского поселения на берегу Березанского лимана, в 25 км от Ольвии [Магомедов 1991а]. Здесь открыт комплекс типа римской виллы из четырех крупных каменных зданий с пристройками и огороженным двором, рассчитанным на сотни голов скота (рис. 13). Хозяин усадьбы, судя по нескольким греческим граффити на краснолаковых сосудах (рис. 64:2,8), был знаком с античной культурой, возможно, сам являлся выходцем из провинциальной греко-римской среды. Из раскрытых на вилле 11 помещений только три оборудованы очагами и, таким образом, могут быть признаны жилыми. Остальные помещения с площадью несколько десятков квадратных метров почти лишены находок. Очевидно, они использовались как склады сельскохозяйственной продукции

¹⁶ Под поставщиками хлеба Полибий, вероятно, подразумевает такие „окружающие Понт страны“, как Боспорское царство и Черноморское побережье Малой Азии.

и стойла для скота. Здесь же обрабатывали шкуры, на что указывает яма с запасом золы. О налаженных связях местных жителей с заморскими торговыми центрами свидетельствует амфорная тара: количество ее обломков превышает половину всех керамических находок на усадьбе - больше, чем на любом из остальных черняховских памятников. Торговые операции обитателей усадьбы заключались, по-видимому, в натуральном обмене импортных товаров на сельскохозяйственную продукцию и рабов, поставляемых местной племенной верхушкой. По Березанскому лиману к фактории могли подходить корабли для разгрузки и приема очередных партий груза.

Некоторое сходство с камешковской усадьбой имеет комплекс из черняховского поселения Собарь в Молдавии [Рикман 1970b]. Внутри двора, обнесенного каменной стеной, находилось здание размером 9,8x18 м. Стены возведены из камня с применением кирпича, скрепленного известковым раствором. В развалинах найдены кровельная черепица, оконное стекло, базовые камни колонн, а также обломки каменной чаши с латинской надписью. На поселении необычайно высок процент красноглиняной посуды (46%), много амфор 4 в. Подобная большая каменная постройка (21x10 м) с применением римской техники (известковый раствор) обнаружена и на поселении Чимишени, также в Молдавии¹⁷ [Щукин 1991].

Стеклоделательная мастерская в Комарове представляла собой особый вид торгово-ремесленной фактории [Смишко 1964; Щапова 1978a]. Здесь найдены остатки каменного здания, плитки, черепица, многочисленный античный импорт. Мастера принадлежали к провинциально-римской школе стеклоделия. Во второй половине 3 в. в Комарове изготавливали кубки, бусы, стеклянные пряслица и даже, в небольшом количестве, оконное стекло. Часть сырья (слюда, окись марганца) доставлялась издалека, но производство дорогого и хрупкого товара на месте окупало такие расходы. Правда, комаровская мастерская работала не более 10 лет и большого распространения ее продукция не получила. По определению Ю.А. Лихтер, с мастерской связаны фрагмент стеклянного сосуда и бусина из могильника Оселивка, который расположен в 70 км от Комарова вверх по течению Днестра [Пикитина 1995, 84].

Исследования Ю.Л. Щаповой позволяют предположить существование еще одного центра производства стекла в Молдавии. Это предположение основано на физико-химическом анализе однотипных круглых бус, выполненных в примитивной технике из темно-гранатового стекла плохого качества. Найдены они в комплексах второй половины 4 в. на довольно ограниченной территории - Лопатна, Лукашевка 3, Балцаты.

На торгово-ремесленном поселении Лепесовка, о котором шла речь выше, найдены греческие граффити на сероглиняных горшках. Это достаточно надежно свидетельствует, что гончарная посуда черняховского типа изготавливалась здесь провинциально-римскими мастерами [Тиханова 1973]. Однако рентабельность керамического производства не могла быть длительное время высокой из-за конкуренции местных мастеров. Возможно, здесь работали пленные-рабы, и деятельность мастерской с внешнеэкономическими отношениями не связана.

Важными для восточноевропейских племен торгово-ремесленными центрами оставались города Ольвия и Тира, включенные после эвакуации римских гарнизонов в черняховскую политико-экономическую систему [Кравченко, Корпусова 1975; Магомедов 1985; Павленко, Сон 1991]. Продолжали действовать гончарные мастерские, поставлявшие в окрестные поселения высококачественную сероглиняную керамику (см. разд. „Генезис черняховского гончарного ремесла”). Черноморские порты поддерживали традиционные связи с понтийскими и средиземноморскими городами. На месте портовых сооружений в Нижнем городе Ольвии открыты скопления амфор этого времени [Лейпунская 1984]. Из Ольвии и Тире продукция восточноримских экономических центров расходилась по бассейнам ближних рек, а значительная часть ее доходила до Прибалтики и Скандинавии.

* * *

Сравнивая распределение наиболее массовых импортов по регионам черняховской культуры, можно заметить разницу между восточной и западной областями, граница между которыми проходит примерно по Днестру. При этом в бассейне Днестра попадаются находки, характерные для обеих областей.

Приблизительно равномерно распределяются типы стеклянных сосудов, сердоликовых и, по-видимому, стеклянных бус. В обеих областях встречаются светлоглиняные амфоры типа F, хотя более редкий тип E нам известен только в восточной области.

Более четко разделяются находки разных типов красноглиняных амфор и импортной столовой керамики¹⁸. Восточнее р. Прут встречаются амфоры типа Зеест 100 („Делакеу”) и „Харакс, погр. 33”. Зато тип M.273 или близкие к нему формы происходят из западных областей черняховской

¹⁷ Автор раскопок склоняется к мысли, что постройка оставлена легионерами, которые дезертировали из римской армии в 248 г. после мятежа Марина Пакатиана.

¹⁸ Описание типов находок см. в разд. „Импортная посуда”.

культуры: междуречья Днестра-Сирета (Тира, Собарь, Комрат, Яссы-Николина), левобережья Днестра (Фрунзовка), из Мунтении (Альдени) и верховьев Западного Буга (Рипнев). Исключение составляет амфора из Ягнятина в Житомирской области. Группа амфор с раструбообразным горлом локализована в Молдавии (Малаешты, Елизаветовка, Комрат) и Мунтении (Спанцов, Индепенденца, Четатя Векь, Коконь, Николае Бэлческу). Там же встречаются единичные экземпляры типов, не известных в более восточных регионах (Лецкань, Индепенденца, Кэсчиоареле).

В группе импортной столовой посуды для восточной области Черняхова характерны краснолаковые кувшины, а для Причерноморья и тарелки. В западной области такие кувшины встречаются реже, зато преобладают красноглиняные ойнохой нескольких вариантов - в Мунтении (Спанцов, Индепенденца, Изворул, Дедулешти, Могошань, Тыргшор) и в меньшей мере - в междуречье Днестра-Прута (Лецкань, Холмскос, Фурмановка). Только в Мунтении известны римские глазированные сосуды (Спанцов, Николае Бэлческу).

Такое различие в поступлении импортов легко объясняется торговыми связями областей с ближайшими экономическими центрами античного мира. Греческие колонии и варварские племена Причерноморья традиционно были связаны в первую очередь с Малой Азией. Из городов южного побережья Черного моря, а также из Восточного Средиземноморья сюда поступало огромное количество вина в амфорной таре. Наиболее широко расходились светлоглиняные узкогорлые амфоры, вероятно, из Синопы. Амфоры 3 века (тип D) постоянно встречаются не только на памятниках оседлого населения Украины и кочевых сармат, но и в Западном Причерноморье среди гето-дакийских древностей [Bichir 1984, 38-39]. Те же пути распространения синопской продукции сохранились и в 4 в., когда возникает новый тип F. Производители крупных красноглиняных амфор типа „Харакс, погр. 33” были ориентированы, по-видимому, в основном на Северное Причерноморье, тогда как массовый тип „Зеест 100” встречается также на римских памятниках западного и восточного побережий - в Болгарии, Румынии и Грузии [Сазанов 1989, 50]. Амфоры типа M.273 поступали преимущественно в Тиру, откуда расходился по бассейну Днестра. Наиболее распространенные в Мунтении (и меньше в Молдавии) амфоры с расширенным (воронковидным) горлом, а также сосуды редких типов, скорее всего, производились в Дунайских или Балканских провинциях, поскольку в Северном Причерноморье они не известны.

Приблизительно та же ситуация складывается на рынке столовой керамики. Краснолаковая продукция старых мастерских Малой Азии и Восточного Средиземноморья с трудом проникает на Нижний Дунай, где с ней успешно конкурируют более дешевые изделия ближних римских городов. Стекланные изделия, в массе поступавшие из Константинополя и, по-видимому, с Ближнего Востока (Комаровскую мастерскую здесь можно не учитывать), распространялись на территории черняховской культуры более-менее равномерно.

6.3. Торговля с соседними племенами. Транзитная торговля

Для экономического развития черняховской культуры большую роль сыграло географическое расположение ее территорий. Южные границы общности пролегли по Черноморскому побережью и Нижнему Дунаю, куда греческие и римские купцы издавна свозили товары для торговли с северными варварами. Остальные границы, сухопутные, соприкасались с миром лесных и степных племен, представлявших собой необъятный рынок сбыта этих товаров.

Несомненно, в отношении своих экономически менее развитых соседей „черняховцы” и сами выступали в роли производителей ремесленной продукции. Об этом свидетельствуют находки черняховских изделий на памятниках пограничных, а иногда и довольно удаленных племен. Так типичные черняховские фибулы встречаются в погребениях племен лесной зоны бассейна Оки и в могилах сарматов от Венгрии до Поволжья [Амброз 1966, 61-66, 70]. Черняховских (готских) купцов на севере могли интересоваться меха и другие продукты промыслов; сарматские кочевники, наиболее вероятно, поставляли продукты животноводства и рабов.

Большое количество предметов черняховского импорта найдено на памятниках киевской культуры [Терпиловский, Абашина 1992, 71-75]. На многих поселениях встречаются обломки черняховской гончарной посуды, характерные типы бронзовых фибул и пряжек, трехслойные гребни из оленьего рога. Среди орудий труда, бесспорно, импортными являются жернова из вулканического туфа, месторождение которого разрабатывалось в Южном Побужье (см. разд. „Каменотесное и другие производства”). Из черняховских областей к киевскому населению поступали некоторые железные орудия - наральники, серпы, топоры, скобли, о чем свидетельствует их типологическое единство.

Свидетельством более глубокого экономического сотрудничества представителей обеих культур является косторезная мастерская на киевском поселении Александровка I в Черниговском Подесенье [Терпиловский, Шекун 1996, 32; Шекун 1997]. В производственной постройке найдено до 100 обрезков рога оленя и лося, а также около 30 полуфабрикатов и пластин-заготовок для изготовления трехслойных гребней; здесь и в расположенном рядом жилище черняховская кера-

мика составляла около 1/3 всей посуды. По-видимому, в этом случае мы видим попытку черняховского мастера наладить производство на чужой территории¹⁹.

Через черняховских торговцев-посредников по Днепру, Десне и сухопутным дорогам киевские племена получали привозную античную продукцию: амфоры с вином, стеклянные и сердоликовые бусы. По-видимому, такой же путь проходили и цветные металлы - бронза и моетное серебро. Расплачиваться население киевской культуры с наибольшей выгодой могло продуктами лесных промыслов - пушниной, воском, медом. Земледельческая продукция вряд ли использовалась для этого, учитывая менее развитый уровень хозяйства киевских племен и их менее плодородные земли.

Постоянно поддерживались связи с Южной Прибалтикой, в основном с родственным населением вельбарской культуры. Речной пантийско-балтийский торговый путь проходил по Южному Бугу (или Днестру) - Западному Бугу - Висле²⁰. Одним из важнейших транзитных товаров с юга являлись стеклянные кубки, а также бусы, вероятно, ткани и прочая продукция мастерских Восточного Средиземноморья. В центральноевропейском регионе наибольшая их концентрация отмечена в низовьях Вислы. Отсюда восточное стекло морским путем расходилось по побережьям Дании, Швеции, Норвегии, что хорошо прослеживается при картографировании находок [Werner 1988, 258]. При этом более важным для торговых связей Южной Прибалтики с Римской империей оставался традиционный „янтарный путь” через Центральную Европу [Wielowiejski 1981, 390, 399; Stawiarska 1985, 125-132]. Оттуда, вероятно, поступала и значительная часть вина. Так как в Прибалтийском регионе практически не встречаются находки амфор, предполагается, что этот товар в столь отдаленные области было удобнее транспортировать в бочках и бурдюках [Кропоткин, Кропоткин 1988, 171].

В обмен в Восточную Европу поступали продукты прибалтийских стран. Среди них важное место занимал янтарь, значительная часть которого, по-видимому, транзитом шла в восточные провинции Римской империи. Янтарные бусы и подвески найдены на многих черняховских могильниках. Их прибалтийское происхождение подтверждается грибовидной формой подвесок, характерной для вельбарских изделий, а также химическим анализом образцов из Успенского могильника²¹. Из Прибалтики поступал также цветной металл. Многие черняховские бронзовые предметы изготовлены из характерного для этого региона многокомпонентного сплава с ведущими концентрациями цинка (см. разд. „Обработка цветного металла”). Часть этих вещей производилась в местных мастерских, другая часть (подвески и фибулы вельбарских типов), а также бронзовые слитки, импортировались.

Потребность черняховского населения западных регионов в железе частично покрывалась за счет завоза из Свентокшижского металлургического центра в Южной Польше, где разработка горных месторождений была значительно эффективнее, чем использование местных болотных руд. Возможно, импортировались в основном готовые изделия. Масштабы этих поступлений позволяют оценить дальнейшие исследования черняховского металла [Розанова 1988] (см. разд. „Добыча и обработка черного металла”).

Картографирование вещей черняховского и римского происхождения выявило еще два направления экономических связей с народами лесной зоны - в Восточную Прибалтику и в фишпогорскую область Оки-Волги. М. Казанский, опираясь на сообщение Иордана, считает, что Германарих стремился силой оружия установить контроль над этими торговыми путями [Kazanski 1992].

6.4. Вопрос о денежном обращении

На территории Восточной Европы известны сотни кладов и отдельных находок монет римских императоров, часть из них связана с черняховскими памятниками [Брайчевский 1959; Кропоткин 1961; Кропоткин 1966; Тиханова 1979, 38-39]. При этом подавляющее большинство римских монет на землях восточноевропейских варваров является серебряными денариями 2 века (т.е. времени, предшествующего образованию черняховской культуры), а 3 и 4 века представлены значительно меньшим количеством находок. Некоторые ученые высказали мнение, что дата чеканки и период поступления монет в Восточную Европу существенно не расходятся и связывали их с внешней торговлей славянского [Брайчевский 1959, 57] или какого-то предчерняховского населения [Тиханова 1974].

¹⁹ Высказано предположение, что заготовки для гребней в Александровке производились по заказу мастерской с черняховской территории [Терпиловский, Шекун 1996, 32]. На мой взгляд, это маловероятно, т.к. подобное разделение труда не соответствует уровню тогдашнего производства.

²⁰ Путь „из варяг в греки” через Финский залив и Днепр сложился гораздо позже, с появлением на севере славянских экономических центров.

²¹ Результаты получены В.Н. Зоценко. Месторождения янтаря имеются и в Среднем Поднепровье, однако их разработка начинается только в эпоху Киевской Руси.

Мы согласны с теми исследователями, которые главную причину преобладания в варварских землях денариев 2 в. видят в высоком содержании в них драгоценного металла по сравнению с более поздними выпусками. В первых веках нашей эры происходит постоянное снижение реальной стоимости денария путем замены определенной части серебра на медь и другие дешевые лигатуры [Walker 1977, 6; Walker 1978, 59-69]. При Нероне (54-68 гг.) в монетном металле впервые появились искусственные добавки, понизившие содержание серебра в среднем до 93% (прежде - 96-99%). Денарии Траяна, Адриана и Антонина Пия выпусков 107-148 гг. содержат благородного металла уже 87-90%, денарии Антонина Пия (148-161 гг.) - 82-85%. На протяжении правлений Марка Аврелия и Коммода этот показатель понизился до 72-73% (190-192 г.); в 194-195 гг. Септимий Север довел его до 57%. В 215 г. при Каракалле начинается выпуск новой монеты - антониниана, отличавшегося от денариев внешним видом и большим весом, однако содержание серебра в нем сначала составляет 50%, а ко времени Требониана Галла (251-253 гг.) снижается до 36%. Во второй половине 3 в. антонинианы чеканились из меди с тонким серебряным покрытием. С этого времени (несмотря на незначительный выпуск серебряной монеты в 4 в.) главенствующая роль серебра в римской денежной системе упала и его заменило золото.

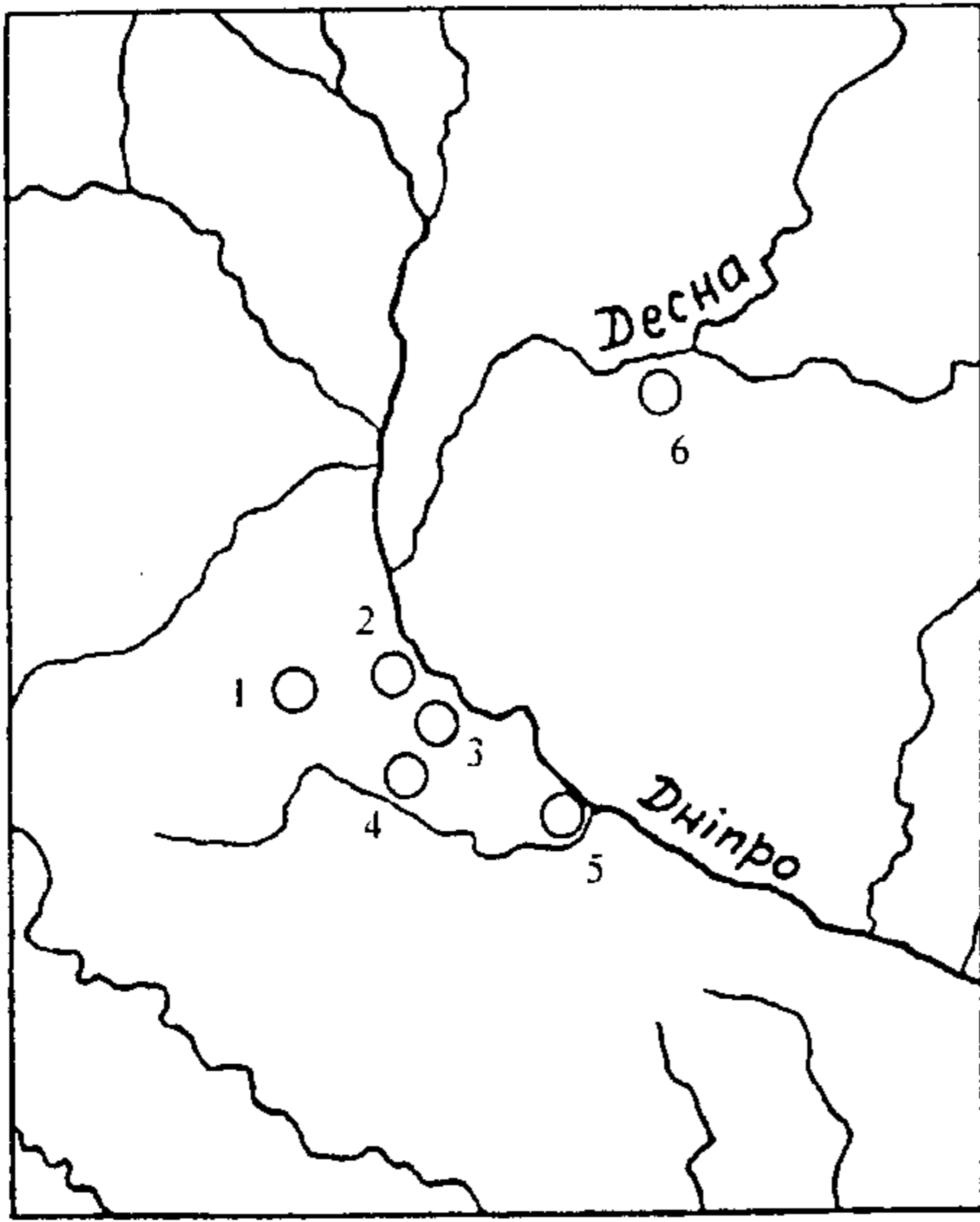
Для многих соседей Римской империи монетный металл был основным, если не единственным источником поступления серебра. При господстве меновой торговли на внутреннем рынке лишь часть этих поступлений попадала в обращение, основная же масса шла на ювелирные изделия. Поэтому независимо от способов ввоза монет из Империи (торговля, выкуп за пленных и военные контрибуции) постоянным требованием варваров оставалось соблюдение определенной чистоты серебра. Этому стандарту отвечали денарии, чеканенные до реформы 215 г., с чем римские партнеры вынуждены были считаться.

Значительная часть денариев попала к представителям черняховских племен во время Скифских войн середины 3 столетия, когда варвары нередко получали от Рима крупные суммы. Известно, что после поражения римской армии на Нижнем Дунае в 251 г. император Требониан Галл обязался выплачивать коалиции готов и карпов ежегодные денежные субсидии, основную часть которых получили готы (см. разд. „Формирование черняховской культуры...“). По-видимому, торговые операции давали меньше денежных доходов вследствие общей натурализации экономической жизни Римской империи в 3-4 вв. и возрастания менового, натурального характера ее торговли с варварами [Кропоткин 1961, 23-30; Кропоткин 1970а, 159]. Подобная прибыль концентрировалась в казне представителей племенной и общинной знати, долгое время там сохранялась, а иногда пряталась в виде сокровищ. Можно полагать, что много таких кладов было скрыто после 375 г., в беспокойную эпоху гуннского нашествия и межплеменных войн. Так, в состав известных в литературе Борочичского и Нежинского кладов, кроме денариев 1-2 веков, входили роскошные украшения и серебряная посуда конца 4 - первой половины 5 в. [Кропоткин 1970а, 158].

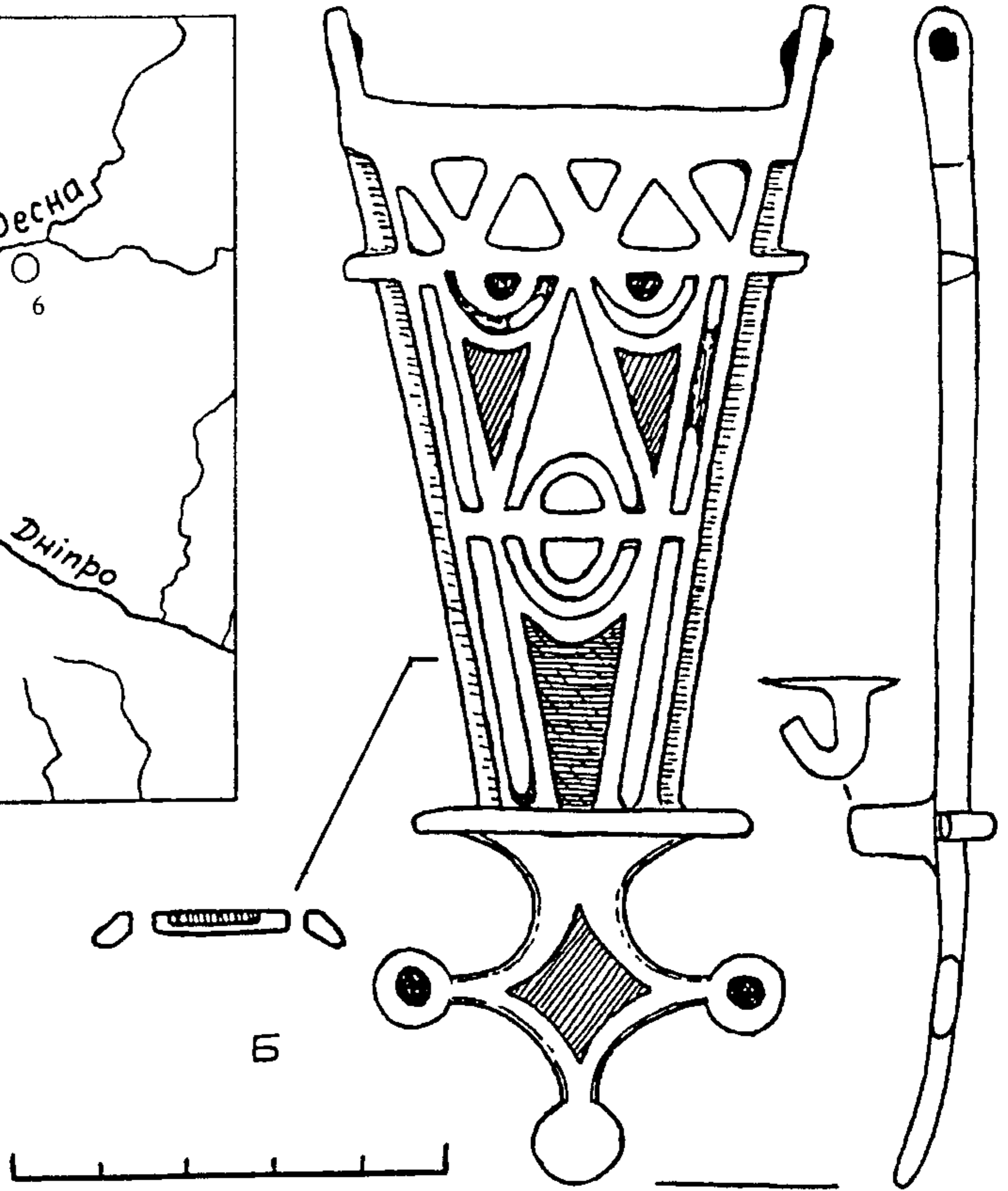
Рис. 71. ⇒⇒⇒

А. Карта находок эмалевых треугольных фибул подтипа III.2: 1 - Великая Снитинка, 2 - Новые Безрадици, 3 - Черняхов, 4 - Ромашки, 5 - Пекарн, 6 - Борзна. Б. Фибула из Великой Снитинки.

A. Verbreitung der emailierten Dreieckfibeln vom Untertyp III.2: 1 - Velikaja Snitinka; 2 - Novye Bezradiči; 3 - Černjachov; 4 - Romaški; 5 - Pekari; 6 - Borzna. B. Die Fibel aus Velikaja Snitinka.

A

Б

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ETNISCHE STRUKTUR DER ČERNJACHOV-KULTUR

Полиэтнизм черняховской культуры в настоящее время является для специалистов признанной теорией. Этот взгляд отражен в ряде коллективных работ и в монографиях археологов Украины и России [*Этнокультурная карта...* 1985, 50-51; *Славяне Юго-Восточной Европы...* 1990, 194-197; *Славяне и их соседи...* 1993, 162-170; *Винокур* 1972; *Рикман* 1975; *Седов* 1979; *Баран* 1981; *Магомедов* 1987]. Полиэтническая структура готского союза не подлежит сомнению и для западных ученых [*Wolfram* 1990, 19; *Bierbrauer* 1994, 127-130]. Среди носителей черняховской культуры видят германцев, славян, сармат, поздних скифов, гето-фракийцев. Исторический факт политической гегемонии германцев-готов в Юго-Восточной Европе позднеримского времени также не вызывает серьезных возражений у большинства исследователей. Однако роль отдельных этнических элементов в формировании черняховской культурно-исторической общности и их количественное соотношение в составе населения остаются в значительной мере спорными.

В этой главе, используя возможности антропологии и в основном на почве археологического материала, исследованного в предыдущих разделах, а также привлекая исторические источники, мы попытаемся выяснить (разумеется, очень приближенно) удельный вес разных этносов в регионах черняховской культуры.

Поскольку цели и задачи нашего исследования связаны с этническими вопросами, необходимо точно определить некоторые связанные с ними археологические понятия, которые могут иметь разное толкование. Тип памятников - поселения и (или) могильники, объединенные общими типологическими признаками: подобным типом построек, погребального обряда, керамики и других вещей. Группы памятников одного типа, объединенные общей территорией, составляют культурные группы, которые в нашем случае объединяются в культуру.

1. Антропологические данные

Сложность этнического состава населения черняховской культуры наиболее наглядно проявляется, пожалуй, при исследовании антропологического материала. Методы антропологии при решении наших задач не могут иметь решающего значения, и не только в силу собственной ограниченности, но и из-за ряда объективных причин. Хроническим препятствием является недостаток материала. Уже опубликованы данные по измерениям более 200 скелетов из черняховских могильников Украины и Молдавии [*Дебец* 1948; *Великанова* 1961; 1975; *Зиневич* 1967; *Кондукторова* 1979а; *Сегеда, Дяченко* 1984; *Рудич* 1995]. Однако в научный оборот пока не введены многочисленные новые находки, особенно из Молдавии, запада и юго-запада Украины. Мало доступен для исследователей не менее объемный материал из некрополей Румынии, отчасти из-за ограниченности публикаций, отчасти из-за различий в методике обработки с антропологами московско-киевской школы. Дополнительные трудности возникают из-за отсутствия сравнительного материала для многих синхронных или хронологически близких этнокультурных групп. Значительно серьезнее препятствуют воссозданию антропологического облика черняховского населения причины, не зависящие от усилий исследователей. Прежде всего, это значительный удельный вес обряда сожжения на большинстве могильников, статистически включающий в среднем около 30% погребений, а реально, по-видимому, до половины. С особым обрядом связано и отсутствие могильников при поселениях типа Черепин-Теремцы. Однако некоторые выводы в публикациях антропологов имеются.

Идея о генетической преемственности скифов лесостепной полосы и черняховского населения, выдвинутая Т.И. Алексеевой, была построена, пожалуй, не столько на фактах (достаточно ограниченных), сколько на общей концепции автохтонизма [*Алексеева* 1974, 65]. Однако это предположение подтвердилось в иной форме - как родство одного из компонентов черняховского населения с поздними скифами Нижнего Днепра. Это отчетливо выражено на большой серии

черепов из могильника Журавка в Среднем Поднепровье¹ (25 мужских и 39 женских). Для черепов этой группы людей характерна умеренная долихокrania (длинноголовость), неширокое лицо, сильно выступающий неширокий нос [Кондукторова 1979a; 1979b, 67]. Кроме того, Т.С. Кондукторова выделяет второй крупный компонент черняховского населения, лучше представленный в Маслово и Черняхове, - более долихокраанный и более высокоголовый, с менее крупными размерами лица. Такие особенности на Украине наблюдаются только в бронзовом веке у людей тшинско-комаровской культуры.

Разработку этого направления успешно продолжила киевский антрополог Т.А. Рудич [1999]. На материале ряда некрополей, прежде всего из наиболее обеспеченного материалом Среднего Поднепровья (Черняхов, Журавка, Маслово, Деревяна, Черкасы), она обнаружила заметную разницу между сериями черепов из могил с западной и северной ориентировкой. Черепа из „западных” погребений относятся к одному типу, известному по позднескифским могильникам Нижнего Днестра и хорошо представленному на черняховских могильниках Причерноморья. Другой, узколищый долихокраанный тип (аналогичный „второму компоненту” Т.С. Кондукторовой) представлен в погребениях с северной ориентировкой скелетов; эти черепа близки сериям шнуrowой культуры Средней Европы. На наш взгляд, этот тип с наибольшей вероятностью можно связать с германцами-готами.

М.С. Великанова выделила на черняховских могильниках долихокраанные черепа, у которых крупные размеры сопровождаются узколищестью. Эти признаки, характерные для большинства германских средневековых групп (североевропейский тип), отличают серии из Сынтана де Муреш и Индепенденца в Румынии, Гавриловки в Нижнем Поднепровье и мужские черепа из Косанова [Великанова 1975, 75, 86]. Серия мужских „нордических” черепов происходит из Лецкань в Молдове [Antoniu, Onofrei 1975]. Как мы предположили выше, с германцами можно связать и серии, отнесенные к „второму компоненту” черняховского населения (кроме названных М.С. Великановой - также Чернелив-Русский, Маслово, Черняхов).

Привлечение новых европейских материалов (вельбарские могильники Польши, вестготские некрополи Испании и Португалии, различные германские серии) подтвердило явное и значительное участие германцев в формировании черняховского населения [Ефимова 1999, 304-306]. Определенная неоднородность этих аналогий легко объяснима. Готы, этническое ядро которых переселилось в Южную Прибалтику из Скандинавии в начале новой эры, с момента возникновения вельбарской культуры уже не были генетически единым народом. С ними смешивалось население автохтонных германских культур - оксывской и ясторфской, затем пшеворской культуры (племена ругиев-ульмеругов, вандалов и другие) [Woląciwicz 1981, 154], присоединялись группы герулов и т.д. Поэтому антропологический тип «черняховских» готов имеет сложный состав, включающий, по меньшей мере, северо- и восточногерманские элементы. В таком контексте близость балтских аналогий для некоторых черняховских серий [Рудич 1999a] можно объяснить этническими контактами «прибалтийского этапа» готской истории.

На некоторых черняховских могильниках обнаружены брахикраанные (круглоголовые) черепа, близкие сарматским сериям: Косанов - три женских, Журавка - один, Будешты - пять [Великанова 1975, 81, 84; Кондукторова 1972, 85]. Подобные черепа встречаются на некоторых могильниках в Румынии (Эрбичень, Спанцов - погр. 10²) [Nicolăescu-Plopşor 1969, 32]. В целом, по мнению специалистов-антропологов, для черняховских краниологических серий сарматская примесь не характерна.

Однако сравнительный материал в данном случае отбирался, как правило, из могильников ранних групп сармат или из сводных серий. Данные по синхронным памятникам алан для этой цели привлекались мало, хотя контакты имелись этих кочевников с черняховским населением наиболее вероятны и прослеживаются археологически (см. ниже). Несмотря на предполагаемую языковую близость, они отличались от прочих известных римлянам сармат европеоидным физическим типом: „Почти все аланы высоки ростом и красивы видом, волосы у них русоватые” [Аммиан, XXXI.2, 21]. На Кавказе и в Подонье с аланами связывают долихокраанные черепа, хотя проблема выделения антропологического типа этого народа еще далека от своего разрешения [Абрамова 1997, 149-151]. С решением этой проблемы приходится связывать и вопрос о выделении аланского элемента среди черняховского населения.

Необходимо также учитывать, что под именем алан объединилось множество кочевых племен [Аммиан, XXXI.2.17]. Следовательно, эта группа населения могла включать разные антропологические типы, в том числе и упоминавшиеся брахикраанные черепа из черняховских могильников.

¹ По основным археологическим признакам Журавка очень близка к могильникам Причерноморского региона. Это высокий процент ингумаций (99%), могил с западной ориентировкой (59%) и с заплечиками (44%), случаи подмазки дна зеленой глиной (см. гл. „Погребальный обряд”).

² Интересно, что кроме керамики черняховского типа, в этом погребении присутствовала деревянная „дакийская чаша” [Mitrea, Preda 1966, fig. 19:2].

Исследуя материалы Будештского и Малаештского могильников, М.С. Великанова пришла к выводу, что преобладающие здесь небольшие черепа средиземноморского типа с узким и невысоким лицом наиболее близко стоят к фракийским сериям [Великанова 1975, 87]. Отметим, что такой антропологический тип характерен и для эллинов, значительные группы которых были пленены варварами в ходе Скифских войн (см. ниже). Гречанки нередко становились женами или наложницами готских воинов. Выше мы уже упоминали могильник Лецкань в румынской Молдове; женские черепа там относятся к средиземноморскому типу, тогда как мужские - к нордическому [Antoniu, Onofrei 1975]. Румынский антрополог Д. Николэску-Плопшор считает, что для определения физического типа фрако-дакийцев имеется мало данных, а дифференцировать средиземноморский и нордический типы трудно; при этом германский элемент на могильниках Румынии явно присутствует. Поллиморфизм антропологического материала черняховского населения на всей территории культуры означает, что родители в популяциях нередко принадлежали к разным антропологическим группам [Nicolăescu-Plopşor 1969, 29-30].

Славянский элемент в краниологических сериях черняховской культуры пока выделить не удалось. Тем не менее, в литературе отмечена некоторая близость черепов черняховского и группы древнерусского населения (перемышльских сельских полей) в области Среднего Поднепровья. Т.С. Кондукторова объясняет это участием в этногенезе полянской группы восточных славян части черняховского населения, сходной по облику с поздними скифами Нижнего Днепра [Кондукторова 1979b, 68-69, 94].

2. Германцы

Германские племена, создавшие этническую основу черняховской культуры, не имели в Юго-восточной Европе исторических корней, хотя контакты с ними местного населения прослеживаются с латенского времени. На территории Левобережного Полесья выделена группа памятников 3-2 в.в. до н.э. типа Харьевки, которая сочетает элементы зарубинецкой и ясторфской культур [Обломский, Терпиловский 1994]. С германским народом вандалов связывают часть древностей пшеворской культуры. Немногочисленные погребения пшеворского типа с оружием демонстрируют проникновение вандальских отрядов в бассейн Верхнего и Среднего Днестра в I - начале 3 в.

Проведенные нами исследования показывают преобладание в большинстве черняховских регионов элементов вельбарской культуры, связанной с германским-готским населением.

Готы; грейтунги и тервинги. Как гласит сохранный Иорданом легенда, готы прибыли в Южную Прибалтику из Скандинавии. „С этого самого острова Скандзы..., по преданию, вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза” [Иордан, 25-26]. Прародина готов локализуется в Южной Швеции, где до сих пор существует историческая область Гёталанд с рекой Гётаальв и городом Гётеборг (Готенбург). Связи с родственными по языку и культуре племенами этого района и соседнего Ютландского полуострова переселившиеся готы поддерживали и столетия спустя, что видно на черняховских материалах.

Появление готов (гутонов) в низовьях Вислы относят к началу I в. н.э. Здесь их пребывание фиксируют писатели I-2 вв. Плиний, Тацит, Птолемей [Wolągiiewicz 1981, 153].

Археологические древности гутонов-готов первых столетий их истории представлены вельбарской культурой, которую разделяют на лубовидскую фазу раннеримского и цепельскую фазу позднеримского времени. Наибольшее влияние на ее сложение оказала субстратная оксывская культура; скандинавское влияние прослеживается слабо (курганные погребения, некоторые детали одежды). Можно заключить, что переселение из-за моря не было массовым явлением; в этногенезе готов большая роль принадлежит и местным племенам Южной Прибалтики [Бирбрауэр 1995, 32-36]. Скандинавское происхождение имели лишь носители традиций, создавшие основу нового этноса [Wolfram 1990, 50].

Продвижение готов из Поморья и Великопольши на юг происходило в два этапа, которым, по Ф. Бирбрауэру соответствуют две „области экспансии” (Expansionsraum) [1995, 36-39]. В конце I-2 в. (фазы В₂ и В₂/С₁) вельбарские памятники распространяются в I-ю область: Мазовию, Подлясье и регион Люблина, причем на севере, в районе западного устья Вислы, они исчезают; этот процесс достигает кульминации около 60-х гг. 2 века, т.е. во время Маркоманских войн. В фазе С₁ вельбарские древности появляются на Волыни (и в верховьях Южного Буга), а затем южнее, что соответствует 2-й области экспансии.

Движение готов в Северное Причерноморье и начавшиеся вскоре Скифские войны 238-270 гг. втягивали в себя разные по значимости группы других германских племен - гепидов, вандалов, герулов, тайфалов и др., на новых местах расселения они вступили во взаимодействие со славянами-венетами, аланами, поздними скифами, карпо-даками; в приморских областях Украины и в военных походах они близко сталкивались с греко-римским населением. Новая культурно-историческая обстановка, которая характеризовалась прежде всего мощным воздействием провин-

циально-римской цивилизации, за короткий промежуток времени (одно-два поколения) глубоко изменила духовную культуру народа. Может быть, это и имел в виду Иордан, говоря, что на Поштийском море готы стали более „человечными и просвещенными” [Иордан, 42]. Никто из античных авторов не ставит этот, по сути, новый народ, в связь с гутонами Прибалтики, потомкам которых в 3-м веке больше подходит имя „скифы” [Wolfram 1990, 25]. Как следствие этого процесса изменилась материальная культура готов и ее археологическое выражение. На протяжении последующих двух веков история готов является преимущественно частью истории населения черняховской культуры.

На черняховских памятниках вельбарский элемент, часто в форме, общей для германских культур Центральной Европы, проявляется в различных группах археологического материала (они рассмотрены нами в соответствующих разделах).

Наиболее распространенные в черняховской культуре типы жилых построек - наземные каркасные и полуземлянки - свойственны и для вельбарских поселений. В регионах Молдова, Западная, Центральная и Восточная Украина открыты „длинные дома”, германское происхождение которых сомнений не вызывает. Однако для вельбарской культуры такие жилища достаточно редки; можно предположить, что в большей степени они связаны с населением, происходящим из Северной Германии. Типы жилищ, не свойственные германцам, концентрируются в определенных областях черняховской культуры. Глубокие землянки и квадратные полуземлянки с печью-каменкой - в Верхнеднестровском регионе и на ряде поселений Среднего Днестра, каменные дома и легкие юртообразные постройки - в Причерноморском регионе.

В черняховском погребальном обряде вельбарской чертой является прежде всего биритуализм, характерный для подавляющего большинства могильников. Вельбарские элементы выступают в обряде кремации, а также в труположениях в простых ямах с северной ориентировкой, составляющих более 80% черняховских ингумаций (см. гл. „Погребальный обряд”). Параллели в германских культурах имеют и могилы „аристократов” в обширных ямах с деревянными камерами.

Лепная керамика вельбарских типов встречается на большей части черняховской территории, преимущественно на памятниках раннего этапа. Ее мало или нет совсем в регионах, где германское население было представлено слабо (Верхний Днестр), или где черняховская культура распространилась позже, в период, когда лепная посуда была в значительной степени вытеснена ремесленными изделиями (Причерноморье, Мунтения, Трансильвания). Вместе с тем, черняховский стиль гончарной керамики сложился в результате синтеза провинциальной ремесленной школы и вельбарской лепной традиции (см. разд. „Посуда местного изготовления”).

Детали одежды, украшения, бытовые предметы, оружие вельбарских и центральноевропейских (т.е. общегерманских) типов не только полностью господствуют в черняховской среде, но и передаются соседним культурам (киевской и аланам). „Вельбарскую” и „черняховскую” стадии развития прошел готский раннесредневековый женский костюм.

Поскольку в черняховской культуре имеются древности различного культурно-этнического происхождения, следует выделить тип памятников, который мы связываем с готским этносом. Это «классические» черняховские древности, которые условно можно назвать «тип Косанов». Главные признаки памятников *типа Косанов*: на поселениях - наземные каркасные и углубленные жилища; могильники преимущественно биритуальные, характерны ингумации в простых ямах с северной ориентировкой; среди определяемой лепной керамики преобладают вельбарские типы.

Германцы черняховской культуры не представляли собой единого этноисторического целого. В историографии издавна утвердился взгляд, что готы разделились на два племени: одно - грейтунги, они же остроготы и второе - тервинги, они же визиготы. Существует также мнение, что все четыре этнонима обозначают разные племена [Буданова 1990, 62-65]. Скорее, различия в таких парных определениях имеют хронологический характер. Сначала, при описании событий 3 в., в сочинениях древних авторов появляются названия „тервинги” и „грейтунги” и сохраняются до конца 4 в. Тогда же начинает параллельно употребляться этноним „визи”. Названия „везготы” („визиготы”) и „остроготы” („австроготы”) появляются в письменной традиции лишь с конца 4 в., когда значительная часть готов уже покинула Северное Причерноморье. Эти названия применяются при описании событий 3-4 вв. лишь Иордан (как историк остроготов-Амалов) [Буданова 1990, 62-65]. Таким образом, когда речь идет о населении черняховской культуры, наиболее уместно употреблять обозначения „грейтунги” (для территории Украины) и „тервинги” (для территории Молдавии и Румынии).

Смысловые значения имен „тервинги” и „грейтунги” выводят из готского языка как обоюдные прозвища жителей разных ландшафтных зон. Первое означает „лесные люди”, второе - „степные, песчаные люди”. „Вези” можно истолковать, как „благородные”, „остроготы” - „блестящие готы”, буквально - „сверкающие, подобно восходящему солнцу”; это, конечно, пышные самоназвания [Wolfram 1990, 35]. С обозначением сторон света они не связаны (хотя такое предположение сделал еще Иордан [Иордан, 82]); часто применяемые названия „вестготы” и „остготы” возникли

в пемецкой исторической литературе („Westgoten”, „Ostgoten”).

По Иордану, расщепление единого племени готов состоялось после переселения в Причерноморье: „в третьей области на Понтийском море, став уже более человечными и... более просвещенными, они разделились между двумя родами своего племени: везеготы служили роду Балтов, остроготы - преславным Амалам” [Иордан, 42]. Представляется, что к моменту разделения готские племена уже установили на новых местах определенную пространственную и политическую структуру общества, справились с элементами анархии и прочими негативными последствиями процесса переселения. Разделение могло произойти во время Скифских войн 238-270 гг.; ему способствовали огромные размеры освоенной готами в этот период части Скифии - от Сирета до Днестра.

Границей между двумя ветвями готского народа служил Днестр [Аммиан, XXXI. 3. 5]. На археологическом материале эта граница практически неощутима. По-видимому, на протяжении черняховского периода своей истории оба народа, различаясь в географическом и политическом отношении, сохраняли в основном общий язык и этнографические черты. Это единство подтверждается материалами значительно более позднего времени: детали готского женского костюма из раннесредневековых могильников Испании, Италии и Крыма практически однотипны.

Судьба ост- и вестготов после их ухода из Восточной Европы хорошо известна по историческим источникам. Основанные ими первые варварские королевства на руинах Западной Римской империи были уничтожены - в Италии лангобардами, в Испании арабами.

В позднеримское время часть готов оказалась за пределами основного этнического массива, ограниченного ареалом вельбарской и черняховской культур. Небольшие группы были поселены в разное время римской администрацией вдоль нижнедунайского лимеса на правах федератов. Обычно за Дунай переселялись, очевидно, соседние тервинги-визиготы, но иногда и грейтунги, например в 280 г. [Буданова 1990, 105]. О готах, живших на римской территории ранее 375 г. упоминает Аммиан Марцеллин: „...Готские князья Сверид и Колия ... были приняты вместе со своими земляками задолго до того и получили разрешение зимовать в Адрианополе” [Аммиан, XXXI. 6.1].

В 348 г. в районе Никополя (совр. Велико Тырново) обосновались, спасаясь от преследования соплеменников-язычников, готы-христиане. Иордан пишет о них: „Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это - огромное племя³; у них был свой епископ и примат Вульфилла, который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день [т.е. в 6 веке - Б.М.] пребывают они в Мезии, населяя местность вокруг Никополя, у подножия Эммонта; это многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли их малопродуктивны как пшеницей, так и другими видами злаков; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников..., а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком” [Иордан, 267]. Возможно, эта община являлась своеобразной теократией, где церковные иерархи были одновременно „приматами” („первейшими”) в делах самоуправления. Поселяясь среди жителей провинции, варвары- „черняховцы” вскоре теряли свои этнографические особенности и в наше время их археологические памятники удается выделить лишь в редких случаях. Например, группа погребений с черняховскими вещами 4 в. обнаружена на римском могильнике Пятра-Фрекецей в Добрудже (древний Бероэ) [Петре 1962; Petre 1987, 108].

Крымские готы. Этой части готского племени посвящено довольно много работ исторического плана, а в последние годы опубликованы исследования, объединяющие свидетельства письменной истории с данными археологии [Пиоро 1990; Айбабин 1996; Казанский 1997].

Самые ранние материалы, связанные с германцами, появляются на полуострове около середины 3 в., т.е. в период Скифских войн, на сармато-аланских могильниках Юго-Западного Крыма (Скалистое III, Бельбек, Черная Речка, Совхоз 10). Кремации, обнаруженные на южном берегу в могильниках Ай-Тодор (Харакс) и Чатыр-Даг, по мнению М.Казанского, содержат черты скандинавского обряда - каменные конструкции, оружие и серпы в качестве инвентаря [Казанский 1997]. Не исключено, что эти черты могли попасть в Крым с герулами, которые покинули Ютландию в середине 3 в.⁴ В первой четверти 4 в. на полуострове имелась уже значительная община готов-христиан: епископ Крымской Готии - Феофил принимал участие в Никейском соборе (325 г.)⁵.

Непосредственно с черняховскими переселенцами связаны находки гончарной керамики черняховского типа из Юго-Западного Крыма (Черная Речка, Инкерман, Совхоз 10, Озерное 3, Херсонес, Суворово) и, по-видимому, из Боспора⁶, а также прочие вещи того же круга: гребни, пирамидальные, ведерковидные, янтарные грибовидные и другие подвески, фибулы, предметы

³ Вероятно, население Малой Готии возросло за счет готов, спасавшихся от гуннов, но не решившихся следовать далее на запад.

⁴ Следует упомянуть мнения лингвистов о том, что предки крымских готов еще в Скандинавии составляли самостоятельное готское племя, что они появились в результате смешения готов и герулов, а также о связи языка герулов с крымско-готским [Топоров 1983, 240-241].

⁵ Некоторые исследователи допускают, что Феофил мог быть епископом готов Нижнего Дуная [Popescu 1994].

⁶ Коллекция сосудов черняховского типа хранится в Керченском историко-археологическом музее.

вооружения [Симонович 1975в; Пиоро 1990, 99-103]. Значительная часть этих вещей может быть датирована началом гуннского периода, что можно объяснить миграцией части черняховского населения Восточной и Центральной Украины после военных поражений. Последняя волна германцев-готов, участников гуннских походов, попадает в Крым в первой половине-середине 5 в.; эти люди приносят с собой вещи дунайского происхождения [Казанский 1997].

В отличие от основной массы соплеменников, ушедших на запад, крымские готы довольствовались скромной ролью на европейской исторической сцене, но зато надолго сохранили свой этнос. Горная область Юго-Западного Крыма, где возникло отдельное княжество, до позднего средневековья носила название Готия. В 1475 г. последний готский князь Александр после штурма замка Мангуп был вывезен турками в Константинополь. Еще в 16 веке письменно засвидетельствован готский язык, а следы его сохранялись много позже [Топоров 1983, 236-238].

Еще один небольшой народ, готы-тетракситы, обитал у побережья Меотиды, по-видимому, на Керченском полуострове. Памятники, которые с ними связывают, имеют смешанный характер; возможно, часть этого населения составляли потомки пленных греков, вывезенных готами из Малой Азии в ходе Скифских войн [Масленников 1997, 43]. Во второй половине 5 в. гунны вытеснили готов-тетракситов на Таманский полуостров в район современного Новороссийска.

С готами в позднеримское время вступали в отношения (в основном военные) и прочие германские племена - гепиды, вандалы, тайфалы, герулы и другие.

Гепиды имели общее происхождение с готами и на раннем этапе своей истории практически не отличались от них по своей материальной культуре. Об общем корне обоих племен говорится в легенде, сохраненной Иорданом. *„...Готы вышли из недр Скандзы со своим королем Берихом, вытаскивая всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т.е. в Готискандзу. Из этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому что на их [готов] языке „ленивый“ говорится „geranta“.. Без сомнения, они родом из готов.“* [Иордан, 94-95].

Местом обитания гепидов в Южной Прибалтике считают область пизовьев Вислы и несколько восточнее, где, после смещения основной массы вельбарских памятников на юг, заселенность сохраняется до конца римского времени [Bierbrauer 1994, 96-98; Бирбрауер 1995, 38; Bierbrauer 1999]. Это согласуется с сообщением Иордана, что гепиды *„жили в области Спезис, на острове, окруженном отмелями реки Висклы, который они на родном языке называли Гепедойос“* [Иордан, 96].

Несколько позднее готов гепиды двинулись на юг. С этим продвижением К. Годловский считает возможным связывать позднюю (вторую) фазу вельбарского заселения Мазовии и Подлясья (около 230-300 гг.) [Godłowski 1985, 149], а М.Б. Щукин - появление вельбарских памятников „второй волны“ на Вольни (Дитишичи, Ромош) и в Молдове (Козия-Яссы) [Щукин 1994, 247-248]. *„...Король гепидов Фастидя поднял свое неповоротливое племя и расширил оружием пределы своей области. Он разорил бургундзонов почти до полного истребления и покорил многочисленные другие племена“* [Иордан, 97]. Затем Фастидя безрезультатно попытался захватить территорию, контролируемую готами. С этим связывают столкновения, которые произошли, по-видимому, в Карпатском регионе около середины 3 в. и (или) в 291 г. Иногда гепиды и готы выступали как союзники против Рима: в походах 269 г. и 277-279 гг. (см. гл. „Очерк истории...“). В 4 в. гепиды продвинулись на Средний Дунай, а в 6 в. были уничтожены аварами [Скржинская 1960, 206-207].

Возможно, какая-то часть гепидов вошла в состав черняховской культуры (особенно в Трансильвании), но их древности пока выделить не удастся.

Вандалы. История готов демонстрирует постоянные контакты обоих племен, которые чаще выражались в их противостоянии - начиная с периода пребывания в Южной Прибалтике [Wolfram 1990, 50]. Война вандалов и гепидов против готов упоминается в 291 г.; в 30-х гг. 4 в. готы на р. Муреш нанесли вандалам тяжелое поражение, о котором те хорошо помнили и несколько поколений спустя (см. гл. „Очерк истории...“).

По мнению большинства исследователей, вандалы входили в состав разнотничной пшеворской культуры, где доминируют со 2 в.⁷ Первоначально под именем вандалов выступает союз германских племен (виктовалы, лакринги, асдинги⁸). Наступление вандалов на владения Рима во время Маркоманнских войн (166-180 гг.) в значительной степени было следствием вторжения готов (носителей вельбарской культуры) на пшеворскую территорию в правобережной Мазовии, Подлясье и Люблинщине [Godłowski 1985, 146-147]. На появившихся здесь вельбарских памятниках заметны пшеворские черты, что отражает ассимиляцию готами части вандальского населения. Эти же черты сохраняются и в черняховской культуре.

Характерная особенность пшеворской культуры, отличная от вельбарской и черняховской культур - наличие на могильниках сожжений с оружием. Такие погребения встречены и на черня-

⁷ На этнических проблемах пшеворской культуры мы остановимся ниже, когда речь пойдет о славянах.

⁸ Предполагают, что асдинги носили и другое имя - сининги [Буданова 1991, 39]. Не исключается, что с последними связано название области Силезия, где размещалась западная часть пшеворской культуры [Godłowski 1985, 144].

ховских могильниках разных регионов: Компанийцы (два), Завадовка, Августиновка, Оселивка, Ханска-Лутэрия, Малаешты (два), Тыргшор (два), Могошань. Присутствие пшеворского элемента в Компанийцах подтверждается находкой здесь характерного высокого горшка с загнутым внутрь венчиком. С традициями вандалов-пшеворцев следует связывать и распространение в черняховской культуре трехручных ваз, не характерных для ранних вельбарских памятников.

С готами смешалась, разумеется, лишь небольшая часть вандалов. Основная масса их племен, как пишет Иордан, ссылаясь на Дексиппа, всего на протяжении одного года пришла от „Океана” к границам Империи [Иордан, 113]. Активное их участие в событиях Переселения народов хорошо известно.

Тайфалы, по-видимому, относились к вандалской группе племен [Wolfram 1990, 101]. В источниках, относящихся к позднеримскому времени, они постоянно упоминаются в Карпатском регионе [Скржинская 1997, 249-250, пр. 299]. Они выступают в качестве союзников готов в походе в Мезию в 248 г. и в войне против вандалов и гепидов в 291 г. В середине 4 в. их упоминают в бывшей римской Дакии [Wolfram 1990, 67], а накануне гуннского нашествия земли тайфалов размещались поблизости от места впадения Сирета (Гераса) в Дунай [Аммиан, XXXI.3, 7], т.е. в ареале черняховских памятников. Очевидно, какие-то из них принадлежали тайфалам. Некоторые черняховские древности Мунтении с этим племенем связывает Георг Диакону, но без достаточного обоснования [Diaconu 1963].

Бургунды. Судя по сообщению Плиния Старшего, в вандалский союз в его время (около середины I в. н.э.) входили бургунды, переселившиеся из Скандинавии (о. Борнхольм) [Скржинская 1960, 254-266, пр. 314]. Имеются сведения об „уничтожении” бургундов готами перед 291 г. (см. гл. „Очерк истории...”).

Часть археологов считает, что это племя оставило древности любошицкой культуры (расцвет в первой половине 2 - начале 4 в.), однако, по мнению других исследователей, это предположение не подкреплено сведениями письменных источников; К. Годловский локализовал бургундов в северных регионах пшеворской культуры [Domański 1979, 218-219; Godłowski 1985, 144, 152]. В ходе Великого переселения народов это племя осело в Галлии⁹. Предполагают, что часть бургундов оказалась на восточных побережьях Азовского и Черного морей, где они известны под именем уругундов; однако это мнение оспаривается и в них видят гунское племя оногуров [Топоров 1983, 228, прим. 1]. По мнению О.В. Шарова, поддержавшего версию о западной и восточной ветвях одного народа, бургунды приняли участие в формировании черняховской культуры; с ними связано появление горизонта древностей Лейна-Хасселебен, а позже - посуды с линзовидными срезами по ребру [Шаров 1991; 1995, 21-23].

Герулы в середине 3 в. были вытеснены данами из Южной Швеции и Ютландского полуострова; западная их ветвь осела на Нижнем Рейне, другая ушла в Восточную Европу [Иордан, 23; Laser 1983, 39, Anm. 36]. Связи черняховской культуры с Южной Скандинавией прослежены по географии распространения „длинных домов” (особенно трехнефных), фибул-монстров, вещей с руническими надписями¹⁰, железных гребней, ваз ольвийского типа [Туханова 1970; Werner 1988; Магомедов 1989; Магомедов 1997a]. По-видимому, часть герулов смешалась с готами, а основная часть племени поселилась в Приазовье на Нижнем Дону. Вместе с ними в восточном Приазовье появилось и небольшое германоязычное племя *эвдусиан* (эвдосы Тацита, зоты, юты) - бывший коренной народ Ютландии [Топоров 1983, 228, прим. 1; Leube 1983b, 453].

В 267 и 269 гг. герулы приняли участие в морских походах, а позже были подчинены готским королем Германарихом. В рассказе об этом событии Иордан подчеркивает быстроту герулов; другие народы охотно набирали из них легковооруженных воинов в качестве наемников [Иордан, 118]. Из этого, по-видимому, следует, что за несколько поколений жизни в степи среди кочевых народов германцы-герулы¹¹ из морских и пеших воинов стали умелыми конниками. Возможно, с этим народом можно связать находки восточногерманского облика, происходящие из поздних слоев Танаиса и его периферии (Рогожкино 13): лепная и гончарная керамика, подобная черняховской, трехлопастные гребни, вельбарские и черняховские фибулы и др. [Амброз 1969, 261-263; Kropotkin 1976, 192-195; Kazanski 1991, 13; Казанский 1997, 49-50; Безуглов, Гудименко 1993].

Бораны. Как главные участники морских походов 256 и 257 гг. из области Меотиды упоминается народ бораны (борады), об этнической принадлежности которых источники умалчивают. Однако византийский историк Зосим сообщает, что до появления на Боспоре они обитали около Истра (Дуная), где в союзе с готами, карпами и уругундами совершали набеги на римские владения. Возможно, это небольшое племя, опасаясь репрессий, было вынуждено переселиться

⁹ С бургундами связан сюжет германского эпоса „Песнь о Нибелунгах”.

¹⁰ Распространение рунического письма в Европе связывается с герулами [Топоров 1983, 235, прим. 22].

¹¹ В приведенном рассказе Иордана германское происхождение приазовских герулов подтверждается именем их вождя Аларика. Византийский писатель Зонара также указывает, что „герулы - скифский и готский народ” [XII.24, по: Хайрединова 1994, 522].

литься подалее от римской границы и, пройдя через владения союзных готов, осело на берегах Месотиды. Опыт жизни на большой реке помог боранским воинам стать первыми организаторами морских походов. С большой вероятностью можно предположить, что бораны являлись одним из небольших германских племен [Хайрединова 1994, 520-521].

Певкины - часть народа бастарнов, известного по письменным источникам в течение 2 в. до н.э. - 3 в. н.э. Ранний период истории бастарнов связывают с культурой Поенепти-Лукашовка; археологические древности римского времени, насколько нам известно, не выделены. Большинство исследователей считает этот народ германцами [Babeş 1994], другие - сармато-фракийцами или кельтизированными иллирийцами [Буданова 1991, 44]. Размещались бастарнские племена преимущественно в Восточном Прикарпатье и Попрутье, а певкины занимали остров Певка в дельте Дуная и, возможно, часть Добруджи [Скржинская 1960, 253, пр. 304].

Певкины в союзе с готами принимали участие в походах 248 и 269 гг. По-видимому, они же участвовали во вторжении „гетских народов” в дунайские провинции около 277-279 гг. Военное поражение в этой кампании вылилось для малого народа в потерю политической самостоятельности и ликвидацию как этноса. В 280 г. император Проб переселил 100 тысяч бастарнов (певкинов?) в провинцию Фракия, а в 295 за ними последовали оставшиеся. В дальнейшем ни бастарны, ни певкины в истории не упоминаются. Их участие в составе черняховского населения ничем подтвердить нельзя.

Для выделения археологических признаков части из названных выше народов оснований пока нет. По-видимому, в большинстве случаев речь может идти о мелких группах, отколовшихся от основного массива своих племен и поселившихся разрозненно среди готов.

3. Иранцы

Среди населения черняховской культуры выделяются две группы представителей народов иранского происхождения - сарматы и поздние скифы. Определенные сарматские традиции в черняховской культуре достаточно заметны, хотя иногда их, на наш взгляд, слишком переоценивают, например, принимая за такую традицию обычай ингумации в погребальном обряде [Федоров 1958].

Могильники дают наиболее выразительный материал для поиска элементов культуры степных народов. В ряде работ в качестве сарматских или скифо-сарматских признаков представлены такие особенности черняховских погребальных обычаев [Рикман 1975, 319-320; Седов 1979, 80-84]:

- погребения в ямах с заплечиками (со ступеньками с длинных сторон), в подбоях (нишах) и катакомбах (земляных склепах);
- северная ориентировка погребенных;
- погребения с подогнутыми и скрещенными ногами;
- обычай сыпать в могилы уголь и пепел;
- обычай класть в могилы еду, особенно части туш (обычно овечьих);
- кусочки мела или красной краски;
- искусственная деформация черепов.

Некоторые из названных признаков (мел и краска, деформированные черепа) выступают на черняховских могильниках единично и таким образом не являются для них характерными¹². Ряд важных черт черняховского обряда ингумации находит параллели не только в сарматской среде, но и в вельбарской культуре. Выше мы уже останавливались на обычае северной ориентировки погребенных (см. гл. „Погребальный обряд”). В вельбарских ингумациях, как и в черняховских могилках, зафиксировано разное положение ног и рук (включая „сарматские” позы), встречаются угольки, изредка - красная краска и мел [Могильников 1974, 155, 159]. Возможно, в большей мере со степными народами связан обычай класть в богатые черняховские погребения части туш мелкого скота. Но этот обычай был распространен и далее на Запад: такая мясная пища была обязательной принадлежностью погребений европейской варварской аристократии, в том числе типа Лейна-Хасслебен [Bierbrauer 1989, 57, 71].

У разных сарматских племен существовал обычай сооружения могильных ям сложной формы - с заплечиками, подбоями и катакомбами. Однако, по нашему мнению, ямы с заплечиками, равно как и западное ориентирование умерших в черняховской обрядности в большей степени связаны с присутствием позднескифского элемента, который составлял значительный процент населения южного и центрального регионов культуры [Магомедов 1996]. Подобные могилы с каменными перекрытиями известны среди эллинизированного населения округа Ольвии еще до расселения сармат. Позднее этот тип погребений становится характерным для причерноморской группы черняховских памятников [Магомедов 1987а, 41]. С другой стороны, в период формирования черняховской культуры сарматские могилы с заплечиками встречаются очень редко (см. ниже); для них

¹² Г.Ф. Никитина зафиксировала всего три случая присутствия красной краски в могилах: [Никитина 1985, табл. 1а, 121].

не свойственны каменные перекрытия¹³ (представленные на южных черняховских могильниках). Кроме того, на всей черняховской территории такие погребения преимущественно (свыше 60%) имеют западную (то есть не присущую сарматам) ориентировку [Никитина 1985, 179].

Таким образом, из названных выше признаков явно сарматским вкладом в черняховский погребальный обряд безусловно можно считать погребения в подбоях и катакомбах (простые ямы и ямы с заплечиками характерны и для других культур). К специфически сарматским чертам необходимо также причислить редкие и не всегда достоверные находки искусственно деформированных черепов: Дрегенешть, Спанцов, Данчены, Боромля¹⁴ [Harhoiu 1988, 80; Рафалович 1986, 29; Некрасова 1990, 65]. Кочевническое происхождение имеют также очень редкие случаи присутствия оружия в ингумациях (речь об этом пойдет ниже). С процессом оседания кочевников связаны остатки стационарных юрт, выявленные на южных поселениях Дракуля и Бургунка¹⁵ (рис. 10) (см. разд. „Типология домостроительства“) [Симонович 1980а, 104-109].

Такой важный археологический источник, как лепная керамика, для наших задач имеет ограниченные возможности, поскольку у сармат Северного Причерноморья доминировали местные „скифоидные“ формы горшков [Козир 1995]. Эти позднескифские типы присутствуют на черняховских памятниках Причерноморского региона и связаны скорее с несарматским населением [Магомедов 1987а, 57-61]. Горшки собственно сарматских типов встречаются достаточно редко - также в Причерноморье и на Нижнем Дунае.

Вещи бесспорно сарматского происхождения - металлические зеркала - также редки. Они относятся к гуннскому времени и найдены в Маслове, Вильшанке, Леськах, Городке (см. разд. „Универсальные орудия и предметы туалета“).

В черняховском женском костюме отмечено некоторое сарматское влияние - эпизодические находки украшений из бус на ногах, вообще более частое, чем в вельбарской культуре, использование в одежде бус, особенно сердоликовых [Tempelmann-Maczyńska 1989, 134-135]. Такие детали, по нашему мнению, можно объяснить и проще - большей доступностью дешевых импортов в Понтийском регионе, чем в Балтийском.

В работах исследователей черняховских древностей сарматская культура иногда выглядит как монолитное явление, присущее единому народу. На самом деле сарматские кочевые племена, попадавшие из Поволжья и Предкавказья в Причерноморские степи на протяжении пяти столетий (до гуннского вторжения) различались не только по названиям, но имели и свои этнографические особенности, в том числе в погребальных обычаях.

Кочевники I в. до н.э. - 2 в. н.э. (ранне- и среднесарматский периоды) в большинстве принадлежали к племенам роксолан, севернее которых размещались аорсы; немногочисленные погребения языгов датируются не позднее середины I в., когда они переселились в Паннонию [Гросу 1990, 97-99; Симоненко, Лобай 1991, 90; Симоненко 1993, 104-117; Дзиговский 1993, 122-124].

Наиболее распространенным типом могил в курганных погребениях (основных и впускных) среднесарматского периода была обычная прямоугольная яма. Реже встречаются ямы с заплечиками, причем наиболее сконцентрированы они в Буджакской степи - узком регионе между устьями Днестра и Дуная (около 24% от всех погребений); в других регионах - в лесостепной Молдавии и в степях от Днепра до Волги они составляют около 5% [Дзиговский 1993, 14]. Доминирует северное ориентирование умерших, южное ориентирование связывают с погребениями языгов.

В начале позднесарматского периода (сердрина 2 в.) в восточноевропейских степях происходит смена этнополитической ситуации. Количество кочевнических погребений между Днестром и Доном резко сокращается, ведущим типом погребальных сооружений становится яма с подбоем [Симоненко 1993, 118; Костенко 1986, 62]. Наиболее вероятно новую волну кочевников связать с аланами, первые отряды которых, по свидетельствам Сенеки и Плиния Старшего, появляются вблизи дунайского лимеса еще раньше - с середины I в. [Гросу 1990, 13].

Старое сарматское население сохраняется в низовьях Дуная (Мунтения) и Днестра. При этом в Буджакской степи его плотность даже значительно возрастает. Вместо одиночных захоронений (ямных и с заплечиками) возникают регулярные курганные и грунтовые могильники. Одновременно появляются поселения типа Этулия-Холмское II, которые некоторые исследователи связывают с процессом оседания сармат¹⁶ [Дзиговский 1993, 108-116].

Этнополитическая стабильность на Нижнем Дунае снова была нарушена в период Скифских

¹³ В Крыму на некоторых некрополях с сармато-аланскими чертами имеются погребения с каменными перекрытиями, в т.ч. плитовые могилы (например, Суворово [Зайцев 1997]). Вероятно, здесь сказалась традиция местного населения.

¹⁴ Погребение Боромля 33 совершено в яме с подбоем, его сарматское происхождение не вызывает сомнения. Упомянут подобный череп из погребения Журавка 43, но в последующей публикации эти сведения не подтверждены [Кондукторова 1972, 85; 1979а]. Следует отметить, что обычай деформирования черепов в гуннское время распространяется и среди германских народов Европы.

¹⁵ Поселение расположено в 3 км от известного могильника Николаевка с подбоями и катакомбами.

¹⁶ О памятниках „типа Этулии“ см. в следующем разделе.

войн (30-60 гг. 3 в.), когда вследствие активной деятельности Готского союза племен роксоланы вынуждены были отправиться на Средний Дунай; их место в Мунтении заняли готы, а в Буджаке - аланы [Diaconu 1966; Harmatta 1970, 48-53; Дзиговський 1993, 111, 124]. С середины 3 в. ведущими формами погребений в Буджаке становятся подбой и катакомбы (последние преобладают); очень редко встречаются ямы простые и с заплечиками. Катакомбы позднесарматского времени концентрируются также в Левобережной Украине [Simonenko 1995, fig. 1:4]. Новое кочевое население в это же время (середина 3 в.) появляется и на Нижнем Дону, где широко распространяются катакомбы, возрастает количество деформированных черепов, прослеживаются (как и в Буджаке) прямоугольные ровики вокруг погребений; объясняют это влиянием Центрального Предкавказья [Безуглов, Копылов 1989].

Представители каких же сарматских племен и когда превратились в земледельцев - обитателей поселений черняховского типа?

Исходя из типологии могильных ям, можно допустить, что какая-то часть черняховских погребений с заплечиками и в простых ямах (с северной ориентировкой) принадлежала родам роксоланов и аорсов, не имевшим возможности откочевать с массой соплеменников на запад. Наверное, наиболее перспективным будет искать немногочисленных потомков этих племен среди смешанного населения черняховского Юга, у которого в материальной культуре (прежде всего в лепной керамике) и физическом типе заметны позднескифские черты, а конструкция ям с заплечиками доминирует.

Значительно рельефнее выступают черты сармат - носителей обычая погребений в катакомбах и подбоях (наиболее вероятно, алан). Такие могилы (по нашим подсчетам на основе изучения 90 крупнейших могильников) составляют в большинстве черняховских регионов в среднем около 1% погребений и только в Причерноморье - 20%. Эти цифры до определенной степени отражают удельный вес сарматского элемента среди черняховского населения.

По признаку наличия погребений в подбоях и катакомбах аланы представляли большинство населения отдельных черняховских общин в Буджакской степи (могильники Беленькое, Фурмановка) и составляли заметный процент среди жителей побережий Тишгульского, Березанского, Бугского лиманов (Рапжеево, Коблево, Викторовка, Каборга, Великая Корениха) и Нижнего Днестра (Николаевка). На этих некрополях обычно присутствуют также ингумации с западным ориентированием и трупосожжения. По нашему мнению, это объясняется тем, что аланы редко создавали самостоятельные селения. Скорее всего, на земледельческих поселениях, основанных поздними скифами (или готами), оседали группы (роды) бывших кочевников. Возможно, они частично сохраняли традиционный хозяйственный уклад (отгонное скотоводство), но в культурном и экономическом отношении были тесно связаны с черняховскими земледельцами.

В Восточной Украине соседями черняховского-готского населения были кочевые аланы-тангуты. До 375 г. оба народа сохраняют мирные отношения. К этому времени (ступень С3) можно отнести отдельные подбой на черняховских могильниках Боромля (погр. 33 - мужской скелет с искусственно деформированным черепом и с ожерельем) и Компанийцы (погр. 124). В ряде аланских катакомб Подонья найдены черняховские вещи: гончарная керамика, гребни, фибулы, янтарные подвески [Безуглов, Захаров 1988, 25-26]. Встречаются они и в курганных погребениях на востоке Украины - Воронцовка, Мечелово, Нещеретово, Моспинская [Кухаренко 1954, 120; Simonenko 1995, 347].

После вторжения гуннов отношения между готами и большинством аланских племен меняются (см. гл. „Очерк истории...“). Оседлое население Восточной Украины сокращается, его остатки попадают под контроль кочевников. С последними связаны самые поздние черняховские материалы. В это время курганные погребения появляются на грунтовом могильнике Каптемировка: три захоронения в катакомбе, подбое и простой яме. Они ограблены, но и оставшееся снаряжение указывает на высокое общественное положение умерших: комплекты портупейных пряжек, конские удила, золотое кольцо, остатки деревянной чаши с серебряными пластинками, игральные жетоны, а также черняховские сосуды и гребень [Рудинський 1931]. В кургане 13 из Дмухайловки погребение в катакомбе сопровождала сероглиняная посуда, гребень типа Томас 3, стеклянный копический кубок и серебряная пряжка [Костенко 1986, 53-54]. Последнее погребение имеет черты обряда, не характерные для алан (ориентировка, тип катакомб). Это можно объяснить тем, что в степях Приазовья появляются и другие кочевые племена гуннского союза.

Два небольшие могильника на территории Румынии можно связать с сарматами-языгами: Фыштынеле в Трансильвании и Петроаселе 2 в Мунтении. На них почти все погребения имеют южную ориентировку, в ингумациях найдено оружие¹⁷. Ранние погребения языгов в Украинской степи выделены именно по признаку южной ориентировки [Simonenko 1993, 111-112]. В 1 в. н.э. эти племена переселяются в Среднедунайскую низменность (Венгерская Пушта), где такая ориен-

¹⁷ По мнению Р.Хархону, эти могильники могли быть оставлены выходцами с Кавказа (народ „тангии“), которые служили в римской армии и после войны с Персией в 363 г. были перемещены на Дунай [Harhoiu 1988, 86].

тировка остается господствующей для сарматских погребений и в 4 в., несмотря на переселение сюда же группировок роксолан [Vaday 1989, 193-210; Vadau 1996, 51; Генинг 1996, 5; Kulcsár 1998, 93]. Эти погребения обычно совершались в простых ямах, среди инвентаря встречается оружие; таким образом черты сарматского погребального обряда здесь и на названных выше могильниках из Румынии совпадают. Во второй половине 4 в. сарматское население Пушты сокращается; сначала в связи с военными действиями Рима 357-358 гг., потом в результате гуннского вторжения [Vaday 1989, 209]. По-видимому, некоторые группы языгов присоединились в это время к массиву везегов Нижнего Дуная. Контакты между сарматским и германским населением этих областей прослеживаются и на Среднем Дунае [Istvánovits 1993, 139-141].

Проявлением кочевнических обычаев выступают также находки оружия в ингумациях отдельных черняховских могильников: Холмское (погр. 23, обломки меча), Беленькое (меч, щит, наклад-ка от лука в разных погребениях), Лецкань (погр. 25, накопечник дротика)¹⁸, Петроаселе 2 (накопечник дротика, деталь ножен, кинжал, меч - погр. 6, 8, 9, 10), Фынтынеле (погр. 8, топор), Чумбруд (погр. 34, топор), Дрегешешть (погр. 9, кинжал). Некоторые из этих находок типологически связываются с восточной областью расселения аланов. В Дрегешешть, Петроаселе 2 и еще на некоторых пунктах внутри черняховского ареала найдены мечи-кинжалы меотского типа. Этот тип оружия широко представлен в воипских погребениях Северного Кавказа с начала 4 в., а во второй половине 4 в. и в Крыму [Магомедов, Левада 1996] (см. разд. „Оружие”). Возможно, с северокавказскими традициями связаны и упомянутые находки топоров - оружия, не типичного для восточноевропейских сармат римского времени. Но для воинов Восточного Причерноморья топор наряду с длинным мечом (и упомянутым мечом-кинжалом) был привычным оружием и сопровождал их в могилу [Kazanski 1994, 456-463].

В итоге нашего исследования мы приходим к выводу, что наиболее надежными признаками для выделения сарматского элемента в черняховской культуре являются типы погребальных ям - подбойные и катакомбы (для алан), в некоторой мере - южная ориентировка погребенных (для языгов), а также редкие случаи наличия в ингумациях оружия и деформированных черепов.

На территориях, освоенных черняховским населением, синхронные ему погребения кочевых сармат практически не известны. Главным районом расселения оседлых (возможно, полукочевых) сармат было Северное Причерноморье, где аланы могли составлять (по очень приблизительной оценке на материалах могильников) более 20% жителей. Обычно они создавали совместные общины с ипоэтническим населением (готы и поздние скифы). Отдельные группы сармат (в основном языги из Паннонии) поселяются в нижнедунайских регионах черняховской культуры. На остальной территории сарматский элемент представлен отдельными погребениями.

Среди ранних черняховских погребений комплексы с сарматскими признаками очень редки. Как правило, такие погребения датируются не ранее середины 4 в. и, по-видимому, в большинстве относятся к гуннскому времени, когда союзные отношения между готами и аланами приобрели особенно тесные формы. Связи между этими народами продолжают и после их переселения в Западную Европу [Kazanski 1993].

В отличие от сарматских племен, проводивших активную политику на границах Римской империи, поздние скифы Северного Причерноморья не привлекали внимания древних авторов. Многие моменты в истории этого населения не ясны, особенно период после разгрома аланами городищ Нижнего Днепра в середине 2 в. По-видимому, значительная часть его вошла в сельское окружение Ольвии и Тиры, где с этого времени до конца первой четверти 3 в. наблюдается экономический подъем [Крыжницкий и др. 1989, 154-155]. Возможно, часть жителей нижнеднепровских городищ присоединилась к населению Скифского царства в Крыму, а после его разгрома готами в середине 3 в. возвратилась в низовья Днепра и Буга. В Буджакской степи во время, предшествующее распространению здесь черняховской культуры, поздние скифы являлись основным контингентом оседлого населения в среде кочевников-сармат и оставили такие памятники, как Монога II и поселения типа Этулия-Холмское II [Фокеев 1987; 1998] (см. следующий раздел).

Процесс сложения новых антично-варварских этнокультурных общностей в первые века н.э. происходил в разных районах греко-римского мира. В северопричерноморский позднескифский этнос включались представители сарматов и эллинов. Это население, этническое название которого достаточно условно, имело эллинизированную культуру и, очень вероятно, пользовалось греческим языком; его погребальный обряд менялся в сторону унификации и сближения с обрядом населения периферии античных городов. Но при этом и в 4 веке оно сохраняло антропологический тип кочевников Причерноморской степи классического периода.

После распространения в Причерноморье черняховской культуры (около рубежа 3-4 вв.) часть поздних скифов переселяется в регионы, заселенные преимущественно готами: в Центральную

¹⁸ В этом же захоронении найден наконечник стрелы, по-видимому, послуживший причиной смерти погребенного. Дополнительным указанием на присутствие сарматского элемента на могильнике Лецкань может быть погребение 35 с заплечниками, необычно глубокими для черняховских могил (1,45 м), но нормальными для сарматских.

Украину и в меньшем количестве в Восточную Украину и Молдову. Не исключено, что в черняховском обществе представители этого народа составляли торгово-ремесленную прослойку. Определяющими чертами их погребального обряда является западная ориентировка умерших (отражающая традиционные для скифов религиозные представления) и ямы с перекрытием (с заплечиками). На юге поздние скифы вместе с расселившимися среди них группами алаи оставили *памятники причерноморского типа*, для которых характерно каменное домостроительство с определенным типом построек, в погребальном обряде - ингумации в ямах сложных форм (с заплечиками, с подбоями и катакомбы), в лепной керамике - „позднескифские” горшки [Магомедов 1987а].

4. Славяне

Многие исследователи-слависты придерживаются мнения, что присутствие славянского (или протославянского) этноса в черняховской культуре можно уверенно связывать с двумя разными группами памятников. На западе Украины это поселения *типов Черепин и Теремцы*, в восточных областях - памятники с элементами киевской культуры. Тип Черепин-Теремцы и киевская культура представляют две ветви славян позднеримского времени [Щукин 1979в, 83; Баран 1990, 353; Terpilovskij, Magomedov (в печати)].

Генетическая связь западной группы поселений с раннеславянской пражской культурой убедительно доказана В.Д. Бараном и сомнений не вызывает [Баран 1965; 1981; 1983]. К памятникам типа Черепин мы условно относим массив поселений верховьев Днестра и Западного Буга (Черепин, Бовшев 2, Рипнев 2, Ракобуты, Демьянов, Чижиков, Неслухов, Верхний Иवानов, Березец¹⁹); к типу Теремцы - часть поселений Среднего Днестра (Теремцы, Бакота, Сокол, Бернашовка). Эти памятники²⁰ обладают общими чертами, которые отличают их от „классического” Черняхова и могут считаться этнографическими особенностями населения данного региона.

1. Жилища на поселениях типа Черепин почти исключительно углубленные, причем на некоторых поселениях (Бовшев, Рипнев) открыты землянки глубиной 1,9-2,85 м, на других - только полуземлянки. Котлованы полуземлянок, как правило, четырехугольной формы с закругленными углами. В Демьянове такие жилища имеют вытянутую прямоугольную форму с ямками для угловых столбов. В полуземлянках других поселений часто встречаются подвальные ямы, а также вырезанные в материке пристенные выступы-прилавки (Рипнев, Демьянов, Черепин); кроме наземных очагов встречаются подковообразные печи из глиняных вальков (Рипнев, Чижиков, Черепин, Березец, Неслухов); в Черепине открыты две печи-каменки.

Жилища поселений типа Теремцы более однородны и представлены в большинстве подквадратными полуземлянками с печью-каменкой. На некоторых памятниках представлены и наземные постройки (в Бакоте - из 44 жилищ 12 наземные).

Кроме того, для многих поселений названных типов характерно большое количество хозяйственных ям: так, в Бовшеве на 8 жилищ приходится 47 ям [Баран 1981, 20].

2. Погребальный обряд населения памятников типа Черепин-Теремцы не установлен. В Верхнеднестровском регионе известны отдельные захоронения в Торгове и Подгайчиках, могильник в Псарах [Сымонович, Кравченко 1983, 53], однако по своим особенностям (обряд ингумации) они, скорее, связаны с черняховскими памятниками других типов. Могильники, исследованные в районе расположения поселений типа Теремцы также не имеют славянских черт. Можно предположить, что погребения данной группы славян не оставляли заметных следов (например, сожжения без использования керамики). Эта особенность характерна и для раннесредневековых раннеславянских культур [Цолль-Адамикова 1992].

3. Своеобразные черты имеет и керамический комплекс памятников типа Черепин-Теремцы, содержащий 34-60% лепной посуды [Баран 1981, 77, 148]. В других регионах черняховской культуры такие показатели встречаются редко. Большинство типов горшков из этих памятников находит соответствия в пражской культуре. Отдельные типы посуды - миски на ножке, „дакийская чаша” из Демьянова можно объяснить местным липицким субстратом (также и тип пряслиц конической формы). Как своеобразие гончарного комплекса памятников типа Черепин-Теремцы следует отметить нехарактерность трехручных ваз и другой богато украшенной столовой посуды. В остальном гончарные изделия, как и другие вещи ремесленного изготовления, соответствуют сложившимся представлениям о черняховской культуре.

Некоторая разница в культурном облике поселений типов Черепин и Теремцы сводится в основном к конструкции углубленных жилищ, что можно объяснить их разными хронологическими позициями. В завершающих фазах развития черняховской культуры для поселений региона стаповятся характерными полуземлянки правильных подквадратных форм, появляются печи-

¹⁹ Ранний этап развития селшца Березец связан с германским населением: в заполненной полуземлянке № 1 найдена вельбарская керамика и две фибулы 3 в. [Дыгылык 1983].

²⁰ Исследователи называют их по-разному: „верхнеднестровская группа”, „тип Теремцы” [Баран 1981, 154; 1988, 77], „тип Рипнев-Демьянов” [Щукин 1989, 212], „группа Верхний Днестр” [Kazanski 1991, 47], „тип Черепин” [Terpilovskij 1994, 26].

каменки и глиняные печи, повышается процент лепной керамики и возникают новые ее типы [Баран 1981, 147-148]. По-видимому, в это время часть славянского населения переселяется с Верхнего на Средний Днестр. Эти изменения в культуре и перемещения населения связаны уже со следующим этапом славянской и европейской истории (см разд. „Наследие черняховской культуры”).

Памятники типа Черепин-Теремцы являются генетическим продолжением древностей местной зубрицкой (вольно-подольской) культурной группы [Козак 1992, 30-69; Баран 1990, 195]. По мнению Д.Н. Козака, население этой группы соответствует венедам Плиния и Тацита, то есть наиболее ранним историческим славянским племенам, обитавшим „между Вислой и сарматами”. Географические рамки зубрицкой группы охватывают Западную Вольню, Верхнее и Среднее Поднестровье. Их культурной основой были местные пшеворские древности, на которые в I в. наложился зарубинецкий компонент; по-видимому, реально это выразилось в переселении части населения из Припятского Полесья после распада зарубинецкой общности [Козак, Терпиловський 1986]. На Днестре в процесс интеграции включились также фракийские племена липицкой культуры [Козак 1992, 116-118].

В последней четверти 2 в. на Волыни зубрицкие памятники исчезают и на их месте (нередко в буквальном смысле - Боратын, Заган 2, Баев 3, Гирка Полошка 3) появляются поселения и могильники вельбарской культуры. По-видимому, зубрицкое население под давлением „вельбарцев”-готов вынуждено было отойти на юг, в Поднестровье, где в это время возникают новые селища и увеличивается плотность заселения на основанных ранее. По оценке Д.Н. Козака, археологические материалы позволяют говорить по крайней мере о двукратном возрастании количества зубрицкого населения на Днестре [Козак 1992, 126]. Эти археологические факты хорошо увязываются с эпизодом истории переселения готов по Иордану. Дойдя до Скифии, готы оказались в изобильной и болотистой „земле Ойум”, которую многие исследователи отождествляют с Вольшью. „И не медля, тотчас они доходят до народа спалов и, завязав сражение, одерживают победу, а оттуда уже как победители спешат в крайнюю часть Скифии, которая соседствует с Понтийским морем” [Иордан, 28]. Ничто не противоречит предположению, что речь здесь идет об одном из венецких племен²¹. Кроме венетов, сопротивление готам реально могли оказать лишь сарматы, но битва с ними произошла бы, скорее, в степях вблизи Понта.

В течение 3 в. зубрицкая группа под черняховским воздействием меняет свой культурный облик (но не этническую окраску), приобретает позднеримские черты (гончарная керамика и другие предметы ремесленного производства). Таким образом, зубрицкая группа преобразуется в памятники типа Черепин-Теремцы, вырастающие затем в пражскую культуру. Разумеется, в ходе этих вековых превращений несколько изменяются и те стороны культуры, которые менее подвержены внешним воздействиям - лепная керамика, тип жилища. Погребальный обряд, надо думать, сохранял свои особенности, оставаясь неуловимым для археологии. Нам не известны могильники зубрицкой группы, памятников типа Черепин-Теремцы, а также, в значительной степени, пражской культуры²². Погребальные памятники не характерны и для восточной группы древностей пшеворской культуры на территории юго-восточной Польши. Наблюдения на некоторых пшеворских некрополях позволили предположить, что захоронения этой группы населения могли совершаться на небольшой глубине или на поверхности [Godłowski 1972, 145; Козак 1992, 68].

Большое значение пшеворской культуры в сложении раннеславянских древностей типа Прага-Корчак подчеркивают некоторые российские исследователи [Седов 1979, 53-74; Русанова 1990²³]. И.П. Русанова, исходя из предположения о сложном этническом составе пшеворского населения, предприняла попытку (на наш взгляд, перспективную) дифференцировать материалы этой культуры по отдельным закрытым комплексам. Удалось выделить три компонента: славянский, германский и кельтский. Кельтские признаки имели распространение в позднелатенском периоде и позднее (в отличие от других) исчезают. К славянскому компоненту принадлежат комплексы с посудой, имеющей продолжение в пражской культуре. Такие погребения (урновые и ямные кремации) немногочисленны и отличаются бедностью инвентаря. На поселениях керамика этой группы встречается чаще; известны поселения только со „славянской” посудой. Содержащие ее жилища - это, как правило, прямоугольные или квадратные полуземлянки, часто с очагами, сложными из камней. Все признаки „славянского” компонента имеют прототипы в подклешевой культуре. Германский компонент в позднелатенском периоде содержит посуду ясторфских типов, в I в. н.э. появляются (вероятно, с Эльбы) чернолощенные сосуды, украшенные меандром; во 2 в. многие прежние формы исчезают, появляются трехручные вазы, кувшины и прочие типы, имеющие аналогии на

²¹ Этническое определение „спалов” остается спорным. Комментаторы Иордана сравнивают его с сарматами- „спалеями” Плиния со „спорами” Прокопия („... имя встарь у славянов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами»...” [Прокопий Кесарийский, История войн, IV.29]), приводят версии славянского истолкования этого имени [Скрябинская 1997, 189-190, прим. 70; Анфертьев 1994, 118, прим. 37; Иванов, Гиндин, Цымбурский 1994, 228, прим. 94].

²² Слабая археологическая выраженность погребального обряда является характерной чертой всех раннеславянских культур [Приходнюк 1990].

²³ Сходство небольшой части пшеворской керамики с сосудами пражского типа отмечает также М.Б. Щукин [1976, 76].

северных и северо-западных землях. Погребения этой группы содержат богатый инвентарь, включающий оружие, ключи, детали шкатулок, гребни и т.д. Жилища представлены преимущественно удлиненными наземными и углубленными постройками с глиняными очагами, характерными также для германских поселений бассейнов Рейна и Эльбы. Археологическое „лицо” пшеворских древностей в позднеримское время определяли кельты, в римское время - германцы. При этом, по мнению И.П. Русановой, „постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами” [Русанова 1990, 135].

На наш взгляд, гипотезы Д.Н. Козака и И.П. Русановой хорошо согласуются и дополняют друг друга, а также конкретизируют положение В.В. Седова о славянском и германском компонентах в пшеворской культуре [Седов 1979, 62-74]. Суммируя достижения этих исследователей, допускаем, что восточная периферия пшеворской культуры (Западная Волинь и Поднестровье) была заселена преимущественно славянским компонентом - венедами. В то же время на основной территории культуры в римское время доминировали германцы, по-видимому, вандалы. Именно этой группе принадлежат пшеворские погребения с оружием типа Капустяницы-Добростаны, которые появляются во второй половине 2 века в Верхнем Поднестровье.

На востоке Украины и в прилегающих областях Российской Федерации славянское население позднеримского времени представлено древностями киевской культуры. Свое происхождение она ведет от позднезарубинецких памятников 1-2 вв. Позже на основе ее южных вариантов развивается пеньковская, а на основе северного (верхнеднепровского) - колочинская культуры раннесредневекового времени [Терпиловский 1984; 1994; Обломский 1991; Терпиловский, Абашина 1992].

Население киевской и черняховской культур принадлежало к различным хозяйственным типам. Поэтому их поселения, как правило, занимают различные природно-экологические ниши - киевские памятники обычно располагаются на дюнах в пойме реки или по краю первой надпойменной террасы, в то время как для черняховских поселений более типично размещение по балкам высоких коренных берегов [Терпиловский, Абашина 1992, 86-87; Шишкин 1996]. Типичное киевское жилище представляет собой квадратную полуземлянку со стороной 3,3-5 м. Стены, как правило, срубной конструкции опускались внутрь котлована. Менее распространенной была каркасно-столбовая конструкция стен. Характерна столбовая яма, расположенная в центре жилища.

В настоящее время известно около 170 погребений киевской культуры, преимущественно в Верхнем Поднестровье. Они относятся к ранним этапам, погребения периода активных контактов с черняховской культурой в 4 в. практически не известны. Могильники имеют грунтовый характер с обрядом трупосожжения на стороне. Подавляющее большинство погребений - ямные безинвентарные или с фрагментами керамики.

Керамика киевской культуры представлена грубыми лепными горшками и корчагами округлобоких, слабопрофилированных и ребристых форм, а также дисками (крышками или сковородками) и подлощенными ребристыми мисками. Гончарная посуда и часть предметов личного убора поступали к племенам киевской культуры через носителей черняховской культуры²⁴. Собственно киевские предметы убора и украшения - это преимущественно железные фибулы и пряжки некоторых позднеримских типов, пластинчатые трапециевидные подвески и луницы, а также бронзовые вещи с выемчатой эмалью.

Киевская культура периодически испытывала давление со стороны черняховской, что вело к изменению их пространственных границ (рис. 85) [Terpilovskij, Magomedov (в печати)]. Около рубежа 3-4 веков киевские поселения сменяются в Правобережном Поднестровье черняховскими памятниками. На поселении Глеваха киевские объекты второй половины 3 в. были перекрыты черняховско-вельбарским слоем 4 в. [Терпиловский 1988]. Преемственности, как и прерыва, между киевскими и черняховскими этапами заселения не было. Близкая ситуация наблюдается и на киевском поселении Обухов 3, где ряд объектов, разбросанных по обоим берегам балки, перекрывался черняховским поселением и могильником Обухов 1²⁵. Тогда же возникают могильник в с. Черняхов и поселение Великая Снитинка 2. Одновременно черняховские памятники появляются и вдоль левого берега Среднего Днепра (Соснова, Переяслав, Градижск, Компанийцы). Новое черняховское (германское) население могло продвигаться из соседнего региона Западная Украина или из южной области Среднего Поднестровья, где его присутствие зафиксировано со второй трети 3 в. [Гороховский 1988, 45]. В этом движении, судя по наличию погребений пшеворского типа с оружием в Завадовке и Компанийцах, могла принимать участие какая-то группа вандалов.

Следующий натиск германцев на восток последовал около второй четверти 4 в. До этого отношения со славянским (киевским) населением Восточной Украины развивались, по-видимому, довольно мирно. Во второй половине 3 в. здесь появляются киевские памятники типа Букресвка-Тазово со значительными черняховскими элементами. По мнению исследователей киевской куль-

²⁴ Э.А. Сымонович, по нашему мнению, переоценивал роль таких импортов, включая часть киевских поселений в число черняховских [Сымонович 1990, 97-100].

²⁵ По мнению Н.М. Кравченко, объекты обеих культур в Обухове синхронны [Кравченко 1994, 39-41].

туры, они возникают после появления на ее территории первых черняховских поселений. Пока исследовано одно такое поселение - Головино 1 под Белгородом [Обломский 1991, 115-118; Обломский 1997а]. Гончарная керамика составляет в объектах 45-83%, однако лепная посуда, как и две из трех построек, имеют признаки киевской традиции. Вблизи поселения обнаружен могильник (4 ингумации, 1 кремация), к сожалению, без точных хронологических определителей. В это время проихновение черняховских элементов на восток Украины еще не носит характера вытеснения местного населения. Возможно, это были торговые контакты.

Во второй четверти 4 в. черняховские памятники массово распространяются вдоль северной границы черноземов до Северского Донца, иногда перекрывая старые киевские поселения (Боромля 2, Гочево 4). Киевские памятники этого периода (Тазово, Воробьевка 2, Колосовка и др.) сохраняются севернее и восточнее (рис. 85:В).

Славяне возвращаются в лесостепь Правобережного и Левобережного Поднепровья лишь после крушения черняховской культуры: в гуннское время появляются посткиевские поселения Мотовиловская Слобода 4, Сенча, Курган-Азак, которые расположены даже южнее первоначальной территории киевской культуры.

Элементы киевской культуры обнаружены на отдельных черняховских памятниках. Наиболее представительным памятником такого рода для раннего периода черняховской культуры является поселение Журавка. К позднееримскому времени здесь относятся 34 постройки и свыше 300 хозяйственных ям, время существования которых охватывает период со второй половины 3 до начала 5 в. По наблюдениям А.М. Обломского [Обломский 1997в], лепная керамика делится на две группы разного происхождения: в пяти постройках и двух хозяйственных ямах зафиксирована посуда вельбарского облика, а в одиннадцати постройках и одной яме - киевского. Объекты с материалами различных традиций на протяжении жизни поселения сосуществовали, однако области их концентрации находились на разных участках.

К более позднему времени (вторая половина 4 - начало 5 в.) относится поселение Хлопков на левом берегу Днестра [Некрасова 1988]. Здесь исследовано 8 жилищ-полуземлянок, 10 построек и 35 ям хозяйственного назначения. В большинстве объектов преобладала гончарная керамика, однако в двух жилищах, одном хозяйственном сооружении и нескольких ямах лепная посуда составляла около половины. Среди последней доминируют различные биконические формы (67%), в том числе большие сосуды с налипным валиком под венчиком; реже встречены округлобокие горшки и сосуды с загнутым внутрь краем (рис. 25:7-9). Среди пряслиц, кроме обычных черняховских, встречаются типично киевские (низкие с крупным отверстием) и подобные раннесредневековым славянским²⁶.

Как киевские, могут быть определены отдельные находки керамики и с других черняховских поселений Среднего Поднепровья: Черняхов, Новолиповское, Ломоватое 1 и 2, Радупцовка, Максимовка, а также из могильника Великая Бугаевка (обломок сковородки) [Абашина, Обломский, Терпиловский 1999]. Находятся подобные материалы и на поселении Лепесовка, на Вольни. Огромная керамическая коллекция этого памятника насчитывает около 20% лепной посуды, в основном вельбарской. Кроме того, М.Б. Щукин выделил несколько групп лепной керамики того же периода, связанных с другими культурами, в том числе керамику киевского типа, составляющую около 12% от лепной посуды²⁷ [Щукин 1988, 207-209].

Из названных памятников Журавка, Черняхов, Новолиповское, Ломоватое и, тем более, Лепесовка, находятся на территории, никогда не входившей в ареал киевской культуры.

Таким образом, славянский этнос может быть связан с двумя группами рассмотренных выше памятников позднееримского времени: черняховских типа Черепин-Теремцы и южных киевских. Они разделены пространственно, в их материалах есть сходство и различия. Общие признаки, обусловленные черняховским влиянием, мы, разумеется, не учитываем.

Заслуживает внимания предположение о появлении некоторых общих признаков в результате переселения во второй половине 3 в. на левобережье Днестра группы славянского населения из Поднепровья [Некрасова 1990а; 1990с]. К важнейшим из таких признаков отнесены появление на памятниках типа Букреевка-Тазово лепных конических мисок на выделенном поддоне, конических пряслиц с вогнутым основанием и фибул группы Альмгрен VII (с высоким приемником). Два первых признака связаны с липицким субстратом памятников типа Черепин и для Восточной Украины в предшествующем периоде действительно не характерны; находки фибул вряд ли могут в данном случае служить этнокультурным признаком. Указанная миграция населения могла иметь место, что не противоречит выводу о происхождении памятников типа Букреевка-Тазово от более ранних киевских древностей типа Шишино-Шмырево [Обломский 1991, 108-113].

²⁶ Выказано мнение, что на поселении существует слой раннесредневековой пеньковской культуры, с которым и связано основное количество лепной керамики [Приходнюк 1991, 116]. Проблема происхождения уникального керамического комплекса этого памятника требует дальнейшего изучения.

²⁷ В.Д. Баран считает, что эта керамика происходит с памятников типа Черепин [Баран 1998, 186].

Более важным является сходство определяющих черт обеих культурных групп, коренящееся в близком этническом родстве стоящих за ними народов. К таким общим чертам следует отнести:

- наличие квадратных полуземлянок (не свойственных для неславянских культур),
- особый вид погребальных обычаев, не оставляющий выразительных следов,
- преобладание среди лепной посуды округлобоких горшков.

Различия сводятся в основном к типологическим особенностям керамики. Одним из них является отсутствие в комплексах типа Черепин дисков или сковородок, которые имеются среди киевской керамики. Однако диски встречаются на предшествующих зубрицких памятниках (их количество падает в поздней фазе), а также на шеворских на территории Польши [Козак 1992, 61; Русанова 1990, 121, рис. 2:10].

Причины сходства и „степень родства” двух славянских групп в известной мере определены [Козак, Терпиловский 1986]. Этнокультурные процессы в верховьях Днестра и правых притоков реки Припять на протяжении 1 - начала 3 вв. протекали в том же направлении, что и в Поднепровье. В результате начался процесс формирования единой славянской культурной области на основе позднезарубинецкой и шеворской культур, прерванный движением носителей вельбарской культуры через Вольнь. Южные варианты киевской культуры сложились на основе местных позднезарубинецких памятников, включавших ряд шеворских элементов. Отличие памятников типа Черепин заключается прежде всего в обратном соотношении слагаемых, а также в присутствии на Верхнем Днестре элементов липицкой культуры.

Оказавшись в сфере влияния черняховской культуры, обе группы испытали воздействие с ее стороны, но с разными результатами. Население памятников типа Черепин-Теремцы, проживая на исконных землях и сохраняя самобытность, в определенной степени включилось в черняховскую экономическую систему. Полагаю, что причиной этого послужил достаточный уровень развития хозяйства шеворского и липицкого культурного субстрата. Киевское население, вытесненное из лесостепи в лесную зону, в основном сохраняло традиционный способ ведения хозяйства. Немногочисленные следы его присутствия на черняховской территории, возможно, связаны с группами зависимого населения. Это согласуется с историческими свидетельствами о наличии у готов и других варваров римского времени институтов работорговли и патриархального рабства [Корсунский 1965, 61-62].

В 80е годы была выделена еще одна группа древностей позднеримского времени, которую ряд исследователей связывает со славянами-венетами. Это памятники типа Этулии (или типа Холмское II) в междуречье Днестра-Прута, в основном в Буджакской степи [Щербакова 1987; 1991; Фоксев 1987; Гудкова 1989; 1991; Терпиловский 1994а; Щукин 1994, 283; Козак 1992а, 27; Баран 1998, 187-188]. В большинстве они представлены поселениями, известно также два могильника с сожжениями. Все памятники бедны инвентарем, посуда в основном лепная.

В последнее время эти древности были изучены М.М. Фоксевым [Фоксев 1998]; его взгляды на предмет в значительной степени совпадают с нашими. Исследователь делит памятники типа Этулии на три группы, две из которых включают по одному памятнику. Могильник *Алчедар* начал 3 в. расположен значительно севернее остальных пунктов, в лесостепной зоне Центральной Молдавии. Обряд сожжения и типы керамики, по мнению М.М. Фоксева, близки позднезарубинецким и киевским древностям Южного Побужья и Левобережья Днепра. Другая группа представлена поселением *Нагорное IV*, немногочисленной керамике которого трудно подобрать надежные аналогии; по монетам оно датируется концом 3-4 в. Наиболее представительна группа *Холмское II* в Буджакской степи. На поселениях около 40% керамики составляют амфоры второй-третьей четверти 3 в., лепная посуда - скифского типа, не имеющая предшественников у местных кочевников-сармат. Полуземлянки, найденные на нескольких поселениях, и практически безынварный могильник Этулия XII дают исследователю повод говорить о славяно-иранском симбиозе. Один из выводов рассмотренной работы гласит, что памятники типа Этулия „еще не достаточно определены”, с чем мы вполне согласны.

Следует добавить, что углубленные постройки вряд ли были единственным видом жилищ на поселениях группы Холмское. На нескольких из этих памятников были вскрыты участки площадью до 7000 м², но обнаружены лишь хозяйственные и зерновые ямы; на других одна полуземлянка приходится на 700-1100 м² площади, заполненной десятком-другим ям. Этому было найдено разумное объяснение: на поселениях стояли в основном легкие наземные постройки, на месте которых остаются лишь скопления бытовых отходов [Фоксев 1987, 17-19]. В таком случае и землянки могли принадлежать тем же оседлым старожилам степи в качестве более теплых зимних жилищ. Что же касается могильника Этулия XII с сожжениями, то его связь с описанными поселениями не доказана. Уместно вспомнить, что недалеко от указанной группы поселений находится раннечерняховский могильник Хапска-Лутэрия со сходными чертами обряда. Население со скифскими традициями в керамике должно иметь и соответствующие некрополи.

Таким образом, население памятников типа Этулия-Холмское имело местное причерноморское

происхождение и, по-видимому, в 4 в. внесло свой вклад в местный вариант черняховской культуры. К венедам может иметь отношение могильник Алчедар дочерняховского времени, но о дальнейшей судьбе этого населения ничего сказать нельзя.

5. Фракийцы и другие этносы

Юго-запад черняховского ареала занимал территории, где ранее размещались культуры гето-дакийского (фракийского) круга. Эти культуры связывают с историческими народами, часть которых активно действуют и в позднееримское время, другие уже сошли с исторической арены.

Выше мы упоминали, что для памятников типа Черепин одним из субстратов явились элементы липицкой культуры, которая датируется 1 - второй половиной 2 в. По версии М.Ю. Смишко (с которым согласны многие исследователи), ее население следует отождествить с фрагийским племенем костобоков²⁸, жившим севернее Дакии и около 170 г. разгромленным асдингами [Smiszko 1932, 178; Цигулик 1975, 148-150; Вакуленко 1977, 81; Щукин 1979; Ioniță 1997, 880]. Асдинги входили в объединение вандалских племен, которое (как говорилось выше) связывают с пшеворской культурой. Начиная, по-видимому, с конца латенского времени на территории Верхнего Поднестровья, в том числе на липицких могильниках, спорадически появлялись пшеворские погребения с оружием (Гринив, Звенигород, Капустинцы, Добростаны) [Козак 1984, 12-16]. Эти погребения воинов могут быть следами вандалских военных экспедиций, послуживших причиной гибели племени костобоков. Характерно, что позднейшие липицкие могильники (Завалье и Неполоковцы на правом берегу Прута) обнаружены юго-восточнее первоначального ареала культуры и примыкают к массиву карпо-дакийских памятников Молдовы [Вакуленко 1991]. На Верхнем Днестре остатки липицкого населения были ассимилированы зубрицким населением, которое впоследствии приобрело черты черняховской культуры (тип Черепин), а позже „липицкие” фракийцы окончательно растворились среди славян пражской культуры.

Отношение к славянскому этногенезу имеет и культура карпатских курганов, сходство которой с черняховскими древностями объясняется провинциально-римским влиянием. Ее памятники расположены в предгорных районах верховьев Днестра, Прута и Северной Молдовы, а также в Закарпатье. Распространенное мнение о принадлежности к ней ряда древностей Закарпатья в настоящее время пересмотрено [Вакуленко 1999]. Процесс сложения культуры карпатских курганов во многом неясен, а его исходной точкой считают перемещение племен после римского завоевания Дакии [Mihăilescu-Birlîba 1997, 837]. Гето-дакийские черты этой культуры сомнений не вызывают. В ее носителях предполагали племя карпов [Смишко 1960, 151], смешанное население пшеворской (германцы-асдинги) и липицкой культур [Mihăilescu-Birlîba 1980, 206-207], костобоков и лаков [Копицгородско 1991, 12-13]. Л.В. Вакуленко, кроме гето-фракийского, выделяет на материалах по фазе культуры возрастает [Вакуленко 1977, 76-89].

Четкое территориальное и типологическое разграничение памятников карпатской и черняховской культур позднееримского времени сменяется в гуннское время общими славянскими признаками [Тимоцук 1984]. Памятники с такими признаками выше мы назвали „тип Теремцы”. По-видимому, население культуры карпатских курганов было последним осколком „свободных даков”, которые в условиях горной изоляции сохраняли самобытность среди германских племен, но не устояли перед славянской ассимиляцией.

Следы фракийского субстрата сохранились в карпатских украинцах, антропология и этнографические черты которых отличаются от восточных славян, но близки другим народам карпато-балканской зоны. В.Д. Дяченко отметил также значительное совпадение ареалов культуры карпатских курганов и карпатской антропологической области украинского населения [Дяченко 1965, 124]. На тот же субстрат указывают и древние балканизмы в языках карпатских украинцев [Десницкая 1976]. Это слова: ватра, колыба, царина, газда, барда, киптарь, вырколак (вурдалак), кошара, цап, брынза, мамалыга, паланка, плай, бескид. Корни подобных слов содержатся в алдакийском языке, который относится к палеобалканским языкам и наиболее близок к древним фракийским языкам.

В начале позднееримского времени крупнейшими северофракийскими народами оставались даки и карпы. Первые, сильно романизованные, частично жили на территории провинции Дакия, частично - в условно свободной Мунтении (памятники типа Милитарь-Килия) [Bichir 1984].

Карпы, которых называют также „свободными даками”, занимали земли между восточным склоном Карпат и Прутом (Румынская Молдова); оставленная ими культура Поенешти-Вертишей датируется в целом 2-3 в. [Bichir 1973; Ioniță 1997]. Некрополи перестают функционировать в течение второй половины 3 в. и в то же время в Молдове появляются черняховские памятники. В ходе Скифских войн карпы выступали союзниками готов; по словам Иордана [91] „это чрезвы-

²⁸ Сарматское племя с таким же названием упоминает в связи с событиями 4 в. Аммиан Марцеллин. Сходство имен, судя по всему, случайное [Буданова 1991, 121-122].

частью опытные в войне люди, которые часто бывали враждебны римлянам". Готы, тем не менее, вытеснили племя с его территории. Следует предположить, что карпы пытались силой закрепиться на римских землях Нижнего Дуная, однако, в 295 г. в Малой Скифии (нынешней Добрудже) „их победил и подчинил римскому государству цезарь Галерий Максимин" [Jordan, 91; Скржинская 1960, 252, прим. 301]. В результате император Диоклетиан переселил карпов в Паннонию. В 303 г. на землях Империи получила прибежище другая (очевидно, последняя) часть племени, изгнанная с их родины готами [Аммиан, XXVIII, 1,5; Wolfram 1990, 66].

Какая-то часть карпо-дакийского населения вошла в черняховскую культуру (культура Сынтана де Муреш). На могильниках этой культуры Г. Днакону выделил сожжения группы Тыргшор-Герэсени, связанной, по его мнению, с давними традициями местного населения²⁹ [Diaconu 1964; Diaconu 1976, 310]. В таких погребениях инвентарь не носит следов огня, урны или ямы накрыты сосудом или черепком. Однако сожжения таких же типов были распространены и в различных областях Украины, где фракийский элемент отсутствует [Никитина 1985, 64-77]. Более показательны довольно редкие находки характерной лепной керамики в погребениях разных типов (включая ингумации) и на поселениях [Diaconu 1976, 311-313]. В Днестро-Прутском междуречье надежные находки карпо-дакийской керамики встречаются еще реже [Рикман 1975, 313, рис. 36].

Из сказанного следует вывод, что роль фракийского (карпо-дакийского) компонента в черняховских регионах Молдова, Мунтения и Трансильвания была невелика. Археологические признаки этого компонента не дают твердых оснований для выделения в пределах этих регионов особой территориально-этнографической группы памятников.

* * *

У нас нет оснований говорить о заметном присутствии в составе черняховского населения иных, кроме перечисленных выше, этнических компонентов. Разная степень контактов отмечается с греко-римлянами, балтами и финнами.

Греко-римляне. Под этим понятием обычно скрывается этнически разнородное население римских провинций. Среди „черняховцев" оказались жители захваченных северопричерноморских городов и остатки населения эвакуированной около 271 года Дакии, а также множество пленных из восточных провинций, увезенных в рабство в ходе Скифских войн³⁰. В мирное время в различные отношения с варварами, включая семейные, могли вступать сотрудники торгово-ремесленных факторий, существование которых предполагается в Комарове, Собаре, Чимишень и Каменке-Анчекрак (см. разд. „Торговля").

Прямое отношение к нашей теме имеет яркий эпизод из римской истории, приведенный М.Б. Щукиным (позволим себе процитировать). „В 248 г. готы вторглись в пределы Империи и очень немело пытались осадить Марцианополь, который не смогли взять, хотя город обороняли сами жители. Мезийская армия не оказывала варварам сопротивления, поскольку была охвачена возглавляемым Марином Папатрианом мятежом против Филиппа Араба. В Мезию был направлен сенатор Деций, которому удалось распробандировать мятежников. Папатриан был убит. Тем не менее Деций расформировал мятежные легионы. Обиженные, они всем составом перешли на сторону варваров и были охотно приняты. Через год, при осаде Филиппополя готы применяли уже все достижения римской осадной техники, а в 251 г. в битве при Абритте сражались по всем правилам римского военного дела - в три линии. И в дальнейшем осада городов уже не была для варваров проблемой" [Щукин 1991, 224].

Присутствие представителей античной цивилизации могут выдавать образцы греческой и латинской письменности (Лепесовка, Будешты, Собарь, Куркань, Каменка-Анчекрак, Александровка) [Тиханова 1963, 189-190; Рикман 1975, 249-250; Mitrea, Preda 1966, fig. 269; Магомедов 1991, рис. 19:2,9]. В некоторой степени на это указывают находки римских масляных ламп или их лепных подражаний (Комаров, Собарь, Петроаса, Каменка-Анчекрак, Сушковка, Коблево, Гурбинцы, Боратын - см. разд. „Домашняя утварь ..."), а также особенности погребального обряда (плитовые могилы - Тыргу-Муреш, Каменка-Анчекрак). Люди греко-римской культуры составляли незначительную часть черняховского населения и были рассеяны среди варварской массы, но их цивилизаторская роль была очень важной.

Балты и финны. Прямых свидетельств о присутствии заметных групп представителей балтских и, тем более, финских народов на землях черняховских племен нет. Исключение может представлять Лепесовка, где М.Б. Щукин выделил очень немногочисленные группы черепков как посуду культуры штрихованной керамики (0,9% от всей лепной) и западнобалтскую (0,5%) [Щукин 1989, 205-208].

²⁹ У карпо-дакийских племен господствовал обряд кремации. Редкие ингумации на могильниках Поенешть, Молдовень, Вэлень объясняют присутствием сармат, что подтверждается находками деформированных черепов [Ioniță, Ursachi 1988, 97]. Чужеродный германский элемент исследователь связывает с сожжениями группы Тыргшор-Олтень [Diaconu 1976, 310].

³⁰ Показательно, что дедом готского епископа-просветителя Ульфилы был грек из Каппадокии.

Контакты готов с соседними балтскими народами в течение всего римского времени засвидетельствованы находками на вельбарской территории прибалтийских бронзовых украшений. Более отдаленные контакты с верховьями Днепра и Оки прослеживаются по редким находкам в Польше эмалевых изделий мощинской культуры (по-видимому, восточнобалтское племя голядь) [Bitner-Wróblewska 1989, 161-165]. На черняховской территории к области западных балтов имеет отношение наконечник ремня с клововидным окончанием из Рипшива. Однако это вряд ли говорит о прямых контактах, поскольку такие находки встречаются на памятниках вельбарской и пшеворской культур [Bitner-Wróblewska 1989, 172-174].

Имеется сообщение Иордана о покорении эстиев (бесспорно, балты), а также одиннадцати „северных племен” (*arctoi gentes*), среди которых некоторые (*merens, mordens*) четко отождествляются с финскими племенами меря и мордва³¹ [Jordan, 116, 120]. Связи черняховского населения с восточными балтами и финно-угорскими племенами Оки-Волги исследовал М. Казанский [Kazanski 1992]. Собранные им материалы показывают распространение черняховских вещей в этих направлениях, что свидетельствует о налаженных торговых отношениях. О сколько-нибудь существенном влиянии северных культур на черняховскую говорить не приходится.

Основные выводы данной главы состоят в следующем:

1. Однородность большинства черняховских памятников можно объяснить однородностью оставившего их населения, представленного в основном готами - в прошлом носителями вельбарской культуры. Эти памятники мы выделяем в тип Косанов.
2. Другие народы, входившие в черняховскую культурно-политическую общность и проживавшие компактно (т.е. составлявшие достаточно крупные этнические массивы), создали особые типы памятников. Западная группировка славян-венедов, заселявшая регион Верхний Днестр и частично средний отрезок Днестра, оставила памятники типа Черепин-Теремцы. Поздние скифы Северо-Западного Причерноморья совместно с группами алан оставили памятники причерноморского типа.
3. Культурные элементы части позднескифского населения, славян киевской культуры и карподаков встречаются, как правило, на памятниках основного населения.

Рис. 86. ⇒⇒⇒

Памятники культур Юго-Восточной Европы в конце 2 - начале 3 в. и максимальные границы черняховской культуры. Die Kulturen aus Südosteuropa am Ende des 2. und zu Beginn des 3. Jhs. und die maximale Verbreitung der Černjachov-Kultur

a - пшеворская культура/Przeworsk-Kultur (по Godłowski 1985 и др.): 1 - Гач (Gač), 2 - Пшемьсль (Przemysł), 3 - Добростаны (Dobrostan), 4 - Кристинополь (Червоноград - Krystynopol), 5 - Свалява (Svaljava), 6 - Арданово (Ardanovo), 7 - Братово (Bratovo), 8 - Меднашул Аурит (Medișul Aurit), 9 - Бела (Biela); **b - вельбарская культура/Wielbark-Kultur**: 1 - Руска Вель (Ruska-Wies), 2 - Брест-Тришин (Brest-Trišin), 3 - Велемичи (Velemiči), 4 - Любомль (Ljuboml'), 5 - Машев (Mašev), 6 - Грудек (Gródek nad Bugiem), 7 - Масломенч (Masłomecz), 8 - Лынив (Lyniv), 9 - Баев II (Baev), 10 - Боратын I (Boratyn), 11 - Боромель (Boromel'), 12 - Лепесовка (Lepesovka), 13 - Могиляны-Хмельник (Mogiljany-Chmelnik), 14 - Демидовка (Demidovka), 15 - Гунька (Gun'ka), 16 - Слободка (Slobodka); **c - зубрицкая культура/Zubricka-Kultur** (по Козак 1992): 1 - Березец (Berezec), 2 - Сокильнички I-II (Sokil'niki), 3 - Пасеки-Зубрицкие (Paseki-Zubrickie), 4 - Пидберизци (Pidberizcy), 5 - Давидив (Davidiv), 6 - Жиривка (Zirivka), 7 - Велика Слобидка I (Velika Slobidka); **d - позднезарубинецкие памятники и киевская культура/Spät-Zarubinjetz-Kultur und Kiev-Kultur** (по Р.В. Терпиловскому): 1 - Грини (Grini), 2 - Казаровичи (Kazaroviči), 3 - Хлепча (Chlepča), 4 - Новые Безрадичи (Novye Bezradiči), 5 - Обухов (Obuchov), 6 - Сушки (Suški), 7 - Змеевка (Zmeevka), 8 - Гребля (Grebља), 9 - Попово-Лежачи (Popovo-Ležači), 10 - Октябрьское (Oktjabrskoe), 11 - Шмырево (Šmyrevo), 12 - Гочево I (Gočevo), 13 - Вовки (Vovki), 14 - Рябовка (Rjabovka), 15 - Шишино 5 (Šišino); **e - карподакийские культуры/Kultur der Karpen und Daken**: 1 - Звориштя (Zvorištea), 2 - Шкея (Škeja), 3 - Подень (Podeni), 4 - Вэлень (Välēni), 5 - Кукорэнь (Cucorāni), 6 - Стынка (Stynka), 7 - Бэйченъ (Bājčeni), 8 - Поенешть (Poienēști), 9 - Выртенкой (Virteșkoi), 10 - Килия (Chilia), 11 - Тыргшор (Tirgșor), 12 - Теї (Tej), 13 - Бухарест-Милитарь (București-Militari); **f - памятники сармат/Sarmaten**: 1 - Тыргшор (Tirgșor), 2 - Смеень (Smeeni), 3 - Фокшань (Fokșani), 4 - Порченсть (Porcești), 5 - Погорешть (Pogorești), 6 - Прибота (Pribota), 7 - Поенешть (Poienēști), 8 - Нагорное (Nagornoe), 9 - Владыченъ (Vladyčeni), 10 - Криничное (Kriničnoe), 11 - Холмское (Cholmskoe), 12 - Оланешты (Olanești), 13 - Семеновка (Semenovka), 14 - Широкая Балка (Sirokaja Balka), 15 - Львово (L'vovo), 16 - Брилевка (Brilevka), 17 - Каланчак (Kalančak), 18 - Орловка (Orlovka), 19 - Балки (Balki), 20 - Златополь (Zlatopol'), 21 - Гупаловка (Gulapovka), Бузовка (Buzovka), 22 - Новомосковск (Novomoskovsk), 23 - Соколово (Sokolovo), 24 - Мечебелово (Mečebelovo); **g - ареал липицкой культуры/Lipica-Kultur** (1-2 вв.); **h - римские города и поселения/römische Städte und Siedlungen**; **i - граница Римской империи/Grenze der Römischen Reiches**; **j - граница распространения черняховской культуры в 4 в./Grenze der Černjachov-Kultur im 4. Jh.**

³¹ Прочтение части слов, которые можно сопоставить с историческими названиями народов лесной зоны (голядь, весь, чудь, мещера) и других областей остается дискуссионным, как и сам факт покорения северных племен [Скрябинская 1960, 365-366, прим. 367; Буданова 1990, 123-128; Анфертьев 1994, 149-152, прим. 180-182].

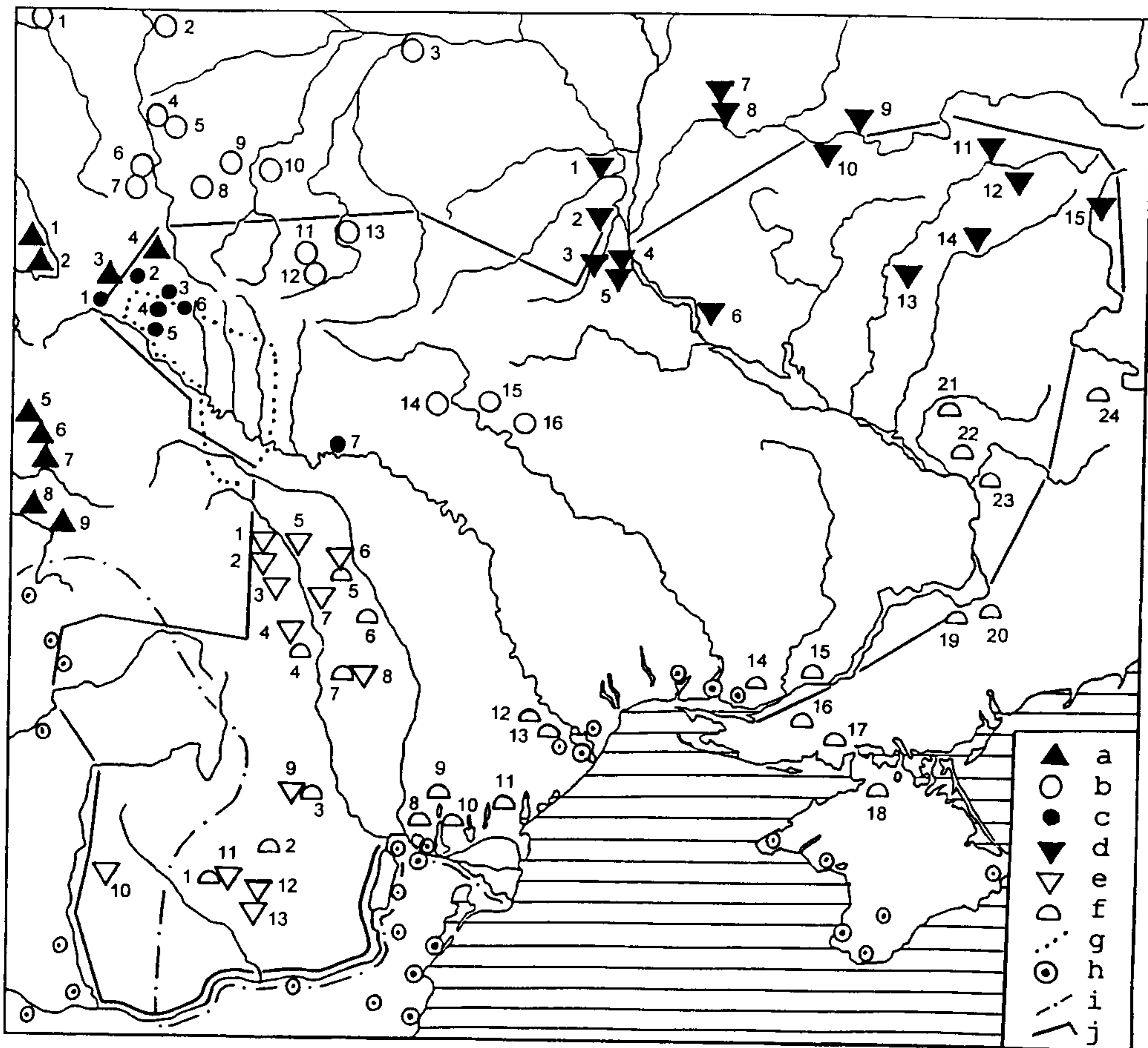

Рис. 86.
(стр. 132)

ОЧЕРК ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ GESCHICHTE DER ČERNJACHOV-KULTUR

В нашей попытке реконструировать историю племен черняховской культуры мы, по возможности, постараемся связать данные археологии с событиями, отраженными в письменных источниках. Последние являются для нашей работы вспомогательным материалом и мы не рассматриваем их подробно. Такой анализ проделан многими историками, на основные труды которых мы опираемся в этом исследовании [Моммзен 1949; Ременников 1954; Скржинская 1997; Буданова 1990; Wolfram 1990 и др.].

Римско-византийские источники касаются в основном двух важных для Империи периодов в истории Юго-Восточной Европы: Скифских войн (238-270 гг.) и вторжения гуннов (375-378 гг.). Важное место в большинстве событий этих беспокойных отрезков времени занимали готы. Наиболее ценным для нас является труд готского историка Иордана „Гетика“, написанный в середине 6 в. на основании книг Кассиодора, Орозия и Аблавию; часть ранних сюжетов изложена по древним песням-сагам, записанным Аблавию. Многие эпизоды Скифских войн излагают Зосим, Георгий Синкелл, Иоанн Зонара и др. Принято считать, что эти византийские авторы пользовались сочинениями участника событий Публия Геренния Дексиппа, книги которого дошли до нас в немногих отрывках. События начала гуннского периода последовательно изложил их современник, выдающийся римский историк Аммиан Марцеллин.

1. Обстановка в Юго-Восточной Европе накануне сложения черняховской культуры

Период истории Юго-Восточной Европы накануне возникновения черняховской культуры (2 - начало 3 в.) в письменных источниках почти не освещен; в основном это эпиграфические памятники, касающиеся старых античных центров. Историческая обстановка этого периода восстанавливается в значительной степени по данным археологии (рис. 86).

В Причерноморье, как и на всей периферии античного мира, происходил процесс взаимодействия греко-римских и варварских культурных элементов. В Ольвии, Тире и, особенно, в их сельском окружении обитало этнически неоднородное население, включавшее собственно эллинов, выходцев из восточных провинций, эллинизированных поздних скифов и сармат. Экономическое положение здесь стабилизируется во второй половине 2 - начале 3 вв. с усилением власти Рима и размещением гарнизонов в городах и крепостях. Ольвия, по-видимому, вошла в состав провинции Нижняя Мезия; Тира, если юридически и поддерживала с Империей только союзнические отношения, то фактически всецело зависела от нее [Крыжицкий и др. 1989, 154-155; Буйских 1991, 138; Крапивина 1993, 148-153; Сон 1993, 21-31].

В степи в первой половине 2 в. появляется новый сарматский народ - аланы, с которыми связано разрушение нижнеднепровских позднескифских городищ, а также нападение на Ольвию „тавроскифов“. По мнению исследователей, за этим именем скрываются сарматы, так как Скифское царство в Крыму в это время уже не обладало достаточной силой для такого похода; кроме того, в разрушенных укреплениях приольвийских городищ найдены наконечники стрел сарматского типа [Буйских 1991, 134; Зубарь 1997]. Нельзя исключить, что в нападении принимало участие победоносное алапами войско „скифов“ Нижнего Днепра, подчинившихся ранее царям тавро-скифов. Несмотря на военную активность, судя по погребальным памятникам, кочевое население в украинской степи было немногочисленным; оно концентрируется в основном на противоположных концах Европейской Сарматии - западнее Днестра и на Нижнем Дону [Симоненко 1993, 118].

В лесостепи Центральной и Восточной Украины размещались редкие постзарубинецкие поселения, западнее, на Волыни и Верхнем Днестре, селища зубрицкой культурной группы. Тенденция к унификации материальной культуры этого населения говорит о процессе формирования единого этноса - будущих славян (см. разд. „Славяне“). В начале 3 в. на постзарубинецкой основе возникают памятники киевской культуры. Западнее верховьев Днестра и р. Западный Буг лежит область германских памятников пшеворской культуры. На Верхнем Днестре и в бассейне Нижнего

Дуная обитали фракийские народы: костобоки (липицкая культура, до конца 2 в.), карпы (культура Поенешти-Вертишкей), даки (культура Милитарь-Килия).

Около рубежа 2-3 вв. этнополитическая стабильность в Юго-Восточной Европе была нарушена вторжением готских племен. По рассказу Иордана (явно следующего устным сагам), когда в местах их первоначального расселения „взросло большое множество народа”, король Филтимер, сын Гадарига, повел войско готов вместе с семьями на новые земли. „В поисках удобнейших областей и подходящих мест [для поселения] он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум”. На границе этих изобильных земель часть переселенцев при переправе через реку (якобы из-за крушения моста) отделилась и осталась в богатой водой и болотами местности [Иордан, 26-28]. Размещение „земли Ойум” предполагали в Полесье [Щукин 1994, 248], или же на юге: в Приазовье, в устье Днепра (Гилее греческих авторов), в плавнях Дуная и т.д., а перейденную готами реку часто отождествляли с Днепром [Буданова 1990, 74; Wolfram 1990, 52-53; Скржинская 1960, 195; Топоров 1983, 254]. Не останавливаясь на разборе различных мнений по поводу локализации „земли Ойум”, отметим, что этот фрагмент может отражать реальный факт оседания менее активной и воинственной части племени где-то вдалеке от Причерноморья: в Полесье или на левом берегу Западного Буга [Баран, Гороховский, Магомедов 1990, 40-41]. Возможно, речь идет об области вельбарских памятников Вольни и Масломенчской группы, в дальнейшем мало затронутых влиянием черняховской культуры.

Сразу же после перехода реки войско доходит до народа спалов, над которым одерживает победу; „отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях” [Иордан, 28]. Народ спалов иногда связывают с сарматами Среднего Поднепровья [Щукин 1994, 248], однако на землях „Скифии” пришельцы должны были столкнуться прежде всего с населением Вольни, оставившим памятники зубрицкой группы. Эти памятники полностью исчезают именно в это время, а население уходит к соплеменникам в Поднестровье [Козак 1992, 135].

Смена культур на востоке Польши и на Вольни происходит в конце 2 в. (фаза В₂/С₁). Вельбарские памятники появляются в бывших пшеворских областях Мазовии и Подлясья [Godlowski 1985, 148], а также на Люблинщине, где датировка этого события может быть уточнена до 183-193 гг. или несколько позднее по двум монетным кладам в сосудах пшеворского типа [Kokowski 1991, 187]. В это же время на Вольни возникают могильники Любомль, Могиляны-Хмельник, Баев 2, поселения Лепесовка, Боратын, Лынив [Козак 1992, 98-101, 126; 1994a, 73]. Как правило, германские колонисты занимали места прежних зубрицких селищ, окруженные окультуренными полями. Большинство ранних вельбарских памятников на Вольни функционирует и в дальнейшем. Появляются они и в верхнем течении Южного Буга (Гуныка, Демидовка 1 и 2, Слободка 1 и 2, Тымарь и др.); перед этим здесь располагались позднезарубинецкие памятники [Хавлюк 1988]. Ранние вельбарские древности Вольни и Южного Побужья еще не имеют признаков черняховской культуры, формирование которой начинается на следующем этапе готской истории.

Имеются основания говорить о двух волнах продвижения вельбарского населения в Полесье и на Вольнь. М.Б. Щукин выделяет брест-тришинскую волну (Брест-Тришин, Величковичи, Любомль, Городок и др.) ступени С_{1a}, около 200 г. и дитиничскую (Дитиничи, Ромош, Козия-Ясы в Молдове) ступени С_{1b} и С₂, между 220-330 гг.; вторая волна могла быть представлена гепидами [Щукин 1994, 247-248]. Этой второй волне соответствует поздняя фаза вельбарского заселения Мазовии и Подлясья (около 230-300 гг.), которую также связывают с гепидами [Godlowski 1985, 149].

2. Формирование черняховской культуры. Скифские войны

Формирование черняховской культуры происходило в период Скифских (или Готских) войн¹ (238-270 гг.), в которых ведущую роль играли готские племена. Два поколения варваров в ходе длительных походов в римские владения на Нижнем Дунае, Балканах, в Северном Причерноморье и Малой Азии (рис. 87) знакомилась с хозяйством и образом жизни античного населения. За это время множество пленных, специалистов в различных производствах, было уведено на варварскую территорию, где они использовались в качестве домашних рабов. Их знания в немалой степени способствовали нововведениям в сельском хозяйстве и ремеслах. Нельзя исключить и влияние браков с невольницами на домашний быт и общий уровень цивилизованности готов². Как известно, готский епископ Ульфила происходил от отца-гота и матери-гречанки, отец которой был захвачен в Каппадокии во время похода 264 г. [Буданова 1990, 96].

¹ „Скифами” считались все племена Скифии, которая включала пространства от Вислы и Нижнего Дуная на западе до Каспийского моря (или дальше) на востоке [Иордан, 30-34].

² Возможно, отмеченный на некоторых могильниках Молдовы (Малаешты, Будешты, Лецкань) средиземноморский антропологический тип связан не только с фракийским, но и с греко-римским этническим элементом [Великанова 1975, 87-88; Antoniu, Onofrei 1975].

События Скифских войн достаточно полно отражены в римских источниках [Ременников 1954]³, а многие эпизоды получили освещение у Иордана [89-93, 101-109]. Возможно, с этим же отрезком истории связано кратко пересказанное им предание о трех первоначальных местах пребывания готов: „около Меотийского болота” (Приазовье), „в Мизии, Фракии и Дакии” и наконец „на Понтийском море” [Иордан, 38]. Войны велись во всех этих областях.

Военные успехи причерноморских варваров в войнах с Римом объясняются общим кризисом Империи в 3 в. Перманентно повторяющиеся войны с Персией, постоянные нападения варваров на европейские и африканские провинции сопровождались частой смелой „солдатских” императоров. Накануне Скифских войн, около 230 г. начинается очередная война с Персией, что привело к ослаблению обороны Рейнского и Дунайского лимесов. Вскоре последовали набеги на придунайские провинции сармат-языгов, свободных даков и карпов [Ременников 1954, 18-26].

Точных сведений о начале столкновений готов с Империей нет, хотя по некоторым сведениям, они появились на Балканах уже в конце 2 - начале 3 в. [Буданова 1990, 80]. Первыми жертвами набегов, вероятно, стали Ольвия и Тира (см. ниже).

В 238 г. начинается активная деятельность готов, получившая отражение в римских источниках. В этот год они в союзе с карпами вторглись в Нижнюю Мезию и разгромили город Истрию. После этого успеха готы по договору с наместником провинции Туллием Менофилом получают ежегодные денежные субсидии (до 247 г.). Со своей стороны варвары возвращали пленных: сохранилась посвятельная надпись одного из граждан города Дуростор (совр. Силистрия), вернувшегося на родину из скифского плена [Ременников 1954, 29]. При заключении договора посольству карпов в денежных субсидиях отказали. В этом эпизоде проявился классический принцип римской политики „разделяй и властвуй”: Менофил не только обеспечивал нейтралитет сильного врага в случае новой войны, но и сеял раздор между бывшими союзниками. Несмотря на то, что некоторые племена, по-видимому, аланы и карпы, предпринимали вторжения в нижнедунайские провинции в 242 и 244-246 гг., готы сохраняли мир и „жили в отдалении под управлением своих королей” [Иордан, 89; Ременников 1954, 30-36]. Более того, в эти годы готские отряды в составе римской армии участвуют в войне против Персии⁴ [Буданова 1990, 84].

После того, как римляне прекратили выплату готам субсидий, в 248 г. они под водительством короля Остроготы перешли Дунай и опустошили Мезию и Фракию. После этого на их сторону перешел контингент уволенных из армии римских солдат - по версии Иордана, за попустительское варварам, а фактически, за участие в мятеже Марина Пакадиана (см. разд. „Фракийцы и другие этносы”) [Иордан, 90; Ременников 1954, 43]. Война возобновилась (или продолжилась) с участием союзников. Острогота, по словам Иордана, вывел „триста тысяч своих вооруженных людей, имея при этом помощь со стороны многочисленных тайфалов и астрингов (вандалов-асдингов - Б.М.); было также и три тысячи карпов” [Иордан, 91]. Последние, очевидно, составляли отдельный отряд совместно с готами и певкинами под командованием готских военачальников Арганта и Гуитериха [Скрябинская 1960, 253, прим. 305]. Объединенные силы „перешли вброд Данубий, вновь опустошили Мезию и подступили к главному городу той страны, славному Маркианополю. Они долго его осаждали, но получив выкуп от осажденных, отошли” [Иордан, 92]. Правда, в изложении грека Дексиппа, поход закончился полной неудачей и ни о каком выкупе речи не было [Ременников 1954, 46].

Сразу после этого похода Иордан пишет о войне Остроготы с гепидами короля Фастиды, из которой готы вышли победителями⁵ (см. разд. „Германцы”).

Новую войну на Дунае в 250 г. начал преемник Остроготы король Книва. Кроме готов, в кампании участвовали и карпы. Часть сил была направлена на опустошение лишенной защиты Мезии, а главное войско (70 тысяч) Книва повел сам. Характеристика этой армии дана императором Децием, возглавившим римские силы, в послании к гражданам Филиппополя: „Вы не должны без помощи союзников идти на битву с воинами, у которых многочисленная конница, многочисленная тяжело- и легковооруженная пехота, которые страшны своей опытностью в военном деле и своею наружностью, а потрясением оружия, угрозами, издаваемыми громким голосом, они могут привести в робость тех, кто впервые на них нападает” [Дексипп, фр. 19, по: Ременников 1954, 53-54].

Вначале римляне оттеснили армию Книвы от городов Новы и Никополь в Мезии, после чего тот направился через Балканы во Фракию к богатому Филиппополю (совр. Пловдив). Возле юж-

³ Кроме книги А.М. Ременникова, истории Скифских войн посвящены многие работы, из последних: Wolfram 1990, 53-66; Буданова 1990, 82-103; Schwarc 1992; Хайрединова 1994.

⁴ Первое упоминание о готских федератах предположительно относят ко „временам Филимера”: в надписи 208 г. из Спри назван командир вспомогательных отрядов Гуттас, сын Герминария (судя по имени, гот) [Wolfram 1990, 391, Ann. 6].

⁵ Датировка этого события спорна, как и место главной битвы (Трансильвания или р. Прут). Считают возможным соотнести его с межплеменными столкновениями, упомянутыми в источнике 291 г. [Буданова 1990, 87]. Однако в этом случае (в отличие от информации Иордана) обе стороны выступали в коалиции с соседними племенами (см. ниже). По-видимому, речь идет о двух разных событиях.

ных склонов Балкан у города Берое (совр. Стара Загора) ему удалось захватить врасплох и нанести поражение армии Деция. При осаде Филиппополя готы действовали по правилам римского военного искусства: применяли башни на колесах, тараны, простые и складные штурмовые лестницы, воздвигали насыпи вокруг стен и засыпали городской ров (в том числе трупами лошадей и пленных) [Ременников 1954, 59]. Возможно, здесь был использован опыт недавно перешедших к готам легионеров Пакатиана [Щукин 1991]. Город был взят при содействии руководителя обороны Приска, изменившего Риму. После этого варвары подвергли опустошению Фракию.

К весне 251 г. римская армия, видимо, получила подкрепление и готы стали терпеть поражения. Деций „взял даже часть захваченной ими добычи и пытался отрезать им возвращение на родину, намереваясь совершенно истребить их, чтобы они не смогли снова собраться и напасть” [Зосим I.23,1, по: Ременников 1954, 65]. Решающая битва произошла в болотистой местности у городка Абритт в Нижней Мезии. Римское войско было уничтожено, погибли Деций и его сын. Уцелевшая часть римской армии провозгласила новым императором второго командующего Требушиана Галла. Условия мира диктовали „скифы”. „Галл не только позволил им вернуться на родину с добычей, но и обещал ежегодно давать им некоторую сумму денег и предоставил возможность увести с собою пленных” [Зосим I.24, 2, по: Ременников 1954, 70].

В походе на Балканы в 253 г. готы официально не участвовали, получая по договору субсидии. Иордан упоминает римских правителей этого времени, их „союз с готским племенем” и о войне речь не идет [Иордан, 105-106]. Войну начали карпы, выплаты которым по договору 251 г. были сильно урезаны, а затем подключились „скифы из восставших племен и к тому же маркоманны” [Зосим I.29,2, по: Ременников 1954, 80]. Очень вероятно, что среди „скифов” были готские отряды. Варвары прорвались в Македонию, осадили Фессалоники и отступили с огромной добычей.

За годы войн Балканские провинции Империи были разорены, города пусты. Самая поздняя найденная в Дакии надпись относится к 255 г., последняя монета города Виминаяк в Верхней Мезии - к 256 г. [Моммзен 1949, 208]. Римляне поняли бесперспективность дальнейшей обороны владений на северном берегу Дуная и около 271 г. оставили Дакию⁶.

Следующий этап Скифских войн связан с морскими походами варваров из портов Северного Причерноморья. Общий кризис Империи отразился и на состоянии римской морской полиции. В 3 в. целые пиратские эскадры крейсировали в Черном и даже в Средиземном море. Местные пираты грабили берега, но не решались штурмовать города и избегали столкновений с войсками. Действия пришельцев настолько отличались от обычного морского разбоя, что это отмечено источниками [Моммзен 1949, 209-210].

Мореходным предприятиям варваров предшествовало появление в Приазовье двух новых народов - боранов и герулов, скорее всего германцев (см. разд. „Германцы”). С приходом боранов связывают разрушение Танаиса около 251-254 гг. (следует полагать, при активном участии готов) [Анисимов 1989; Казанский 1997] (см. ниже), а также сильный пожар в Паптикапее, в котором погиб монетный двор с не успевшими побывать в обращении монетами [Макарова 1991, 141-142; Хайрединова 1994, 519]. Герулы приходят в Приазовье позже - в 60-х гг. 3 в. и участвуют в морских кампаниях 267-268 и 269-270 гг.

В 256 г.⁷ бораны (возможно, вместе с готами), получив на Боспоре суда и экипажи, дошли морем до Питиунта (совр. Пицунда), но получив отпор, с трудом вернулись обратно. Участников следующего похода 257 г. Зосим, описавший первое плавание, по-прежнему называет скифами или боранами. Однако, свидетель событий епископ Неокесарии Григорий говорит о вторжении боранов (т.е. боранов) и готов [Хайрединова 1994, 520]. „Скифы” снова пошли на Питиунт и на этот раз „без малейшего затруднения взяв это укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше” [Зосим I.33,1, по: Ременников 1954, 94]. Целью был Трапезунт - богатый и густонаселенный город, ввиду угрозы получивший в добавление к постоянному гарнизону десяти тысячное подкрепление. Тем не менее готам и боранам удалось его взять. Овладев бесчисленным количеством сокровищ и пленных, разрушив храмы и наиболее выдающиеся строения, опустошив всю окрестную область, варвары со множеством захваченных судов вернулись на свой берег. „Когда соседние скифы увидели привезенные богатства, их охватило желание совершить подобное же” [Зосим I.34,1, по: Ременников 1954, 97].

Очередной поход 258 г. готовился в Северо-Западном Причерноморье (по-видимому, в Тире) силами готов. Они „стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или прибывших с торговыми целями” [Зосим I.34,1, по: Ременников 1954, 97]. Одна часть войска двинулась морским путем, другая часть - посуху вдоль западного побережья Понта. Переправившись через Босфор, варвары разграбили ближние города провинции Вифиния - Хал-

⁶ Дата принятия историками условно; эвакуация Дакии могла произойти после 257 г. [Ременников 1954, 82].

⁷ В датах походов у разных исследователей имеются расхождения, для нас несущественные [Хайрединова 1994, 517]. Как и выше, мы следуем датировкам А.М. Ременникова [1954].

кедон, Никомедно, Никсею и другие, а затем, погрузив богатейшую добычу на повозки и корабли, начали отступление. За все это время римляне не смогли оказать врагу достойного отпора.

В 263 г. „предводители готов Ресна, Ведук и Тарвар взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский, перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы” [Иордан, 107]. На Западном Ионийском побережье Малой Азии были разорены также Троя и Милет, на Босфоре разрушен Халкедон. На обратном пути готы грабили побережье Фракии, где, между прочим, у города Анхиала задержались на „много дней, восхищенные банями на горячих водах”, которые являются „наиболее действенными для здоровья страждущих” [Иордан, 109].

В источниках кратко упоминаются предприятия 264 и 266 гг. [Ременников 1954, 108-113]. Первый поход „скифов” (по-видимому, из Меотиды) прошел по малоазийским провинциям Каппадокия, Галатия и Вифиния⁸. В 266 г. „скифы” высадились в Гераклею Понтийской, которая по своему географическому положению входила в сферу действий варваров Северо-Западного Причерноморья. Против них выступил союзник Рима правитель Пальмиры Септимий Оденат. В Гераклею он был убит, варвары отплыли с добычей, но их флот понес поражение в морской битве с римлянами.

„Греческий” морской поход 267-268 гг. был совместным предприятием вождей восточных и западных областей Северного Причерноморья [Ременников 1954, 114-121]. Герулы, пройдя на 500 судах Меотиду и Понт, вошли в Истр (Дунай). Видимо, именно здесь к флотилии присоединились готы, составившие большинство войска, т.к. в дальнейшем „скифы” выступают под их именем. У входа в Босфор произошли морские бои, в которых пал начальник римского флота Венериан. По пути через Проливы и дальше были разграблены город Кизик, острова Лемнос и Скирос. Пристав к побережью Аттики, варвары подвергли разгрому Афины, Коринф и Спарту. В Афинах историк Дексипп организовал сопротивление врагу. По-видимому, римлянам удалось уничтожить гото-герульский флот, так как путь отступления „скифов” пролегал через Ботию, Эпир и Македонию. В Грецию прибыл император Галлиен и где-то на границе Македонии и Фракии нанес серьезное поражение врагу, потерявшему здесь 3000 человек убитыми. Один из герульских вождей перешел на сторону победителя и, впервые в римской истории, варвар получил от императора консульские инсигнии. В начале 268 г. из-за мятежа в Италии Галлиену пришлось увести часть войск, что облегчило положение „скифов” и они с боями прорвались через Дунай на север.

Успехи морских походов, начинавшихся как пиратские экспедиции, породили в среде готов представление о легкости побед над римским оружием. Легко представить, что рассказы воинов о прекрасных южных городах, несметных богатствах и плодородных полях заморских стран будили воображение общинников даже в глубинных районах готских земель. Под героические песни времен Филимера на советах вождей зрела идея о новом походе-переселении.

Попыткой такого переселения стала кампания 269-270 гг. В качестве его участников- „скифов” источники называют готов, герулов и певкинов⁹. Наиболее многочисленными были готы, вожди которых, очевидно, организовали и возглавили предприятие. Герулы, участники прежних походов, могли доставить боспорские корабли. Певкины, обитатели острова Певка в дельте Дуная, были привычны к плаваниям и поэтому полезны в морском походе. Основное количество судов строилось в устье Тираса (Днестра), то есть в городе Тира. На это место сбора стекались воины с женами и детьми, надеясь обрести новую родину на богатом юге. Позже численность вторгшихся в пределы Империи оценивалась в 300-320 тысяч человек (60-100 тысяч воинов), количество „скифских” судов - от 2 до 6 тысяч. Часть людей двигалась по суше с огромным обозом и табунами скота [Ременников 1954, 130-131].

Однако на этот раз Империя была готова к отражению врага. „Скифы” безуспешно атаковали города Томы, Марцианополь, Византий и Кизик, в Проливах потеряли часть судов и людей. В Македонии войско высадилось с кораблей и варвары начали осаду Фессалоник и Кассандрии, но отступили и двинулись на север. В пути они приняли бой с передовым отрядом римского войска - далматинской конницей и потеряли 3 тысячи человек. Генеральное сражение произошло при Наиссе в Мезии (совр. Ниш в Сербии). Римляне под командой императора Клавдия одержали победу, а варвары потеряли 50 тысяч человек. Путь на север был отрезан и „скифы” повернули на юг, к морю, рассчитывая на помощь своего флота. Отступать пришлось по опустошенной ранее местности, без пищи и фуража, под ударами римской конницы. Наступление холодов и эпидемия чумы довершили дело. Остатки войска ушли в горы и были обречены на гибель. В начале 270 г. уцелевшие отряды готов снова пытались атаковать города Анхиал во Фракии и Никополь в

⁸ Во время этого похода вместе с другими пленниками был вывезен лед готского епископа Ульфилы, грек-каппадокиец [Буданова 1990, 96].

⁹ Автор „Жизнеописания Клавдия” Поллион перечисляет певков, грейтунгов, остроготов, тервингов, визигетов, гепидов, кельтов и герулов [Ременников 1954, 128]. Желая подчеркнуть огромное количество врагов, он использует названия-синонимы обоих готских племен и добавляет родственных им гепидов: стоит ли кто-то за арханским именем „кельты”, неизвестно.

Мезии, но были отбиты жителями.

Одновременно с действиями на суше шла морская война. Отряды „скифских” кораблей совершали рейды не только по Эгейскому морю, но и нападали на острова Родос, Крит, Кипр, южный берег Малой Азии. Однако ни одного крупного города взять не удалось и варвары ограничивались грабежом прибрежных местечек и селений, захватывая в рабство их жителей. Со временем римский военный флот приступил к активным действиям. Осенью и зимой 269 г. „скифы” гибли, истребляемые „то морскими битвами, то бурями” [Ременников 1954, 139]. Немногие из участников кампании смогли вернуться в Северное Причерноморье.

В обращении к сенату Клавдий писал: „Мы уничтожили триста тысяч готов и потопили две тысячи кораблей. Их щитами покрыты все реки, их мечами и копьями - все берега. Под сплошными костями не видно полей, все военные дороги загрязнены; их огромная крепость из повозок стоит покинутая; к нам попало в плен так много эсепцин, что победоносный солдат может взять по две или три из них” [Vita Claudii, VIII.4-6, по: Ременников 1954, 114-121]. „Римские провинции были переполнены рабами-варварами и скифами-земледельцами, гот стал колонном на границах с варварами, и не было района, не имевшего рабов из готов в качестве трофеев войны” [Vita Claudii, IX, по: Ременников 1954, 141-142]. Императору воздавали различные почести, в Капитолии была поставлена его золотая статуя, он принял „победный” титул и стал именоваться Клавдием Готским, была выпущена монета с легендой „Victoria Gotica”. Иордан об этом поражении своего народа прямо не упоминает. Вероятно, отзвуком событий является его возражение „басням” об обращении готов в рабство после их расселения в Скифии [Иордан, 38].

Однако победа Рима была относительной. Еще в ходе войны готы захватили владения Империи в Северо-Западном Причерноморье (Ольвия и Тира), а около 271 г. Рим вынужден был эвакуировать провинцию Дакия (которую также заселили готы) и укрепиться против варваров на правом берегу Дуная.

В истории войн причерноморских варваров с Римом нас особенно интересует судьба Ольвии и Тиры, оказавшихся в арсале черняховской культуры. В источниках не содержится никаких упоминаний о времени захвата этих городов „скифами”.

В отношении Ольвии нам представляется правильной точка зрения В.В. Крапивиной, основанная на ряде стратиграфических и других наблюдений [Крапивина 1993, 154]. Исследовательница допускает два нашествия: во время первых „скифских” походов 232-238 гг. и во время похода 269-270 гг. Этим событиям соответствуют два мощных слоя пожарищ с находками 3 в. В пожаре, которому соответствует нижний слой, гибнут почти все здания города. С этим разрушением исследователи связывают окончательное прекращение монетной чеканки в Ольвии в 235 г. Примерно тогда же запустевают городища и укрепления, входившие в оборонительную систему Ольвийского государства [Буйских 1991, 140]. Вскоре, однако, город восстанавливается, ведется строительство. Как и раньше, присутствует римский гарнизон: в более поздней кладке найден жертвенник с посвящением от легионера 248 г. Следующий слой пожаров соответствует походу 269-270 гг. Тогда же вторично разрушаются приольвийские укрепленные городища (Козырка, Золотой Мыс). На последнем найдено датированное примерно этим временем захоронение в зерновой яме под каменным закладом с характерным для варварского воина набором вещей: гребень черняховского типа, провинциальная серебряная с позолотой фибула (скорее всего, из Подунавья) и крымский поясной гарнитур [Гороховский, Зубар, Гаврилюк 1985]. Ольвия была полностью разрушена и оставлена жителями на несколько лет, о чем свидетельствует отсутствие монет 70-х - начала 80-х гг. Тем не менее город снова возрождается, оставаясь под готским господством.

В Тире, в отличие от Ольвии, не обнаружены явные следы разрушений, которые можно было бы связывать со Скифскими войнами. Однако судьба городов была, по-видимому, похожей. Первые набеги готов не привели к смене власти, но после ухода из Тиры римского гарнизона (не позднее 253 г.) город не мог оказывать серьезного сопротивления варварам и был им попросту сдан [Сон 1993, 53-54]. О пребывании в городе „скифов” говорят находки боспорских монет третьей четверти или второй половины 3 в., которые попали в Тиру скорее всего вместе с участниками разграбления Боспорского царства, а также фибулы варварских типов этого же времени [Сон 1993, 55; Гороховский, Сон 1989]. Часть фибул имеет дакийское происхождение: возможно, здесь селились участники задунайских походов или они привели сюда плененных жителей этих провинций. Существует мнение, что со времени Скифских войн Тира становится политическим центром варварской конфедерации и превращается позже в столичный центр раннегосударственного объединения визиготов-гервингов [Павленко, Сон 1991, 11-14].

Чувствительный удар был нанесен готами и их союзниками по Боспорскому царству, которое, однако, не потеряло политической самостоятельности. Около 251-254 гг. при нашествии бранов был сожжен Танаис, который, по крайней мере до конца 3 столетия оставался в развалинах. В слоях разрушений найдены умбоны от германских щитов типов Конин и Хоруля [Šćukin 1993, 326, fig. 5:9-11; Казанский 1997, 49]. В более поздних слоях (до начала 5 в.) встречаются материалы,

связанные с черняховской и вельбарской культурами. В 60-70-х гг. разрушены города и сельские поселения на Керченском и Таманском полуостровах - Горгиппия, Илурат, Киммерик и пр. Боспор оказался во власти готов и боранов. С этого времени он из государства, которое сдерживало напор варваров на римские границы, превращается в базу для готов, совершавших грабительские походы на территорию Империи [Кругликова 1975, 136-137; Цветаева 1979, 20]. Старая царская династия в Пантикапее пресеклась; новые правители, не имея сил для отпора на месте и не получая поддержки от Рима, соглашались на любые требования варваров. „Когда по исчезновении царского рода во главе правления стали недостойные и презренные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах” [Зосим, Hist. nova, I, 31, по: Латышев 1893, 790].

В разгроме Позднескифского царства в Крыму участвовали союзники германцев - аланы [Высотская 1979, 204]. По-видимому, это произошло одновременно с первыми морскими походами. Тогда же готы проникают в Юго-Западный Крым, в результате чего кремации и вещи вельбарского облика появляются на сармато-аланских могильниках Искерман, Совхоз 10, Черная Речка, Скалистое, Бельбек, Дружное [Казанский 1997, 50]. Херсонес, однако, не был взят варварами и сохранил самостоятельность.

На черняховских памятниках археологическими свидетельствами Скифских войн выступают различные, часто случайные, вещи римского быта, захваченные в качестве добычи и которые не встречаются в более позднем периоде, когда отношения с провинциями принимают характер регулярных торговых связей. К таким вещам мы можем отнести бронзовую черпильницу и ключи из Ружичанки, обломок римского псаля из Косанова, металлические сосуды из Ханска-Лутэрия и Чернелива Русского. По-видимому, таким же путем на черняховскую территорию попало большинство бронзовых статуэток богов и сатиров, коней, фаллических символов. В Петрикивцах найдена гемма с гностическими символами, ручка бронзового котелка. Не случайно здесь же оказался антоиниан Галлиена (253-268 гг.) и бронзовая монета середины 3 в. города Виминакий в провинции Верхняя Мезия. Сестерций Требушиана Галла (251-253 гг.) чеканки этого же города, превращенный в подвеску, происходит из Малополовецкого¹⁰.

На вельбарских памятниках удаленных местностей Волыни подобные находки почти не известны. На неторговые связи с античным Югом может указывать лепной светильник из Боратына - подражание римским лампам [Козак 1992, 96].

Территория черняховской культуры в первой фазе ее существования охватывает в основном регионы Западная и Центральная Украина и Молдова (рис. 88). Если следовать свидетельству Аммиана Марцелина о разграничении владений двух готских племенных объединений по Днестру [Аммиан, XXXI, 3, 5], тервинги-визиготы занимали первоначально регион Молдова. Здесь возникают могильники Городница, Романковцы, Данчаны, Будешты, Ханска-Лутэрия¹¹; готы заселяют территорию союзных карпов на правом берегу Прута (Тодирень, Козия-Ясы¹², Бырлад-Валя Сяке). Учитывая ранние комплексы могильника Тыргшор в Мунтении, следует предположить, что расселение готов вблизи границы римской Дакки могло начаться еще до официальной эвакуации этой провинции около 271 г.

На землях грейтунгов-остроготов ранние черняховские памятники появляются в Западно-украинском регионе (Ружичанка, Чернелив-Русский, Токи, Петрикивцы) и в Южном Побужье (Косанов, Кринички, Гармаки, Гайове¹³). Вероятно, к концу первой фазы готские поселенцы спускаются по Днепру в Надпорожье (Привольное, Новоалександровка). В Среднем Поднепровье «черняховцы» появляются на юге лесостепного Правобережья Днестра у юго-восточных рубежей киевской культуры (Завадовка, Журавка). Сразу же устанавливаются экономические связи, возможно сопровождавшиеся мирным проникновением черняховского населения вглубь левобережья Днестра (Гочево). На киевских поселениях появляется черняховский импорт и другие признаки контактов (памятники типа Букреевка-Тазово). Черняховские влияния проникают в славянскую группировку в верховьях Днестра (памятники типа Черепин). Возможно, отсюда происходит переселение некоторой части жителей (венедов?) в более мирную область левобережья Днестра (см. разд. „Славяне”).

¹⁰ Сообщение Р.Г. Шишкина.

¹¹ Здесь и дальше датировки черняховских могильников основаны в значительной степени на работах Е.Л. Гороховского [1988а; 1988б].

¹² Могильник Козия-Ясы датирован И. Ионицэ началом 4 в., однако М.Б. Щукин с большей вероятностью относит его к первой половине - середине 3 в. [Щукин 1979б, 75].

¹³ На двух последних поселениях найдено 28-35% черняховской гончарной керамики, фибулы группы Альмгрен VII, гребень I типа [Восколуп 1999].

3. Стабилизация черняховской культуры (270-330 гг.)

Катастрофический финал „переселенческого” похода 269 г. надолго прекратил в среде готов помыслы о захвате жизненного пространства в богатых римских провинциях, хотя грабительские походы еще предпринимаются в 270-х годах, как последние всплески Скифских войн [Ременников 1964].

Империя пытается использовать военные ресурсы „замиранных” припонтийских варваров, хотя не всегда удачно. В 275 г. готские отряды собираются в Приазовье (очевидно, в Тапаисе), по словам биографа императора Тацита, „под тем предлогом, что будто бы по призыву Аврелиана они пришли подать помощь нашим в Персидской войне” [SHA, Vita Tac. 13,3, по: Ременников 1964, 131]. Но во время марша на восток Аврелиан был убит. В наступившем междуцарствии готский контингент остался невостребованным и его вожди решили действовать по своему разумению. На кораблях, по маршруту, возможно, ранее согласованному с римским командованием, они подошли к кавказскому побережью и высадились у Фасиса возле устья Риони. Затем готы совершили грабительский рейд по малоазийским провинциям Понт, Вифиния, Галатия, Киликия. Для борьбы с ними прибыл император Тацит с братом Флорианом. Потерпев поражение, варвары погрузили добычу на корабли и отбыли на север. На Боспоре их, правда, настиг римский флот. О победах Тацита свидетельствуют монеты с легендами *GOTHICA* и *VICTORIA PONTICA*. Видимо, часть варварских отрядов задержалась в Малой Азии¹⁴ и их истребление завершил новый император Проб, который также выпустил монеты с легендой *VICTORIA GOTHIC*, а на одной лапидарной надписи он именуется „Готским”.

Вскоре, около 277-279 гг., состоялось вторжение „готских народов” в Мезию и Фракию, а затем в Рецию [Ременников 1964, 136]. В походе участвовала какая-то группа грейтунов. Руководящая роль принадлежала гепидам, судя по монете Проба с легендой *VICTORIA GEP(IDICA)*. В результате в 280 г. император „поселил на римской земле 100 тысяч бастарнов”, а кроме них, гепидов, грейтунов и вандалов [Буданова 1990, 105]. О каких-то военных действиях говорит строка из папегирика 297 г.: „Покорились и просили мира готы”; оба соправителя этого периода императоры Максимиан (286-305) и Диоклетиан (284-305) получили титулы *GOTICUS MAXIMUS* [Буданова 1990, 108]. Императрице Константине Великому приходилось несколько раз отражать вторжения готов на Дунае в период между 315 и 323 гг., за что он дважды удостоился титула *GOTHICUS MAXIMUS* [Буданова 1990, 111-112]. В третий раз император получил этот титул в 332 г. после того, как „готы напали на области сарматов” где-то на востоке Среднедунайской низменности, а Константин „начал войну против готов и оказал помощь умолявшим о ней сарматам” [Буданова 1990, 116]. Полагают, что в этой войне „погиб от сарматского коварства Видигойя, храбрый из готов”, герой эпических песен [Иордан 43, 178].

Несмотря на конфликты с отдельными вождями, римляне продолжали привлекать готских воинов на службу, в чем те были заинтересованы. Иордан упоминает об участии готов в войне с Персией в 298 г., когда они „были отправлены императором Максимианом в помощь римлянам против парфян; посланные туда как вспомогательные отряды, они соблюдали верность в сражениях. ...В государстве был достигнут мир и готами начали как бы пренебрегать. А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами. Часто бывало, что их так и приглашали: например при Константине их позвали, и они подняли оружие против его родственника Лициния; победив, они заперли его в Фессалонике и, лишив его власти, пронзили мечом от имени Константина-победителя¹⁵. Помощь готов была использована и для того чтобы [Константин] смог основать знаменитый в честь своего имени город...: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]” [Иордан, 110-112].

Приток материальных ценностей и рабов, знакомство с античной культурой в период Скифских войн и службы готских воинов в римской армии способствовали расцвету черняховской культуры. Рост населения сопровождается захватом новых территорий. Краткое сообщение латинского источника 291 г. о войнах между германскими племенами за Истром объясняется именно переселением завоеванных земель: „готы целиком уничтожают бургундов, с другой стороны, за побежденных вооружаются аламанны, и в то же время тервинги, другая часть готов, присоединив отряд тайфалов, устремляются против вандалов и гипедов” [XII Paneg. lat. XI(III), 17.1-2, по: Буданова 1990, 62, пр. 71]. Позже, между 332 и 337 гг. [Буданова 1990, 119], готский король Геберих, „стремясь расширяться в сторону племени вандалов” начал войну на берегах реки Маризии (р. Муреш

¹⁴ В.П. Буданова предположила, что задержка части готов свидетельствует об их попытке осесть в Малой Азии [Буданова 1990, 102-103]. Представляется, что такую цель готские вожди поставить не могли, учитывая недавний трагический финал широкомасштабной акции 269-270 гг. Не вяжутся с планом переселения и обстоятельства начала похода 275 г. Скорее, это похоже на пиратскую авантюру с не очень удачным концом.

¹⁵ По другим источникам, Лициний вошел в переговоры с готами, чтобы, опираясь на их силы, снова получить власть. Замысел открылся и Лициний был казнен в Фессалонике в 325 г. [Скржинская 1960, 261, прим. 355].

в Трансильвании); „король вандалов Визимар с большей частью своего племени был уничтожен. Гейберих же, выдающийся вождь готов, после одоления вандалов и захвата добычи вернулся в свои места, откуда вышел” [Иордан, 113-115]. Вандалы с разрешения римлян поселились в Паннонии, но и готы не стали закрепляться в Трансильвании (что подтверждается археологией).

В начале 4 в. завершается освоение визиготами междуречья Прута-Сирета (Румынская Молдова). В 303 г. они изгоняют остатки свободного племени карпов, которые вынуждены просить прибежища на землях Империи (см. разд. „Фракийцы...”). По-видимому, постепенно заселяется Мунтения, хотя материалы этого времени здесь встречаются редко (Тыргшор)¹⁶.

Значительно расширяются и владения остроготов-грейтунгов (рис. 89). Основываются поселения в Причерноморье, захваченном в ходе Скифских войн (наиболее ранний памятник Каборга 4 возникает в последней трети 3 - начале 4 в.)¹⁷. В результате культурного симбиоза готов с поздними скифами и сарматами здесь формируются черняховские памятники причерноморского типа. В Буджакской степи до середины 4 в. обитают кочевники. Очевидно, именно эту область, расположенную на восток от Дакии, Орозий называет Аланией [Латышев 1949, 1068].

Усиливается давление на племена киевской культуры. Около рубежа 3-4 веков (конец ступени С₂) черняховское население занимает земли Среднеднепровской группы, включая полосу вдоль левого берега Днепра. Возникают памятники: Глеваха и Обухов 1 (на местах киевских поселений), Великая Снитника, Соснова, Переяслав, Градижск, Компанийцы.

4. „Эра Германариха” (330-375 гг.)

На период второй-третьей четверти 4 в. приходится высший экономический расцвет черняховского общества, показателем чего является большее, чем в иные периоды, количество археологических комплексов и массовое поступление римских импортов. Внешняя торговля становится одним из важных двигателей политики готских вождей, что использовала в своих целях и римская администрация.

В результате деятельности императора Константина I по общей стабилизации обстановки в государстве и на дунайской границе в частности, характер отношений между Империей и готами меняется. После периодических конфронтаций наступает длительный мир. В итоге войны 332 г. (см. выше) был заключен договор (*foedus*), по которому готы как федераты обязывались за ежегодное вознаграждение поставлять в римскую армию определенное число воинов; им разрешалось вести торговлю на Дунае. В Константинополь были отправлены заложники, в их числе сын короля Ариариха (предположительно, его преемник Аорих), который провел юность при дворе императоров Константина и Констанция. До конца жизни он остался под впечатлением мощи римлян; сыну своему Атанариху он завещал, связав страшной клятвой, никогда не ступать на римскую почву [Аммиан, XXVII. 5, 9].

В 4 в. в среду припонтийских варваров проникает христианство. Обращение готов связано с именем выдающегося деятеля своего времени епископа Вульфилы (Ульфила) (311-383 гг.). Его мать была малоазийская гречанка, отец - гот; дед-христианин был захвачен готами в Каппадокии, вероятно, во время похода 264 года. Молодость Вульфила провел в Константинополе; не исключается, что после войны 332 г. он попал туда в числе заложников вместе с сыном короля Ариариха. Молодой гот знал греческий и латынь, изучал риторику. Полагают, что на миссионерскую деятельность его вдохновил патриарх Евсевий (338-341 гг.). В 30-летнем возрасте (341 г.) в Антиохии Вульфила принял сан епископа готов и отправился проповедовать среди соотечественников. Поскольку среди византийских христиан в это время возобладало учение Ария, поддержанное Константином Великим (и позже объявленное ересью), готы становились арианами. Предводители тервингов-визиготов и особенно король Атанарих были настроены враждебно к христианству, исходившему от римлян. Начались преследования, и в 348 г. Вульфила со своей паствой вынужден был уйти в Нижнюю Мезию, где они по разрешению императора Констанция надолго осели близ Никополя (совр. Велико Тырново)¹⁸. В 6 в. Иордан знает это население как „малых готов” [Иордан, 267] (см. разд. „Германцы”). Большой заслугой Вульфила является перевод Библии; словарь перевода служит основой многих лингвистических и исторических исследований. Для этой задачи просветитель отказался от языческого рунического письма и разработал готский алфавит на основе греческого с использованием латинских и рунических знаков [Фридрих 1979, 144; Hachmann 1995].

В 365 г. дунайские готы оказались вовлеченными в борьбу претендента на престол Прокопия против императора Валента. Война на территории Империи соответствовала их планам: в это

¹⁶ В.П. Буданова предполагает, что какая-то часть готов с конца 3 в. или ранее проникает даже в Среднедунайскую низменность [Буданова 1990, 115, 120], однако археология этого не подтверждает.

¹⁷ О.А. Гей относит возникновение этого могильника к середине 3 в., т.е. к фазе I [Гей 1986, 82].

¹⁸ В знак благодарности в готском церковном календаре Констанцию был посвящен день 3 ноября. Со своей стороны, этот император называл Вульфила „Моисеем нашего времени” [Буданова 1990, 138-139].

время „Фракию грабили разбойнические шайки готов”, а более крупные объединенные силы уже готовились к переходу границы [Аммиан, XXVI.4, 5; 6, 11]. Признав Прокопия родственником Константина, готские вожди согласно договору от 332 г. выставили 10 или (по другому источнику) 3 тысячи воинов; однако в 366 г. победил Валент, варвары были захвачены в плен и проданы в рабство в города Фракии [Буданова 1990, 146-147].

Не останавливаясь на этом, Валент задался целью покарать враждебный народ на его земле. В 367 г. по наплавному мосту у крепости Дафна¹⁹ римское войско перешло Дунай. Однако готы, избегая столкновения, укрылись в Карпатах и римляне захватили на равнине лишь „часть семей”. На следующий год Валенту помешал большой разлив Дуная. Но в 369 г., наведя мост на судах у Новиодуна (совр. Исакча), он оказался в районе озер Кагул и Ялпуг. Здесь, по мнению М.Б. Щукина, римлянам пришлось через плавни насыпать участок дороги [Щукин и др. 1997]. Валент вывел легионы на старую дорогу, ведущую в Тиру „и после продолжительного похода нанал на воинственное племя Гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах. После нескольких легких стычек, он встретился с самым могущественным в ту пору царем [гервингов] Атанарихом, который отважился оказать ему сопротивление с очень сильным, как ему казалось, войском. Атанарих был, однако, вынужден бежать, едва спасшись от гибели”²⁰ [Аммиан, XXVII. 5,6]. Римляне вели войну на уничтожение: Валент выдавал награду за каждую отсеченную готскую голову [Зосим IV.10, по: Велков 1955, 249, пр. 2]. С этими событиями можно сопоставить разрушение т.наз. „послеготского дома” в Тире, в котором найдена керамика черняховского типа; по амфорам комплекс датируют между 360 г. и концом 4 в. [Кравченко, Корпусова 1975; Абрамов 1993, 18].

После поражения готы запросили мира, т.к. кроме военной угрозы, „запрет всяких торговых сношений угнетал варваров крайним недостатком в самом необходимом. [Договорились о встрече на Дунае.] И так как Атанарих заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступить на римскую почву и нельзя было его заставить, а императору было непочтено переходить к нему, то решено было, что они съедутся на гребных судах на середине реки. Император с оруженосцами с одной стороны, Атанарих со своими людьми с другой - встретились для заключения мира, согласно условиям. Устроив это дело и приняв заложников, Валент возвратился в Константинополь” [Аммиан, XXVII.5,7-10]. Торговля с готами разрешалась теперь лишь в двух городах - Дафне и Новиодуне.

Период истории восточной ветви готов - грейтунгов второй-третьей четверти 4 в. иногда называют „эрой Германариха” по имени их короля из рода Амалов, крупного политика и полководца, „который многие народы... покорил и заставил повиноваться своим законам” [Иордан, 116]. Римляне, хотя никогда с ним не сталкивались, знают его как „весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, вследствие его многочисленных и разнообразных военных подвигов” [Аммиан, XXXI.3, 1]. Его имя (конунг Ермунрекк Могучий) сохранилось в скандинавском цикле сказаний о Нифлунгах (Нибелунгах) южногерманского происхождения [Стеблин-Каменский 1970, 77-78 и др.] и в других произведениях англосаксонской, германской и скандинавской поэзии [Буданова 1990, 22].

Среди покоренных Германарихом народов Иордан называет одиннадцать северных племен, среди которых разные исследователи узнают народы балтского и финнского происхождения: чудь (*Thiudos*), весь (*Vas*), меря (*Merens*), мордва (*Mordens*) и др. Отдельно говорится о покорении эстов, а также герулов и венетов [Иордан, 116-120]. Полное подчинение готами народов, живущих на берегу Балтики или в бассейне Волги и Оки не представляется практически возможным. Большинство исследователей усматривает связь между последовательностью перечисления племен в этом списке и реальными торговыми путями. Некоторые считают, что Иордан просто переписал ряд названий восточноевропейских племен из античного итинерария (дорожника) или описания путешествия конкретного купца [Скржинская 1960, 265-266, пр. 367; Буданова 1990, 123-124]. Б.А. Рыбаков предполагает в этом списке водный маршрут из Балтики по Волге в Каспийское море с возвращением через Кавказ, по которому готские путешественники прошли в поисках торговых связей с Востоком [Рыбаков 1987, 36]. Те, кто больше доверяет источнику, целью экспедиций грейтунгов на северо-восток считают овладение торговлей с областью от Оки до Урала [Wolfram 1990, 96]. По мнению М. Казанского, походы Германариха в направлении торговых путей (в том числе в Прибалтику и Меотиду) представляют собой разные фазы продуманного плана с целью установления господства над экономически важными коммуникациями Восточной Европы [Kazanski 1992, 98]. Возможно, конкретной задачей такой политики была нейтрализация торговых посредников и свободное, „беспошлинное” поступление товаров из дальних областей с дальнейшей их перепродажей провинциальным партнерам. Напомним, что именно на „эру Германариха” (вто-

¹⁹ Исследователи помещают этот пункт против устья р. Арджеш или несколько ниже [Буданова 1990, 148].

²⁰ По нашим представлениям о размещении грейтунгов, римскому войску требовалось для встречи с ними дойти до Днестра. За это время Атанарих, по-видимому, успел собрать ополчение тервингов.

рая-третья четверти 4 в.) приходится пик поступления массовых римских импортов на черняховские земли.

По-видимому, с той же целью был подчинен немногочисленный в то время германский народ герулов, живший на берегах Меотиды. „После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за [слабости их] оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. ...[Венеты] ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавен. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха” [Иордан, 119].

Этот рассказ соответствует массовому распространению черняховских памятников во второй четверти 4 в. в лесостепной зоне Восточной Украины, которая входила до этого в область Сейминско-Донецкой группы киевской культуры (рис. 85; 90) [Terpilovskij, Magomedov (в печати)]. Вытесненное население уходит на север и восток, увеличивая плотность заселения Деснинской группы в лесной зоне.

Наступление готов на киевское население началось, как упоминалось, с рубежа 3/4 в. Без сомнения, оно сопровождалось грабежами и захватом пленных. Именно так можно объяснить находки выемчатых эмалей в Черняхове, Ромашках, Великой Снитинке и, пожалуй, даже на вельбарском могильнике Дитишчи [Магомедов (в печ.)]. Такое же происхождение, по нашему мнению, могут иметь киевские материалы с черняховских поселений Хлопков, Журавка, Лепесовка и (менее очевидные) из Новолиповского, Ломоватого, Великой Бугаевки и др. [Абашина, Обломский, Терпиловский 1999]. Равноправное сожителство германских и славянских общин в этих условиях не представляется возможным.

Тервинги в этот период (разумеется, еще до войны с Валентом) продолжают осваивать Мунтению (рис. 90), здесь появляются могильники Спанцов, Индепенденца и др. С 4 в. источники иногда называют нижнедунайские земли Готией, а левый берег Дуная - „Готский берег” [Буданова 1980; 1990, 114]. Возможно, готы начинают поселяться и в Трансильвании. Основные земли тервингов, судя по направлению походов армии Валента, лежали в Молдове.

5. Вторжение гуннов и финал черняховской культуры

Финальный этап черняховской культуры связан с политическими событиями гуннского периода. Необходимо учитывать и климатические перемены в эту эпоху, ставшие первоотчетком перемещения огромных масс населения Евразии. В результате наступления более холодного климатического периода в лесостепи и степи упала продуктивность земледелия и ухудшилась общая демографическая ситуация. Как показывают исследования Р.Г. Шишкина, черняховская хозяйственно-экологическая модель была эффективна только в четко определенных природных условиях и не переносила резких колебаний в окружающей среде; главной причиной упадка черняховской культуры этот автор считает исчезновение избытка в производстве зерновых - главном экономическом условии содержания ремесленников [Шишкин 1996а, 17, 21].

Трудно сказать, насколько аграрный кризис сам по себе смог бы изменить внешний облик черняховской культуры, но одним из последствий вторжения гуннов в Юго-Восточную Европу в 375 г. был уход ее основных носителей из мест своего обитания. Столкновение готов с гуннами в Восточной Европе (т.е. на территории черняховской культуры) оставило след в исторической памяти германских народов и стало сюжетом эпических произведений [Старшая Эдда 1963, 174-178; Прицак 1997, 242-276].

„...Гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха...” [Аммиан, XXXI. 3,1].

Ничто не говорит об „истреблении и опустошении” в землях готов-грейтунгов (как в землях алан) и это находит свое объяснение. Гунны не встретили здесь серьезного сопротивления, т.к. остроготы в это время оказались без центрального руководства. „Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему [Эрменриху-Германариху] в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильду, за изменнический уход [от короля], ее мужа, король движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Амми, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечем²¹. ... Германарих... страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни²². Смерть его дала гуннам возможность осилить ... ост-

²¹ Эпизод о Германарихе и Сунильде (Сунихильде) получил развитие в германском эпосе. Предположение о его связи с легендой о Лыбеди и братьях-основателях Киева вызывает серьезные возражения [Анфертьев 1994, прим. 216, 155-156].

²² По версии Аммиана Марцеллина, Германарих принял добровольную смерть [Аммиан, XXXI. 3,2]. Возраст короля выглядит легендарно, но он, безусловно, дожил до глубокой старости.

рогогов" [Иордан, 129-130].

Судя по дальнейшим событиям, остроготская „держава Германариха" распалась по крайней мере на три части, возглавленные своими вождями.

Преемником Германариха Аммиан называет Витимира: „Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силою оружия. От имени его малолетнего сына (Витерика [Видериха]) приняли управление Алатей и Сафракс, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли на реку Данастию (Днестр)" [Аммиан, XXXI. 3,3].

По Иордану, после Германариха королем стал Амал Винитарий. Сначала он подчинился гуннам. „Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божса (Бооз) с сыновьями его и семьюдесятью старейшинами... Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: не потерпел Баламбер, король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинился гуннам со значительной частью готов." В сражении на реке Эрак Баламбер убил Винитария „и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и [соответственно] решению гуннов. Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын ... Германариха" [Иордан, 245-250].

Часть исследователей считает, что имя Винитарий - почетное прозвище („Победитель вентов") Витимира, о котором пишет Аммиан [см. Буданова 1990, 131, 133]. Этому противоречит ряд фактов, в частности: 1) разные враги и союзники; 2) разные преемники; 3) деятельность Винитария и его преемника „в Скифии" не могла ограничиться лишь 375-376 гг., как деятельность Витимира и Видериха.

Таким образом, в гуннское время три ветви остроготского племени первоначально возглавили Витимир, Винитарий и Гезимунд, ни один из которых не являлся прямым наследником Германариха (по генеалогии Иордана родственником был только Винитарий - внук Германарихова брата Вультвульфа [Иордан, 79, 80, 245]). По-видимому, остальные были вождями региональных племенных групп.

Группу Витимира имеются основания локализовать в регионе Восточная Украина, который оказался в природном и военно-политическом отношении самой уязвимой частью готской территории [Магомедов 1997]. После завоевания региона Германарихом здесь в течение 30-40 лет быстро росло население. Как следствие глобального изменения климата в этой наиболее восточной, континентальной, части черняховского ареала должен был наступить ряд неурожайных лет. В 375 г. население региона первым приняло удар гуннов; как только ослабла военная мощь готов, набеги алап-танайтов из Приазовской степи не прекращались. Одно из аланских племен Витимиру удалось привлечь в союзники (по Аммиану - „другое племя гуннов"). По-видимому, вождем его был Сафракс²³. После гибели Витимира Алатей и Сафракс, видя бесперспективность дальнейшей борьбы, в 376 г. уводят своих людей (готов и алан) на римский берег Дуная, где их упоминает и Иордан [134,141].

Наше предположение, что группа Алатей-Сафракса происходит из Левобережья Днестра, основано на таких соображениях:

- 1) После 375 года черняховское население в регионе Восточная Украина сильно сократилось; здесь отсутствуют или встречаются гораздо реже, чем в других регионах, вещи, диагностирующие ступень D₁: стеклянные кубки с каплями синего стекла²⁴, конические кубки, шигковые фибулы поздних вариантов и т.д.
- 2) Характерные для Левобережья Днестра типы посуды (кувшины типов I и 6, вазы „левобережного" типа) появляются в Мунтении и в Молдове, в комплексах, датированных не ранее ступени D₁ (рис. 60; см. разд. „Проблема датировок керамики").

Эти типы керамики могли принести с собой мастера - переселенцы из Восточной Украины. Кувшин, соответствующий нашему типу I, найден также в Венгрии, в погребении гуннского времени из Лебеньи [Tejral 1972, 114-115]; это согласуется с известием о том, что около 380 г. „полчища" Алатей и Сафракса „устремилась в Паннонию", где император Грациан поселил их в качестве федератов [Иордан, 141; Wolfram 1990, 251].

Иллюстрацией смены этнополитических приоритетов в Восточно-Украинском регионе служат

²³ Угтывая иранское звучание его имени, Сафракса считают вождем аланской части гото-аланского объединения [Wolfram 1990, 124].

²⁴ На Левобережье такие кубки известны только на приднепровских памятниках: фрагмент на поселении Соснова и керамическая имитация в Компанийцах (рис. 55:2).

позднейшие комплексы из Кантемировка - три захоронения воинов-кочевников под курганами в камерных могилах, но с черняховскими вещами. Вскоре в опустевшие земли возвращается славянское население: на Псле и Суле возникают посткиевские поселения (Сенча, Курган-Азак) [Терпиловский, Абашина 1992, 173; Terpilovskij, Magomedov (in Druck)].

Труднее представить размещение группировок Винитария и Гезимунда. Винитарий был родственником Германариха, после него королевский титул наследовали прямые потомки последнего - сын Гунимунд и внук Торисмунд²⁵. Логично предположить, что им подчинялись земли, составлявшие ядро Германариховой державы; если ее центром был легендарный Данпарстадир²⁶ (см. разд. „Титы поселений”), то группа Винитария размещалась где-то в Поднепровье. С Днепром отождествляет часть исследователей и р. Эрак, возле которой был убит Винитарий²⁷. Тогда возможно, что причиной гото-антской войны было возвращение славян киевской культуры на земли, оставленные в 376 г. группой Витимира; Винитарий, как наследник Германариха, считал их своими. С этих событий могла начинаться славянская экспансия на юг [Годловский 1992, 181].

Группа Винитария оставалась на прежних местах и в 419 г., „когда Беремуд, рожденный Торисмундом”, не надеясь получить наследственный титул в родных землях, „вместе с сыном Витирихом переселился в королевство везеготов [Толозанское королевство в Галлии], [уйдя] от остроготов, все еще подчиненных гуннскому игу в землях Скифии” [Иордан, 174, 251]. С этим согласуется наличие в Центральной Украине ряда памятников с комплексами гуннского времени (см. ниже).

Группу остроготов Гезимунда следует искать в регионе, также представленном позднейшими комплексами. Это могут быть памятники Причерноморского типа, где готы жили в тесном контакте с аланами - союзниками гуннов. Центром этой группы могли быть хорошо укрепленные городища Городок или Александровка.

К подобным выводам относительно размещения „королевств” Винитария и Гезимунда пришел М. Казанский. Но он предполагает, что центр группировки Винитария-Гунимунда-Торисмунда в гуннское время переместился в Днепровское Левобережье, в верхние течения Ворсклы и Псла. Указание на это исследователь видит в находках ряда вещей „княжеского” ранга первой половины - середины 5 в. (клады или плохо документированные погребения из Нежина, Большого Каменца, Жигайловки, Рублевки); однако, он сам же отмечает, что эта группа древностей не имеет точного этнического адреса и может принадлежать аланам [Казанский 1997а, 183-184]. Нам этот общепринятый взгляд представляется более обоснованным.

Весьма соблазнительно сопоставить персонажи и события эпической песни „Битва готов с гуннами” из „Саги о Хервор” с историческими данными, хотя, как показал авторитетный исследователь произведения Омелян Прицак, подобные попытки малоперспективны [Прицак 1997, 242-276]. Германарих мог быть прообразом короля Рейдготаланда Хейдрека, эпическое имя которого означает „Степной Король”: как и исторический вождь, он после военных успехов погиб от рук своих подданных, затем следует борьба между наследниками. Винитарий в таком случае выступает под именем Ангантюра („Счастье Тюр” - имя бога Тора), наследующего королевство. Гезимунду соответствует „антигерой” Хлэд („Разрушитель”), который, претендуя на половину владений Хейдрека, вместе с громадным войском гуннов нападает на готов. Сюжет песни, по законам жанра, но вопреки исторической правде, завершается гибелью Хлэда и короля гуннов от волшебного меча Тюрвинга.

Теперь перейдем к позднему отрезку истории тервингов-везеготов. Первые поражения остроготов от гуннов, „неукротимого народа, воспламененного дикой жаждой грабежа”, заставили их готовиться к войне. Аммиан пишет: „Когда слух об этих неожиданных событиях дошел до Атанариха, правителя тервингов, ...он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. Он разбил большой лагерь на берегах Данастиа [Днестра] в удобной местности поблизости от степей Гревтунгов, а в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлением к битве. Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого видели и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших далее, они ринулись быстрым натиском на Атанариха.

Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убе-

²⁵ После смерти Торисмунда (предположительно, около 404 г.) „в течение сорока лет никакой другой король не занимал его места” [Иордан, 251]. Очевидно, это было следствием дальнейшего упадка центральной власти под владычеством гуннов.

²⁶ В Данпарстадире наследник совершает погребальную тризну по королю Хейдреку („Сага о Хервор”) [Прицак 1997, 260].

²⁷ Другие размещают р. Эрак в Закавказье (р. Фазис-Аракс), а антов считают аланским племенем [Скрябинская 1997, 329, прим. 614; Wolfram 1990, 254].

жища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большого страха за будущее, он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза [Сирет] до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что, быстро и рачительно соорудив это прикрытие, он вполне обеспечит себе безопасность и спокойствие²⁸. Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы вконец погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднения, в которое их ставило обилие добычи.” [Аммиан, XXXI. 3,4-8].

После военного поражения произошел раскол: „часть племен... оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах” [Аммиан, XXXI.3,8]. Через некоторое время он „двинулся со всем своим народом в область Кавкаланда [Трансильвания], местность недоступную, благодаря высоким поросшим лесом горам, вытеснив оттуда Сарматов” [Аммиан, XXXI.4,13]. Это сообщение сопоставимо с хронологией трансильванских памятников типа Сынтана де Муреш, большинство которых возникает вряд ли раньше гуннского времени [Horedt 1982, 187-188].

Другая часть везеготов, которую возглавили более лояльные к Риму вожди Алавив и Фритигерн, решили искать спасения от гуннов в римских владениях. Получив разрешение от императора Валента, они переправились на правый берег Дуная [Аммиан, XXXI.4,1-8]. Вскоре к границе подошли остроготы и алапы, которых вели Алатей и Сафракс (опекуны Витериха); с ними прибыл (по-видимому, также из-за Днестра) отряд готского вождя Фарнобия²⁹. В том же 376 г. на Нижнем Дунае появляется еще одна, по-видимому небольшая, группа готов во главе с вождем Одотеем [Буданова 1990, 129]. Вновь прибывшие варвары, получив отказ на свою просьбу о поселении, перешли Дунай без согласия римлян. Материальными следами этих переселений являются черняховские вещи этого периода на римских памятниках Малой Скифии и Фракии, в частности на некрополе древнего Бероз, совр. Пятра Фрекецэй: щитковые и подвязные фибулы, гончарная и лепная керамика (в т.ч. горшок вельбарского типа IA) и т.д.; [Tempe 1962; Petre 1987, fig. 60-65, 78-81, 112, 115-119; Haralambieva 1990; Opaif 1996, 104-105, 125, 130].

Вследствие начавшегося голода и злоупотреблений римской администрации готы восстали. В битве под Адрианополем 9 августа 378 г. при активном участии гото-алапской кошицы Алатей и Сафракса они разбили римскую армию; император Валент погиб. Вскоре среди вождей разворачивается междоусобная борьба. Алатей и Сафракс с Фритигерном сумели изгнать Атанариха из его новых владений; в 381 г. он нашел убежище в Константинополе, где был с почетом принят императором Феодосием, но через пятнадцать дней внезапно умер [Скржинская 1997, 287, прим. 422].

Касаясь дальнейшей истории готов периода гуннского владычества, древние авторы описывают бурные события, происходившие на территории Империи. „Скифия” надолго выходит из области их интересов. Для освещения последних десятилетий черняховской культуры приходится пользоваться почти исключительно археологическими источниками, не имеющими надежных хронологических опор.

Большинство археологов сходится во мнении, что черняховская культура прекращает существование в первой половине 5 в. [Щукин 1979а; Баран 1981; Гороховский 1988; Kazanski 1992а; Лей, Бажан 1997 и др.]. По-видимому, последние группы готов, основных носителей этой культуры, покинули земли Восточной Европы в 432 г. вместе с гуннами, когда их вождь Руа начал войну на Дунае, или вскоре после 433 г., когда Аттила перенес ставку из Северного Причерноморья в Паннонию [Засецкая 1994, 145-146]. Судя по датировкам памятников причерноморского типа, вместе с готами уходят союзные им алапы и „поздние скифы”.

Вследствие кочевого быта и особенностей погребального обряда (отдельные бескурганые захоронения) гунны оставили мало памятников своей культуры. На территории черняховской культуры, в Украине и Румынии, И.П. Засецкая с ними связывают 13 комплексов, относящихся в основном (кроме двух) ко второй четверти 5 в. [Засецкая 1994, рис. 30, карта]. Показателем непосредственных контактов гуннов с местным населением можно рассматривать находки ручек от бронзовых котлов в хозяйственной яме на черняховском поселении Тимково в Одесской области и, возможно, в Ольвии [Редіна, Росохацький 1994].

Черняховские комплексы гуннского времени (ступень D₁) включают крупные варианты пластичатых фибул, пряжки с клювовидными или сильно выступающими язычками, стеклянные кубки конической формы (тонко- и толстостенные), а также с каплями синего стекла, гребни типа Томас III, амфоры типов E, „Харакс”, Зеест 100 и некоторые другие типы вещей. Часть из них, однако, появляется еще в предыдущий период (пряжки, гребни, по-видимому, амфоры Зеест 100 и тонкостенные конические кубки).

С приходом гуннов значительное сокращение черняховского населения наблюдается сначала

²⁸ С этими событиями некоторые исследователи связывают валы, сохранившиеся в Нижнем Подунавье; другие ученые относят их к иным периодам истории [Вульпе 1960; Чеботаренко, Суботін 1992].

²⁹ В следующем 377 г. Фарнобий с отрядом погиб в стычке с римскими войсками [Аммиан, XXXI.9, 3-4].

только в регионах Восточная и Западная Украина (рис. 91). Вещей ступени D₁ здесь мало, а в Восточной Украине, как было сказано выше, они связаны с кочевническими древностями: курганные погребения на грунтовом могильнике Кантемировка, аланская катакомба из Дмухайловки.

В Центральной Украине комплексы гуннского времени встречаются в Киевском Поднепровье (Журавка, Киев³⁰, Канев, Вильшанка, Соснова) и в Побужье (Маслово, Косанов, Курники, Данилова Балка)³¹. Больше памятников этого периода насчитывается в южных и юго-западных регионах, что можно связать с притоком туда населения из северных областей. Отчасти это можно объяснить и несовершенством нашей хронологии (датирующие импорты, особенно амфоры, чаще встречаются вблизи черноморского побережья и дунайского лимеса). Тем не менее, наиболее надежные хронологические индикаторы предшествующего периода, т.е. второй-третьей четвертей 4 в. (кубки типа Ковальк или малые пластинчатые фибулы), распределяются по черняховской территории более равномерно.

В восточной части Причерноморского региона гуннским временем датируются погребения Гавриловка 5, Камска-Анчекрак 5 и 8, Ранжевое 12 и 14, Фрунзовка. Синхронные находки (в основном импортную керамику) дают поселенческие комплексы Дудчаны, Кут, Снигиревка, Александровка, Городок, Луговое, а также связанные с упомянутыми могильниками Каменка-Анчекрак и Ранжевое. Между устьями Днестра и Дуная захоронения этого периода имеют могильники Беленькое, Холмское, Фурмановка; по-видимому, так же датируется комплекс „последотского дома” в Тире.

В Молдове, Мунтении и Трансильвании поздние комплексы выделены почти исключительно по погребальным памятникам. В регионе Молдова это Лазо, Малаешты, Будешты, Хуча, Нагорное 2, Бырлад-Валя Сяке, Извоаре, Барча, Ивешть³², на севере региона - Одая и Горошевцы. В Мунтении: Тыргшор, Индепенденца, Александру Одобеску, Изворул, Спащов, Петроаселе³³. В Трансильвании, возможно, все памятники культуры Черняхов-Сынтана относятся к гуннскому времени. Наиболее уверенно датируются могильники Сынтана де Муреш, Тыргу Муреш, Платка.

На памятниках типа Черепин-Теремцы на Верхнем и Среднем Днестре выделение позднейших материалов встречает трудности из-за отсутствия могильников. В Верхнеднепровском регионе В.Д. Баран относит к гуннскому времени комплексы из Черепина - жилища 12 и 8 [Баран 1981, 136-137]. Последнее хорошо датирует вторично использованная бляшка от конской сбруи, изображающая льва [Засецкая 1993, 67, кат. № 167]. Датировку позднего слоя поселения подтверждает орнаментированный гребень типа Томас III. В Рипнине к гуннскому времени могут относиться некоторые фибулы, двучастная подвеска и амфора [Баран 1981, 141-145], а также полулунная „трехрогая” подвеска с пуансонным орнаментом и со следами дополнительных привесок (рис. 74:17). Такие изделия появляются не ранее середины 4 в. или, скорее, в последней его четверти (см. разд. „Украшения”). Гребень типа Томас III второй половины 4 - 5 вв. найден также на поселении Ракобуты [Баран 1981, 146].

По наблюдениям В.Д. Барана, на протяжении 4 в. в культурном облике поселений Верхнеднепровского региона происходят некоторые изменения [1981, 147]. Появляются полуземлянки более правильных, подквадратных очертаний, начинают применяться печи-каменки (Черепин) или глиняные печи (Демьянов, Рипнев). Со временем увеличивается процент лепной посуды, вырабатываются формы, близкие раннесредневековым горшкам пражского типа. К концу существования черняховской культуры особых этнических изменений на Верхнем Днестре не наблюдается.

Более сложную картину видим на Среднем Днестре, где сосуществуют два типа черняховских памятников. Поселения типа Теремцы (также Сокол, Бакота, Бернашовка), которые мало отличаются от типа Черепин, открыты на довольно коротком отрезке левого берега реки. Их окружают «классические» черняховские памятники, которые в предыдущей главе мы условно назвали «тип Косанов». Это могильники Думанов, Малиновцы, Оселивка, Романковцы, поселения (в том числе с „длинными домами” и вельбарскими комплексами) Великая Слобода, Комаров, Лука Врублевцевская, Иванковцы, Оселивка, Козлов и др. Часть из них, возможно, доживает до гуннского времени, по крайней мере, такие материалы есть на могильниках, расположенных несколько выше по Днестру и включенных нами в регион Молдова - Одая, Горошевцы. В течение ступени D₁ эти памятники исчезают, что объясняется отходом германцев на запад, а славянские поселения постепенно теряют черняховские черты (прежде всего, гончарную керамику). Этот процесс на ряде разновременных жилых комплексов прослежен в Теремцах [Баран 1983, 14-24].

³⁰ Самойловский 1952; Гороховский 1988, рис. 80.

³¹ На основании ряда случайных находок (покрытые золотом накладки уздечных ремней и др.) гуннским временем датируют также поселение Капуловка в Днепропетровской обл. [Рутківська 1970]. И.П. Засецкая справедливо считает, что эти вещи, скорее, происходят из разрушенного бескурганного погребения (хронологическая группа 16, т.е. 425-454 гг.) [Засецкая 1994, 114, 166, рис. 25].

³² Palade 1970, fig. 1.

³³ Diacomi 1986a.

6. Наследие черняховской культуры

После ухода на запад основной массы черняховского населения исчезает и сама эта культура. Из ее носителей на прежних местах обитания остается только славянское население Верхнего и Среднего Днестра (памятники типа Черепин-Теремцы). Население Среднего Днестра возрастает (по-видимому, за счет притока из Верхнего Поднестровья) и распространяется к югу на правый берег р. Прут, ассимилируя местное население культуры карпатских курганов [Тимощук 1984]. Пражские комплексы постчерняховского периода, т.е. середины - второй половины 5 в., еще содержат небольшое количество черняховской (или карпатской) гончарной керамики (от долей процента до 12% в Рашкове 2³⁴); в Рашкове 3 известны лепные подражания черняховским биконическим мискам. Гончарная посуда встречается, кроме названных раннепражских поселений, в Зеленом Гае, Луке-Каветчинской, Устье, Кодыне, Горече [Баран 1983, 24-37; 1988, 16-17]. Подобные поселения открыты и в Румынской Молдове - Ботошань, Тодирешть, Яссы-Николина (верхний слой, содержит пеньковскую керамику) [Teodor 1978, 31-32; Андроник 1991; Ioniță 1985]. Здесь их относят к типу Костица-Ботошана, который объединяют памятники 5-6 вв. Восточного Прикарпатья. Таким образом, племена пражской культуры унаследовали лишь небольшую часть традиций черняховской культуры, а именно ту часть, которая была присуща населению памятников типа Черепин-Теремцы.

Некоторые авторы видят в черняховских древностях истоки также и пеньковской культуры [Сымонович 1966, 47-49; Седов 1970, 68-69; 1979, 122; Смиленко 1975, 66-67; Русанова 1976, 105-111; Седов 1994, 316]. Действительно, на самых ранних (вторая половина 5 в.) пеньковских поселениях встречаются единичные фрагменты черняховской посуды. Такие памятники имеются в Центральной Украине (Хитцы, Кочубеевка, Кочуров, Гута-Михайловская) и в Молдове (Селиште, Данчены) [Приходнюк 1992, 332, 334]. Однако непредвзятый анализ обеих культур, включая погребальный обряд и домостроительство, не позволяет говорить о прямом родстве оставившего их населения. Наиболее обоснованным нам представляется мнение о возникновении пеньковских памятников на основе древностей киевской культуры, не исключая участие и других элементов [Гершиловский, Абашина 1992, 96-97; Приходнюк 1992]. „Посткиевское” (или „раннепеньковское”) славянское население начинает продвигаться на территорию черняховской культуры только после того, как она была оставлена основными носителями этой культуры - готами.

К полезным приобретениям, сохранившимся у раннесредневековых славян от позднеримского периода, следует отнести использование железного наральника и ручной мельницы. Конечно, не все наследие черняховского периода может быть прослежено в славянской культуре методами археологии. Следы контактов с германцами сохранились в славянских языках; часть этих слов, связанных с военным делом, хозяйством и разными направлениями культурной деятельности, очень вероятно может иметь готское происхождение [Фасмер 1986-1987; Pfeifer 1983, 329; Топоров 1983, 239, 249]:

князь - готск. kuniggs, герм. kuningaz
полк - готск. fulk (толпа, народ)
меч - готск. mekeis
щит - готск. skildus
шлем, шельм - готск. hilms
хлеб - готск. hlaifs, герм. hlaiba, нем.-
мецк. Laib (каравай)

котел - готск. katils
стекло - готск. stikls (кубок)
лекарь - готск. lekeis
буква - готск. boka
виноград - готск. weina-gards
плуг - герм. ploga

Готы могли принять в свой язык и отдельные славянские слова: так, готское „*plinsjan*” считается заимствованным из праславянского „*пленсати*” (плясать) [Топоров 1983, 249].

За пределами черняховской культуры ее следы прослеживаются в тех регионах Европы, которые исторически связаны с позднейшим расселением ост- и вестготов.

На Средний Дунай (остро)готы приносят некоторые черняховские традиции, которые, по мнению Я. Тейрала, четко проявляются в гончарной керамике. С первой до последней трети 5 в. среди продукции старых гончарных центров производится столовая посуда с пролощенным орнаментом, встречаются характерные „черняховские” типы, в частности, кувшин с вертикальными капеллорами (соответствует нашему типу 1), пифос, украшенный расчлененным валиком (наш тип 2) [Tejral 1972, 101-102, 114-115, 139]. На Дунай и дальше на запад, вплоть до Галлии, вместе с готами и аланами проникают и другие вещи черняховского происхождения, например роговые гребни III-го типа [Kazanski, Lapart 1995].

³⁴ В Рашкове 2 гончарная керамика встречена в трех жилищах из 14 открытых.

В черняховское время складываются элементы готского женского убора 5-6 вв., включавшего крупную пряжку и пару фибул. Такие вещи характерны для могильников области крымских готов (Юго-Западный Крым), а также для областей локализации Остготского королевства в Италии и Вестготского в Испании [*Bierbrauer 1994*, 144, 159; *Бірбрауер 1995*, 42, 44].

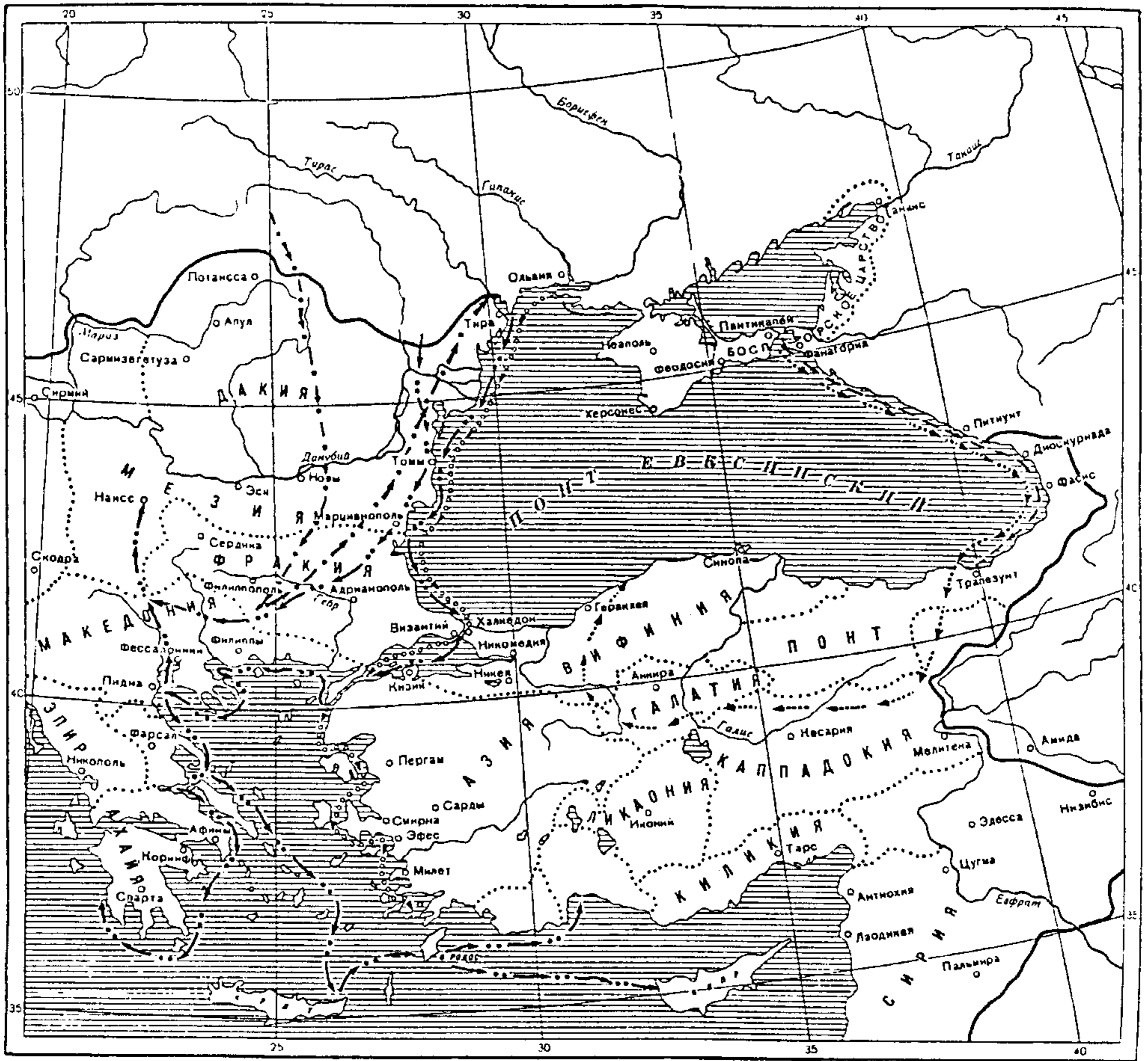
В целом традиции черняховской культуры в их материальном выражении слабо отразились в раннесредневековых культурах. Иначе и не могло случиться в условиях бурных событий Великого переселения народов, слияния романизованных и варварских этносов и распространения христианства. Более важен тот духовный вклад, который внесли бывшие обитатели Украины и Нижнего Подунавья в общевропейскую культуру, в культуры германских и других (в т.ч. славянских) народов. На рубеже античности и средневековья, в период сложения этнической карты современной Европы этот вклад связан со становлением первых „варварских” государственных структур, феодальных юридических кодексов и национальных систем письменности.

История племен черняховской культуры еще раз показывает, насколько неразрывно связана земля Украины и ее народ с европейской цивилизацией, со всемирным историческим процессом.

Рис. 87. ⇒⇒⇒

Маршруты важнейших походов варварских отрядов в ходе Скифских войн (по *Ременников 1954* с дополнениями автора). 1 – поход 250-251 гг., 2 – поход 257 г., 3 – поход 263 г., 4 – поход 264 г., 5 – поход 269-270 гг., 6 – границы Империи по А.М. Ременникову, 7 – границы провинций, 8 – территория черняховской культуры около 270 г.

Barbarische Feldzüge während die Skythischenkrige: 1 - vom 250-251; 2 - vom 257; 3 - vom 263; 4 - vom 264; 5 - 269-270 n.Chr.; 6 - Grenze der Imperium Romanum nach A.M. Remennikov; 7 - Provinzgrenzen; 8 - Černjachov-Kultur um 270.

———— 250-251 г.г. ———— 263 г.
 ———— 257 г. ———— 264 г.
 ———— 269-270 г.г.
 ———— Границы империи
 Границы провинции

70 0 70 140 210 280 350 км

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Zusammenfassung

1♦ Черняховская культура возникает на основе вельбарской культуры при сильном провинциально-римском влиянии. В ее пределах по признакам домостроительства, погребального обряда и по особенностям керамического комплекса выделены три типа памятников: тип Косанов, тип Черепин-Теремцы, причерноморский тип. На основе двух последних мы выделяем две локальные культурные группы - Верхнеднепровскую и Причерноморскую.

2♦ Основную массу населения черняховской культуры составляли германцы-готы. Ими оставлено подавляющее большинство черняховских памятников, на которых в большей или меньшей степени прослеживаются элементы вельбарской культуры и которые условно можно отнести к типу **Косанов**. Вместе с готами в Восточную Европу приходят небольшие группы представителей других германских племен - вандалов, герулов, тайфалов; с ними связаны находки некоторых вещей, имеющих соответствия в пшеворской культуре, на территории Германии и Дании. С гепидами, возможно, связаны синхронные вельбарские древности Вольши. В германские общины спорадически включались представители других этносов с элементами своих культур (поздние скифы, сарматы, славяне, фракийцы).

На памятниках типа Косанов представлены наземные каркасные жилища (от квадратных в плане до „длинных домов”) и, несколько меньше, полуземлянки. В погребальном обряде характерны биритуальные могильники с ингумациями в простых ямах с северной ориентировкой. Лепная керамика представлена в основном вельбарскими типами; влияние вельбарской и других германских культур заметно и в гончарных формах.

3♦ Памятники остальных двух типов сосредоточены в определенных регионах, соответствующих областям компактного проживания негерманских народов. В рамках черняховской культуры они образуют особые культурно-этнические группы - Верхнеднепровскую (тип **Черепин**) и Причерноморскую (**причерноморский тип**).

Верхнеднепровская группа памятников оставлена ранними славянами-вепедами, наследниками зубрицкой культуры и создателями пражской культуры раннесредневекового времени. Их жилища представлены разными формами глубоких землянок и полуземлянок, в т.ч. квадратными в плане с печью в углу. Погребальный обряд практически не оставил следов; возможно это была кремация на поверхности грунта. Лепная керамика представлена в основном горшками, в т.ч. близкими сосудам „пражского” типа. Часть лепной посуды указывает, что в формировании этой группы славянского населения принял участие и фракийский (липницкий) субстрат. Черняховская гончарная посуда составляет обычно не более 2/3 керамического комплекса. Она изготовлялась на месте, но не исключено, что пришлыми мастерами. К Верхнеднепровской группе памятников типологически очень близки памятники типа Теремцы на Среднем Днестре, где они расположены чересполосно с памятниками типа Косанов.

Причерноморская группа памятников имела смешанное население. Часть его составляли германцы-готы, но культурные особенности группы определяют поздние скифы и аланы. Местный позднескифский этнос сформировался на основе населения городищ Нижнего Днепра, в которое включались представители сарматов и эллинов. Это население, составлявшее земледельческое окружение Ольвии и Тиры, имело эллинизованную культуру и, возможно, пользовалось греческим языком. Для него характерно каменное домостроительство, в погребальном обряде - западная ориентировка умерших и ямы с перекрытием (запечки), в лепной керамике - „позднескифские” горшки. Часть поздних скифов переселяется в регионы, заселенные в позднеримское время преимущественно готами: в Центральную Украину и в меньшем количестве в Восточную Украину и Молдову. Не исключено, что в черняховском обществе они составляли торгово-ремесленную прослойку. Не ранее середины 4 в. среди поздних скифов и германцев расселяются группировки алан, для которых типичны „камерные” могилы - захоронения в катакомбах и подбоях. Судя по могильникам, три части населения Причерноморской группы черняховских памятников нередко составляли смешанные общины.

4♦ Вследствие миграций гуннского периода германское и скифо-сарматское население покидает черняховский ареал. Решающей силой в лесостепной зоне становятся славянские племена - наследники древностей типа Черепин-Теремцы и киевской культуры, которые в новых исторических условиях создают пражскую и пеньковскую культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Literaturverzeichnis

Абашина Н.С.

1999 *Першопочатки дослідження культури полів поховань*, Археологія 4.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1999 *К вопросу о протославянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья*, РА 4, 78-98.

Абрамов А.П.

1993 *Античные амфоры. Периодизация и хронология* [в:] Боспорский сборник (Москва) 3, 4-135.

Абрамова М.П.

1993 *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.)*. Москва.

1997 *Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э.* Москва.

Айбабин А.И.

1984 *Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода*, СА 1, 104-122.

1990 *Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени*, МАИЭТ 1, 5-86.

1996 *Население Крыма в середине III-IV вв.*, МАИЭТ 5, 290-303.

Алексеева Е.М.

1975 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 1.

1978 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 2.

1982 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 3.

Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.

1966 *Стеклоделие Танаиса*, СА 2, 176-188.

Алексеева Т.И.

1974 *Славяне и германцы в свете антропологических данных*, Вопросы истории 3, 58-67.

1975 *Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры*, СА 1, 264-270.

Амброз А.К.

1966 *Фибулы юга европейской части СССР*, САИ, вып. Д1-30.

1969 *Фибулы из раскопок Танаиса*, МИА 154, 248-264.

Аммиан Марцеллин

1906-1908 *История*. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни, т. 1-3, Кнев.

Андроник М.

1991 *Археологические исследования поселения V в. н.э. Тодирешть, уезд Сучава* [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции, Кишинев, Кнев, 238-239.

Анисимов А.И.

1989 *О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н.э. (по нумизматическим данным)* [в:] Скифия и Боспор (Археологические материалы к конференции памяти академика М.П. Ростовцева), Новочеркасск, 128-130.

Анфертьев А.Н.

1994 *Иордан. Вступ. статья, перевод, комментарий* [в:] Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-VI вв.), Москва, 98-161.

Арсеньева Т.М.

1977 *Некрополь Танаиса*, Москва.

1981 *Краснолаковая керамика из Танаиса конца III - начала V вв. н.э.*, КСИА 168, 43-47.

Артамонов М.И.

1940 *Спорные вопросы древней истории славян и Руси*, КС ИИМК 6, 3-14.

1950 *Происхождение славян: Стенограмма публ. лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г.*, Ленинград.

1955 *Археологические исследования в Южной Подольи в 1952-1953 гг.*, КСИИМК 59, 100-117.

1956 *Славяне и Русь* [в:] Тез. докладов. Научная сессия Ленинградского гос. университета 1955-1956 гг., Ленинград, 3-6.

Артишевская Л.В.

1963 *Могильник раннеславянского времени на р. Десне*, МИА 108, 85-96.

Археология Украинской ССР

1986 *Археология Украинской ССР*, т. 3, Кнев.

Бажан И.А., Гей О.А.

1992 *Относительная хронология могильников черняховской культуры* [в:] Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени, Санкт-Петербург, 122-157.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю.

1989 *Об одной категории украшений-амuletов римского времени в Восточной Европе*, СА 3, 163-170.

Баран В.Д.

1961а *До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу*, МДАІВ 3, 77-88.

1961в *Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин*, Кнев.

1964 *Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга*, МИА 116, 213-252.

1965 *Общие черты культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни* [в:] Тез. докл. советской делегации на международном конгр. славянской археологии в Варшаве, Москва, 13-15.

БИБЛИОГРАФИЯ

Literaturverzeichnis

Абашина Н.С.

1999 *Периопочатки дослідження культури полів поховань*, Археологія 4.

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В.

1999 *К вопросу о протославянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья*, РА 4, 78-98.

Абрамов А.П.

1993 *Античные амфоры. Периодизация и хронология* [в:] Боспорский сборник (Москва) 3, 4-135.

Абрамова М.П.

1993 *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. - IV в. н.э.)*. Москва.

1997 *Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э.* Москва.

Айбабин А.И.

1984 *Проблемы хронологии могильников Крыма позднеимперского периода*, СА 1, 104-122.

1990 *Хронология могильников Крыма позднеимперского и раннесредневекового времени*, МАИЭТ 1, 5-86.

1996 *Население Крыма в середине III-IV вв.*, МАИЭТ 5, 290-303.

Алексеева Е.М.

1975 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 1.

1978 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 2.

1982 *Античные бусы Северного Причерноморья*, САИ, вып. Г1-12, часть 3.

Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.

1966 *Стеклоделие Танаиса*, СА 2, 176-188.

Алексеева Т.И.

1974 *Славяне и германцы в свете антропологических данных*, Вопросы истории 3, 58-67.

1975 *Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры*, СА 1, 264-270.

Амброз А.К.

1966 *Фибулы юга европейской части СССР*, САИ, вып. Д1-30.

1969 *Фибулы из раскопок Танаиса*, МИА 154, 248-264.

Аммиан Марцеллин

1906-1908 *История. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни*, т. 1-3, Киев.

Андроник М.

1991 *Археологические исследования поселения V в. н.э. Тодирешть, уезд Сучава* [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции, Кишинев, Киев, 238-239.

Анисимов А.И.

1989 *О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н.э. (по нумизматическим данным)* [в:] Скифия и Боспор (Археологические материалы к конференции памяти академика М.П. Ростовцева), Новочеркасск, 128-130.

Анфертьев А.Н.

1994 *Иордан. Вступ. статья, перевод, комментарий* [в:] Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-VI вв.), Москва, 98-161.

Арсеньева Т.М.

1977 *Некрополь Танаиса*, Москва.

1981 *Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV - начала V вв. н.э.*, КСИА 168, 43-47.

Артамонов М.И.

1940 *Спорные вопросы древней истории славян и Руси*, КС ИИМК 6, 3-14.

1950 *Происхождение славян: Стенограмма публ. лекции, прочитанной в Ленинграде в 1950 г.*, Ленинград.

1955 *Археологические исследования в Южной Подольи в 1952-1953 гг.*, КС ИИМК 59, 100-117.

1956 *Славяне и Русь* [в:] Тез. докладов. Научная сессия Ленинградского гос. университета 1955-1956 гг., Ленинград, 3-6.

Артишевская Л.В.

1963 *Могильник раннеславянского времени на р. Десне*, МИА 108, 85-96.

Археология Украинской ССР

1986 *Археология Украинской ССР*, т. 3, Киев.

Бажан И.А., Гей О.А.

1992 *Относительная хронология могильников черняховской культуры* [в:] Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени, Санкт-Петербург, 122-157.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю.

1989 *Об одной категории украшений-амuletов римского времени в Восточной Европе*, СА 3, 163-170.

Баран В.Д.

1961а *До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу*, МДАПВ 3, 77-88.

1961в *Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин*, Киев.

1964 *Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга*, МИА 116, 213-252.

1965 *Общие черты культур римского и раннесредневекового времени на территории Северного Прикарпатья и Юго-Западной Волыни* [в:] Тез. докл. советской делегации на международном конгр. славянской археологии в Варшаве, Москва, 13-15.

- 1970 *Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований*, КСИА 121, 7-14.
- 1971 *Поселения черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністрів'ї*, Археологія 1, 103-107.
- 1972 *Поселения черняхівської культури поблизу Звинячина і Макарівки Чернівецької області*, АДУ 1969 р., Київ, 220-224.
- 1981 *Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу)*, Київ.
- 1983 *Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян [в:] Славяне на Днестре и Дунае*, Киев, 5-48.
- 1988 *Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков)*, Киев.
- 1990 *Определяющие тенденции развития материальной культуры населения Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. Истоки раннеславянских культур Восточной Европы [в:] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*, Киев, 191-201, 335-362.
- 1996 *Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел [в:] Тези доп. української делегації на VI Міжнар. конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*, Київ, 5-7.
- 1998 *Давні слов'яни (серія «Україна крізь віки», т. 3)*, Київ.
- Баран В.Д., Вакуленко Л.В.**
1990 *Типы жилищ и хозяйственных построек [в:] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*, Киев, 219-226.
- Баран В.Д., Воляник В.К., Козак Д.Н., Магомедов Б.В.**
1973 *Памятники черняховской культуры в Тернопольской области [в:] АО1972 года*, Москва, 257-258.
- Баран В.Д., Винокур І.С., Журко О.І.**
1982 *Поселения середины I тыс. н.э. в с. Бернашівка*, Археологія 39, 87-100.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В.**
1990 *Черняховская культура и готская проблема [в:] Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*, Киев, 30-78.
- Баран В.Д., Зеленецька І.Б., Бобровська О.В.**
1993 *Дослідження багатощарового поселення Куропатники на Прикарпатті [в:] АДУ 1991 р.*, Луцьк, 4.
- Баран В.Д., Магомедов Б.В.**
1986 *Черняховская культура [в:] Археология Украинской ССР, т. 3*, Киев, 70-100.
- Баран В.Д., Тершловский Р.В., Магомедов Б.В.**
1990 *Керамика [в:] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*, Киев, 138-160.
- Баран В.Д., Циглилик В.М.**
1971 *Дослідження поселення першого тисячоліття н.е. у верхів'ях Золотої Липи [в:] Середні віки на Україні*, вип. 1, 65-75.
- Барцева Т.Б.**
1974 *Про металургійні сплави на території Північного Причорномор'я в кінці I тисячоліття до н.е. та в перших століттях н.е.*, Археологія 14, 26-31.
- Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н.**
1972 *Металл черняховской культуры*, МИА 187.
- Батизат Г.В.**
1997 *Стеклянная подвеска из погребения черняховской культуры [в:] Никоний и античный мир Северного Причерноморья (тезисы конференции)*, Одесса, 299.
- Безуглов С.И.**
1990 *Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцелина и археологические реалии [в:] Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.*, Азов, 80-87.
- Безуглов С.И., Гудименко И.В.**
1993 *Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона*, РА 1, 169-174.
- Безуглов С.И., Захаров А.В.**
1988 *Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье*, Изв. Ростовского обл. музея краеведения 5, 5-28.
- Безуглов С.И., Копылов В.П.**
1989 *Катакомбные погребения III-IV вв. на Нижнем Дону*, СА 3, 171-183.
- Бейлекчи В.В.**
1991 *Некоторые вопросы истории черной металлургии Днестро-Прутского междуречья III-IV вв. н.э. [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции*, Кишинев, Киев, 240-241.
- Беляшевский Н.**
1904 *Поля погребальных урн [в:] Археологическая летопись Южной России*, Киев.
- Березовец Д.Т.**
1963 *О датировке черняховской культуры*, СА 3, 97-111.
1970 *Черняховская культура и культура славянских племен*, КСИА 121, 15-17.
- Березовец Д.Т., Петров В.П.**
1960 *Лохвицкий могильник*, МИА 82, 84-99.
- Бслан Н.Г.**
1977 *До історії мисливства і тваринництва у племен Правобережної України в I тис. н.е.*, Археологія 24, 29-37.
- Бслановська Т.Д.**
1960 *Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах*, АП 9, 210-214.
- Бидзиля В.И., Воляник В.К., Гошко Т.Ю.**
1981 *Черняховская гончарная мастерская из Завадо-*

вки [в:] *Использование методов естественных наук в археологии*, Киев, 113-130.

Бірбрауер Ф.

1995 *Готи в I-VII ст.: територія розселення та просування за археологічними джерелами*, Археологія 2, 32-51.

Блаватский В.Д.

1941 *Раскопки некрополя Тиритаки*, МИА 4, 61-74.

1951 *Харакс*, МИА 19, 250-291.

1961 *Античная археология Северного Причерноморья*, Москва.

Благовещенський Ю.І.

1993 *Розкопки в Підпоріжжі* [в:] АДУ 1991 р., Луцьк, 11-12.

Бобринский А.А.

1970 *О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры*, КСИА 121, 20-26.

1978 *Гончарство Восточной Европы*, Москва.

1991 *Гончарные мастерские и горны Восточной Европы*, Москва.

Бобринский А.А., Гусаков М.Г.

1973 *Реконструкция гончарной мастерской III-IV вв.*, СА 1, 150-163.

Бобровская (Бобровська) О.В.

1991а *К вопросу о типологии и хронологии черняховских "ведерковидных" подвесок* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции*, Кишинев, Киев, 227-228.

1991в *К изучению черняховского ожерелья* [в:] *Проблемы вивчення та охорони пам'яток археології Київщини*, Київ, 15-16.

1997 *До питання про черняхівські „відерцеподібні” прикраси* [в:] *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*, Київ-Львів, 97-103.

1998 *Візіготські чоловічі амулети* [в:] АБУ 1997-1998 рр., Київ, 57.

1999 *Бусы раннего этапа черняховской культуры* [в:] *Сто лет черняховской культуре (Библиотека Vita Antiqua)*, Киев, 150-170.

Бобровська О.В., Зеленецька І.Б.

1999 *Черняхівське поселення Дем'янів у верхів'ях Дністра* [в:] *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е.*, Київ-Львів, 29-40.

Богусевич В.А.

1960 *Погребение черняховской культуры в г.Сумы*, КСИА УССР 10, 103-105.

Бодянский А.В. (Бодянский О.В.)

1968 *Результаты раскопок черняховского могильника в Надпорожье* [в:] АИУ за 1967 г., Киев, 172-176.

1972 *Розкопки в Надпоріжжі в 1969 році* [в:] АДУ в 1969 р., Київ, 210-214.

Болгов Н.Н.

1996 *Закат античного Боспора. Очерки истории Бос-*

порского государства позднеантичного времени (IV-V вв.), Белгород.

Борзняк И.А., Кашуба М.Т.

1990 *Исследования на поселении Булбоака* [в:] АИИМ (1985 г.), Кишинев, 99-107.

Брайчевская А.Т.

1955 *Раскопки в с. Дудчанах в 1954 г.*, КСИА АН УССР 5, 49-50.

1960 *Черняховские памятники Надпорожья*, МИА 82, 148-191.

Брайчевський (Брайчевский) М.Ю.

1950 *Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен IV-VIII ст.*, Археологія 4, 27-55.

1952 *Антський період в історії східних слов'ян*, Археологія 7, 21-42.

1959 *Римська монета на території України*, Київ.

1960 *Ромашки*, МИА 82, 100-147.

1961 *Зображення коня з с.Черепин в Середньому Подросі*, Археологія 12, 183-184.

1964 *Біля джерел слов'янської державності*, Київ.

1968 *Походження Русі*, Київ.

1993 *Конспект історії України*, Київ.

Брайчевский М.Ю., Довженок В.И.

1967 *Поселение и святилище Иванковцы в Среднем Поднестровье*, МИА 139, 238-262.

Брайчевский М.Ю., Сымонович Э.А.

1966 *К 70-летию В.П. Петрова*, СА 3, 260-261.

Браун Ф.

1899 *Разыскания в области готто-славянских отношений*, Сборник отделения русского языка и словесности имп. академии наук (Санкт-Петербург), т. 64, № 12.

Бруйко И.В., Левинский А.Н., Росохацкий А.А.

1992 *Новые находки стеклянных кубков из могильников черняховской культуры Днестро-Прутского Междуречья* [в:] *Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии*, Кишинев, 149-159.

Буданова В.П.

1980 *Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах*, ВВ 41, 141-152.

1990 *Готы в эпоху Великого переселения народов*, Москва.

1991 *Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья*, Москва.

Буйских С.Б.

1991 *Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры)*, Киев.

Буйських С.Б., Нікітін В.І.

1988 *Охоронні розкопки могильника IV-III ст. до н.е. Лагерня Коса*, Археологія 63, 85-90.

Бураков А.В.

1976 *Козырьское городище рубежа и первых столетий*

нашей эры, Киев.

Вадаи А.

1996 Погребальний обряд у сарматов Карпатського басейна [в:] *Матеріали I тис. н.э. по археології та історії України та Венгрії*, Київ, 43-54.

Вакуленко Л.В.

1977 Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е., Київ.

1991 Лицицкая культура в свете раскопок могильника у с. Завалье на Прикарпатье [в:] *Древности Юго-запада СССР*, Кишинев, 22-38.

1997 Дерев'яні конструкції в карпатських курганах III-IV ст. н.е. [в:] *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*, Київ-Львів, 86-96.

1999 Етнокультурна ситуація в Українських Карпатах в III-IV ст. н.е. [в:] *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару*, Київ, 7-9.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М.

1984 Славянские поселения I тис. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре, Киев.

1988 Поселення біля с. Біляївка на Кіровоградщині, *Археологія* 62, 59-69

Великанова М.С.

1961 Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии, Антропологический сборник 3, 26-52.

1975 Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья, Москва.

Велков В.

1955 Сведенията на Темистий за Тракия, Българска Академия на науките. Известия на археологическия институт XIX, 246-260.

Винокур І.С. (И.С.)

1960 Старожитності Східної Волині, Праці комплексної експедиції Черновицького держуніверситету VIII, Серія історична № 1.

1964 Пам'ятники Волинської групи полей погребених у сёл Маркуши и Иванковцы, МИА 116, 176-185.

1967а Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка [в:] *АО 1966 года*, 228-230.

1967в Языческие изваяния Среднего Поднестровья, МИА 139, 136-143.

1970 Новые языческие памятники на Среднем Днестре, МИА 176, 38-40.

1970а Опыт реконструкции мельничного сооружения III-IV вв. н.э., СА 2, 238-244.

1972 Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II-V ст. н.е., Київ.

1979 Ружичанский могильник [в:] *МЧК*, 112-135.

1984 Исследования в Хмельницкой области [в:] *АО 1982 года*, 248-249.

1989 Вельбарские элементы и черняховские древности лесостепной Украины II-IV вв. н.э. [в:] *КІВ* 2, 217-224.

1997 Пшеворські елементи у пам'ятках черняхівської культури Волино-Подільського пограниччя, *Kultura przeworska III*, 52-66.

Винокур І.С., Горішній П.А.

1994 *Бакота. Столиця давньоруського Поділля. Кам'янець-Подільський.*

Винокур И.С., Гуцал А.Ф., Журко А.И., Мегей В.Ф., Щегельский И.И.

1978 Раскопки и разведки на Среднем Днестре [в:] *АО 1977 года*, 306-307.

Винокур И.С., Островский М.И.

1967 Раковецкий могильник, МИА 139, 144-159.

Винокур И.С., Приходнюк О.М.

1969 Раннеславянское поселение у г. Городок [в:] *АО 1968 года*, 333-334.

Вознесенская Г.А.

1972 Техника обработки железа и стали, МИА 187, 8-49.

Воляник В.К.

1974 Могильник черняхівської культури у верхів'ях р. Горинь, *Археологія* 13, 65-79.

1977 Исследования в верховьях р. Горынь [в:] *АО 1976 года*, 278.

1979 О „больших домах” в черняховской культуре [в:] *Славяне и Русь*, Киев, 37-48.

Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К.

1982 Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. [в:] *Древности эпохи переселения народов V-VII веков*, Москва, 121-165.

Восколуп В.П.

1999 Вельбарські поселення у верхів'ях Південнобузького басейну, Вінницький держ. пед. університет ім. М. Коцюбинського. Наукові записки I, 10-13.

Вульпе Р.

1960 Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра [в:] *Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР*, Кишинев, 259-270.

Вязьмітіна М.І. (Вязьмитина М.И.)

1960 Поселення II-IV століть нашої ери в с. Дуодчанах, АП 9, 215-223.

1972 Золотобалковский могильник, Киев.

Гей О.О. (О.А)

1980 Середньодніпровська і причорноморська зони черняхівської культури (за матеріалами поховального обряду), *Археологія* 34, 35-53.

1986 О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье, СА 1, 77-86.

1987 Погребальний обряд поздних скифов на нижнем Днепре, СА 3, 53-67.

1990 Могильник у с. Раковец (раскопки 1985 года) [в:] *Раннеславянский мир*, Москва, 109-118.

1993 Происхождение и этнический состав [в:] *Славяне и их соседи в конце I тис. до н.э. - первой половине I тис. н.э. (Археология СССР)*, Москва, 162-170.

- Гей О.А., Бажан И.А.**
1997 *Хронология эпохи „готских походов“ (на территории Восточной Европы и Кавказа)*, Москва.
- Геннинг В.Ф.**
1996 *Сарматская эпоха в Алфельде (Среднее Подунавье в I-IV вв.)* [в:] *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*, Киев, с. 4-43.
- Герета И.П.**
1978 *Новые исследования в Чернеливе-Русском* [в:] *АО 1977 года*, 310-311.
1989 *Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбарская культура* [в:] *KW 2*, Lublin, 283-297.
1999 *Проблема вивчення так званих князівських поховань черняхівської культури у світлі нових відкриттів* [в:] *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару*, Київ, 9-11.
- Герста И.П., Харитонов Е.А.**
1979 *Чистилковский могильник* [в:] *МЧК*, 136-141.
- Гірник І.П., Білецька О.В., Нерода В.В.**
1995 *Археологічна колекція з могильника черняхівської культури поблизу села Стецівка на Черкащині* [в:] *Археологічні дослідження на Черкащині 1*, 92-100.
- Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н.**
1987 (составитель). *Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий*, Москва.
- Годловский К.**
1992 *Проблема идентификации археологической культуры славян до периода их великой экспансии в VI в. н.э.* [в:] *Четверти Международный конгресс по славянская археология. София - 1980 (Доклады и сообщения) 1*, София, 167-191.
- Голубева Л.А.**
1957 *Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян*, СА 4, 274-277.
- Гончаров В.К., Махно С.В.**
1957 *Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького*, Археологія XI, 127-143.
- Горюнов Е.А.**
1981 *Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья*, Ленинград.
- Гороховский Е.Л.**
1982а *О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья* [в:] *Новые памятники древней и средневековой художественной культуры*, Киев, 115-151.
1982в *Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья* [в:] *Материалы по хронологии археологических памятников Украины*, Киев, 125-139.
- 1985 *Древности первой половины - середины I тыс. н.э.* [в:] *Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины. Каталог выставки*, Полтава, 31-37.
- 1987 *Ранний этап черняховской культуры (к проблеме хронологической дефиниции)* [в:] *Kultura wielbarska w mlodszyim okresie rzymskim. Streszczenia referatów*, Lublin, 61-67.
- 1988а *Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины* [в:] *Труды V Международного конгресса археологов-славистов 4*, Киев, 34-46.
1988в *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Автореф. дис. канд. ист. наук, Киев.
1996 *Современное состояние и перспективы исследований хронологии черняховской культуры* [в:] *Тези доп. української делегації на VI Міжнар. конгресі слов'янської археології (Повгород, Росія, 1996 р.)*, Київ, 17-20.
- Гороховський Є.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О.**
1985 *Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори*, Археологія 49, 25-40.
- Гороховський Є.Л., Сон Н.О.**
1989 *Фібули з Тіри*, Археологія 3, 69-78.
- Гребенников Ю.С., Горбенко К.В.**
1998 *Отчет о работе экспедиции Николаевского педагогического института в 1998 г.* НА НА НАНУ.
- Гребенников Ю.С., Гребенников В.Б., Магомедов Б.В.**
1982 *Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана* [в:] *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*, Киев, 136-149.
- Гросу В.И.**
1981 *Исследования Бравиченского могильника* [в:] *АО 1980 года*, 389-390.
1990 *Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья*, Кишинев.
- Гросу В.И., Поетикэ Г.И.**
1979 *Работы новостроечной экспедиции* [в:] *АО 1978 года*, 485-486.
- Гудкова А.В.**
1976 *К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР*, МАСП 8, 119-131.
1983 *Исследования в Нижнем Подунавье* [в:] *АО 1981 года*, 255.
1986а *Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях* [в:] *Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*, Киев, 161-177.
1986в *Орнаментация черняховской сероглиняной керамики с памятников Буджака* [в:] *Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья*, Киев, 143-159.
1987а *Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья* [в:] *Днестро-Дунайск-*

- кое междуречье в I - начале II тыс. н.э., Киев, 6-15.
- 1987в** Могильник IV в. н.э. в с.Беленькое [в:] *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*, Киев, 56-66.
- 1989** О классификации памятников III-IV вв. н.э. в Днепро-Дунайской степи [в:] *Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья*, Киев, 34-45.
- 1991** Черняховские памятники Буджакской степи [в:] *Древности Юго-Запада СССР*, Кишинев, 64-84.
- 1996** Особенности этнокультурного процесса в черняховском обществе [в:] *Тези доп. української делегації на VI Міжнар. конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*, Київ, 20-23.
- 1997** О выделении зоны поздних памятников черняховской культуры [в:] *STRATUM + Петербургский археологический вестник*, Санкт-Петербург - Кишинев, 200-206.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В.**
1990 Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры, Киев.
- Гудкова А.В. Росохацкий А.А.**
1991 Поселение и могильник черняховской культуры Нагорное II в низовьях Дуная [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции*, Кишинев, Киев, 231-232.
- Гудкова А.В. Росохацкий А.А. Фоксев М.М.**
1997 Работы на могильнике черняховской культуры Нагорное II в 1993 г. [в:] *АДУ 1993 року*, Київ, 42-43.
- Гудкова А.В. (О.В.), Фоксев М.М.**
1984а Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э., Киев.
1984в Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) [в:] *Северное Причерноморье*, Киев, 65-73.
1992 Сарматы і черняхівська культура в Буджацькому степу [в:] *Археологія Південного Заходу України*, Київ, 93-99.
- Гурин М.Ф.**
1982 Древнее железо Белорусского Поднепровья, Минск.
- Даниленко В.Н. (В.М.)**
1955 Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра, КСИА АП УССР 4, 27-29.
1976 Пізньозарубінецькі пам'ятки київського типу, *Археологія* 19, 65-92.
- Даниленко В.М., Столяр А.Д.**
1952 Переяславська маршрутна експедиція, АП 3, 223-230.
- Дебен Г.Ф.**
1948 Палеоантропология СССР, Труды Института этнографии АН СССР, 4.
- Десницкая А.В.**
1976 К интерпретации балканизмов в карпатской ле-
- ксике [в:] *Общекарпатский диалектологический атлас*, Кишинев, 15-27.
- Дзиговський О.М.**
1993 Сармати на Заході Степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. - першій половині IV ст. н.е., Київ.
- Дмитриев А.В.**
1982 Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо [в:] *Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII веков*, Москва, 69-107.
- Дмитриев А.Д.**
1950 Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, ВДИ 1, 66-80.
- Добровольський А.В.**
1950 Замлеробське поселення перших століть нашої ери на Інгульці, *Археологія* 3, 167-175.
- Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л.**
1989 Основные результаты работ Березанской экспедиции [в:] *Итоги археологических экспедиций Государственного эрмитажа*, Ленинград, 33-61.
- Древности Приднепровья**
1899 Древности Приднепровья. Собрание Б.Н. и В.П. Ханенко, вып. II, Киев.
1902 Древности Приднепровья. Собрание Б.П. и В.П. Ханенко, вып. V, Киев.
- Дяченко В.Д.**
1965 Антропологічний склад українського народу. Київ.
- Дяченко О.Г.**
1975 Поселення черняхівської культури на Харківщині, *Археологія* 17, 86-93.
1976 Исследования на Харьковщине [в:] *АО 1975 года*, 322-323.
1980 Пам'ятки черняхівської культури в басейні Сіверського Дінця, *Археологія* 35, 66-74.
- Елагина Н.Г.**
1952 Поселения III-IV вв. н.э. на Ингульце (раскопки 1951-1952 гг.), НА ИА НАНУ, фонд 72.
- Елагина Н.Г., Погребова Н.Н.**
1959 Археологическая разведка по берегам Ингула, КСИИМК 77, 21-34.
- Ефимова С.Г.**
1999 Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время [в:] *Восточные славяне. Антропология и этническая история*, Москва, 279-306.
- Журко О.І. (А.И.)**
1982 Черняхівські житла на Середньому Дністрі, *Археологія* 38, 36-43.
1984 К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры, КСИА 178, 51-55.
1990 Некоторые итоги археологических исследований на Сумщине в 1986-1988 гг. [в:] *Питання архео-*

- логії Сумщини. Суми, 69-73.
- 1994а** Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье, РА 4, 207-218.
- 1994в** Типология и соотношение жилых сооружений племен черняховской культуры, РА 2, 37-41.
- Зайцев Б.П.**
1964 Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла, МИА 116, 44-52.
- Зайцев Ю.П.**
1997 Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах [в:] Археологические исследования в Крыму. 1994 год, Симферополь, 102-116.
- Засецкая И.П.**
1979 Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей, КСИА 158, 5-17.
1993 Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н.э., МАИЭТ 3, 23-104.
1994 Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.), Санкт-Петербург.
- Захар'ев В.А.**
1992 Археологія Дунасвеччини. Хмельницький.
- Зест И.Б.**
1960 Керамическая тара Боспора, МИА 83.
- Зильманович И.Д.**
1967 Гончарные печи Луки-Врублевецкой, КСИА 112, 112-117.
- Зиневич Г.П.**
1967 Очерки палеоантропологии Украины, Киев.
- Зубарь В.М.**
1997 О так называемой „тавро-скифской“ войне в истории Ольвии, РА 2, 85-90.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б.**
1984 Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья [в:] Античная культура Северного Причерноморья, Киев, 147-156.
- Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.**
1994 Прокопий Кесарийский. История войны. Вступительная статья, перевод, комментарий [в:] Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-VI вв.), Москва, 170-250.
- Иордан.**
1997 О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. Изд. 2-е, Санкт-Петербург.
- Казанский М.М.**
1997 О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье [в:] Междунар. конф. „Византия и Крым“, Симферополь, 48-51.
- 1997а** Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные [в:] STRATUM + Петербургский археологический вестник, Санкт-Петербург - Кишинев, 181-193.
- Каменецкий И.С., Кропоткин В.В.**
1962 Погребение гуннского времени близ Танаиса, СА 3, 235-240.
- Каргопольцев С.Ю., Бажан И.А.**
1992 Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации), ПАВ 2, 113-126.
1993 К вопросу об эволюции трехрогих пельтивидных лунниц в Европе (III-VI вв.), ПАВ 7, 113-122.
- Карышковский П.О.**
1962 Клад римских монет из бассейна р. Тясмин, НЭ 3, 136-140.
- Каспарова К.В.**
1972 Новый комплекс черняховского времени из Хмельницкой области, СА 3, 344-349.
- Каспарова К.В., Щукин М.Б.**
1979 Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области, Труды Государственного Эрмитажа 20, 147-168.
- Кастанаян Е.Г.**
1959 Грунтовые некрополи боспорских городов и местные их особенности, МИА 69, 257-295.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.**
1989 Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья, Киев.
- Козак Д.Н.**
1984 Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужж'ї, Київ.
1988 Вельбарская культура на Волини [в:] КИ 2, 117-136.
1990 Поселення черняхівської культури поблизу м. Львова, Археологія 2, 130-135.
1992 Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. - IV ст. н.е.), Київ.
1992а Проблеми етнокультурної історії Північно-Західної України в першій половині I тис. н.е., Археологія 3, 22-33.
1993 Дослідження в Городку на Волині у 1991 році [в:] АДУ 1991 р., Луцьк, 35-36.
1994а До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н.е. [в:] Старожитності Русі-України, Київ, 31-36.
1994в Пам'ятки давньої історії Волині у с. Линів, Київ-Луцьк-Львів.
1994с Про військову справу давніх слов'ян (I ст. до н.е. - VII ст. н.е.), Археологія 4, 32-49.
1995 Культурно-історична інтерпретація скарбів Волині рубежу IV-V ст., Археологія 4, 50-65.
1998 Рятівні археологічні дослідження на багатощаровому поселенні біля с.Хрінники на Рівненщині у 1997 р. [в:] АБУ 1997-1998 рр., Київ, 20-22.
- Козак Д.Н., Журко О.І.**
1983 Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньорим-

ського часу в Середньому Подністров'ї, Археологія 43, 62-71.

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В.

1986 Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е., Археологія 56, 32-46.

Козир І.А.

1995 Етно-культурні та економічні зв'язки сарматських племен України (за матеріалами кераміки), Кіровоград.

Козлов В.И.

1989 Охранные раскопки на черняховском могильнике в с.Нестошта Одесской обл. [в:] Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья, Киев, 88-92.

Козловська В.І.

1930 Повісті археологічні дослідження на терені Білоцерківщини, ХРАМ, ч. 2, 39-48.

1940 Могильник і селище культури полів поховань у с. Дідовщина Фастівського району Білоцерківщини, 1940 (?), НА ІА НАНУ, фонд 12, № 40.

Кондукторова Т.С.

1972 Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. - середина I тыс. н.э.), Москва.

1979а Антропологические материалы черняховской культуры Украины [в:] МЧК, Москва, 163-204.

1979б Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры, Москва.

Корзунна Г.Ф.

1978 Предметы убора с выемчатыми эмальями V - первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье, САИ, вып. Е1-43.

Корпусова В.М. (В.Н.)

1971 Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я, Археологія 3, 75-82.

1973 Сільське населення пізньоантичного Боспору, Археологія 8, 27-45.

1983 Некрополь Золотое, Киев.

Корсунський А.Р.

1965 О социальном строе вестготов в IV в., ВДИ 3, 54-74.

Костенко В.И.

1986 Сарматы Самаро-Орельского междуречья III в. до н.э. - IV в. н.э., Днепропетровск.

Котигорошко В.Г.

1991 Проблеми етнокультурних процесів у Карпато-Дунайському басейні I ст. до н.е. - III ст. н.е., Археологія 4, 10-17.

Кравченко А.А.

1967 Могильник черняховской культуры у с. Фрунзовка, МИА 139, 160-164.

Кравченко Н.М.

1967 Косановский могильник (по материалам раскопок В.И. Петрова и Н.М. Кравченко), МИА

139, 77-135.

1970 К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках, КСИА 121, 44-51.

1971а К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья, МАСП 7, 51-70.

1971б Похоронения V ст. н.э. з с. Вільшанки на Київщині [в:] Середні віки на Україні I, Київ, 75-79.

1971с Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции [в:] АИУ в 1968 г., Киев, 40-42.

1973 Пам'ятки черняхівської культури на Поліссі, Археологія 8, 99-108.

1979 Исследование славянских памятников на Стугне [в:] Славяне и Русь, Киев, 74-92.

1985 Раскопки у г.Обухов [в:] АО 1983 г., 298.

1987 О методике социологического анализа погребального обряда племен черняховской культуры [в:] Исследование социально-исторических проблем в археологии, Киев, 209-227.

1994 Черняхівське поселення Обухів та його київське оточення [в:] Старожитності Русі-України, Київ, 37-43.

Кравченко Н.М., Абашина Н.С., Циндровская Л.А.

1978 Исследования памятников I тыс. н.э. в бассейне Стугны [в:] АО 1977 г., 338.

Кравченко Н.М., Бугай А.С., Магомедов Б.В.

1972 Розвідки на Київщині [в:] АИУ в 1969 р., Київ, 341-347.

Кравченко Н.М., Корпусова В.М.

1975 Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри, Археологія 18, 20-42.

Кравченко Н.М., Шишкін Р.Г., Готун І.А., Максимов В.В., Лисенко С.Д.

1997 Розкопки біля села Малополовецьке [в:] АИУ 1993 року, Київ, 72-73.

Крапивина В.В.

1993 Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э., Киев.

Краснов Ю.А.

1970 К проблеме эволюции рала, МИА 176, 137-142.

1971 К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры, КСИА 128, 3-11.

1978 Опыт построения классификации наконечников пахотных орудий, СА 4, 98-114.

1982 Древние и средневековые рала Восточной Европы, СА 3, 63-80.

Кропоткин А.В.

1984 К вопросу о племенных центрах черняховской культуры, СА 3, 35-47.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В.

1988 Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе [в:] МЧК, 168-184.

Кропоткін А.В., Обломський А.М.

1991 Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону, Археологія 1, 75-89.

Кропоткин В.В.

- 1961 *Клады римских монет на территории СССР, САИ, вып. Г4-4.*
- 1962, 1965-1967 *Отчеты о раскопках Рыжавского могильника за 1962, 1965, 1966, 1967 гг., НА ИА НАНУ.*
- 1964 *Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г., КСИА 102, 57-63.*
- 1966 *Новые находки римских монет на территории СССР (Дополнение к САИ, вып. Г4-4), НЭ 6, 74-102.*
- 1967 *Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н.э., Москва.*
- 1970а *К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в II-IV вв. [в:] Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма, Москва, 146-160.*
- 1970в *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. - V в. н.э.), САИ, вып. Д1-27.*
- 1970с *Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе, КСИА 121, 52-56.*
- 1971а *Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (к вопросу о происхождении черняховской культуры), Slavica Antiqua 18, 197-205.*
- 1971в *Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской области, СА 4, 225-229.*
- 1972 *Золотая подвеска из Рыжевки, СА 1, 264-269.*
- 1973 *О датировке кувшина из Чистиловского могильника (Тернопольская обл.), СА 3, 240-243.*
- 1974 *Раскопки поселения у с. Ромош (Львовской обл.) [в:] АО 1973 года, 294-295.*
- 1976 *Отчет о раскопках поселения Ромош в 1976 г., НА ИА НАНУ.*
- 1979 *Раскопки Думановского могильника [в:] АО 1978 года, 351.*
- 1981 *Раскопки Думановского могильника [в:] АО 1980 года, 291.*

Кропоткин В.В., Нахапетян В.Е.

- 1976 *Новый центр железодельного производства III-IV вв. н.э. в бассейне Южного Буга, СА 3, 317-324.*

Кропотов В.В.

- 1998 *Світлоглинняні вузькогорлі амфори „інкерманського” типу, Археологія 4, 128-134.*

Кругликова И.Т.

- 1967 *Земледелие в государствах Северного Причерноморья [в:] Возникновение и развитие земледелия, Москва, 123-144.*
- 1975 *Сельское хозяйство Боспора, Москва.*

Крушельницька Л.І., Оприк В.Г.

- 1975 *Поселення східнопоморсько-мазовецької культури у верхів'ях Західного Бугу, Археологія 18, 75-80.*

Крушельницкая Л.И., Мовша Т.Г., Павлив Д.Ю.

- 1977 *Исследования в Непоротово [в:] АО 1976 года, 317-318.*

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Д., Бураков А.В., Отрешко В.М.

- 1989 *Сельская округа Ольвиц, Киев.*

Кузнецов В.А.

- 1996 *Аланы на Западе: археологическая реальность или миф?, РА 4, 71-80.*

Курбатов Г.Л.

- 1958 *Восстание Прокопия (365-366), ВВ 14, 3-26.*

Курчатов С.И.

- 1989 *Новые материалы из раскопок сарматских и черняховских могильников у с. Петреиты МССР [в:] Проблемы сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова, Запорожье, 74-75.*

Кухаренко Ю.В.

- 1952 *Ново-Покровський могильник і поселення, Археологія 6, 33-50.*
- 1954 *О славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях, СА 19, 111-120.*
- 1955а *Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, СА XXII, 125-152.*
- 1955в *Славянские древности V-LX вв. на территории Припятского Полесья, КСИИМК 57, 33-39.*
- 1970 *Волынская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры, КСИА 121, 57-59.*
- 1975 *Байвський могильник, Археологія 18, 51-60.*
- 1980 *Могильник Брест-Тришин, Москва.*

Кухарская Е.Н., Терпиловский Р.В.

- 1981 *Некоторые типы лунниц III-V вв. в Среднем Поднепровье [в:] Древности Среднего Поднепровья, Киев, 69-79.*

Лапин В.В.

- 1969 *Отчет о раскопках античного могильника у маяка Дедова Хата Николаевского р-на Николаевской обл. в 1969 г., НА ИА НАНУ.*

Латышев В.В.

- 1947 *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ 3-4, 149-348.*
- 1949 *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, ВДИ 1-4, 730-1107.*

Левада М.Е.

- 1994 *Дротики и копья черняховской культуры [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V ты до н.э. - I в. н.э., Тирасполь, 260-261.*

Левада М., Строкова Л.

- 1998 *Находки южноскандинавского происхождения позднего римского времени в Северном Причерноморье [в:] АБУ 1997-1998 рр., Київ, 27-28.*

Левинский А.Н.

- 1989 *Исследования черняховского поселения Голяны [в:] АИМ в 1984 г., Кишинёв, 180-187.*
- 1990 *Раскопки на черняховском поселении Гура-Кэи-*

- нарулуй I [в:] АІМ в 1985 г., Кишинев, 176-193.
- 1992 Раскопки на поселении черняховской культуры Солончень [в:] АІМ в 1986 г., Кишинев, 189-208.
- 1999 Лазо - могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове, *Stratum plus* 4, с. 121-166.
- Лесков А.**
1972 *Новые сокровища курганов Украины*. Ленинград.
- Липкин Ю.А.**
1979 *Замощанская дюна под Суджей* [в:] МЧК, 5-8.
- Лихтер Ю.А.**
1988 *Стеклянные изделия из могильника Оселивка* [в:] МЧК, 101-110.
- Лобода И.И.**
1977 *Раскопки могильника Озерное III в 1963-1965 гг.*, СА 4, 236-252.
- Луцкевич І.Н.**
1948 *Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області*, *Археологія* 2, 164-178.
- Магомедов Б.В.**
1973 *До вивчення черняхівського гончарного посуду*, *Археологія* 12, 80-87.
1977 *О происхождении форм черняховской гончарной керамики* [в:] *Новые исследования археологических памятников на Украине*, Киев, 111-123.
1979а *Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.)* [в:] МЧК, 24-62.
1979б *Могильник у городища Городок на Южном Буге* [в:] *Памятники древних культур Северного Причерноморья*, Киев, 105-114.
1983 *Панівземлянки черняхівських поселень Причорномор'я*, *Археологія* 44, 85-90.
1987а *Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья*, Киев.
1987б *Черняховское городище у с. Александровка* [в:] *Днестро-Дунайское междуречье в I - начале II тыс. н.э.*, Киев, 26-41.
1988 *Черняховские памятники Южного Побужья* [в:] *Труды V Международного конгресса археологов-славистов, т. 4*, Киев, 144-148.
1989 *Тринефні споруди у черняхівському домобудуванні*, *Археологія* 4, 102-110.
1990 *Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора, украшения* [в:] *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период*, Киев, 160-172.
1991а *Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры*, Киев (Препринт).
1991б *К хронологии черняховских памятников Северного Причерноморья* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.)*. Матер. междунар. конф. (Кишинев), Киев, 224-225.
1992 *Велика Снітинка 2 - поселення гребінників III-IV ст. н.е.* [в:] *Стародавнє виробництво на території України*, Київ, 94-116.
1994 *О социальной роли оружия в культурах I тыс. н.э.* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э.*, Тирасполь, 259-260.
- 1996 *Обряд ингумации в черняховской культуре* [в:] *Тези доп. української делегації на VI Міжнарод. конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.)*, Київ, 33-36.
- 1997 *До історії фінального етапу черняхівської культури* [в:] *Проблеми історії та археології України. Тези доп. наукової конф.*, Харків, 77-78.
- 1997а *К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс*, *Kultura przeworska* III, 39-44.
1997б *Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві* [в:] *Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*, Київ-Львів, 79-85.
1998 *Вельбарские традиции в черняховской гончарной керамике* [в:] *20 lat archeologii w Masłomęczu II*, Lublin, 143-155.
1998а *Черняховское поселение у села Козлов на Среднем Днестре*, *Studia Gothica* 2, 163-187.
1999 *Черняховский могильник Курники на Южном Буге*, *Stratum plus* 4, 102-120.
--- *Фібула з виймчастими емаллями з Великої Снітинки*, [в:] *Східна Європа в римський час*, Київ (в друку)
- Магомедов Б.В., Гудим-Левкович О.М. (А.Н.)**
1990 *Охоронні розкопки черняхівського поселення біля с. Лугове* [в:] *Охорона та дослідження пам'яток археології на Україні. Тези доп. семінару*, Вінниця, 52-53.
1991 *Черняховские поселения Шерини и Курники на Южном Буге* [в:] *Древности Юго-запада СССР*, Кишинев, 84-106.
--- *Поселение IV-V вв. у с. Луговое в Николаевской обл.*, МАНЭТ (в печ.)
- Магомедов Б.В., Каросва Л.Р.**
1988 *Скарб денаріїв біля с. Глинськ*, *Археологія* 62, 82-86.
- Магомедов Б.В., Кубишев А.І.**
1994 *Соляний промисел в пізньоримський час на Присивашші* [в:] *Старожитності Русі-України*, Київ, 44-48.
- Магомедов Б.В., Левада М.Є. (М.Е.)**
1992 *Черняхівське поселення біля с. Гребінки* [в:] *Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки*, Київ, 21-33.
1993а *Розкопки черняхівського могильника в с. Петриківці* [в:] *АДУ 1992 року*, Київ, 92-93.
1993б *Черняхівське поселення Вишенька-І у м. Вінниця* [в:] *Подільська старовина*, Вінниця, 131-145.
1994 *Черняховские вазы „ольвийского” типа* [в:] *Ольвия-200. Тез. докл. междунар. конф., посвященной 200-летию археологического открытия Ольвии*, Николаев, 80-82.
1996 *Оружие черняховской культуры*, МАНЭТ 5, 304-323.
1997 *Черняхівський могильник Петриківці I* [в:] *АДУ*

1993 року, Київ, 80-81.

Макарова Т.И.

1991 *Боспор-Корчев по археологическим данным* [в:] *Византийская Таврика*, Киев, 121-146

Малесв Ю.М.

1975 *Язичницьке капище на березі Роставиці*, Вісник Київського державного університету. Серія історії, вип. 17, 76-80.

Маркевич В.И., Рикман Э.А.

1973 *Клад III-IV вв. н.э. из Буковины*, СА 4, 260-261.

Масленников А.А.

1997 *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*, Москва.

Махно Є.В. (Е.В.)

1949 *Поселення культури „полів поховань” на північно-західному Правобережжі*, АП 1, 153-175.

1952 *Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань*, АП 3, 231-241.

1952а *Ягнятинська археологічна експедиція*, АП 3, 154-164.

1955 *Отчет о разведке 1955 года в Златопольском районе Черкасской области*, НА ИА НАНУ.

1955а *Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н.е. в верхній течії Сули*, АП V, 77-87.

1960 *Памятники черняховской культуры на территории УССР*, МНА 82, 9-83.

1961 *Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри*, АП X, 131-154.

1967 *Могильник черняховского типа в городе Сумы*, МНА 139, 28-34.

1970а *Знову про локальні варіанти черняхівської культури*, Археологія 24, 49-58.

1970в *Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов*, КСИА 121, 60-64.

1971а *Раскопки Успенского могильника* [в:] *АНУ в 1968 г.* Киев, 214-118.

1971b *Типи поховань та планування Компаніївського могильника* [в:] *Середні віки на Україні, т. I*, Київ, 87-95.

1972 *Нові розкопки Успенського могильника* [в:] *АДУ в 1969 р.*, Київ, 214-220.

1976 *Пам'ятки типу Дитиничів і Компаніївський могильник*, Археологія 19, 95-101.

1977 *Раскопки на могильнике черняховской культуры у с. Успенка* [в:] *АО за 1976 г.*, 334-335.

Махно Е.В., Магомедов Б.В.

1973 *Могильник черняховской культуры у с. Стецовка* [в:] *АО за 1972 гг.*, 309-310.

Махно Є.В., Мізин В.А.

1961 *Бериславське поселення та могильник перших століть нашої ери*, АП 10, 114-130.

Махно Е.В., Сикорский М.И.

1989 *Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на левобережье Днепра* [в:] *KW 2*, 249-262.

Минасян Р.С.

1978 *Классификация ручного жернового постава (по*

материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.), СА 3, 101-112.

1978а *Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья*, АСТЭ 19, 74-85.

1980 *Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы*, Автореф. дис. канд. ист. наук, Ленинград.

Могильников В.А.

1974 *Погребальный обряд культур III в. до н.э. - III в. н.э. в западной части Балтийского региона* [в:] *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.*, Москва, 133-225.

Мокляк В.О.

1998 *Поховання черняхівської культури в с. Ворониці Оржицького району*, Археологічний літопис Лівобережної України 1-2, 92-93.

Моммзен Т.

1949 *История Рима. Том V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана*, Москва.

Моця А.П.

1990 *Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII вв.*, Киев.

Мыц В.Л.

1994 *Чатырдагский могильник последней трети III - первой половины V вв. н.э.* [в:] *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье. Тез. докл. междунар. конф.*, Симферополь, 44-45.

Неверов О.Я.

1979 *Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР*, ВДН 1, 95-103.

Некрасова Г.М. (А.Н.)

1985 *Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми*, Археологія 50, 75-80.

1988 *Поселення черняхівської культури Хлопків I на Київщині*, Археологія 62, 70-82.

1990а *К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье* [в:] *Охрана і дослідження пам'яток археології Полтавщини*, Полтава, 150-151.

1990б *Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщині* [в:] *Питання археології Сумщини*, Суми, 64-68.

1990с *О хронологических различиях черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье* [в:] *VI Междунар. конгр. слав. археологии. Тез. докл. сов. делегации*, Москва, 62-64.

1991 *Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля* [в:] *АДУ 1990 р.*, Київ, 1-2.

1993 *Розкопки пам'яток черняхівської культури біля с. Боромлі* [в:] *АДУ 1991 р.*, Луцьк, 77.

1994 *Черняхівське поселення біля м. Білопілля* [в:] *Проблеми ранньослов'янської і давньоруської архео-*

Нсчитайло А.К., Субботин Л.В.

1994 Поселение черняховской культуры Гринчук-2 [в:] Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического Общества, Одесса, 209-216.

Никитина Г.Ф.

1964 Лепная керамика Масловского могильника, СА 4, 202-207.

1966 Классификация лепной керамики черняховской культуры, СА 4, 70-85.

1969 Гребни черняховской культуры, СА 1, 147-159.

1970 Гребни черняховской культуры, КСИА 121, 65-66.

1974 Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э. [в:] Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э., Москва, 5-132.

1985 Систематика погребального обряда племен черняховской культуры, Москва.

1988 Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой обл. [в:] МЧК, 5-97.

1993 Типология труположений в погребальном обряде черняховской культуры, РА 4, 145-159.

1995 Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка, Москва.

1996 Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии, Москва.

Никулицэ И.Т., Рикман Э.А.

1973 Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н.э. (Молдавия), КСИА 133, 116-123.

Обломский А.М.

1991 Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э., Москва-Сумы.

1996 Среднее Посеймье в поздне римское время. Формирование южной границы колочинской культуры, РА 4, 51-70.

1997 Итоги этнокультурного анализа материалов черняховского могильника Компанийцы [в:] Проблемы истории та археології України. Тези доп. наук. конф., Харків, 78-79.

1997а О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона [в:] Проблемы происхождения та історичного розвитку слов'ян, Київ-Львів, 63-72.

1998 Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов), Гістарычна-археалагічны зборнік 13, 59-87.

Обломский (Обломський) А.М., Терпиловский (Терпиловський) Р.В.

1991 Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры, Москва.

1994 Посейм'я у латенський час, Археологія 3, 41-51.

Остапенко М.А.

1998 Дослідження експедиції «Хортиця» в 1998 р. [в:]

Островерхов А.С.

1988 Развитие черной металлургии в античных городах Северного Причерноморья [в:] Очерки истории естествознания и техники, вып. 35, 89-98.

Отрешко В.М.

1976 Позднеархаические поселения Березанского лимана [в:] Открытия молодых археологов Украины. Часть 2, Киев, 31-33.

1979 Отчет о раскопках античных поселений у с. Козырка Очаковского района Николаевской области в 1979 г., НА ИА НАНУ.

Павленко Ю.В., Сон Н.О.

1991 Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів, Археологія 2, 6-16.

Паньков С.В.

1990 Производство железа [в:] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, Киев, 376-382.

1992 Про організацію виробництва заліза у племен лісостепової зони Східної Європи першої половини I тис. н.е. [в:] Стародавнє виробництво на території України, Київ, 94-116.

Паньков С.В., Недопако Д.П.

1993 Нові дослідження пам'яток стародавньої чорної металургії в Центральній Україні [в:] АДУ 1991 року, Луцьк, 85-86.

Патерик Киево-Печерского монастыря

1911 Патерик Киево-Печерского монастыря. Санкт-Петербург.

Пачкова С.П.

1974 Господарство східно-слов'янських племен на рубежі нашої ери, Київ.

1976 Землеробство племен культури Поянеити-Лукашівка [в:] Дослідження з слов'яно-руської археології, Київ, 42-48.

Пачкова С.П., Яковенко Э.В.

1983 Черняховский могильник у с. Малиновцы на Днестре [в:] Археологические памятники Среднего Поднепровья, Киев, 55-61.

Пашкевич Г.А.

1988 Палеоботанические исследования в области славянской археологии [в:] Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 4, Киев, 169-174.

1991 Палеозитоботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. - II тыс. н.э. Каталог II, Киев (Препринт).

Перхавко В.Б.

1978 Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы, СА 3, 113-126.

Петраускас О.В.

1993 Про „культурний шар" і поховання з трупоспаленнями на могильниках черняхівської культури, Археологія 2, 36-51.

- 1996 Могильники черняхівської культури Середнього Подніпров'я [в:] Тези доп. української делегації на VI Міжнар. конгр. слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.), Київ, 48-50.
- 1998 Могильник черняхівської культури в г. Каневе - ул. Пушкіна, *Studia Gothica* 2, 189-220.
- Петраускас О.В., Петропавловскій А.Б.**
1993 Раскопки могильника черняхівської культури в г. Каневе [в:] АДУ 1991 р., Луцьк, 91-92.
- Петраускас О.В., Шишкін Р.Г.**
1992 Деякі підсумки археологічних досліджень, проведених на правобережній Київщині у 1985-1990 роках (за матеріалами пізньоримського часу) [в:] Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки, Київ, 96-111.
1998 Розкопки могильника черняхівської культури біля с. Велика Бугайка на Київщині у 1998 р. [в:] АБУ 1997-1998 рр., Київ, 125-127.
1999 Про черняхівські пам'ятки «змішаного» типу на Правобережжі Київського Подніпров'я [в:] Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н.е., Київ-Львів, 217-229.
- Петре А.**
1962 Следы культуры Черняхов-Сынтана де Муреш в Малой Скифии, *Dacia* VI, 235-255.
- Петренко Е.Н.**
1991 Новые могильники черняхівської культури в бассейне Северского Донца [в:] Археология славянского Юго-Востока, Воронеж, 10-26.
- Петров В.П.**
1964 Масловский могильник на р.Товмач, МИА 116, 118-167.
1964а Черняхівський могильник, МИА 116, 53-117.
- Петров В.П., Кравченко Н.М.**
1961 Тигли черняхівської культури, КСИА АН УССР 11, 87-88.
- Пиоро И.С.**
1990 Крымская Готия, Киев.
- Плетнева С.А.**
1967 От кочевий к городам, Москва.
- Приходнюк О.М.**
1990 Погребальный обряд [в:] Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период, Киев, 226-231.
1991а О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры [в:] Древности Юго-запада СССР, Кишинёв, 106-124.
1991б Что такое „черняхівська культура“? [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э). Матер. междунар. конф. (Кишинев), Киев, 222-223.
1992 К вопросу об истоках составных элементов пеньковской культуры [в:] Четвѣрти Междуна-роден конгрес по славянска археология. София - 1980 (Доклади и съобщения) I, София, 331-341.
- Пріцак О.**
1997 Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Том I, Київ.
- Прокопій Кесарійський**
1994 История войн [в:] Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I-VI вв.), Москва, 170-250.
- Пуцко В.Г.**
1984 Серебряные кувшины из Жигайловки, ВДН 4, 77-89.
- Радзиевская В.Е., Гопак В.Д.**
1984 Меч римского типа из посёлка Коломак в Харьковской области, СА 3, 209-211.
- Раевский К.А.**
1955 Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тысячелетии н.э., СА 23, 250-276.
- Ратнер И.Д.**
1975 Могильник сарматского времени у с. Широкая Балка [в:] 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР, Киев, 96-97.
- Рафалович И.А.**
1981 Сосуд со штампованными знаками из Данчен-ского могильника черняхівської культури [в:] АИМ (1974-1976 гг.), Кишинев, 116-125.
1986 Данченъ. Могильник черняхівської культури III-IV вв. н.э., Кишинев.
- Редіна Є.Ф., Росохацький О.А.**
1994 До вивчення гунських старожитностей Північно-Західного Причорномор'я, Археологія 3, 152-155.
- Ременников А.М.**
1954 Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в., Москва.
1964 Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. н.э., ВДН 4, 131-138.
- Рикман Э.А. (Рікман Е.А.)**
1960 Жилища Будештского селища, МИА 82, 302-328.
1962 К вопросу о „больших домах“ на селищах черняхівського типа, Советская этнография 2, 121-138.
1964 Погребальные обряды Будештского могильника [в:] Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР, Кишинев, 106-131.
1964а Черняхівское селище у с. Балабанешты, МИА 116, 253-256.
1967а Памятник эпохи Великого переселения народов.

- По раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты, Кишинев.
- 1967b Черняховское селище Делакеу, МНА 139, 165-196.
- 1970a О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья, КСНА 121, 74-75.
- 1970b Поселение первых столетий н.э. Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром), СА 2, 190-197.
- 1972 Вопрос датировки импортных вещей в памятниках черняховской культуры, СА 4, 84-101.
- 1973 Поселение черняховской культуры Русяны [в:] АО 1972 года, 415.
- 1975a Жилище племен черняховской культуры Днестровско-Дунайского междуречья [в:] Древнее жилище народов Восточной Европы, Москва, 50-87.
- 1975b Памятники сарматов и племён черняховской культуры [в:] Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 5, Кишинёв.
- 1975c Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры, Москва.
- 1978 Поселение Новые Каракушаны [в:] АО 1974 года, 468-469.
- 1985 Розкопки селища черняхівської культури у Нижньому Подністрів'ї [в:] Тези доповідей VI-ої Подільської історико-краєзнавчої конференції, Кам'янець-Подільський, 39.
- 1988 Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963-1964 гг. [в:] МЧК, 111-132.
- Рикман Э.А., Гросу В.И.**
- 1975 Работа Костештской (черняховской) экспедиции [в:] АО 1974 года, 445-446.
- 1976 Селище черняховской культуры Корпач [в:] АО 1975 года, 475-476.
- Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г.**
- 1971 Очерки истории культуры Молдавии (II-XIV вв.), Кишинев.
- Рикман Э.А., Сергеев Г.П.**
- 1964 Селище первых веков нашей эры у села Кобуска-Веке (Молдавия) [в:] Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР, Кишинев, 229-236.
- Розанова Л.С.**
- 1988 Характеристика металла в кузнечных изделиях из черняховского слоя могильника Оселивка [в:] МЧК, 98-100.
- Романова Г.А.**
- 1988 Вилы Яругкие - могильник IV в. н.э. [в:] МЧК, 133-142.
- 1989 Черняховские поселения у с. Артюховка [в:] Проблемы археологии Сумщины. Тезисы докл. конф., Сумы, 58-60.
- Романова Г.А., Скакун Н.Н.**
- 1991 Стратиграфия верхнего горизонта поселения Нагорное II [в:] Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы междунар. конф., Кишинев, Кнев, 230-231.
- Росохацкий А.А.**
- 1989 Поселения черняховской культуры на восточном берегу оз.Кагул [в:] Археологические памятники степей Поднепровья и Подунавья, Кнев, 92-102.
- 1995 О выделении группы памятников черняховской культуры типа Беленькое в Северном Причерноморье [в:] Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья. Тезисы докл. конф., Белгород-Днестровский, 47-49.
- Россия.**
- 1903 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 7. Малороссия, Санкт-Петербург.
- 1910 Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 14. Новороссия и Крым, Санкт-Петербург.
- Рубан В.В.**
- 1978 Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане, КСНА 156, 32-36.
- Рудинський М.Я.**
- 1931 Кантамирівські могили римської доби, Записки ВУАК 1, 127-158.
- Рудич Т.О. (Т.А.)**
- 1995 Антропологічні матеріали з черняхівського могильника Черкаси-Центр [в:] Археологічні дослідження на Черкащині, вип. 1, 87-91.
- 1999 К вопросу об ориентации погребенных на могильниках черняховской культуры (по материалам антропологии) [в:] Сто лет черняховской культуре (Библиотека Vita Antiqua), Кнев, 126-134.
- 1999a Населення черняхівської культури у Середньому Подніпрів'ї [в:] Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару, Київ, 35-36.
- Русанова И.П.**
- 1976 Славянские древности VI-VII вв., Москва.
- 1990 Этнический состав носителей пшеворской культуры [в:] Раннеславянский мир, Москва, 119-135.
- Рутковская (Рутківська) Л.М.**
- 1969 Отчет об археологических исследованиях Жовнинской группы раннеславянской экспедиции в 1969 г., НА ИА НАНУ.
- 1970 Поселения IV-V ст. н.э. в с. Капулівка на Нижньому Дніпрі, Археологія 24, 194-216.
- 1979 Археологические памятники IV-VI вв. в районе Кременчугского моря (Украина), Slovenská Archeológia 27-2, 317-364.
- Рыбаков Б.А.**
- 1943 Ранняя культура восточных славян, Исторический журнал 11-12, 73-80.
- 1962 Календарь IV в. из земли полян, СА 4, 66-70.
- 1981 Язычество древних славян, Москва.
- 1987 Язычество древней Руси, Москва.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю.

1994 Могильники позднеантичной - раннесредневековой поры на Гераклеяском полуострове [в:] *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье. Тез. докладов междунар. конференции, Симферополь*, 60-61.

Сазанов А.В.

1989 *О хронологии Боспора ранневизантийского времени*, СА 4, 50-51.

1992 *Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типологи и хронология*, ПАВ 2, 100-112.

1993 *Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор*, МАИЭТ 3, 16-21.

Самойловський І.М.

1952 *Пам'ятки культури полів поховань у Києві*, Археологія 7, 153-157.

Сегеда С.П., Дяченко В.Д.

1984 *Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское* [в:] *Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э.*, Киев, 94-105.

Седов В.В.

1970 *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*, Москва (МИА, №163).

1979 *Происхождение и ранняя история славян*, Москва.

1994 *Славяне в древности*, Москва.

Сещинский Е.

1901 *Археологическая карта Подольской губернии* [в:] *Труды XI Археологического съезда, 1899 г. Том I*, Москва, 197-355.

Сиволап Л.Г., Сиволап М.П.

1993 *Розкопки могильника черняхівської культури у Черкасах* [в:] *АДУ 1991 р.*, Луцьк, 116.

1995 *Черняхівський могильник Черкаси-Центр* [в:] *Археологічні дослідження на Черкащині, вип. I*, 79-86.

Симоненко А.В.

1979 *О сарматских поясах* [в:] *Памятники древних культур Северного Причерноморья*, Киев, 51-55.

1993 *Сарматы Таврии*, Киев.

Симоненко А.В., Лобай Б.И.

1991 *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э.* - Киев.

Сініцин М.С.

1949 *Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р.*, АП 2, 149-156.

Скржинская Е.Ч.

1997 *Вступ. стаття, перевод, комментарій* [в:] *Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica*, Санкт-Петербург, 7-61, 185-365.

Славин Л.М.

1954 *Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце*, КСИА АН УССР 3, 49-59.

1955 *Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г.*, КСИА АН УССР 4, 35-36.

Славяне и их соседи...

1993 *Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э.* Под ред. И.П. Русановой, Э.А. Сымоновича (Археология СССР), Москва.

Славяне Юго-Восточной Европы...

1990 *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* Под ред. В.Д. Барана, Киев.

Смиленко (Сміленко) А.Т.

1970 *К хронологии гончарной керамики черняховского типа*, КСИА 121, 76-81.

1975 *Слов'яни та їх сусіди в Степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.)*, Київ.

1979 *Погребения у с. Башмачка* [в:] *МЧК*, 13-23.

1992 *Городище Башмачка III-IV в. н.э.*, Киев.

Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю.

1967 *Черняховские поселения в с. Леськи близ города Черкассы*, МИА 139, 35-61.

Смирнов А.П.

1966 *Племена черняховской культуры. Готский союз племен* [в:] *История СССР, Т. I*, Москва, 308-312.

Смирнова Г.И.

1964 *Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры*, МИА 116, 196-212.

Смішко М.Ю.

1947 *Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих*, Археологія 1, 111-121.

1948 *Доба „полів поховань” в західних областях УРСР*, Археологія 2, 98-130.

1949 *Звіт про дослідження селища періоду „полів поховань” в Неслухові у 1946 р.*, АП 1, 189-205.

1952 *Дослідження пам'яток культури „полів поховань” у Західних областях УРСР в 1947 р.*, АП 3, 365-378.

1960 *Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери*. Київ.

1961 *Відносно концепції про германську належність культури полів поховань*, МДАПВ 3, 59-76.

1964 *Поселення III-IV ст. н.е. з слідами скляного виробництва біля с. Комарів Чернівецької області*, МДАПВ 5, 67-80.

1969 *Исследования черняховского могильника в Верхнем Поднепровье* [в:] *АО за 1968 г.*, 313-314.

Смішко М.Ю., Баран В.Д.

1976 *Племена черняхівської культури* [в:] *Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первісно-общинного ладу та в давньоруський час*, Київ, 63-83.

Смішко М.Ю., Свешніков І.К.

1961 *Могильник III-IV ст. н.е. у с. Дитиничі Ровенської області*, МДАПВ 3, 89-114.

Сокольский Н.И.

1954 *Боспорские мечи*, МИА 33, 123-196.

- Соп Н.А.**
1993 *Тира римского времени*, Киев.
- Сорокина Н.П.**
1965 *Стеклянные сосуды из Танауса*, МИА 127, 202-248.
- Спицын А.А.**
1899 *Расселение древнерусских племен по археологическим данным*, Журнал Министерства народного просвещения, т. VIII, 301-340.
1948 *Поля погребальных урн*, СА 10, 53-70.
- Старшая Эдда**
1963 *Старшая Эдда*, Москва-Ленинград.
- Стеблун-Каменский М.И.**
1970 (отв. ред.) *Младшая Эдда*, Ленинград.
- Строцень Б.С.**
1993а *Могильник черняхівської культури в Романовому Селі на Тернопільщині [в:] Тернопільський краєзнавчий музей. Наукові записки*, Тернопіль, 38-51.
1993б *Розкопки поселення біля с. Кобиля на Тернопільщині [в:] АДУ 1992 року*, Київ, 133-135.
1997 *Дослідження на поселенні III-IV ст. біля с. Кобиля (Тернопільщина) [в:] АДУ 1993 року*, Київ, 134-135.
- Стурлуссон С.**
1980 *Круг земной*, Москва.
- Симонович Е.О. (Сымонович Э.А.)**
1952а *Млинове спорудження перших століть н.е. на Південному Бузі*, Археологія 6, 97-107.
1952б *Погребения V-VI вв. у с. Данилова Балка*, КСННМК XLVIII, 62-70.
1955 *Памятники черняховской культуры степного Поднепровья*, СА 24, 282-316.
1956а *Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры*, СА 26, 262-270.
1956б *О некоторых типах поселений первых веков нашей эры в Северном Причерноморье*, КСИИМК 65, 131-134.
1957а *Лепная посуда памятников черняховской культуры Нижнего Днепра*, КСННМК 68, 14-19.
1957б *Пам'ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя*, Археологія 10, 150-153.
1959 *Раннечерняховское поселение у с. Ломоватого на Днепре*, КСИА АН УССР 8, 55-59.
1960 *Отчёт о работах Средне-Днепровской экспедиции ИА АН СССР за 1960 г.*, ИА ИА НАНУ.
1960а *Памятники черняховской культуры в с. Кринички (по материалам С.С. Гамченко и раскопкам 1957-1958 гг.)*, МИА 82, 239-252.
1960б *Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре*, МИА 82, 192-238.
1960с *Спроба реконструкції млина перших століть нашої ери [в:] Париси з історії техніки*, Київ, 151-157.
1962 *Инкрустированные стеклом изделия из Черкасской обл.*, КСИА 90, 69-73.
1963а *Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху*, СА 1, 49-60.
1963б *Работы на черняховских памятниках в Приднепровье*, КСИА 94, 80-87.
1964а *Израильно-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры*, СА 3, 307-312.
1964б *Орнаментация черняховской керамики*, МИА 116, 270-361.
1964с *Северная граница памятников черняховской культуры*, МИА 116, 7-52.
1964д *Стеклянные кубки из Журавки*, КСИА 102, 8-12.
1966 *О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья*, СА 3, 38-51.
1967а *Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье*, МИА 139, 205-237.
1967б *Новые работы в с. Черняхове*, МИА 139, 5-27.
1967с *Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя*, МИА 139, 62-76.
1968 *Железные гребешки с поселений черняховской культуры [в:] Славяне и Русь*, Москва, 173-178.
1969 *Порівняльне вивчення пам'яток черняхівської культури в районі Черкас*, Археологія XXII, 137-148.
1971а *Находка позднеантичной амфоры из Курской области*, СА 4, 231-232.
1971б *Племена Поднепровья в первой половине I тыс. н.э.* Автореф. дис. доктора ист. наук, Москва.
1971с *Хірургія в черняхівську епоху [в:] Середні віки на Україні. Вип. 1*, Київ, 83-87.
1973а *Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культуры полей погребений*, КСИА 133, 24-31.
1973б *Культуры римского времени и славяне [в:] Berichte über den II. Internationale Kongreß für slawische Archeologie*, Berlin, 123-134.
1975а *Об одной категории находок на памятниках черняховской культуры*, СА 3, 213-217.
1975б *Про кераміку черняхівського типу в Криму*, Археологія 18, 80-86.
1975с *Черняховские материалы из с. Ново-Александровка на Нижнем Днепре*, СА 1, 203-212.
1978а *Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье*, МИА 177, 63-75.
1978б *О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период*, СА 2, 105-116.
1979а *Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы [в:] МЧК*, 63-111.
1979б *Памятник позднеантичного времени в районе древней Тиры*, КСИА 159, 106-111.
1979с *Ромашковский могильник - первый черняховский памятник Поднепровья*, СА 3, 155-170.
1980 *Находки античного времени из с. Беленького Белгород-Днестровского района*, КСИА 168, 48-50.
1980а *Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днепре*, КСИА 162, 104-109.
1981 *Черняхівські горщики Подніпров'я*, Археологія 36, 41-54.
1983а *Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского)*, Киев.
1983б *Сюжетные изображения на черняховской керамике*, СА 4, 132-141.
1983с *Черняхівська кераміка Подніпров'я*, Археологія 43, 26-43.
1983д *Черняховская культура и памятники киевского*

- и колочинского типов, СА 1, 97-101.
- 1988а Придунайский могильник Фурмановка [в:] МЧК, 143-163.
- 1988в Могильник Сабадаш-Охматово в Среднем Поднепровье [в:] МЧК, 164-167.
- 1990 Букреевка 2 - селище второй четверти I тыс. н.э. возле Курска [в:] Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья, Курск, 78-110.
- 1995 Про соціальну структуру черняхівського суспільства за матеріалами поховального обряду, Археологія 4, 37-49.
- Сымонович Э.А., Гей О.А.**
1978 Черняховская экспедиция на Украине [в:] АО за 1977 г., 388-389.
- Сымонович Э.А., Кравченко Н.М.**
1983 Погребальные обряды племен черняховской культуры, САИ Д1-22.
- Сымонович Е.О., Мельниковська О.М., Тихомиров М.О.**
1985 Роботи черняхівської експедиції 1981-1983 рр. [в:] Тези доп. VI Подільської історико-краєзнавчої конф., Кам'янець-Подільський, 47-48.
- Сымонович Э.А., Яровой А.З.**
1968 Поселение Викторовка II в Северном Причерноморье (по материалам М.Ф. Болтенко), СА 2, 169-183.
1971 Могильник в с. Рыбаковка против о. Березани, СА 1, 229-232.
- Тарабанов В.А.**
1993 Поселения болгар на правобережье Кубани [в:] Древности Кубани и Черноморья (Понтийско-кавказские исследования I), Краснодар, 115-122.
- Тентюк И.С.**
1990 Поселение первых веков нашей эры у с. Мындрешты [в:] АИМ в 1985 г., Книшинец, 162-176.
- Терпиловский (Терпиловський) Р.В.**
1984 Ранние славяне Подесенья III-V вв., Киев.
1988 Новые исследования памятников III-IV вв. в Среднем Поднепровье [в:] Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Т. 4, Киев, 208-212.
1989 К проблеме контактов киевской и вельбарской культур [в:] КИВ 2, 232-247.
1994 Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н.е. Автореф. дис. д-ра іст. наук, Київ.
1994а Слов'янські старожитності Східної Європи. Перспективи пошуку [в:] Старожитності Русі-України, Київ, 73-79.
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С.**
1992 Памятники киевской культуры (Свод археологических источников), Киев.
- Терпиловський Р.В., Шекун О.В.**
1996 Олександрівка I - багатощарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова, Чернігів.
- Тимощук Б.А.**
1984 Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов. КСИА 178, 86-91.
- Тимощук Б.А., Винокур И.С.**
1964 Памятники черняховской культуры на Буковине. МИА 116, 186-195.
- Тиханова М.А.**
1953 Археологические памятники Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н.э., КСИА АН УССР 2, 15-19.
1957 О локальных вариантах черняховской культуры, СА 4, 168-194.
1960 Днестровско-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции, КСИИМК 79, 94.
1963 Раскопки на поселении III-IV вв. н.э. у с. Лепесовка в 1957-1959 гг., СА 2, 178-191.
1964 Днестровско-Волынская экспедиция 1960-1961 гг., КСИА 102, 48-56.
1969 О находке римского оружия на Южной Волыни, КСИА 116, 36-39.
1970а Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры, КСИА 121, 89-94.
1970б К вопросу о связях Южной Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н.э. [в:] Studia archaeologica in memoriam Harri Moora, Tallinn, 202-206.
1973 К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры [в:] Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Крат. тез. докл. к научной конференции, Ленинград, 29-31.
1974а К вопросу о развитии черной металлургии в черняховской культуре, КСИА 140, 11-18.
1974б К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры, КСИА 138, 66-73.
1977а Жилище ремесленника-древотка на поселении у с. Лука-Врублевецкая на Днестре, КСИА 148, 69-76.
1977б Старшеерунические надписи [в:] Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Москва, 133-141.
1978 О находке римских весов на Южной Волыни [в:] Проблемы археологии, вып. 2, Ленинград, 97-101.
1979 К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами, КСИА 159, 37-43.
- Топоров В.Н.**
1983 Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы [в:] Балто-славянские исследования. 1982, Москва, 227-263.
- Третьяков П.Н.**
1953 Восточнославянские племена, Москва.
1958 Итоги археологического изучения восточнославянских племен [в:] IV Международный съезд славистов. Доклады, Москва.
1966 Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, Москва-Ленинград.
1970 У истоков древнерусской народности (МИА № 179), Ленинград.

Українці...

1959 *Українці. Історико-етнографічна монографія*, Київ.

Фасмер М.

1986-1987 *Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах*, Москва.

Федоров Г.Б.

1958 *О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии)*, СА 3, 234-243.

1960а *Два черняховских могильника в Молдавии [в:] Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР*, Кишинев, 221-239.

1960b *Малаеитский могильник*, МИА 82, 253-301.

1960c *Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н.э.*, МИА 89.

Федоров Г.Б., Рошаль М.Г.

1979 *Погребение IV в. н.э. у с. Сычавка*, СА 2, 265-270.

1981 *Раскопки черняховского могильника у с. Балцата [в:] АИМ (1974-1976 гг.)*, Кишинев, 89-106.

Фоксев (Фоксєв) М.М.

1986 *Типы сарматских могильников в Буджакской степи [в:] Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья*, Киев, 157-161.

1987 *Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи [в:] Днестро-Дунайское междуречье в I - начале II тыс. н.э.*, Киев, 16-25.

1998 *Населення Буджацького степу у I ст. до н.е. - IV ст. н.е.* Автореф. дис. канд. іст. наук, Київ.

Фридрих И.

1979 *История письма*, Москва.

Хавлюк П.І. (П.И.)

1971 *Гончарний горн культури полів поховань черняхівського типу в с. Тарасівці на Вінничині [в:] Середні віки на Україні. Вип. 1*, Київ, 79-83.

1973 *До питання про виготовлення жорен у давній Русі*, Археологія 9, 34-40.

1974 *Заячівський могильник на Вінничині*, Археологія 14, 62-72.

1976 *Исследования Южнобугской экспедиции [в:] АО за 1975 г.*, 400-401.

1977 *Про реконструкцію черняхівських жорен*, Археологія 24, 30-34.

1980 *Про виробництво жорен на черняхівських поселеннях Побужжя*, Археологія 34, 30-34.

1985 *Исследования на Южном Буге [в:] АО 1983 года*, 367-368.

1988 *Вельбарские памятники на Южном Буге [в:] КИ I*, 137-144.

1988а *Дослідження могильника у с. Вилы Яругские [в:] МЧК*, 142.

Хазанов А.М.

1971 *Очерки военного дела сарматов*, Москва.

Хайрединова Э.А.

1994 *Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э.*, МАИЭТ 4, 517-527.

Хвойка В.В.

1901 *Поля погребений в Среднем Приднепровье*, Записки Русского археологического общества, XII, 1-2, 172-190.

Храбан Г.Е.

1964 *Черняховские памятники в Уманском районе Черкасской области*, МИА 116, 257-269.

Храпунов И.Н.

1994 *Аланский могильник IV в. в Центральном Крыму [в:] Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье. Тезисы докладов международной конференции*, Симферополь, 77-79.

Цалкин В.И.

1960 *Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа*, МИА 53, 7-109.

1966 *Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии*, МИА 135.

Цветаева Г.А.

1979 *Боспор и Рим*. Москва.

Цолль-Адамикова Е.

1992 *Наземные захоронения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников [в:] Четвѣрти Международен конгрес по славянска археология. София - 1980 (Доклади и съобщения). Т. 1*, София, 260-267.

Цыгылык (Цигилик) В.Н.

1972 *Черняховское поселение у с. Оселивка [в:] АО 1971 года*, 362-363.

1975а *Населення Верхнього Подністрів'я перших століть нашої ери (Племена липицької культури)*, Київ.

1975b *Раскопки поселения у с. Оселивка [в:] АО 1975 года*, 368-369.

1976 *Двухслойное поселение у с. Оселивка на Днестре [в:] АО 1975 года*, 402-403.

1977 *Работы Хотинского отряда на Днестре [в:] АО 1976 года*, Москва, с. 384-385.

1979 *Раскопки у с. Тарасовка на Львовщине [в:] АО 1978 года*, 417.

1983 *Работы раннеславянской договорной экспедиции [в:] АО 1981 года*, 329.

1993 *Про локальні особливості черняхівського поселення в селі Свірж*, Studia archaeologica (Львів) 1, 35-42.

1997 *Нові пізнючерняхівські житла на Львівщині [в:] Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян*, Київ-Львів, 104-110.

Чеботаренко Г.Ф., Суботін Л.В.

1992 *„Троянові вали" у Дунай-Дністровському межиріччі (історія та історіографія питання) [в:] Археологія південного заходу України*, Київ, 103-117.

Черных Е.А., Барцева Т.Б.

1970 *Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры*, КСИА 121, 95-103.

Шаров О.В.

- 1991 *Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы междунар. конф., Кишинев, Киев, 233-235.*
- 1992 *Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики* [в:] *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени, Санкт-Петербург, 158-207.*
- 1995 *Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III - первой половине IV в. н.э.* Автореф. дисс. канд. исторических наук, Санкт-Петербург.

Шекун О.В.

- 1997 *Перша кісткорізна майстерня на поселенні кївської культури* [в:] *АДУ 1993 року, Київ, 143-144.*

Шелов Д.Б.

- 1961 *Некрополь Танаиса (раскопки 1956-1958 гг.), МИА 98, 1-94.*
- 1978 *Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология, КСИА 156, 16-21.*

Шижкін (Шижкин) Р.Г.

- 1996а *Господарство та екологія населення Середнього Подніпров'я кінця I-V ст. н.е.* Автореф. дис. канд. історичних наук, Київ.
- 1996б *Система заселення Середнього Подніпров'я в I-V вв.* [в:] *Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.), Київ, 58-60.*
- 1999 *Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры* [в:] *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Тези доповідей семінару, Київ, 43-48.*

Шрамко Б.А.

- 1962 *Древности Северского Донца.* Харьков.
- 1988 *Могильник у с. Павлюковка* [в:] *МЧК, 9-12.*

Шапова Ю.Л.

- 1978а *Мастерская по изготовлению стекла у с. Комарова, СА 3, 230-242.*
- 1978б *О происхождении некоторых типов позднеантичных стеклянных бус* [в:] *Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья, САИ Г1-12, 98-100.*

Щеглов А.Н.

- 1961 *Светильники с клеймом ХРУСОУ, Сообщения Херсонесского музея 2, 45-51.*

Щербакова Т.А.

- 1981 *Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия* [в:] *АИМ в 1974-1976 гг., Кишинев, 106-116.*
- 1987 *Жилье и хозяйственные сооружения на поселениях позднеимского времени в зоне Буджакской степи* [в:] *Днестро-Дунайское междуречье в I - начале II тыс. н.э, Киев, 42-58.*
- 1988 *Керамический комплекс поселения III-IV вв. н.э. у с. Томай* [в:] *АИМ в 1983 г., Кишинев, 91-100.*
- 1990 *Могильник черняховской культуры у с. Чалык*

[в:] *АИМ в 1985 г., Кишинев, 141-162.*

- 1991 *Памятники типа Этулия (истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности)* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы междунар. конф., Кишинев, Киев, 237-238.*

Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф.

- 1974 *Усадьба первых веков н.э. у с. Будеиты* [в:] *АИМ (1973 г.), Кишинев, 93-104.*

Щербакова Т.А., Щукин М.Б.

- 1991 *О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры (по материалам Днестровско-Прутского междуречья)* [в:] *Древности Юго-запада СССР, Кишинев, 38-106.*

Щукин М.Б.

- 1967 *О трех датировках черняховской культуры, КСИА 112, 8-13.*
- 1968 *Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор, СА 2, 41-51.*
- 1970а *К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья, КСИА 121, 104-113.*
- 1970б *К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры, АСГЭ 12, 54-67.*
- 1973 *Черняховская культура и явление кельтского ренессанса (к постановке проблемы), КСИА 133, 17-23.*
- 1976 *О начальной дате черняховской культуры, Prace Archeologiczne, 422, z. 22, 303-317.*
- 1979а *К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры, КСИА 158, 17-22.*
- 1979б *К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций, АСГЭ 20, 66-89.*
- 1988 *Керамика киевского типа с поселения Лепесовка, СА 3, 207-214.*
- 1989 *Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов?* [в:] *КВ 2, 195-215.*
- 1991 *К вопросу о контактах римлян с носителями черняховской культуры (по материалам поселения Чимшиены)* [в:] *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Материалы международной конференции, Кишинев, Киев, 223-224.*
- 1994 *На рубеже Эр, Санкт-Петербург.*

Щукин М.Б., Бейлскчи В.В., Кожокару В.М.

- 1995 *Следы переправы императора Валента через Дунай в 369 г.* [в:] *Фортификация в древности и средневековье. Материалы семинара, Санкт-Петербург, 65-66.*

Щукин М.Б., Шаров О.В., Руссев Н.Д., Фокеев М.М., Бейлскчи В.В., Ткачук М.Е.

- 1997 *Работы славяно-сарматской экспедиции в 1996 г.* [в:] *Гос. Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия за 1996 г., Санкт-Петербург, 14-15.*

Щукин М.Б., Щербакова Т.А.

- 1986 *К хронологии могильника Данчены* [в:] *Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э., Кишинев, 177-219.*

Этнокультурная карта ...

1985 *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Под ред. В.Д. Барана, Киев.*

Якобсон А.Л.

1979 *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики, Ленинград.*

Янушевич З.В.

1976 *Культурные растения юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям, Кишинев.*

Albrechtsen E.

1968 *Fynske jernaldergrave, III. Yngre romersk jernalder, Odense.*

1971 *Fynske jernaldergrave, IV.2. Gravpladsen på Møllegårdsmarken ved Broholm, Odense.*

1973 *Fynske jernaldergrave, V. Nye fund, Odense.*

Alexianu M., Ellis L.

1995 *La Tombe IX de Izvoare, de Neamt, appartenant à la culture de Sîntana de Mureş Cernjachov, AM 18, 295-302.*

Almgren O.

1923 *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen, Leipzig.*

Antoniewicz W.

1928 *Archeologia Polski, Warszawa.*

1934 *Ślady kultury gockiej na ziemiach słowiańskich do najazdu Hunów [in] Słownik starożytności słowiańskich. Zeszyt próbny, Warszawa, 19-40.*

Antoniou S., Onofrei M.

1975 *Studiul antropologic al scheletelor din necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Leţcani (jud. Iaşi), AM 8, 281-285.*

Babeş M.

1994 *Bastarni [in] Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României, Bucureşti, 164-166.*

Banasiewicz E.

1989 *Kompleks osadniczy grupy masłomęckiej w Hrubieszowie-Podgórzu w woj. zamojskim [in] KW 2, 47-61.*

Berciu D., Dolinescu-Ferche S., Radulescu Gh., Ionescu M.

1966 *Sapaturile de la Ojnac 1960-1962, SCIV 17, 375-382.*

Biborski M.

1978 *Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej, MA XVIII, 53-165.*

Bichir Gh.

1967 *La civilisation des Carpes (II-III siècle de n.è.) à la lumière des fouilles archéologiques de Poiana-Dulceşti, de Butmareşti et de Padureni, Dacia 11, 111-117.*

1973 *Cultura carpica, Bucureşti.*

1984 *Geto-dacii din Muntenia în epoca romana, Bucureşti.*

Bielenin K.

1974 *Starożytne górnictwo i hutnictwo żelaza w Górach Świętokrzyskich, Warszawa-Kraków.*

Bierbrauer V.

1974 *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien, Spoleto.*

1980 *Zur chronologischen, soziologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jhs in Südosteuropa [in] Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jh., Wien, 131-142.*

1989 *Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters [in] Peregrinatio Gothica (AB VIII), 39-106.*

1994 *Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz, Frühmittelalterliche Studien 28, 51-171.*

1998 *Gepiden in der Wielbark-Kultur (1.-4. Jahrhundert n.Chr.)?. Eine Spurensuche, [in] A. Wesse (ed.) Studien zur Archäologie des Ostseeraumes von der Eisenzeit zum Mittelalter. Festschrift für Michael Müller-Wille, 393-399, Neumünster.*

Bitner-Wróblewska A.

1989 *Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej [in] KW II, 161-177.*

Bloşiu C.

1975 *Necropola din secolul al IV-lea e.n. de la Leţcani (jud. Iaşi), AM VIII, 203-280.*

Blume E.

1912 *Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, Würzburg.*

Bobi V.

1985 *Consideratii preliminare asupra celor dond necropole din secolul al IV-lea e.n. descoperite in Moldova de Jos, MemA IX-XI, 205-226.*

Böhme H.W.

1974 *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unterer Elbe und Loire, Münchner Beitr. Vor- u. Frühgeschichte 19.*

Bökisch G., Böttger B.

1966 *Spätromische und frühbizantische Keramik, Klio 47, 209-256.*

Brenner E.

1912 *Der Stand der Forschung über die Kultur der Merowingerzeit, Berichte der Römisch-Germanischen Kommission VII, 262-267.*

Brukner O.

1981 *Rimska keramika u Jugoslovenskom delu provincie Donije Panonoje, Beograd.*

Brzeziński W.

1980 *Przyczynek do badań nad rogownictwem na ziemiach polskich u schyłku starożytności (IV-V w. n.e.),*

Cehak-Holubowiczowa H.

1936 *Próbné wykopaliska w powiecie zbaraskim*, WA 14, 59-70.

Cnotliwy E.

1996 *Der Herkunftsprung der Kämmе aus Bitola (Heraclea Lyncestis) in der Republik Makedonija*, SG 1, 101-109.

Crişan I.H.

1969 *Ceramica daco-getica cu speciala privire la Transilvania*, Bucureşti.

Dąbrowska T.

1996 *Uwagi o ornamentyce ceramiki przeworskiej z wczesnego okresu wpływów rzymskich*, SG 1, 111-120.

1997 *Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien* (Monumenta Archaeologica Barbarica, 3), Kraków.

Dankantis A., Ferenczi I.

1959 *Sapaturile arheologice de la Ciurbrud*, MCA 6, 605-615.

Dannheimer H.

1987 *Auf den Spuren der Baiuwaren*, München.

Diaconu Gh.

1962 *Despre pandantivele prismatice de as din necropola de la Tîrgşor*, SCIV 13, 441-445.

1963 *Archäologische Angaben über die Taifalen*, Dacia VII, 301-315.

1964 *Einheimische und Wandervölker im 4. Jahrhundert auf dem Gebiete Rumäniens (Tîrgşor-Gherăseni-Variante)*, Dacia 8, 195-210.

1965a *Nordnordöstliche Elemente in der Tschernjachow-Sîntana de Mureş-Kultur*, Dacia 9, 299-306.

1965b *Tîrgşor. Necropola din secolele III-IV e.n.*, Bucureşti.

1966 *Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş-Tschernjachow-Kultur*, Dacia 10, 357-364.

1969 *Das Gräberfeld von Mogoşani (Kreis Dîmboviţa)*, Dacia 13, 367-402.

1970 *Über scheibengedrehte Keramik in der Sintana de Mureş-Tschernjachowkultur*, Dacia 14, 243-250.

1971 *Über die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in Dazien*, Dacia 15, 239-268.

1973 *Über die Fibel mit halbkreisförmiger Kopfplatte und rautenförmigen Fuß aus Dazien*, Dacia 17, 257-275.

1975 *O braşara din corn de cerb de la Pietroasele-Buzău*, SCIV 26, 411-414.

1976 *Getisch-dakische Elemente in der Sîntana de Mureş-Kultur* [in] *Thraco-Dacica: Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Tracologie*, Bucureşti, 309-314.

1977 *Aşesarea şi necropola de la Gherăseni-Buzău*. SCIV 28, 431-457.

1986a *Gräber des V. Jh u.Z. von Pietroasele*, Dacia 30, 177-182.

1986b *Über die eisernen Kämmе*, Dacia 30, 183-189.

Diaconu Gh., Tzoni M., Constantinescu M., Drambocianu V.

1977 *L'ensemble archeologique de Pietroasele*, Dacia 21,

Diculescu C.

1922 *Die Gepiden*, Halle.

Dobrzańska H.

1980 *Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej*, AP 24, 87-152.

1990 *Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. krakowskie. Część II*, Kraków.

Domański G.

1979 *Kultura luboszycka między Labą a Odrą w II-II^w wieku*, Wrocław etc.

Donat P.

1983 *Hausbau und Siedlung* [in] *Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa II*, Berlin, 81-90.

Dragomir I.T.

1959a *Sapaturile arheologice de la Cavadineşti (r. Beresti, reg. Galaţi)*, MCA 6, 453-471.

1959b *Sapaturile arheologice de la Largu (r. Faurei, reg. Galaţi)*, MCA 6, 498-506.

1961 *Sapaturile arheologice de la Cavadineşti (r. Beresti, reg. Galaţi)*, MCA 7, 151-162.

1962 *Sapaturile arheologice intreprinse la Balteni (r. Faurei, reg. Galaţi)*, MCA 8, 11-21.

Ebert M.

1913 *Ausgrabungen bei dem „Gorodok Nikolaewka“ am Dnjepr, Gouv. Cherson*, PZ 1-2, 80-113.

1921 *Südrusland im Altertume*, Bonn-Leipzig.

1929 *Reallexikon der Vorgeschichte 13*, Berlin.

Eggers H.

1951 *Der römische Import im freien Germanien*, Hamburg.

1955 *Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien*, Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 2, 196-244.

Galloway P., Newcomber M.

1981 *The craft of comb-making: an experimental and enquermy*, Institute of archaeology bulletin. University of London 18, 73-90.

Gaul J.

1983 *Migracje grup ludzkich w pierwszej połowie I tys. n.e. w Europie Środkowej w świetle znalezisk przedmiotów miniaturowych i symbolicznych*, AP 28, 351-401.

Giesler U.

1978 *Jüngerkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna*, Saalburg-Jahrbuch 35, 5-56.

Ginalski J.

1991 *Ostrogi kabłkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna*, Przegląd Archeologiczny 38, 53-84.

Glodariu I.

1995 *Vase de provizii de inspiratie elenistica*, AM 18, 45-50.

Godłowski K.

1970 *The Chronology of the Late Roman and Early*

- Migration Periods in Central Europe*, Kraków.
- 1972 *Badania na cmentarzysku z okresu rzymskiego w Kryspinowie pow. Kraków*, SprA 24, 130-146.
- 1979 *Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V-VII w. n.e.*, Kraków.
- 1980 *Zur Frage der Miniaturgeräte in der Przeworsk-Kultur*, Beiträge zur Archäologie Nordwestdeutschlands und Mitteleuropa, Materialhefte zur Ur- und Frühgeschichte Niedersachsens 16, 85-100.
- 1981 *Kultura przeworska* [in] PZP V, 57-135.
- 1985 *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim*, Wrocław i in.
- 1992 *Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten* [in] *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, Kraków, 23-54.
- Grimm P.**
1930 *Die vor- und frühgeschichtliche Besiedlung des Unterharzes*, Jahresschrift für die Vorgeschichte der Sächsisch-Thüringischen Länder 18.
- Hachmann R.**
1994-1995 *Goten und Runen. Die gotischen Runeninschriften und die Schrift des Ulfilas*, Dacia 38-39, 163-183.
- Hadaczek K.**
1900 *Grabarka Niesluchowska*, Teka Konserwatorska 2, 48-59, 71-78.
1912 *Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego*, Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, XII (Kraków), 23-33.
- Hahula K.**
1993 *Nowoodkryta przęślica z Nowego Łowicza w województwie koszalińskim*, Archeologia 44:1994, 76-79.
1996 *Ein „Fürstengrab“ der jüngeren Kaiserzeit aus Białęcino (Balenthin)*, SG 1, 129-151.
- Haralambieva A.**
1990 *Archäologische Spuren der Goten südlich der unteren Donau aus dem 5. Jh. n. Chr.*, Archaeologia Austriaca 74, 79-84.
- Harhoiu R.**
1988 *Das Kurzschwert von Micia*, Dacia 32, 79-90.
1990 *Chronologische Fragen der Völkerwanderungszeit in Rumänien*, Dacia 34, 169-208.
1992 *Forschungsgeschichte und Forschungsstand der frühen Völkerwanderungszeit in Rumänien*, Dacia 36, 99-114.
- Harmatta J.**
1970 *Studies in history and language of the Sarmatians*, Acta antiqua et archaeologica (Szeged) 13.
- Hartuche N., Anastasiu F.**
1976 *Catalogul selectiv al colectiei de arheologie a muzeului Brailei*, Braila.
- Herrmann J.**
1976 *Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen*, Leipzig.
- Hica-Cîmpeanu I.**
1976 *Das Gräberfeld aus dem 4. Jh. u.z. von Pălatca*, Dacia 20, 23-36.
- Horedt K.**
1982 *Siebenbürgen in spätrömischer Zeit*, Bukarest.
- Ignat M.**
1993 *Necropola de la Dolnești Mari, jud. Suceava* [in] MCA, A 17-a sesiune anuală de rapoarte, Ploiești 1983, București, 243-245.
- Ilkjær J.**
1990 *Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere*, Jutland Arch. So Publ. (Aarhus), XXV:1, XXV:2.
1993 *Illerup Ådal. Die Gürtel. Bestandteile und Zubehör*, Jutland Arch. So Publ. (Aarhus), XXV:3.
1998 *Zwischen Blindheim, Jabara und Manastirea - Zu eisernen Kämmen der römischen Kaiserzeit im Barbaricum* [in] *20 lat arheologii w Masłomęczu II*, Lublin, 43-54.
- Ioniță I.**
1966 *Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul RS Romania*, AM 4, 189-259.
1971 *Das Gräberfeld von Independența (Walachei)*, Bonn.
1972a *Așezarea de tip Sîntana de Mureș-Cerneahov de la Iași-Fabrica de caramizi*, AM 7, 267-306.
1972b *Probleme der Sîntana de Mureș-Cernjachov-Kultur auf dem Gebiete Rumäniens* [in] *Studia Gotica* (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Antikvariska serien 25), 95-104.
1972c *Unele probleme privind populația autohtonă din Moldova în secolele II-V e.n.* [in] *Crisia. Culegere de materiale și studii*, Oradea, 183-199.
1974 *Necropola din secolul IV e.n. de la Miorcani, jud. Botoșani*, [in] *Cercetari istorice*, Iași.
1977 *La nécropole du IVe siècle de n.e. à Miorcani*, IA. Roumanie, F. 8.
1982 *Eine Siedlung der jüngeren römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Iași-Nicolina (Rumänien)* [in] *Palast und Hütte. Tagungsbeiträge eines Symposiums, Berlin, 1979*, Mainz, 567-586.
1985 *Importante de scoperiri arheologice din perioada de formare a poporului român în așezarea de la Iași-Nicolina*, AM 10, 30-49.
1986 *Chronologie der Sîntana-de-Mureș-Cernjachov-Kultur* [in] *Peregrinatio Gothica* (AB, VII), 295-351.
1989 *Veränderungen der Bestattungssitten im Gräberfeld von Tîrgșor* [in] *Peregrinatio Gothica* (AB, VIII), 159-183.
1992 *Die Fibeln mit ungeschlagenem Fuss in der Sîntana-de-Mureș-Cernjachov-Kultur* [in] *Peregrinatio Gothica III* (Universitets Oldsaksamlings Skrifter. Ny rekke 14), Oslo, 77-90.
1994 *Bîrlad-Valea Seacă, provincia di Vaslui, Moldavia (Romania)* [in] *I Goti*. Milano,
1994a *Römische Einflüsse im Verbreitungsgebiet der Sîntana-de Mureș-Cernjachov-Kultur*, AM 17, 109-116.
1994-1995 *Eine Glasschale mit eingeritztem Wabennmuster und Facettenschliff von Jacobeni (Kr. Iași)*, Dacia 38-39, 151-162.

- 1995 *Elemente creștine în practica riturilor de înmormântare din Moldova în secolele IV-V e.n.* [in] *Din istoria Europei romane*, Oradea, 253-262.
- 1997 *Die freien Daker an der nordöstlichen Grenze der römischen Provinz Dakien*, *Acta Musei Porolissensis (Zalău)*, 21, 879-905.
- 1998 *Eine scheibengedrehte Schale mit Sonnensymbolen bei Tăcuta* [in] *20 lat archeologii w Masłomęczu II*, Lublin, 55-60.
- 1999 *Sondajul arheologic de la Tăcuta (județul Vaslui)*, *AM 20:1997*, 89-106.
- Ioniță I., Șovan O.-L.**
1983 *Necropola dacica de la Stînca (comuna Ștefanesti, județul Botoșani)*, *Hierasus V*, 89-104.
- Ioniță I., Ursachi V.**
1988 *Valeni. O mare necropola a dacilor liberi*, Iași.
- Ivanovski V., Kokowski A.**
1996 *Nowe badania na cmentarzysku z młodszego okresu rzymskiego w Rakowcu na Podolu*, *Sprawozdania Archeologiczne 47:1995*, 221-235.
- Istvánovits E.**
1993 *Das Gräberfeld aus dem 4.-5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget*, *AAH 45*, 91-146.
1993a *Some data on the history of the upper Tisza region in the Roman Age*, *Vychodnoslovensky pravek (Košice) 4*, 127-142.
- Jahn M.**
1916 *Die Bewaffung der Germanen in der alteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr.*, Würzburg.
1921 *Der Reitersporn. Seine Entstehung und früheste Entwicklung*, Leipzig.
- Jaskanis J.**
1996 *Cecel. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen* (*Monumenta archaeologica barbarica 2*), Kraków.
- Jaskanis J., Okulicz J.**
1981 *Kultura wielbarska (faza cecelska)* [in] *PZP V*, 178-190.
- Kaczanowski P.**
1992 *Importy broni rzymskiej na obszarze europejskiego Barbaricum*, Kraków.
- Kaczanowski P., Zaborowski J.**
1988 *Bemerkungen über die Bewaffung der Bevölkerung der Wielbark-Kultur* [in] *KWI*, 221-239.
- Kazanski M.**
1991a *Contribution à l'étude des migrations des Goths à la fin du IVe et au Ve siècles: le temoignage de l'archéologie* [in] *Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne*, Rouen, 11-25.
1991b *Les Goths (Ier-VIIe siècles après J.-C.)*, Paris.
1992 *Les arctoi gentes et „l'empire” d'Hermanaric*, *Germania 70*, 75-122.
1992a *Les Goths et les Huns. A propos des relations entre le Barbares sédentaires et les nomades*, *Archéologie Médiévale 22*, 191-229.
- 1993 *Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IVe-Ve siècles* [in] *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle* (Paris), 175-186.
- 1994 *Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region Pontique: origine et diffusion* [in] *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin/Marburg, 429-485.
- Kazanski M., Lapart J.**
1995 *Quelques documents du Ve siècle a J.- attribuables aux Wisigoths découverts en Aquitaine*, *Aquitania XIII*, 193-202.
- Kazanski M., Legoux R.**
1988 *Contribution à l'étude des témoignages archeologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Černjahov récente*, *Archéologie Médiévale 18*, 7-53.
- Kieferling G.**
1994 *Bemerkungen zu Äxten der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum* [in] *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin/Marburg, 335-356.
- Kokowski A.**
1985 *Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur* [in] *Memoires Archéologiques*, Lublin, 109-127.
1988 *Ze studiów nad ceramiką wykonaną na kole w kulturze wielbarskiej* [in] *KW I*, Lublin, 157-176.
1991 *Lubelszczyzna w młodszym okresie przedrzymskim i w okresie rzymskim*, Lublin.
1992 *Das Problem der Wiederöffnung der Gräber in den Friedhöfen der Masłomęcz-Gruppe (aus den Studien über die Kulturveränderungen bei den Goten während ihrer Wanderung)* [in] *Peregrinatio Gothica III (Universitets Oldsaksamlings Skrifter. Ny rekke. 14)*, Oslo, 115-132.
1993a *Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęczkiej. 1-3*, Lublin.
1993b *L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive* [in] *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle* (Paris), 335-354.
1993c *Trzynasty sezon badań stanowiska nr 15 w Masłomęczu, gm. Hrubieszów* [in] *Sprawozdania z badań terenowych Katedry Archeologii UMCS w 1992 roku*, Lublin, 9-14.
1993d *Zagadnienie pochówków cząstkowych w grupie Masłomęczkiej* [in] *Wierzenia przedchrześcijańskie na ziemiach polskich*, Gdańsk, 118-124.
1993e *Znaczenie Kotliny Hrubieszowskiej dla rozwoju kultury czerniachowskiej w młodszym okresie wpływów rzymskich*, *Rocznik Zamojski III:1984-1987*, 174-185.
1995a *Grupa masłomęczka. Z badań nad przemianami kultury Gotów w młodszym okresie rzymskim*, Lublin.
1995b *Schätze der Ostgoten*, Stuttgart
1996 *O tak zwanych blaszanych fibulach z półokrągłą płytą na główce i rombowałą nóżką*, *SG 1*, 153-184.
1997 *Masłomęcz-Gruppe. Ihre Chronologie und Beziehungen innerhalb des gotischen Kulturkreises - Ein*

- Beispiel für den kulturellen Wandel der Goten im Verlauf ihrer Wanderungen*, Ber. RGK 78, 641-833.
- 1997a** *Schlossbeschlüge und Schlüssel im Barbaricum in der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit*, Lublin.
- 1998** *Metalowe wisiorki w kształcie topora na terenie Barbaricum na północ i północnywschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów* [in] *20 lat archeologii w Mastomęczu, I*, Lublin, 99-116.
- 1998a** *Zur Frage sogenannter «großer Häuser» in Mittel- und Osteuropa* [in] *Haus und Hof im östlichen Germanien* (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 50), Bonn, 14-24.
- Kokowski A., Mazurek W.**
1989 *Stanowisko wielokulturowe nr 25 w Moroczynie, gm. Hrubieszów, woj. Zamość*, Sprawozdania Archeologiczne 39, 261-307.
- Koperski A.**
1986 *Osada z okresu wpływów rzymskich z elementami kultury czerniachowskiej w Przemyślu* [in] *Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej*, Lublin, 91-110.
- Kossinna G.**
1919 *Das Weichsselfeld, ein uralter Heimatboden der Germanen*, Danzig.
- Kostrzewski J.**
1934 *Zagadnienie t.zw. kultury gockiej na ziemiach dawnej Polski* [in] *Tydzien o Pomorzu*.
- Kostrzewski J., Chmielewski W., Jażdżewski K.**
1965 *Pradzieje Polski*, Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Kovács I.**
1912 *A Marosszentannai nevpandorlaskori temető*, Dolgozatok III, 2, 250-367.
1915 *A Marosvasarhelyi oskori telep, skytha- es nevpandorlaskori temető*, Dolgozatok VI, 2, 278-299, 317-325.
- Kozłowski L.**
1939 *Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej*, Lwów.
- Kramarkowa I.**
1990 *Groby książęce z III/IV w. n.e. we Wrocławiu-Zakrzowie. W stulecie odkryć*, Silesia Antiqua 32, 61-174.
- Kropotkin V.V.**
1976 *Denkmäler der Przeworsk-Kultur in der Westukraine und ihre Beziehungen zur Lipica- und Cernjachov-Kultur* [in] *Simposium: Ausklang der Latène-Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet*, Bratislava, 173-200.
- Krüger B.**
1983 *Die Franken* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 379-442.
- Kulcsár V.**
1998 *A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai* (Погребальный обряд сарматов Карпатского бассейна), Aszód.
- Laser R.**
1983 *Römisch-germanische Beziehungen im 3. Jahrhundert* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 32-56.
- Leube A.**
1983a *Die Burgunden bis zum Untergang ihres Reiches an der oberen Rhône im Jahre 534* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 361-378.
1983b *Die Sachsen* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 443-501.
- Levada M.**
1999 *Metall combs old the second quarter of the first millennium AD in Eastern Europe* [in] *Die spätrömische Kaiserzeit in Mittel- und Osteuropa*, Łódź.
- Mączyńska M.**
1977 *Paciorki z okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum*, Archeologia 28, 61-96.
1981 *Przemiany stroju kobiecego w kulturach wielbarskiej i czerniachowskiej* [in] *Problemy kultury wielbarskiej*, Słupsk, 235-243.
1994 *Der Hortfund aus der frühen Völkerwanderungszeit aus Lubiana, woj. Gdańsk, in Pommern* [in] *Markomannenkriege - Ursachen und Wirkungen. VI. Internationales Symposium „Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonaugebiet“* (Wien), Brno, 149-157.
1996 *Wędrówki ludów*, Kraków.
1996a *West-Ost orientierte Körpergräber der Černjachov-Kultur*, МАИЭТ 5, 338-342.
- Madyda-Legutko R.**
1983 *Próba rekonstrukcji pasów z metalowymi częściami na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum w okresie wpływów rzymskich i we wczesnej fazie okresu wędrówek ludów*, PA 31, 92-133.
1991 *Importe von metallenen Gürtelteilen des römischen Heeres im mitteleuropäischen Barbaricum*, Archeologia (Warszawa) 17, 85-115.
- Magomedov B.**
1994 *La stratification sociale de la population de la culture de Černjachov* [in] *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, 133-137.
1998 *The Goths and the Cherniakhov Culture* [in] *Abstracts Book 4-th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists*, Göteborg, 145-146.
- Mărinescu G., Găiu C.**
1989 *Die Nekropole bei Fântânele „Riș”, Gem. Matei, Jud. Bistrița-Nasaud aus dem 4. Jahrhundert u.Z.*, Dacia 33, 125-143.
- Matzulewitsch L.**
1929 *Byzantische Antike. Studien auf Grund der Silbergefäße der Ermitage*, Berlin-Leipzig.
- Mihăilescu-Bîrliba V.**
1980 *Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie: les fouilles de Braniște-Nemțișor (Comm. de Vânători, de de Neamț)*, Dacia 24, 181-207.

- 1997 *The Carpathian Barrows Culture*, Acta Musei Porolissensis (Zalău) 21, 833-878.
- Mitrea B., Anghelescu N.**
1962 *Santierul Independența*, MCA 8, 612.
- Mitrea B., Preda C.**
1966 *Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia*, București.
- Moszczyński J., Siciński W.**
1997 *Importy przemysłowe i ich naśladownictwa na obszarze górnego i środkowego dorzecza Bzury*, Kultura przeworska III, 17-38.
- Mundell Mango M.**
1994 *Silver Plate Among the Romans and Among the Barbarians* [in] *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, 77-88.
- Nádorfi G.**
1992 *Glasierte Keramik in den spätrömischen Gräberfeldern Pannoniens* [in] *Glasierte Keramik in Pannonien*. Székesfehérvár, 45-51.
- Nicolăescu-Plopșor D.**
1969 *Beiträge der historischen Anthropologie in Bezug auf die Niederdonaubevölkerung während der Völkerwanderungszeit*, Annuaire roumain d'anthropologie 6, 21-39.
- Niculescu Gh. Al.**
1993 *The cremation graves from the cemetery of Tîrgșor (third-fourth centuries A.D.)*, Dacia 37, 197-220.
- Niederle L.**
1931 *Rukovet' slovanské archeologie*, Praha.
- Nierhaus R.**
1954 *Kaiserzeitlicher Südweineexport nach dem freien Germanien? Zur Frage der Verwendungsweise der römischen Bronzegeschirre im germanischen Norden*, Acta Archaeologica 25, 252-260.
- Odobesco A.**
1889 *Le trésor de Pétrossa, Vol. I*, Paris.
1896 *Le trésor de Pétrossa, Vol. II*, Paris.
- Opaiț A.**
1996 *Aspecte ale vieții economice din provincia Scythia (secolele IV-VI). Producția ceramicii locale și de import*, București.
- Palade V.**
1970 *Mormînt de înmormântare din secolul al IV-lea, descoperit la Ivești (jud. Vaslui)* [in] *Cercetări istorice*, Iași, 73-76.
1973 *Sapaturile arheologice de la Bogdănești-Fălciu, jud. Vaslui (1967-1968)*, MCA 10, 169-189.
1981 *Centrul meștesugaresc de prelucrare a cornului de cerb de la Bîrlad-Valea Seacă, datînd din secolul al IV-lea e.n.*, Studii și comunicări de istorie a civilizației populare din România (Sibiu) 1, 179-215.
1985 *Cercetările arheologice din anul 1981 în așezarea de la Bîrlad-Valea Seacă*, MA 9-11, 186-204.
- 1986 *Necropole du IVe et commencement du Ve siècle à Bîrlad-Valea Seacă*, IA Roumanie 12.
- Práducz M., Korek J.**
1959 *Eine Siedlung aus der Kaiserzeit in Özd*, AAH 10, 159-225.
- Parvan V.**
1926 *Getica*, București.
- Petculescu L.**
1994 *Roman military equipment in the Dacian hill-fort at Ocnita* [in] *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin/ Marburg, 61-77.
- Petre A.**
1962 *Sapaturile de la Piatra Frekașei*, MCA 8, 565-589.
1987 *La romanité en Skythie Mineure*, Bucarest.
- Petrescu-Dimbovița M.**
1955 *Santierul arheologic Trușești*, SCIV 6, 173-180.
- Pfeifer W.**
1983 *Die Sprachentwicklung bis zur Herausbildung des Hochdeutschen* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 326-334.
- Poczy Sz. K.**
1956 *Die Töpferwerkstätten von Aquincum*, AAH 7, 1-4.
1957 *Keramik* [in] *Intercisa II (Dunapentele). Geschichte der Stadt in der Römerzeit*, AH 36, 29-139.
- Popescu E.**
1994 *Theophilus Gothiae. Bischof in der Krim oder an der unteren Donau?* [in] *Christianitas Daco-Romana*, București, 178-186.
- Popilian G.**
1976 *Ceramica romana din Oltenia*, Craiova.
- Preda C.**
1961 *Sapaturile de la Alexandria*, MCA 7, 209-215.
- Raddatz K.**
1985 *Die Bewaffnung der Germanen vom letzten Jahrhundert v. Chr. bis zur Völkerwanderungszeit*, ANRW, 12, 3, 281-.
- Radulescu Gh., Ionescu M.**
1963 *Noi mormînte din secolul al IV-lea e.n. descoperite la Cacaleți (r. Giurgiu)*, SCIV 14, 175-182.
- Rau G.**
1972 *Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum*, Acta praehistorica et archaeologica 3, 109-214.
- Reinecke P.**
1906 *Aus der russischen archäologischen Literatur*, Meiner Zeitschrift 1, 42-50.
- Reyman T.**
1936 *Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzeczu Wisły*, WA 14, 147-175.

- Robinson H.**
1959 *Pottery of the Roman Period* [in] *The Athenian Agora*, 5, New Jersey.
- Rogatko J.**
1994 *O niektórych kategoriach wyrobów kościanych i rogowych w obrębie kultury przeworskiej*, *Kultura przeworska* 1, 343-361.
- Rostovtzeff M.**
1922 *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford.
- Rusu M.**
1986 *Der Schatz von Pietroasele und der zeitgenössische historische Kontext*, *Zeitschrift für Archäologie*, 20, 181-200.
- Salamon A.**
1976 *Archäologische Angaben zur spätrömischen Geschichte des pannonischen Limes. Geweihmanufactur in Intercisa*, *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 6, 47-54.
- Sarov O.**
1994 *Dančeny und Leuna-Hassleben* [in] *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIe siècle*, Saint-Germain-en-Laye, 119-132.
- Schach-Döriges H.**
1970 *Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jhd. nach Chr. zwischen unteren Elbe und Oder* (Offa-Bücher 23), Neumünster.
- Schindler R.**
1940 *Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefäße*, Leipzig.
- Schmidt B.**
1967 *Kammwerkstätten der spätrömischen Kaiserzeit*, *AF* 12, 43-63.
- Schulz W.**
1933 *Das Fürstengrab von Hassleben* (Rom.-Germ. Forsch. 7), Berlin.
1953 *Leuna, Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit*, Berlin.
- Schulze E.**
1983 *Grabsitte und Grabkult* [in] *Die Germanen* 2, Berlin, 269-279.
- Schulze-Dörlamm M.**
1986 *Gotische Amulette des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.*, *Archäologisches Korrespondenzblatt* 16, 347-355.
- Schwarcz A.**
1992 *Die gotischen Seezüge des 3. Jahrhunderts* [in] *Die Schwarzmeerküste in der Spätantike und im frühen Mittelalter*, Wien, 47-57.
- Ščukin M.**
1993 *A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine* [in] *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIe siècle*, Paris, 323-333.
- Simonenko A.V.**
1995 *Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region* [in] *Móra Ferenc muzeum evkonive* (Studia archaeologia, I), Szeged, 345-374.
- Skowron J.**
1979 *Osady z okresu rzymskiego na Pomorzu, w południowej Skandynawii i Jutlandii. Studium porównawcze*, *AB* 4, 85-176.
- Śmiszko M.**
1932 *Kultury wczesnego okresu epoki Cesarstwa Rzymskiego w Małopolsce wschodniej*, Lwów.
1934 *Osady kultury lipickiej* [in] *Przyczynki do poznania Cesarstwa Rzymskiego w południowo-wschodniej Polsce*, Lwów, .
1939 *Duże naczynia baniaste okresu rzymskiego w Małopolsce Wschodniej*, *WA* 6, 211-231.
- Soupault V.**
1996 *A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IV-VIe s.)*, *MAHΘT* 5, 60-76.
- Șovan O.-L.**
1987 *Un mormint cu medalioane romane de sticlă din necropola de la Mihălășeni (jud.Botoșani)*, *AM* 11, 227-234.
1999 *La chronologie de la necropole Mihălășeni, Roumanie* [in] *Die Sîntana de Mureș-Černjachov-Kultur. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995*, Bonn, 11-22.
- Stawiarska T.**
1985 *Paciorki szklane z obszaru Polski północnej w okresie wpływów rzymskich*, Wrocław.
- Straume E.**
1986 *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Ch.*, Oslo.
- Sturms E.**
1953 *Das Problem der ethnischen Deutung der kaiserzeitlichen Gräberfelder in der Ukraine*, *Zeitschrift für Ostforschung* 2, H. 3, 424-431.
- Sulimirski T.**
1934 *Trzy chaty przedhistoryczne* [in] *Przyczynki do poznania epoki Cesarstwa Rzymskiego południowo-wschodniej Polski*, Lwów, 33-48.
- Szekely Z.**
1959a *Cercetari arheologice efectuate in regiunea Autonoma Maghiara*, *MCA* 6, 196-198.
1959b *Raport preliminar asupra sondajelor executate de Muzeul regional Sf. Gheorghe in anul 1956*, *MCA* 5, 240-242.
1961 *Sapaturile executate de Muzeul regional din Sf. Gheorghe*, *MCA* 7, 179-185.
- Szydłowski J.**
1974 *Trzy cmentarzyska typu dobrodzieńskiego*, Bytom.
1976 *Zum Problem der Toneimergefäße der späten Przeworsk-Kultur* [in] *Festschrift für Richard Pittioni zum siebzigsten Geburtstag*, Wien, 198-213.
1977a *Grupa dobrodzieńska jako wyraz lokalnych prze-*

- mian w schyłkowej fazie kultury przeworskiej, Katowice.
- 1977b *Zur Frage der fremden Komponenten in der Dobrodzień-Gruppe*, PA 25, 97-134.
- 1984 *Naczynia drewniane w późnej starożytności na ziemiach polskich*, Katowice.
- Szydłowski J., Kubiczek T.**
1960 *Kilka uwag na temat konstrukcji i działania zamków skrzyń z okresu wpływów rzymskich*, AP 5, 245-254.
- Tackenberg K.**
1930 *Zu den Wanderungen der Ostgermanen*, Mannus 22, 268-295.
- Țau S., Nicu M.**
1985 *Ein beschrifteter Glasbecher aus der Nekropole von Barcea-Tecuci (4. Jahrhundert u. Z.)*, Dacia 29, 165-166.
1986 *Sapaturile arheologice din necropola birituala din secolul al IV-lea e.n. de la Barcea, jud. Galati* [in] MCA. A 16-a sesiune anuala de rapoarte, Vaslui 1982, București, 172-179.
- Teichert M., Müller H.-H.**
1983 *Jagd und Fischfang* [in] *Die Germanen 2*, Berlin, 119-123.
- Tejral J.**
1972 *Die donauländische Variante der Drehscheibenkeramik mit einglätterter Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur*, Vznik a počátky Slovanu 7, 77-139.
1987 *Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas* [in] *Anzeiger der Germanischen Nationalmuseums*, 11-46.
1992 *Die Probleme der römisch-germanischen Beziehungen unter Berücksichtigung der neuen Forschungsergebnisse im niederösterreichisch-südmährischen Thayaflußgebiet*, Ber. RGK 73, 377-468.
1994 *Römische und germanische Militärausrüstungen der antoninischen Periode im Licht norddanubischer Funde* [in] *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin/Marburg, 28-60.
1997 *Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum* [in] *Neue Beiträge zur Erforschung Spätantike im mittleren Donauraum*, Brno, 321-392.
- Tempelmann-Maczyńska M.**
1985 *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*, Mainz am Rhein.
1989 *Das Frauentrachtzubehör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der römischen Kaiserzeit*, Kraków.
- Teodor D.Gh.**
1978 *Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n.*, Iași.
- Terpilovskij R., Magomedov B.**
--- *Bevölkerung der östlichen Ukraine in der Römerzeit Über die Kontakten der Černjachov- und Kiever Kultur*, Eurasia Antiqua (Berlin) (in Druck).
- Thomas S.**
1960 *Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit*, Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, 8, 54-215.
- Tischler O., Kemke H.**
1902 *Ostpreußische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt*, Königsberg.
- Todd M.**
1987 *The northern barbarian 100 BC-AD 300*, Oxford-New York.
- Trohani G., Zorzoliu T.**
1983 *O necropola din se al IV-lea e.n. descoperita la Draganești-Olt*, Cercetari arheologice 6, 209-223.
- Ubl H.**
1994 *Wann verschwand der Dolch vom römischen Militärgürtel?* [in] *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin/Marburg, 137-144.
- Ursachi V.**
1994 *Necropola din secolul IV d.h. descoperită la Săbăoani, jud. Neamț*, MemA XIX, 261-276.
1995 *Elementele decorative ale canilor geto-dacice*, AM 18, 33-43.
- Vaday A.H.**
1989 *Die sarmatischen Denkmäler des Komitats Szolnok*, Antaeus Communicationes ex Instituto Archaeologico Academiae Scientiarum Hungaricae 17-18.
- Vulpe R.**
1953 *Sapaturile de la Poieniști din 1949*, MCA 1, 280-310.
1957 *Izvoare. Sapaturile 1936-1948*, București.
1957a *La civilisation dace et ses problèmes à la lumière des dernivères fouilles de Poiana, en Basse-Moldavie*, Dacia 1, 143-164.
- Walenta K.**
1980/1981 *Obrządek pogrzebowy na Pomorzu w okresie późnolateńskim i rzymskim*, AB 5.
- Walker D.R.**
1977 *The Metrology of the Roman Silver Coinage. Part 2*, BAR. Supplementary Series 22.
1978 *The Metrology of the Roman Silver Coinage. Part 3*, BAR. Supplementary Series 40.
- Werner J.**
1950 *Römische Trinkgefäße in germanischen Gräbern der Kaiserzeit* [in] *Ur- und Frühgeschichte als historische Wissenschaft. Festschrift für E. Wahle*, Heidelberg, 168-176.
1955 *Pfeilspitzen aus Silber und Bronze in germanischen Adelsgräbern der Kaiserzeit*, Historisches Jahrbuch 74, 38-43.
1956 *Beiträge zur Archäologie Attilareiches*, München.
1966 *Herkuleskeule und Donar-Amulett*, Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz 11,

- 1988 *Dančeny und Brangstrup Untersuchungen zur Cer-njachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den „Reichtumzentren“ auf Fünen*, Bonner Jahrbücher 188, 241-286.
- 1990 *Eiserne Wollkämme der jüngeren Kaiserzeit aus freien Germanien*, Germania 68, 608-611.

Wielowiejski J.

- 1981a *Garniarstwo* [in] *PZP V*, 355-364.
- 1981b *Komunikacja, transport, wymiana* [in] *PZP V*, 388-410.
- 1993 *Zagadnienie przęślic z czasów cesarstwa rzymskiego*, Archeologia 44:1994, 69-75.

Wirska-Parachoniak M.

- 1984 *Technologia produkcji późnorzymskiej ceramiki toczonej z dorzecza górnej Wisły*, AAC 23, 243-270.
- 1985 *Technologia produkcji późnorzymskiej ceramiki toczonej z dorzecza górnej Wisły*, AAC 24, 169-221.

Wołagiewicz R.

- 1981 *Systematyka kulturowa* [in] *PZP V*, 138-156.
- 1986 *Stan badań nad okresem rzymskim na Pomorzu* [in] *Stan i potrzeby badań nad młodszym okresem przed-rzymskim i okresem wpływów rzymskich w Polsce. Materiały z konferencji*, Kraków, 299-317.
- 1993 *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a*

Wolfram H.

- 1990 *Die Goten. Von Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts*, München.

Zaharia E., Zaharia N., Șovan O.-L.

- 1993 *Necropola din secolul al IV-lea a Chr. de la Hănești (județul Botoșani)*, AM 16, 151-189.

Zaharia N., Zaharia Em., Rata S.

- 1961 *Sondajul arheologic de la Botoșani-Dealul caramida-riei*, MCA 7, 461-469.

Zieleń R.

- 1989 *Z problematyki badań metalurgicznych wyrobów gru-py masłomeckiej* [in] *KW 2*, 81-102.

Zieling N.

- 1989 *Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène-und der römischen Kaiserzeit im Freien Germanien*, BAR. International Series 505 (III).

Zippelius A.

- 1953 *Das vormittelalterliche dreischiffige Hallenhaus in Mitteleuropa*, Bonner Jahrbücher, 153, 13-45.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	Археологічні відкриття в Україні	СА	Советская археология
АДУ	Археологічні дослідження на Україні	САН	Свод археологических источников
АНМ	Археологические исследования в Молдавии	ХРАМ	Хроніка археології та мистецтва
АНУ	Археологические исследования на Украине		
АО	Археологические открытия (Москва)		
АП	Археологічні пам'ятки УРСР		
АСГЭ	Археологический сборник (Государственный Эр-митаж)		
ВВ	Византийский временник		
ВУАК	Всеукраїнська Археологічна комісія		
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР		
КСИА АН УССР	Краткие сообщения Института Археоло-гии АН УССР		
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР		
МАНЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии		
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерн-оморья		
МДАПВ	Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волни		
МПА	Материалы и исследования по археологии СССР		
МЧК	Могильники черняховской культуры (Москва)		
НА НА НАНУ	Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины		
НО	Нумизматика и эпиграфика		
ПАВ	Петербургский археологический вестник		
РА	Российская археология		
		AAC	Acta Archaeologica Carpathica (Kraków)
		AAH	Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
		AB	Archaeologia Baltica (Łódź)
		AF	Ausgrabungen und Funde (Berlin)
		AH	Archaeologia Hungarica (Budapest)
		AM	Arheologia Moldovei (Jasi)
		AP	Archeologia Polski (Wrocław-Warszawa-Kraków-Łódź)
		BAR	British Archaeological Reports (Oxford)
		Ber. RGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission (Frank-furt a/M)
		IA	Inventaria Archaeologia (Łódź)
		KW	Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin.
		MemA	Memoria antiquitatis (Piatra Neamț)
		MA	Materiały Archeologiczne. (Kraków)
		MCA	Materiale și cercetari arheologice (București)
		PA	Przegląd Archeologiczny (Wrocław)
		PZ	Prähistorische Zeitschrift (Berlin)
		PZP	Prahistoria Ziemi Polskich (Wrocław-Warszawa-Kraków)
		SprA	Sprawozdania Archeologiczne (Kraków)
		SCIV	Studii și cercetari de istorie veche (București)
		SG	Studia Gothica (Lublin)
		WA	Wiadomości Archeologiczne (Warszawa)

Список важнейших поселений черняховской культуры
 Die wichtigste Siedlungen der Černjachov-Kultur

Буквами обозначены типы домостроительства (Verzeichnisse zu Haus-Typ verkürzungen): У - углубленное (vertiefte - Grubenhäuser), Н - наземное каркасное (Pfostenhäuser), К - каменное (Steinhäuser), (д) - «длинные дома» (Langhäuser). Сокращениями обозначены страны (ländische Verzeichnisse): Мол - Молдавия (Moldova), Рум - Румыния (Rumänien); области Украины и Российской Федерации (Oblast in die Ukraine und Russland): Бел - Белгородская (Belgorod), Вн - Винницкая (Vinnica), Дн - Днепропетровская (Dnepropetrovsk), Жг - Житомирская (Žitomir), Зп - Запорожская (Zaporožc), ИФ - Ивано-Франковская (Ivano-Frankovsk), Кв - Киевская (Kiev), Кг - Кировоградская (Kirovograd), Кур - Курская (Kursk), Лв - Львовская (Lvov), Нк - Николаевская (Nikolaev), Пл - Полтавская (Poltava), Од - Одесская (Odessa), Тр - Тернопольская (Ternopol'), См - Сумская (Sumy), Ха - Харьковская (Charkov), Хм - Хмельницкая (Chmelnickij), Хс - Херсонская (Cherson), Чк - Черкасская (Čerkasy), Чц - Черновицкая (Černivci).

1. Александрия (Alexandria)	Рум	У	<i>Preda 1961</i>
2. Александровка (Aleksandrovka)	Нк	К	<i>Магомедов 1987a</i>
3. Алчедар III (Alčedar)	Мол	У	<i>Федоров 1960с, 262-263</i>
4. Артюховка (Artjuchovka).....	См	Н(д)	<i>Романова 1989</i>
5. Атаманка (Atamanka)	Ик	К	<i>Сымонович и др. 1985</i>
6. Афанасьевка (Afanas'evka)	Нк	К	<i>Славин 1954</i>
7. Бакота (Bakota)	Хм	УН	<i>Винокур, Горишин 1994</i>
8. Балабанешты (Balabanešty)	Мол	Н	<i>Рикман 1964a</i>
9. Балцаты (Balcaty)	Мол	П	<i>Федоров 1960с, 252</i>
10. Башмачка (Bašmačka)	Дн	УН	<i>Смиленко 1992</i>
11. Безид (Bezid)	Рум	У	<i>Szekely 1961, p. 184</i>
12. Беляевка (Beljaevka)	Кг	УН	<i>Вакуленко, Приходнюк 1988</i>
13. Бережанка (Berežanka)	Тр	Н	<i>Баран и др. 1973</i>
14. Березец (Berezec)	Лв	У	<i>Цигилик 1983; 1997</i>
15. Берислав (Berislav)	Хс	К	<i>Махно, Мизин 1960</i>
16. Бернашовка (Bernašovka)	Хм	УН	<i>Баран и др. 1982</i>
17. Беседовка (Besedovka)	См	Н	<i>Махно 1960, 45</i>
18. Билоншля (Bilopilja)	См	У	<i>Некрасова 1994</i>
19. Бовшев 2 (Bovšev)	ИФ	У	<i>Баран 1981</i>
20. Боровцы (Borovcy)	Чц	Н	<i>Винокур 1972, 164</i>
21. Боромля 2 (Boromlja)	См	У	<i>Некрасова 1991; 1993</i>
22. Борсуки (Borsuki)	Тр	Н	<i>Баран и др. 1973</i>
23. Ботошань (Botoșani)	Рум	УН	<i>Zaharia и.а. 1961</i>
24. Бричаны (Bričany)	Мол	УН	<i>Рикман 1985</i>
25. Будешты (Budešty)	Мол	Н(д)	<i>Рикман 1960; 1967a; Щербаклова, Чеботаренко 1974</i>
26. Бургунка (Burgunka)	Хс	УК	<i>Сымонович 1980</i>
27. Бурсучены (Bursučeny)	Мол	У	<i>Гросу, Постикэ 1979</i>
28. Бухарест-Крынгаш (București-Crîngași)	Рум	У	<i>Ionitǎ 1966, 190-192</i>
29. Бухарест-Куртя Веке (București-Curtea Veche)	Рум	У	<i>Ionitǎ 1966, 190-192</i>
30. Бырлад-Валя Сяке (Bîrlad-Valca Seacă)	Рум	У	<i>Palade 1981</i>
31. Бэйичень (Băiceni)	Рум	Н	<i>Ionitǎ 1966, 190-192</i>
32. Бэлтень (Bălteni)	Рум	У	<i>Dragomir 1962</i>
33. Васичены (Vasičeny)	Мол	Н	<i>Федоров 1960с, 252</i>
34. Великая Мотовиловка (Velika Motovilovka)	Кв	Н	<i>Петраускас, Шишкин 1992, 109</i>
35. Великая Слободка (Velika Slobodka)	Хм	Н(д)	<i>Козак, Журко 1983</i>
36. Великая Снетинка (Velika Snetinka)	Кв	Н	<i>Магомедов 1992</i>
37. Великий Бобрык (Velikij Bobryk)	См	УН(д)	<i>Журко 1994a</i>
38. Веселе (Vesele)	Ха	Н	<i>Дяченко 1980, 72</i>
39. Викнины Великие (Vikniny Velikie)	Тр	Н(д)	<i>Смішко 1947</i>
40. Викторовка (Viktorovka)	Нк	УК	<i>Сымонович, Яровой 1968; Гуокова 1976a, 127.</i>
41. Винница-Вишенка (Vinnica-Višenka)	Вн	Н(д)	<i>Магомедов, Левада 1993</i>

42. Вознесенский (Voznesenskij)	Бел	Н	<i>Кропоткин, Обломский 1991</i>
43. Войтенки (Vojtenki)	Ха	Н	<i>Дяченко 1975a</i>
44. Вороновца (Voronovica)	Чц	Н	<i>Цыгылык 1977</i>
45. Выше-Тарасовка (Vyše-Tarasovka)	Зп	Н	<i>Махно 1960, 23</i>
46. Гавриловка (Gavrilovka)	Хс	Н	<i>Сымонович 1955, 314</i>
47. Главаны 1 (Glavany)	Од	К	<i>Гудкова 1987a</i>
48. Глеваха (Glevacha)	Кв	У	<i>Терпиловский 1989</i>
49. Глэвэнешти Векь (Glăvăneștii Vechi)	Рум	Н	<i>Іоніță 1966, 190-192</i>
50. Голиграды (Goligrady)	Тр	Н	<i>Sulimirski 1934</i>
51. Голяны (Goljany)	Мол	Н	<i>Левинский 1989</i>
52. Городок (Gorodok)	Нк	К	<i>Магомедов 1987, 98</i>
53. Гочево 4 (Gočevo)	Кур	Н	<i>Рас..Г.А. Романовой; Кропоткин, Обломский 1991, с.79</i>
54. Гребенки (Grebenki)	Кв	Н	<i>Магомедов, Левада 1992</i>
55. Грушевка (Gruševka)	Дн	У	<i>Сымонович 1967в</i>
56. Грушевка (Gruševka)	Нк	Н	<i>Сымонович 1957в</i>
57. Гура-Кэинарулуй (Gura-Keinarului)	Мол	У	<i>Левинский 1990</i>
58. Данилова Балка (Danilova Balka)	Кг	У	<i>Махно 1960, 36</i>
59. Данку (Dancu)	Рум	У	<i>Іоніță 1966, 190-192</i>
60. Дарьевка (Dar'evka)	Хс	К	<i>Славин 1954, 55-57; 1955, 35-36</i>
61. Дедовщина (Dedovščina)	Кв	У	<i>Козловська 1930</i>
62. Делаксу (Delakeu)	Мол	УН(д)	<i>Рикман 1967в</i>
63. Демьянов (Dem'janov)	И	У	<i>Баран 1971; Бобровська, Зеленецька 1999</i>
64. Дракуля (Drakulja)	Од	Н	<i>Гудкова, Фокеев 1984</i>
65. Дудчаны (Dudčany)	Хс	К	<i>Брайчевская 1955; Белановська 1960; Вязьмитина 1960</i>
66. Екатериновка (Ekaterinovka)	Мол	УН	<i>Рас. Т.А. Щербаковой 1977 г.</i>
67. Ерковы (Erkovcy)	Кв	Н	<i>Даниленко, Столяр 1952</i>
68. Жуковцы (Žukovcy)	Кв	Н	<i>Махно 1949</i>
69. Журавка (Žuravka)	Чк	УН	<i>Сымонович 1963</i>
70. Завадовка (Zavadovka)	Чк	УН	<i>Кравченко 1973</i>
71. Загайканы (Zagajkany)	Мол	Н(д)	<i>Рикман 1975a, 80</i>
72. Звињачин (Zvinjačin)	Чц	Н	<i>Баран 1972</i>
73. Иванковцы (Ivankovcy)	Жт	Н	<i>Винокур 1964</i>
74. Иванковцы (Ivankovcy)	Хм	Н	<i>Брайчевский, Довженок 1967</i>
75. Ильинка (Ilinka)	Од	К	<i>Сініцин 1949, 152-153</i>
76. Индепенденца (Independența)	Рум	Н	<i>Mitreă, Anghelescu 1962</i>
77. Ионэшень (Ionășeni)	Рум	УН	<i>Іоніță 1966, 190-192</i>
78. Каборга (Kaborga)	Нк	Н	<i>Магомедов 1979</i>
79. Кавадинешть (Cavadinesti)	Рум	Н	<i>Dragomir 1959a; Dragomir 1961</i>
80. Капры (Kaipy)	Хс	К	<i>Махно 1961</i>
81. Калиновка (Kalinovka)	Нк	К	<i>Елагина, Погребова 1959, 32</i>
82. Каменка-Анчекрак (Kamenka-Ančekrak)	Нк	К	<i>Магомедов 1991</i>
83. Кантемировка (Kantemirovka)	Пл	Н	<i>Махно 1952</i>
84. Капустино (Kapustino)	Од	К	<i>Сымонович 1956</i>
85. Киселив (Kiseliv)	Чц	Н(д)	<i>Тимощук, Винокур 1964, 186-192</i>
86. Киселово (Kiselovo)	Од	К	<i>Раевский 1955</i>
87. Кobleво (Koblevo)	Нк	К	<i>Сымонович 1967a</i>
88. Кобуска-Веке (Kobuska-Veke)	Мол	Н	<i>Рикман 1975a, 80</i>
89. Кобылля (Kobylja)	Тр	Н(д)	<i>Строценъ 1993b; Строценъ 1997</i>
90. Козлов (Kozlov)	Вн	УН	<i>Магомедов 1998a</i>
91. Колисники (Kolisnyki)	Хр	Н	<i>Рас. М.В. Любичева 1995 г.</i>
92. Комаров (Komarov)	Чц	УНК	<i>Смішко 1964</i>
93. Комрат (Komrat)	Мол	УН(д)	<i>Рикман 1975a, 80</i>
94. Конішовка (Konilovka)	Хм	Н	<i>Винокур и др. 1978</i>
95. Корлэтенъ (Corlăteni)	Чц	Н	<i>Іоніță 1966, 190-196</i>
96. Косаново (Kosanovo)	Вн	Н	<i>Кравченко 1967</i>
97. Косовщина (Kosovščina)	См	У	<i>Журко 1994a</i>
98. Костешты (Kosteșty)	Мол	У	<i>Рикман, Гросу 1975</i>
99. Костянец (Kostjanec)	Рв	Н(д)	<i>Смішко 1952</i>
100. Кошница (Košnica)	Мол	У	<i>Рикман 1975a, 80</i>
101. Краснополье (Krasnopol'e)	См	УН	<i>Журко 1994a</i>
102. Кулики (Kuliki)	Ха	Н	<i>Дяченко 1980, 70</i>
103. Курники (Kurniki)	Вн	Н(д)	<i>Магомедов, Гудим-Левкович 1991</i>

104. Куропатники (Kuropatniki)	ИФ	У	<i>Баран и др. 1993</i>
105. Кут (Kut)	Дн	Н	<i>Сымонович 1967в</i>
106. Ларгу (Largu)	Рум	УН	<i>Dragomir 1959в</i>
107. Лепесовка (Lepesovka)	Хм	Н(д)	<i>Туханова 1963</i>
108. Леськи (Les'ki)	Чк	Н(д)	<i>Смиленко, Брайчевский 1967</i>
109. Лисогирка (Lisogirka)	Хм	Н	<i>Винокур, Приходнюк 1969</i>
110. Ляне (Lljane)	Ха	Н	<i>Дяченко 1975в</i>
111. Ломоватое (Lomovatoe)	Чк	УН	<i>Сымонович 1959</i>
112. Лоцмано-Каменка (Locmano-Kamenka)	Дн	У	<i>Брайчевская 1960, 182</i>
113. Луговое (Lugovoe)	Нк	К	<i>Магомедов, Гудим-Левкович 1990</i>
114. Лука-Врублевецкая (Luka-Vrubleveckaja)	Хм	УН	<i>Туханова 1953</i>
115. Лукашовка 3 (Lukašovka)	Мол	У	<i>Федоров 1960, 254-256</i>
116. Макаровка (Makarovka)	Чц	Н	<i>Баран 1972</i>
117. Максимовка (Maksimovka)	Пл	Н	<i>Махно 1960, с. 37</i>
118. Максимовка (Maksimovka)	Тр	Н	<i>Sulimirski 1934</i>
119. Малаешты (Malaešty)	Мол	Н	<i>Федоров 1960, с. 268</i>
120. Малополовецкое (Malopoloveckoe)	Кв	УН	<i>Кравченко и др. 1997; Петраускас, Шишкін 1999</i>
121. Маркуши (Markuši)	Жт	Н	<i>Винокур 1964</i>
122. Маслово (Maslovo)	Чк	Н	<i>Махно 1960, 55</i>
123. Матвеевка (Matveevka)	Вн	Н	<i>Артамонов 1955, 112</i>
124. Мирное (Mirnoe)	Од	К	<i>Кравченко 1971в</i>
125. Нагорное 2,3 (Nagornoe)	Од	УН	<i>Гудкова 1983а; Гудкова, Росохацкий 1991; Романова, Скакуп 1991</i>
126. Незвиско (Nezvisko)	ИФ	УН	<i>Смирнова 1964</i>
127. Непоротово (Neporotovo)	Чц	У	<i>Крушельницкая и др. 1977</i>
128. Нерушай (Nerušaj)	Од	Н	<i>Кравченко 1971</i>
129. Неслухов (Nesluchov)	Лв	УН	<i>Nadaczek 1900; Смішко 1949; Цигилик 1997</i>
130. Николаевка (Nikolaevka)	Чк	Н	<i>Махно 1960, 58</i>
131. Никольское (Nicol'skoe)	Дн	УН	<i>Брайчевская 1960, 150-163</i>
132. Новокондаково (Novokondakovo)	Нк	К	<i>Славин 1954</i>
133. Ново-Липовское (Novo-Lipovskoe)	Пл	Н	<i>Махно 1960, 56</i>
134. Ново-Покровка (Novo-Pokrovka)	Ха	Н	<i>Кухаренко 1952</i>
135. Новоселка (Novoselka)	Чц	Н	<i>Тимоцук 1984, 87</i>
136. Новосилка Костюкова (Novosilka Kostjukova)	Тр	Н	<i>Sulimirski 1934</i>
137. Новые Каракушаны (Novye Karakušany)	Мол	Н	<i>Рикман 1978</i>
138. Обухов 1 (Obuchov)	Кв	УН	<i>Кравченко 1994</i>
139. Оселивка (Oselivka)	Чц	Н	<i>Цыгылык 1972; 1975; 1976</i>
140. Пересечное (Peresečnoe)	Ха	У	<i>Луцкевич 1948, 165-168</i>
141. Песчаное (Pesčanoe)	См	УН	<i>Журко 1994а</i>
142. Петриканы (Petrikany)	Мол	Н	<i>Рикман 1975а</i>
143. Печирна (Pečirna)	Тр	Н	<i>Воляник 1977</i>
144. Пилипча 2 (Pilipča)	Кв	У	<i>Рас. С.П. Пачковой 1970 г.</i>
145. Поенешти (Poienești)	Рум	У	<i>Vulpe 1953, 280-310</i>
146. Покровка (Pokrovka)	Нк	К	<i>Магомедов 1987, 98</i>
147. Портмашево (Portmaševo)	Зп	У	<i>Благовещенський 1993</i>
148. Приморское (Primorskoe)	Од	У	<i>Сымонович 1979</i>
149. Пряжев 1 (Prjažev)	Жт	УН	<i>Махно 1949; Винокур 1960, 24-29</i>
150. Пряжев 2 (Prjažev)	Жт	Н	<i>Винокур 1960, 32-33</i>
151. Радуцковка (Raduckovka)	Пл	Н	<i>Махно 1960, 38</i>
152. Ракобуты (Rakobuty)	Лв	У	<i>Баран 1964</i>
153. Ранжевое (Ranževoe)	Од	К	<i>Сымонович 1967а</i>
154. Ремзивцы (Remzivcy)	Лв	У	<i>Баран, Цыгылык 1971</i>
155. Речи (Rcci)	Рум	Н	<i>Szekely 1959а, 196-198; Szekely 1961, 179-181</i>
156. Рипа (Ripa)	Од	К	<i>Гудкова 1986</i>
157. Рипнев 2 (Ripnev)	Лв	У	<i>Баран 1964</i>
158. Рогизна (Rogizna)	Чц	Н	<i>Тимоцук 1984, 87</i>
159. Ружичанка (Ružičanka)	Хм	Н	<i>Винокур 1972, 165</i>
160. Русяны (Rusjany)	Мол	УН(д)	<i>Рикман 1973</i>
161. Санкивцы (Sankivcy)	Чц	Н	<i>Винокур 1972, 164</i>
162. Свирж (Svirž)	Лв	У	<i>Цигилик 1993</i>
163. Синивцы (Sinivcy)	Тр	Н	<i>Баран и др. 1973</i>

164. Слободище (Slobodišče).....	ЖТ	Н	<i>Винокур 1960, 33-35</i>
165. Снагость 2 (Snagost')	Кур	УН	<i>Сымонович 1983</i>
166. Снигиревка (Snigirevka)	Нк	К	<i>Добровольский 1950, Славин 1954</i>
167. Собарь (Sobar')	Мол	КН(д)	<i>Рикман 1970</i>
168. Сокильники (Sokil'niki)	Лв	Н	<i>Козак 1990</i>
169. Сокол (Sokol)	Хм	У	<i>Вакуленко, Приходнюк 1984,6-43</i>
170. Солончены (Solončeny)	Мол	УН	<i>Рикман 1975а, 80; Левинский 1992</i>
171. Соснова (Sosnova)	Кв	У	<i>Махно, Сикорский 1987</i>
172. Ставище (Stavišče)	Хм	У	<i>Винокур 1984</i>
173. Стецовка (Stecovka)	Чк	Н	<i>Махно 1960, 62</i>
174. Сухостав (Suchostav)	Тр	Н(д)	<i>Смішко, Баран 1976</i>
175. Сф. Георге-Эпрестето (Sf. Gheorghe-Epresteto)	Рум	Н	<i>Szekely 1959b</i>
176. Тарасовка (Tarasovka)	Лв	У	<i>Цыгылык 1979</i>
177. Теремцы (Teremcy)	Хм	У	<i>Баран 1983, 14-24</i>
178. Тилигуло-Березанка (Tiligulo-Berezanka)	Нк	К	<i>Сымонович 1967а</i>
179. Тодирешть (Todiřești)	Рум	У	<i>Андроник 1991</i>
180. Трушешть (Trusești)	Рум	Н	<i>Petrescu-Dîmbovița 1955</i>
181. Турия (Turija)	Чк	Н	<i>Махно 1960, 55</i>
182. Успенка (Uspenka)	Кг	Н	<i>Кропоткин 1964</i>
183. Устя (Ustja)	Хм	У	<i>Винокур 1972, 165</i>
184. Утконосовка (Utkonosovka)	Од	У	<i>Магомедов 1983</i>
185. Флорешты (Florești)	Мол	Н	<i>Федоров 1960, 268</i>
186. Фурмановка (Furmanovka)	Од	К	<i>Кравченко 1971; Гудкова 1986</i>
187. Хлопков (Chlopkov)	Кв	У	<i>Некрасова 1988</i>
188. Холмское 1 (Cholniskoe)	Од	К	<i>Гудкова 1987а</i>
189. Хохлово 2 (Chochlovo)	Бел	Н	<i>Кропоткин, Обломский 1991</i>
190. Чижигов (Čižikov)	Лв	У	<i>Баран 1981, 55</i>
191. Червона Слобода (Červona Sloboda)	Чк	У	<i>Махно 1960, 61</i>
192. Черепин (Čerepin)	ИФ	УН	<i>Баран 1961</i>
193. Чимишены (Čimišeny)	Мол	К	<i>Щукин 1991</i>
194. Шершни (Šeršni)	Вн	Н(д)	<i>Магомедов, Гудим-Левкович 1991</i>
195. Ягнятин (Jagnjatin)	ЖТ	Н(д)	<i>Махно 1949; 1952а</i>
196. Яссы-Николина (Iași-Nicolina)	Рум	УН(д)	<i>Іoniță 1982</i>
197. Яссы-Фабрика де кэрэмизи (Iași-Fabrica de cărămizi).Рум	УН		<i>Іoniță 1972</i>

Список важнейших могильников черняховской культуры
и вельбарской культуры (южный регион)

Wichtigste Gräberfelder der Černjachov- und Wielbark-Kultur

Вельбарские могильники обозначены знаком (*)

(*) - Gräberfelde der Wielbark-Kultur

1. Александровка (Aleksandrovka) - Магомедов 1979a
2. Александру Одобеску (Alexandru Odobescu) - Mitrea, Preda 1966, 96-103
3. Баев, Баев II* (Baev) - Кухаренко 1975, Козак 1988
4. Балцаты II (Balcaty) - Федоров 1960a; Рикман 1988
5. Барча (Barcea) - Таи, Нику 1986
6. Башмачка (Bašmačka) - Смиленко 1979
7. Беленькое (Belen'кое) - Гудкова 1987; Росохацкий 1995
8. Бережанка (Berežanka) - Воляник 1974
9. Богдэнешть-Фэлчу (Bogdănești-Fălciu) - Palade 1973
10. Болдешть-Градиштя (Boldești-Gradiștea) - Teodorescu et al. 1993
11. Боромля (Boromlja) - Некрасова 1993
12. Бравичены (Bravičeny) - Гросу 1981
13. Будешты (Budeșty) - Рикман 1964; 1967a
14. Бырлад-Валя Сяке (Bîrlad-Valea Seacă) - Palade 1986
15. Великая Бугаевка (Velikaja Bugaevka) - Петраускас 1996; Петраускас, Шишкин 1998
16. Великая Корениха (Velikaja Korëniha) - Гребенников и др. 1982
17. Викторовка (Viktorovka) - Сымонович 1967
18. Вилы Яругские (Vily Jarugskie) - Романова 1988; Хавлюк 1988a
19. Войсковое (Vojskovoje) - Бодянский 1968; 1972
20. Волошское (Vološkoe) - Брайчевская 1960
21. Гавриловка (Gavrilovka) - Сымонович 1955; 1960в
22. Гирка Полонка (Girka Polonka)* - Кухаренко 1980, 72
23. Городище (Gorodišče)* - Кухаренко 1980, 73
24. Городница (Gorodnica) - Смишко 1948, 126-127
25. Городок (Gorodok) - Магомедов 1987в
26. Горошевцы (Goroševcy) - Никитина 1996, 55-69
27. Грудек (Gródek nad Bugiem)* - Kokowski 1993a
28. Гэрасень (Ghărăseni) - Diaconi 1977
29. Данилова Балка (Danilova Balka) - Сымонович 1952b; Сымонович, Гей 1978
30. Данчены (Dančeny) - Рафалович 1986
31. Дедовщина (Dedovščina) - Козловська 1930
32. Деревяна (Derevjana) - Кравченко, Абашина, Циндровская 1978
33. Деревянное (Derevjannoe)* - Кухаренко 1980, 80-83
34. Дитиничи (Ditiniči)* - Смишко, Свсичников 1961
35. Долнештин-Мари (Dolneștii-Mari) - Ignat 1993
36. Дрэгэнешти-Олт (Drăgănești-Olt) - Trohani, Zorzolii 1983
37. Думанов (Dumanov) - Кропоткин 1985
38. Ербичень (Erbiceni) - Teodori, Zaharia 1962
39. Жовнин-Пристань (Žovnin-Pristan') - Рутковская 1979
40. Журавка (Žuravka) - Сымонович, Кравченко 1983
41. Завадовка (Zavadovka) - Кравченко 1973
42. Заячівка (Zajačivka) - Хавлюк 1974
43. Извоаре (Izvoare) - Vulpe 1957, 43-54; Ioniță 1966, 220
44. Изворул (Izvorul)¹ - Mitrea, Preda 1966, 67-79
45. Инденденца (Independența) - Mitrea, Preda 1966, 43-57
46. Каборга (Kaborga) - Магомедов 1979a
47. Каменка-Анчекрак (Kamenka-Ančekrak) - Магомедов 1987
48. Каменка-Днепровская (Kamenka-Dneprovskaja) - Сымонович 1955
49. Канев (Kaniev) - Петраускас 1998
50. Кантемировка (Kantemirovka) - Рудинский 1931, Махно 1952
51. Кobleво (Koblevo) - Сымонович 1979a
52. Козья-Яссы (Cozia-Iași) - Ioniță 1972c
53. Компанийцы (Kompanijcy) - Махно 1971b
54. Копузу (Copuzu) - Mușeteanu 1986
55. Косаново (Kosanovo) - Кравченко 1967
56. Курники (Kurniki) - Магомедов 1999
57. Лазо (Слобозия-Кишкэренъ) (Lazo - Slobozija-Kișkeren') - Левинский 1999
58. Лецканы (Lețcani) - Bloșiu 1975
59. Лохвица (Lochvica) - Березовец, Петров 1960
60. Любомль (Ljuboml')* - Кухаренко 1980, 77-80
61. Малаешты (Malaeșty) - Федоров 1960c
62. Малиновцы (Malinovcy) - Пачкова, Яковенко 1983
63. Маслово (Maslovo) - Петров 1964
64. Масломенч (Masłomęcz 15)* - Kokowski 1995a²
65. Машев (Mašev)* - Кухаренко 1980, 67
66. Меднаш (Mediaș) - Horedt 1982, 210.
67. Миорканы (Miorcani) - Ioniță 1974; 1977
68. Митрень (Mitreni) - Dolinescu-Ferche 1966; Mitrea, Preda 1966
69. Михэлэшень (Mihălășeni) - Șovan 1999
70. Могиляны-Хмельник (Mogiljany-Chmel'nik)* - Каспарова, Шукин 1979
71. Могошань (Mogoșani) - Diaconi 1969
72. Морочин (Moroczyn)* - Kokowski, Mazurek 1988
73. Нагорное 2 (Nagornoe) - Гудкова, Росохацкий 1991; Гудкова, Росохацкий, Фокеев 1997
74. Николаевка (Городок Николаевка) (Gorodok Nikolaevka) - Ebert 1913; Гей 1987

¹ Этот же памятник выступает в литературе под названием Какалець (Cacaleți) [Radulescu, Ionescu 1963].

² Материалы этой монографии использованы в Приложении 3. По данным 1999 г. на могильнике исследовано 357 погребений.

75. **Ново-Александровка** (Novo-Aleksandrovka) - *Брайчевская* 1960; *Сымонович* 1975с
76. **Обухов** (Obuchov) - *Кравченко* 1985
77. **Одая** (Odaja) - *Никитина* 1996, 5-53
78. **Ойнак** (Ojnac) - *Berciu et al.* 1966; *Berciu et al.* 1967
79. **Олтени** (Olteni) - *Mitreă, Preda* 1966, 58-66
80. **Оселівка** (Oselivka) - *Никитина* 1988
81. **Островец** (Ostrovac) - *Смишко* 1969
82. **Павлюковка** (Pavljukovka) - *Шрамко* 1979
83. **Переяслав-Хмельницкий** (Perejaslav-Chmel'nickij) - *Гончаров, Махно* 1957
84. **Петрешти** (Petrești) - *Яровой* 1988; *Курчатов* 1989
85. **Петриківцы** (Petrikivcy) - *Магомедов, Левада* 1994; 1995
86. **Петриш** (Petriș) - *Zaharia et al.* 1962
87. **Петроаселе 2** (Petroasele) - *Diaconi et al.* 1977
88. **Привольное** (Privol'noe) - *Кухаренко* 1955
89. **Пэлатка** (Pălatca) - *Ніса-Сітреані* 1976
90. **Раковец-Чесновский** (Rakovac-Česnovskij) - *Винокур, Островский* 1967, *Гей* 1990; *Ivanovski, Kokowski* 1996
91. **Ранжевое** (Ranževoe) - *Сымонович* 1979
92. **Редкодубы** (Redkoduby) - *Винокур* 1972, 135
93. **Родной Край** (Rodnoj Kraj) - *Петренко* 1991
94. **Романковцы** (Romankovcy) - *Никитина* 1996, 70-171
95. **Романово Село** (Romanovo Selo) - *Строценъ* 1993а
96. **Романки** (Romaški) - *Брайчевский* 1960
97. **Рудка** (Rudka)* - *Кухаренко* 1980, 83-86
98. **Ружичанка** (Ružičanka) - *Винокур* 1979
99. **Рыжавка** (Ružavka) - *Кропоткин, Отчеты* 1962, 1965-1967
100. **Сабадаш-Охматово** (Sabadaș-Ochmatovo) - *Сымонович* 1988
101. **Скитка** (Skitka) - *Хавлюк* 1976
102. **Соснова** (Sosnova) - *Махно, Сикорский* 1989
103. **Спанцов** (Spančov) - *Mitreă, Preda* 1966, 13-42
104. **Сумы-Сад** (Sumy-Sad) - *Некрасова* 1985
105. **Сынтана де Муреш** (Sîntana de Mureș) - *Kovács* 1912
106. **Сэбэоань** (Săbăoani) - *Ursachi* 1994
107. **Тодирень** (Todireni) - *Ionijă* 1972b, 100; 1972c
108. **Токи** (Toki) - *Герета* 1989
109. **Тыргу-Муреш** (Tîrgu-Mureș) - *Kovács* 1915
110. **Тыргшор** (Tîrgșor) - *Diaconi* 1965
111. **Успенка** (Uspenka) - *Махно* 1977
112. **Фурмановка** (Furmanovka) - *Сымонович* 1988а
113. **Фынтынеле-Риц** (Fintînele-Riț) - *Mărinescu, Găiu* 1989
114. **Ханешть** (Hănești) - *Zaharia, Zaharia, Șovan* 1993
115. **Ханска-Лутерия** (Chanska-Luterija) - *Никудицэ, Рикман* 1973
116. **Холмское** (Cholmskoe) - *Гудкова, Фокеев* 1984, 58-85
117. **Чалык** (Čalyk) - *Щербакова* 1990
118. **Черкасы** (Čerkassy) - *Сиволан, Сиволан* 1993
119. **Чернелив-Русский** (Černeliv-Russkij) - *Герета* 1989; 1999
120. **Черняхов** (Černjachov) - *Петров* 1964а; *Сымонович* 1967в
121. **Чистилов** (Čistilov) - *Герета, Харитонов* 1979
122. **Чнумбруд** (Cîmbrud) - *Dankantis, Ferenczi* 1959
123. **Шултя-Васлуй** (Șultea-Vaslui) - *Rotaru* 1982
124. **Югань** (Iugani) - *Bobi* 1985

Приложение 3

**Некоторые данные по важнейшим могильникам черняховской культуры и вельбарской культуры
(южный регион)**

Die Hauptmerkmale zu die wichtigsten Gräberfelder der Černjachov- und Wielbark-Kultur (Süd-Zone)

Сокращениями обозначены: „кол” - количество (Anzahl der Gräber), „ингум” - ингумации (Körperbestattungen), „кpm” - кремации (Brandgräber), „зпл” - могилы с заплечиками („Stufengräber”), „пдб” - могилы с подбоем (Nischen), „кат” - катакомбы (Katakomben). Знаком „х” - наличие признака.

№	могильник	кол	ингум		кpm	ориентировка (%)	ориентировка (%)					конструкц. %		
			кол	%			%	С	З	СЗ	В	Ю	зпл	пдб
<u>ЗАПАДНАЯ УКРАИНА - West Ukraine</u>														
37	Думанов	79	35	44	56	100	-	-	-	-	-	-	-	-
98	Ружичанка	72	34	47	53	82	18	-	-	-	-	-	-	-
92	Ридкодубы	10	5	50	50	80	20	-	-	-	-	-	-	-
121	Чистилов	8	4	50	50	100	-	-	-	-	-	-	-	-
62	Малиновцы	15	8	53	47	100	-	-	-	-	-	13	-	-
8	Бережанка	9	6	67	33	100	-	-	-	-	-	-	-	-
90	Раковец	21	15	71	29	100	-	-	-	-	-	-	-	-
85	Петрикивцы	47	39	83	17	98	-	-	-	2	2	-	-	-
119	Чернелив-Рус.	246	242	98	2	75	23	-	2	-	5	-	-	-
108	Токи	10	10	100	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-
95	Романово Село	11	11	100	-	82	18	-	-	-	-	-	-	-
<u>МОЛДОВА - Moldova</u>														
35	Долнештии Мари	25	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-
115	Ханска-Лутерия	15	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-	-
123	Шултя-Васлуй	11	1	10	90	100	-	-	-	-	-	-	-	-
80	Оселивка	89	20	22	78	100	-	-	-	-	5	-	-	-
30	Данчены	335	96	29	71	83	16	-	-	1	14	-	-	-
81	Островец	16	5	31	69	100	-	-	-	-	-	-	-	-
14	Бырлад-Валя С.	547	252	46	54	-	-	-	-	-	х	х	-	-
9	Богданешть-Фэл.	83	44	53	47	98	-	-	-	2	7	2	-	-
4	Балцаты II	100	47	57	43	95	5	-	-	-	7	-	-	-
13	Будешты	360	229	64	36	72	25	-	2	1	3	0,4	-	-
58	Лецкань	48	32	67	33	75	16	-	-	9	3	-	-	-
5	Барча	132	94	71	29	100	-	-	-	-	-	-	-	-
61	Малаешты	39	29	74	26	89	11	-	-	-	7	-	-	-
77	Одая	17	13	76	24	85	15	-	-	-	38	8	-	-
69	Михэлэшень	517	426	81	19	83	17	-	-	-	-	-	-	-
94	Романковцы	105	87	83	17	31	69	-	-	-	55	-	-	-
38	Ербичень	21	19	90	10	100	-	-	-	-	-	-	-	-
67	Миоркань	145	131	90	10	х	х	-	-	-	-	х	-	-
86	Петриш	14	13	93	7	92	-	-	8	-	-	-	-	-
73	Нагорное II	78	74	95	5	84	14	-	1	1	18	11	-	-
117	Чалык	28	27	96	4	67	33	-	-	-	19	4	-	-
114	Ханешть	70	68	97	3	81	5	12	2	-	-	-	-	-
12	Бравичени	110	109	99	1	42	55	-	1	2	-	-	-	-
43	Извоаре	11	11	100	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-
124	Югань	15	15	100	-	93	7	-	-	-	-	-	-	-
26	Горошевцы	13	13	100	-	77	23	-	-	-	23	-	-	-
106	Сэбэоань	12	12	100	-	50	50	-	-	-	-	-	-	-
57	Лазо	45	45	100	-	45	56	-	-	-	53	-	-	-
<u>МУНТЕНИЯ - Muntenien</u>														
79	Олтень	39	5	13	87	100	-	-	-	-	-	-	-	-
71	Могошань	84	50	40	60	100	-	-	-	-	-	-	-	-
28	Гэрасэнь	23	10	43	57	90	10	-	-	-	-	-	-	-
10	Болдешть-Град.	17	9	53	47	100	-	-	-	-	67	-	-	-
78	Ойнак	77	48	62	38	98	-	-	2	-	-	2	-	-
110	Тыргшор	286	186	65	35	98	1	-	-	1	-	-	-	-
2	Алекс.Одобеску	22	15	68	32	100	-	-	-	-	-	20	-	-
45	Индепенденца	35	27	77	23	73	27	-	-	-	-	-	-	-
54	Копузу	27	22	81	19	92	-	-	4	4	-	-	-	-
103	Спанцов	65	55	85	15	96	-	-	4	-	-	-	-	-
87	Петроаселе 2	15	13	87	13	8	-	-	-	92	-	-	-	-
44	Изворул	32	31	97	3	100	-	-	-	-	-	-	-	-
36	Дрэгэнешть-Олт	13	13	100	-	100	-	-	-	-	-	-	-	-
68	Митрень	9	9	100	х	89	-	-	11	-	-	-	-	-

№	МОГИЛЬНИК	кол	ИНГУМ		кром	ОРИЕНТИРОВКА (%)					КОНСТРУКЦ. %		
			кол	%		%	С	З	СЗ	В	Ю	зпл	пдб
<u>ТРАНСИЛЬВАНИЯ - Transynwalien</u>													
105	Сынтана де Мур.	74	74	100	х	85	12	-	3	-	-	-	
113	Фынтынеле Риц	16	16	100	-	6	-	-	-	94	-	-	
109	Тыргу-Муреш	8	8	100	-	88	12	-	-	-	12	-	
89	Пэлатка	8	8	100	-	100	-	-	-	-	-	-	
<u>ЦЕНТРАЛЬНАЯ УКРАИНА - zentral Ukraine</u>													
99	Рыжавка	55	11	20	80	100	-	-	-	-	-	-	
53	Компанийцы	116	36	31	69	86	11	-	-	3	-	3	
55	Косаново	121	39	32	68	76	24	-	-	-	3	-	
63	Маслово	91	29	32	68	96	4	-	-	-	-	-	
102	Соснова	51	19	37	63	82	6	-	6	6	-	-	
83	Переяслав-Хм.	42	19	45	55	67	28	-	-	5	32	11	
15	Вел. Бугаивка	51	25	49	51	100	-	-	-	-	-	-	
32	Деревяна	42	22	52	48	55	45	-	-	-	-	-	
101	Скитка	25	15	60	40	100	-	-	-	-	-	-	
76	Обухов	31	19	61	39	90	5	-	5	-	-	-	
118	Черкаcсы	13	9	69	31	87	13	-	-	-	-	-	
120	Черняхов (1900)	273	203	74	26	2	80	15	0,5	2,5	1	0,5	
39	Жовнин	27	21	78	22	93	7	-	-	-	-	-	
49	Канев	19	15	79	21	47	53	-	-	-	12	6	
29	Данилова Балка	15	14	93	7	57	43	-	-	-	36	7	
40	Журавка	125	124	99	1	40	59	-	1	-	44	1	
42	Заячивка	15	15	100	х	53	40	-	7	-	-	-	
120	Черняхов (1961)	22	22	100	х	52	48	-	-	-	-	-	
56	Курники	27	27	100	х	52	48	-	-	-	48	-	
31	Дедовщина	19	19	100	х	37	53	10	-	-	-	-	
100	Сабадаш-Охм.	8	8	100	-	25	75	-	-	-	13	-	
<u>ВОСТОЧНАЯ УКРАИНА - ost Ukraine</u>													
82	Павлюковка	9	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	
93	Родной край	12	6	50	50	100	-	-	-	-	-	-	
59	Лохвица	20	12	60	40	83	17	-	-	-	-	-	
50	Кантемировка	13	9	69	31	100	-	-	-	-	8	8	
111	Успенка	36	27	75	25	93	7	-	-	-	-	-	
11	Боромля	48	47	98	2	66	34	-	-	-	21	4	
104	Сумы-Сад	10	10	100	х	50	50	-	-	-	-	-	
<u>НИЖНИЙ ДНЕПР - NiederDnepr</u>													
6	Башмачка	13	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	
48	Каменка-Днепр.	12	1	8	92	100	-	-	-	-	-	-	
75	Ново-Александр.	5	1	20	80	100	-	-	-	-	-	-	
88	Привольное	28	10	36	64	90	10	-	-	-	-	-	
20	Волошское	4	2	50	50	100	-	-	-	-	-	-	
19	Войсковое	17	9	53	47	100	-	-	-	-	-	-	
<u>ПРИЧЕРНОМОРЬЕ - Schwarzmeer Küste</u>													
25	Городок	9	3	33	67	100	-	-	-	-	-	-	
21	Гавриловка	96	54	56	44	51	47	-	2	-	15	3	
46	Каборга	27	18	67	33	100	-	-	-	-	17	22	
51	Коблево	58	50	86	14	74	26	-	-	-	54	18	
17	Викторовка	14	12	86	14	50	50	-	-	-	50	25	
112	Фурмановка	25	22	88	12	74	26	-	-	-	14	46	
7	Беленькое	184	172	93	7	73	26	-	0,5	0,5	2	46	
74	Николаевка	8	8	100	-	100	-	-	-	-	24	38	
47	Каменка-Анчекр.	33	33	100	-	61	39	-	-	-	85	9	
116	Холмское	56	56	100	-	30	68	-	2	-	66	9	
91	Ранжевое	20	20	100	-	30	70	-	-	-	50	20	
<u>ВОЛЫНЬ И ЮГО-ВОСТОК ПОЛЬШИ (вельбарская культура)</u>													
Wolhyn und süd-ost Polen (Wielbark-Kultur)													
34	Дитиничи	21	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	
60	Любомль	12	-	-	100	-	-	-	-	-	-	-	
33	Деревянное	6	1	17	83	100	-	-	-	-	-	-	
3	Баев	34	15	44	56	100	-	-	-	-	-	-	
72	Морочин	6	3	50	50	100	-	-	-	-	-	-	
64	Масломенч	273	253	93	7	100	-	-	-	-	0,3	-	
27	Грудек	146	138	95	5	100	-	-	-	-	-	-	

- Рис. 3.** По Некрасова 1988.
- Рис. 4.** 1,3 - по Баран 1981; 2 - по Вакуленко, Приходнюк 1984.
- Рис. 5.** 1 - по Винокур, Горішній 1994; по Магомедов 1998а; 3 - по Некрасова 1991.
- Рис. 6.** 1 - по Левинский 1989; 2 - по Магомедов, Левада 1992; 3 - рис. Б.В. Магомедова, М.Е. Левады.
- Рис. 7.** 1 - по Магомедов, Левада 1992; 2 - по Магомедов, Левада 1993в; 3 - по Смиленко, Брайчевский 1967.
- Рис. 8.** 1 - по Козак, Журко 1983; 2 - по Тиханова 1963; 3 - по Романова 1989.
- Рис. 9.** По Магомедов 1989.
- Рис. 10.** 1 - по Сымонович 1980; 2 - по Гудкова, Фокеев 1984.
- Рис. 11.** По Раевский 1955.
- Рис. 12.** По Магомедов, Гудим-Левкович (в печ.).
- Рис. 13.** По Магомедов 1991а.
- Рис. 14.** По Смиленко 1992.
- Рис. 15.** По Магомедов 1987.
- Рис. 17.** 1, 3 - рис. Б.В. Магомедова; 2 - по Сымонович 1967в.
- Рис. 18.** 1-2 - рис. Б.В. Магомедова.
- Рис. 19.** 1 - по Сымонович 1988а; 2 - Магомедов 1979а.
- Рис. 20.** 1, 3 - по Магомедов 1979в; 2 - по Кравченко 1967; 4 - рис. Б.В. Магомедова.
- Рис. 21.** Рис. Б.В. Магомедова.
- Рис. 22.** Рис. Б.В. Магомедова и М.Е. Левады.
- Рис. 23.** По Magomedov 1994.
- Рис. 24.** 1-2 - по Строцень 1993а; 3-5 - по Сымонович 1979с; 6, 8-9 - рис. Б.В. Магомедова; 7 - по Магомедов, Левада 1992; 10-12 - по Магомедов, Гудим-Левкович 1991; 13 - по Diasoti 1965b; 14 - по Кравченко 1967; 15 - по Рутковская 1969; 16 - по Bloşiu 1975; 17 - по Diasoti 1969.
- Рис. 25.** 1-6 - по Баран 1990; 7-9 - по Некрасова 1988.
- Рис. 26.** 1, 5-10, 12 - по Магомедов 1987а; 2 - по Кравченко 1967; 3, 13-14 - по Mitrea, Preda 1966; 4 - по Diasoti 1965b; 11 - по Магомедов 1991а; 15 - по Хавлюк 1974.
- Рис. 27.** 1, 9, 11, 13 - рис. А.Н. Некрасовой; 2 - по Гребенников и др. 1982; 3, 12 - по Некрасова 1994; 4 - по Рафалович 1986; 5 - по Сымонович 1967в; 6 - по Магомедов 1992; 7 - по Хавлюк 1974; 8, 10 - по Кравченко 1967; 11 - по Махно 1976.
- Рис. 28.** 1 - по Магомедов 1992; 2 - по Магомедов 1991; 3 - по Сымонович 1979с; 4-5 - по Петренко 1991; 6, 9 - по Магомедов 1999; 7, 12 - по Гончаров, Махно 1957; 8 - по Некрасова 1985; 10 - по Сымонович 1979в; 11, 15 - по Рутковская 1979; 13 - по Махно 1976; 14 - рис. А.Н. Некрасовой.
- Рис. 29.** 1 - по Магомедов, Гудим-Левкович (в печ.); 2 - по Магомедов, Левада 1992; 3 - по Рутковская 1979; 4 - по Некрасова 1990в; 5, 9 - по Петренко 1991; 6, 10, 18 - по Магомедов 1999; 7-8, 16 - по Сымонович 1979с; 11 - по Брайчевский, Довженок 1967; 12, 19 - по Кравченко 1967; 13, 15 - рис. А.Н. Некрасовой; 14 - по Сымонович 1967а; 17 - по Некрасова 1985.
- Рис. 30.** 1, 8, 12, 15 - рис. А.Н. Некрасовой; 2,5 - по Магомедов 1992; 3, 7, 10-11, 14 - по Кравченко 1967; 4 - по Магомедов 1991а; 6 - по Магомедов 1999, 9 - по Магомедов 1987а; 13, 17-18 - по Сымонович 1979с; 16 - рис. Б.В. Магомедова и М.Е. Левады.
- Рис. 31.** 1, 4 - по Баран 1961в; 2, 10 - по Кравченко 1967; 3 - по Магомедов 1991а; 5 - по Mitrea, Preda 1966; 6 - по Баран 1971; 7 - по Некрасова 1994; 8 - по Магомедов 1979а; 9 - по Магомедов 1998а; 11 - по Магомедов, Левада 1992; 12 - по Рутковская 1979; 13 - по Магомедов 1979в; 14 - рис. А.Н. Некрасовой; 15 - по Брайчевский, Довженок 1967; 16 - по Гончаров, Махно 1957.
- Рис. 32.** 1 - по Некрасова 1985; 2 - рис. А.Н. Некрасовой; 3 - по Сымонович 1967б; 4 - по Хавлюк 1974; 5 - по Петренко 1991; 6 - по Магомедов 1999; 7 - по Магомедов 1979а; 8-9 - по Магомедов 1992; 10-11 - по Wolagiewicz 1993.
- Рис. 33.** 1 - по Сымонович 1979с; 2 - по Кравченко 1967; 3,4 - по Баран 1964; 5 - по Березовец, Петров 1960; 6 - по Сымонович 1960в; 7 - по Ioniță 1977; 8 - по Сымонович 1979; 9 - по Diasoti 1969.
- Рис. 34.** 1, 8 - по Магомедов, Гудим-Левкович (в печати); 2-3 - по Магомедов 1979в; 4 - по Баран 1964; 5 - по Магомедов, Гудим-Левкович 1991; 6 - по Никитина 1988; 7 - по Магомедов 1991а.
- Рис. 35.** 1 - по Магомедов 1979а; 2 - по Хавлюк 1974; 3 - рис. А.Н. Некрасовой; 4 - по Петренко 1991; 5 - по Рудинський 1931.
- Рис. 36.** 1 - по Магомедов 1979а; 2, 6 - по Хавлюк 1974; 3 - по Кравченко 1967; 4 - по Сымонович 1955; 5 - по Федоров 1960в.
- Рис. 37.** 1 - по Гончаров, Махно 1957; 2-3 - рис. А.Н. Некрасовой; 4 - по Рутковская 1979; 5 - по Diasoti 1969; 6 - по Diasoti 1965b.
- Рис. 38.** 1 - по Сымонович 1979с; 2 - по Магомедов 1979в; 3 - рис. А.Н. Некрасовой; 4 - по Кравченко 1967; 5 - по Смиленко 1979.
- Рис. 39.** 1 - по Сымонович 1964в; 2, 4 - рис. Б.В. Магомедова; 3 - по Магомедов 1991а; 5 - по Магомедов 1988; 6 - Смишко, Свишников 1961; 7 - Albrechtsen 1968.
- Рис. 40.** 1 - по Рыбаков 1987; 2 - по Никитина 1988; 3 - по Dąbrowska 1997.
- Рис. 41.** 1 - по Сымонович 1964в; 2 - по Simonenko 1995; 3 - по Баран, Терпиловский, Магомедов 1990; 4 - по Diasoti 1969; 5 - по Mitrea, Preda 1966.
- Рис. 42.** 1 - по Гончаров, Махно 1957; 2 - по Diasoti 1965b; 3 - по Брайчевский 1960; 4 - по Сымонович 1979с; 5 - по Магомедов 1979а; 6 - по Рутковская 1979; 7 - рис. А.Н. Некрасовой; 8 - по Рафалович 1986; 9 - по Кравченко 1967.
- Рис. 43.** 1, 9 - по Магомедов 1979а; 2 - по Кравченко, Бугай, Магомедов 1972; 3 - рис. Б.В. Магомедова; 4, 10 - по Diasoti 1965b; 5, 8 - рис. А.Н. Некрасовой; 6 - по Строцень 1993а; 7 - по Некрасова 1990в.
- Рис. 44.** 1, 3 - по Сымонович 1964в; 2 - по Сымонович 1975в; 4 - по Некрасова 1985; 5 - рис. А.Н. Некрасовой; 6 - по Рутковская 1969; 7 - по Петренко 1991.
- Рис. 45.** 1, 9 - по Федоров 1960в; 2 - по Петренко 1991; 3 - рис. А.Н. Некрасовой; 4 - по Сымонович 1979с; 5 - рис. Б.В. Магомедова; 6, 8 - по Diasoti 1965b; 7 - по Некрасова 1985.
- Рис. 46.** 1-2, 6, 11 - по Кравченко 1967; 3 - по Сымонович 1964в; 4-5, 7-8 - рис. А.Н. Некрасовой; 9 - Брайчевская 1960; 10 - Diasoti 1965b; 12 - Рафалович 1986.
- Рис. 47.** 1 - по Герета, Харитонов 1979; 2 - по

- Hartuche, Anastasiu* 1976; 3 - по Рутковская 1979; 4 - по Сымонович 1979в; 5 - по *Diaconi* 1969.
- Рис. 48.** 1, 4 - по Гудкова, Крапивина 1990; 2 - по Сымонович 1964в; 3 - по Магомедов 1987а; 5-6 - по Брайчевская 1960; 7 - по Федоров 1960в; 8 - рис. Б.В. Магомедова; 9 - по Федоров, Рошаль 1979.
- Рис. 49.** 1 - по Магомедов, Гудим-Левкович 1991; 2 - по Сымонович 1964в; 3 - по Хавлюк 1974; 4-5 - по Федоров 1960в; 6 - по Баран 1964; 7 - рис. А.Н. Некрасовой; 8 - по Брайчевский 1960.
- Рис. 50.** 1 - по Рутковская 1979; 2 - по Строцень 1993а; 3 - по Сымонович 1988в; 4-5, 10 - по Кравченко 1967; 6 - по Рафалович 1986; 7 - по Петренко 1991; 8 - по Некрасова 1985; 9 - по Сымонович 1964в; 11 - по *Wolagiewicz* 1993.
- Рис. 51.** 1 - по Федоров, Рошаль 1979; 2 - по Сымонович 1979а; 3,6 - рис. А.Н. Некрасовой; 4 - рис. Б.В. Магомедова; 5 - по Некрасова 1990в; 7 - по Щукин 1989; 8 - по *Wolagiewicz* 1993.
- Рис. 52.** 1, 4 - по *Diaconi* 1965b; 2 - по Никитина 1988; 3 - по Рикман 1988; 5, 8 - по Сымонович 1979а; 6 - по Сымонович 1980; 7 - по Магомедов 1991а; 9 - рис. А.Н. Некрасовой; 10 - по Строцень 1993а; 11, 13 - по Кравченко 1967; 12 - по Рафалович 1986; 14 - по Магомедов 1992.
- Рис. 53.** 1 - по Сымонович 1955; 2 - по Бодянский 1968; 3 - по Рафалович 1986; 4 - по Магомедов 1979а.
- Рис. 54.** 1, 6-7 - по *Wolagiewicz* 1993; 2-4 - по Кухаренко 1980; 5 - по Смішко, Свєшніков 1961; 8 - по *Dąbrowska* 1996.
- Рис. 55.** 1-2 - по Махно 1976; 3, 5, 8 - по Рафалович 1986; 4, 7, 13 - рис. А.Н. Некрасовой; 6 - по Магомедов 1987а; 9 - по Рикман 1988; 10 - по Кравченко 1967; 11 - по Сымонович 1979с; 12 - по Рутковская 1979; 14 - по Магомедов 1979а.
- Рис. 56.** 1 - по Магомедов 1988; 2 - по Некрасова 1985; 3 - рис. Б.В. Магомедова; 4-5 - по *Kropotkin* 1976; 6 - рис. А.Н. Некрасовой; 7 - по Гончаров, Махно 1957; 8 - по Магомедов 1987а; 9 - по Никитина 1988; 10 - по Рафалович 1986.
- Рис. 57.** 1 - по Сымонович 1979с; 2 - рис. Б.В. Магомедова; 3, 8 - по Рафалович 1986; 4, 7, 12-13 - рис. А.Н. Некрасовой; 5 - по Кравченко 1967; 6, 10 - по *Kropotkin* 1976; 9 - по Магомедов 1988; 11 - по Баран 1964; 14 - по Магомедов 1979а.
- Рис. 58.** 1 - по Магомедов 1979а; 2 - по Хавлюк 1974; 3 - по Сымонович 1964в; 4 - по Рутковская 1979; 5 - по Магомедов 1992; 6 - по Баран 1981.
- Рис. 59.** 1 - по *Ioniță* 1982; 2-4 - по Баран 1964; 5 - по Магомедов 1991а; 6 - по Махно 1955.
- Рис. 61.** 1, 7, 12 - по Сымонович 1964с; 2-3 - по Никитина 1995; 4 - по Кравченко, Корпусова 1975; 5 - по Магомедов 1987а; 6 - по Ebert 1913; 8-9 - по Гребенников и др. 1982; 10 - по Магомедов 1991а; 11 - по Магомедов 1987в.
- Рис. 62.** 1-2 - по Магомедов 1991а; 3, 5 - по Кравченко, Корпусова 1975; 4 - по Магомедов 1987в; 6 - по Махно 1949; 7 - по Баран 1964; 8 - по *Ioniță* 1982.
- Рис. 63.** 1, 8 - по Кравченко, Корпусова 1975; 2 - по Магомедов 1987в; 3 - по Рикман 1972; 4-5 - по Магомедов 1987а; 3, 7 - по *Alexianu, Ellis* 1995.
- Рис. 64.** 1 - по Магомедов 1979а; 2, 8 - по Магомедов 1987а; 3-5, 7 - по Сымонович 1967а; 6 - по *Diaconi* 1969; 9 - по Федоров, Рошаль 1979.
- Рис. 65.** 1 - по *Niculescu* 1993; 2 - по Петров 1964а; 3 - по Гончаров, Махно 1957; 4 - по *Diaconi* 1965b; 5, 7 - Никитина 1988; 6 - Сымонович 1960в; 8 - Ebert 1913.
- Рис. 66.** 1, 3 - по Сымонович 1967а; 2 - по *Diaconi* 1965b; 4 - по *Alexianu, Ellis* 1995; 5 - по Гудкова, Фокеев 1984; 6 - по Сымонович 1988а.
- Рис. 67.** 1 - по Сымонович 1967а; 2 - по Сымонович 1960в; 3-4 - по Сымонович 1964d.
- Рис. 68.** 1-2, 4, 6 - по Гороховский 1988а; 3 - по Магомедов, Левада 1997; 5, 8 - по Магомедов, Левада 1993а; 7 - по Кухаренко 1975; 9 - по Магомедов 1979в.
- Рис. 69.** 1, 5 - по Магомедов 1988; 2 - по Гороховский 1988а; 3 - по Некрасова 1985; 4 - по Некрасова 1993; 6 - по Сымонович 1979а.
- Рис. 70.** 1 - по Щербакова, Щукин 1991; 2 - по Магомедов, Левада 1997; 3-4 - по Гороховский 1988а; 5 - по Магомедов 1979а.
- Рис. 72.** По Гороховский 1988а.
- Рис. 73.** 1-7 - по Гороховский 1988а; 8 - по Магомедов, Левада 1993а; 9 - по *Diaconi* 1965b; 10 - по Рудинский 1931; 11 - по Баран 1964.
- Рис. 74.** 1 - по *Diaconi* 1965b; 2 - по Некрасова 1990в; 3-5, 10 - по Магомедов 1979а; 6, 13-14 - по Щербакова, Щукин 1991; 7 - по Магомедов, Левада 1993а; 8 - по Махно, Сикорский 1989; 9 - по Кравченко 1967; 11 - Магомедов 1990; 12 - рис. А.Н. Некрасовой; 15 - по *Nica-Cimpeanu* 1976; 16 - *Palade* 1981; 17 - Баран 1964.
- Рис. 75.** 1, 3-4 - по Магомедов 1988; 2 - по Строцень 1993; 5, 9 - по *Palade* 1981; 6 - по Магомедов 1992; 7 - по Щербакова, Щукин 1991; 8 - по Магомедов, Левада 1997; 10 - по Магомедов 1987а; 11 - по Магомедов 1979а; 12-13 - по *Diaconi* 1965b.
- Рис. 76.** 1-4 - по Магомедов 1992; 5 - по Некрасова 1990в; 6 - по Березовец, Петров 1960.
- Рис. 77.** 1, 3 - по Березовец, Петров 1960; 2, 4-6 - по Магомедов 1979а; 7 - по Магомедов 1979в; 8 - по Хавлюк 1974; 9 - Строцень 1993; 10 - по *Diaconi*, 1965b.
- Рис. 78.** 1, 5 - рис. Б.В. Магомедова, М.Е. Левады; 2 - по Баран 1964; 3, 6, 11-12 - рис. А.Н. Некрасовой (3 - из фондов Лубенского музея); 4, 10 - Кравченко 1967; 7, 9 - Рутковская 1979; 8 - Гончаров, Махно 1957.
- Рис. 79.** 1 - по *Kazanski, Lapart* 1995; 2 - по *Bloșiu* 1975; 3 - по Гороховский 1988; 4 - по Сымонович 1968; 5 - по Магомедов 1988.
- Рис. 80.** 1, 11, 13 - по Магомедов 1992; 2, 5-6 - по Баран 1965; 3 - по Винокур 1979; 4, 14 - по Магомедов 1979а; 7 - по Хавлюк 1974; 8-9 - по Кравченко 1967; 10 - по *Diaconi*, 1965b; 12 - рис. Б.В. Магомедова.
- Рис. 81.** 1 - по Кравченко 1971а; 2 - по Магомедов, Кароева 1988; 3, 8-9 - по Магомедов 1991а; 4 - по Сымонович 1967а; 5 - по Брайчевская 1960; 6, 11 - по Баран 1964; 7 - по Магомедов 1987а; 10 - по Щербакова, Чеботаренко 1974; 12 - по Некрасова 1988; 13 - по Смішко 1947; по Магомедов 1987в.
- Рис. 82.** По Магомедов 1992.
- Рис. 83.** 1 - по Некрасова 1988; 2-4, 7-8 - по Баран 1964; 5 - по Славяне Юго-Восточной Европы...; 6 - по Баран 1981.
- Рис. 84.** 1, 3-4, 9-11, 19-21 - по Магомедов 1992; 2 - по Махно 1967; 5, 7-8 - рис. А.Н. Некрасовой; 6 - по *Bloșiu* 1975; 16 - по Некрасова 1990в; 12-13 - рис. Б.В. Магомедова и М.Е. Левады; 14-15, 18 - по Магомедов 1998а; 17 - по Березовец, Петров 1960.
- Рис. 85.** По *Terpilovskij, Magomedov (in Druck)*.

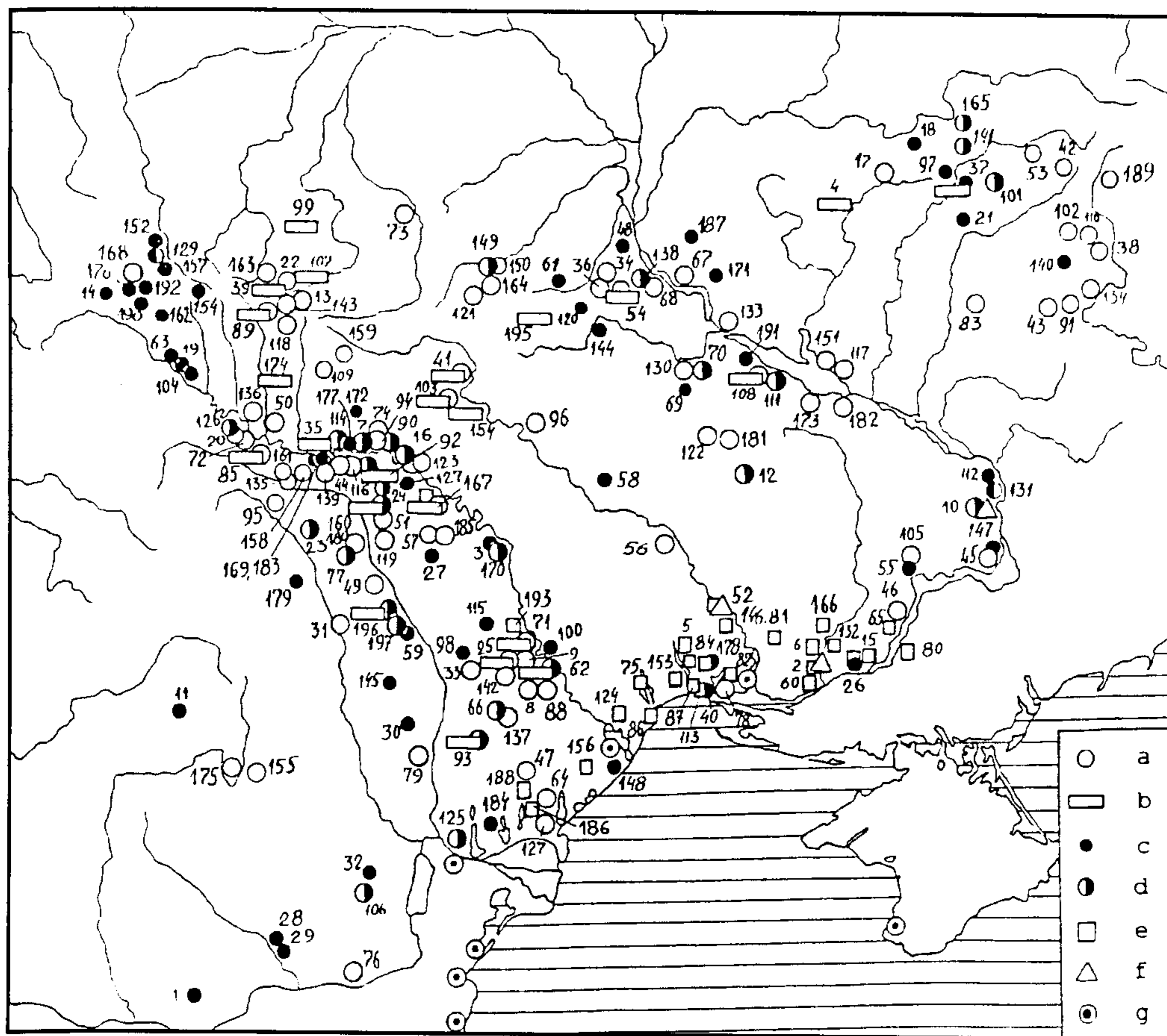

Рис. 2. Карта поселений черняховской культуры. Цифры соответствуют номерам памятников в Приложении 1.
 Условные обозначения: а - наземные постройки, б - „длинные дома”, с - углубленные постройки,
 d - углубленные и наземные постройки, е - каменные постройки, f - черняховские городища, g - античные города.
 Verbreitung der Černjachov-Kultur. Die Nummern entsprechen dem Anhang 1; a - oberirdische Konstruktionen, b - „Langhäuser”; c - Grubenhäuser; d - Grubenhäuser mit oberirdischem Teil; e - Steinbauten; f - befestigte Siedlungen; g - antike Städte.

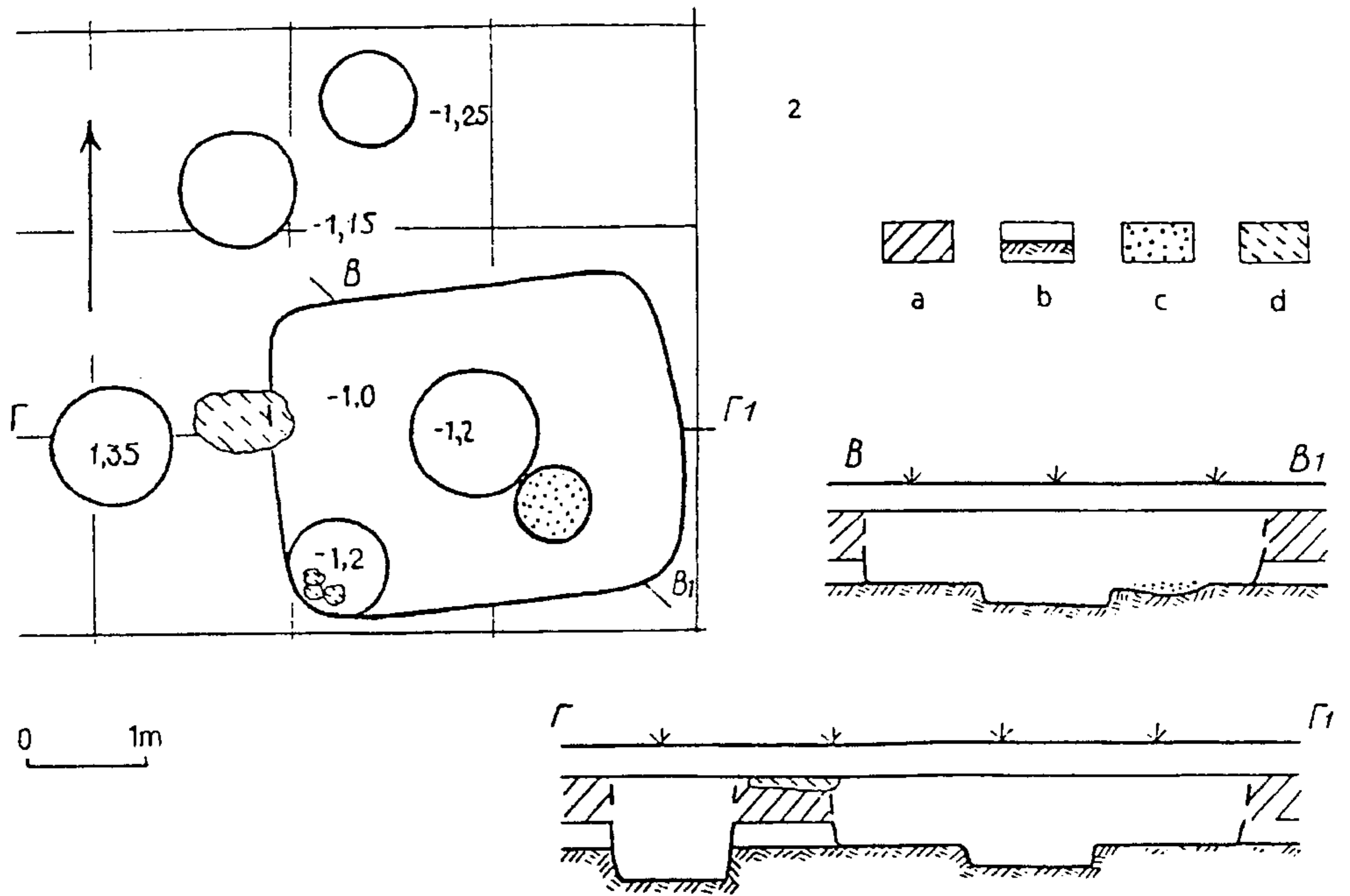

Рис. 3. Хлопков, жилище 8 и хозяйственные ямы (а – культурный слой, б – уровень материка, с – угли, д – глиняная обмазка).
 Chlopikiv. Haus 8 mit wirtschaftlichen Gruben (a – Kulturschicht; b – gewachsener Boden; c – Holzkohle; e – Lehmstrichreste).

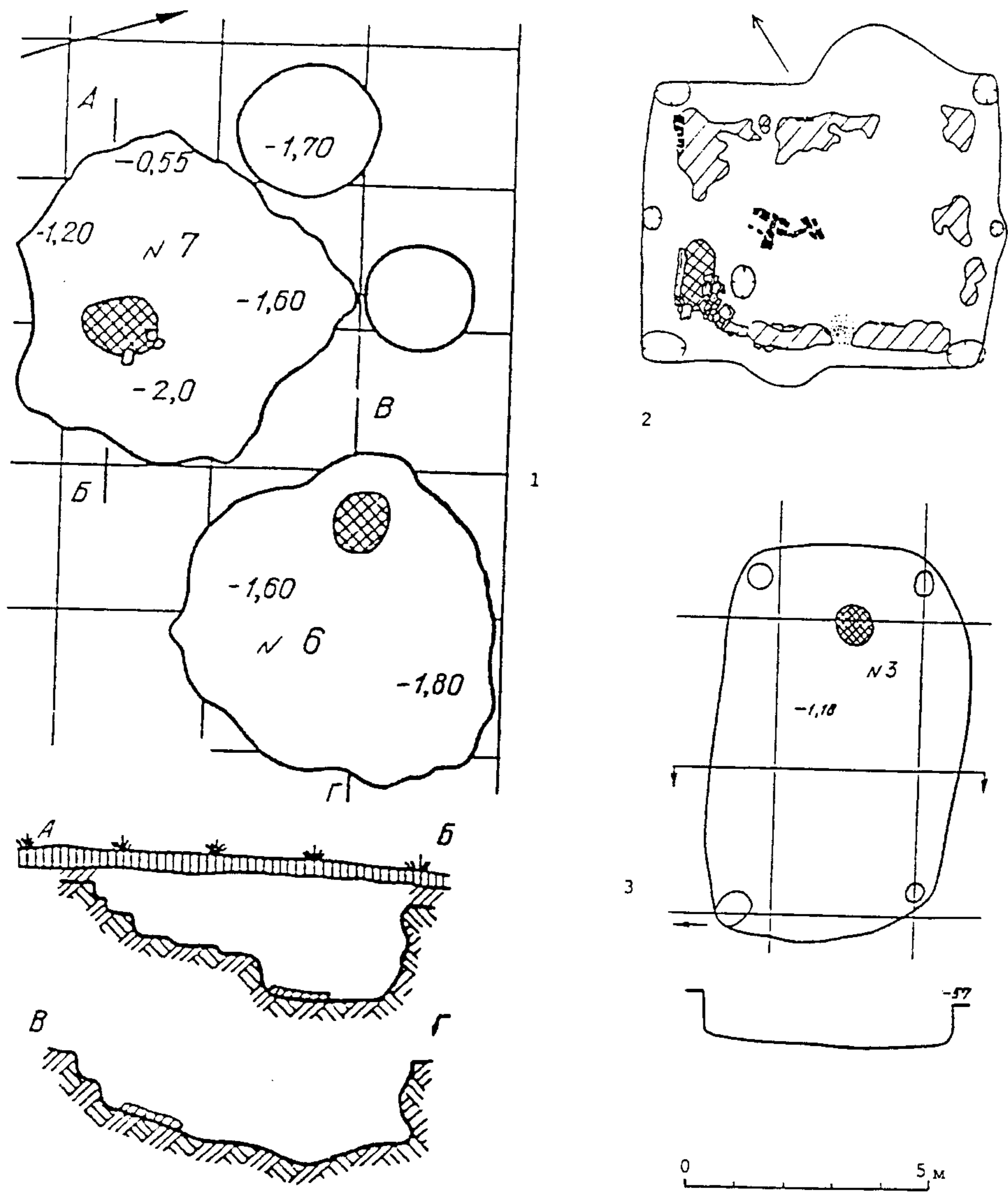

Рис. 4. Землянки (1) и полуземлянки (2-3). 1 – Черепин, жилища 6-7; 2 – Сокол, жилище 9; 3 – Демьянов, жилище 3.
 Штриховкой здесь и на последующих рисунках обозначена обожженная глина, сеткой - очаги.
 Gruben- (1) und Halbgrubenhäuser (2-3): 1 – Čerepin, Haus 6 - 7, 2 – Sokol, Haus 9, 3 – Dem'janov, Haus 3.
 Schräge Linien – verbrannter Lehm, gekreuzte Linien – Feuerstelle.

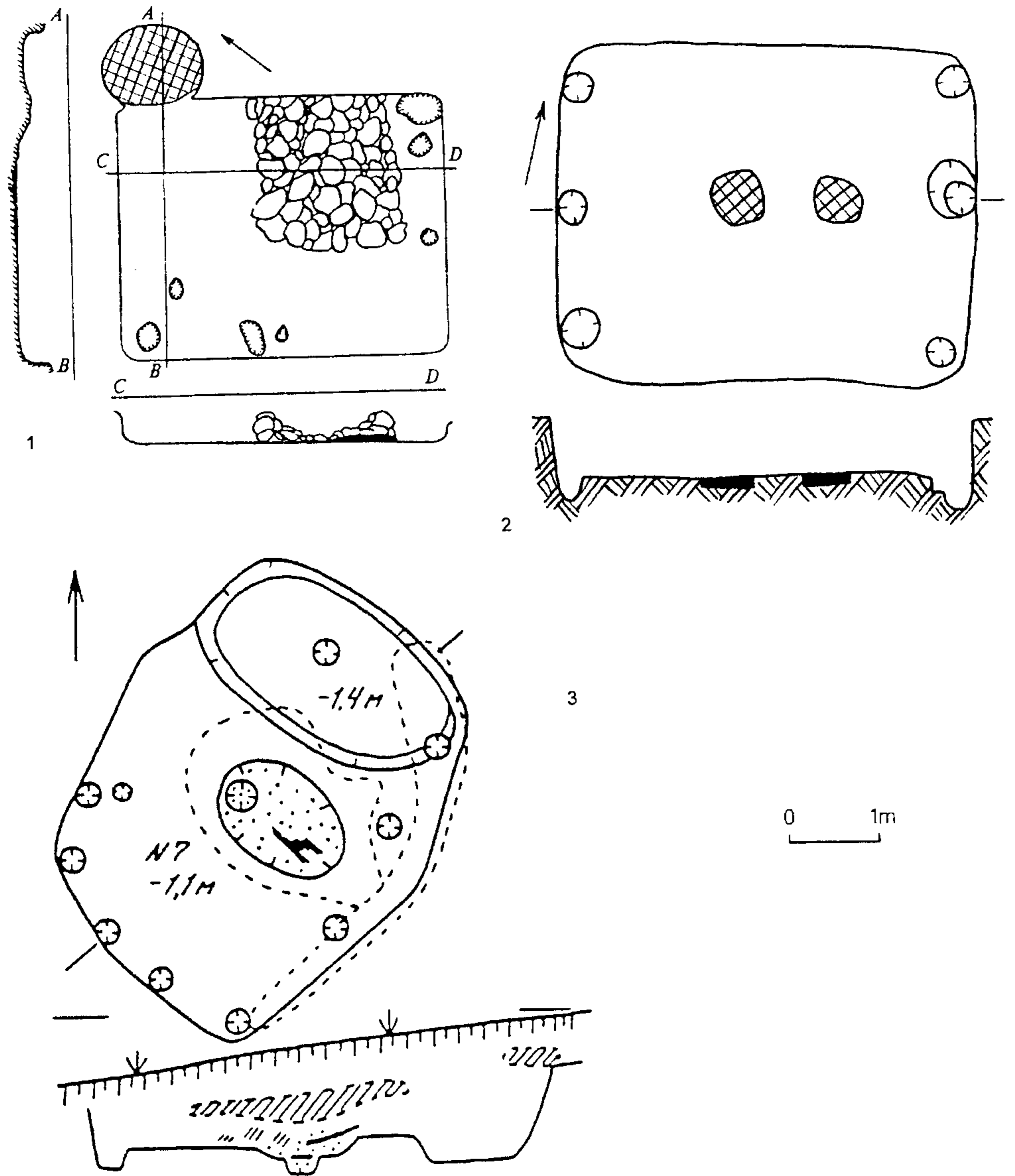

Рис. 5. Полуземлянки. 1 – Бакота, жилище 47; 2 – Козлов, полуземлянка 1; 3 – Боромля, жилище 7 (пунктиром оконтурен завал обмазки).
 Halbgrubenhäuser: 1 – Bakota, Haus 47; 2 – Kozlov, Haus 1; 3 – Boromlja, Haus 7. Die Punktlinie grenzt den Lehmstrich ab.

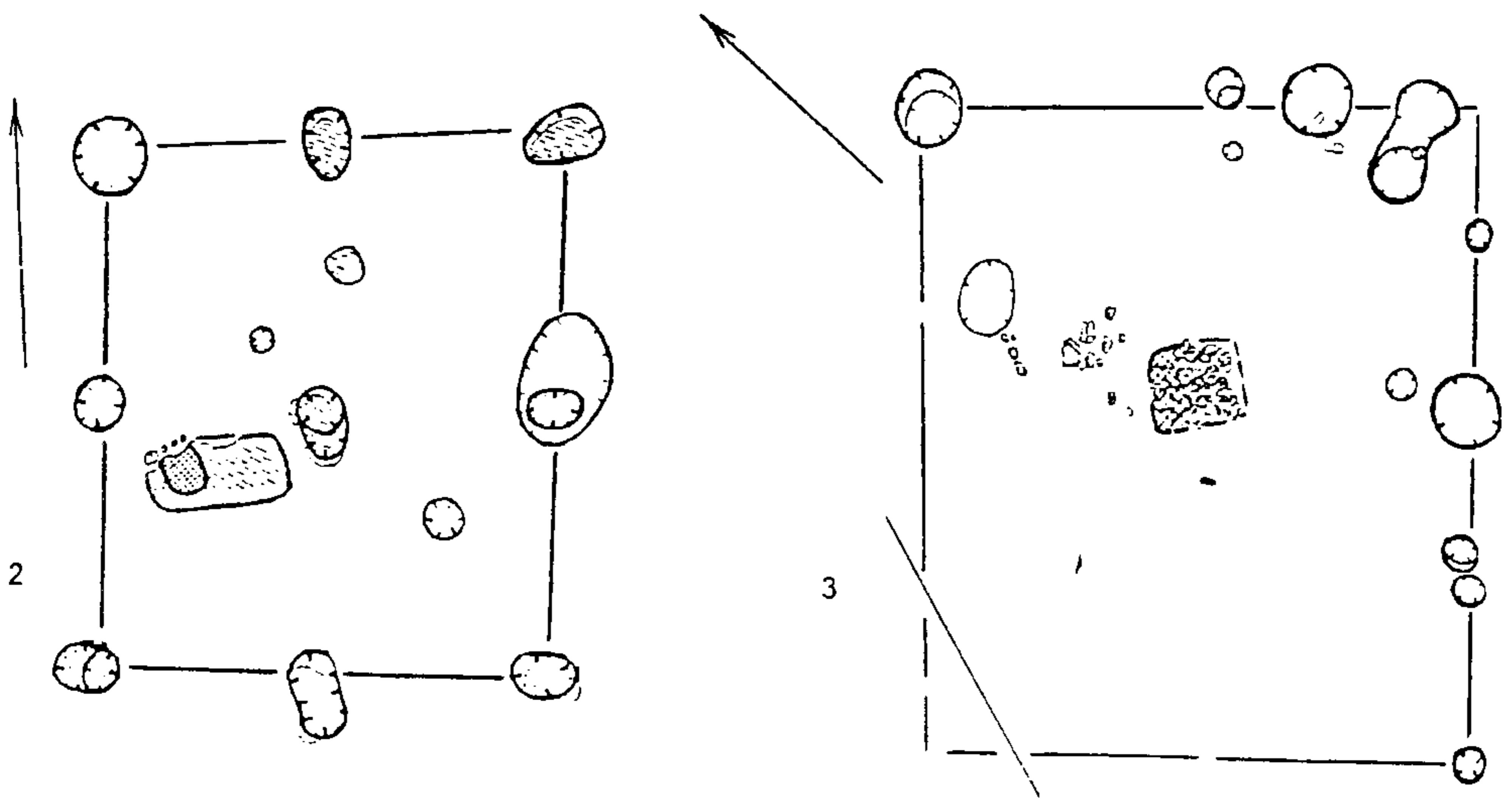
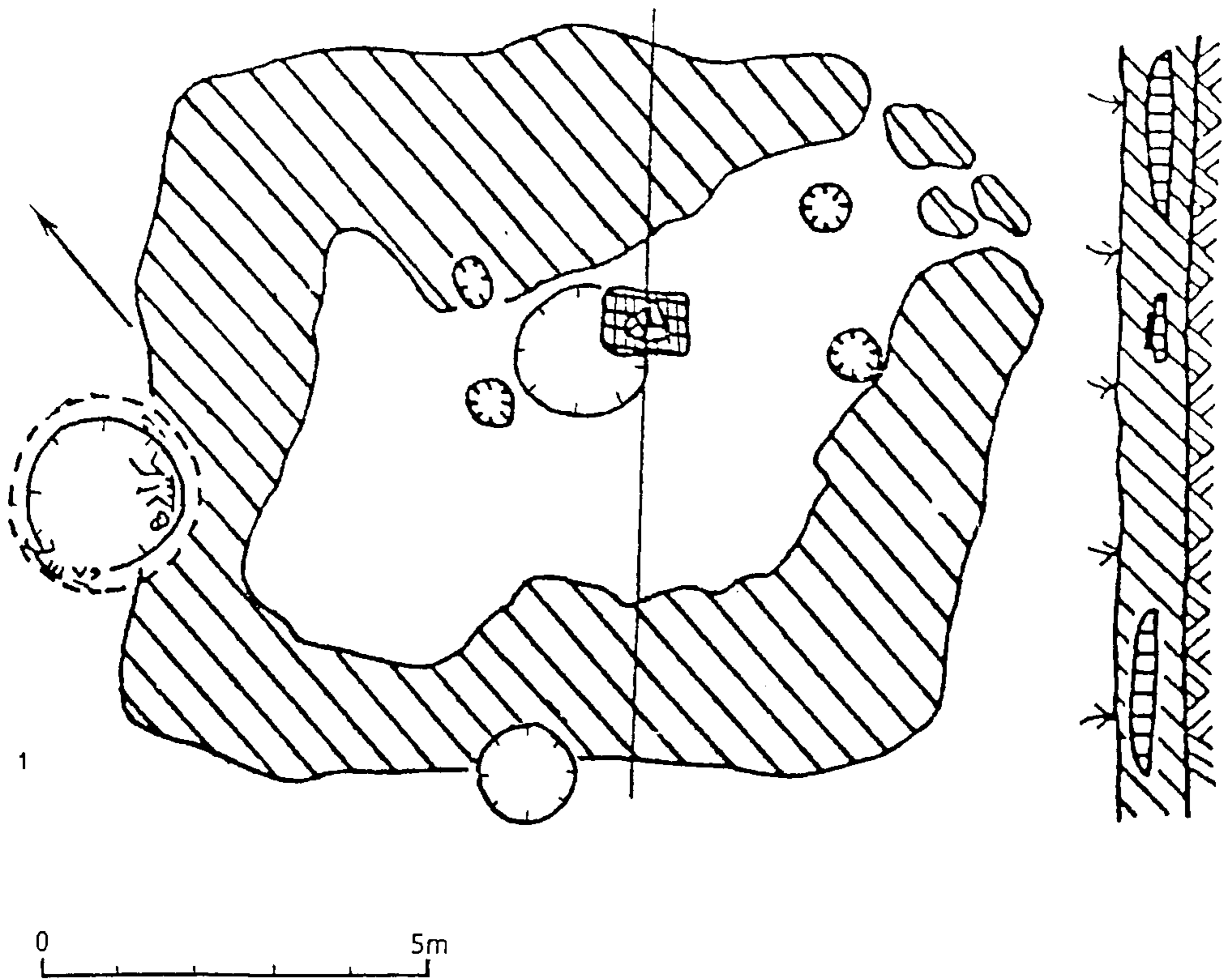

Рис. 6. Наземные дома. 1 – Голяны, жилище 1; 2 – Гребинки, постройка 1; 3 – Винница-Вишенка, жилище 3.
 Oberirdische Häuser: 1 – Gopljany, Haus 2; 2 – Grebinki, Gebäude 1; 3 – Vinnica-Višenka, Haus 3.

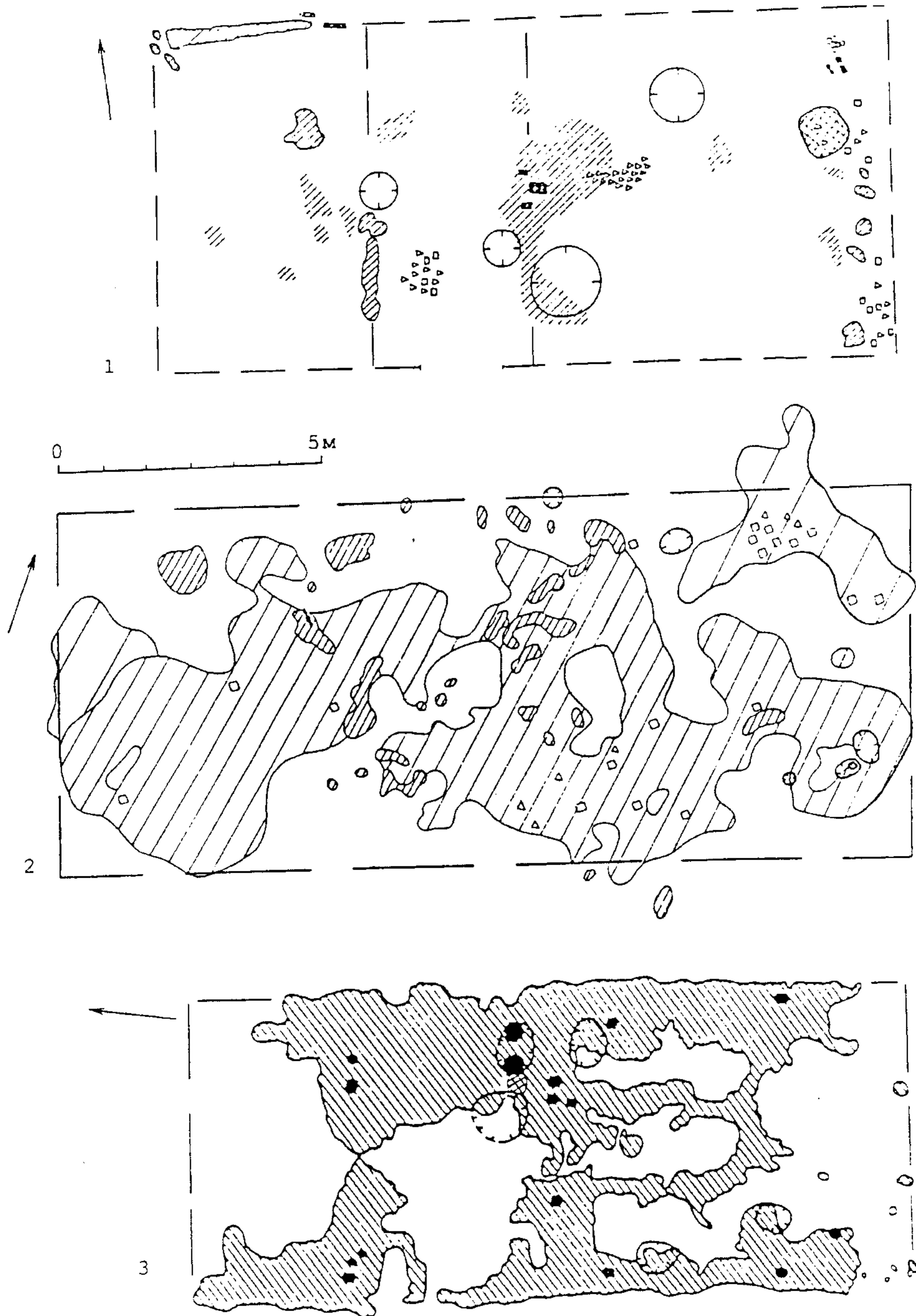

Рис. 7. „Длинные дома”. 1 – Гребинки, постройка 2; 2 – Винница-Вишенка, жилище 1; 3 – Леськи, жилище 1.
 „Langhäuser”. 1 – Grebinki, Gebäude 2; 2 – Vinnica-Višenka, Haus 1; 3 – Les’ki, Haus 1.

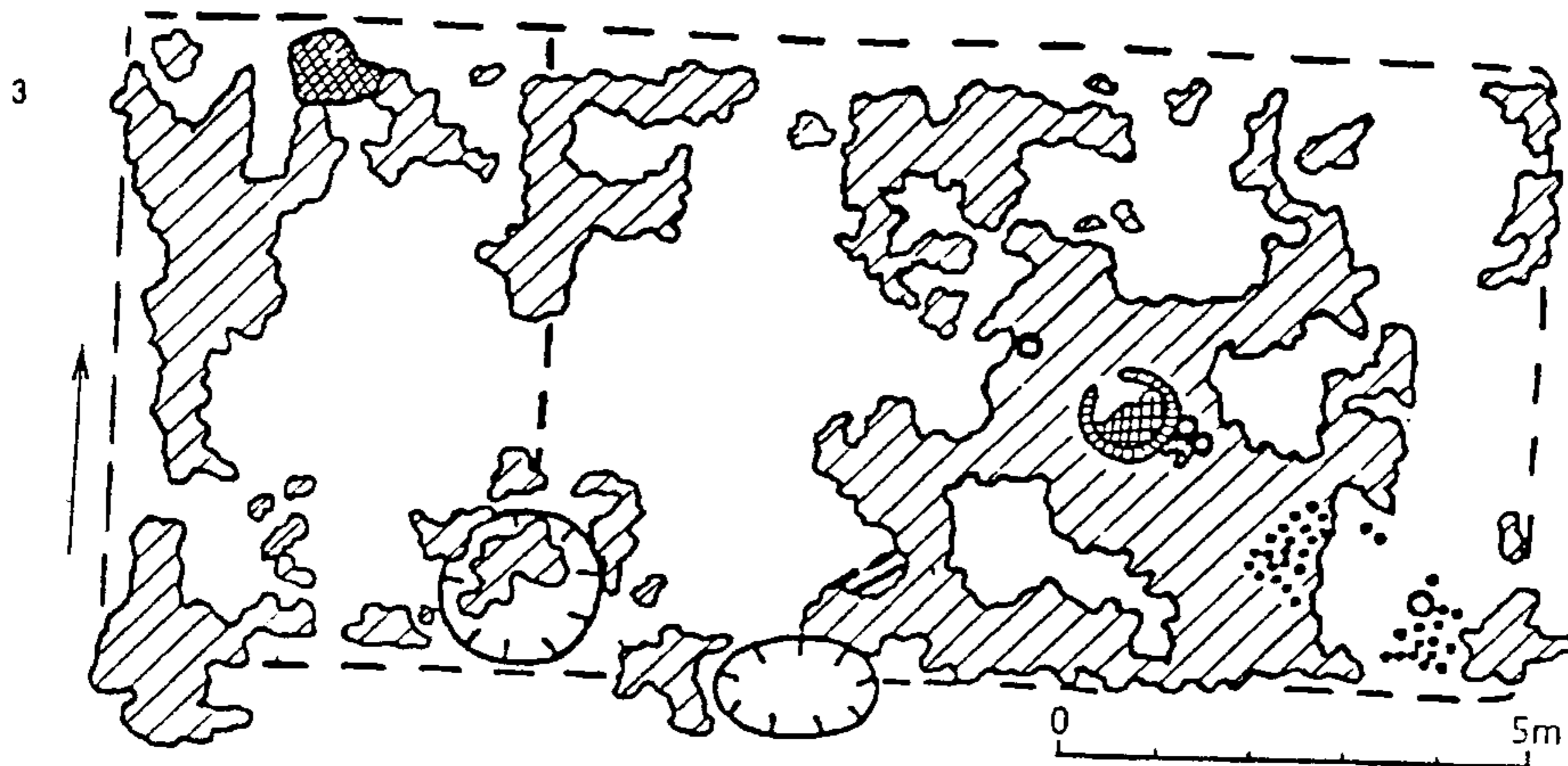
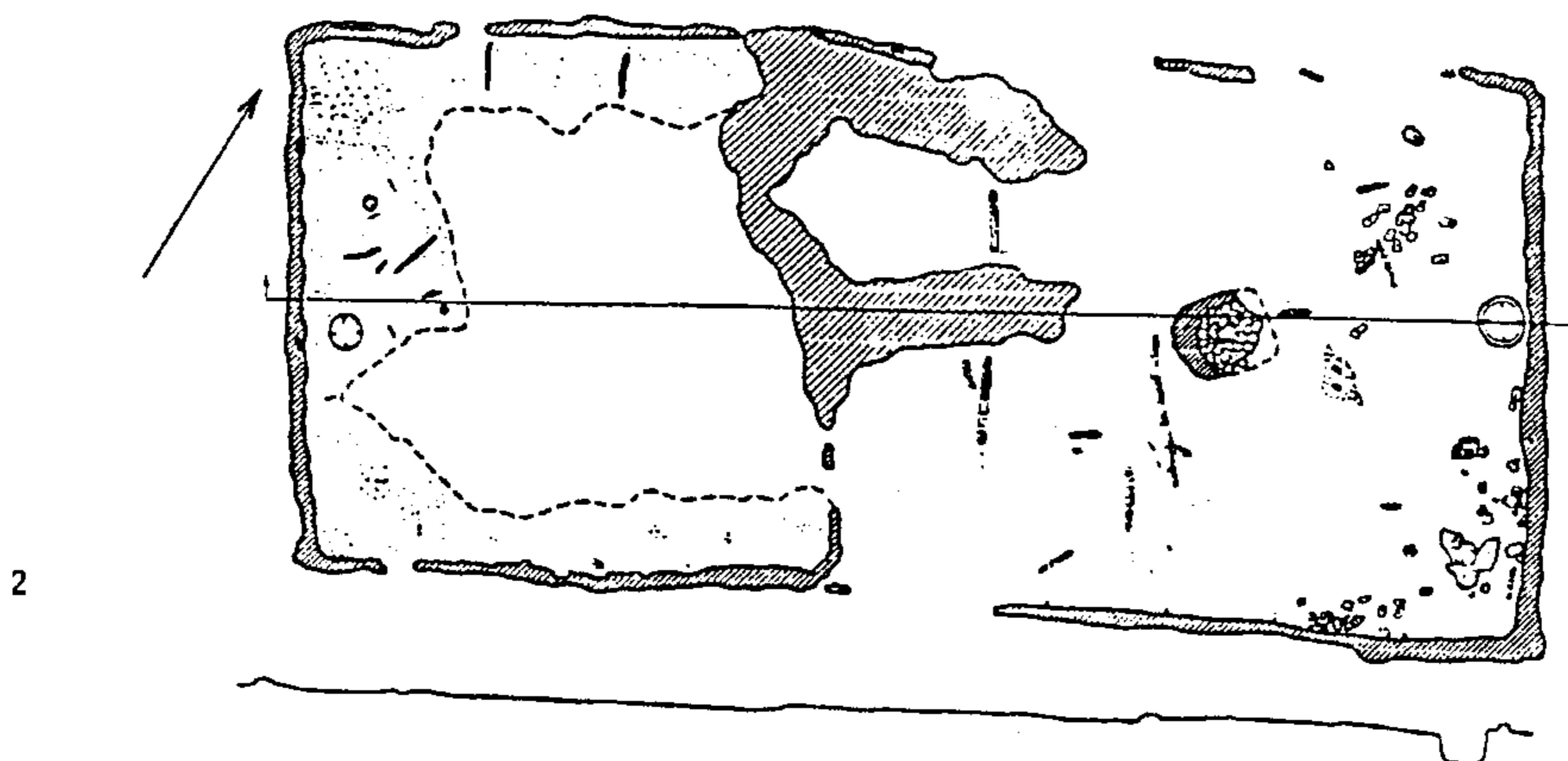
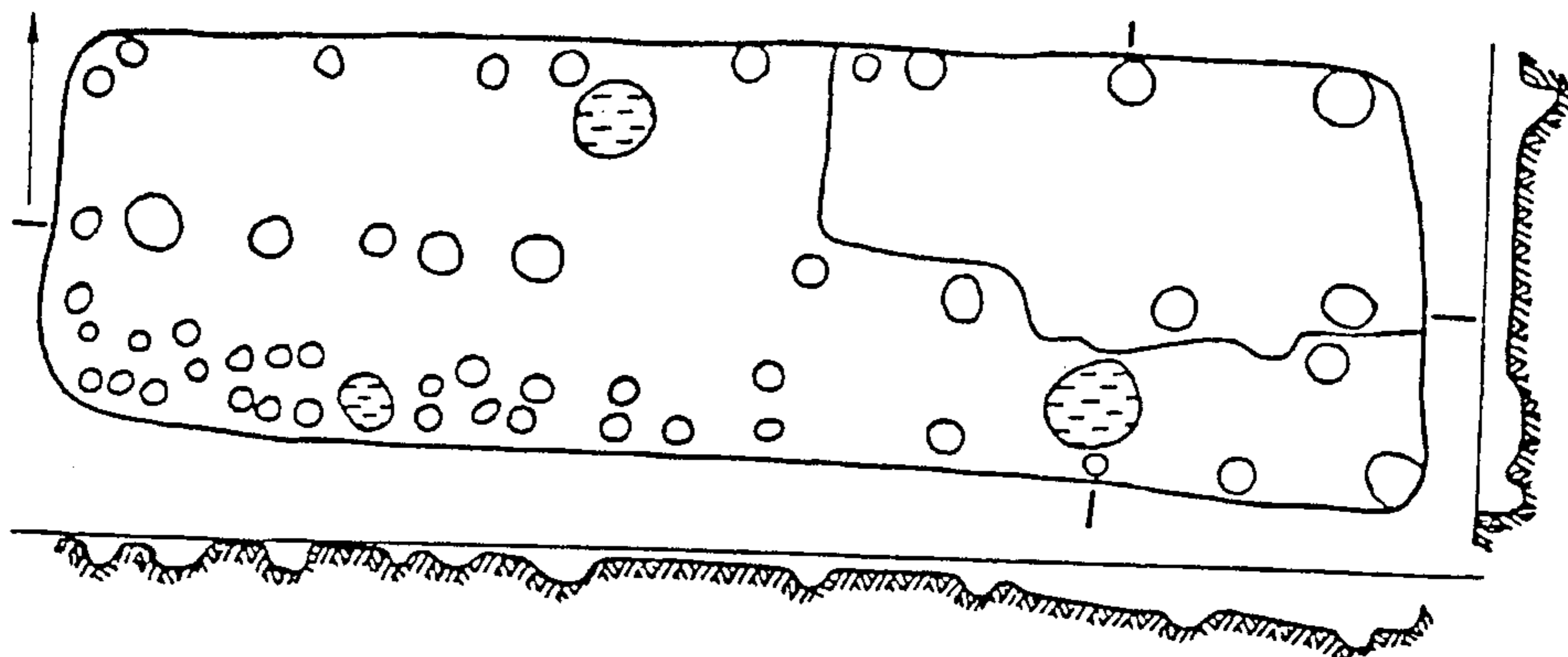

Рис. 8. „Длинные дома”. 1 – Великая Слободка, постройка 1; 2 – Лепесовка, постройка на раскопе 2;
3 – Артюховка.
„Langhäuser”. 1 – Velikaja Slobodka, Gebäude 1; 2 – Lepesovka, Gebäude in Grabungsfläche 2; 3 – Artjuhovka.

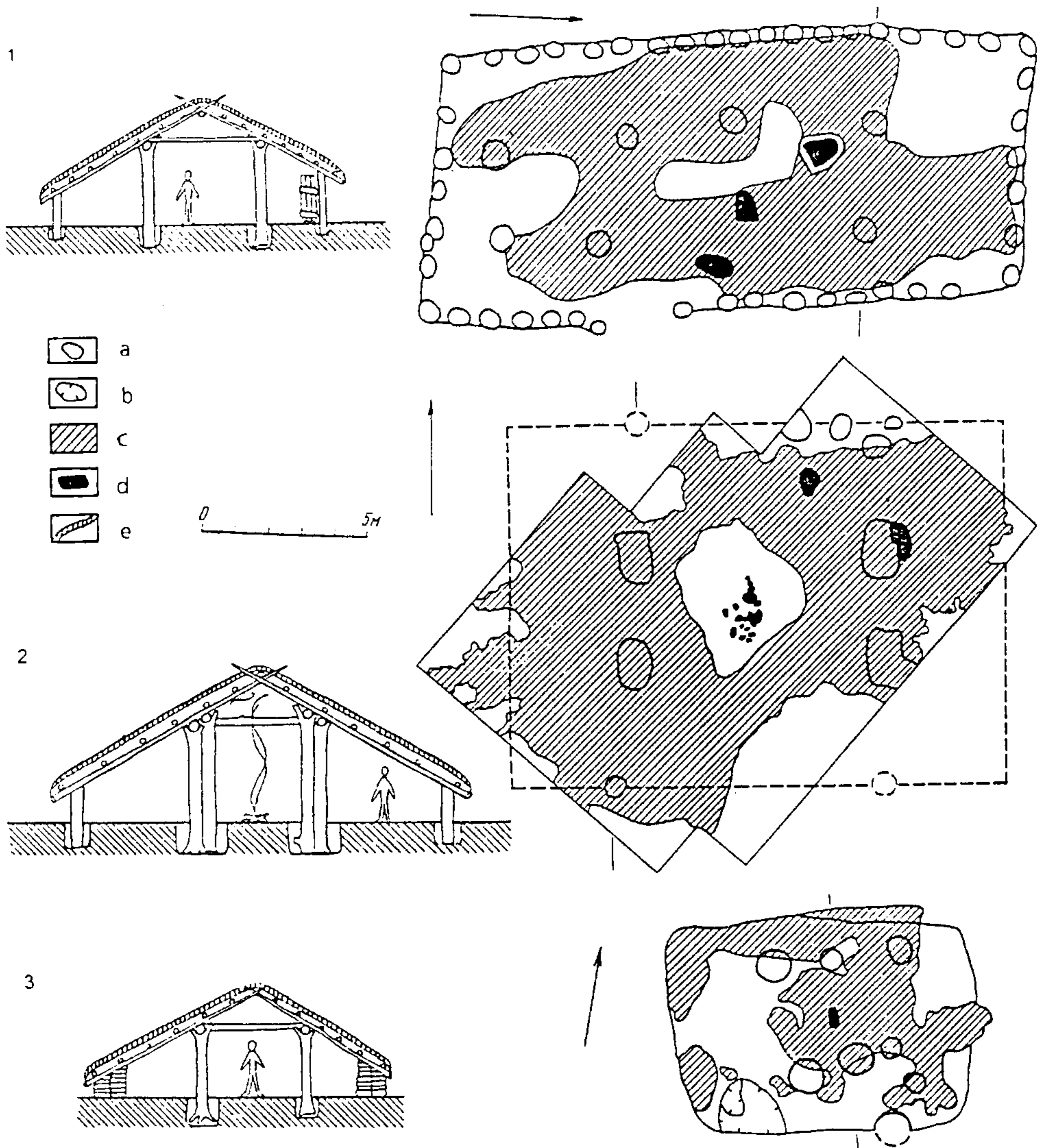

Рис. 9. Трехнефные дома и их частичная реконструкция. 1 – Будешты, постройка 2; 2 – Собарь, жилище 1 (раскол VII); 3 – Шершни. а – столбовые ямы; б – прочие ямы; с – развал обожженной глиняной обмазки; d – очаг; е – глиняная обмазка кровли.

Dreischiffige Häuser und ihre Rekonstruktionsversuche: 1 – Budešty, Gebäude 2; 2 – Sobar', Haus 1 (Grabungsfläche VII); 3 – Šeršni. а – Pfostengruben, б – andere Gruben, с – Lehmstrichreste, d – Feuerstelle, е – Lehmstrich vom Dach.

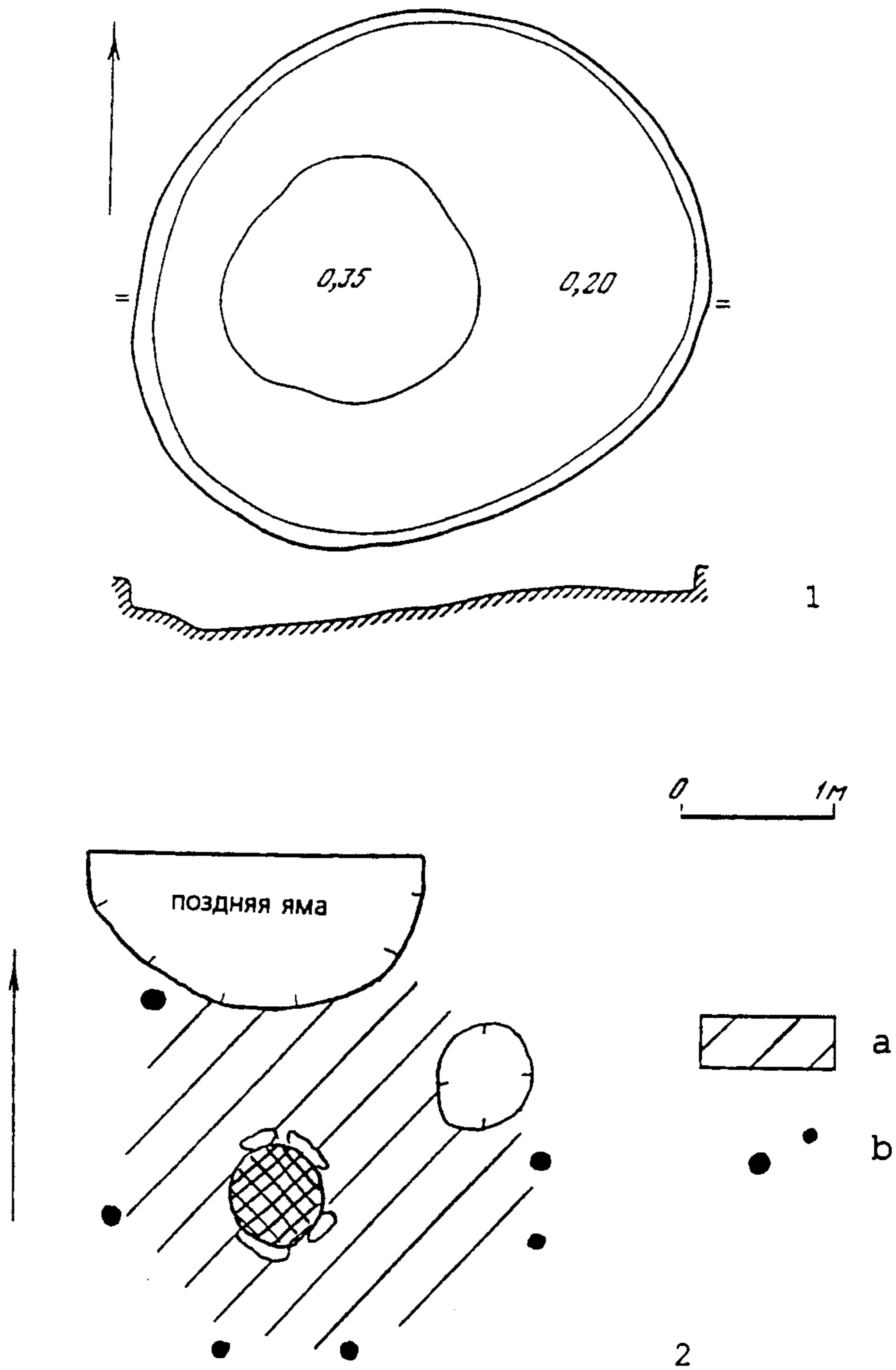

Рис. 10. Юртообразные постройки. 1 - Бургунка. 2 - Дракуля. а - глиняная обмазка пола, б - столбовые ямы.
 Jahrtaähnliche Konstruktionen. 1 - Burgunka; 2 - Drakulja; а - Lehmstrich vom Fussboden, б - Pfostengruben.

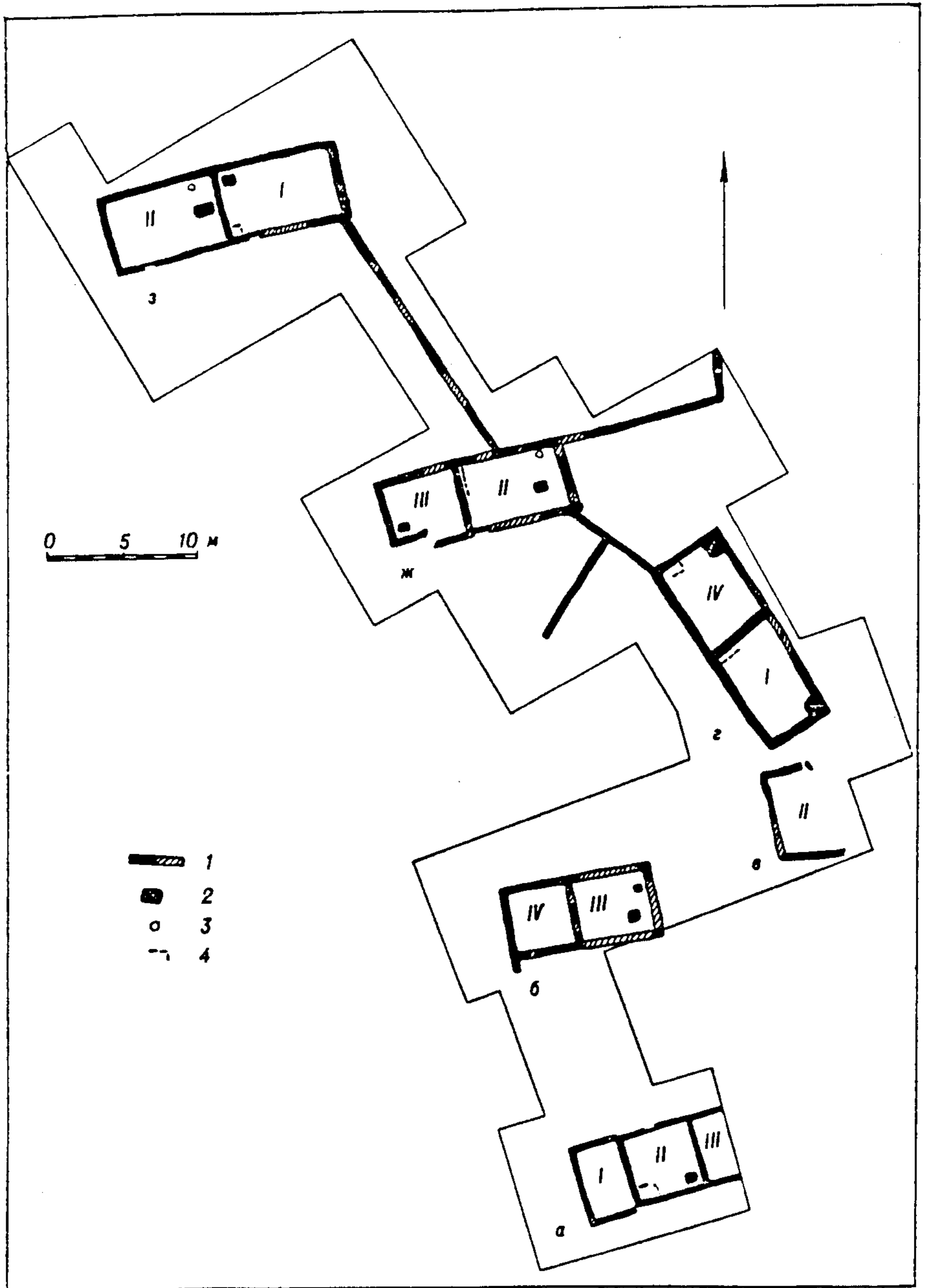

Рис. 11. Киселово. План раскопов: 1 – фундаменты и реконструкция стен, 2 – очаги, 3 – ямы, 4 – каменные загородки.
 Kiselovo. Grabungsplan; 1 – Fundamente und Rekonstruktion der Wände; 2 – Feuerstelle; 3 – Gruben; 4 – Steinzäune.

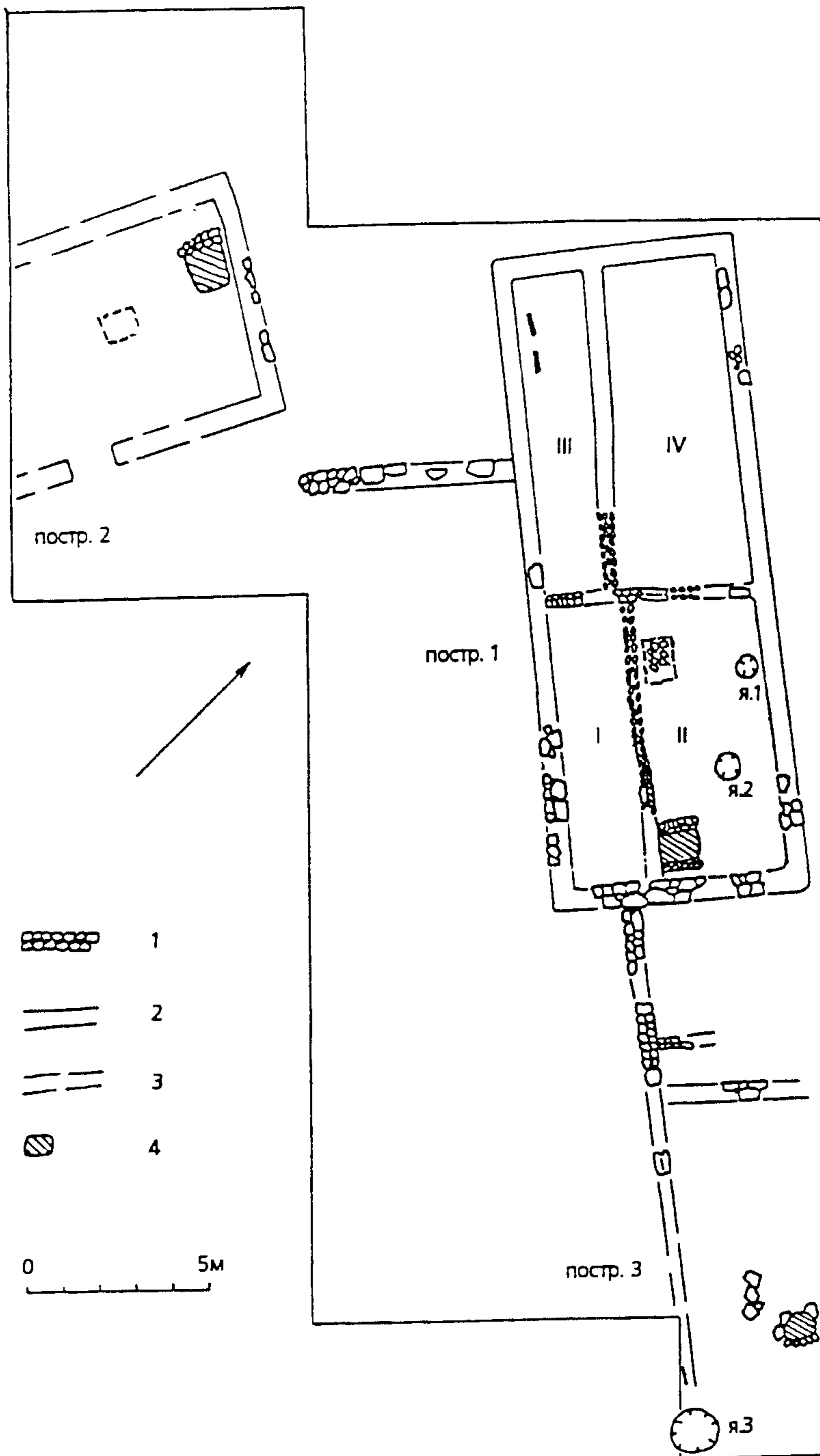
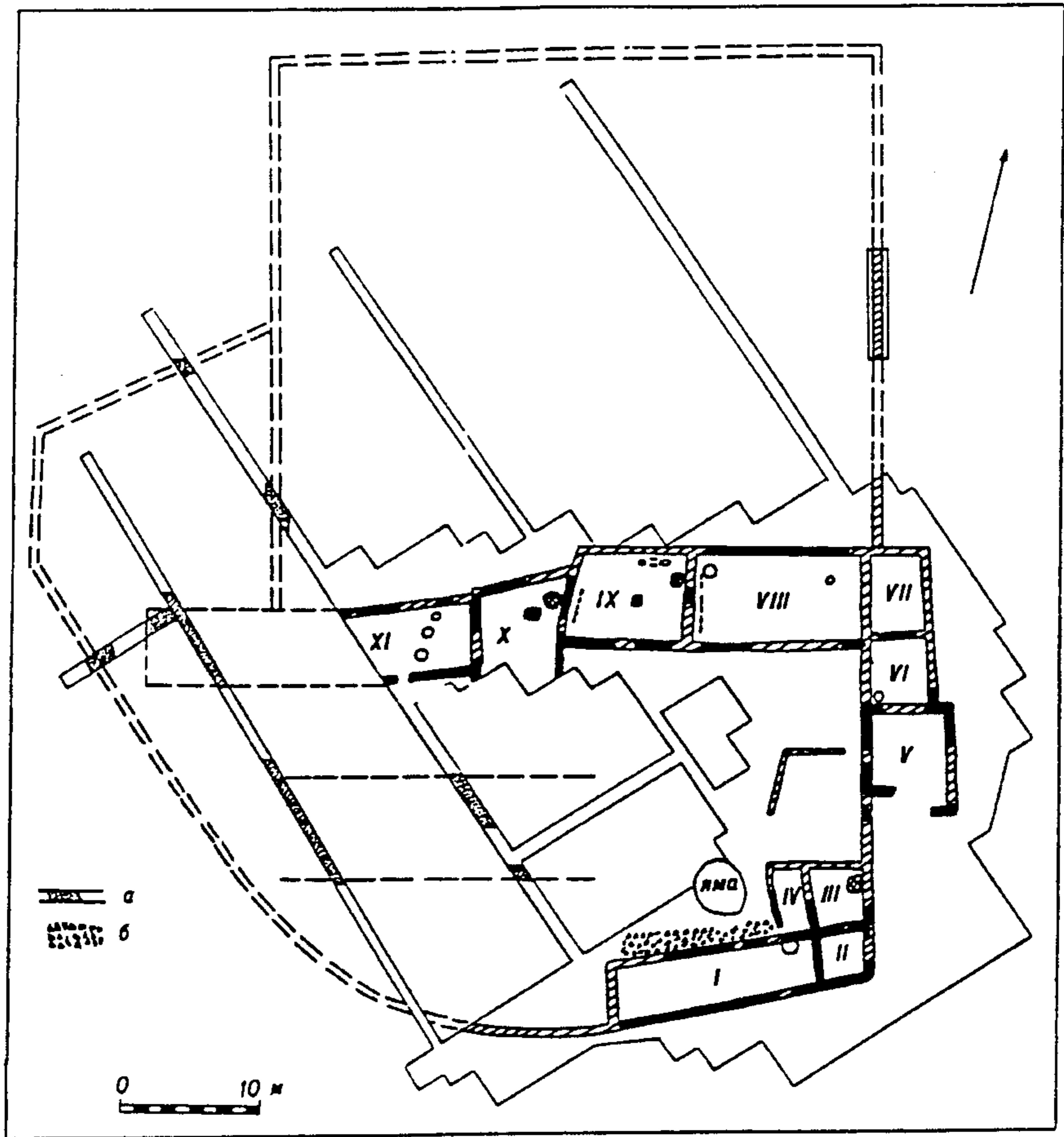
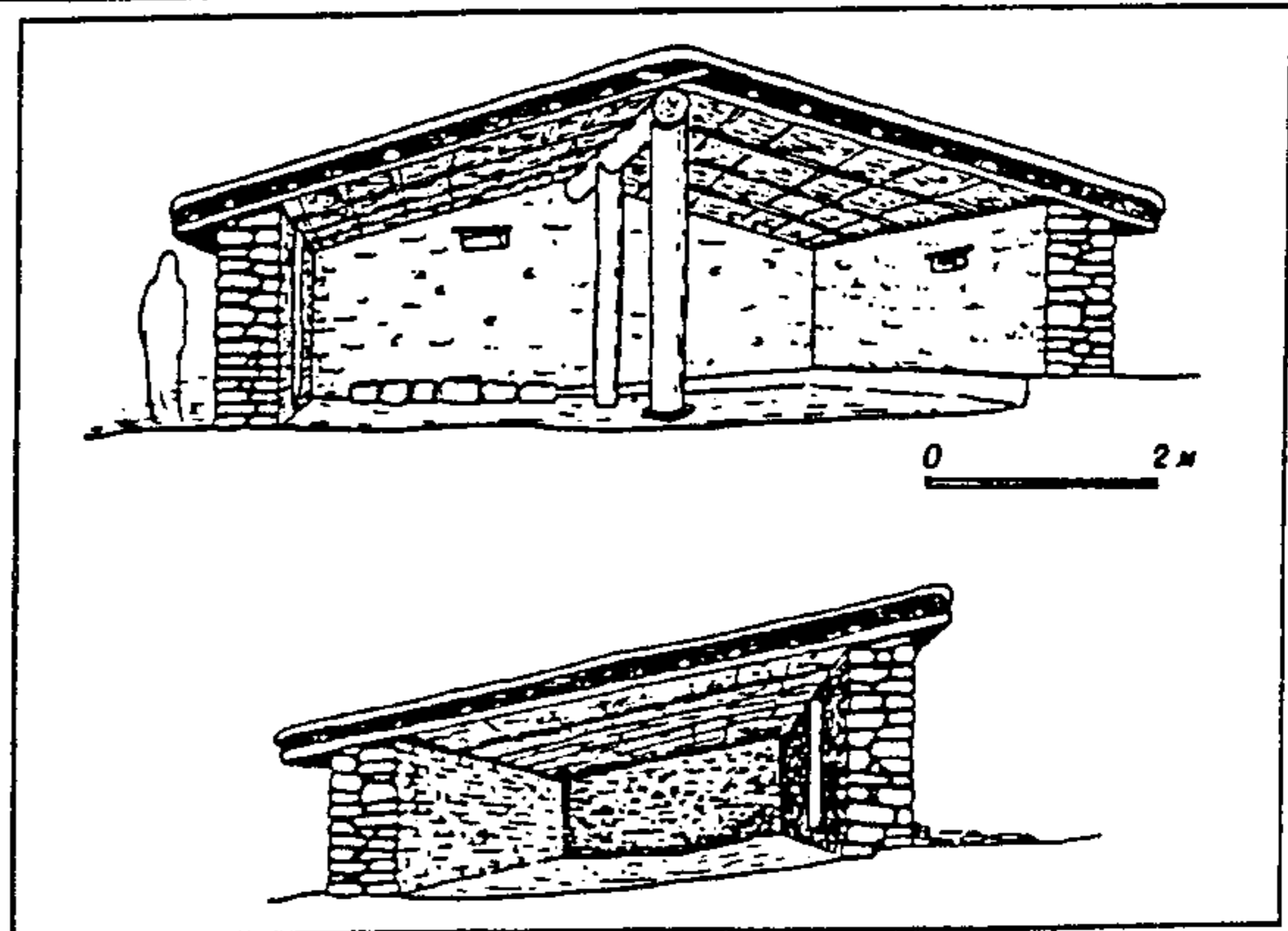

Рис. 12. Луговое. План раскопа I. 1 – основания стен; 2 – реконструкция стен; 3 – предполагаемая реконструкция стен; 4 – очаги.
 Lugovoe. Grabungsfläche I. 1 – Wandreste; 2 – Wandrekonstruktion; 3 – Vorschlag einer weiteren Wandrekonstruktion; 4 – Feuerstelle.

1

2

Рис. 13. Каменка-Анчекрак. 1 – план усадьбы на раскопе II (а – завалы стен, прослеженные в траншеях, б – вымостка). 2 – реконструкция помещений VIII (вверху) и I (внизу).
 Kamenska-Ančekrak. 1 – Gebäude in Grabungsfläche II (a – gefallene Wände in Suchgräben, b – Fussboden); 2 – Rekonstruktion des Gebäuden VIII (oben) und I (unten).

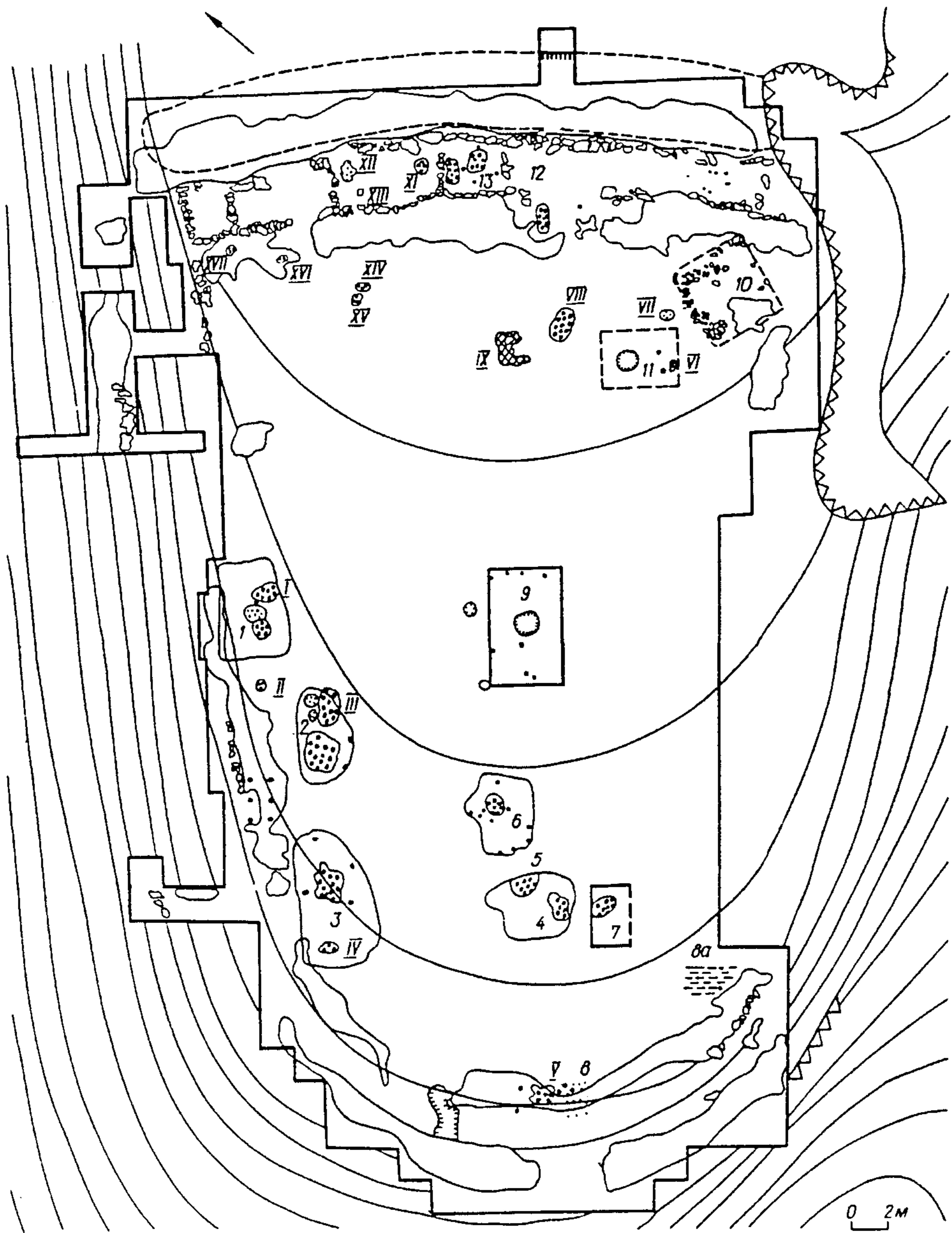
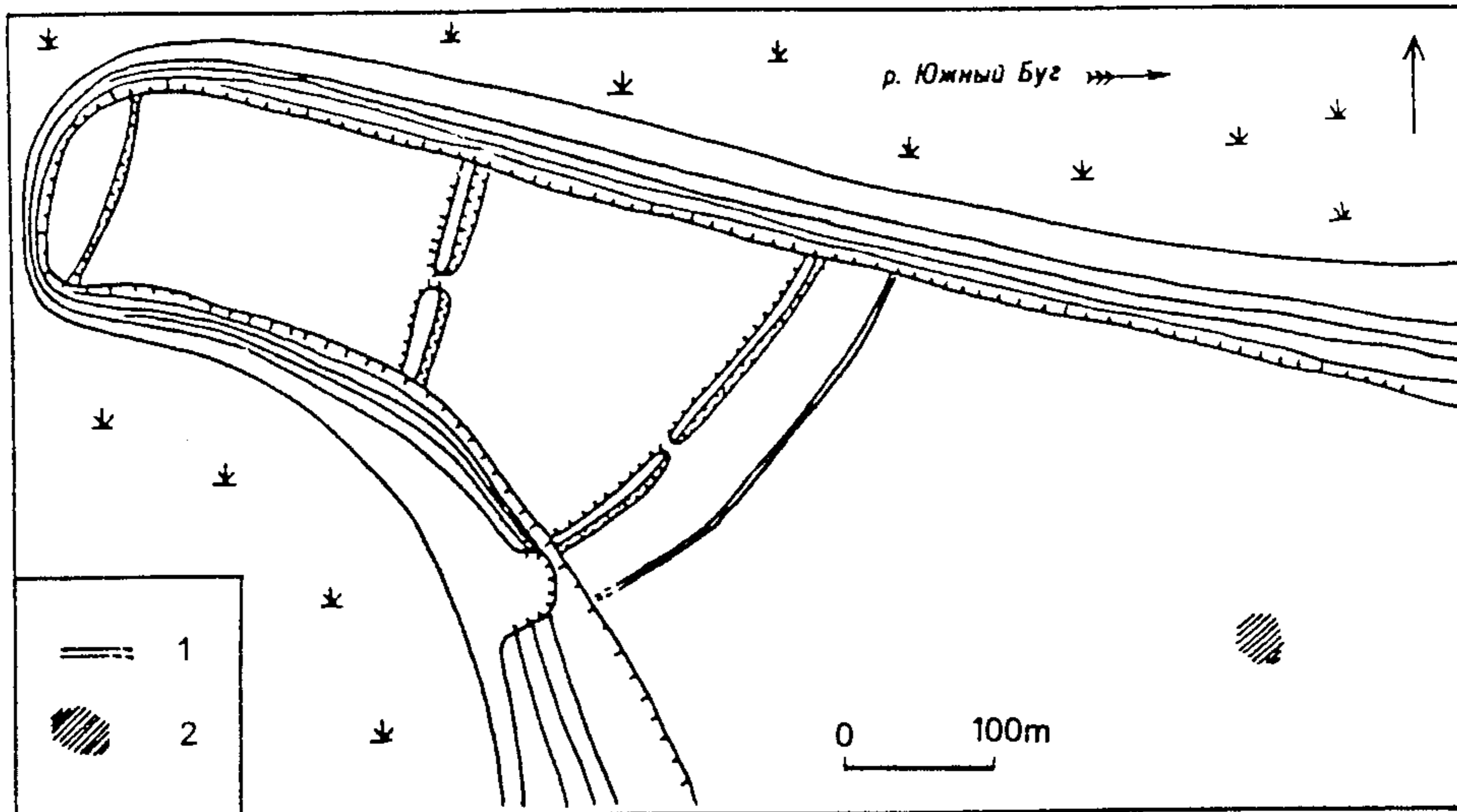

Рис. 14. План раскопа на городище Башмачка.
Grabungsplan des Burgwalles von Bašmačka.

I

II

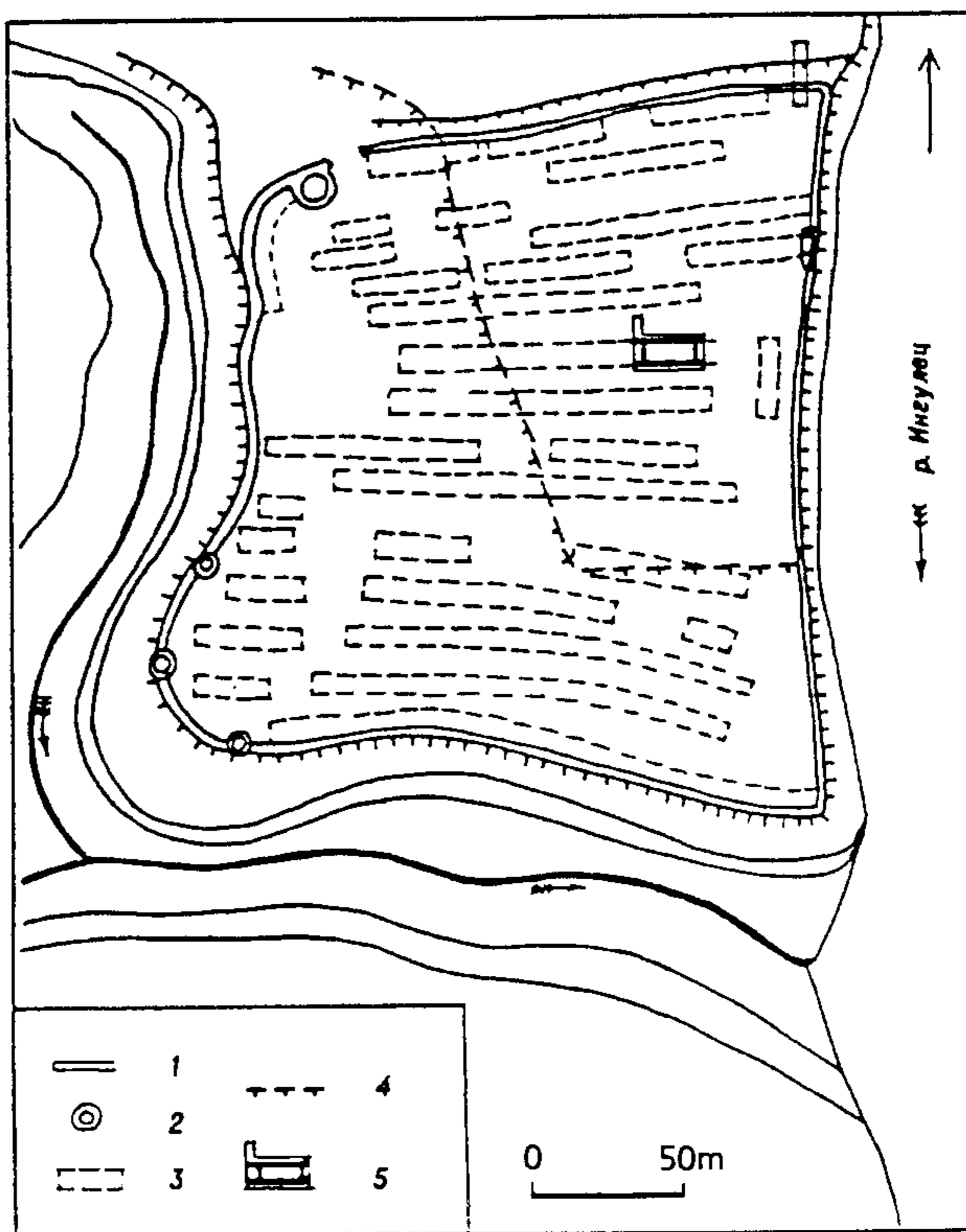

Рис. 15. I – план городища Городок (1 – фундамент оборонительной стены, 2 – могильник). II – план городища Александровка (1 – оборонительные стены, 2 – башни, 3 – следы каменных зданий, 4 – граница сохранившейся части городища, 5 – раскопы).

Plan des Burgwalles Gorodok. (1 – Fundament des Walles, 2 – Gräberfeld). II. Aleksandrovka (1 – Wehranlagen, 2 – Türme, 3 – Spuren der Steingebäude, 4 – Grenze des erhaltenen Teiles des Burgwalles, 5 – Grabungsflächen).

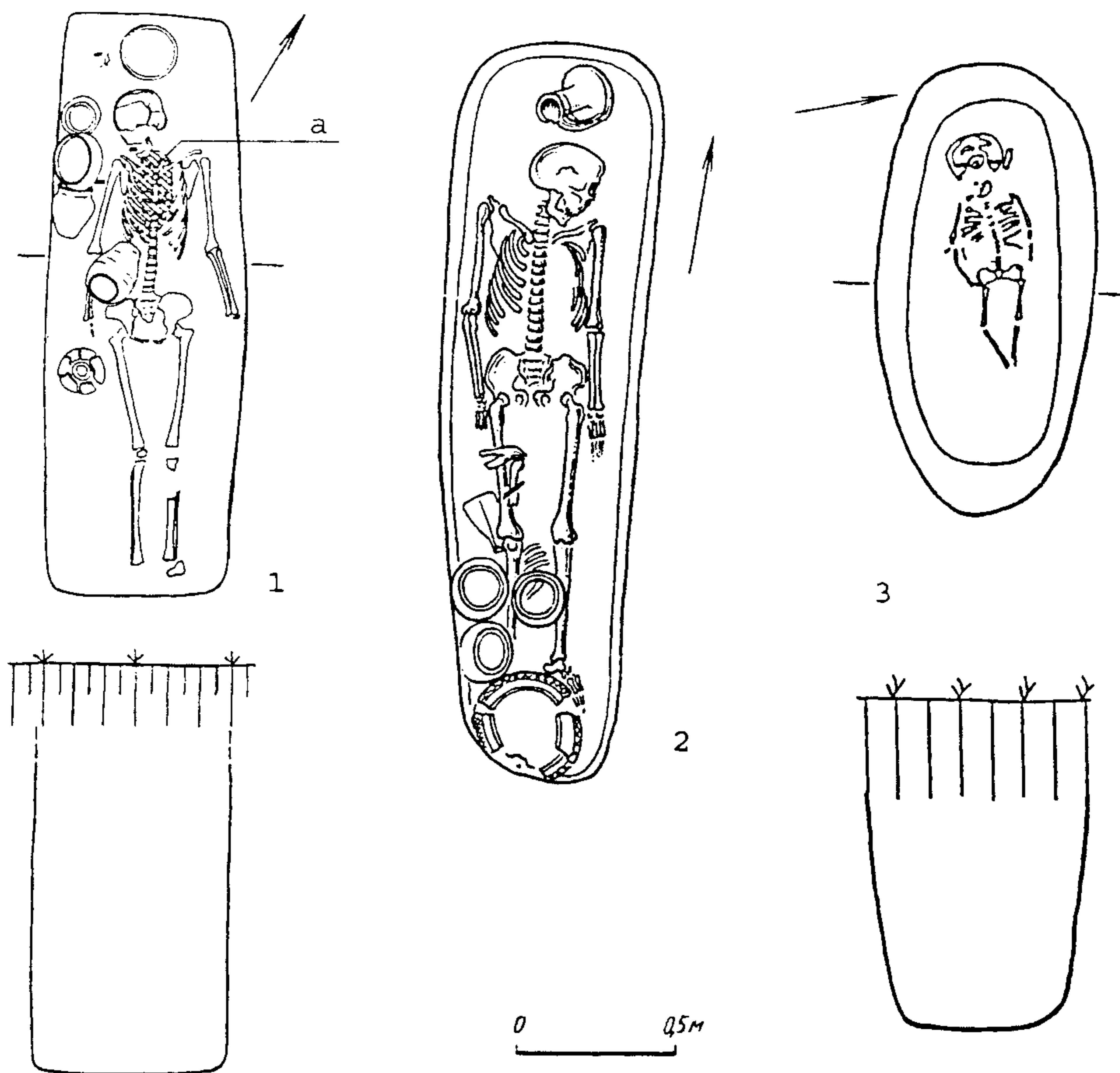

Рис. 17. 1 – Каменка-Анчекрак, погр. 26 (1а – подмазка дна зеленой глиной); 2 – Черняхов, погр. 275;
 3 – Курники, погр. 7.
 1 – Kamenka-Ančekrak, Grab 26 (1a – grüne Lehmschicht), 2 – Čerjnachov, Grab 275. 3 – Kurniki, Grab 7.

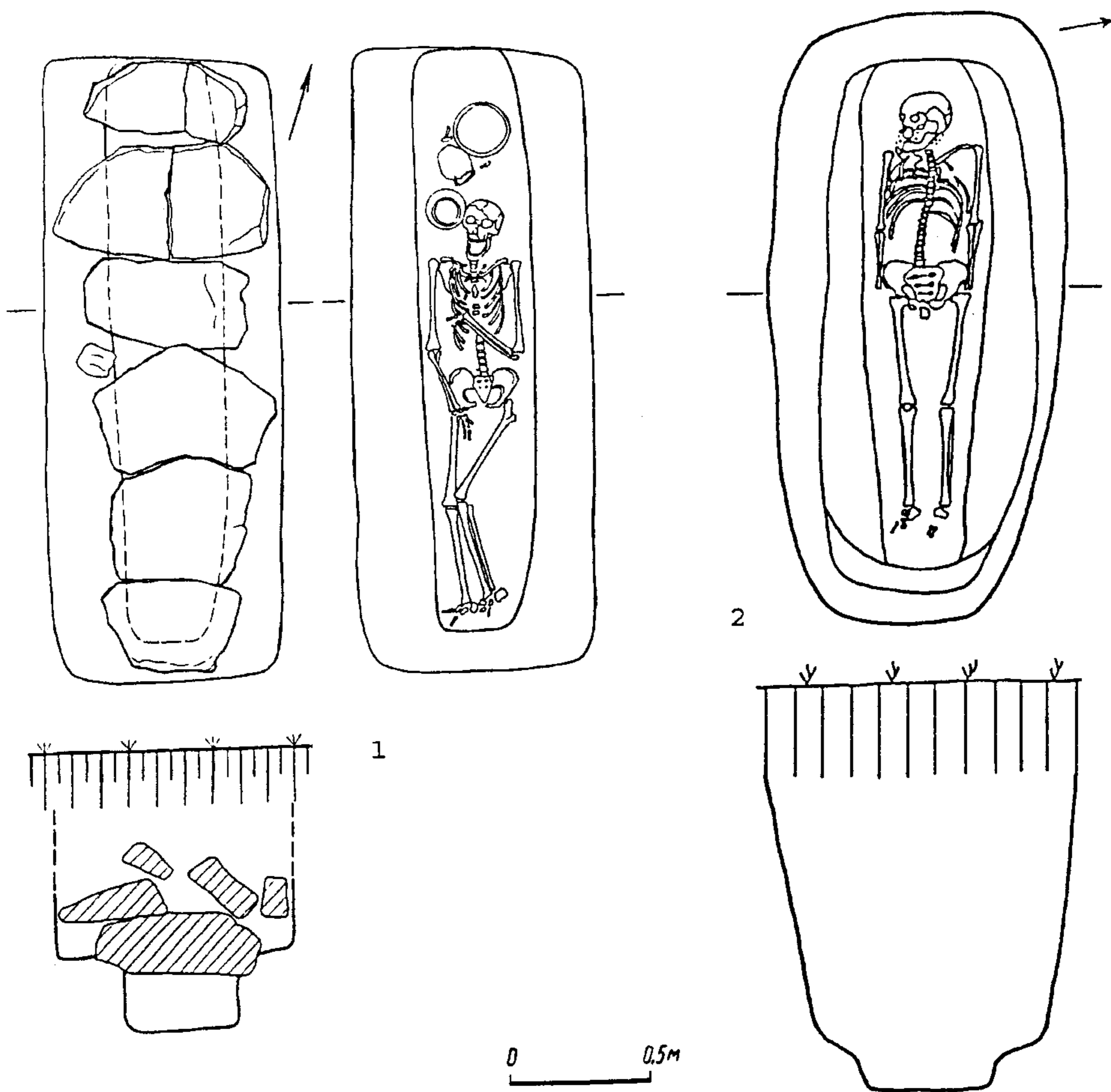
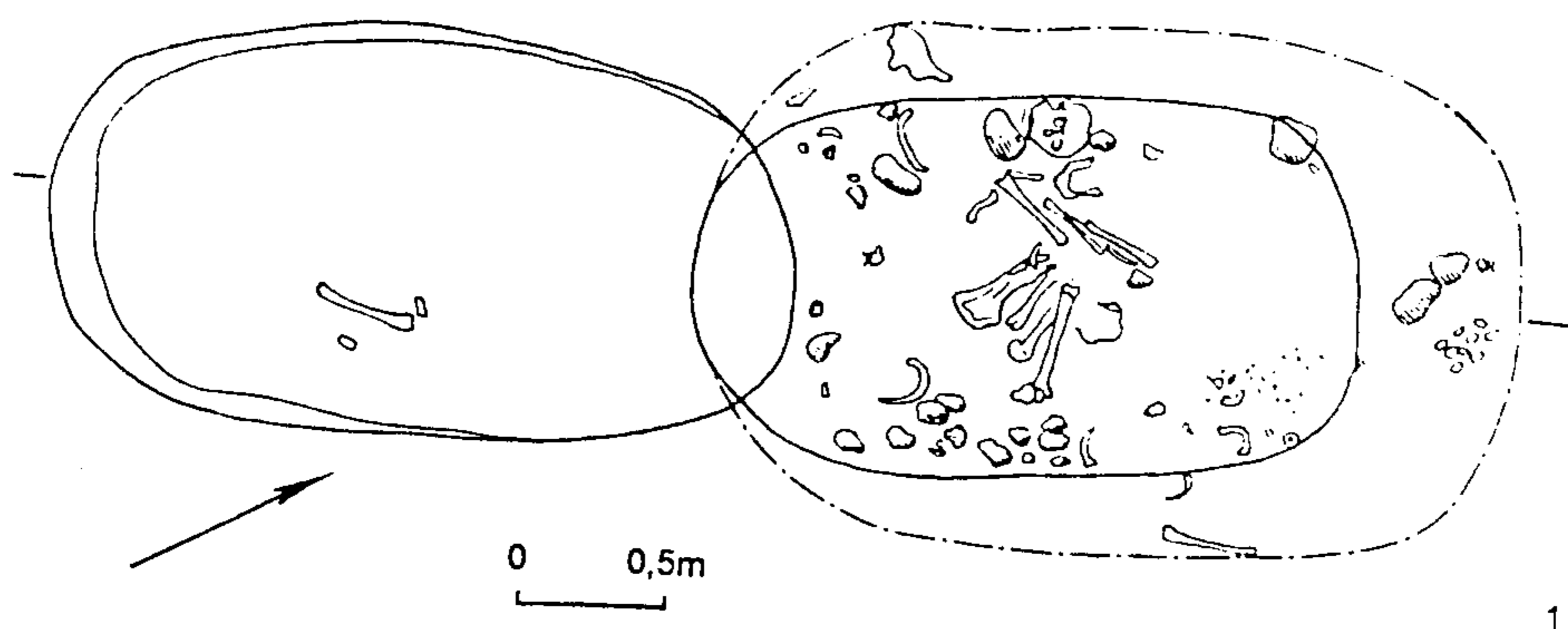
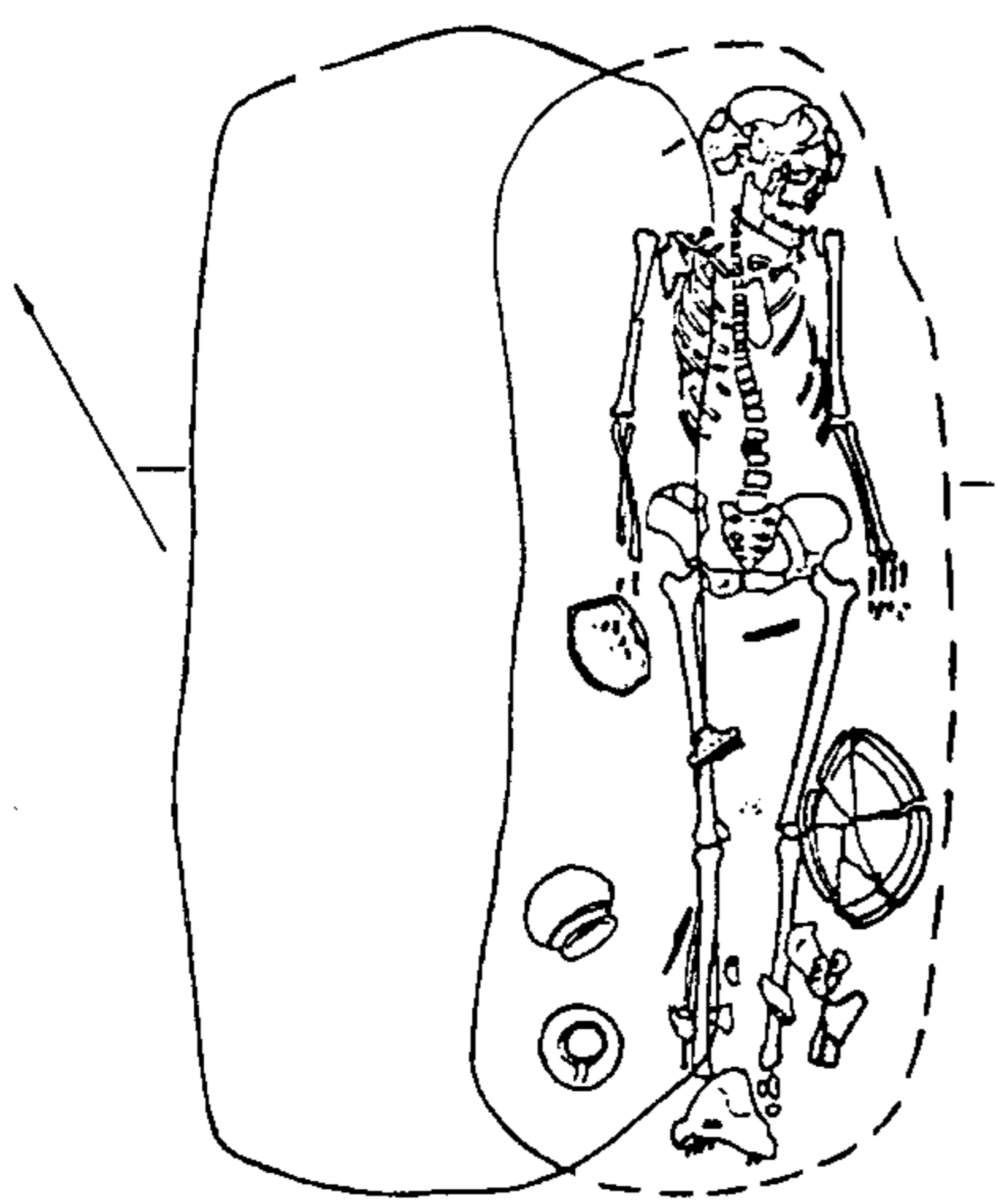
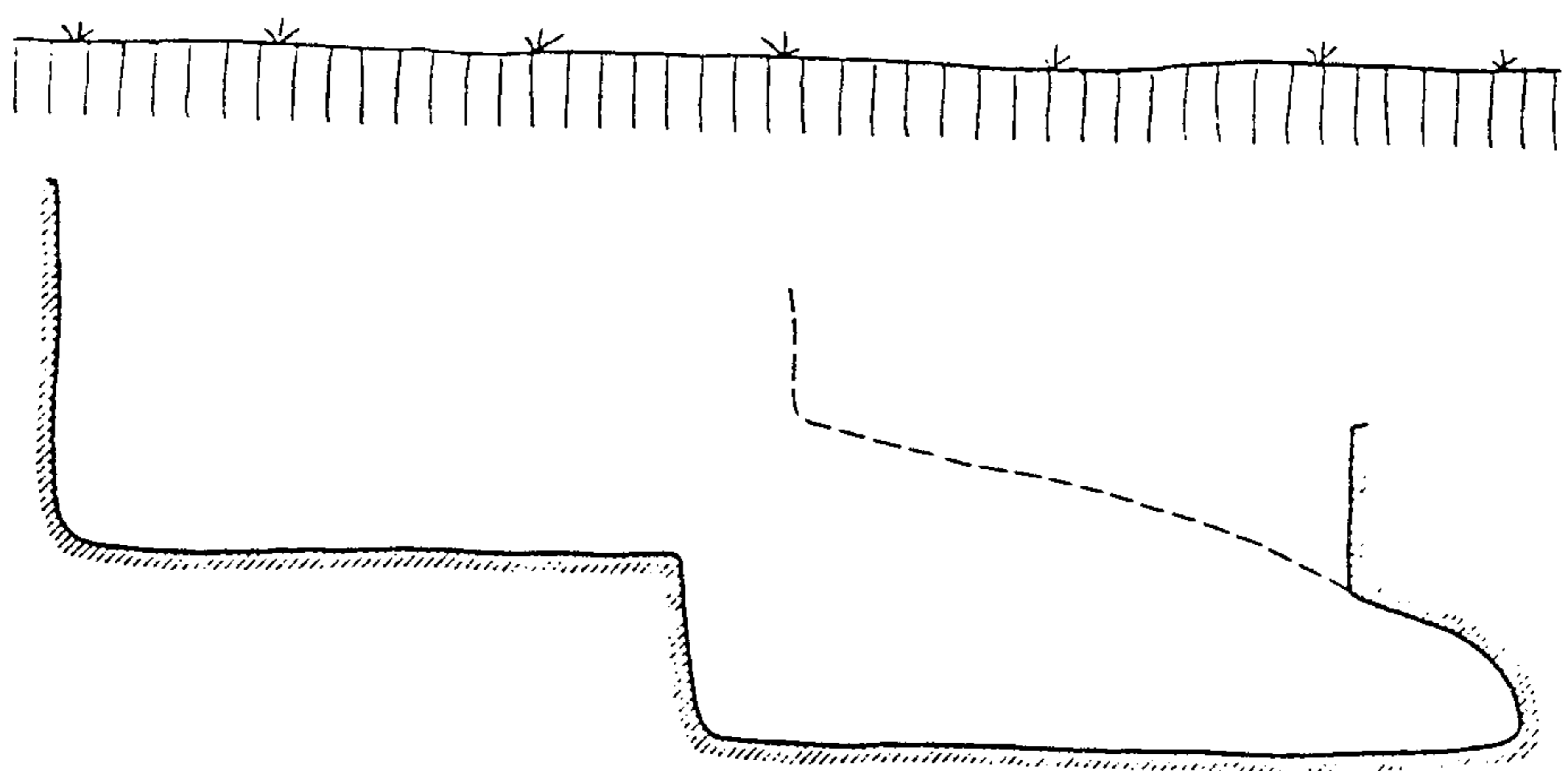

Рис. 18. 1 – Каменка-Анчекрак, погр. 13; 2 – Курники, погр. 6.
 1 – Каменка-Анчекрак, Grab 13; 2 – Курники, Grab 6.

1

0 0,5m

2

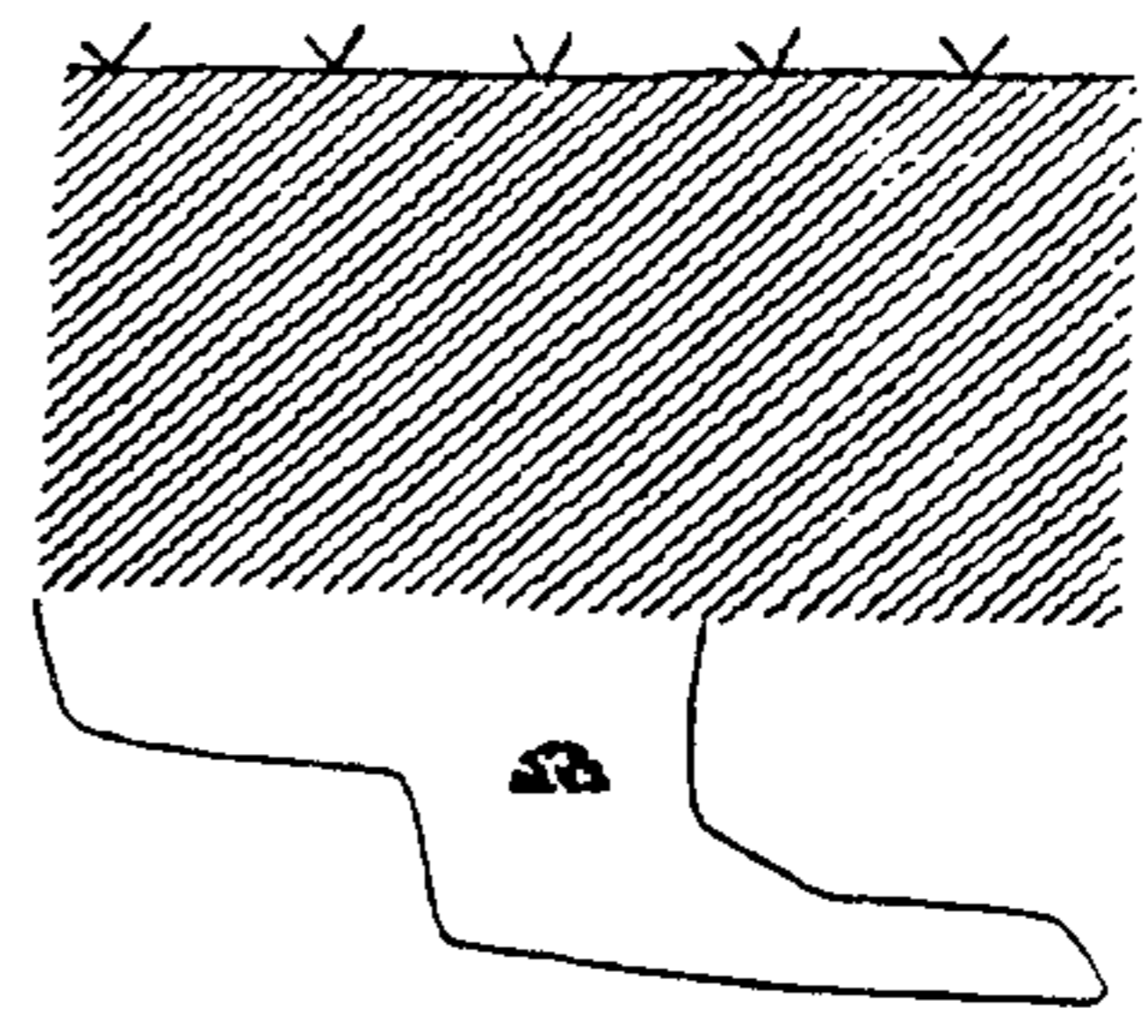

Рис. 19. 1 – Фурмановка, погр. 22; 2 – Каборга, погр. 12.
1 – Furmanovka, Grab 22; 2 – Kaborga, Grab 12.

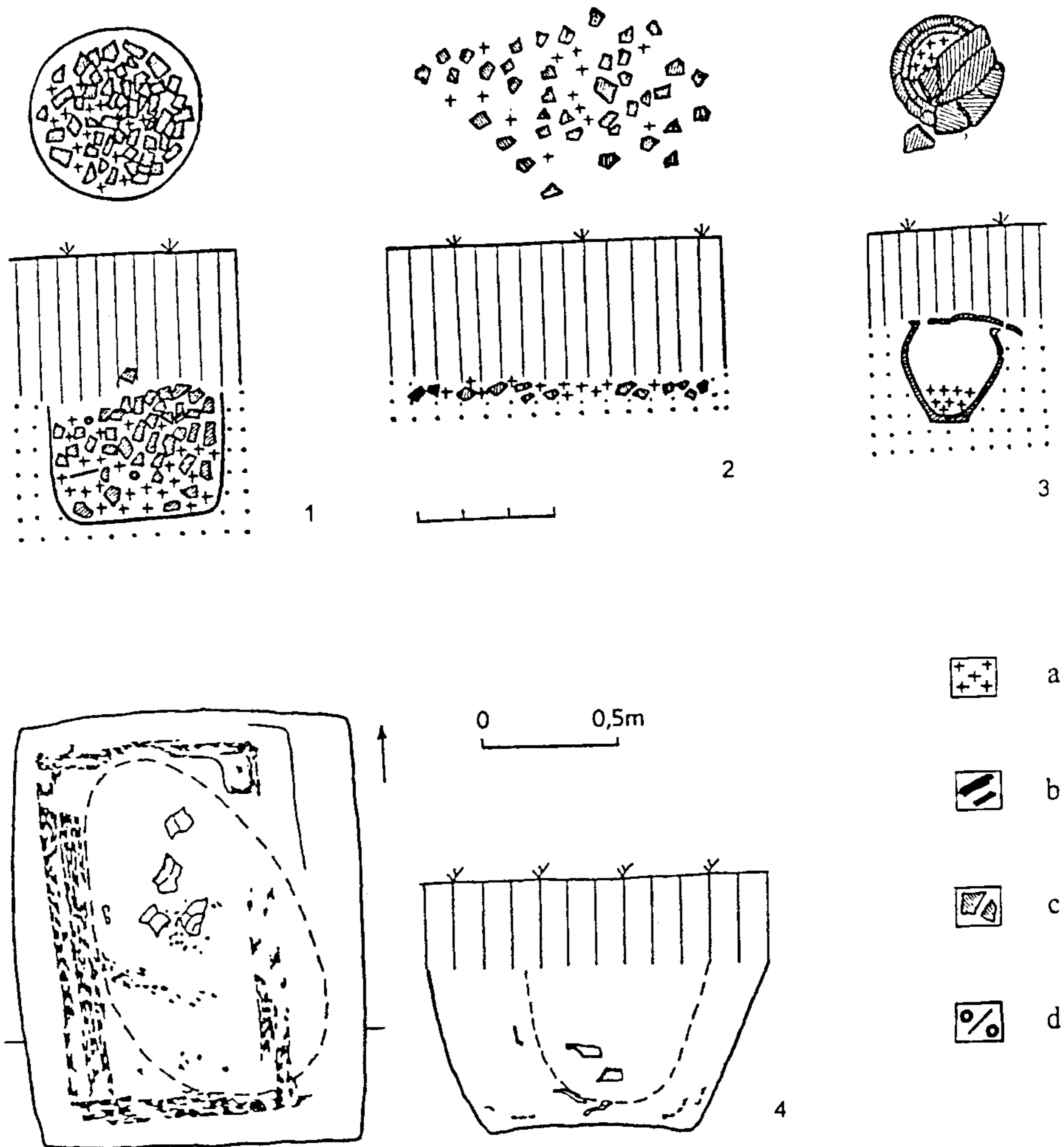

Рис. 20. Кремации (1-3) и жертвенная яма (4). 1 – Городок, погр. 5; 2 – Косаново, погр. 59; 3 – Городок, погр. 8; 4 – Курники, яма 2. а – кальцинированные кости; б – угли; с – керамика; д – прочий инвентарь.
 Brandgräber (1-3) und Opfergrube (4). 1 – Gorodok, Grab 5; 2 – Kosanovo, Grab 59; 3 – Gorodok, Grab 8; 4 – Kurniki, Grube 2.
 а – Leichenbrand; б – Holzkohle; с – Keramik; д – sonstige Beigaben.

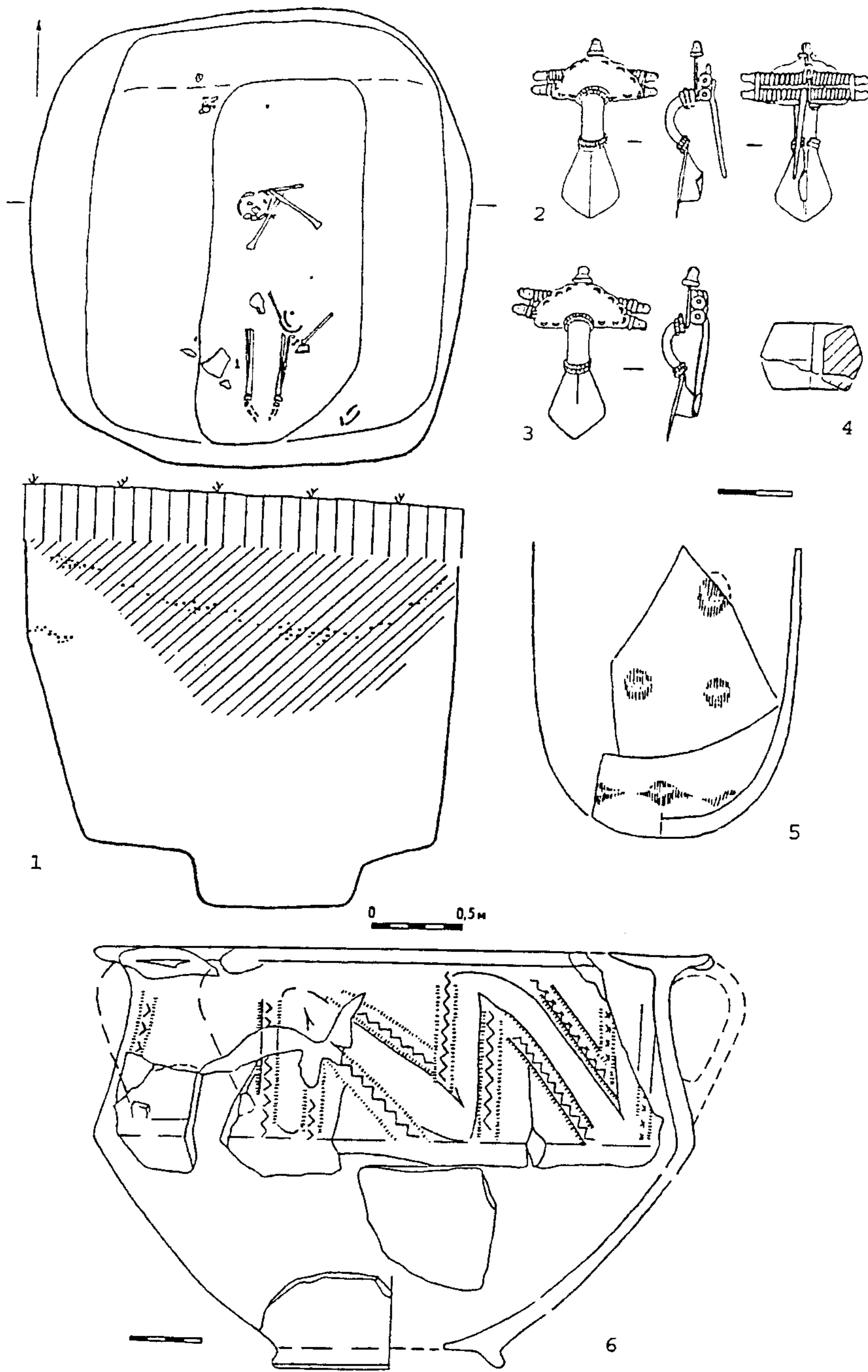

Рис. 21. Курники, погр. 4. 2-3 – серебро; 4, 6 – керамика; 5 – стекло.
 Kurniki, Grab 4; 2-3 – Silber, 4, 6 – Ton; 5 – Glas.

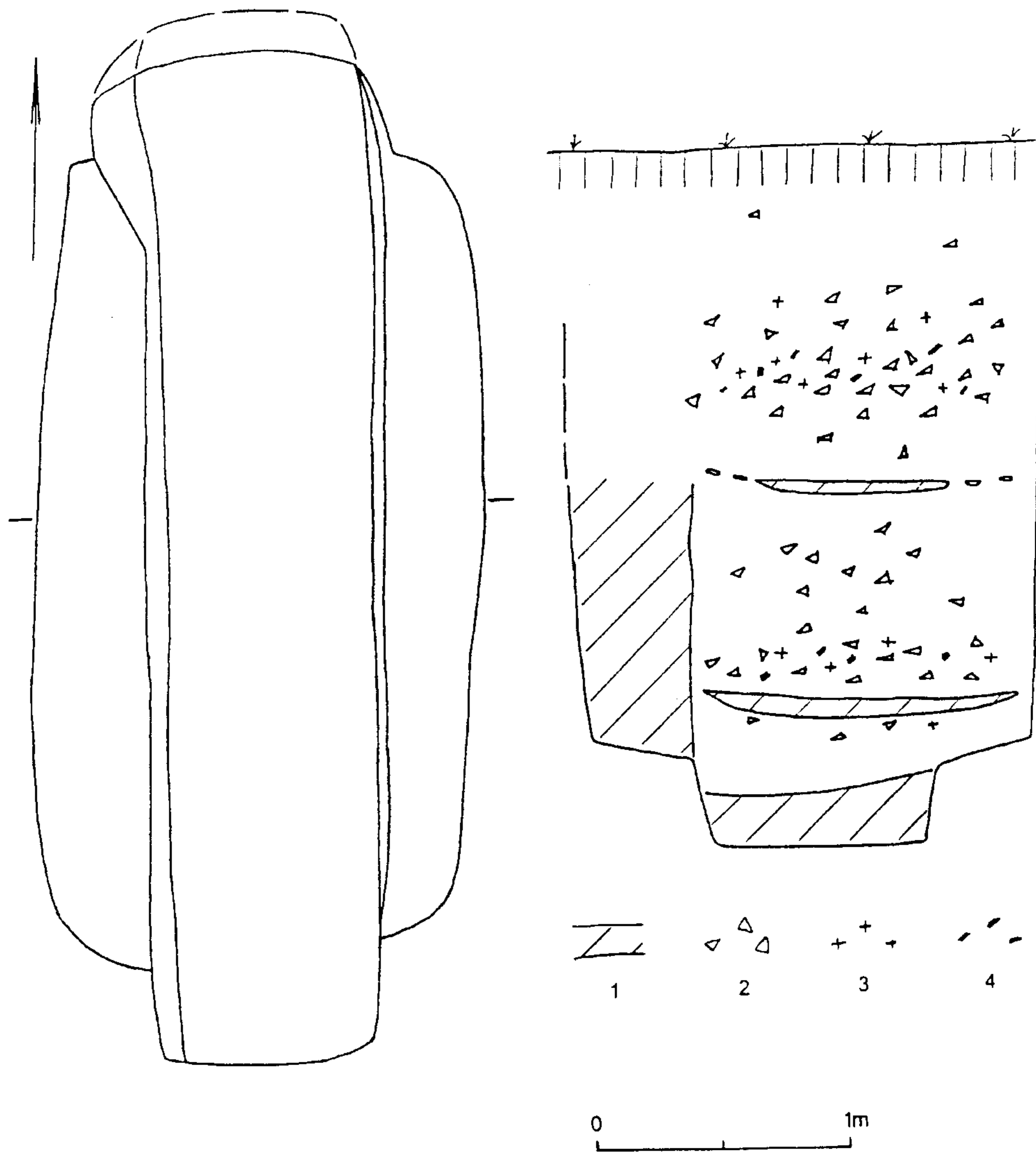

Рис. 22. Петриковцы, погр. 47. 1 – лессовое заполнение; 2 – керамика; 3 – кальцинированные кости; 4 – угли.
 Petrikivtsy, Grab 47. 1 – Sandfüllung; 2 – Ton; 3 – Leichenbrand; 4 – Holzkohle.

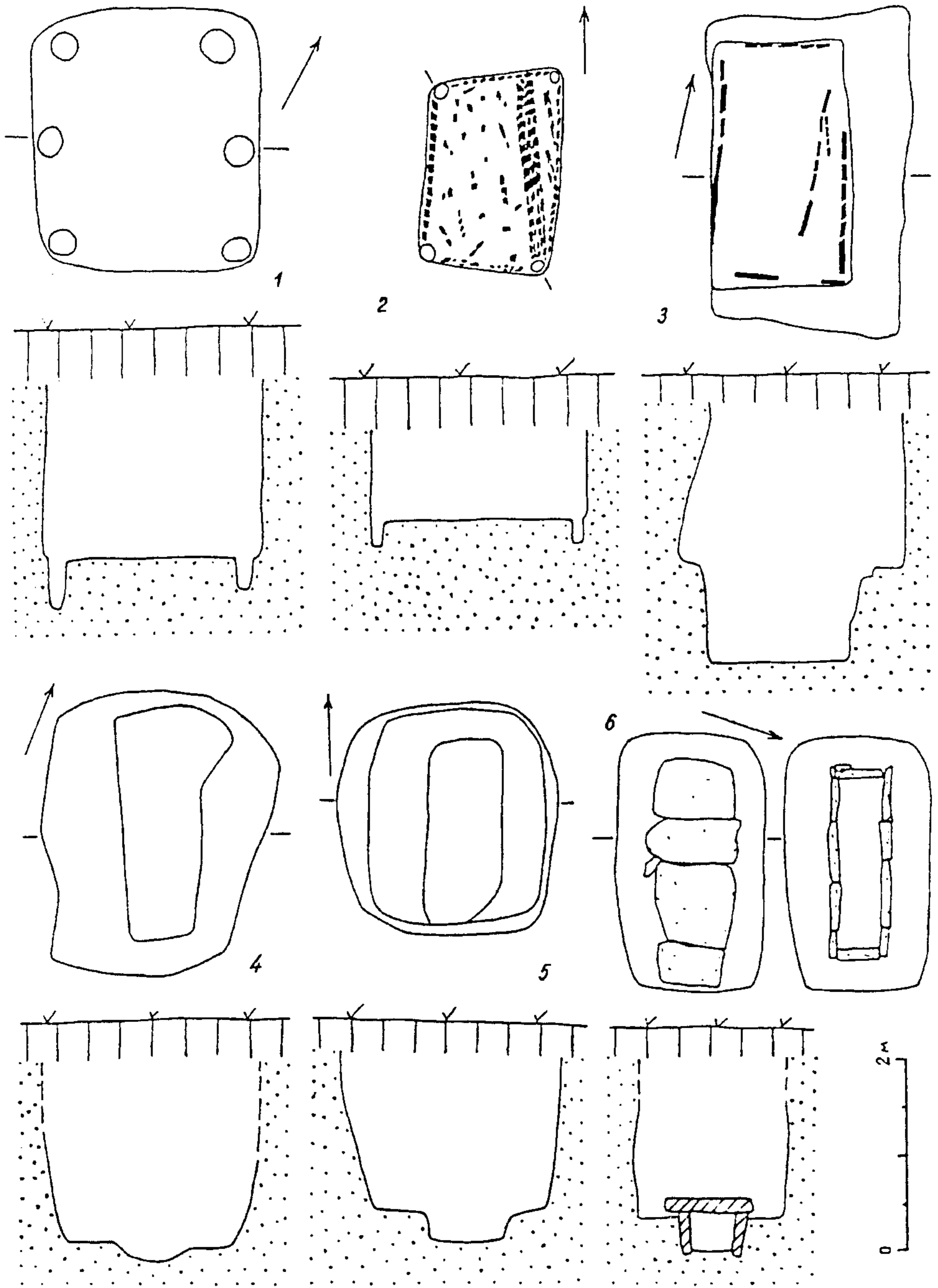

Рис. 23. Планы погребальных сооружений. Данчены погр: 224 (1), 169 (2); 3 – Гавриловка, погр. 5; 4 – Оселивка, погр. 58, 5 – Курники, погр. 4, 6 – Каменка-Анчекрак, погр. 10.
 Grabpläne: Dančeny Grab 224 (1), 169 (2); 3 – Gavrilovka Grab 5; 4 – Oselivka Grab 58; 5 – Kurniki Grab 4; 6 – Kamenka-Ančekrak Grab 10.

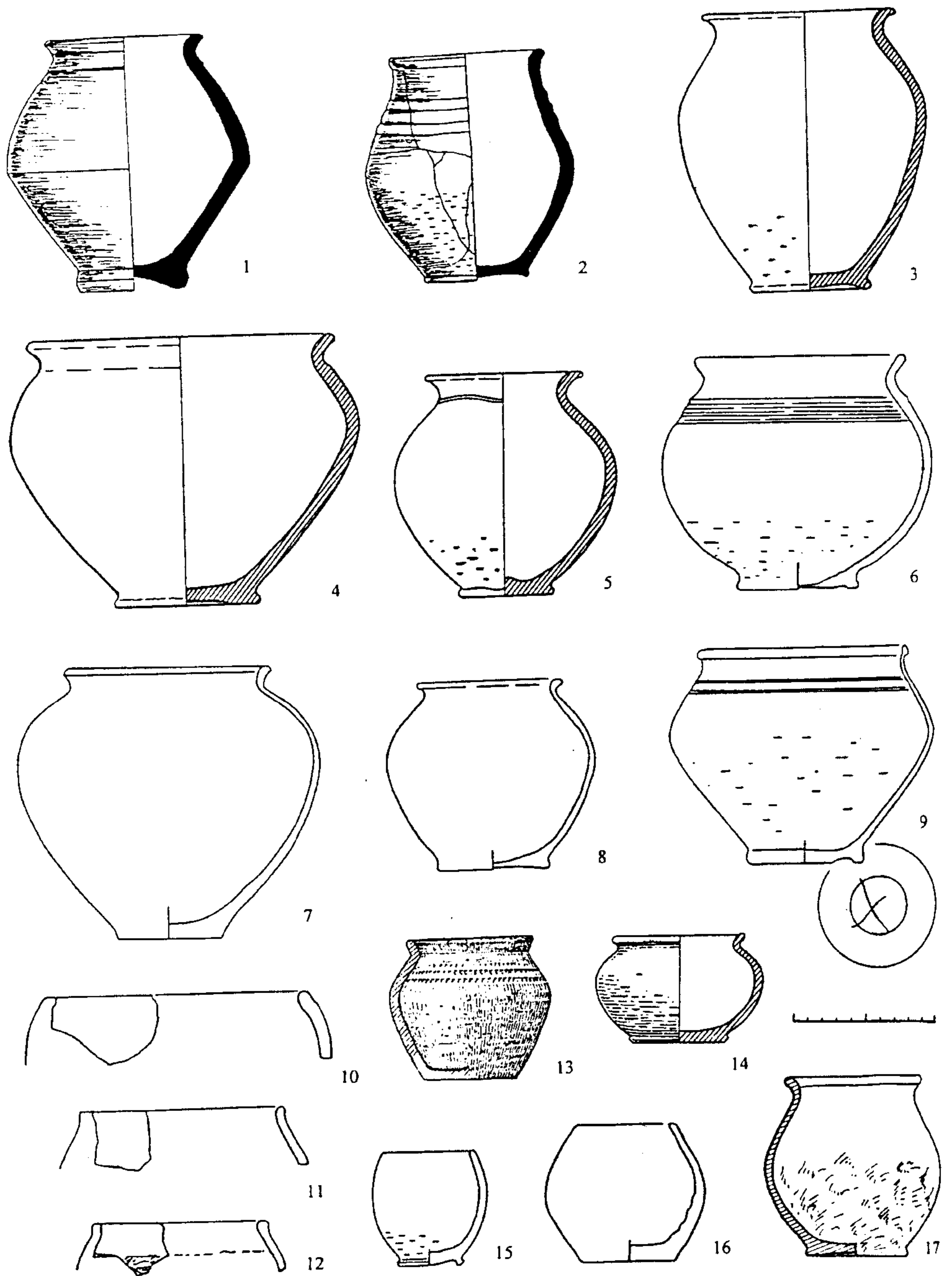

Рис. 24. Горшки гончарные. 1-2 – Романово Село; 3-5 – Черняхов; 6, 8-9 – Курники; 7 – Гребинки;
 10-12 – Шершни; 13 – Търșор; 14; 15 – Жовнин; 16 – Лецкань; 17 – Могошань.
 Scheibengedrehte Töpfe: 1-2 – Romanovo Selo; 3-5 – Černjachov; 6, 8-9 – Kurniki; 7 – Grebniki; 10-12 – Seršni; 13 – Tîrșor;
 14-15 – Žovnin; 16 – Lețcani; 17 – Mogoșani.

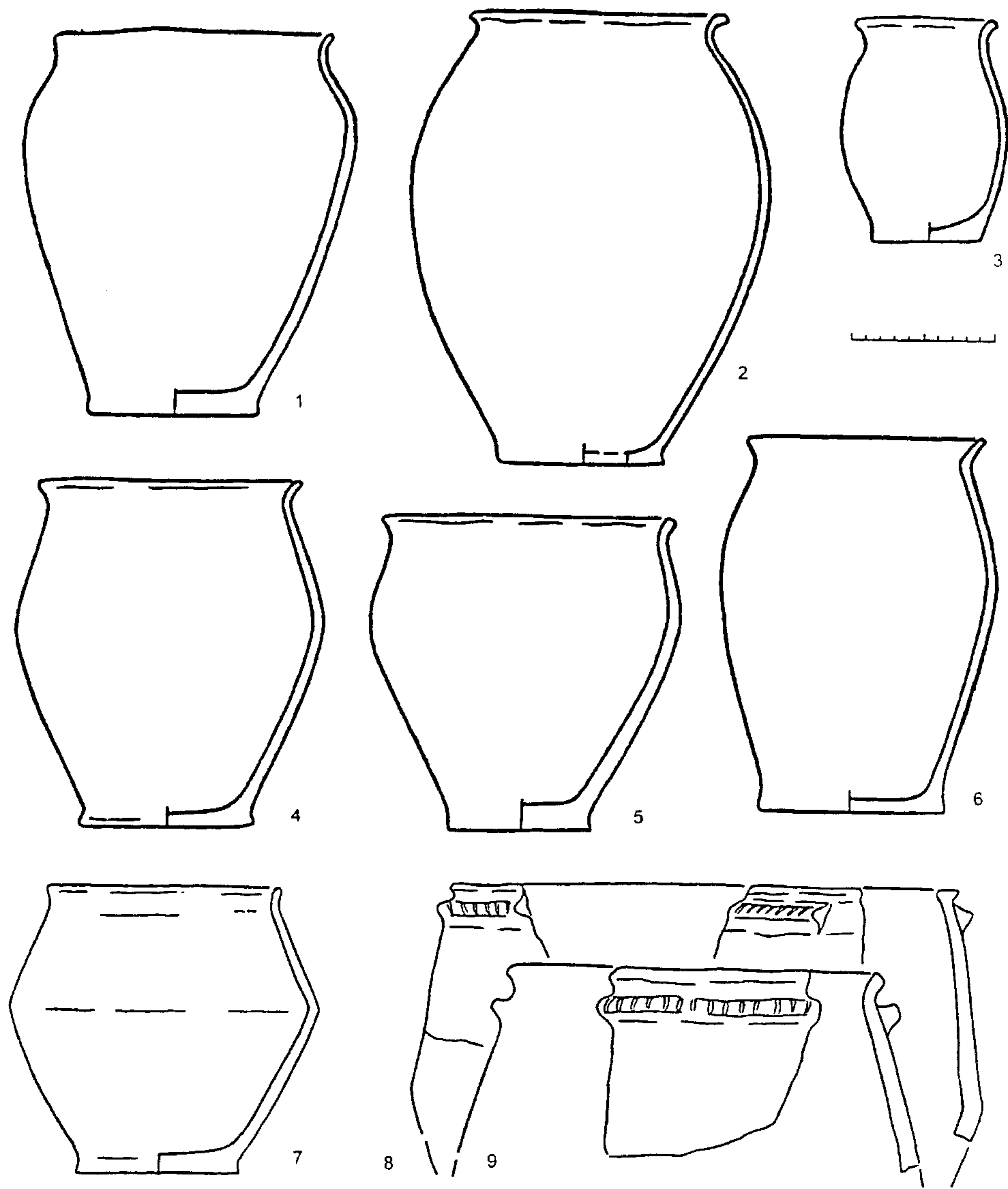

Рис. 25. Горшки лепные. Типы по В.Д. Барану: тип I – 1; тип II – 2, 6; тип III – 4; тип IV – 5; тип V – 3; тип VI – 7-9.
 1-2, 4 – Бовшив; 3, 6 – Черепин; 5 – Теремцы; 7-9 – Хлопков.
 Handgemachte Töpfe von Typen nach V. D. Baran; Typ I (1), II (2, 6), III (4), IV (5), V (3), VI (7-9). 1-2, 4 – Bovšiv; 3, 6 – Čerpin;
 5 – Teremcy; 7-9 – Chlopkov.

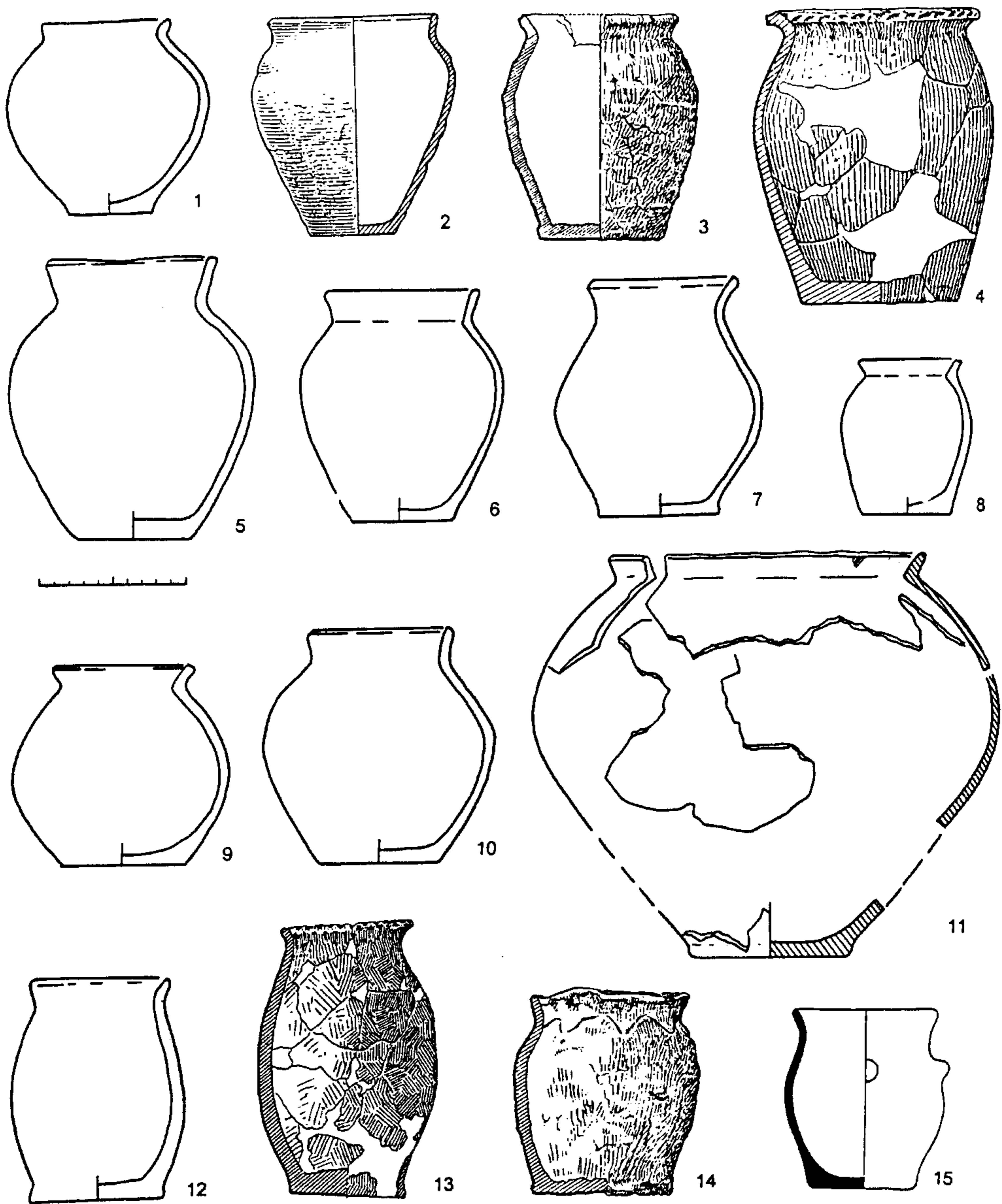

Рис. 26. Горшки лепные. Типы по Б.В. Магомедову: тип I – 1-4; тип II – 5-8; тип III – 9-10; тип IV – 12. 1, 6-9, 11 – Каменка-Анчекрак; 2 – Косанов; 3, 14 – Спанцов; 4 – Тыргшор; 5, 10 – Большая Корениха; 12 – Приморское; 13 – Изворул; 15 – Заячивка.

Handgemachte Töpfe von Typen nach B. V. Magomedov: Typ I (1-4), II (5-8), III (9-10), IV (12). 1, 6-9, 11 – Kamenka-Ančekrak; 2 – Kosanov; 3, 14 – Spančov; 4 – Tırğşor; 5, 10 – Bol'shaja Korenicha; 12 – Primorskoe; 13 – Izvorul; 15 – Zajačivka.

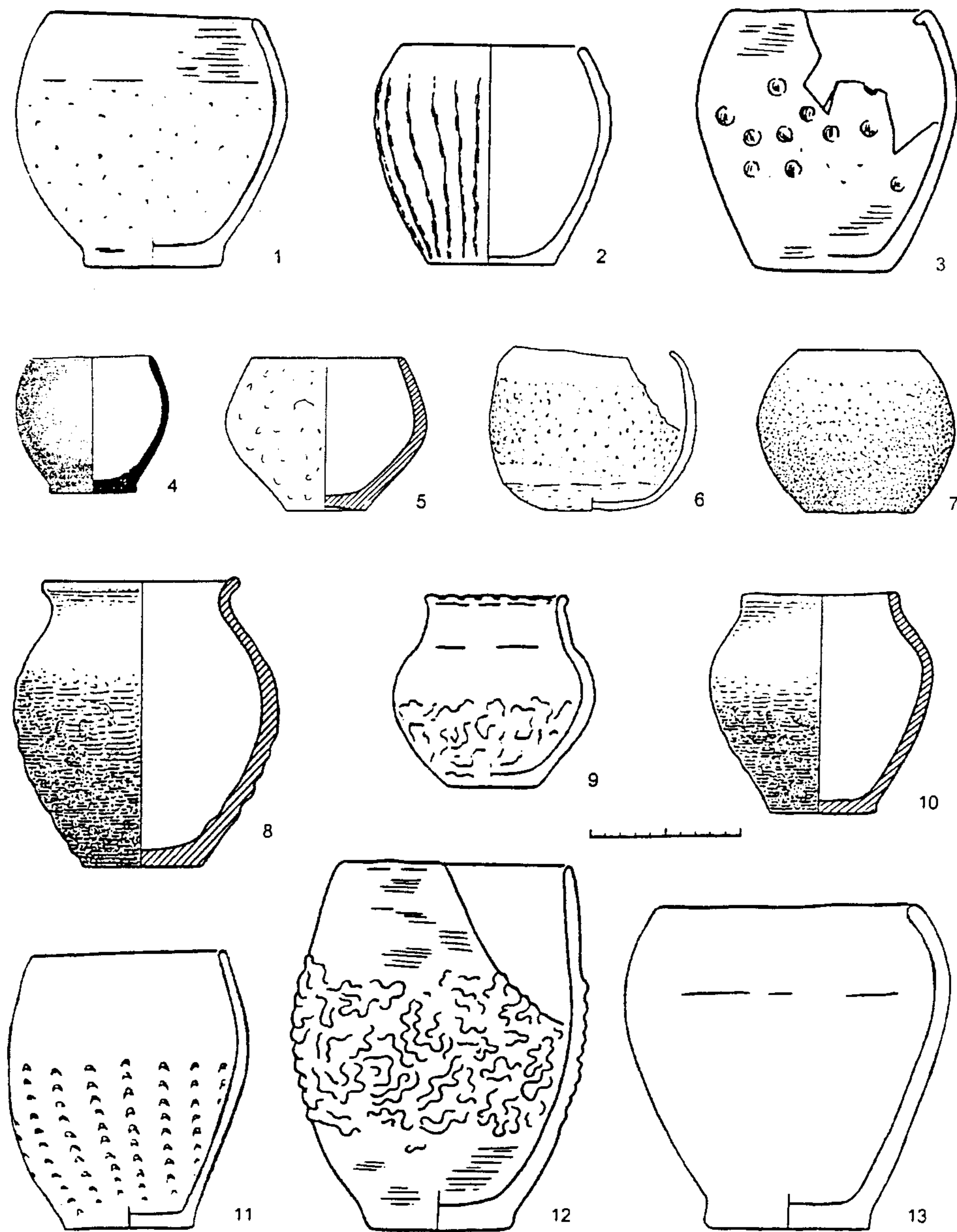

Рис. 27. Лепные горшки вельбарских типов. 1, 9, 11, 13 – Компанийцы; 2 – Чубовка; 3, 12 – Билопилля; 4 – Данчены;
 5 – Черняхов; 6 – Великая Снетинка; 7 – Заячівка; 8, 10 – Косанов.
 Handgemachte Töpfe vom Wielbark-Typ: 1, 9, 11, 13 – Kompanijcy; 2 – Čubovka; 3, 12 – Bilopillja; 4 – Dančeny; 5 – Černjachov;
 6 - Velikaja Snetinka; 7 – Zajačivka; 8, 10 – Kosanovo.

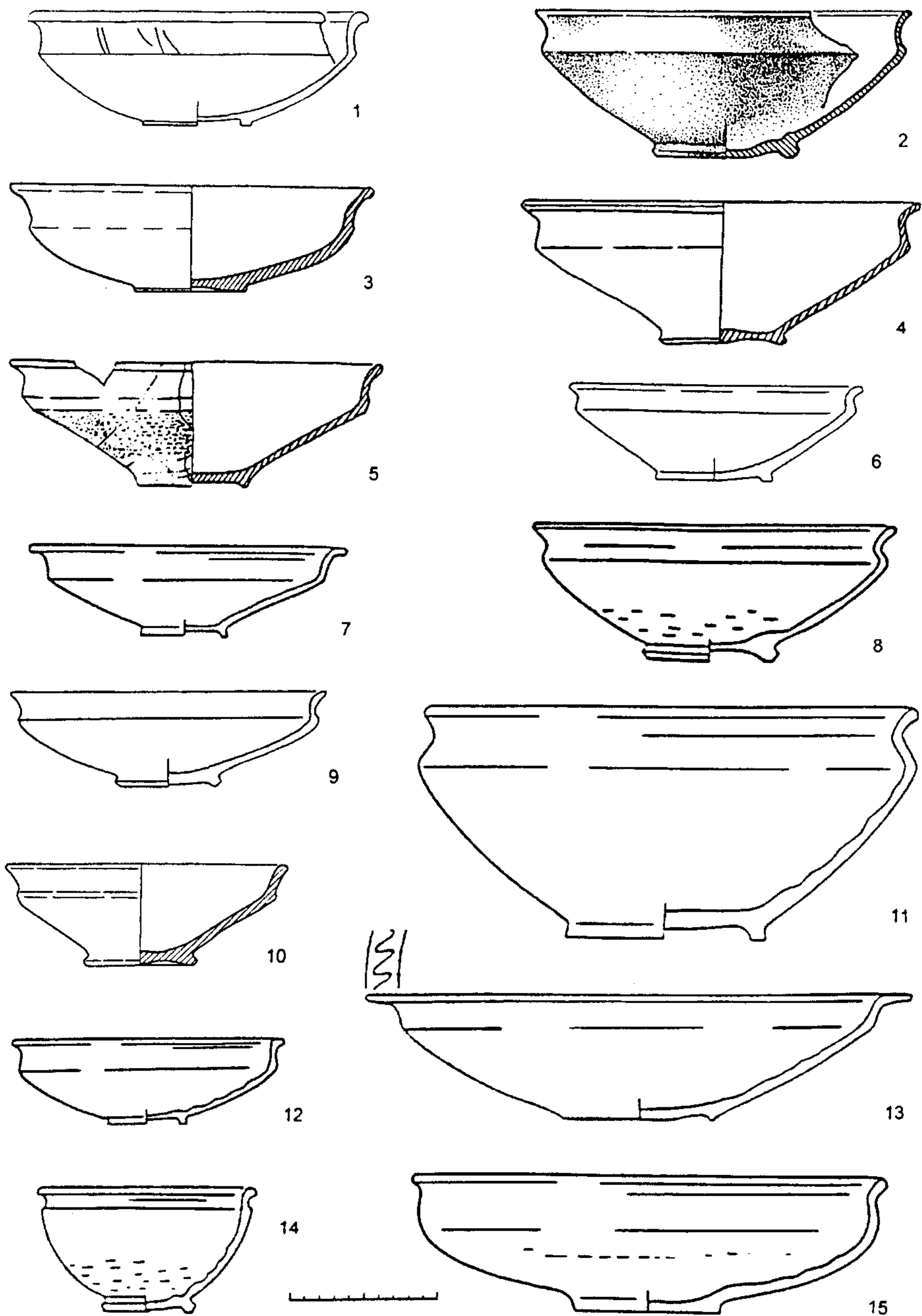

Рис. 28. Миски гончарные открытой формы (8, 14 – изготовлены из „кухонного” теста). 1 – Великая Снитинка; 2-3 – Черняхов; 4-5 – Родной Край; 6, 9 – Курники; 7, 12 – Переяслав; 8 – Сумы-Сад; 10 – Беленькое; 11, 15 – Жовнин; 13 – Компанийцы; 14 – Успенка.
 Scheibengedrehte Schüsseln (8, 14 – grobe Keramik). 1 – Velika Snitinka; 2-3 – Černjachov; 4-5 – Rodnoj Kraj; 6, 9 – Kurniki; 7, 12 – Perejaslav; 8 – Sumy-Sad; 10 – Belen'koe; 11, 15 – Žovnin; 13 – Kompanijcy; 14 – Uspenka.

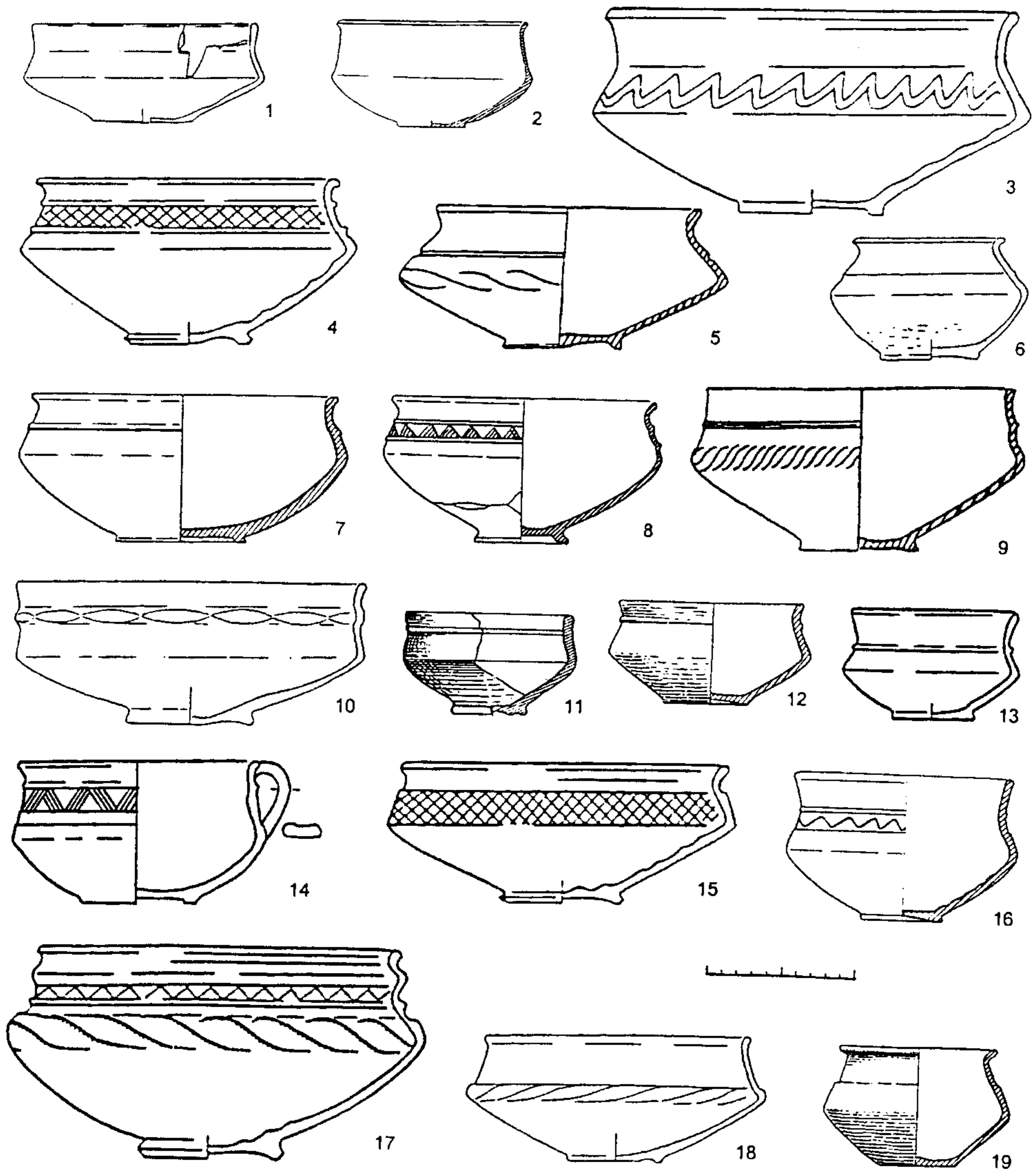

Рис. 29. Миски гончарные закрытой формы. 1-3 – тип 1; 4-9 – тип 2а; 10-13 – тип 2б; 14-19 – тип 3. 1 – Луговое; 2 – Гребенки; 3 – Жовнин; 4 – Боромля; 5, 9 – Родной Край; 6, 10, 18 – Курники; 7-8, 16 – Ромашки; 11 – Иванковцы; 12, 19 – Косанов; 13 – Соснова; 14 – Кobleво; 15 – Успенка; 17 – Сумы-Сад.
 Scheibengedrehte, engmündige Schüsseln: 1-3 – Typ 1; 4-9 – Typ 2a; 10-13 – Typ 2b; 14-19 – Typ 3. 1 – Lugovoe; 2 – Grebenki; 3 – Žovnin; 4 – Boromlja; 5, 9 – Rodnoj Kraj; 6, 10, 18 – Kurniki; 7-8, 16 – Romaški; 11 – Ivankovcy; 12, 19 – Kosanov; 13 – Sosnova; 14 – Koblevo; 15 – Uspenka; 17 – Sumy-Sad.

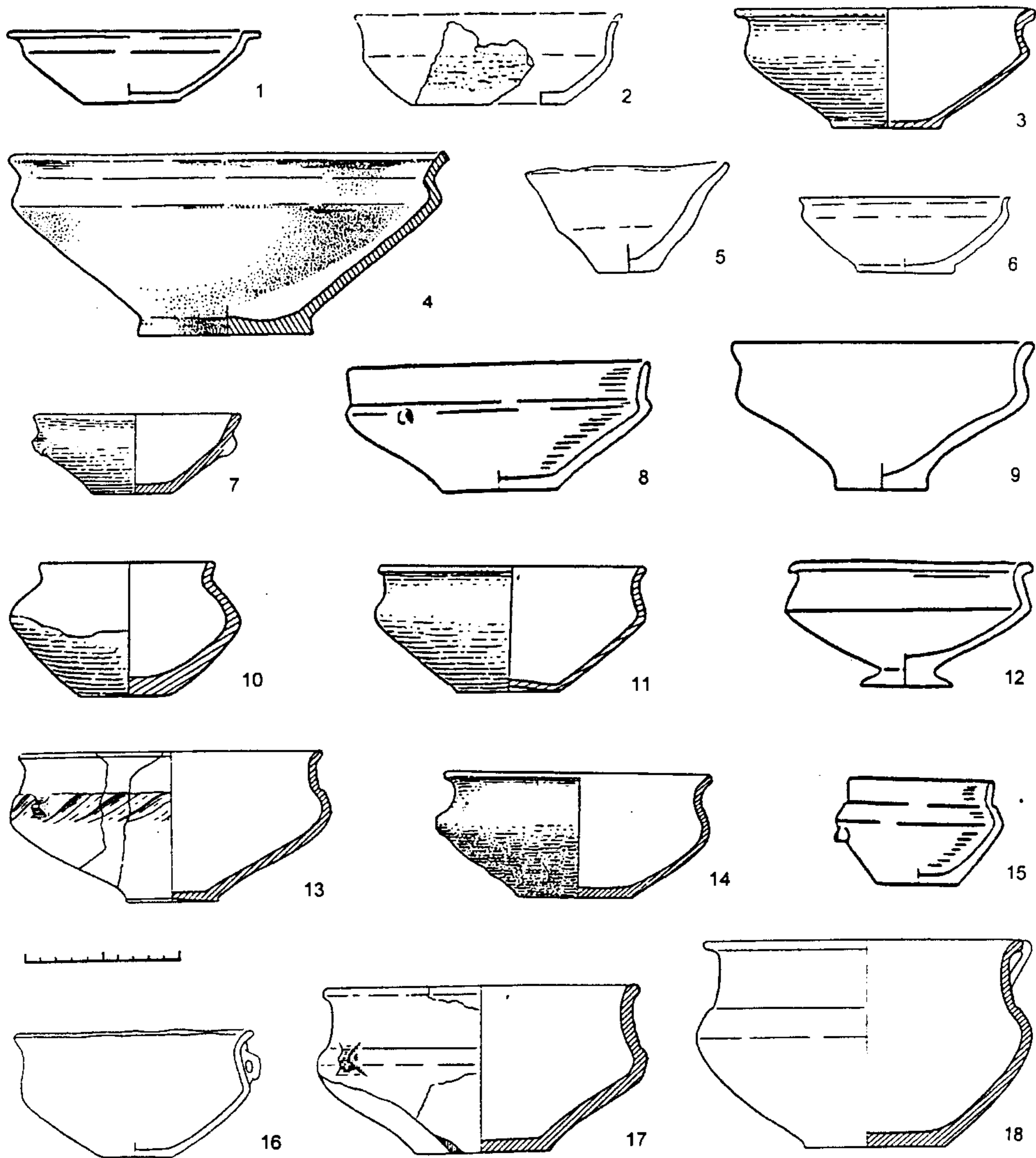

Рис. 30. Миски лепные. 1, 8, 12, 15 – Компанийцы; 2, 5 – Великая Снитинка; 3, 7, 10-11, 14 – Косанов; 4, 9 – Каменка-Анчекрак; 6 – Курники; 13, 17-18 – Ромашки; 16 – Петриковцы.

Handgemachte Schüsseln: 1, 8, 12, 15 – Kompanijcy; 2, 5 – Velika Snitinka; 3, 7, 10-11, 14 – Kosanov; 4, 9 – Kamenka-Ančekrak; 6 – Kurniki; 13, 17-18 – Romaški; 16 – Petrikivcy.

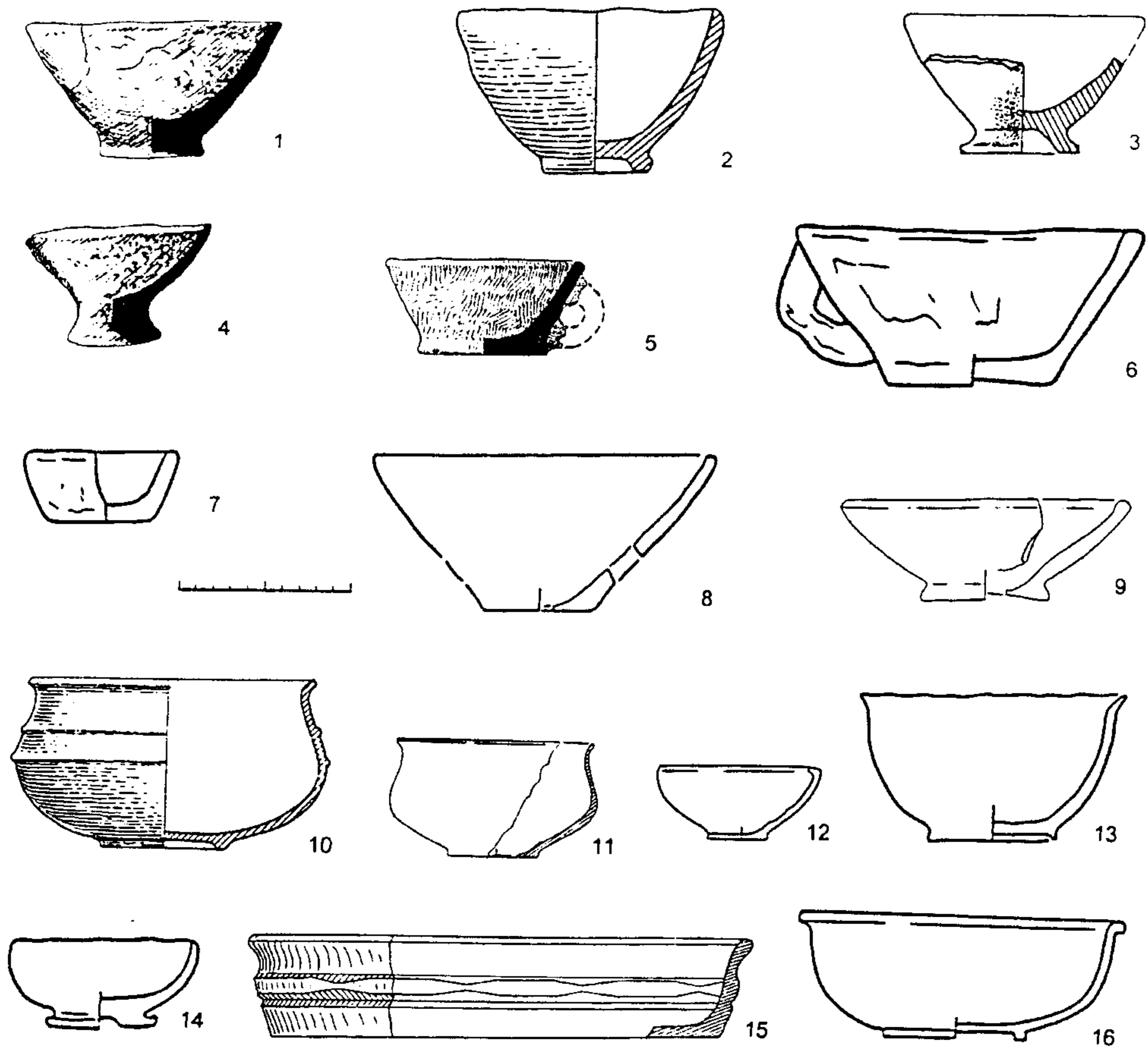

Рис. 31. Миски лепные (1-7, 13-14) и гончарные (8-12, 15-16). 1, 4 – Черепин; 2, 10 – Косанов; 3 – Каменка-Анчекрак; 5 – Спанцов; 6 – Демьянов; 7 – Билопилля; 8 – Каборга; 9 – Козлов; 11 – Гребинки; 12 – Жовнин; 13 – Городок; 14 – Успенка; 15 – Иванковцы; 16 – Переяслав-Хмельницкий.
 Handgemachte (1-7, 13-14) und schiebengedrehte Schüsseln (8-12, 15-16): 1, 4 – Čerepin; 2, 10 – Kosanov; 3 – Kamenka-Ančekrak; 5 – Spantov; 6 – Dem'janov; 7 – Bilopillja; 8 – Kaborga; 9 – Kozlov; 11 – Grebinki; 12 – Zovnin; 13 – Gorodok; 14 – Uspenka; 15 – Ivankovcy; 16 – Perejslav-Chmel'nickij.

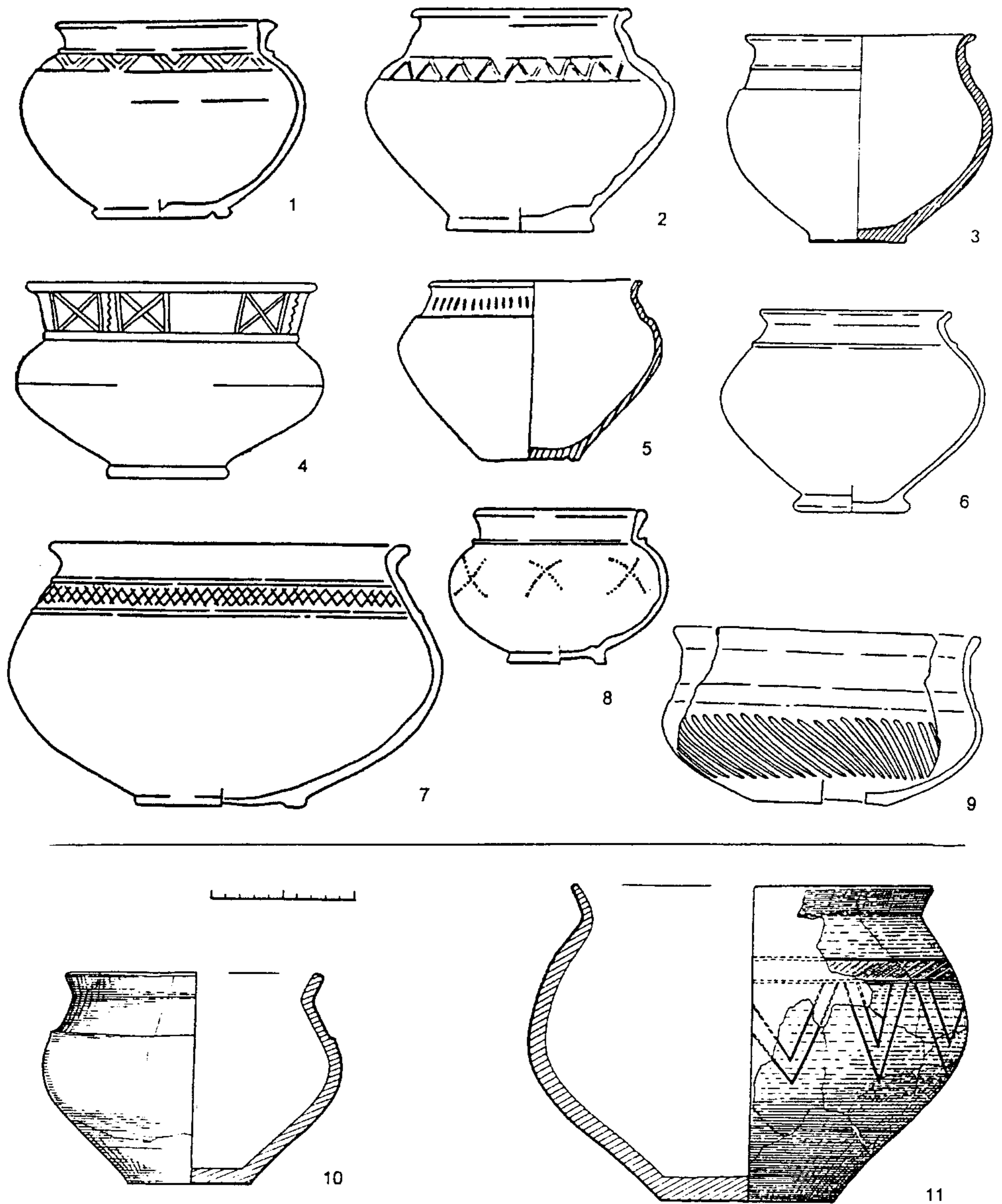

Рис. 32. Вазы черняховской (1-9) и вельбарской (10-11) культур. 1-8 – гончарные; 9-11 – лепные. 1 – Сумы-Сад; 2 – Успенка; 3 – Черняхов; 4 – Заячівка; 5 – Родной Край; 6 – Курники; 7 – Каборга; 8 – Боромля; 9 – Великая Снетинка; 10 – Барды; 11 – Гостково.

Scheibengedrehte (1-8) und handgemachte (9-11) vasenförmige Gefäße der Černjachov- (1-9) und Wielbark-Kultur (10-11): 1-8 – gedrehte; 9-11 – handgemachte. 1 - Sumy-Sad; 2 - Uspenka; 3 - Černjachov; 4 - Zajačivka; 5 - Rodnoj Kraj; 6 - Kurniki; 7 - Kaborga; 8 - Boromlja; 9 - Velikaja Snetinka; 10 - Bardy; 11 - Gostkowo.

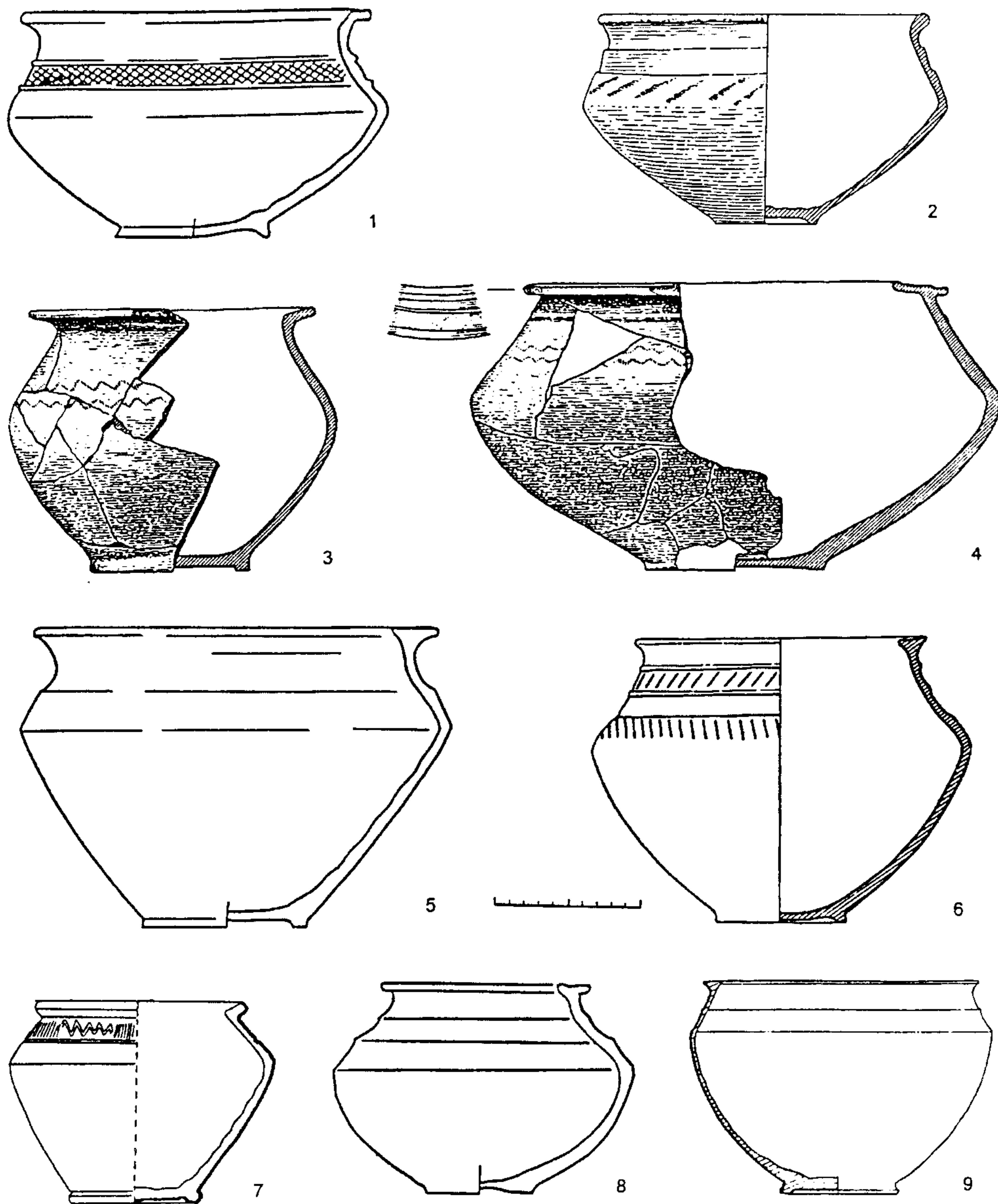

Рис. 33. Гончарные вазы. 1 – Ромашки; 2 – Косанов; 3-4 – Рипнив; 5 – Лохвица; 6 – Гавриловка; 7 – Миоркань;
8 – Кobleво; 9 – Могошань.

Scheibengedrehte Vasen: 1 – Romaški; 2 – Kosanov; 3-4 – Ripniv; 5 – Lochvica; 6 – Gavrilovka; 7 – Miorcani; 8 – Koblevo; 9 – Mogoşani.

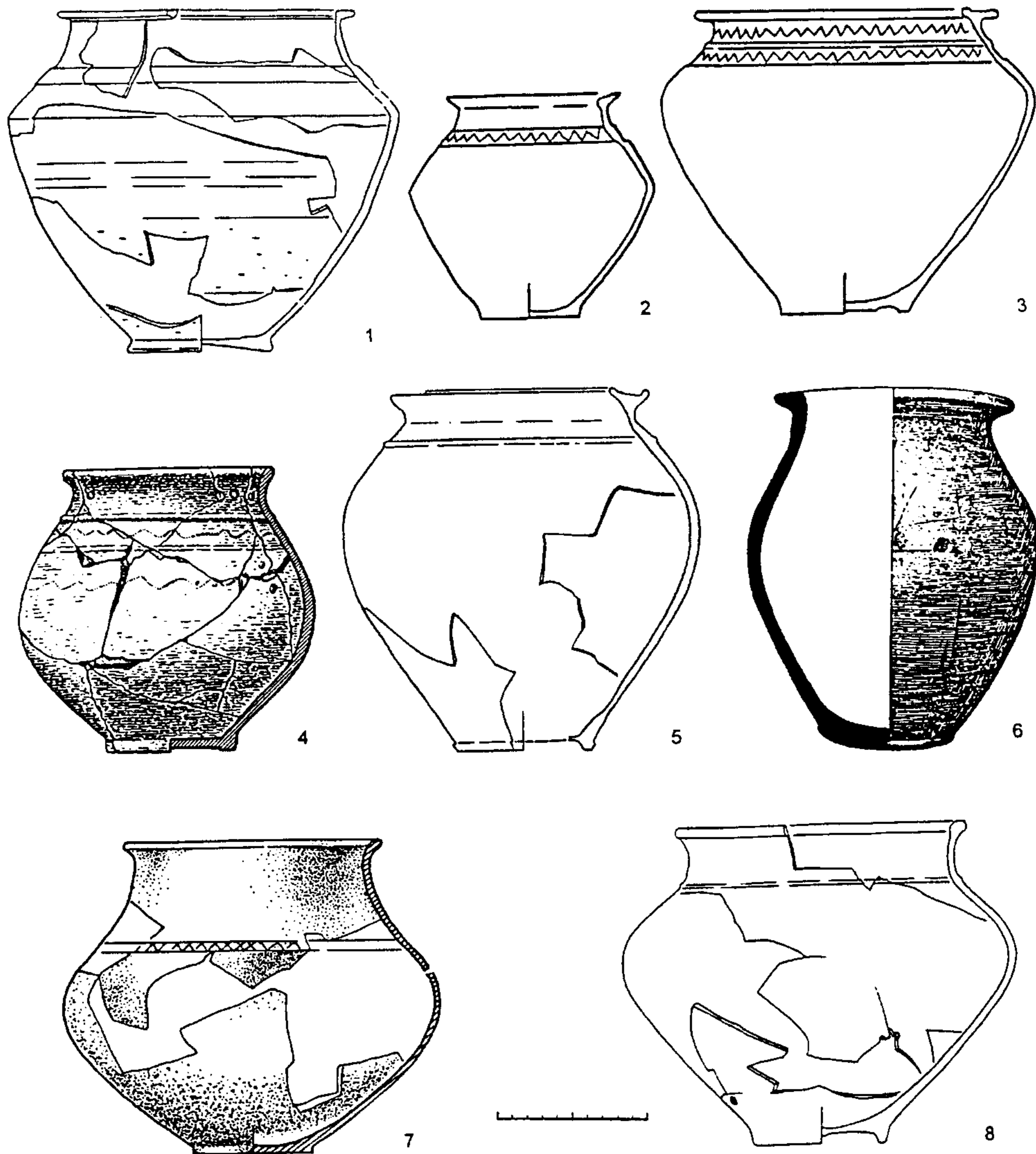

Рис. 34. Гончарные вазы. 1, 8 – Луговое; 2-3 – Городок; 4 – Рипнив; 5 – Курники; 6 – Оселивка;
7 – Каменка-Анчекрак.
Scheibengedrehte Vasen: 1, 8 – Lugovoe; 2-3 – Gorodok; 4 – Ripniv; 5 – Kurniki; 6 – Oselivka; 7 - Kamenka Ančckrak.

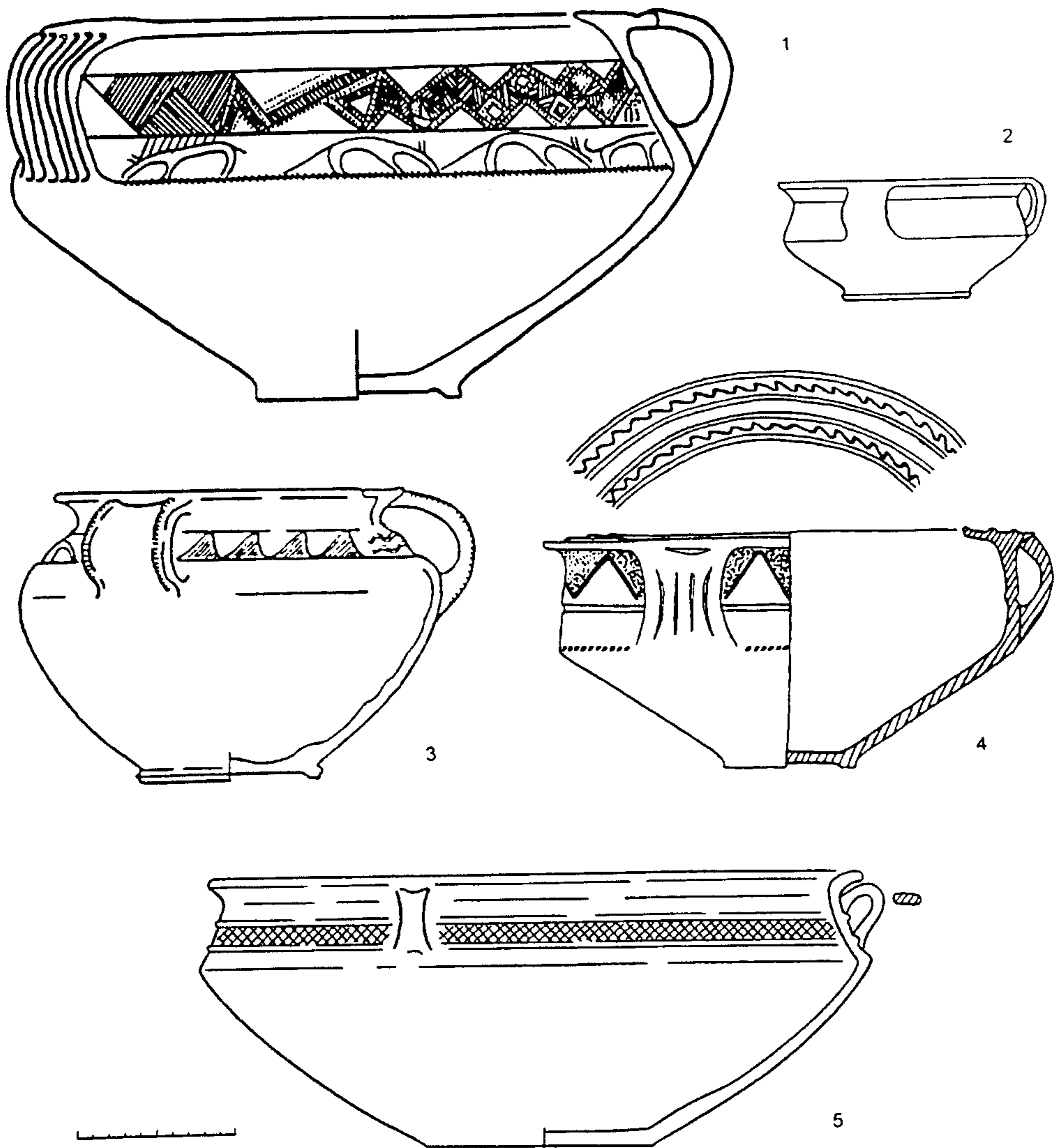

Рис. 35. Трехручные вазы гончарные. Группа 1: 1 – Каборга; 2 – Заячивка; 3 – Успенка; 4 – Родной Край;
5 – Кантемировка.
Scheibengedrehte Dreihenkelfvasen, Gruppe 1: 1 – Kaborga; 2 – Zajačivka; 3 – Uspenka; 4 – Rodnoj Kraj; 5 – Kantemirovka.

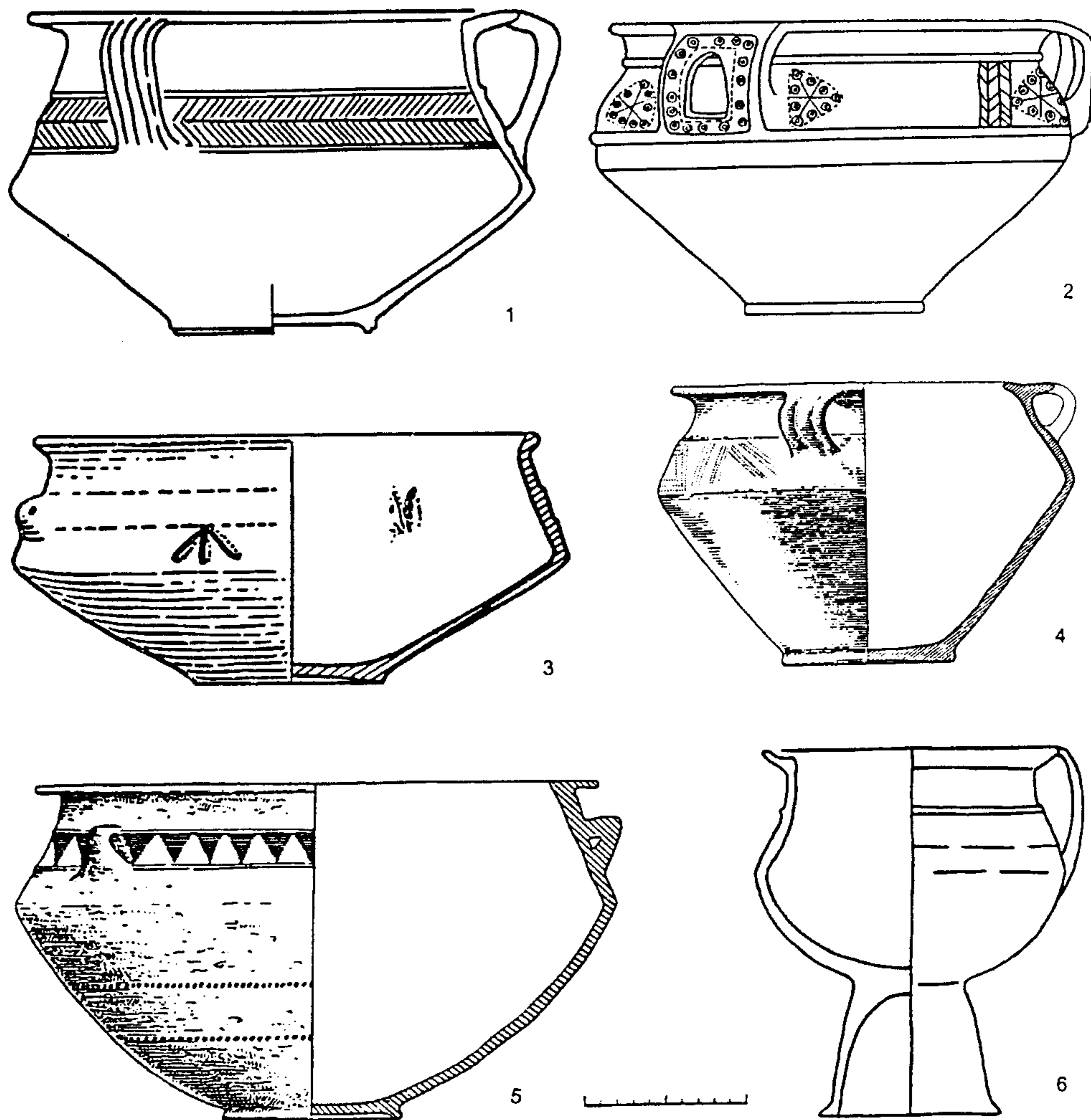

Рис. 36. Трехручные вазы гончарные. Группа 1: 1 – Каборга; 2, 6 – Заячівка; 3 – Косанов; 4 – Камснка-Днепровская; 5 – Малаешти.

Scheibengedrehte Dreihenkelvasen, Gruppe 1: 1 – Kaborga; 2, 6 – Zajačivka; 3 – Kosanov; 4 – Kamienska Ančekrak; 5 – Malaesti.

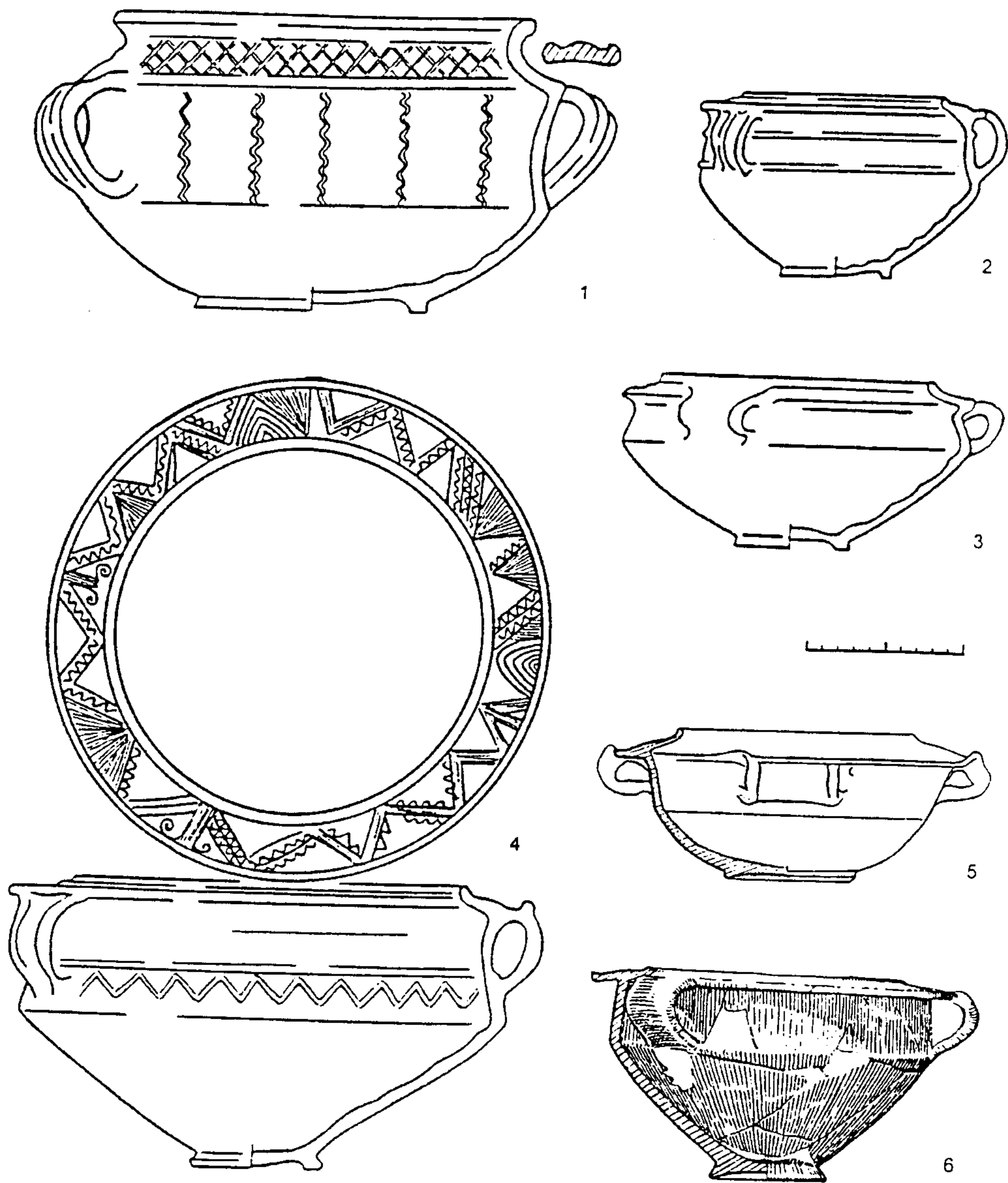

Рис. 37. Трехручные вазы гончарные. Группа I, тип „левобережный”. 1 – Переяслав; 2 – Соснова; 3 – Успенка;
4 – Жовнин; 5 – Могошань; 6 – Тыргшор.

Scheibengedrehte Dreihenkelnvasen, Gruppe I, vom Typ „des linken Dnjestrufers”: 1 – Perejaslav; 2 – Sosnova; 3 – Uspenka;
4 – Žovnin; 5 – Mogoșani; 6 – Tîrșor.

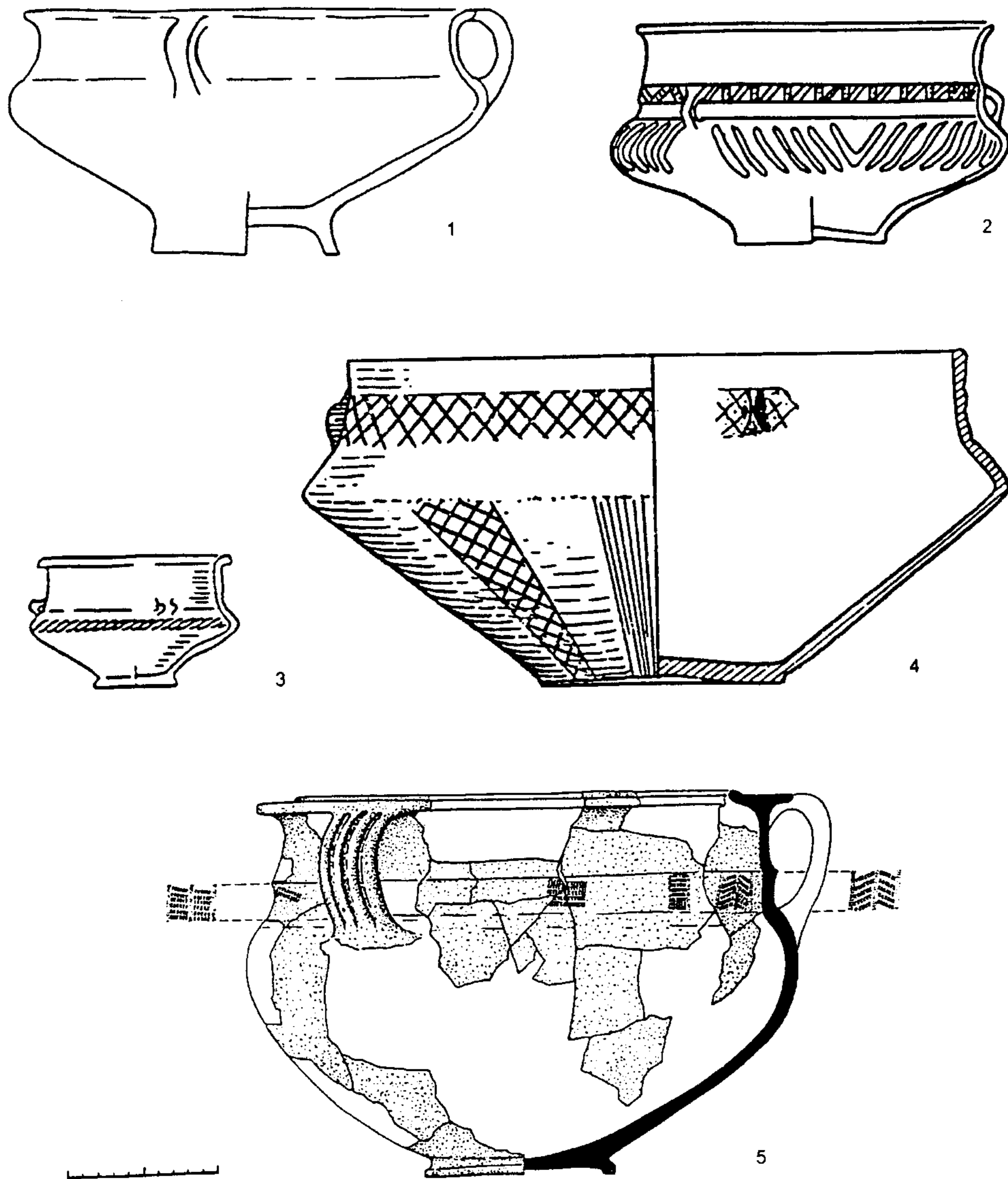

Рис. 38. Трехручные вазы лепные (1-3) и гончарные (4-5). Группа 2: 1 – Ромашки; 2 – Городок; 3 – Компанийцы;
 4 – Косанов; 5 – Башмачка.
 Handgemachte (1-3) und scheibengedrehte (4-5) Dreihenkelvasen. Gruppe 2: 1 – Romaški; 2 – Gorodok; 3 – Kompanijcy;
 4 – Kosanov; 5 – Bašmačka.

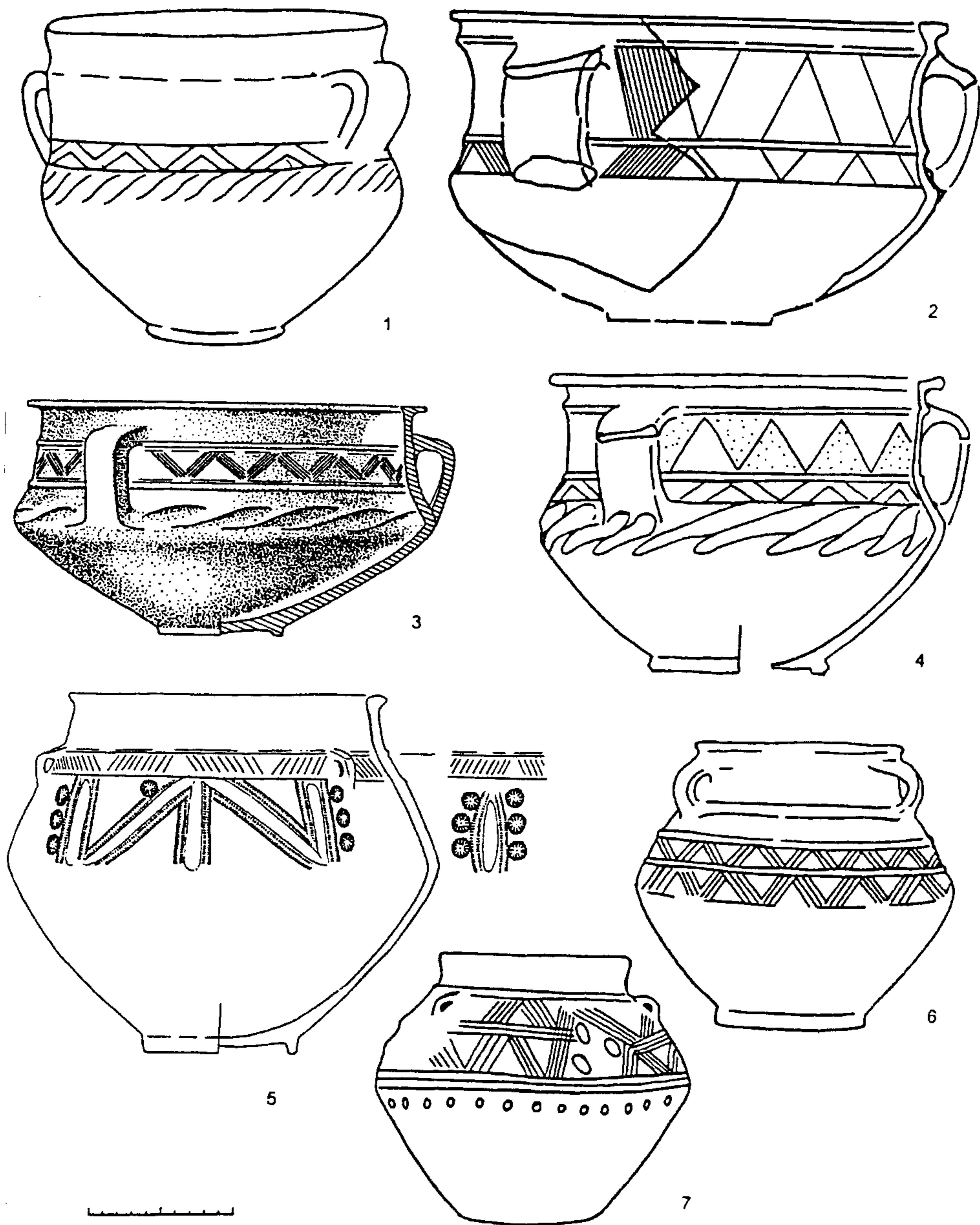

Рис. 39. Трехручные вазы черняховские (1-5 – гончарные), вельбарская (6 – лепная), из Ютландии (7 – лепная).
 1-5 – группа 2; 1-4 – тип „ольвийский”. 1 – Гавриловка; 2 – Ольвия; 3 – Каменка-Анчекрак; 4 – Луговое; 5 – Курники;
 6 – Дитиничи; 7 – Меллегардсмарк.
 Scheibengedrehte (1-5) und handgemachte (6-7) Dreihenkelfvasen aus der Černjachov- und Wielbark-Kultur sowie aus Jütland: 1-5 – Gruppe
 2; 1-4 – Typ „Olbia”. 1 – Gavrilovka; 2 – Olbia; 3 – Kamenka-Ančekrak; 4 – Lugovoe; 5 – Kurniki; 6 – Ditiniči; 7 – Møllegårdsmarken.

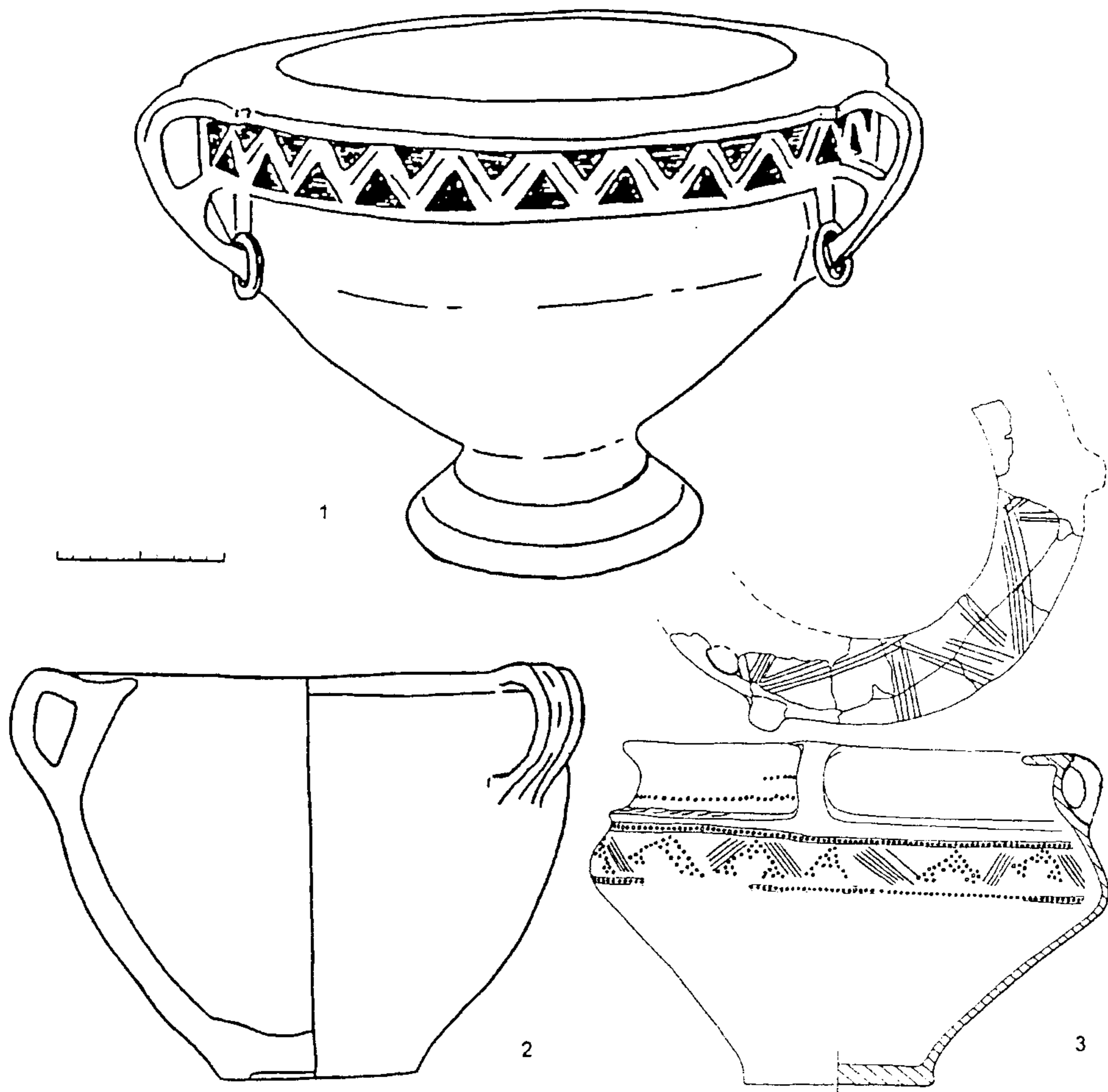

Рис. 40. Трехручные вазы: 1-2 – черняховские (гончарные), 3 – пшеворская (лепная). 1 – Лепесовка;
 2 – Оселивка; 3 – Каменьчик.
 Scheibengedrehte (1-2) und handgemachte (3) Dreihenkelfvasen der Černjachov- und Przeworsk-Kultur: 1 – Lepsowka;
 2 – Oselivka; 3 – Kamięńczyk.

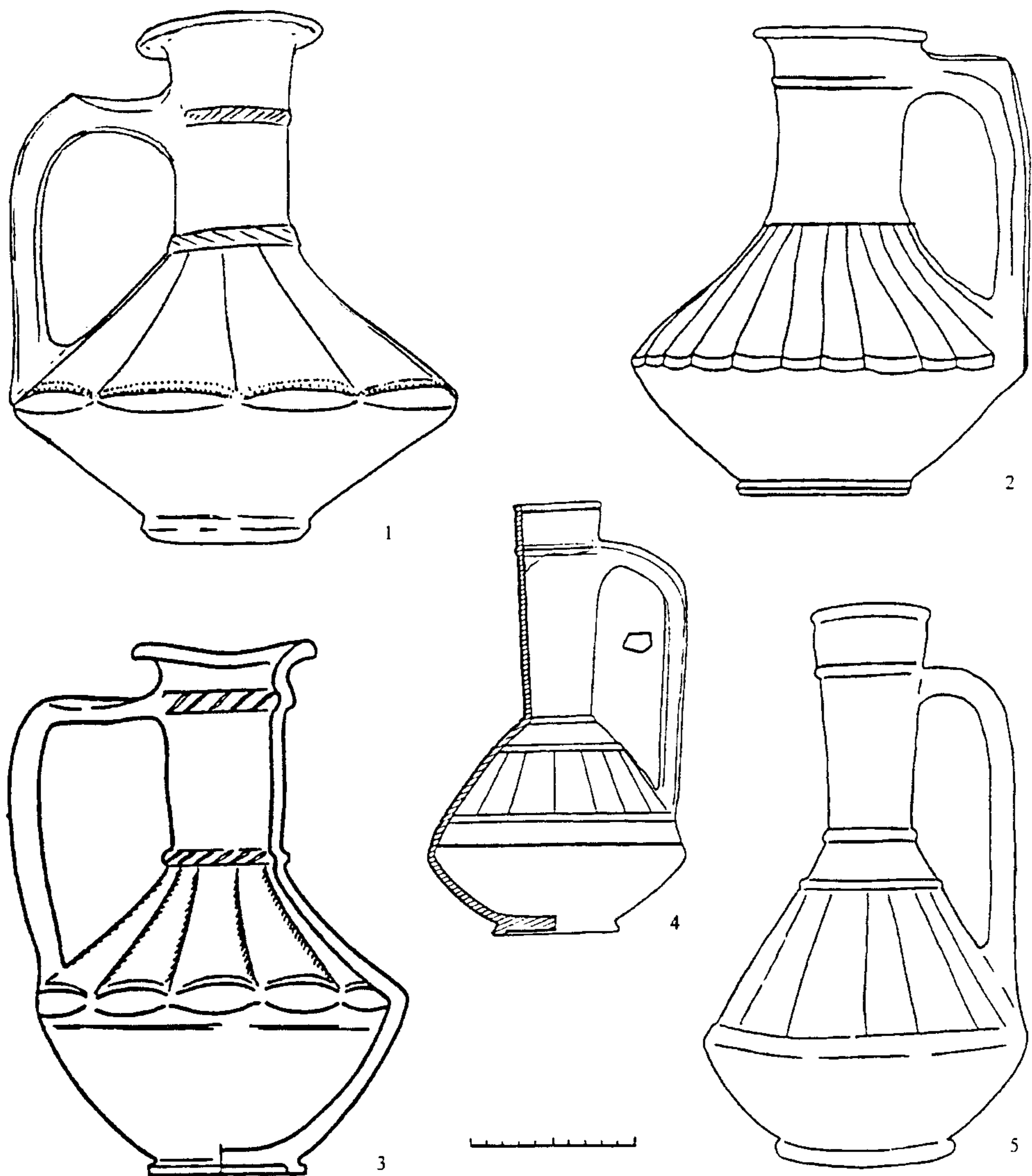

Рис. 41. Кувшины гончарные, тип 1. 1 – Коровинцы; 2 – Моспинская; 3 – Успенка; 4 – Могошань; 5 – Спанцов.
 Scheibengedrehte Krüge vom Typ 1: 1 – Korovincy; 2 – Mospinskaja; 3 – Uspenka; 4 – Mogoşani; 6 – Spantov.

Рис. 42. Кувшины, тип 2 (1-7), тип 3 (8-9). 1 – Переяслав; 2 – Тыргшор; 3 – Ромашки; 4 – Черняхов; 5 – Каборга;
6 – Жовнин; 7 – Успенка; 8 – Данчены; 9 – Косанов.

Krüge vom Typ 2 (1-7) und 3 (8-9): 1 – Perejaslav; 2 – Tîrgșor; 3 – Romaški; 4 – Černjachov; 5 – Kaborga;
6 – Žovnin; 7 – Uспенka; 8 – Dančeny; 9 – Kosanov.

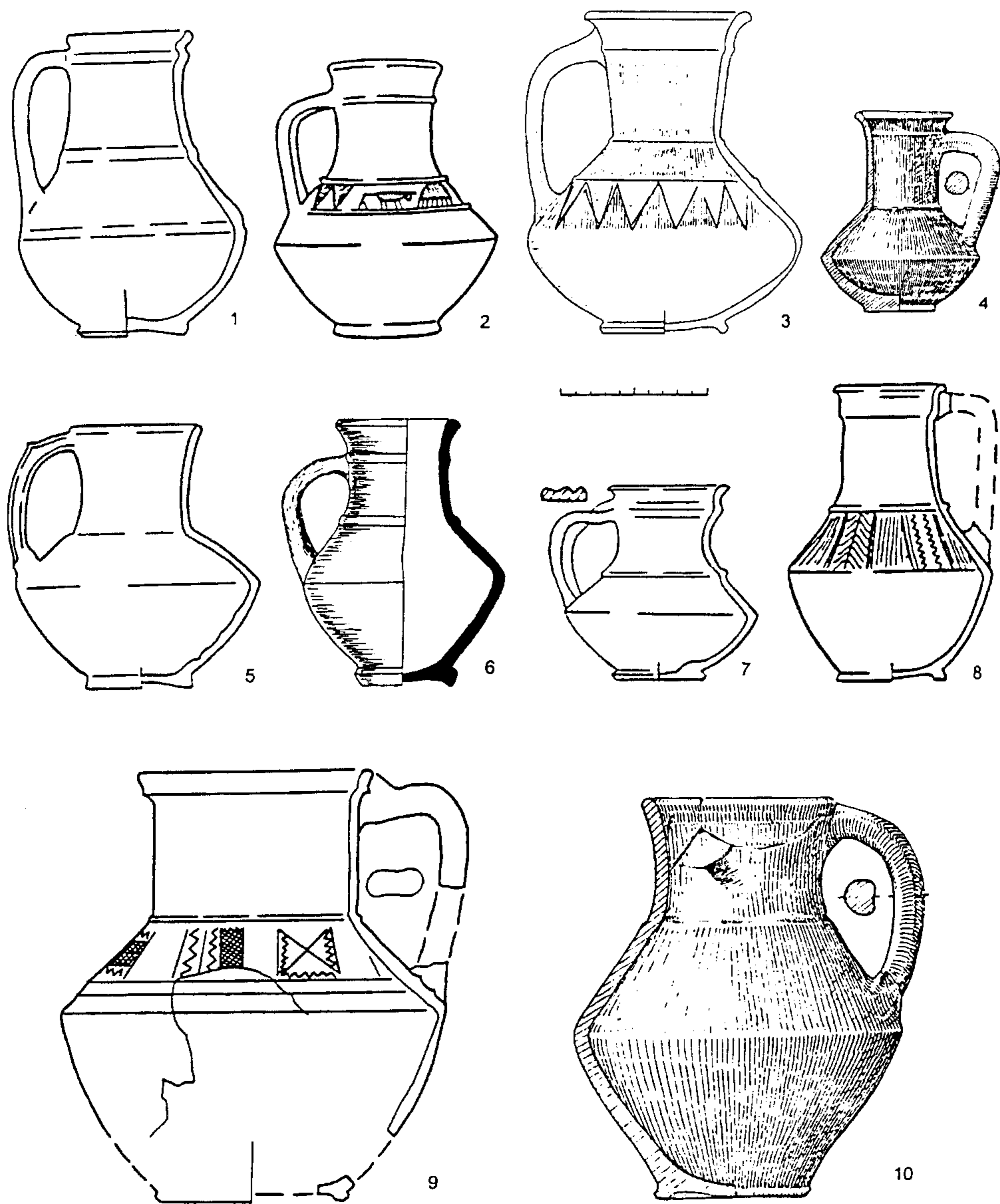

Рис. 43. Кувшины, тип 4 (1-8), тип 5 (9-10). 1, 9 – Каборга; 2 – Ромашки; 3 – Петрикивцы; 4, 10 – Тыргшор;
 5 – Жовнин; 6 – Романово Село; 7 – Боромля; 8 – Компанийцы.
 Krüge vom Typ 4 (1-8) und 5 (9-10); 1, 9 – Kaborga; 2 – Romaški; 4 – Petrikivcy; 4, 10 – Türgşor;
 5 – Žovnin; 6 – Romanovo Selo; 7 – Boromlja; 8 – Kompanijcy.

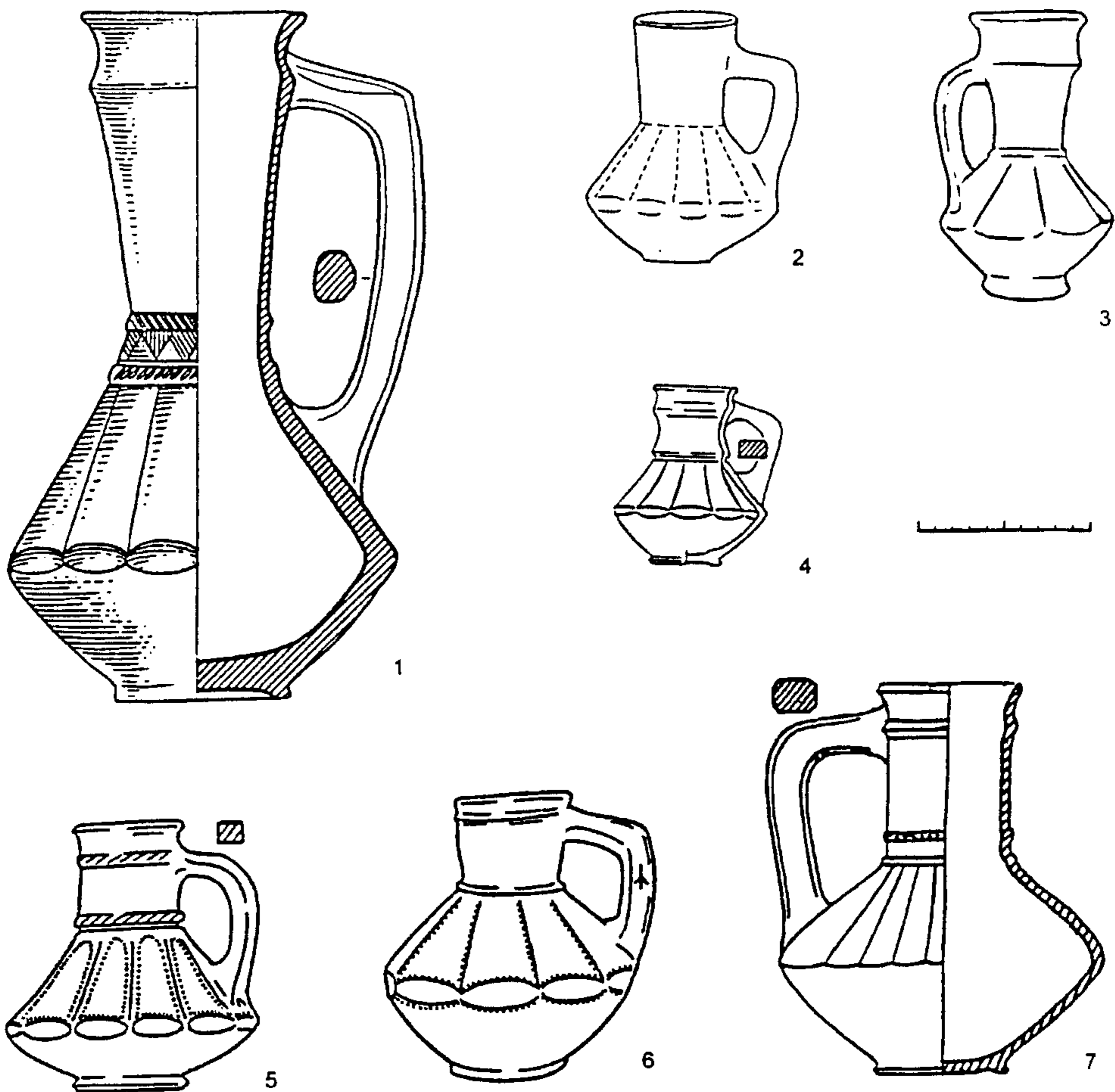

Рис. 44. Кувшины гончарные, тип 6. 1 – Гавриловка, 2 – Керчь; 3 – Черняхов-Ромашки; 4 – Сумы-Сад; 5 – Сумы;
6 – Жовнин; 7 – Родной Край.

Scheibengedrehte Krüge vom Typ 6: 1 – Gavrilovka; 2 – Kerč'; 3 – Černjachov-Romaški; 4 – Sumy-Sad; 5 – Sumy;
6 – Žovnin; 7 – Rodnoj Kraj.

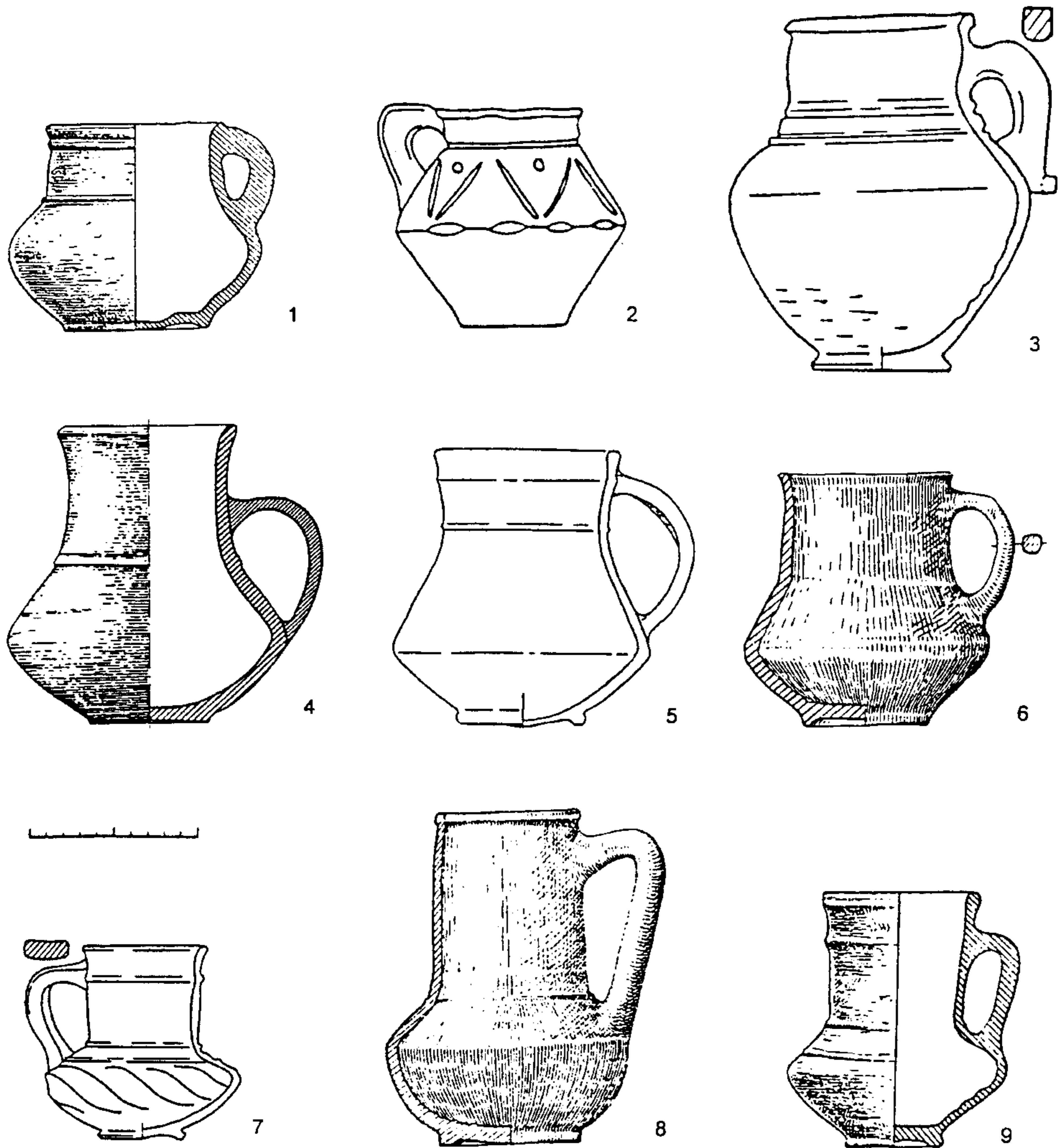

Рис. 45. Кувшины гончарные (1, 3-9) и лепной (2). Тип 7 (1-6), тип 8 (7-9). 1, 9 – Малаешти; 2 – Родной Край;
 3 – Боромля; 4 – Ромашки; 5 – Курники; 6, 8 – Тыргшор; 7 – Сумы-Сад.
 Scheibengedrehte (1, 3-9) und handgemachte Krüge (2) vom Typ 7 (1-6) und 8 (7-9); 1, 9 – Malaești; 2 – Rodnoj Kraj;
 3 – Boromlja; 4 – Romaški; 5 – Kurniki; 6, 8 – Tîrgșor; 7 – Sumy-Sad.

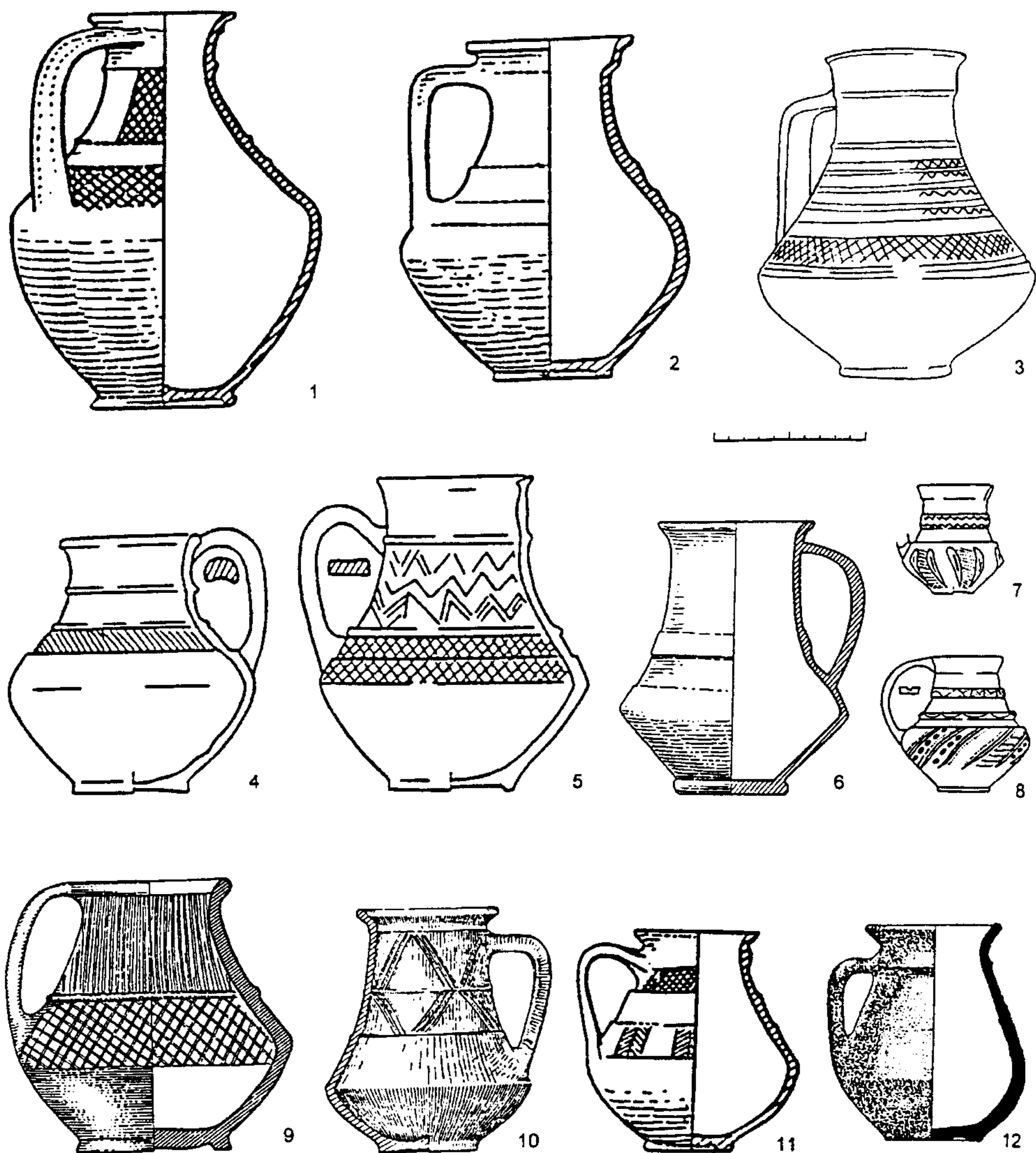

Рис. 46. Кувшины гончарные(1-5, 9-12?) и лепные (6-8). Тип 9 (1), тип 10 (2-12). 1-2, 6, 11 – Косанов; 3 – Черняхов-Ромашки; 4-5, 7-8 – Компанийцы; 9 – Ново-Александровка; 10 – Тыргшор; 12 – Данчены.
 Scheibengedrehte (1-5, 9-12?) und handgemachte Krüge (6-8) vom Typ 9 (1) und 10 (2-12): 1-2, 6, 11 – Kosanov; 3 – Černjachov-Romaški; 4-5, 7-8 – Kompanijcy; 9 – Novo-Aleksandrovka; 10 – Tirgşor; 12 – Dančeny.

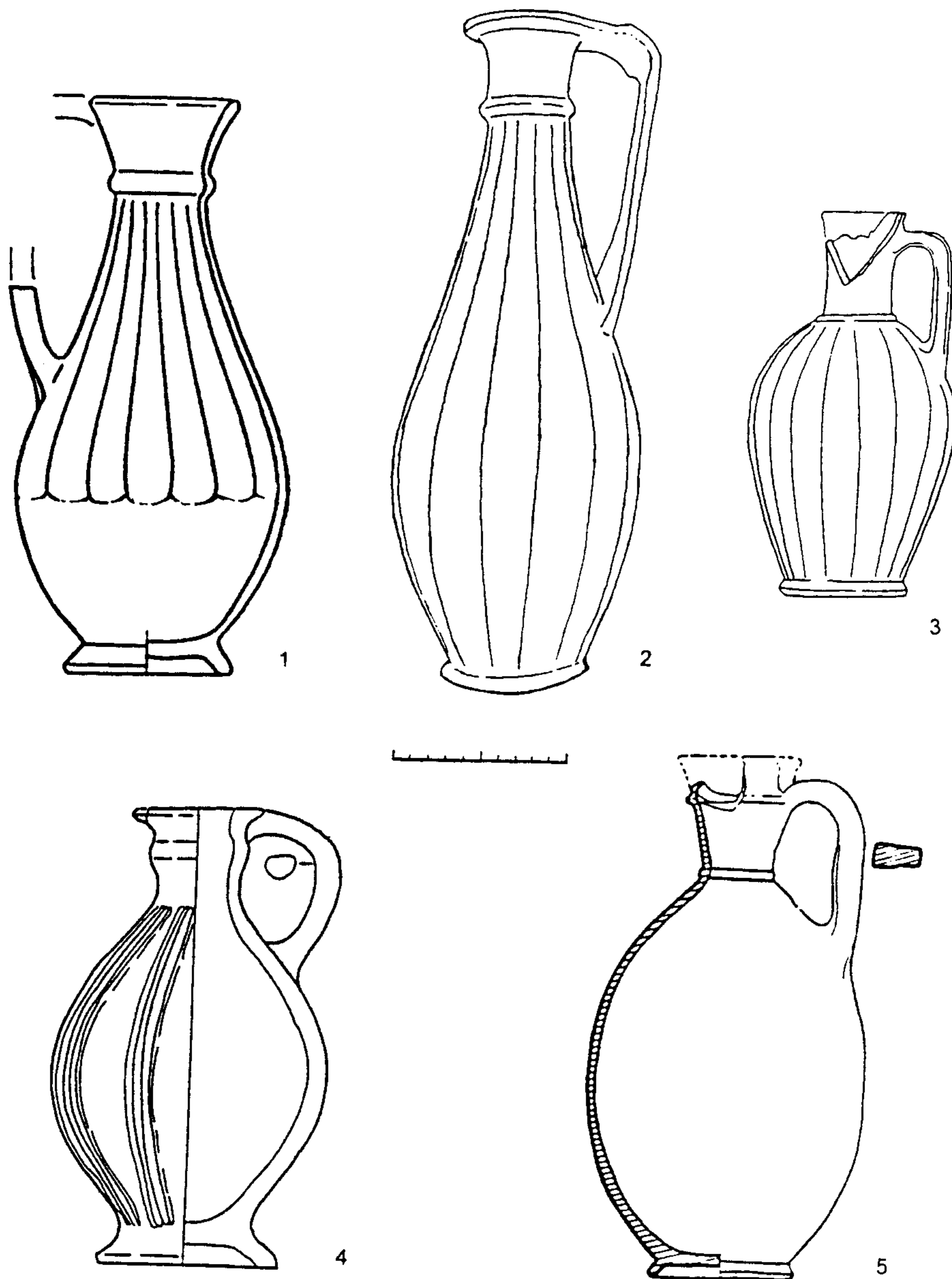

Рис. 47. Кувшины гончарные. Тип 12а (1-4), тип 12в (5). 1 – Чистилов; 2 – Раковица; 3 – Жовнин;
 4 – Приморское; 5 – Могошань.
 Scheihengedrehte Krüge vom Typ 12 (1-4) und 12b (5): 1 – Čistilov; 2 – Rakovica; 3 – Žovnin; 4 – Primorskoe; 5 – Mogošani.

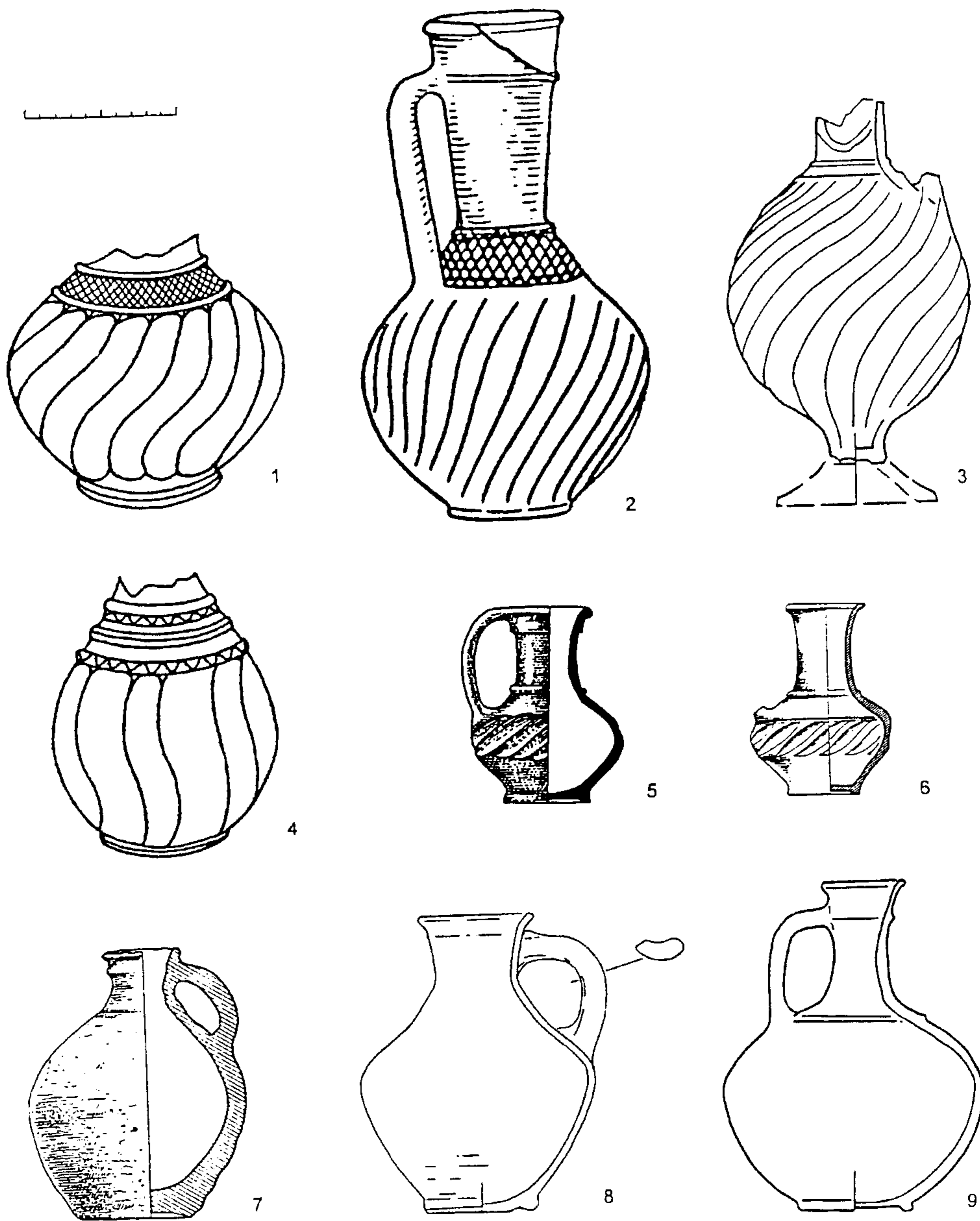

Рис. 48. Кувшины гончарные. Тип 13а (1-6), тип 13в (7-9). 1, 4 – Ольвия; 2 – Данилова Балка; 3 – Каменка-Личекрак; 5 – остров Хортица; 6 – Августиновка; 7 – Малаешти; 8 – Курники; 9 – Сычавка.
 Scheibengedrehte Krüge vom Typ 12a (1-6) und 13b (7-9): 1, 4 – Olbia; 2 – Danilova Balka; 3 – Kamenska Ančekrak; 5 – Insel Chortica; 6 – Avgustinovka; 7 – Malaesti; 8 – Kurniki; 9 – Syčavka.

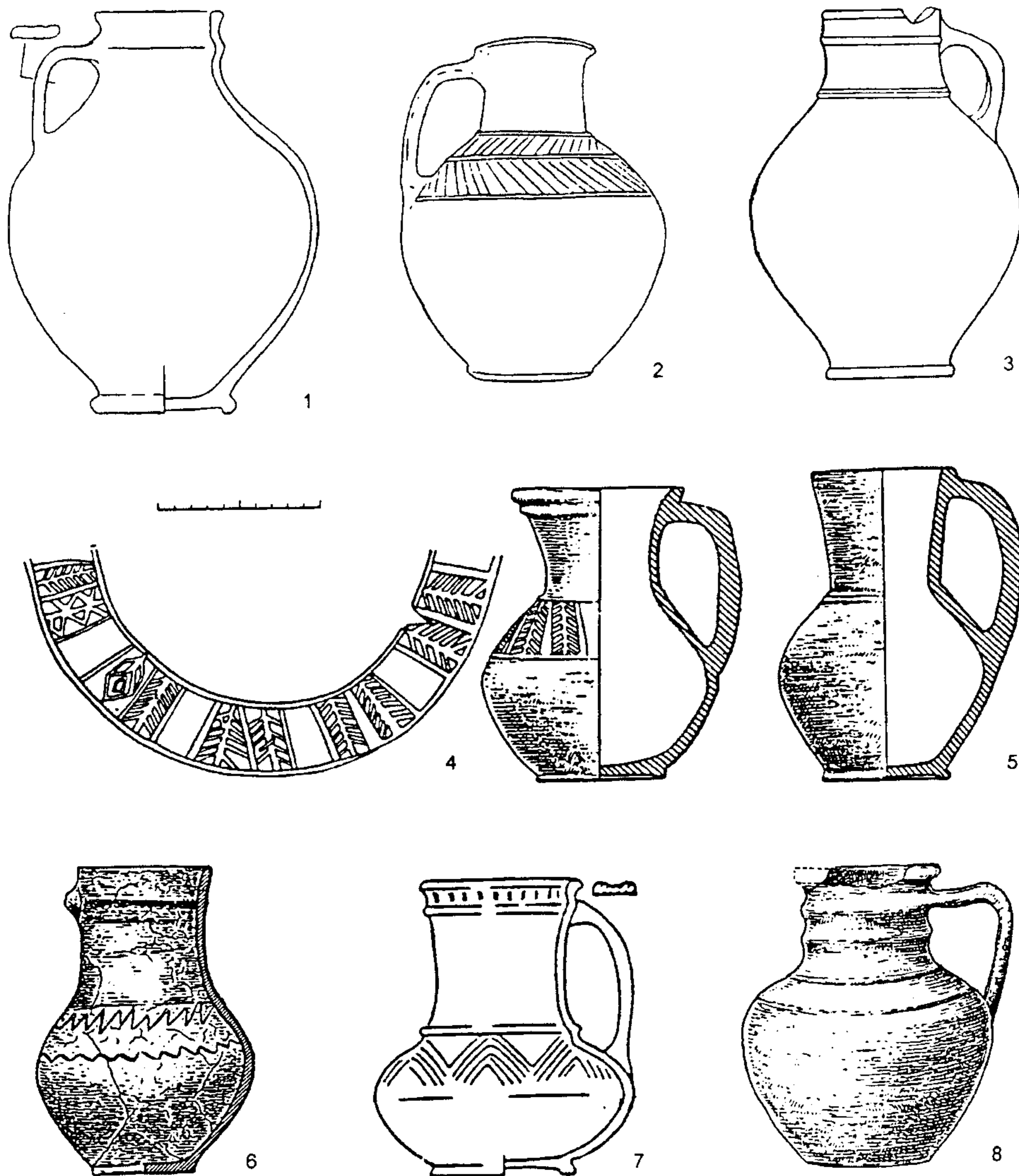

Рис. 49. Кувшины гончарные. Тип 14 (1-3), тип 15 (4-5), тип 16 (6-8). 1 – Курники; 2 – Гурбинцы; 3 – Заячівка;
 4-5 – Малаешты; 6 – Рипнев; 7 – Компанийцы; 8 – Ромашки.
 Scheibengedrehte Krüge vom Typ 14 (1-3), 15 (4-5) und 16 (6-8): 1 – Kurniki; 2 – Gubincy; 3 – Zajačivka; 4-5 – Malaešty;
 6 – Ripnev; 7 – Kompanijscy; 8 – Romaški.

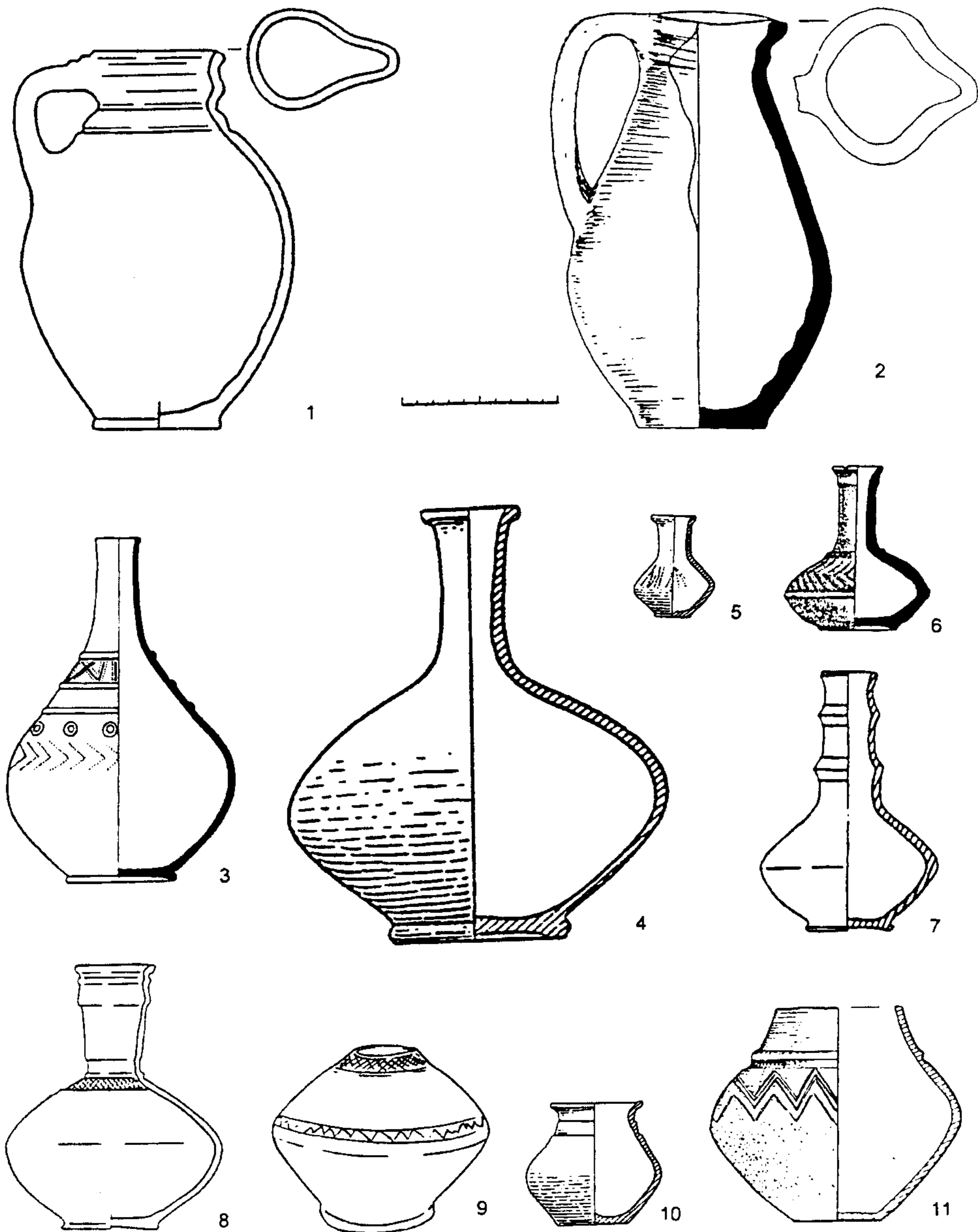

Рис. 50. 1-2 - кувшины типа „ойнохоя“; 3-8 - кувшины-бутыли типа 2; 9-10 - кувшины-бутыли типа 1; 11 - вельбарский сосуд группы IХВ. 1 - Жовнин-Биленкови Бурты; 2 - Романово Село; 3 - Сабдаш-Охматово; 4-5, 10 - Косанов; 6 - Данчены; 7 - Родной Край; 8 - Сумы-Сад; 9 - Лука-Врублевская; 11 - Сулехово.
 1-2 - Krüge vom Typ „Ojnochoe“; 3-8 - Flaschen vom Typ 2; 9-10 - Flaschen vom Typ 1; 11 - Gefäß der Wielbark-Kultur (Gruppe IХВ nach R. Schindler). 1 - Žovnin-Bilenkovi Burty; 2 - Romanovo Selo; 3 - Sabadaš-Ochmatovo; 4-5, 10 - Kosanov; 6 - Dančeny; 7 - Rodnoj Kraj; 8 - Sumy-Sad; 9 - Luka-Vrubleveckaja; 11 - Sulechovo

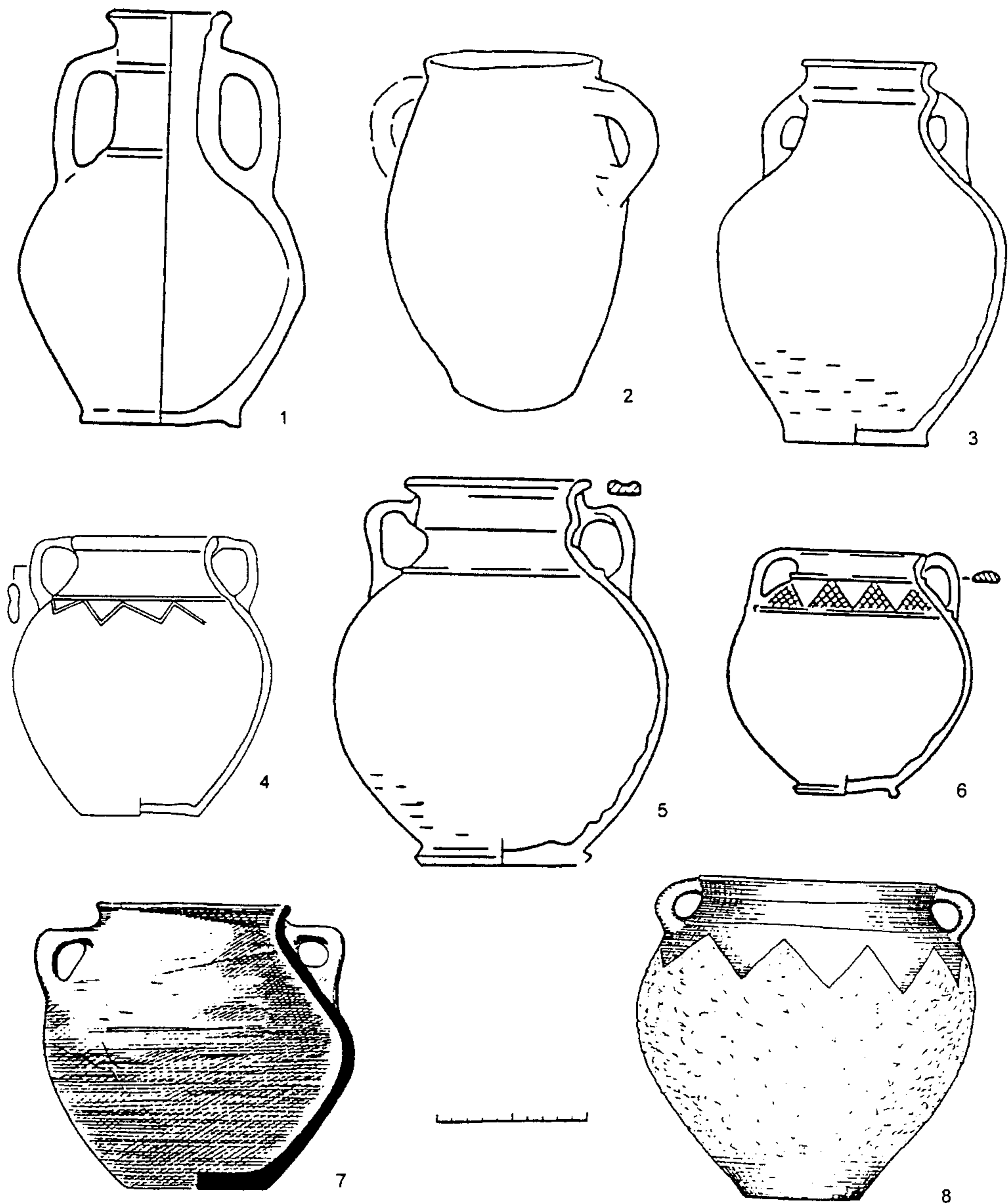

Рис. 51. Кувшины двуручные черняховские (1-6) и вельбарские (7-8). 1,3-6 – гончарные; 2, 7-8 лепные. 1 – Сычавка; 2 – Кobleво; 3 – Успенка; 4 – Петрикивцы; 5 – Боромля; 6 – Соснова; 7 – Лепесовка; 8 – Загожице.
 Zwiihenkelkrüge der Černjachov- (1-6) und Wielbark-Kultur (7-8): 1, 3-6 – scheibengedreht, sonstige handgemacht. 1 – Syčavka. 2 – Koblevo; 3 – Uspenka; 4 – Petrikivcy; 5 – Boromlja; 6 – Sosnova; 7 – Lpesovka; 8 – Zagorzyce.

Рис. 52. Кружки гончарные (1-10) и лепные (11-14). Тип 1 (1-5), тип 2 (6-10), тип 3 (11-14). 1, 4 – Тыргшор; 2 – Оселивка; 3 – Балцаты; 5, 8 – Кobleво; 6 – Беленькое; 7 – Каменка-Анчекрак; 9 – Боромля; 10 – Романово Село; 11, 13 – Косанов; 12 – Данченy; 14 – Великая Снитинка.
 Scheibengedrehte (1-10) und handgemachte (1-14) Schalen vom Typ 1 (1-5), 2 (6-10) und 3 (11-14). 1, 4 – Tirgşor; 2 – Oselivka; 3 – Balcaty; 5, 8 – Koblevo; 6 – Belen'koe; 7 – Kamenka-Ančekrak; 9 – Boromlja; 10 – Romanovo Selo; 11, 13 – Kosanov; 12 – Dančeny; 14 – Velikaja Snitinka.

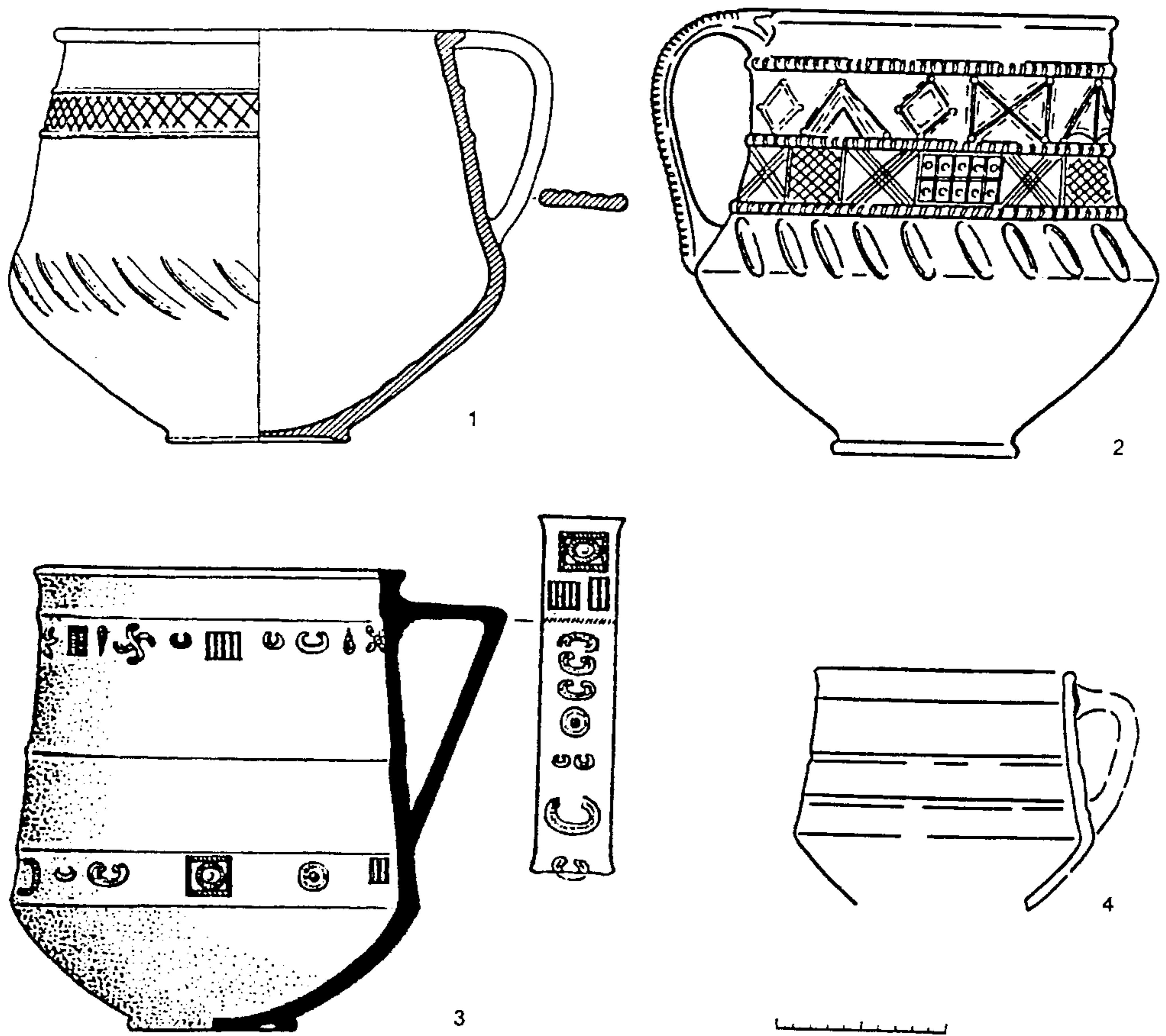

Рис. 53. Вазы одноручные. 1 – Гавриловка; 2 – Башмачка; 3 – Данчены; 4 – Каборга.
 Scheibengedrehte Einhenkelvasen: 1 – Gavrilovka; 2 – Bašmačka; 3 – Dančeny; 4 – Kaborga.

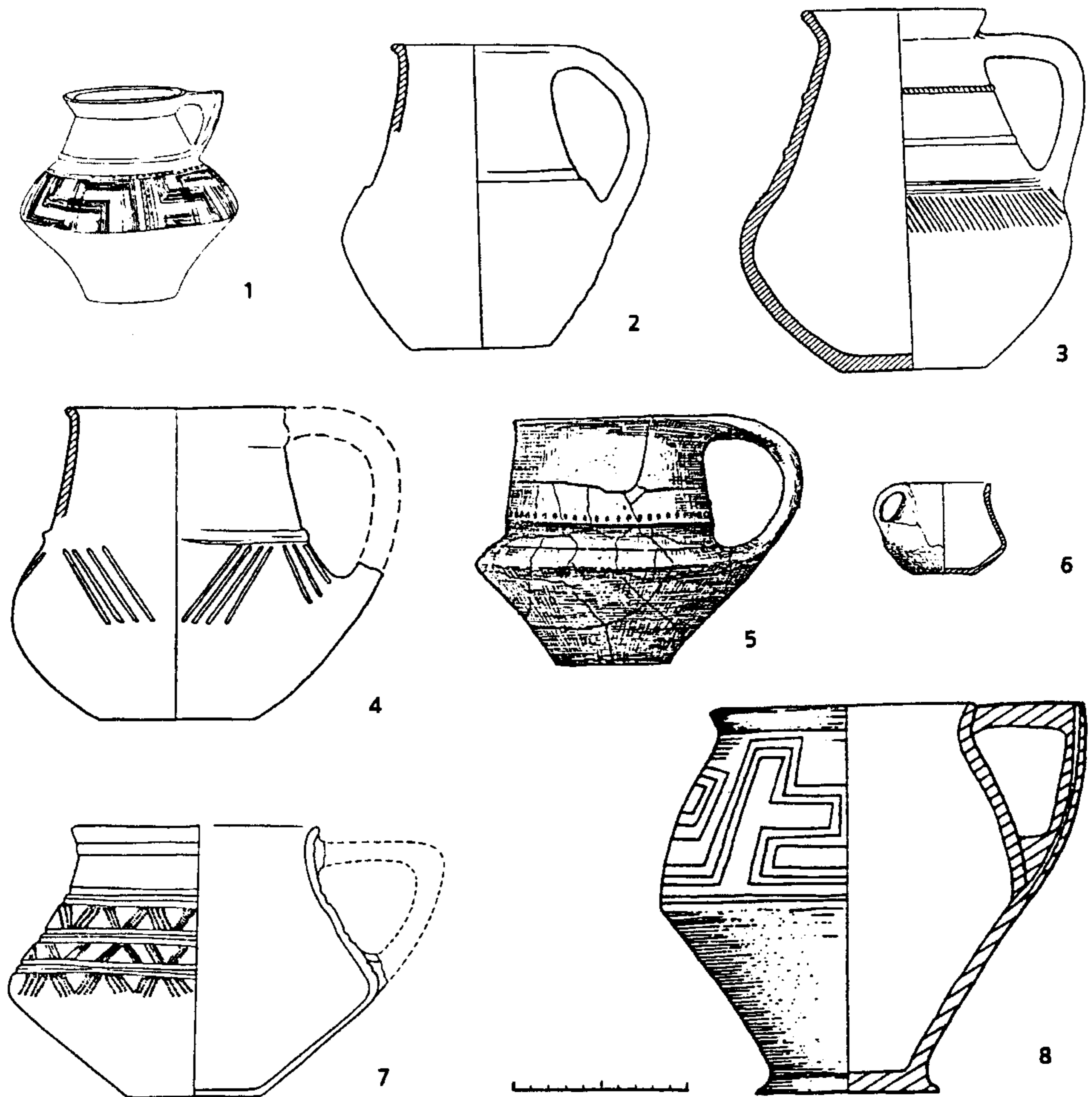

Рис. 54. Кувшины и кружки (лепные) вельбарской (1-7) и пшеворской (8) культур. Группы вельбарской керамики: 1-3 – группа IXA; 4-5, 7 – группа IV и XVI; 6 – группа XVII. 1 – Рыдзево; 2-4 – Брест-Тришин; 5 – Дитиничи; 6 – Колозомб; 7 – Масломенч; 8 – Гарволин.
 Handgemachte Schalen der Wielbark- (1-7) und Przeworsk- Kultur (8). Gruppe IXA (1-3), IV, XVI (4-5, 7) und XVII (6) nach R. Schindler. 1 – Rydzewo, 2-4 – Brest-Trišin; 5 – Ditiniči; 6 – Kołoząb; 7 – Masłomęcz; 8 – Garwolin.

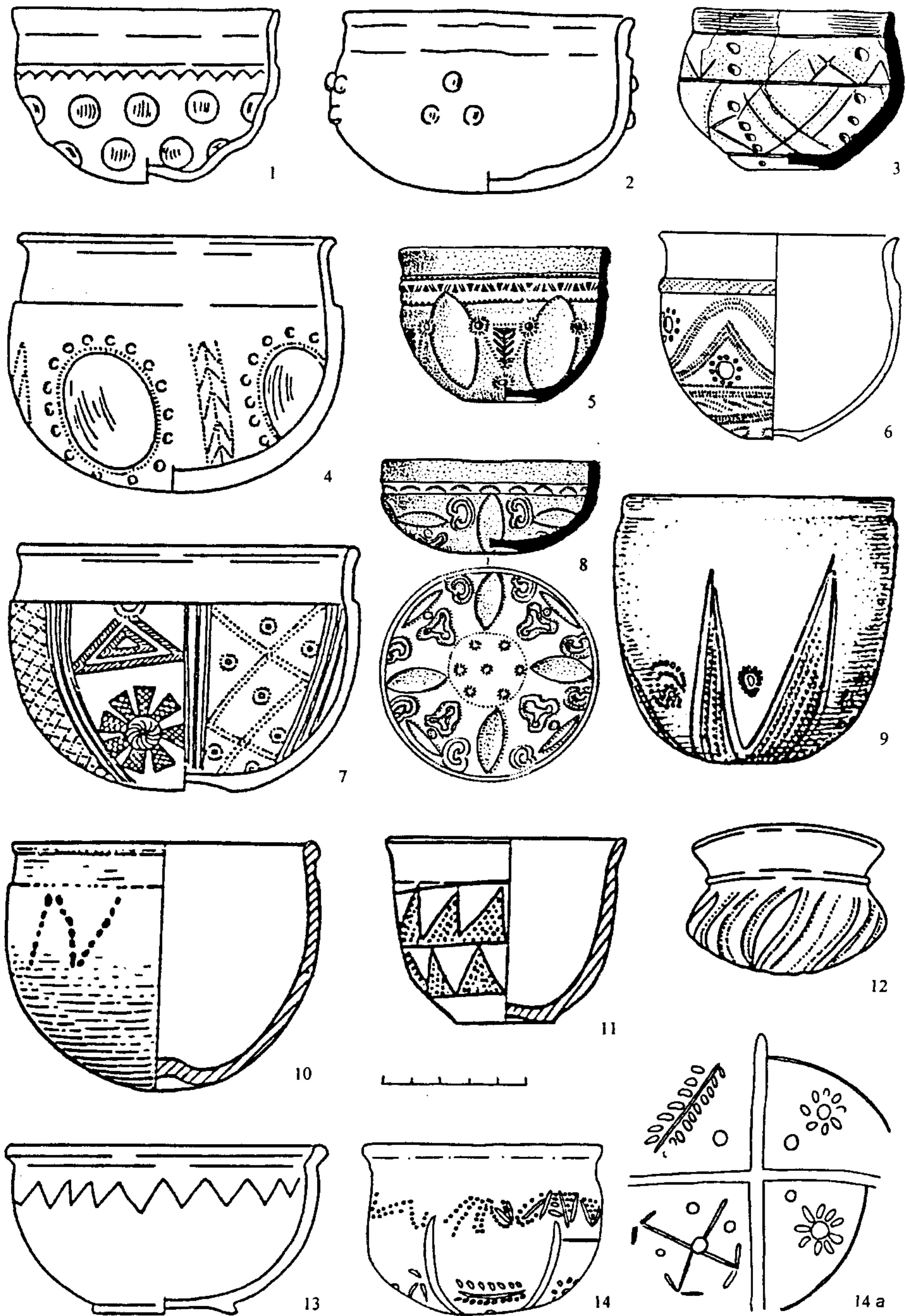

Рис. 55. Кубки. 1-3, 14 – лепные; 4-13 – гончарные. 1-2, 4, 7, 13 – Компанийцы; 3, 5, 8 – Данчены; 6 – Чубовка; 9 – Балцаты; 10 – Косанов; 11 – Черняхов; 12 – Жовнин-Биленкови Бурты; 14 – Каборга.
 Handgemachte (1-3, 14) und schiebengedrehte (4-13) Becher. 1-2, 4, 7, 13 – Kompanijcy; 3, 5, 8 – Dančeny; 6 – Čubovka; 9 – Balcaty; 10 – Kosanov; 11 – Černjachov; 12 – Žovnin-Bilenkovi Burty; 14 – Kaborga.

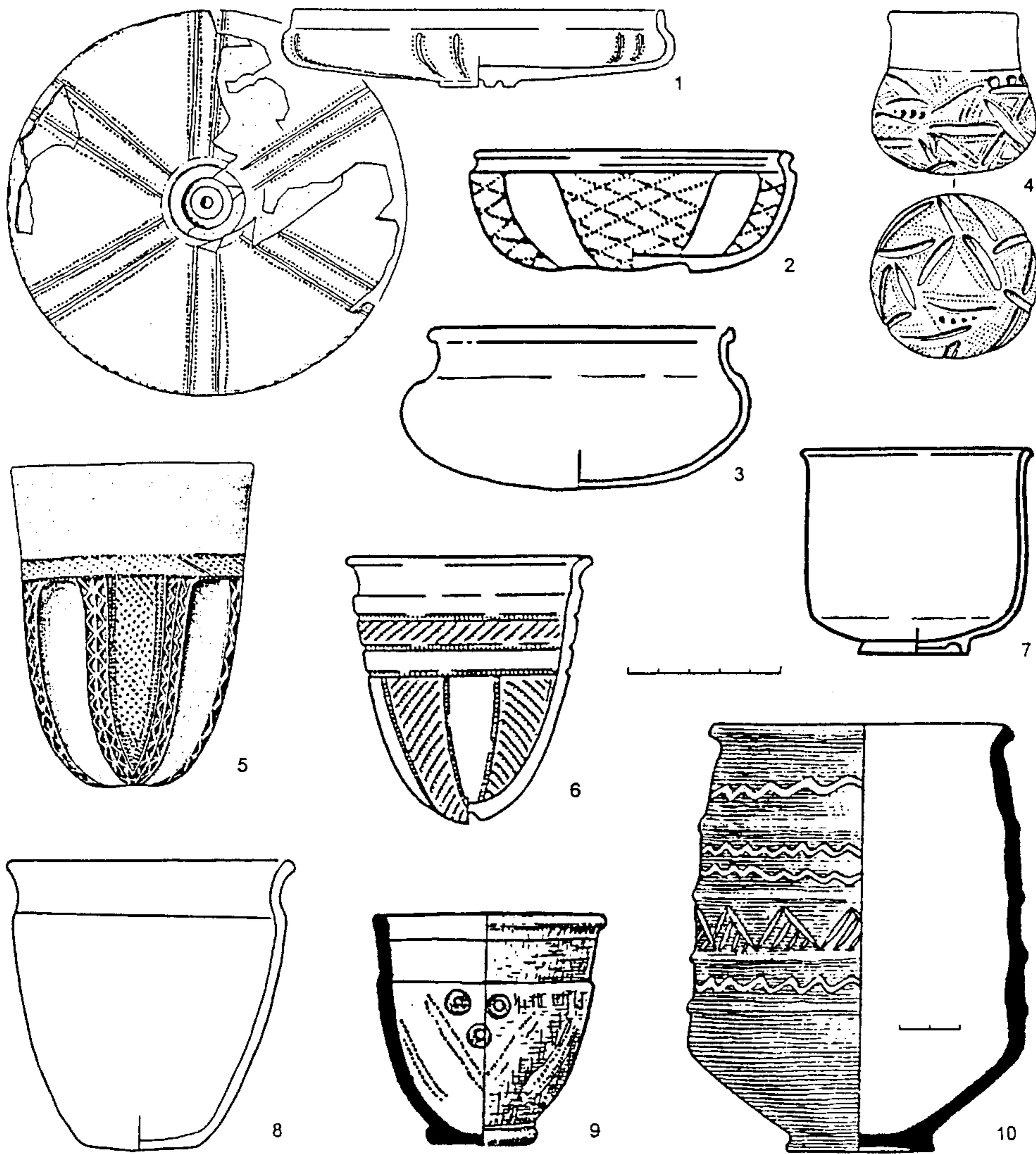

Рис. 56. Кубки. 1-3, 5-10 – гончарные, 4 – лепной. 1, 3 – Курники; 2 – Сумы-Сад; 4-5 – Рыжевка; 6 – Успенка; 7 – Переяслав; 8 – Чубовка; 9 – Оселивка; 10 – Данчены.
 Handgemachte (4) und schiebengedrehte (1-3, 5-10) Becher. 1, 3 – Kurniki; 2 – Sumy-Sad; 4-5 – Ryževka; 6 – Uspenka; 7 – Perejaslav; 8 – Čubovka; 9 – Oselivka; 10 – Dančeny.

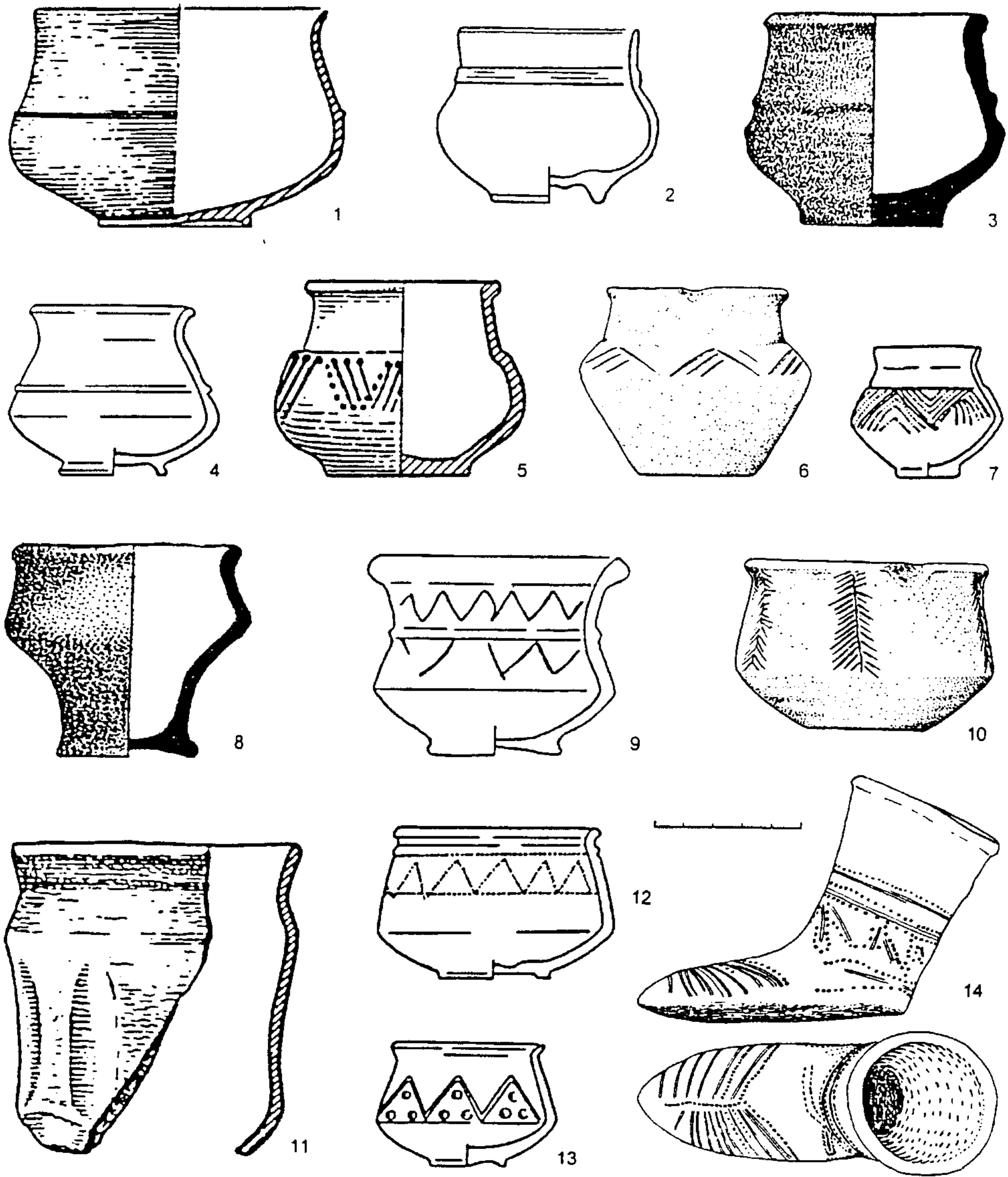

Рис. 57. Кубки. 1-5, 9, 11-12 – гончарные, 6-8, 10, 13-14 – лепные. 1 – Ромашки; 2 – Петриковцы; 3, 8 – Данченые; 4 – Соснова; 5 – Косанов; 6, 10 – Рыжевка; 7, 12-13 – Компанийцы; 9 – Курники; 11 – Рипнив; 14 – Каборга. Handgemachte (6-8, 10, 13-14) und gedrehte (1-5, 9, 11-12) Becher. 1 – Romaški; 2 – Petrikivcy; 3, 8 – Dančeny; 4 – Sosnova; 5 – Kosanov; 6, 10 – Ryževka; 7, 12-13 – Kompanijcy; 9 – Kurniki; 11 – Ripniv; 14 – Kaborga.

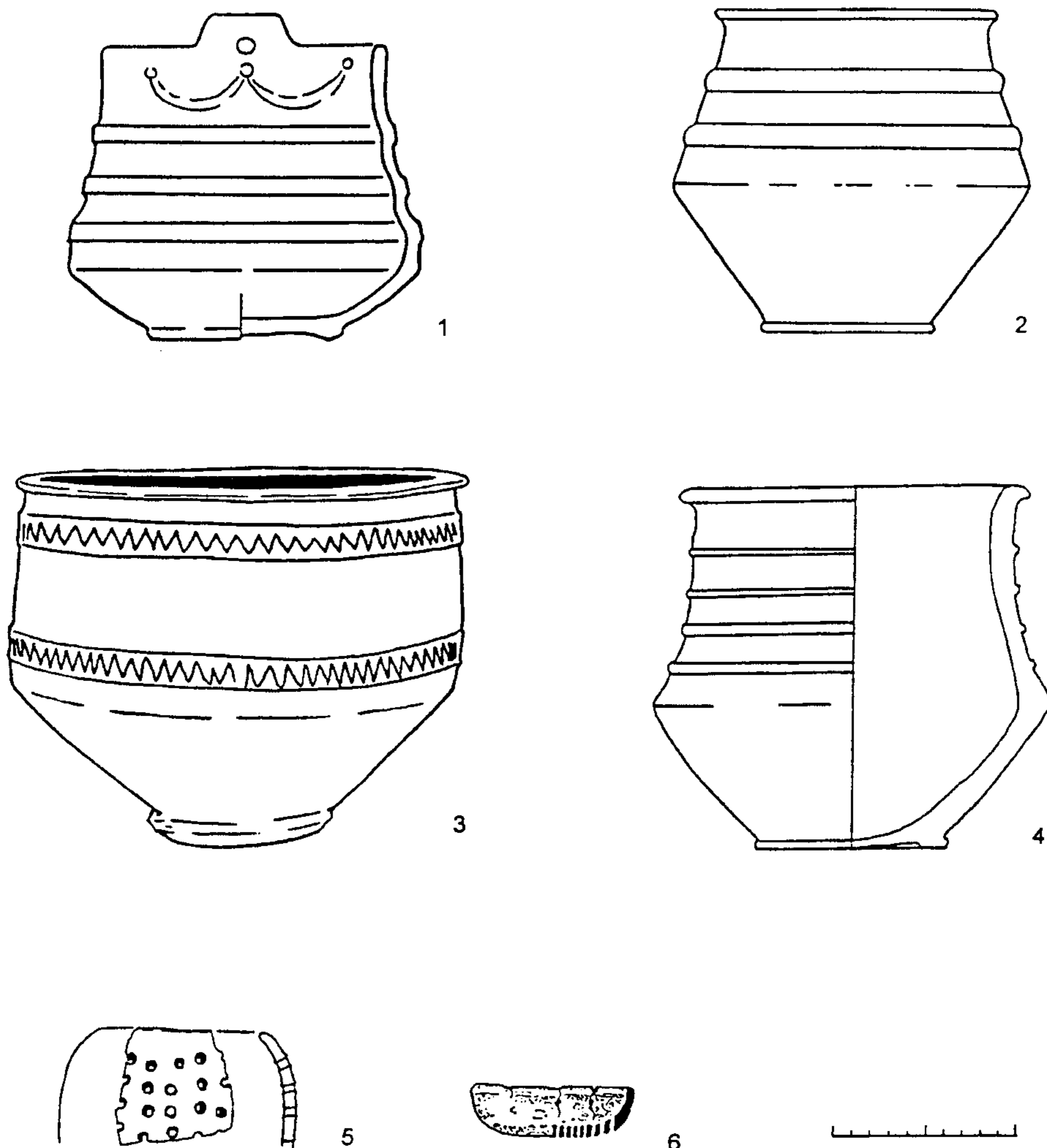

Рис. 58. 1-4 – керамические ведра гончарные; 5-6 – сита-цедилки лепные. 1 – Каборга; 2 – Заячивка; 3 – Лепесовка; 4 – Жовнин-Биленкови Бурты; 5 – Великая Снетинка; 6 – Бовшив.

1-4 – Scheibengedrehte Toneimer; 5-6 – handgemachte Tonsiebe. 1 – Kaborga; 2 – Zajačivka; 3 – Lepesovka; 4 – Žovnin-Bilenkovi Burty; 5 – Velikaja Snetinka; 6 – Bovšiv.

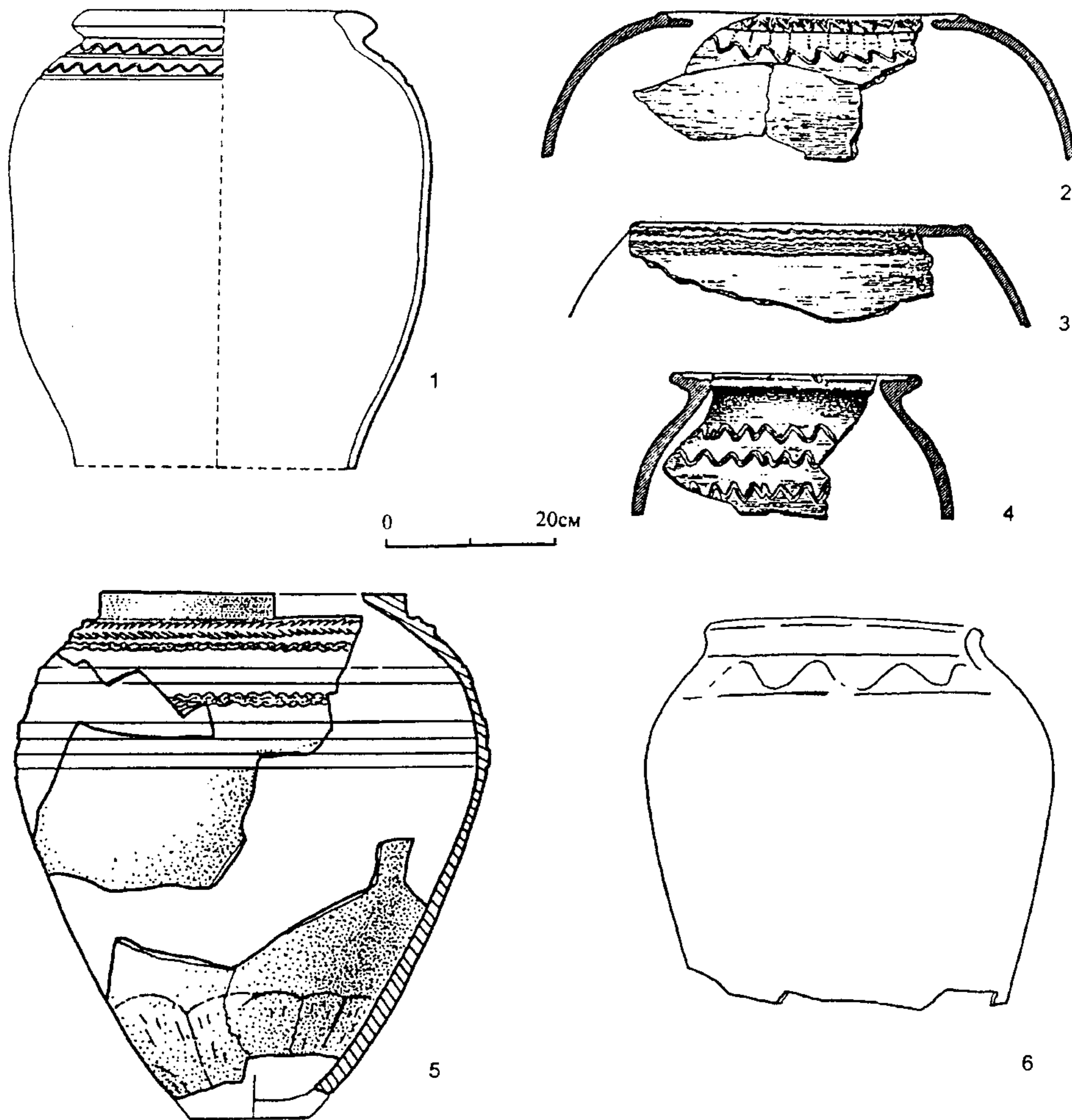

Рис. 59. Сосуды-хранилища. 1-4 - тип 1; 5 - тип 2; 6 - тип 3. 1 – Яссы-Николина; 2-4 – Рипнев; 5 – Каменка-Анчекрак; 6 – Турия.

Vorratsgefäße vom Typ 1 (1-4), 2 (5), 3 (6): 1 – Iași-Nicolina; 2-4 – Ripnev; 5 – Kamenka-Ančekrak; 6 – Turija.

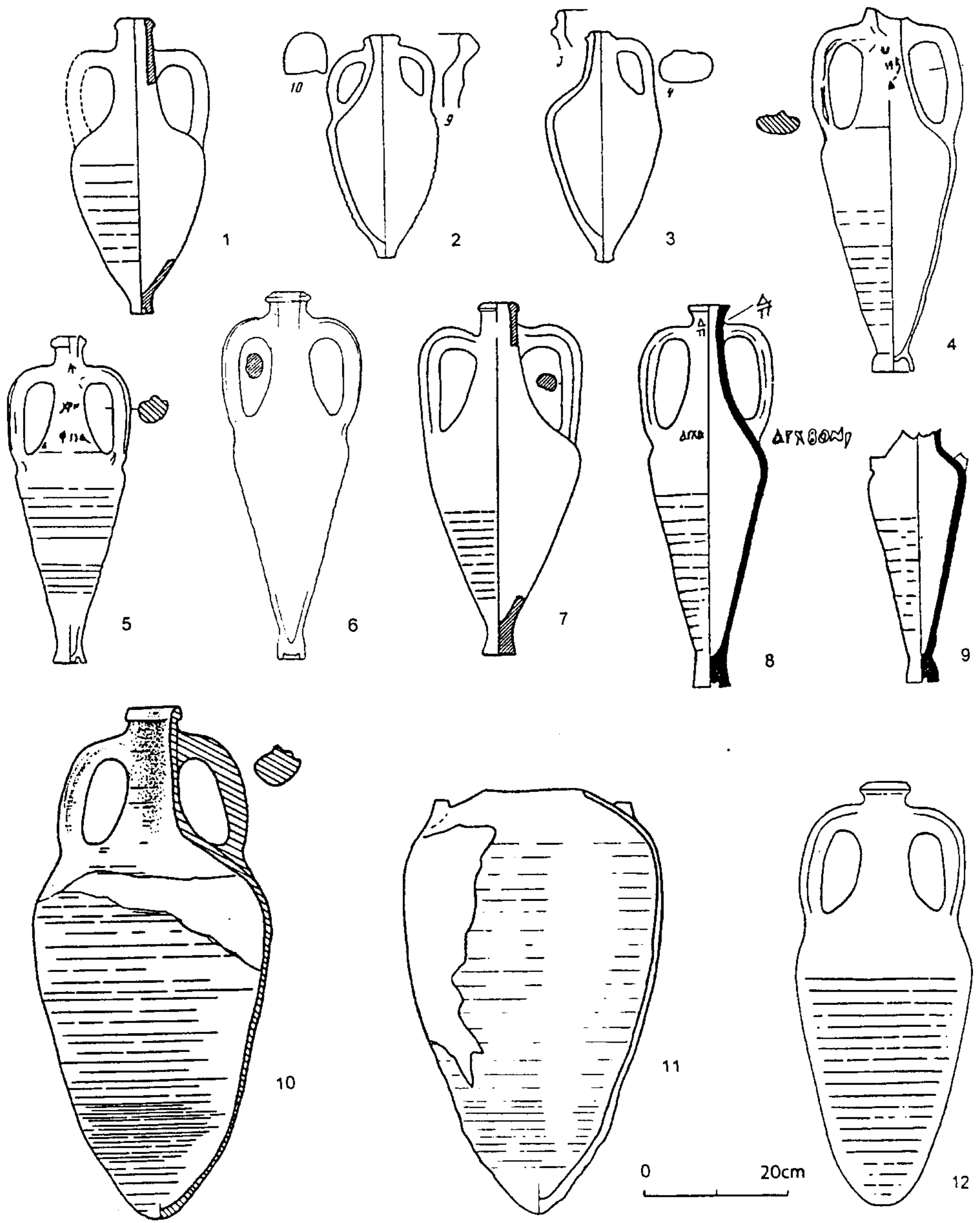

Рис. 61. Светлоглиняные амфоры. 1 – Беседовка; 2 – Оселивка, погр. 86; 3 – Оселивка, погр. 16; 4 – Тира; 5 – Каменка-Анчекрак, погр. 14; 6 – Николаевка, погр. 1М; 7 - хут. Холодный; 8-9 – Чубовка; 10 – Каменка-Анчекрак; 11 – Александровка; 12 – Басовка.

Amphoren aus hellem Ton: 1 – Besedovka; 2 – Oselivka Grab 86 und 16 (3); 4 – Tira; 10 – Kamenka-Ančekrak und Grab 14 (5); 6 – Nikolaevka Grab 1M; 7 - „Chutor” Chododnyj; 8-9 – Čubovka; 11 – Aleksandrovka; 12 – Basovka.

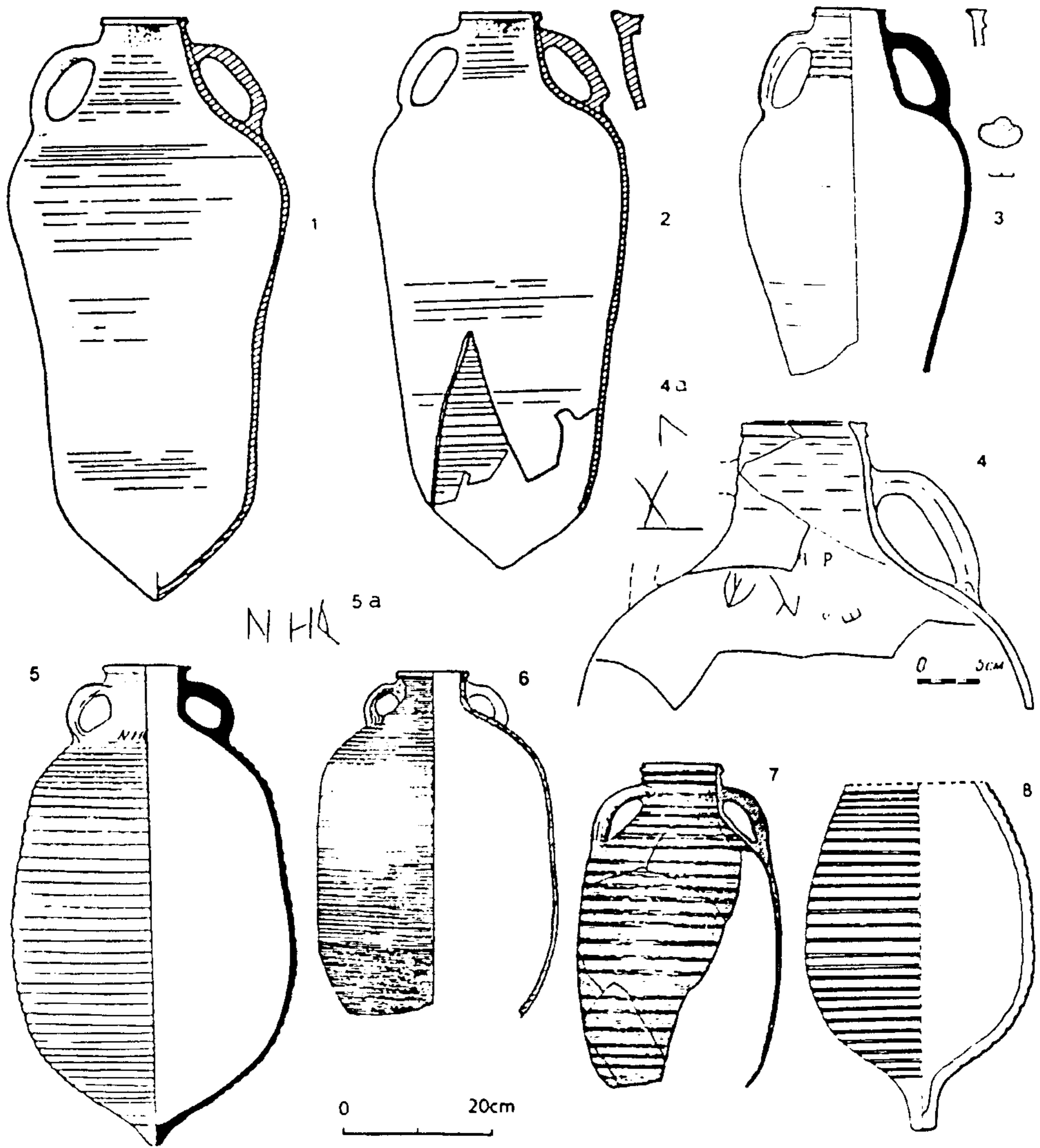

Рис. 62. Красноглиняные амфоры. 1-2 – Каменка-Анчекрак; 3, 5 – Тира; 4 – Александровка (4а - граффити на обратной стороне горла); 6 – Ягнятин; 7 – Рипнев II; 8 – Яссы-Николина.
 Amphoren aus rotem Ton. 1-2 – Kamenka-Ančekrak; 3, 5 – Tira; 4 – Aleksandrovka (4a – Graffiti auf der Innenseite des Halses); 6 – Jagnjatin; 7 – Ripnev II; 8 – Iași-Nicolina.

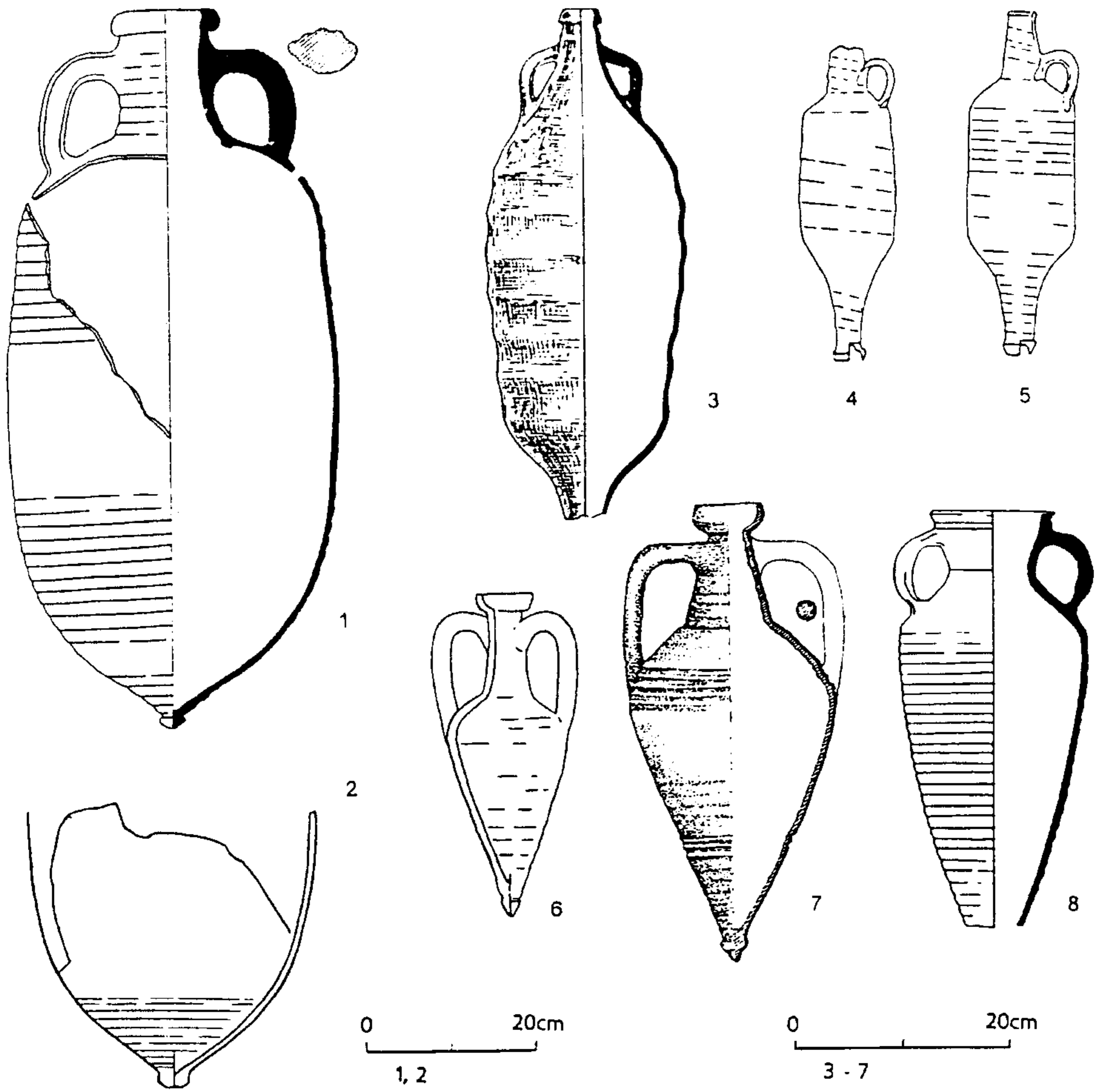

Рис. 63. Амфоры. 1, 8 – Тира; 2 – Александровка; 3 – Кокоара II; 4 – Каменка-Анчекрак, погр. 5; 5 – Каменка-Анчекрак, погр. 8; 6 – Спанцов, погр. 12; 7 – Извоаре, погр. 9.
 Amphoren: 1, 8 – Tira; 2 – Aleksandrovka; 3 – Cocoara II; Kamenka-Ančekrak Garb 5 (4) und 8 (5); 6 – Spantov Grab 12; 7 – Izvoare Grab 9.

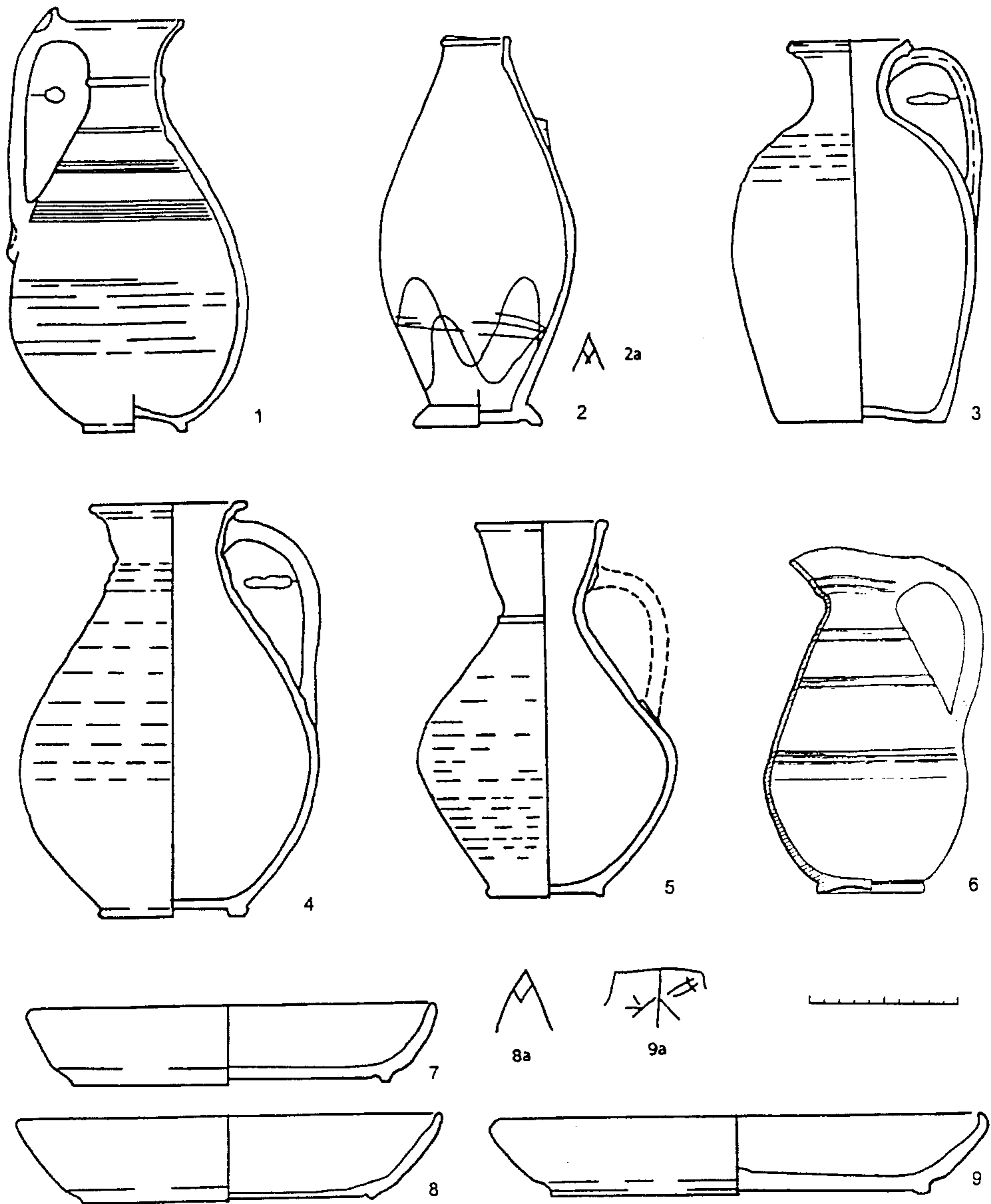

Рис. 64. Импортная краснолаковая (1-5, 7-9) и красноглиняная (6) посуда. 2а, 8а-9а – граффити на днищах сосудов.
 1 – Каборга; 2, 8 – Каменка-Анчекрак; 3 – Ранжевое; 4, 7 – Викторовка; 5 – Кobleво; 6 – Могошань; 9 – Сычавка.
 Importierte Gefäße mit rotem Überzug (1-5, 7-9) und aus rotem Ton (6). 2а, 8а-9а – Graffiti auf dem Gefäßboden. 1 – Kaborga;
 2, 8 – Kamenka-Ančekrak; 3 – Ranževoe; 4, 7 – Viktorovka; 5 – Koblevo; 6 – Mogošani; 9 – Syčavka.

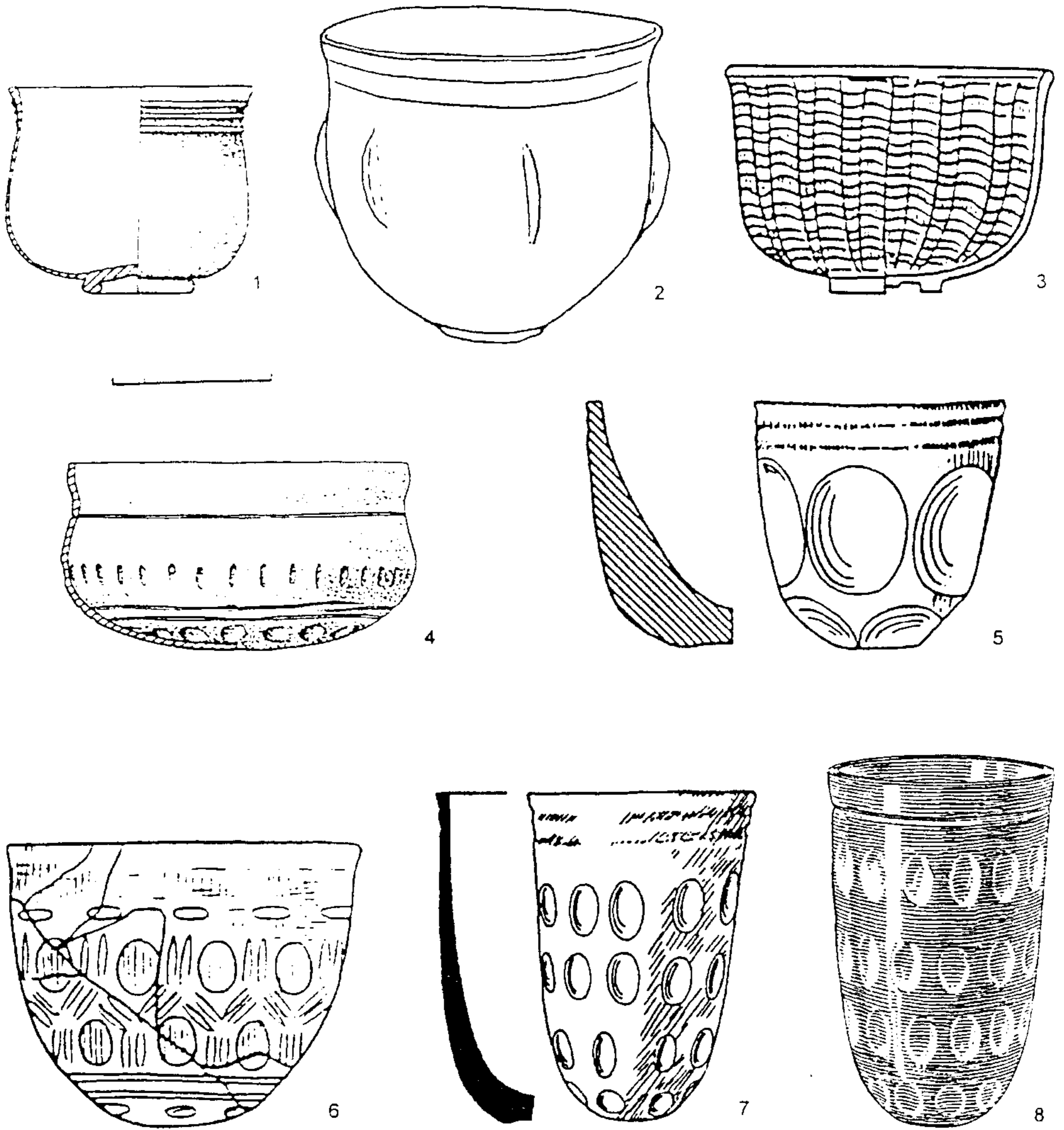

Рис. 65. Стекланные кубки. Тыргшор, погр. 298 (1), погр. 67 (4); 2 – Черняхов, погр. 88; 3 – Переяслав, погр. 2; Оселивка, погр. 86 (5), погр. 15 (7); 6 – Гавриловка, погр 82; 8 – Николаевка, погр. 1Н.
 Glasbecher: 1 - Tirgšr Grab 86 und Grab 67 (4); 2 - Černjachov Grab 88; 3 - Perejaslav Grab 2; 5 - Oselivka Grab 86 und 15 (7); 6 - Gavrilovka Grab 82; 8 - Nikolaevka Grab 1Н.

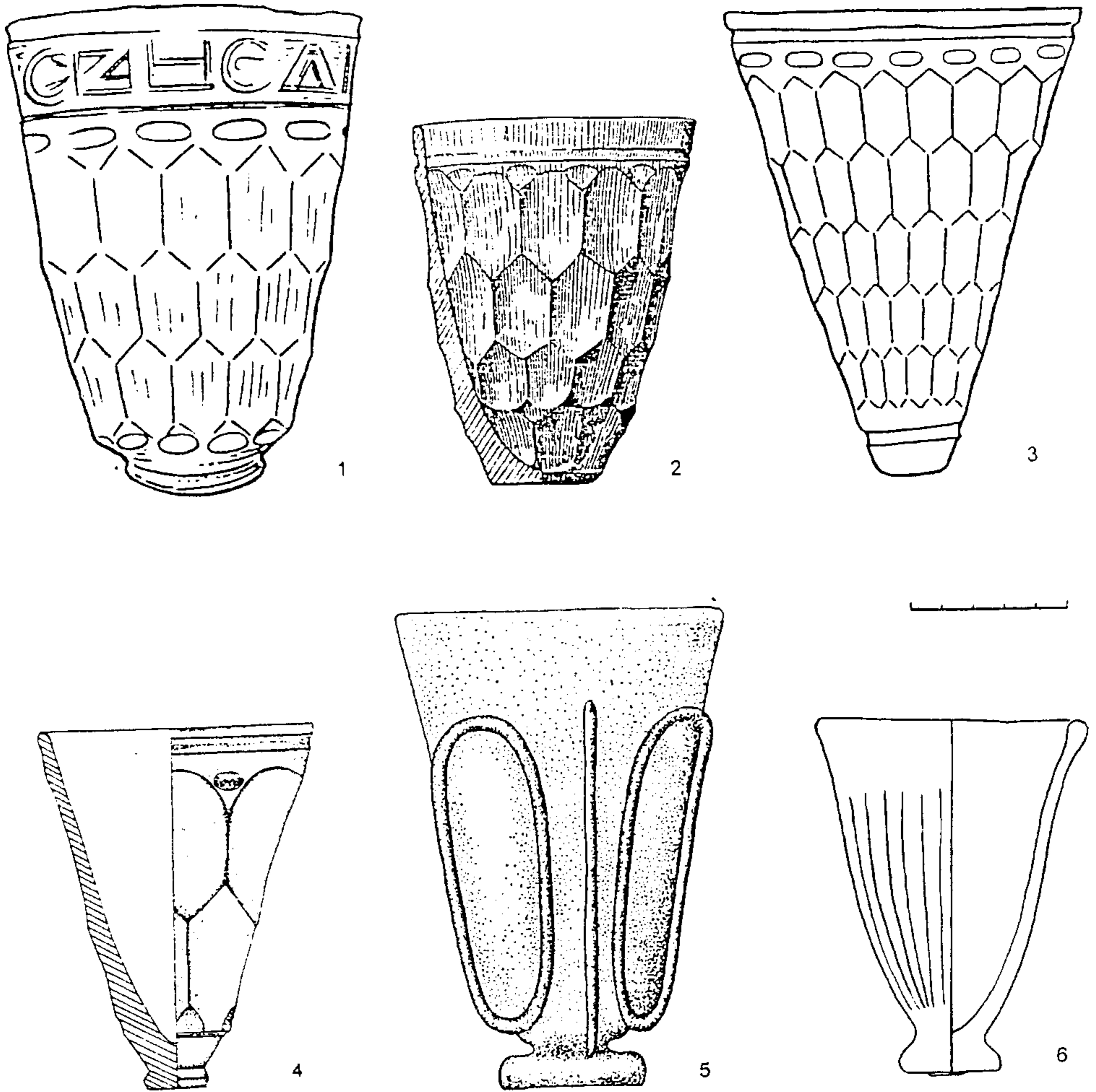
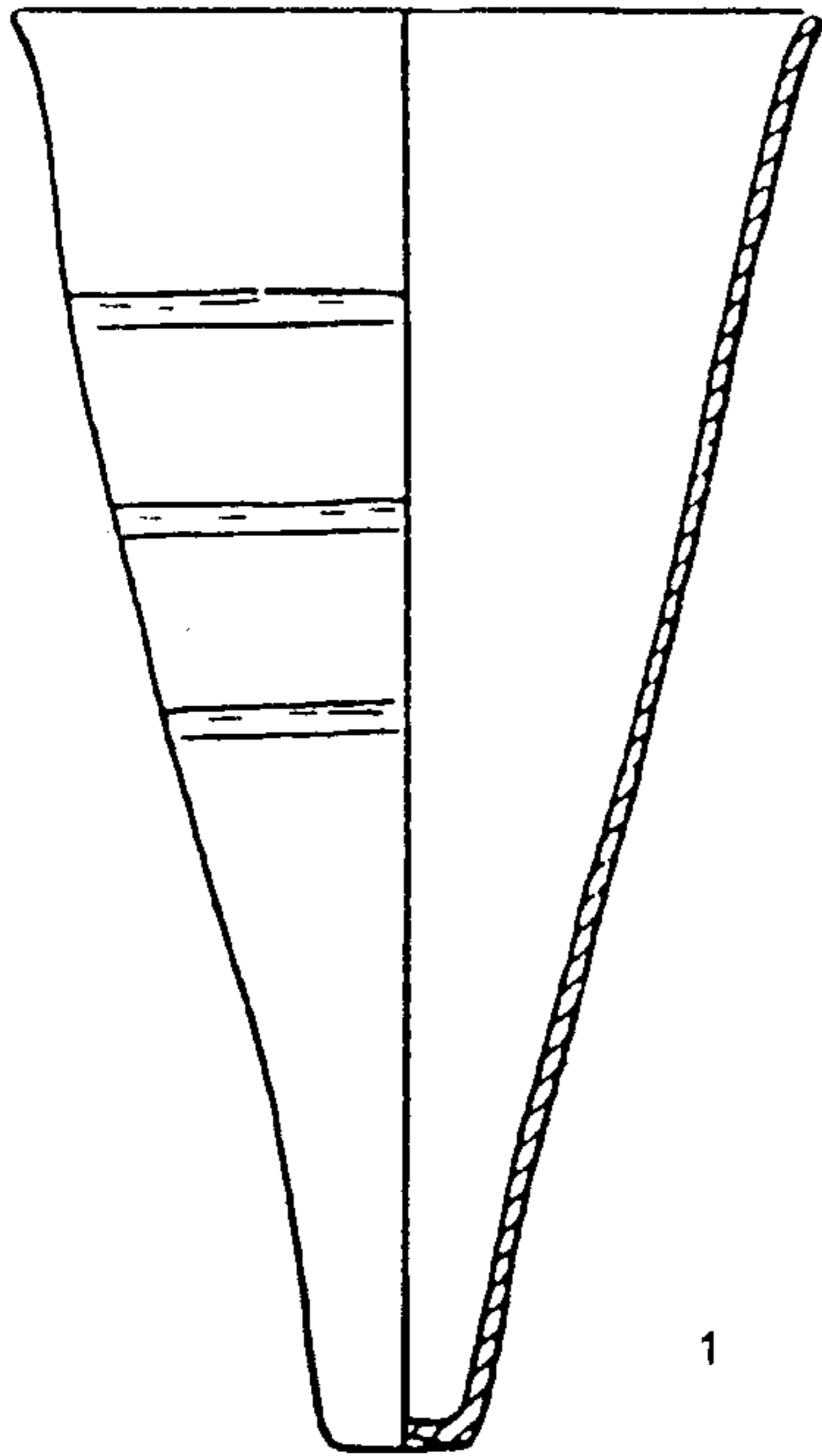
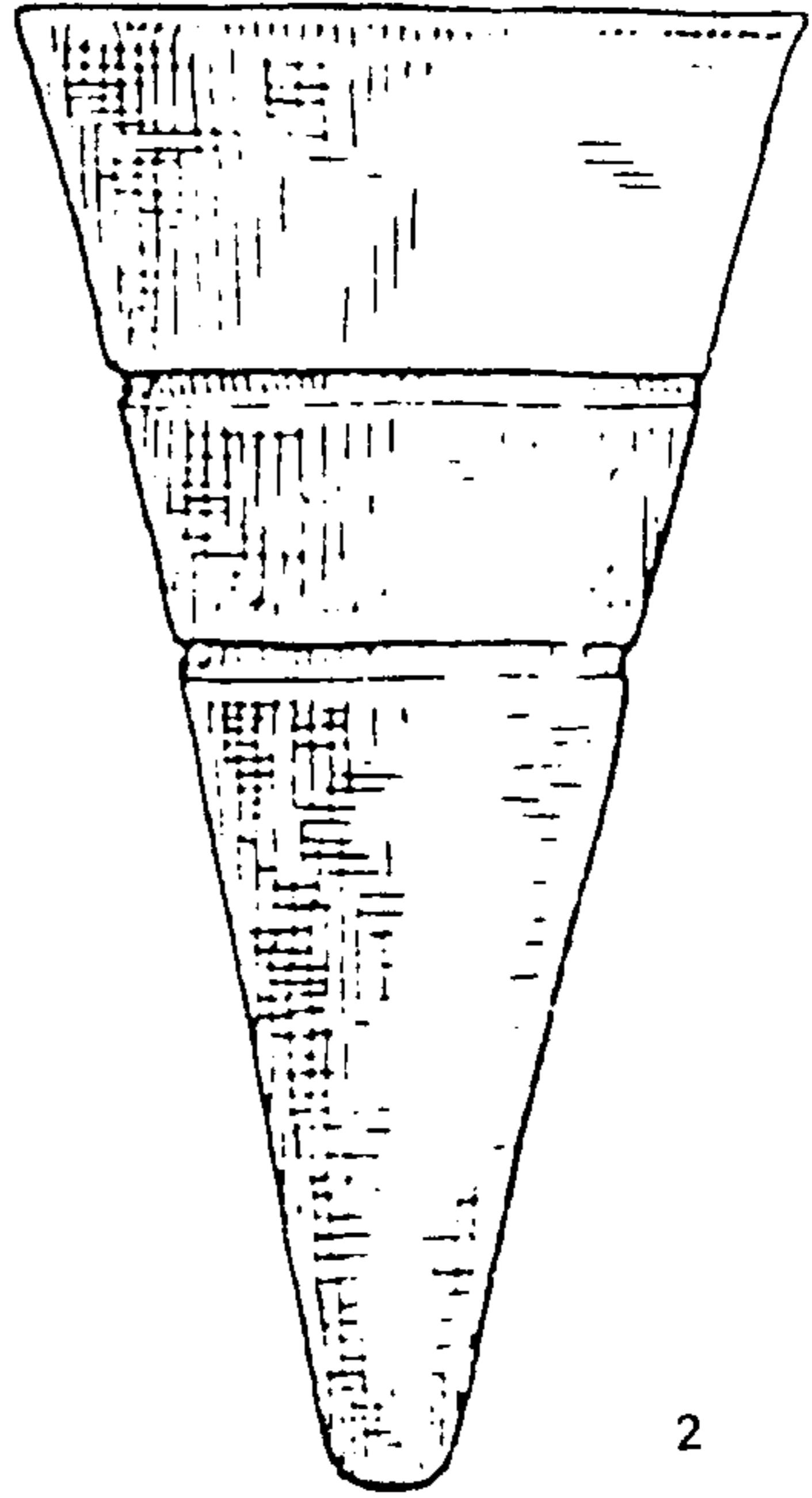

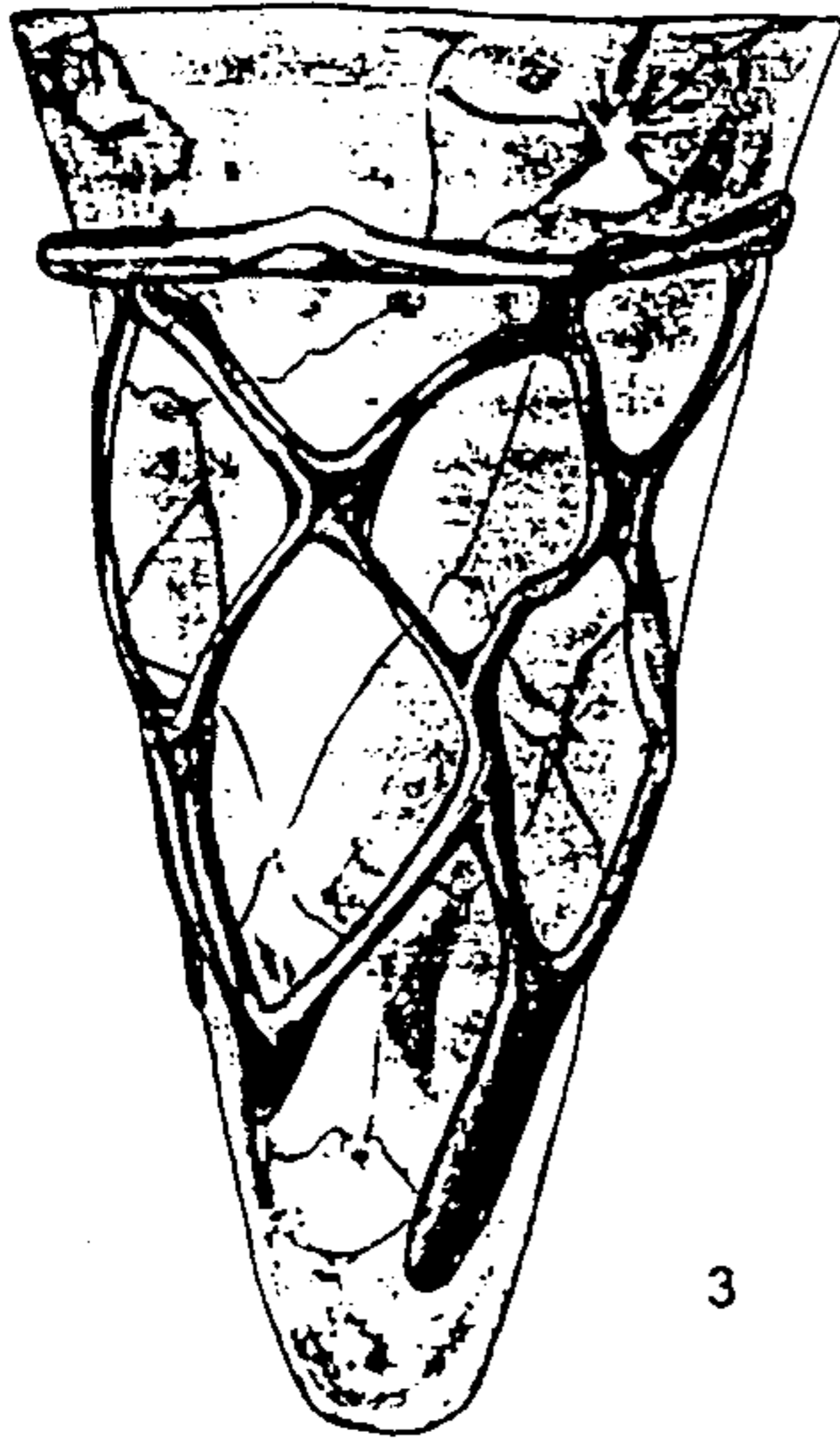
Рис. 66. Стекланные кубки. Ранжевое, погр. 14 (1), погр. 12 (3); 2 – Тыргшор, погр. 179; 4 – Извоаре, погр. 9;
 5 – Холмское, погр. 51; 6 – Фурмановка, погр. 8.
 Glasbecher: 1 – Ranzevosc Grab 14 und 12 (3); 2 – Tirgşor Grab 179; 4 – Izvoare Grab 9; 5 – Cholmskoe Grab 51; 6 – Furmanovka Grab 8.

1

2

3

4

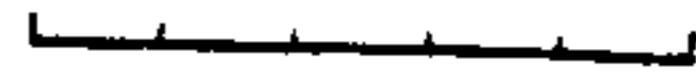

Рис. 67. Стекланные кубки. 1 – Ранжевое, погр. 18; 2 – Гавриловка, погр. 35; Журавка, погр. 5 (3), погр. 14 (4).
Glasbecher: 1 – Ranževoe Grab 18; 2 – Gavrilovka Grab 35; Žuravka Grab 5 (3) und 14 (4).

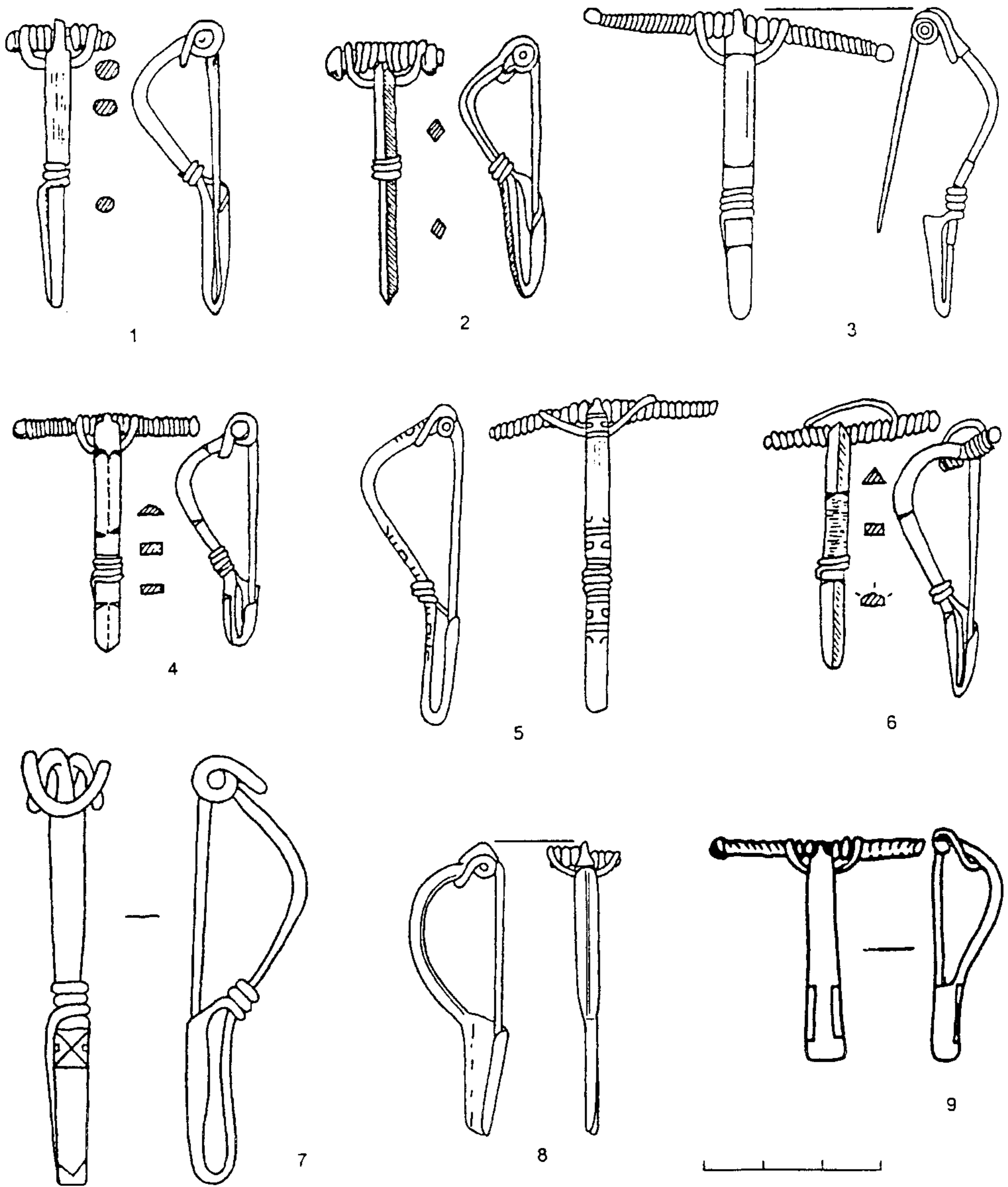

Рис. 68. Фибулы бронзовые. Косанов погр: 19 (1), 32 (2), 38 (4), 1 (6); Петрикивцы погр: 8 (3), 3 (5), 5 (8);
 7 – Баев, погр. 2; 9 – Городок, погр. 3.
 Bronzefibeln: Kosanov Gräber 19 (1), 32 (2), 38 (4), 1 (6); Petrikivcy Gräber: 8 (3), 3 (5), 5 (8); Baev Grab 2 (7). Gorodok Grab 3 (9).

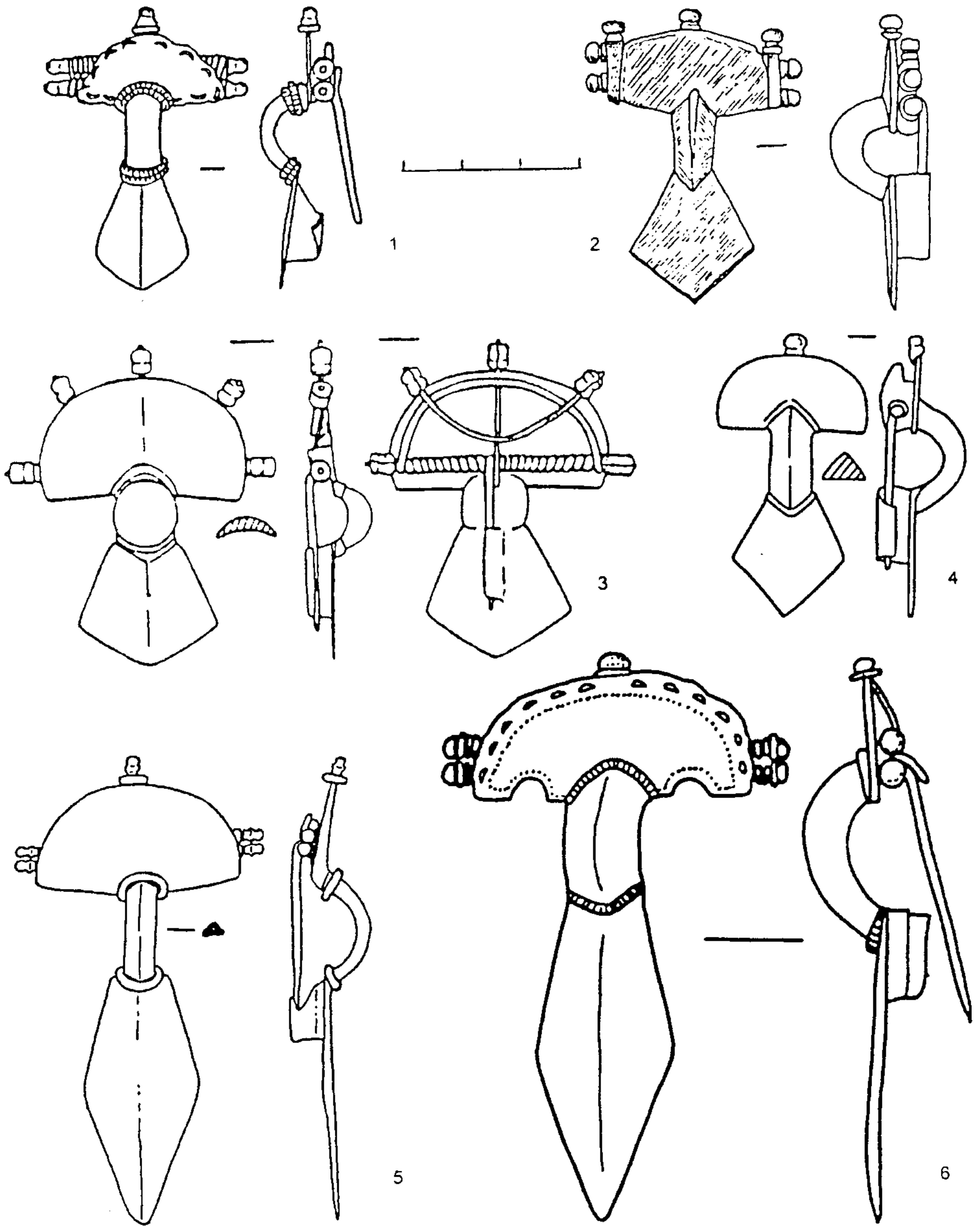

Рис. 69. Фибулы щитковые биллоновые: Курники, погр. 4 (1), 26 (5); 2 – Черняхов. погр. 160; 3 – Сумы-Сад. погр. 5; 4 – Боромля, погр. 44; 6 – Ранжевое, погр. 14.

Blechfibeln mit halbkreisförmiger Kopfplatte aus schlechtem Silber: Kurniki Gräber 4 (1), 26 (5); 2 – Černjachov Grab 160; 3 – Sumy-Sad Grab 5; 4 – Boromlja Grab 44; 6 – Ranževoe Grab 14.

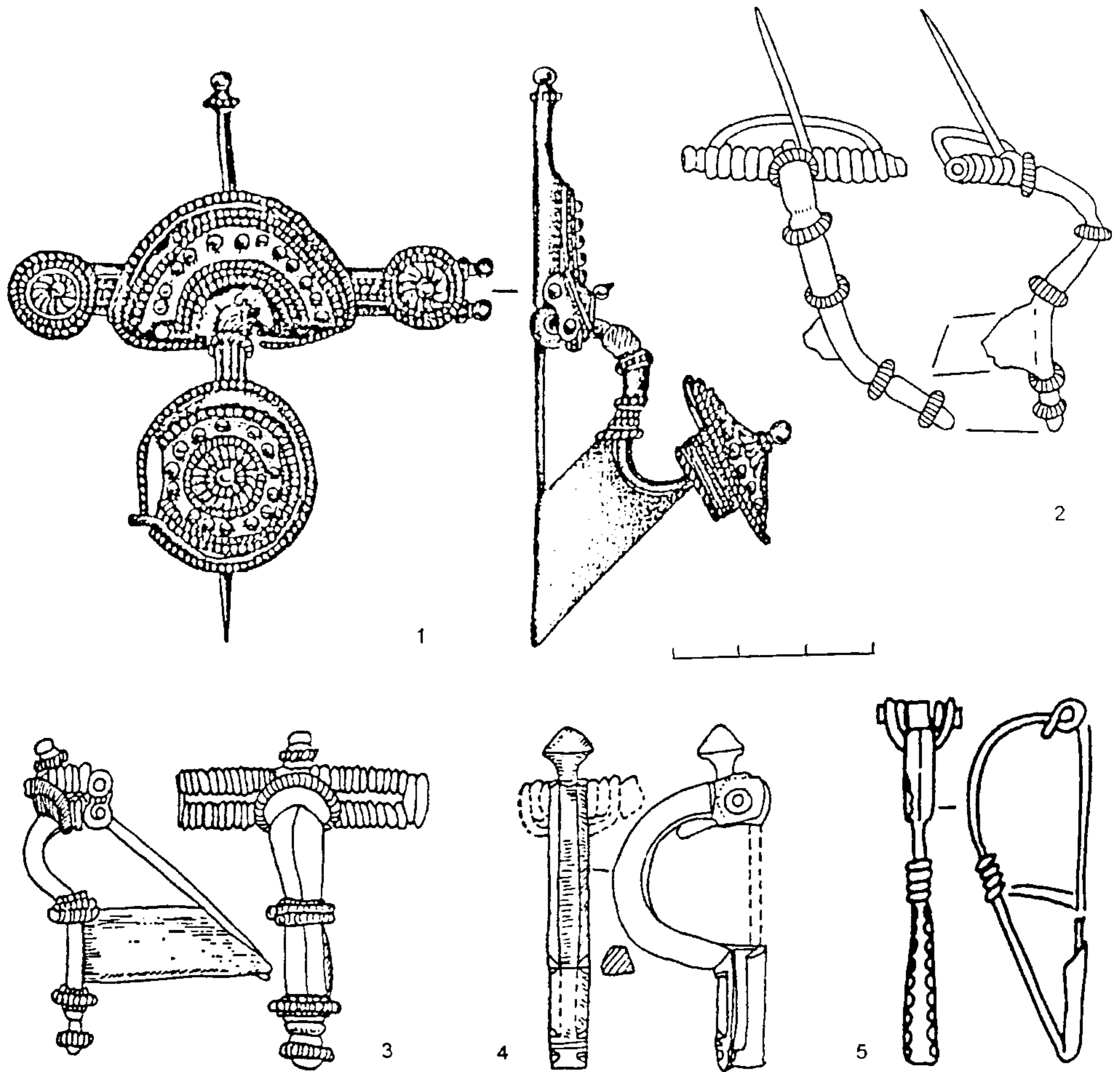

Рис. 70. Фибулы биллоновые (1-3) и бронзовые (4-5). 1 – Ханска; 2 – Петрикивцы, слой могильника; 3 – Городница;
 4 – Косанов, погр. 21; 5 – Каборга, погр. 21.
 Fibeln aus schlechtem Silber (1-3) und aus Bronze (4-5): 1 – Chanska; 2 – Petrikivcy; 3 – Gorodnica;
 4 – Kosanov Grab 21; 5 – Kaborga Grab 21.

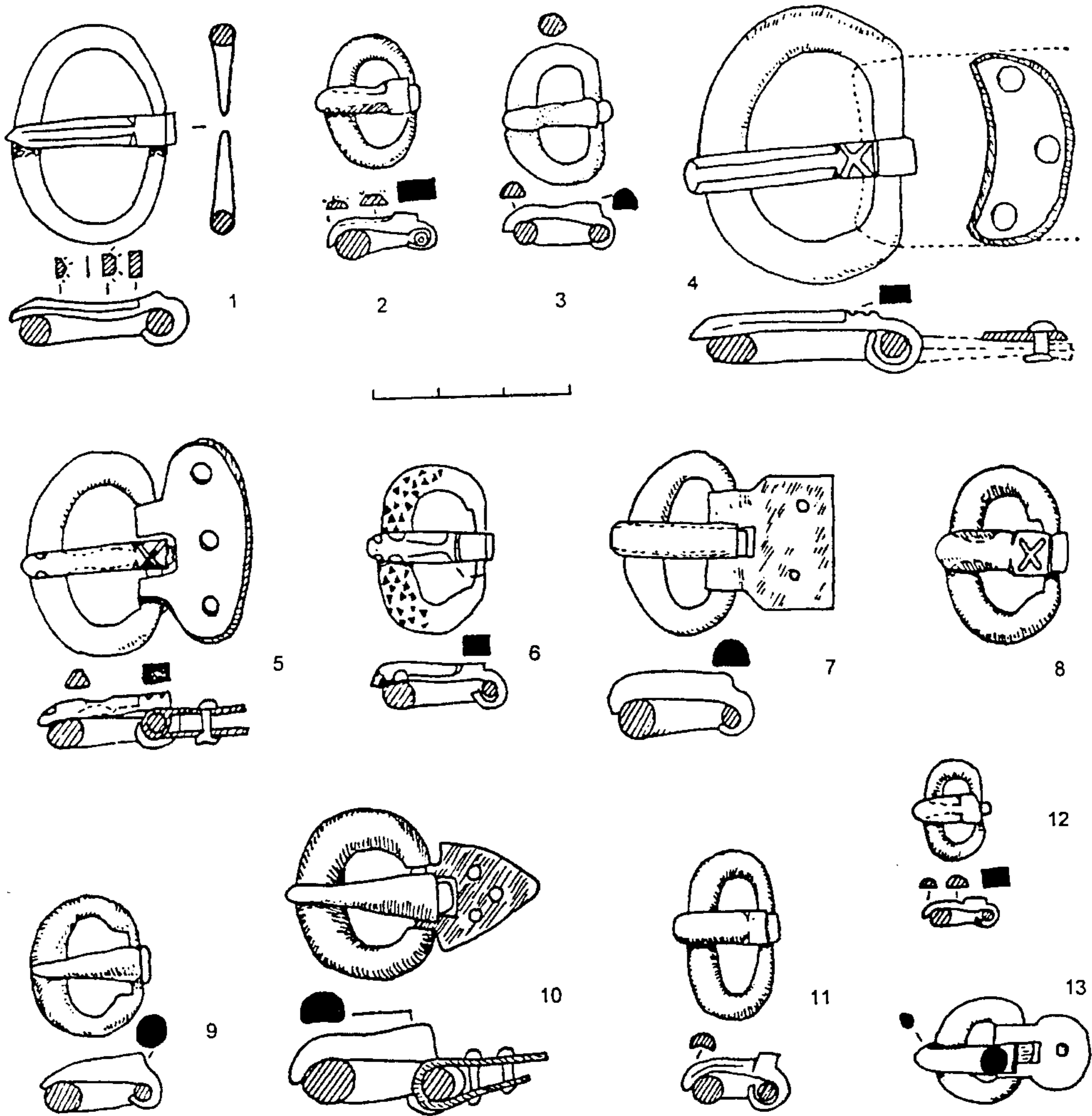

Рис. 72. Пряжки бронзовые, округлые в сечении. Классификация по Е.Л. Гороховскому: 1-2 – серия А; 3-4 – серия Б; 5-8 – серия В; 9-10 – серия Г; 11 – серия Д; 12 – серия Ж; 13 – серия З. Косанов погр: 1 (19), 5 (3, 9), 38 (5), 21 (7), 3 (10); Сумы-Сад погр: 7 (2), 5 (12); 4 – Ружичанка, погр. 8; 6 – Рыжевка, погр. 1; 8 – Черняхов; 11 – Журавка, погр. 2; 13 – Кантемировка, погр. 3.

Bronzeschnallen mit rundem Querschnitt (Serien nach E. L. Gorochovskij). 1-2 – Serie A, 3-4 – Serie B, 5-8 – serie V, 9-10 – Serie G, 11 – Serie D, 12 – Serie Ž, 13 – Serie Z. Kosanov Gräber: 19 (1), 5 (3, 9), 38 (5), 21 (7), 3 (10); Sumy Sad Gräber: 7 (2), 5 (12); Ružičanka Grab 8 (4); Ryževka Grab 1 (6); Černjachov (8); Žuravka Grab 2 (11); Kantemirovka Grab 3 (13).

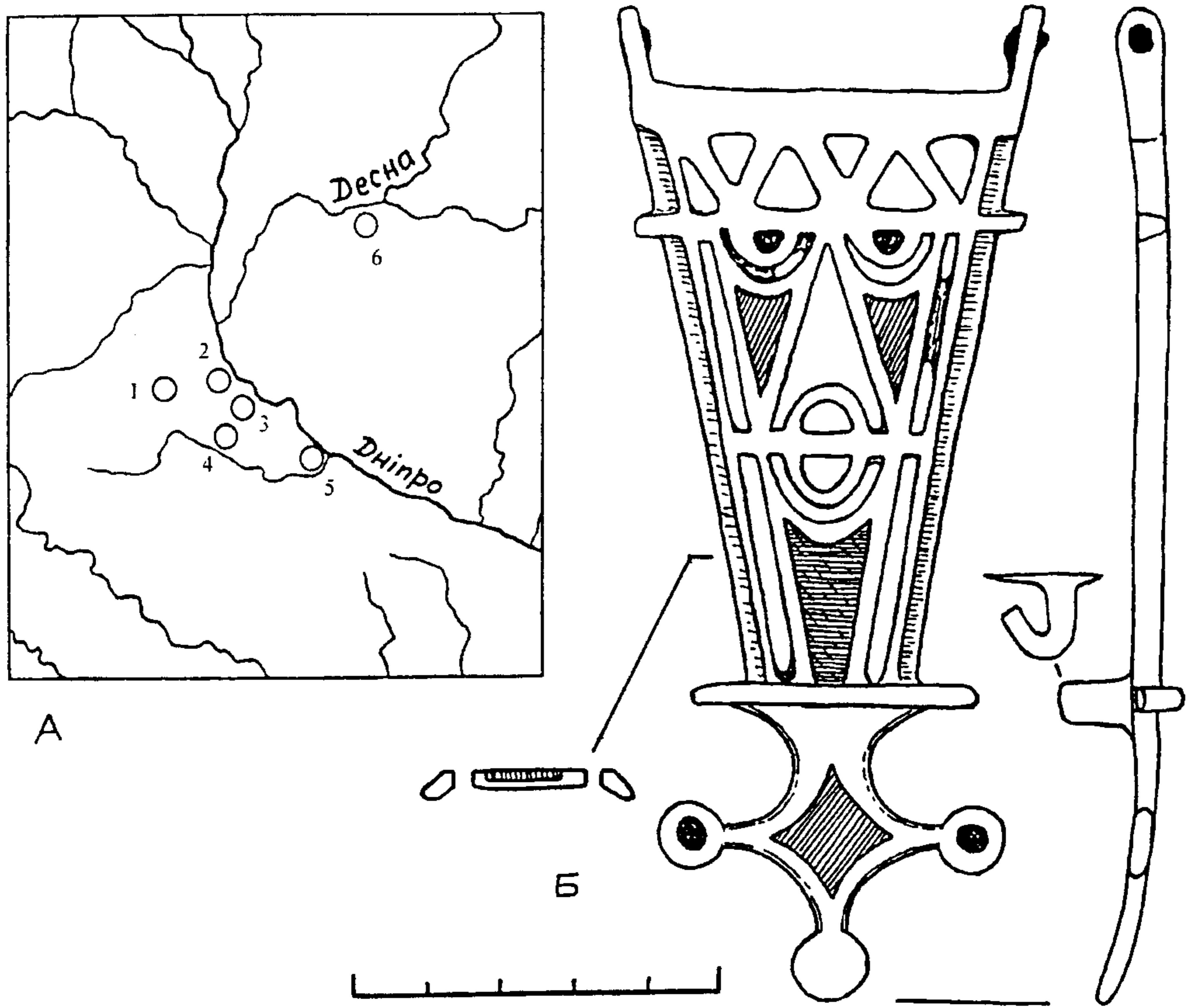

Рис. 71. А. Карта находок эмалевых треугольных фибул подтипа III.2. 1 – Великая Снитинка, 2 – Новые Безрадичи, 3 – Черняхов, 4 – Ромашки, 5 – Пекари, 6 – Борзна. Б. Фибула из Великой Снитинки.
 A. Verbreitung der dreieckigen Fibel mit Email vom Typ III.2: 1 – Velikaja Snitinka (B), 2 – Novye Bezradiči, 3 – Černjachov, 4 – Romaški, 5 – Pekary, 6 – Borzna.

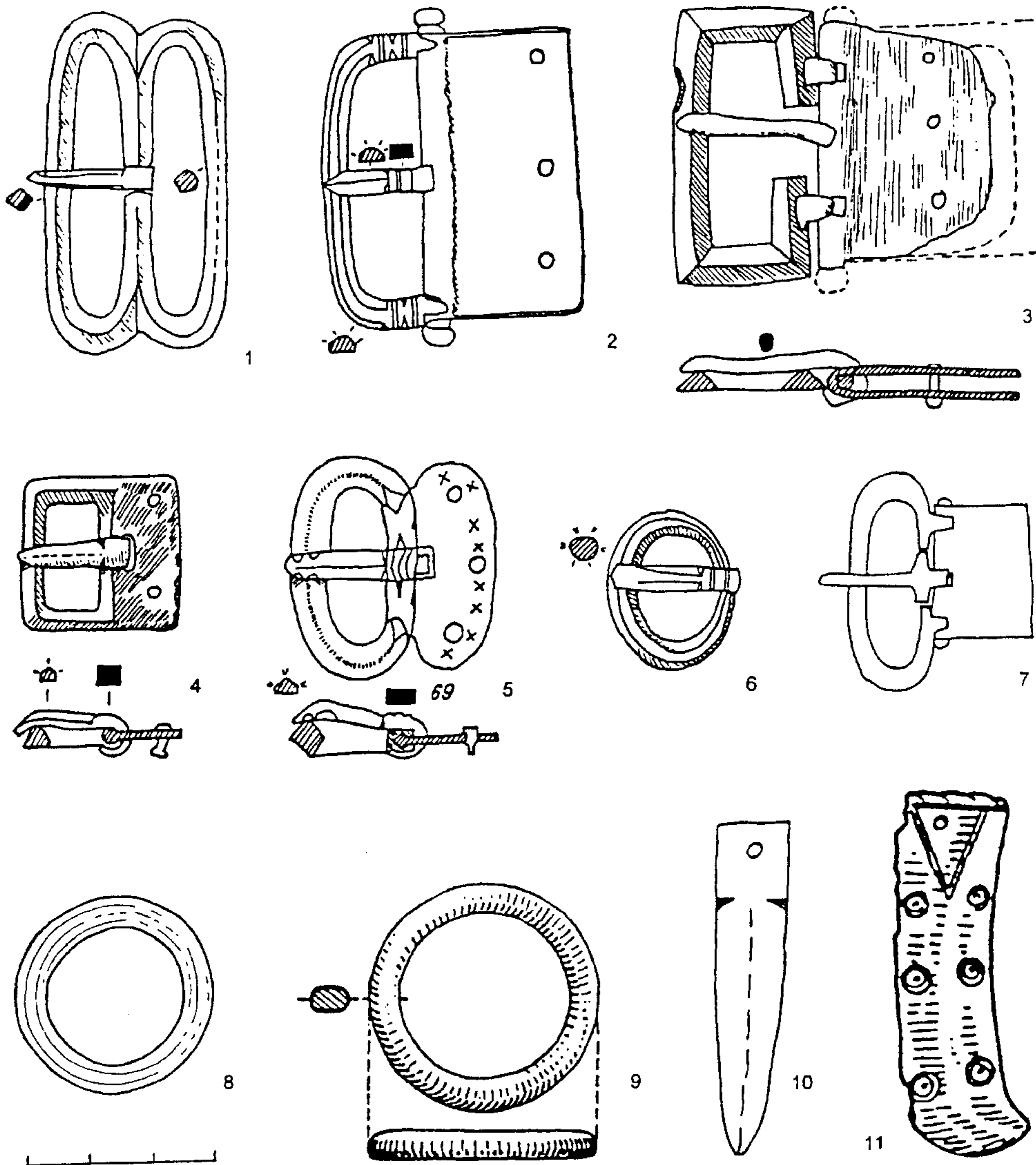

Рис. 73. Пряжки и наконечники ремней (1-9, 11 – бронза, 10 – биллон). 1 – Ромашки, погр.43; Ружичанка погр: 44 (2), 57 (3), 1 (7); 4 – Косанов, погр. 22; 5 – Раковец, погр. 3; 6 – Завадовка, погр. 2; 8 – Петриковцы; 9 – Тыргшор; 10 – Кантемировка, погр.1; 11 – Рипнев.

Schnallen und Riemenzungen (1-9, 11 - Bronze, 10 - schlechtes Silber): Romaški Grab 43 (1); Ružičanka Gräber: 44 (2), 57 (3), 1 (7); Kosanov Grab 22 (4); Rakovec Grab 3 (5); Zavadovka Grab 2 (6); Petrikivcy (8); Tîrgşor (9); Kantemirovka Grab 1 (10); Ripnev (11).

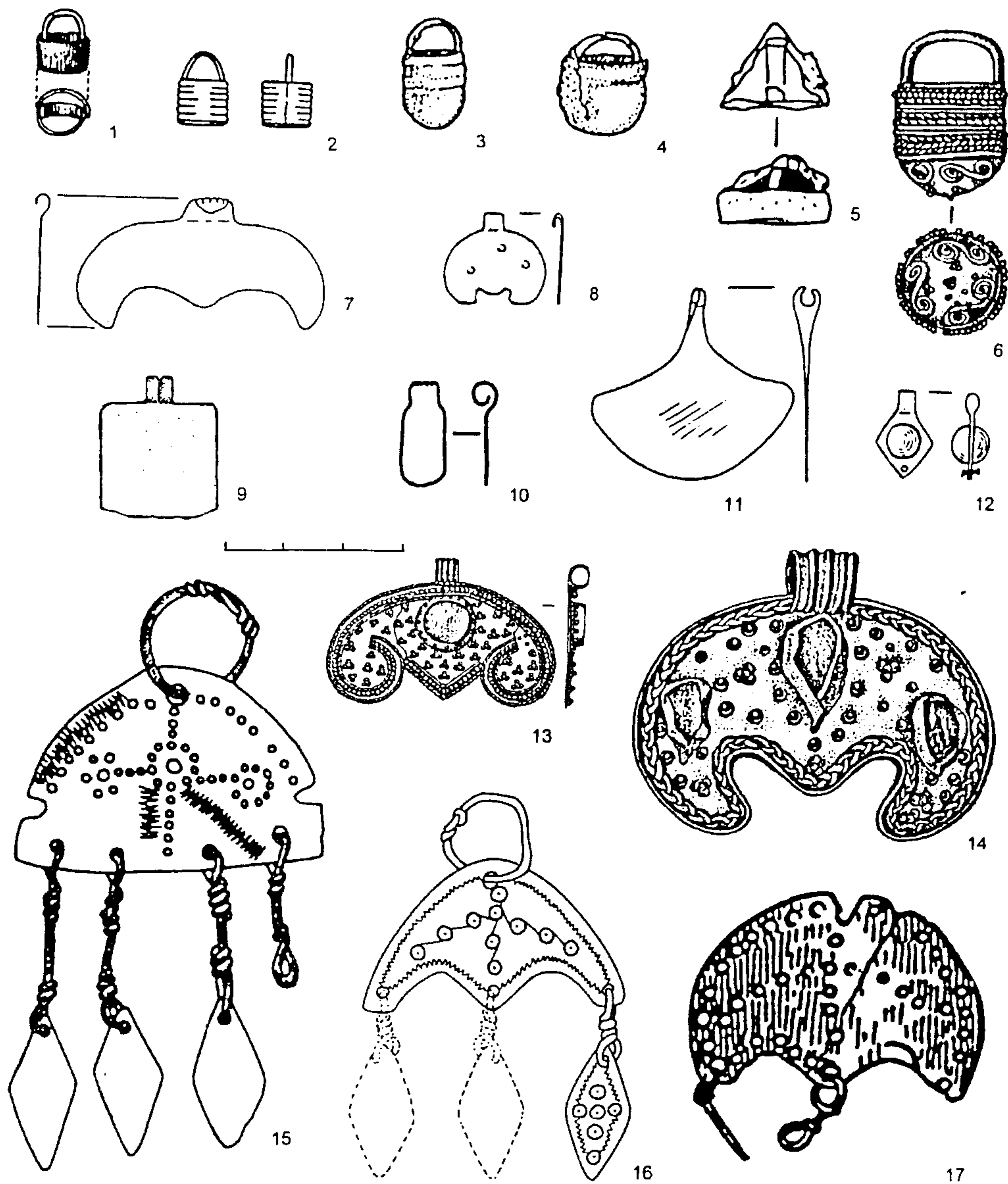

Рис. 74. Подвески (3-5 – железо; 6, 13-14 – золото; 7, 10 – серебро; 16 – рог, бронза; 9, 11-12, 17 – бронза). 1 – Тырг-шор; 2 – Боромля, погр. 33; 3-5, 10 – Каборга, погр. 8; Данчены погр.: 79 (6), 64 (13), 279 (14); 7 – Петрикивцы, погр. 3; 8, 12 – Соснова; 9 – Косанов, погр. 5; 11 – Теремцы; 15 – Пэлатка; 16 – Бырлад; 17 – Рипнев 2.
 Anhänger (3-5 - Eisen; 6, 13-14 - Gold; 7, 10 - Silber; 16 - Geweih/Bronze; sonstige - Bronze). 1 – Tirgşor; 2 – Boromla Grab 33; 3-5, 10 – Kaborga Grab 8; Dančeny Gräber: 79 (6), 64 (13), 279 (14); 7 – Petrikivcy Grab 3; 8, 12 – Sosnova; 9 – Kosanov Grab 5; 11 – Teremcy; 15 – Pălatca; 16 – Bîrlad; 17 – Ripnev 2.

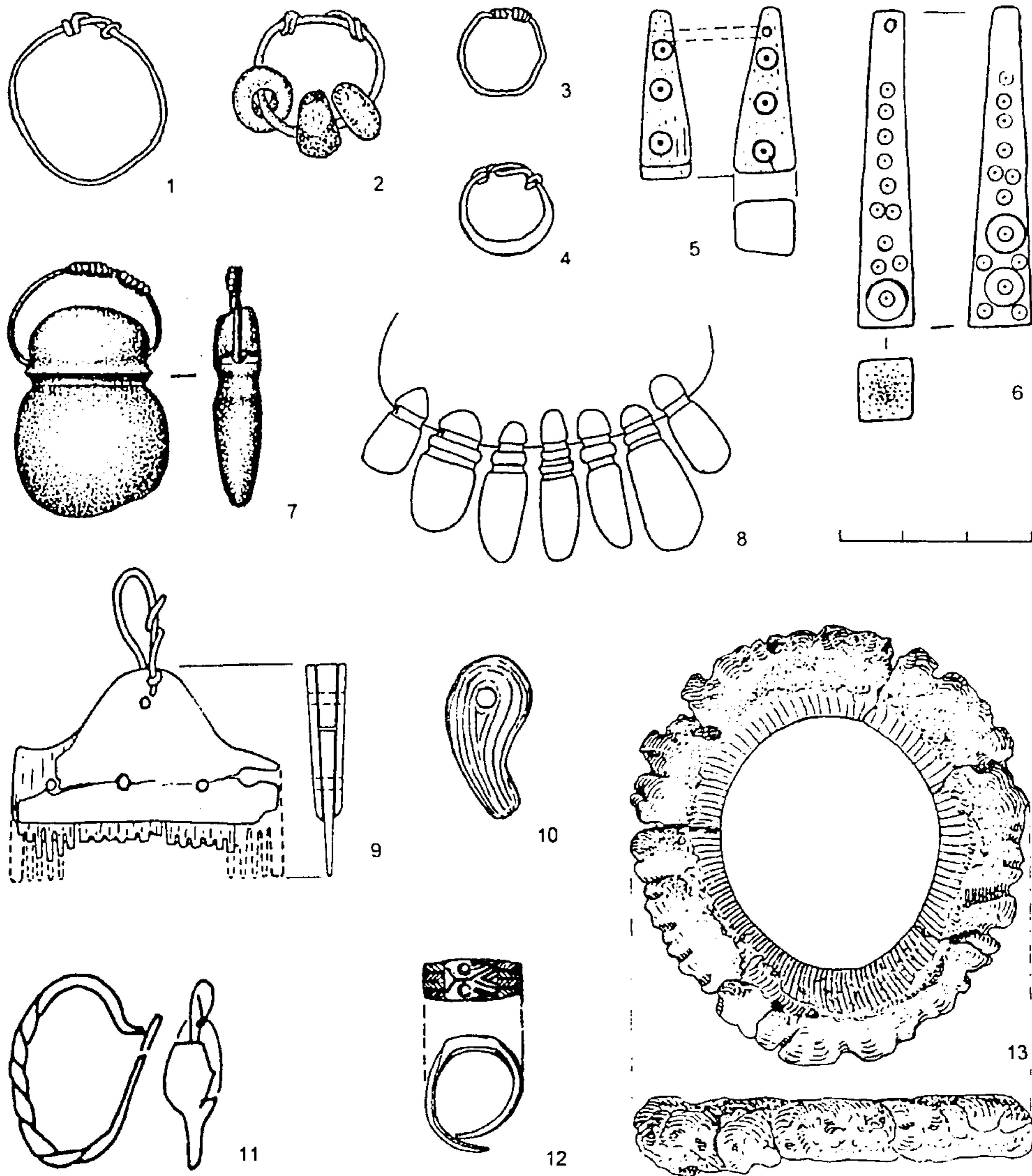

Рис. 75. Подвески и другие украшения (1, 11-12 – бронза; 2 – стекло, янтарь, бронза; 3 – золото; 4 – серебро; 5-6, 13 – рог; 7 – янтарь, бронза; 8 – янтарь; 9 – рог, бронза; 10 – стекло): Курники погр: 17 (1), 7 (4), 19 (3); 2 – Романово Село, погр. 7; Бырлад (5), погр. 408 (9); 6 – Великая Снитинка; 7 – Данчены, погр. 292; 8 – Петриковцы, погр. 19; 10 – Каменка-Анчекрак, погр. 32; 11 – Каборга, погр. 9; Тыргшор, слой (12), погр. 5 (13).

Anhänger und andere Schmucksachen (1, 11-12 – Bronze; 2 – Glas/Bernstein/Bronze; 3 – Gold; 4 – Silber; 5-6, 13 – Geweih; 7 – Bernstein/Bronze; 8 – Bernstein; 9 – Geweih/Bronze; 10 – Glas): Kurniki Gräber: 17 (1), 7 (4), 19 (3); 2 – Romanovo Selo Grab 7; Birlad (5) und Grab 408 (9); 6 – Velika Snitinka; 7 – Dančeny Grab 292; 8 – Petrikivcy Grab 19; 10 – Kamenka Ančekrak Grab 32; 11 – Kaborga Grab 9; Türgšor (12) und Grab 5 (13).

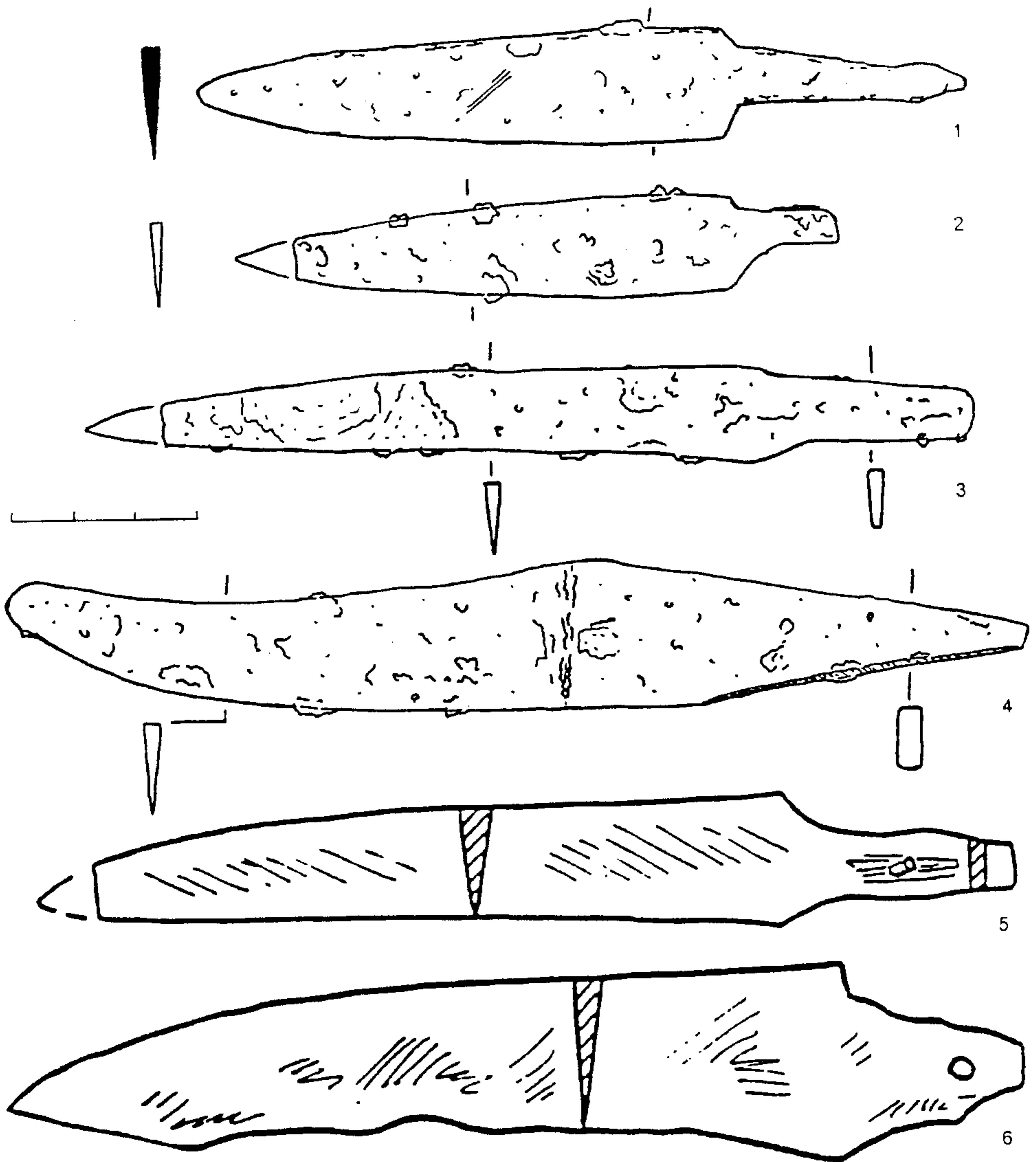

Рис. 76. Ножи железные. 1-4 – Великая Снитинка; 5 – Боромля, погр. 2; 6 – Лохвица, погр. 9.
 Eisenmesser: 1-4 – Velikaja Snitinka; 5 – Boromlja Grab 2; 6 – Lochvica Grab 9.

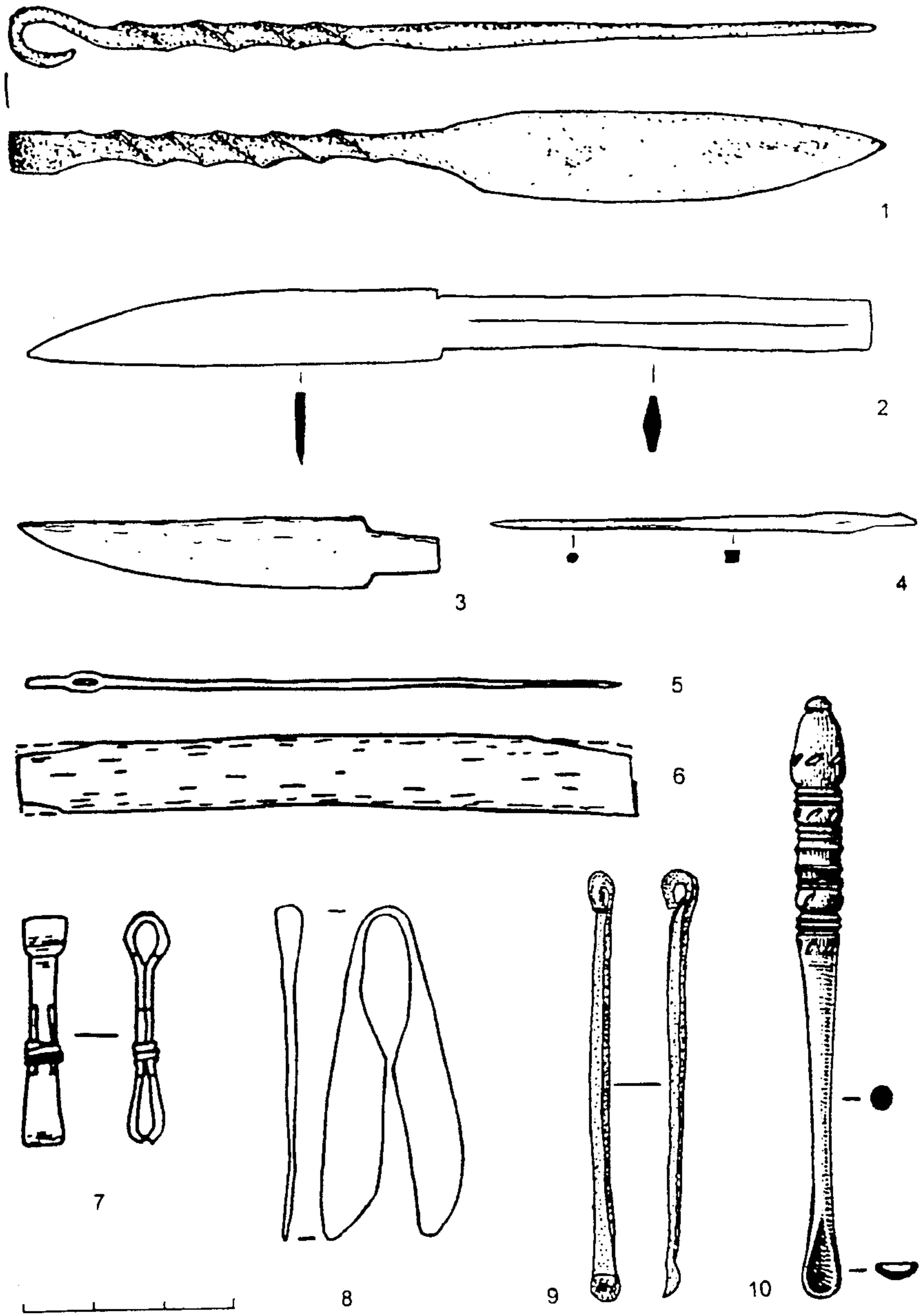

Рис. 77. 1-3 – ножи; 4 – шило; 5 – швейная игла; 6 – игольник; 7 – пинцет; 8 – туалетные ножницы; 9-10 – копоушки (1-5, 8-10 – бронза; 6 – кость; 7 – серебро). 1, 3 – Лохвица; 2, 4 – Каборга, погр. 5; 5-6 – Каборга, погр. 12; 7 – Городок, погр. 9; 8 – Заячивка, погр. 9; 9 – Романово Село, погр. 7; 10 – Тыргшор.

1-3 – Messer, 4 – Pfriem, 5 – Nähnadel, 6 – Nähnadlbüchse, 7 – Pinzette, 8 – Miniaturschere; 9-10 – Ohrlöffel (1-5, 8-10 – Bronze, 6 – Bein, 7 – Silber): 1, 3 – Lochvica; 2, 4 – Kaborga, Grab 5; 5-6 – Kaborga, Grab 12; 7 – Gorodok, Grab 9; 8 – Zajačivka, Grab 9; 9 – Romanovo Selo, Grab 7; 10 – Türgšor.

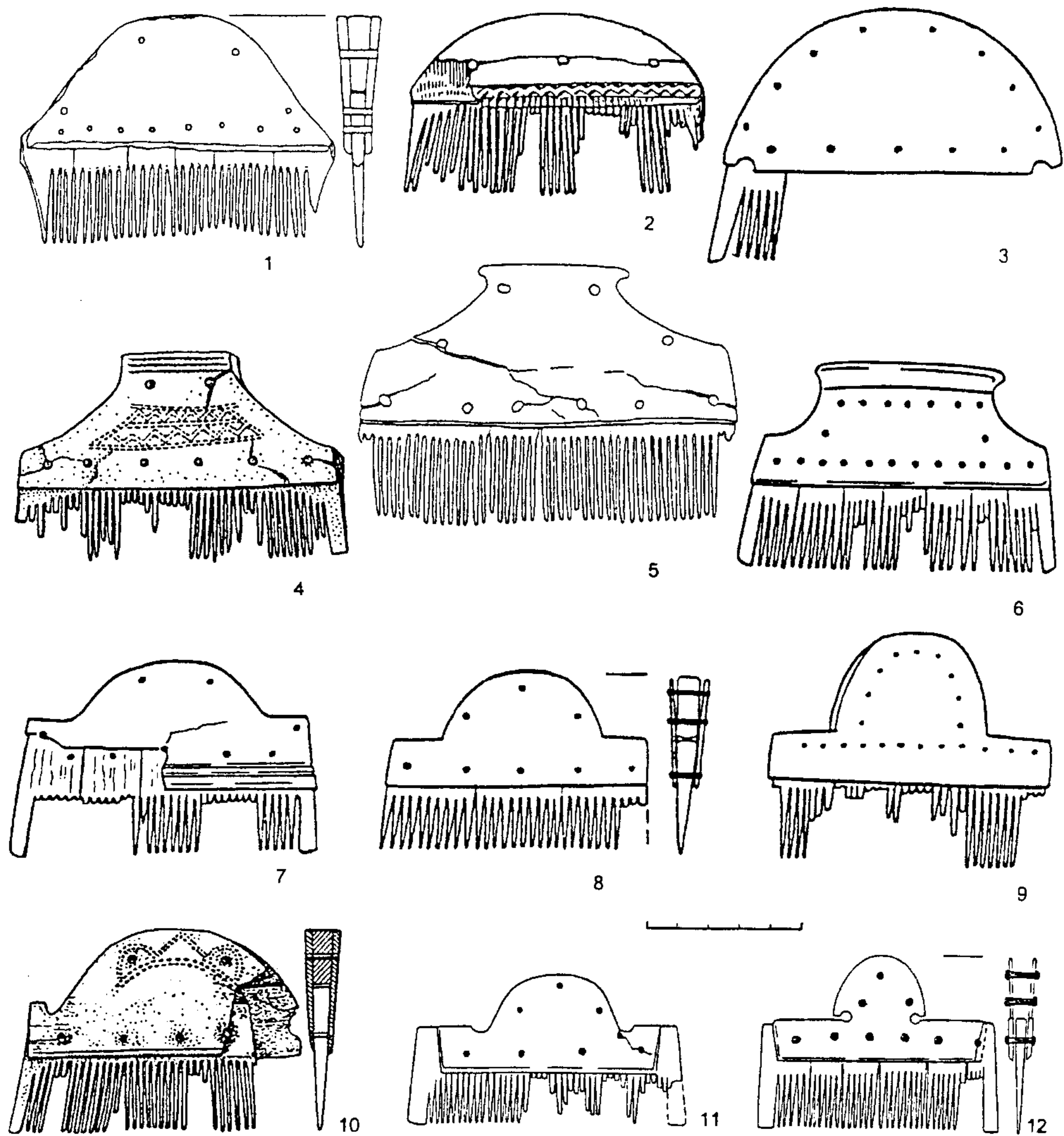
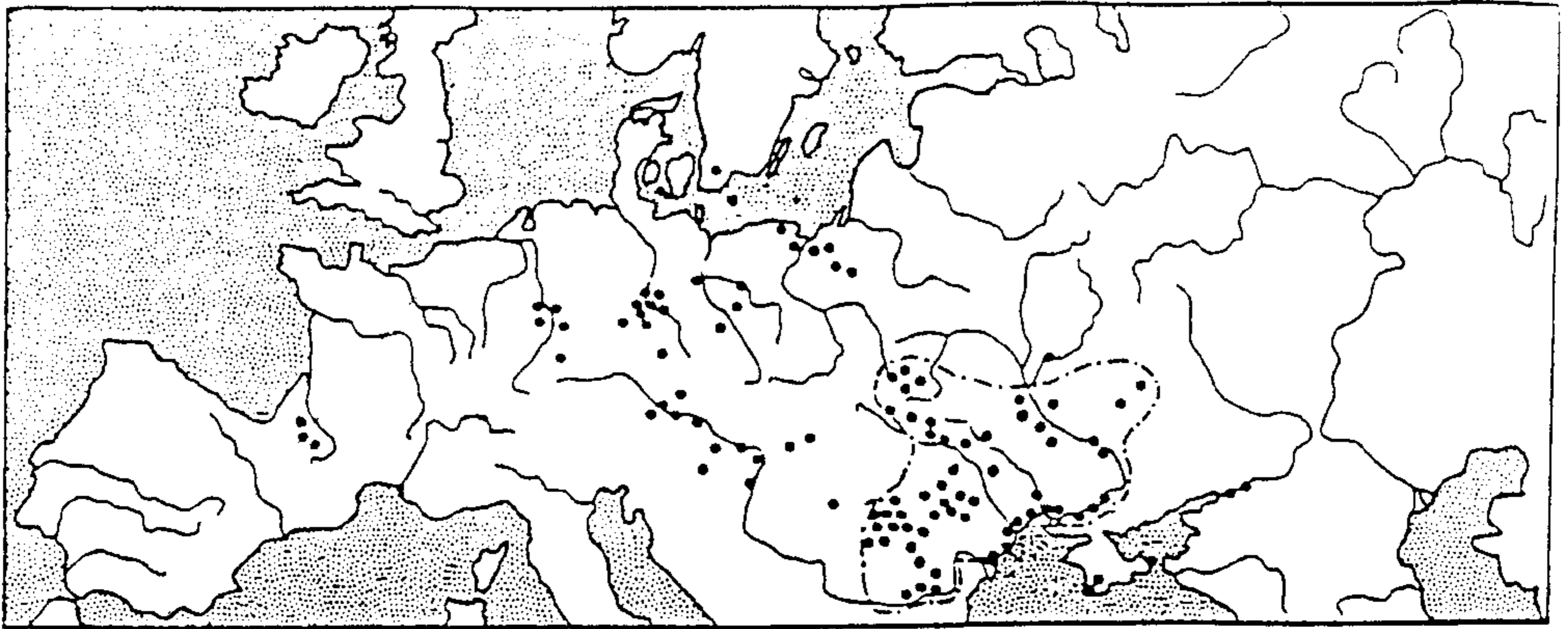
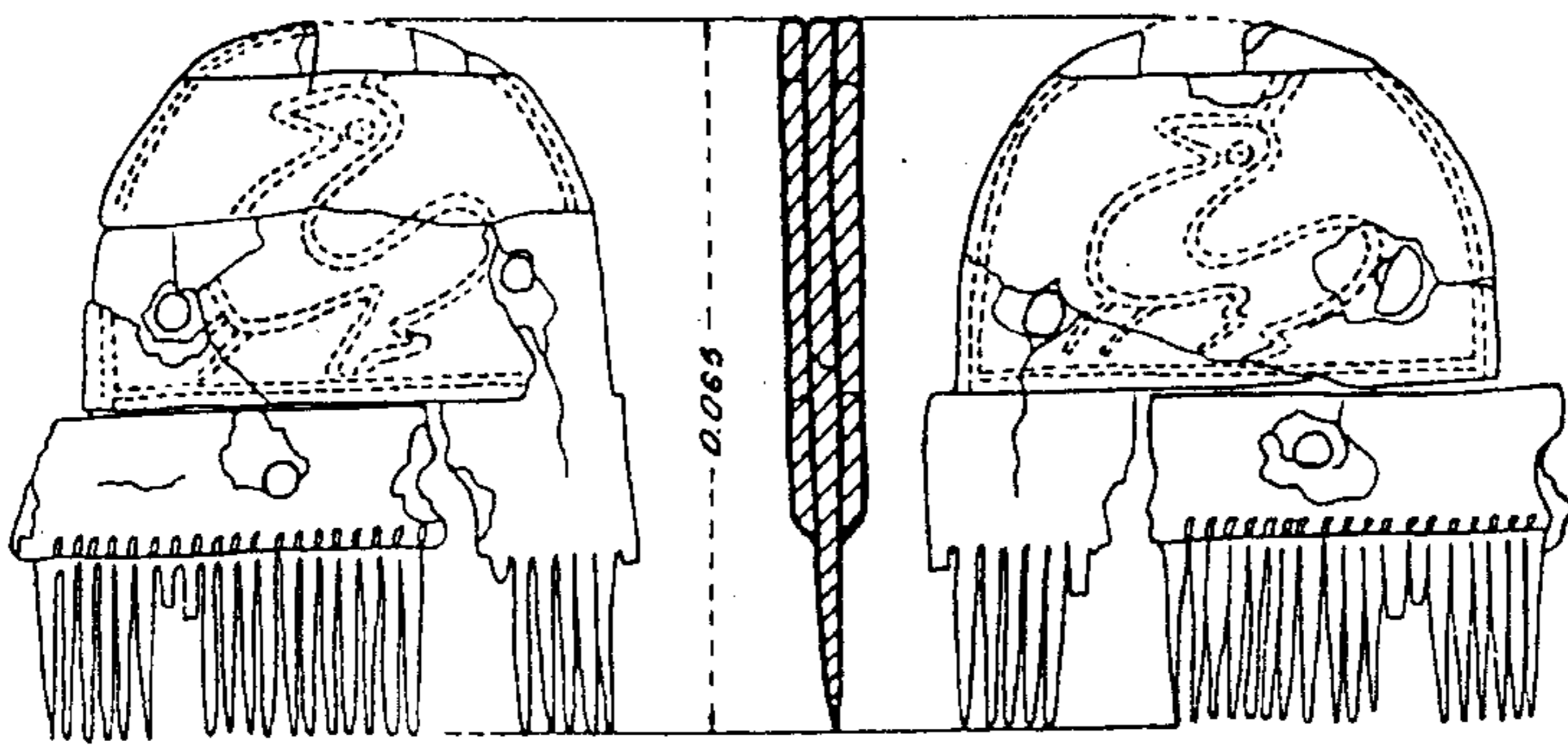

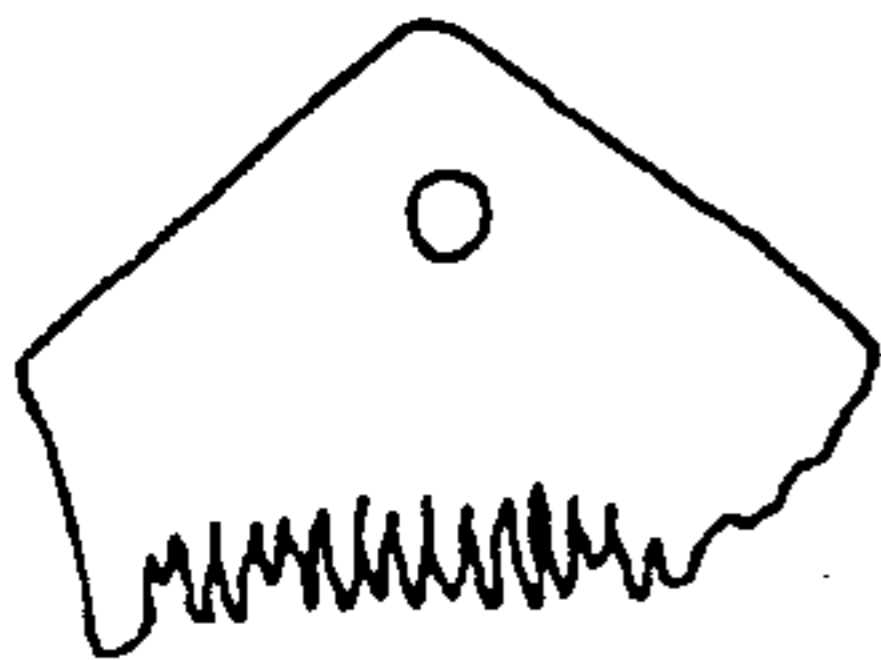
Рис. 78. Гребни из оленьего рога. 1, 5 – Петриківці; 2 – Рипнів; 3 – Вовчик; 4, 10 – Косанов; 6 – Соснова;
 7, 9 – Жовнин; 8 – Переяслав; 11-12 – Успенка.
 Kämme aus Hirschgeweih: 1, 5 – Petrikivcy; 2 – Ripniv; 3 – Vovčik; 4, 10 – Kosanov; 6 – Sosnova; 7, 9 – Žovnin;
 8 – Perejaslav; 11-12 – Uspenka.

1

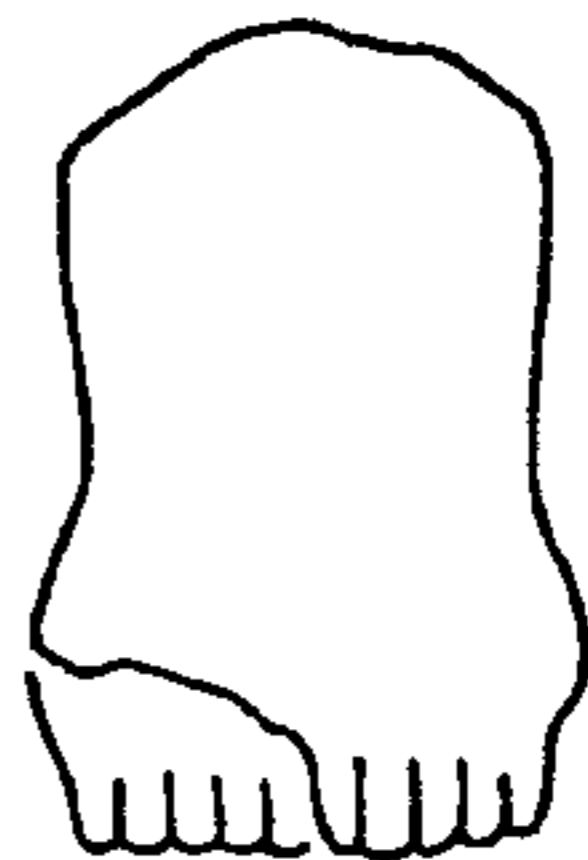
2

3

4

5

Рис. 79. 1 – карта распространения гребней типа III: выделена граница черняховской культуры (по Kazanski, Lapart 1995). 2 – гребень из Лецкань, погр. 1; 3-5 – железные гребни (3 – Думанов, погр. 67; 4 – Журавка; 5 – Шершни).
 1 – Verbreitung der Kämmе vom Typ III (nach Kazanski, Lapart 1995); 2 – Lețcani Grab 1; Eisenkämmе aus Dumanov (3) Grab 67; Žuravka (4) und Šeršni (5).

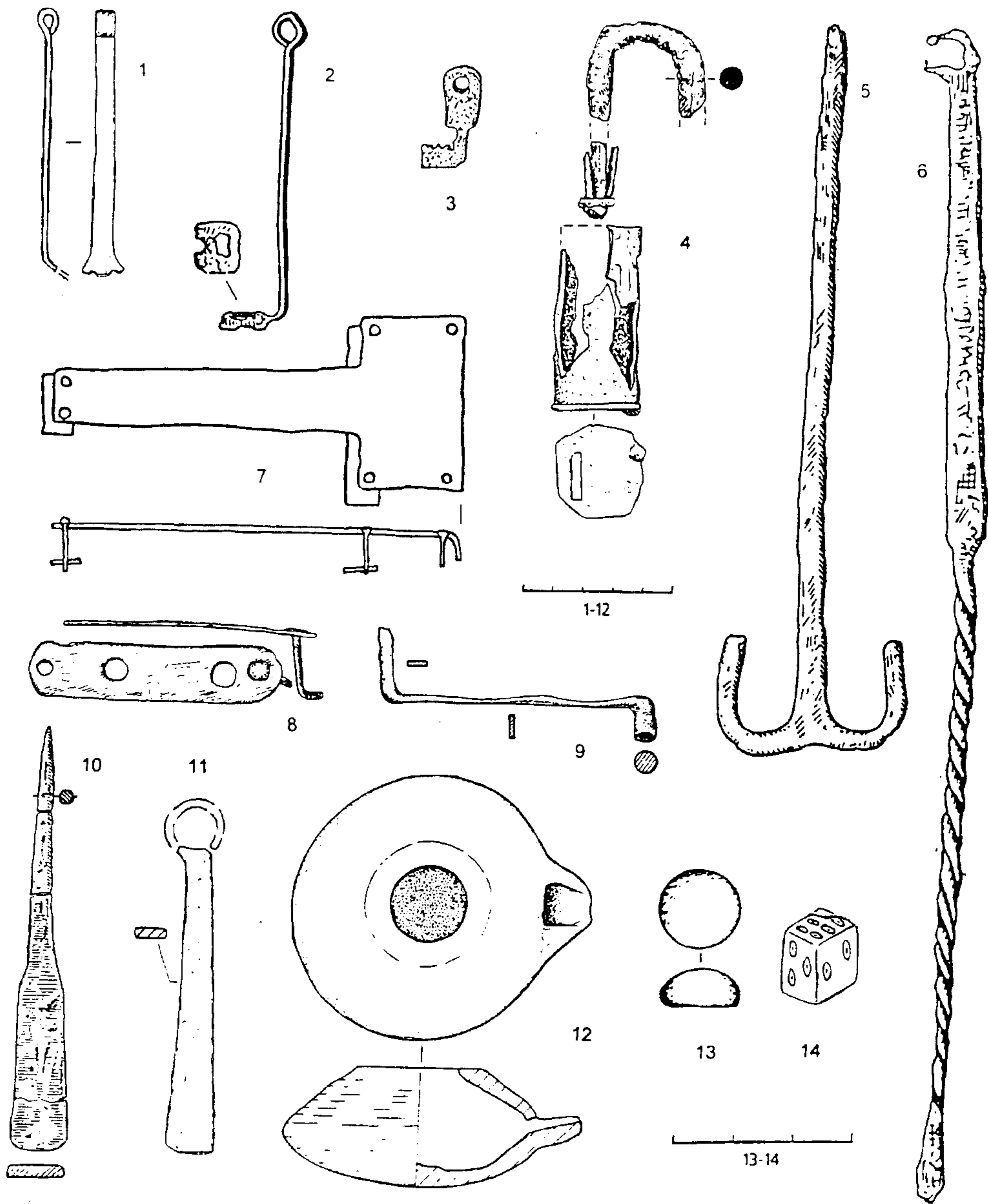

Рис. 80. 1-3 – ключи; 4 – замок; 5 – дверной ключ; 6 – вилка; 7-9 – детали шкатулок; 10-11 – кресала; 12 – светильник; 13 – игральный жетон; 14 – игральная кость (7-9 – бронза; 12 – керамика; 13 – стекло; 14 – кость; 1-6 – железо); 1, 11, 13 – Великая Снитинка; 2, 5-6 – Рипнев; 3 – Ружичанка, погр. 11; Каборга (14), погр. 20 (4); 7 – Заячивка, погр. 9; Косанов погр. 40 (8), 10 (9); 10 – Тыргшор, погр. 79; 12 – Сушковка.
 1-3 – Schlüssel, 4 – Schloßbeschlag, 5 – Türschlüssel; 6 – Gabel, 7-9 – Kästchenbeschläge, 10-11 – Feuerstäbe, 12 – Tonlampe, 13 – Spielstein, 14 – Spielwürfel (7-9 – Bronze; 12 – Ton; 13 – Glas; 14 – Bein; sonstige – Eisen); 1, 11, 13 – Velikaja Snitinka; 2, 5-6 – Ripnev; 3 – Ružičanka Grab 11; Kaborga (14) und Grab 20 (4); 7 – Zajačivka Grab 9; Kosanov Gräber 40 (8), 10 (9); 10 – Türgšor Grab 79; 12 – Suškovka.

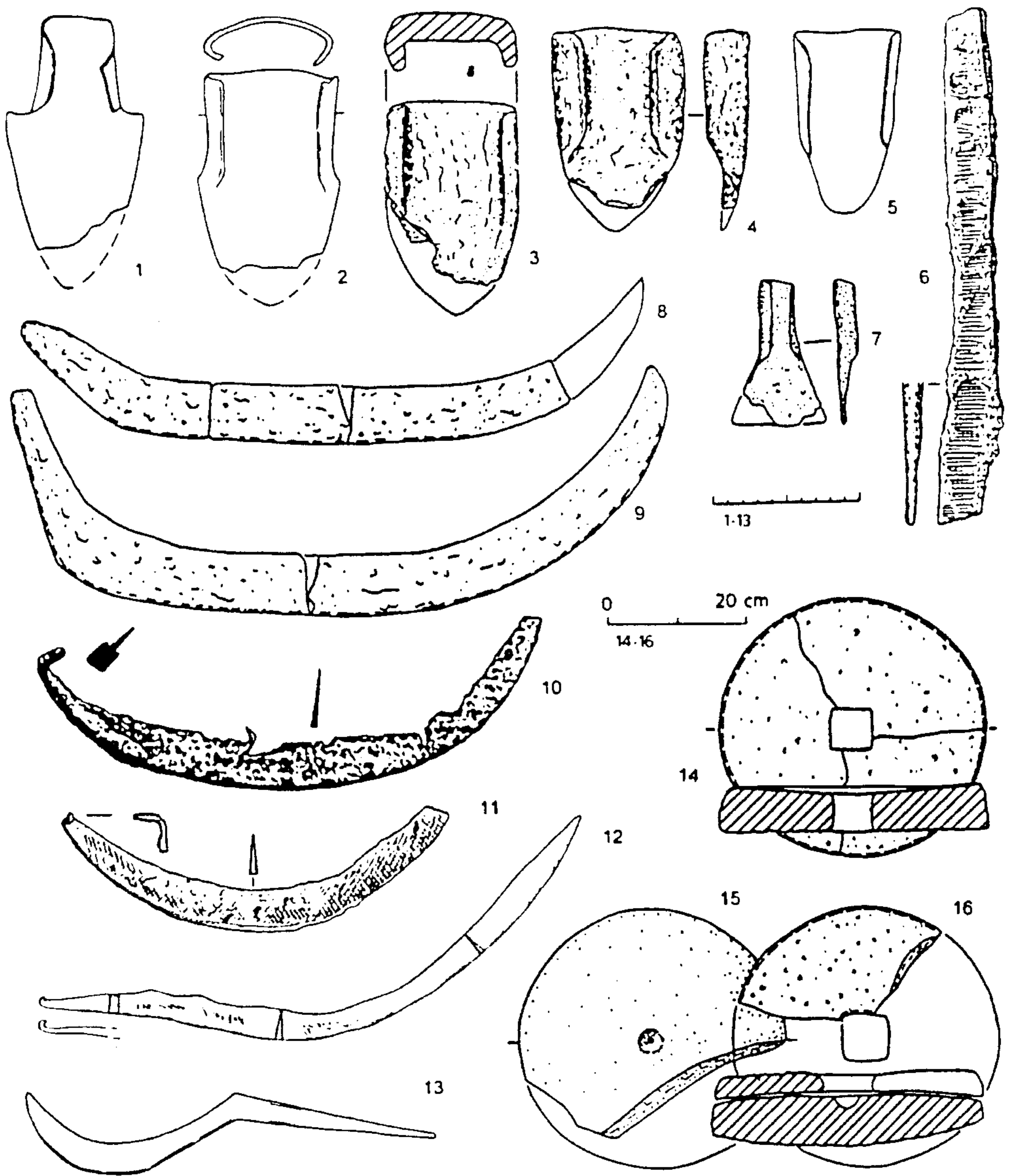

Рис. 81. Железные сельскохозяйственные орудия (1-13) и каменные жернова (14-16). 1-5 – наральники; 6 – чересло; 7 – мотыга; 8-10 – косы; 11-13 – серпы; 14-16 – жернова из известняка (14), гранита (15) и туфа (16): 1 – Мирное; 2 – Глинск; 3, 8-9 – Каменка-Анчекрак; 4 – Тилигуло-Березанка; 5 – Волошское; 6, 11 – Рипнев; 7 – Дарьевка; 10 – Будешты; 12 – Хлопков; 13 – Викнины Великие; 14-16 – Александровка.

Eiserne Landwirtschaftsgeräte (1-13) und Mühlsteine (14-16). 1-5 – Pflugscharen, 6 – Sech, 7 – Hacke, 8-10 – Sensen, 11-13 – Sichel, Mühlsteine: 14 – aus Kalkstein; 15 – aus Granit; 16 – aus Tuffstein: 1 – Mirnoe; 2 – Glinsk; 3, 8-9 – Kamenka-Ančekrak; 4 – Tipigulo-Berezanka; 5 – Vološskoe; 6, 11 – Ripnev; 7 – Dar'evka; 10 – Budešty; 12 – Chlopkov; 13 – Vikniny Velikie; 14-16 – Aleksandrovka.

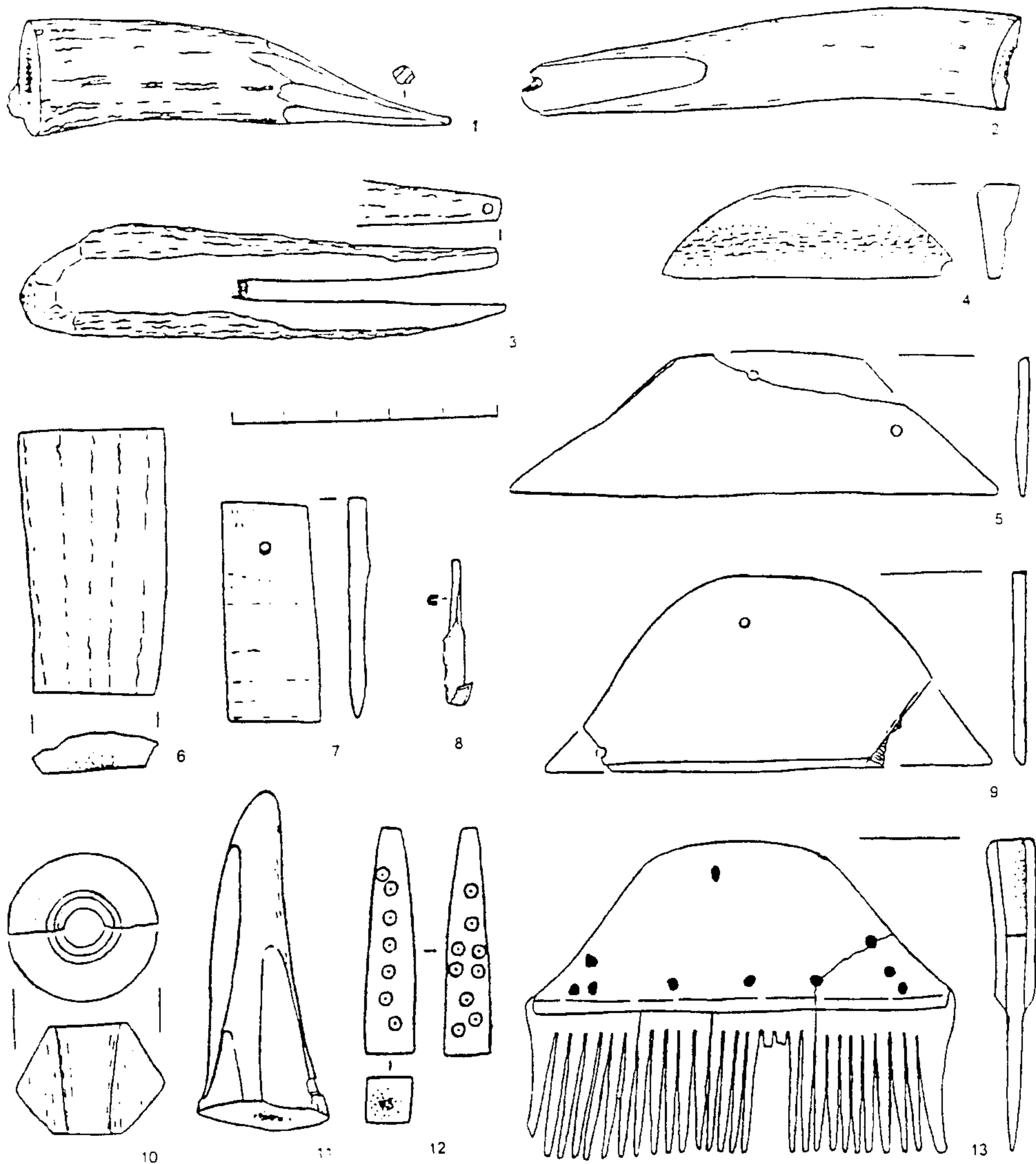

Рис. 82. Великая Снитинка, косторезная мастерская. 1-3 – ремесленные инструменты; 4-7, 9, 13 – пластины-заготовки и готовый гребень; 8 – заготовка проволоки для заклепок; 10 – пряслице; 11-12 – заготовка и неперфорированная пирамидальная подвеска. 8 – бронза; 13 – олений рог и бронза; 1-7, 9-12 – олений рог; Velikaja Snitinka, Kammacherwerkstatt: 1-3 – Werkzeuge; 4-7, 9, 13 – Kammplättchen und ein fertiger Kam; 8 – Halbfabrikat eines Drahtes für Kammniete; 10 – Spinnwirtel; 11-12 – Halbprodukt und die ungebohrte „Herkuleskeule“. 8 – Bronze, 9 – Geweih/Bronze, sonstige – Geweih.

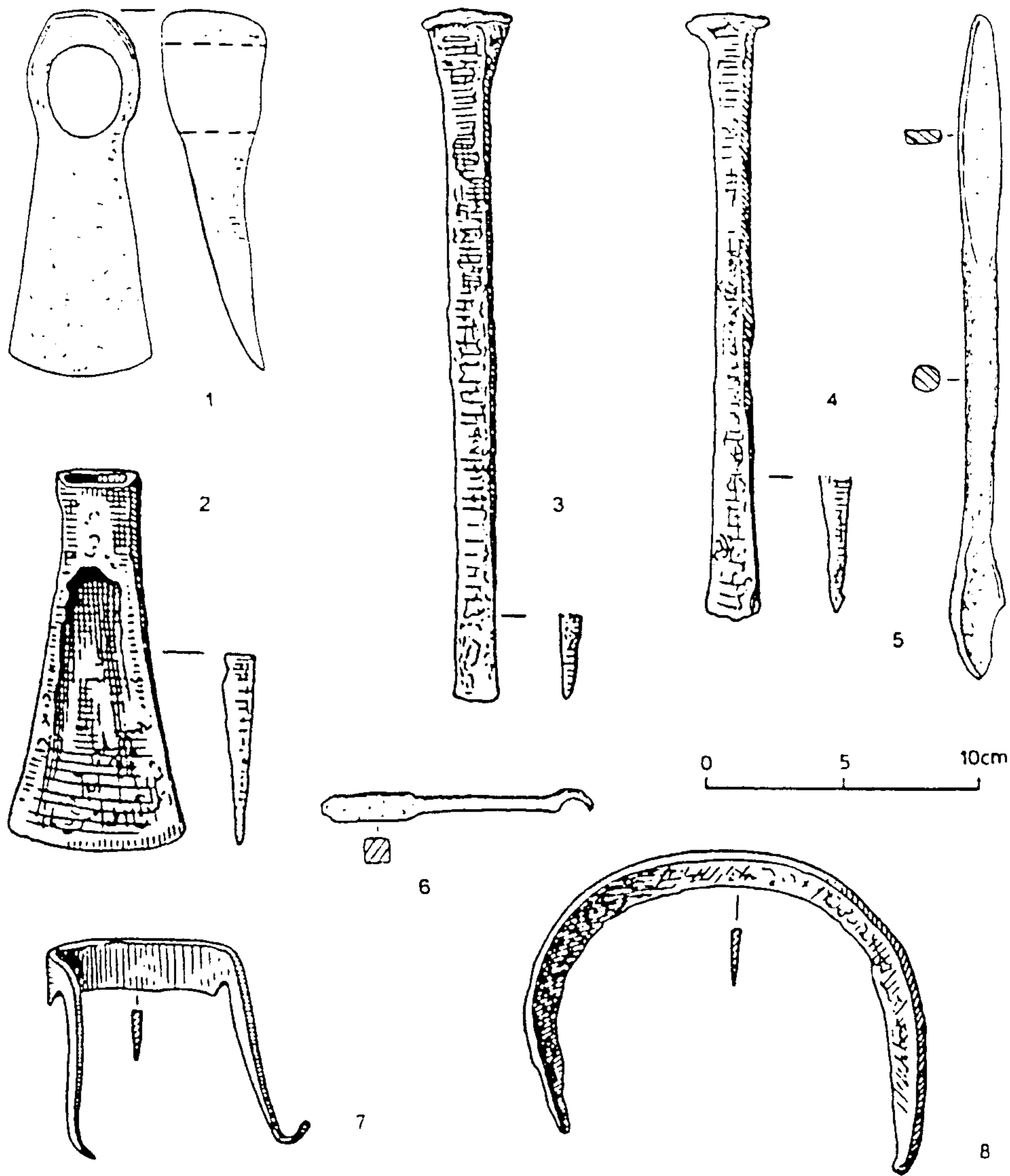

Рис. 83. Железные деревообрабатывающие орудия. 1 – проушное тесло; 2 – втульчатое тесло; 3-4 – долота; 5 – сверло; 6 – токарный резец; 7-8 – скобели. 1 – Хлопков; 2-4, 7-8 – Рипнев; 5 – Теремцы; 6 – Бовшев. Geräte für Holzverarbeitung: 1 – Beil; 2 – Tüllenbeil; 3-5 – Meißel; 6 – Drehmesser; 7-8 – Krampe: 1 – Cholmskoc; 2-4, 7-8 – Ripnev; 5 – Teremey; 6 – Bovšev.

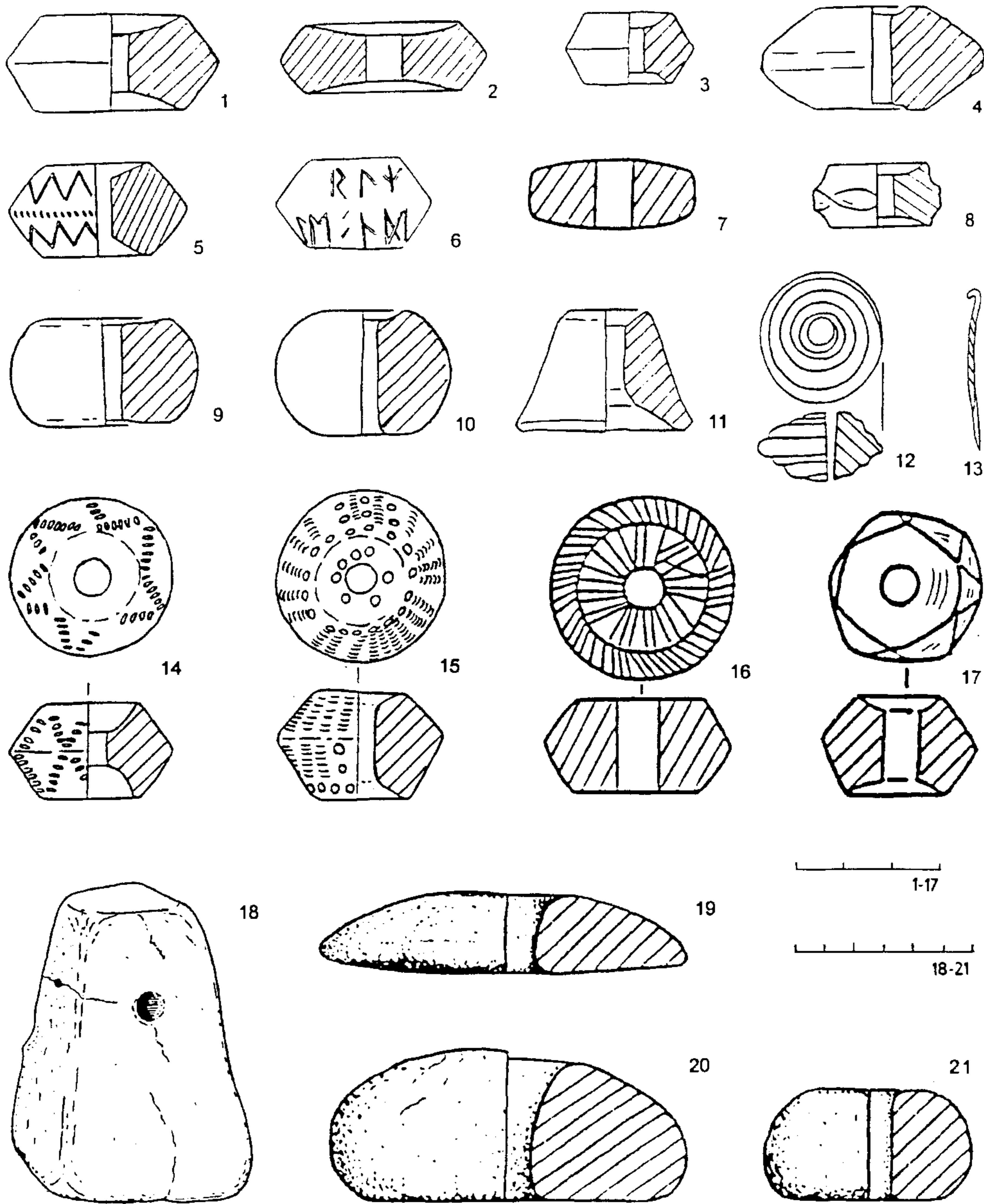

Рис. 84. 1-12, 14-17 – пряслица; 13 – „клюковидная булавка”; 18-21 – ткацкие грузила (12 – стекло; 13 – бронза; 1-11, 14-21 – керамика); 1, 3-4, 9-11, 19-21 – Великая Снитинка; 2 – Сумы, погр. 3; Успенка погр: 137 (5), 1654 (8); 6 – Лецкань, погр. 36; 7 – Боромля; Петриковцы погр: 3 (12), 8 (13); 14-15, 18 – Козлов; 16 – Боромля, погр. 27; 17 – Лохвица.
 1-12, 14-17 – Spinwirtel, 13 – Krückennadel, 18-21 – Webgewichte (12 – Glas, 13 – Bronze, sonstige – Ton): 1, 3-4, 9-11, 19-21 – Velikaja Snitinka; 2 – Sumy Grab 3; Uspenka Grab 137 (5), 1654 (8); 6 – Letcani Grab 36; 7 – Boromlja; 14-15, 18 – Kozlov; 16 – Boromlja Grab 27; 17 – Lochvica.

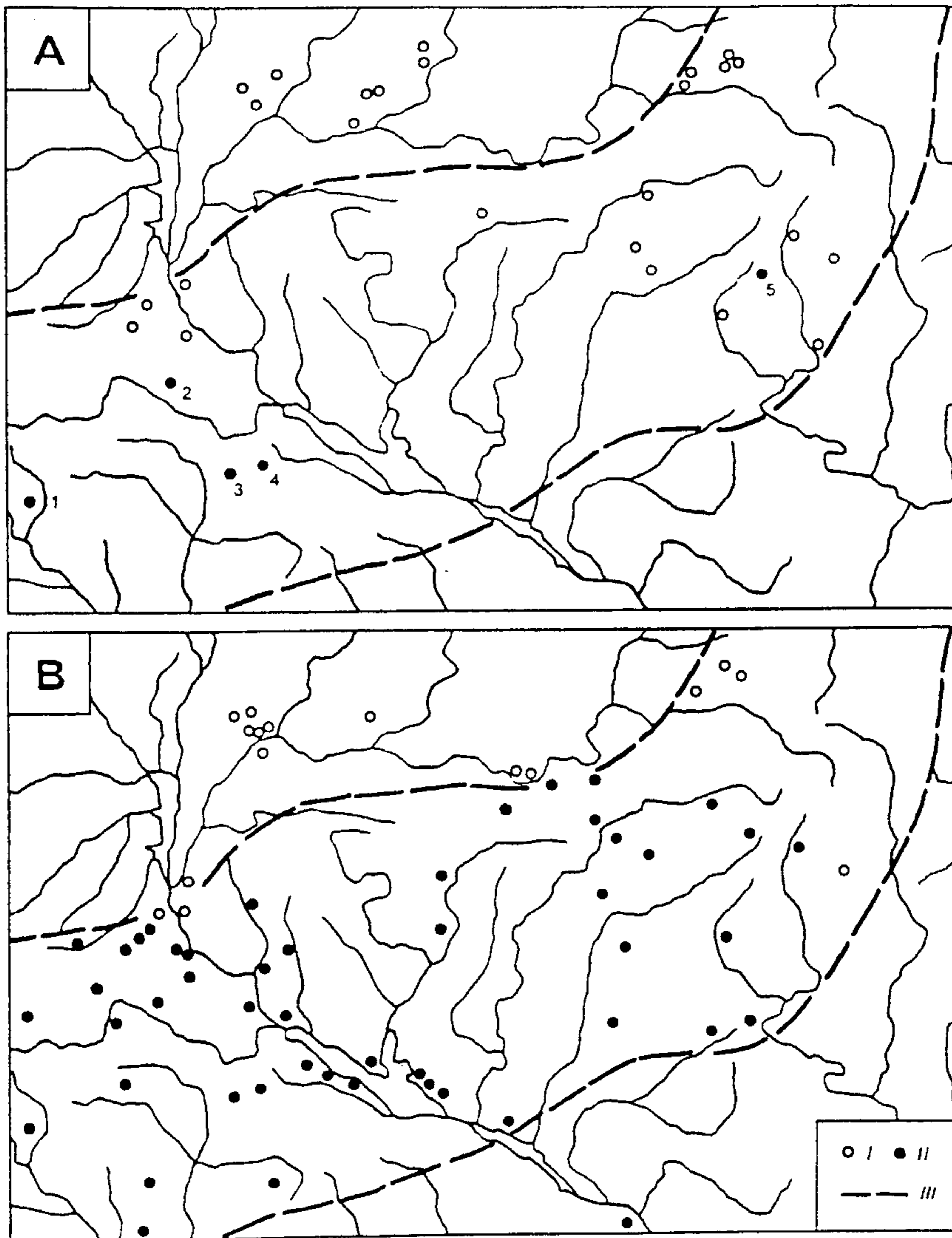

Рис. 85. Распространение памятников киевской и черняховской культур во второй половине 3 в. (карта А) и около середины 4 в. (карта В). I – памятники киевской культуры, II – памятники черняховской культуры, III – границы лесостепной зоны. 1 – Косанов, 2 – Ромашки, 3 – Рыжевка, 4 – Журавка, 5 – Заваловка, 6 – Головино.
 Verbreitung der Kiev- und Černjachov-Kultur in der zweiten Hälfte des 3 Jhs. (Karte A) und um 350 (Karte B).
 I – Fundstellen der Kiev-Kultur; II – Fundstellen der Černjachov-Kultur; III – Grenze der Waldsteppenzone.
 1 – Kosanov; 2 – Romaški; 3 – Ryževka; 4 – Žuravka; 5 – Zavadovka; 6 – Golovino.

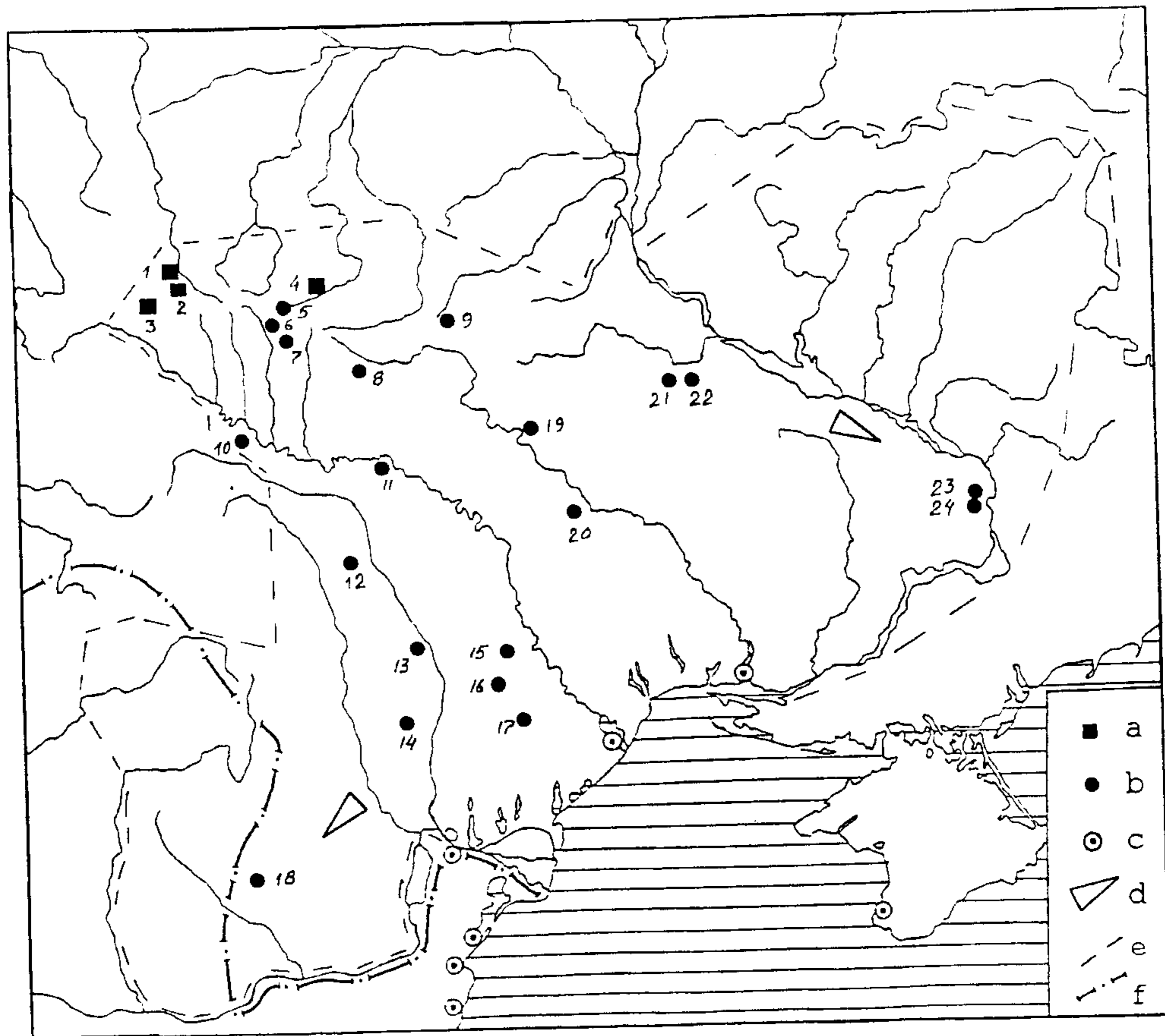

Рис. 88. Памятники черняховской культуры периода формирования (230-270 гг.): 1 – Неслухов, 2 – Рипнев, 3 – Черепин, 4 – Лепесовка, 5 – Раковец, 6 – Чернелив-Русский, 7 – Токи, 8 – Ружичанка, 9 – Петриковцы, 10 – Городница, 11 – Романковцы, 12 – Тодирень, 13 – Козья-Яссы, 14 – Бырлад-Валя Сяче, 15 – Будешты, 16 – Данчены, 17 – Ханска-Лутерия, 18 – Тыргшор, 19 – Косанов, 20 – Кринички, 21 – Журавка, 22 – Завадовка, 23 – Ново-Александровка, 24 – Привольное.

a – поселения, b – могильники, c – римские города, d – направление передвижения населения черняховской культуры, e – максимальный ареал черняховской культуры, f – граница Римской империи до 271 г.

Fundstellen der Černjachov-Kultur aus der Zeit ihrer Herausbildung (230-270): a – Siedlungen; b – Gräberfelder; c – römische Städte; d – Richtung der Besiedlungsveränderungen der Černjachov-Kultur; e – Maximalbereich der Černjachov-Kultur; f – römische Grenze bis 271. 1 – Nesluhov, 2 – Ripnev, 3 – Čerepn, 4 – Lepesovka, 5 – Rakovec, 6 – Černeliv Russkij, 7 – Toki, 8 – Ružičanka, 9 – Petrikivcy, 10 – Horodnica, 11 – Romankivcy, 12 – Todireni, 13 – Cozia-Iași, 14 – Bîrlad- Valea Seacă, 15 – Budeșty, 16 – Dančeny, 17 – Chanska Luteriya, 18 – Tîrgșor, 19 – Kosanov, 20 – Krinički, 21 – Žuravka, 22 – Zavadovka, 23 – Novo-Aleksandrovka, 24 – Privolnoe

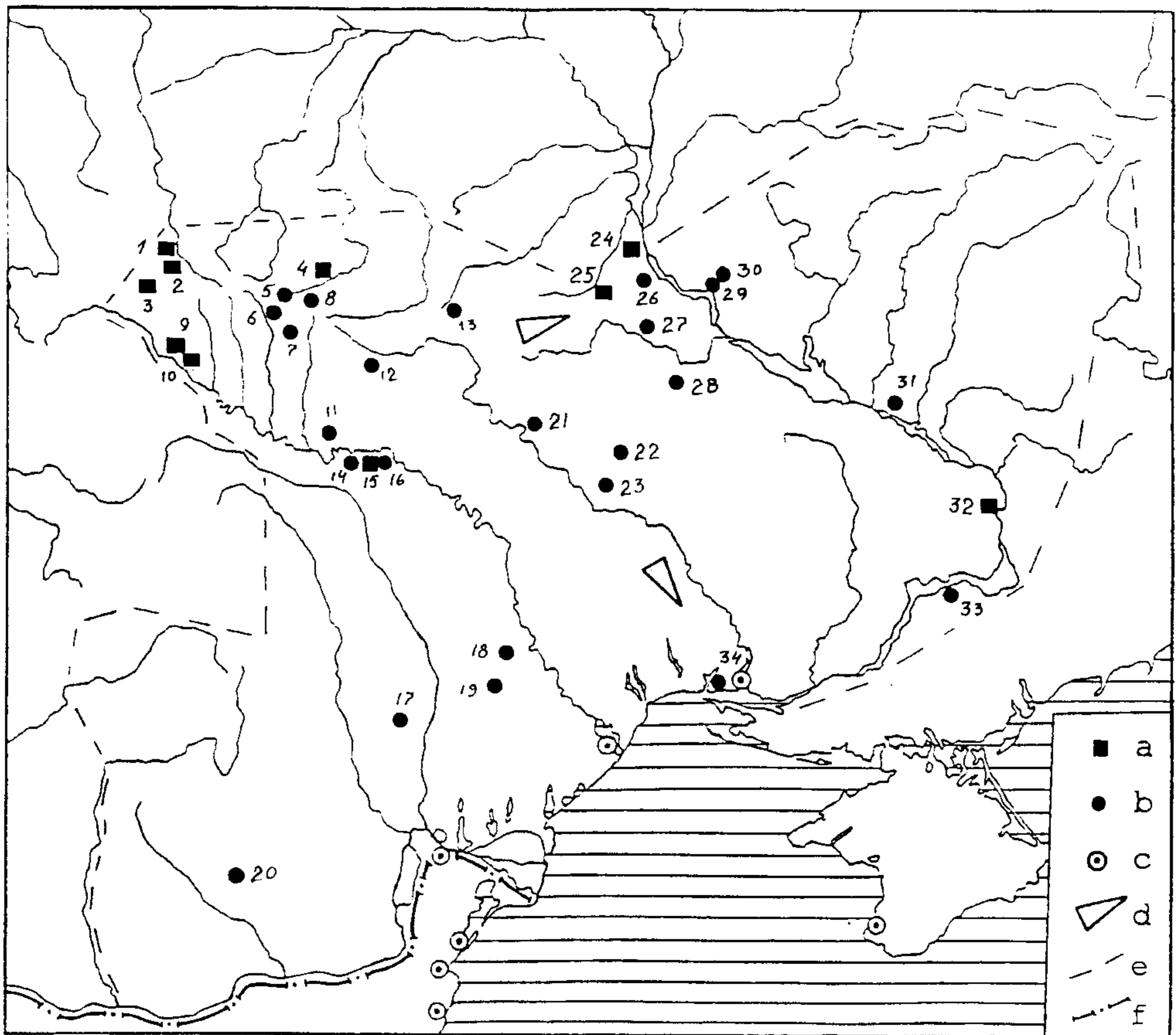

Рис. 89. Памятники черняховской культуры периода стабилизации (270-330 гг.): 1 – Неслухов. 2 – Рипнев. 3 – Черепин. 4 – Лепесовка. 5 – Раковец. 6 – Черне лив-Русский. 7 – Токи. 8 – Бережанка. 9 – Демьянов. 10 – Бовшев. 11 – Думанов. 12 – Раковец. 13 – Петрикивцы. 14 – Оселивка. 15 – Комаров. 16 – Романковцы. 17 – Бырлад-Валя Сяче. 18 – Будешты. 19 – Данчены. 20 – Тыргшор. 21 – Косанов. 22 – Рыжевка. 23 – Данилова Балка. 24 – Глеваха. 25 – Вел. Снитинка. 26 – Черняхов. 27 – Ромашки. 28 – Журавка. 29 – Переяслав-Хмельницкий. 30 – Соснова. 31 – Компанийцы. 32 – Башмачка. 33 – Каменка-Днепровская. 34 – Каборга.

a – поселения, b – могильники, c – римские города, d – направление передвижения населения черняховской культуры, e – максимальный ареал черняховской культуры, f – граница Римской империи.

Fundstellen der Černjachov-Kultur der Stabilisierungsperiode (270 - 330): a – Siedlungen; b – Gräberfelder; c – römische Städte; d – Richtung der Besiedlungsveränderungen der Černjachov-Kultur; e – Maximalbereich der Černjachov-Kultur; f – römische Grenze. 1 – Nesluhov. 2 – Ripnev. 3 – Čerepin. 4 – Lepesovka. 5 – Rakovec. 6 – Černcliv-Russkij. 7 – Toki. 8 – Berežanka. 9 – Dem'janov. 10 – Bovšev. 11 – Dumanov. 12 – Rakovec. 13 – Petrikivey. 14 – Oselivka. 15 – Komarov. 16 – Romankovcy. 17 – Birlad-Vala Seacă. 18 – Budešty. 19 – Dančeny. 20 – Tırğşor. 21 – Kosanov. 22 – Ryževka. 23 – Danilova Balka. 24 – Glevacha. 25 – Velikaja Snitinka. 26 – Černjachov. 27 – Romaški. 28 – Žuravka. 29 – Perejaslav-Chmel'nickij. 30 – Sosnova. 31 – Kompanijcy. 32 – Bašmačka. 33 – Kamenka Dneprovskaja. 34 – Kaborga.

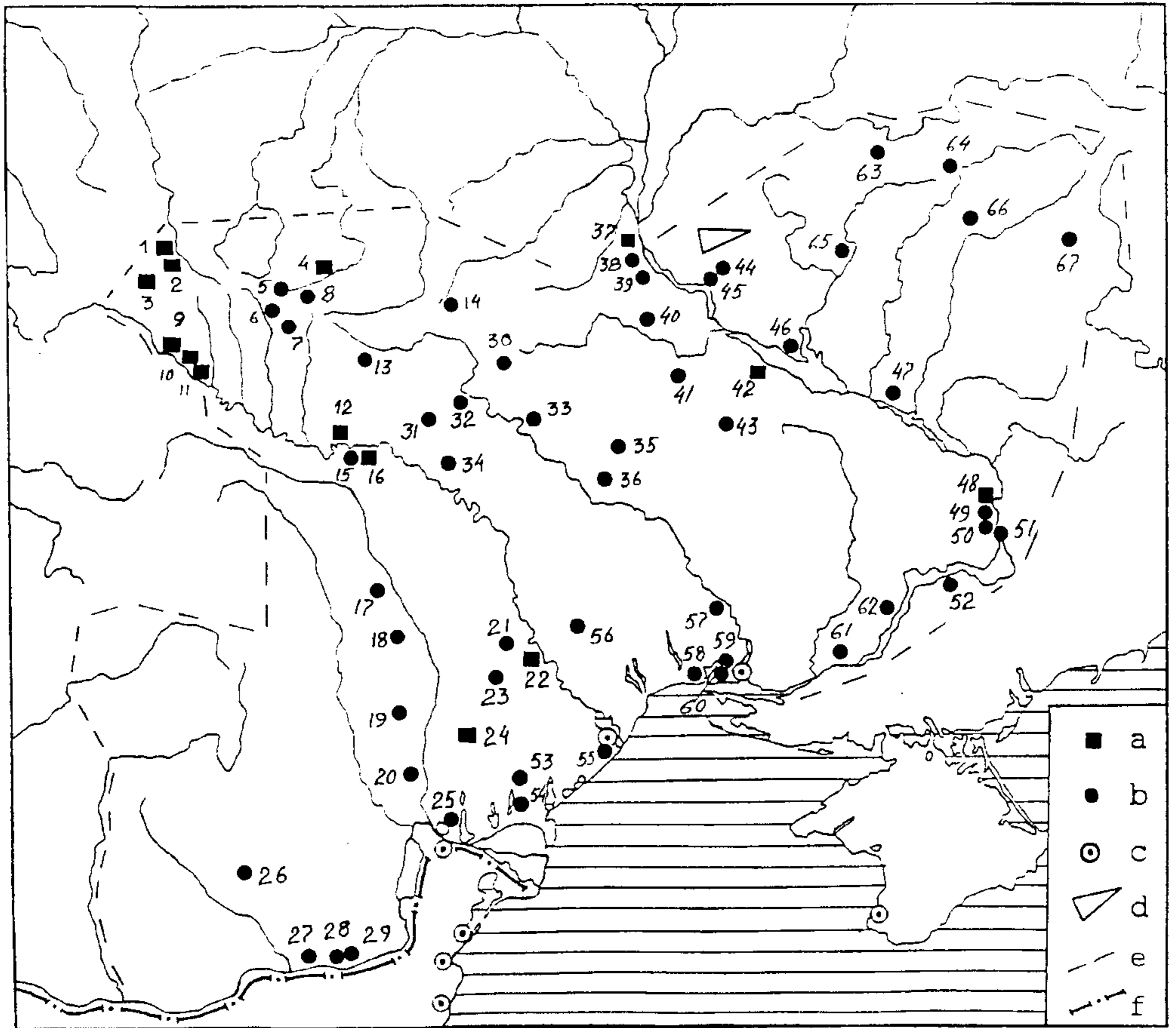

Рис. 90. Памятники черняховской культуры „эры Германариха“ (330-375 гг.): 1 – Неслухов, 2 – Ришнев, 3 – Черепин, 4 – Лепесовка, 5 – Раковец, 6 – Чернелив-Русский, 7 – Токи, 8 – Бережанка, 9 – Демьянов, 10 – Бовшев, 11 – Куропатники, 12 – Лука-Врублевская, 13 – Раковец, 14 – Петриковцы, 15 – Оселивка, 16 – Комаров, 17 – Якобень, 18 – Лецкань, 19 – Бырлад-Валя Сяче, 20 – Лунка, 21 – Будешты, 22 – Делакеу, 23 – Данчены, 24 – Комрат, 25 – Нагорное 2, 26 – Тыргшор, 27 – Спанцов, 28 – Александр Одобеску, 29 – Индепенденца, 30 – Скитка, 31 – Заячивка, 32 – Курники, 33 – Косанов, 34 – Вилы Яругские, 35 – Рыжевка, 36 – Данилова Балка, 37 – Глеваха, 38 – Обухов Ia, 39 – Черняхов, 40 – Ромашки, 41 – Журавка, 42 – Леськи, 43 – Маслово, 44 – Переяслав-Хмельницкий, 45 – Соснова, 46 – Жовнин, 47 – Компанийцы, 48 – Башмачка, 49 – Августин, 50 – Ново-Александровка, 51 – Хортица, 52 – Каменка-Днепровская, 53 – Холмское, 54 – Фурмановка, 55 – Беленькое, 56 – Фрунзовка, 57 – Городок, 58 – Викторовка, 59 – Каменка-Анчекрак, 60 – Каборга, 61 – Николаевка, 62 – Гавриловка, 63 – Успенка, 64 – Сумы-Сад, 65 – Лохвица, 66 – Боромля, 67 – Родной Край.

a – поселения, b – могильники, c – римские города, d – направление передвижения населения черняховской культуры, e – максимальный ареал черняховской культуры, f – граница Римской империи.

Fundstellen der Černjachov-Kultur der „Hermanarichs Ära“ (330-375): a – Siedlungen; b – Gräberfelder; c – römische Städte; d – Richtung der Besiedlungsveränderungen der Černjachov-Kultur; e – Maximalbereich der Černjachov-Kultur; f – römische Grenze. 1 – Nesluchov, 2 – Ripnev, 3 – Čerepin, 4 – Lepesovka, 5 – Rakovec, 6 – Černeliv Russkij, 7 – Toki, 8 – Berežanka, 9 – Dem'janov, 10 – Bovšev, 11 – Kuropatniki, 12 – Luka Vrubleveckaja, 13 – Rakovec, 14 – Petrikivey, 15 – Oselivka, 16 – Komarov, 17 – Iacobeni, 18 – Lečcani, 19 – Birlad-Vala Seacă, 20 – Lunka, 21 – Budešty, 22 – Delakeu, 23 – Dančeny, 24 – Komrat, 25 – Nagornoe, 26 – Tîrgșor, 27 – Spantov, 28 – Alexandru Odolesc, 29 – Independența, 30 – Skitka, 31 – Zajačivka, 32 – Kurniki, 33 – Kosanov, 34 – Vily Jarugskie, 35 – Ryževka, 36 – Danilova Balka, 37 – Glevacha, 38 – Obuchov, 39 – Černjachov, 40 – Romaški, 41 – Žuravka, 42 – Les'ki, 43 – Maslovo, 44 – Perejaslav-Chmel'nickij, 45 – Sosnova, 46 – Žovnin, 47 – Kompanijcy, 48 – Bašmačka, 49 – Avgustin, 50 – Novo-Aleksandrovka, 51 – Chortica, 52 – Kamenka Dneprovskaja, 53 – Cholmskoe, 54 – Furmanovka, 55 – Belen'koe, 56 – Frunzovka, 57 – Gorodok, 58 – Viktorovka, 59 – Kamenka-Ančekrak, 60 – Kaborga, 61 – Nikolaevka, 62 – Gavrilovka, 63 – Uspenka, 64 – Sumy-Sad, 65 – Lochvica, 66 – Boromlja, 67 – Rodnoj Kraj.

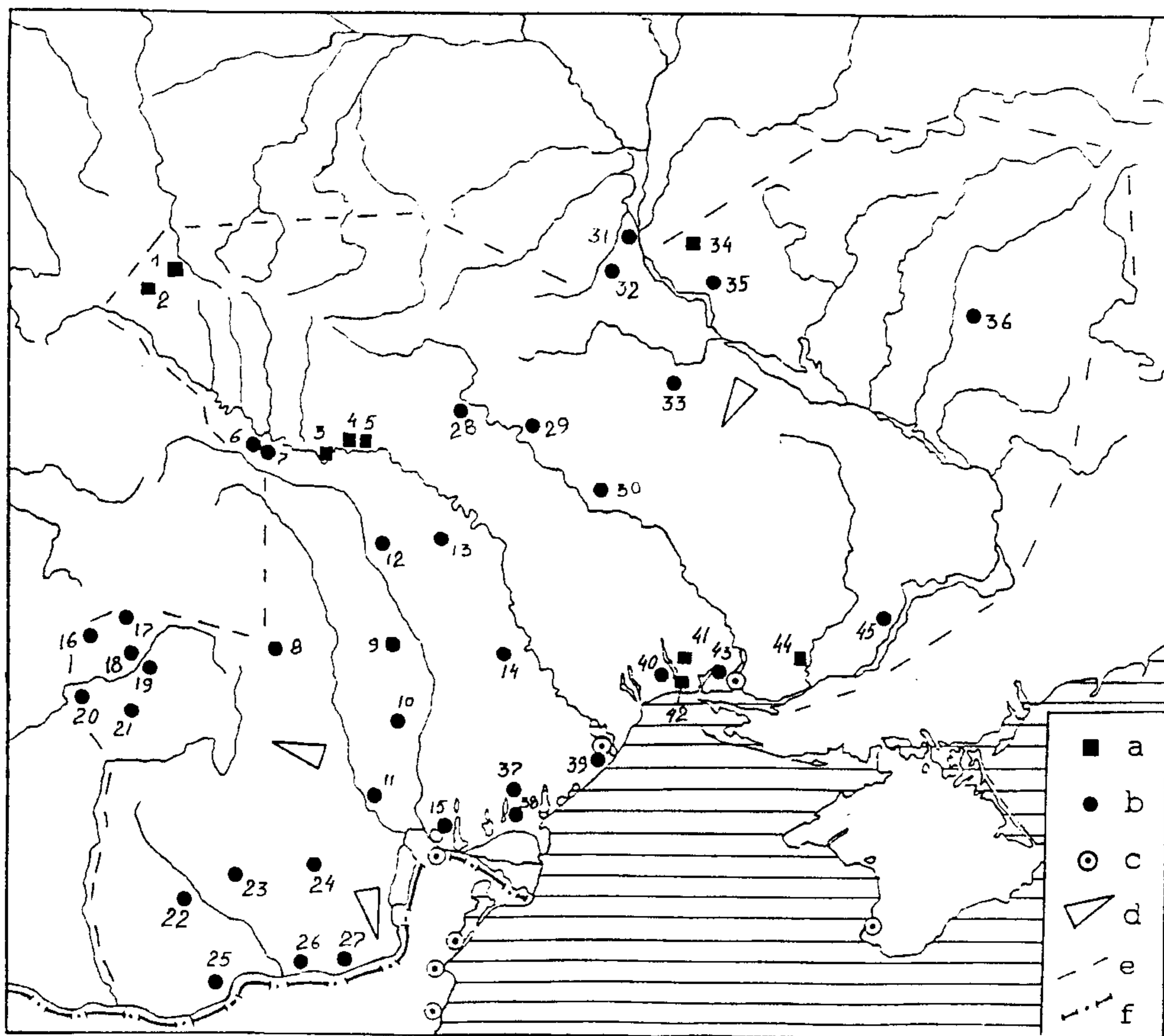

Рис. 91. Памятники черняховской культуры гуннского периода (375-430 гг.): 1 – Неслухов, 2 – Черепин, 3 – Сокол, 4 – Теремцы, 5 – Бакота, 6 – Одая, 7 – Горошевцы, 8 – Извоаре, 9 – Лецкань, 10 – Бырлад Валя Сяче, 11 – Барча, 12 – Малаешти, 13 – Лазо, 14 – Будешты, 15 – Нагорное 2, 16 – Пэлатка, 17 – Фынтышеле-Риц, 18 – Сынтана де Муреш, 19 – Тыргу-Муреш, 20 – Чиумбруд, 21 – Медиаш, 22 – Могошань, 23 – Тыргшор, 24 – Петроаселе, 25 – Изворул, 26 – Спанцов, 27 – Индепенденца, 28 – Курники, 29 – Косанов, 30 – Данилова Балка, 31 – Киев, 32 – Великая Бугаевка, 33 – Журавка, 34 – Хлопков, 35 – Соснова, 36 – Кантемировка, 37 – Холмекое, 38 – Фурмановка, 39 – Беленькое, 40 – Ранжевое, 41 – Тилигуло-Березанка, 42 – Луговое, 43 – Каменка-Анчекрак, 44 – Александровка, 45 – Гавриловка.

a – поселения, b – могильники, c – римские города, d – направление передвижения населения черняховской культуры, e – максимальный ареал черняховской культуры, f – граница Римской империи.

Fundstellen der Černjachov-Kultur aus der Hunnenzeit (375-430): a – Siedlungen; b – Gräberfelder; c – römische Städte; d – Richtung der Besiedlungsveränderungen der Černjachov-Kultur; e – Maximalbereich der Černjachov-Kultur; f – römische Grenze. 1 – Nesluhov, 2 – Čerepin, 3 – Sokol, 4 – Teremcy, 5 – Bakota, 6 – Odaja, 7 – Goroševey, 8 – Izvoare, 9 – Lețcani, 10 – Bîrlad-Vala Seacă, 11 – Barča, 12 – Malaești, 13 – Lazo, 14 – Budeșty, 15 – Nagornoe 2, 16 – Pălațca, 17 – Fintînele-Rîț, 18 – Sîntana de Mureș, 19 – Tîgru Mureș, 20 – Cîmbrud, 21 – Mediași, 22 – Mogoșani, 23 – Tîrgșor, 24 – Petroasele, 25 – Izvorul, 26 – Spantov, 27 – Independența, 28 – Kurniki, 29 – Kosanov, 30 – Danilova Balka, 31 – Kiev, 32 – Velikaja Bugaevka, 33 – Žuravka, 34 – Chlopkov, 35 – Sosnova, 36 – Kantemirovka, 37 – Cholmskoe, 38 – Furmanovka, 39 – Belen'koe, 40 – Ranževoe, 41 – Tiligulo-Berezanka, 42 – Lugovoe, 43 – Kamenka-Ančekrak, 44 – Aleksandrovka, 45 – Gavrilovka.